

§ 39(57)
Б-94

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ВЫП. 17
СЕРИЯ КАЗАКСТАНСКАЯ

БУХТАРМИНСКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ

ИЗДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД
1930

299092

39(57.4)

Б-94

Бухгалтерские
автомобильные

5100

Еврей

§ 39 (574)
Б-94

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, ВЫП. 17
СЕРИЯ КАЗАКСТАНСКАЯ

БУХТАРМИНСКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ

NGONB.RU

245692 63017091

35 ВАП.-СИБ. КРАЕВАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
#229092

В
ИЗДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД
1930

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Март 1930 г.

И. о. Непременного Секретаря академик *В. Комаров*

Редактор издания С. И. Руденко

Начато набором в апреле 1928 г.—Окончено печатанием в апреле 1930 г.

Тит. л. + 2 нен. + 460 + 4 нен. стр. (204 фиг.) + 1 отд. табл.

Ленинградский Областлит № 50234. 28^{12/16} печ. л. Заказ № 668. Тираж 800

Центральная Типография Наркомвоенмора (пл. Урицкого, 10)

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова. Кто такие бухтарминские старообрядцы	1
Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова. Хозяйственный быт бухтарминских старообрядцев	49
Е. Э. Бломквист. Постройки бухтарминских старообрядцев . . .	193
Н. П. Гринкова. Одежда бухтарминских старообрядцев	313
Е. Э. Бломквист. Искусство бухтарминских старообрядцев . . .	397
Н. П. Гринкова. Говор бухтарминских старообрядцев	433

КТО ТАКИЕ БУХТАРМИНСКИЕ СТАРООБРЯДЦЫ

Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова

Летом 1927 года С. И. Руденко предложил нам принять участие в работах Казакстанской экспедиции Академии Наук с поручением обследовать быт части русского населения Казакстана. Для работы был намечен район р. Бухтармы, правого притока Иртыша, в Бухтарминском уезде Семипалатинской губернии.¹ Казакстанская экспедиция, давая нам это поручение, имела в виду, с одной стороны, получить материалы, характеризующие одну из народностей, входящих в состав Казакской республики (русские составляют около 20% населения республики), а с другой стороны, выяснить, по возможности, в прошлом и настоящем, те бытовые и экономические взаимоотношения, которые установились между русским и казакским населением в районах их непосредственного и давнего соседства. В данном отношении выбор упомянутого района являлся весьма целесообразным, так как в бухтарминской долине русское население появилось не позднее середины XVIII века и пришло как раз в места, которые до его прихода были районом кочевков казаков. Первоначально военные, а затем мирные взаимоотношения тех и других на протяжении почти двух столетий несомненно должны были наложить тот или иной отпечаток на культурно-бытовой облик каждой из встретившихся в этих горах народностей.

Помимо этих соображений, этнографическое обследование бухтарминской долины представляет интерес и другого по-

¹ До образования в 1925 году Казакской республики и проведения в пределах ее нового административного деления (выделение Бухтарминского уезда из Усть-Каменогорского), описываемый район входил в состав Алтайского горного округа, в административном же отношении принадлежал к Змеиногорскому уезду Томской губернии; с 1928 года Бухтарминский уезд упразднен и входит в состав Семипалатинского округа.

рядка. Главная масса русского населения долины — старообрядцы или, по местной терминологии, кержаки.¹ Среди старожильского русского населения Алтая вообще преобладают кержаки, отдельные группы которых носят среди местного населения особые названия. Так, кержаки обследованного района по р. Бухтарме носят название „каменщиков“. Происхождение этого названия объясняется историей первоначального появления этого населения в верховьях р. Бухтармы. Предки современного бухтарминского населения, состоя по преимуществу из лиц, бежавших с горных заводов Алтая и из других мест, вследствие религиозных преследований, „забежали“, как там говорят, в наиболее недоступные места, в ущелья и горы, или „камни“, по местной терминологии. От этого названия гор — „камни“ — и происходит название данной группы „старообрядцев-каменщиков“.² Таким образом, переводя это название с местного говора на литературный язык, алтайских „каменщиков“ можно назвать горцами.

Группа старообрядческого населения, живущая недалеко от бухтарминских „каменщиков“, главным образом по течению р.р. Ульбы и Убы, также правых притоков Иртыша, впадающих несколько севернее Бухтармы, ближе к г. Усть-Каменогорску, носит название „поляков“. Это название данная группа получила в силу того, что до поселения здесь на Алтае в XVIII веке предки современных „поляков“ жили за пределами тогдашней России, в Польше, на Ветке. Ветка заселена была в XVII веке старообрядцами, которые, будучи теснимы правительством, бежали сначала в Стародубье и, наконец, за польский рубеж, в современный Гомельский уезд, где на р. Соже и находится Ветка. В течение первой половины XVIII века Ветка стала центром старообрядцев и достигла высокого процветания. Правительство неоднократно обращалось к ветковцам с приглашением вернуться на родину. После неоднократных отказов был послан в 1735 г. военный отряд, который разорил Ветку, и население было возвращено в пределы России.

¹ Название, происходящее от р. Керженца в Семеновском у., Нижегородской губ.; на р. Керженце были большие поселения старообрядцев. В Сибири это название распространилось на всех старообрядцев, не только выходцев из Нижегородской губернии.

² Ср. название города Усть-Каменогорска — устье каменных гор, т. е. место, где начинаются по Иртышу более высокие горы.

Но через несколько лет Ветка опять возродилась. В 1764 г. при Екатерине II была произведена вторая „выгонка“ Ветки, и все население было отправлено в Сибирь, часть на Алтай, а часть в Забайкалье, где они известны под названием „семейских“.

У алтайских „поляков“ и „каменщиков“ в ряде бытовых особенностей наблюдается много общего, говорящего или за общность происхождения этих двух групп, или за то, что здесь, в особых бытовых условиях, эти обе группы в одинаковом направлении развивали некоторые элементы своей культуры.

К сожалению, у нас в литературе имеется мало старых сведений о населении алтайских предгорий и юго-западного Алтая, и мы не можем в отдельных случаях установить давность существования тех или иных бытовых форм или явлений. Паллас,¹ путешествовавший по Западной Сибири в июле 1771 года, предполагал из Семипалатинска проехать до Усть-Каменогорска, отсюда по р. Бухтарме, но вследствие своей болезни, доехал только до района р. Убы и остановился в с. Красноярском, откуда, по выздоровлении, двинулся уже не на юг, а к востоку, к Змеиногорской крепости. Таким образом, сведения, данные у этого путешественника, касаются лишь поселений „поляков“, появившихся на Убе незадолго до его приезда.² Упоминаются деревни: Шемонаиха, Екатериновка и др. Студент, отправленный Палласом к югу, доехал до Усть-Каменогорска и отсюда направился вверх по Ульбе. Таким образом, материалом, относящимся к XVIII веку, мы не располагаем. Первое, по времени, описание быта бухтарминских старообрядцев относится к первой четверти XIX столетия, когда в 1826 году предпринял поездку по Алтаю профессор ботаники Дерптского университета Ледебур со своими помощниками Бунге и Мейером. Сам Ледебур³ проехал как раз по долине Бухтармы, посетив главнейшие селения старообрядцев, и доехал до пограничного китайского форпоста Чингистай. Его помощники проехали по восточному Алтаю.⁴

¹ П. С. Паллас. Путешествие по разным местам Российского государства, т. II, ч. 2, СПб., 1786, стр. 210 и 229.

² Op. cit., стр. 217.

³ Karl-Friedrich von Ledebour. „Reise durch Altai-Gebirge“. Berlin, 1829—30.

⁴ Томские Губернские Ведомости, 1876, № 29.

К середине и концу прошлого столетия относятся уже многочисленные сведения об алтайских старообрядцах и в частности о „каменщиках“. Повидимому, эта группа русского алтайского населения весьма интересовала и научную и общественную мысль. Появляется ряд статей в центральных и сибирских газетах.¹ Точно так же бухтарминским населением интересуется и Русское Географическое Общество, член которого А. Принтц² предпринимает в 1863 г. поездку в бухтарминскую долину и соседние с ней районы.

В конце столетия этот район посещается по преимуществу сибирскими исследователями. В XX столетии изучением бухтарминского района весьма энергично занялся Семипалатинский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества, члены которого неоднократно посещали различные районы русского Алтая и, в частности, бухтарминский район. Ряд статей, посвященных быту „каменщиков“, напечатан в Записках Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества и в Записках Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества. Этнографическое изучение „каменщиков“ в настоящее время стоит в центре работ Семипалатинского подотдела.³ К сожалению, многие из этих новых работ до сих пор не опубликованы, но некоторое представление о них можно иметь на основании обзора деятельности Семипалатинского подотдела, помещенного в Записках Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества (т. XXXIX, Омск, 1928г.).

Для изучения быта данного населения наибольший интерес имеет описание Ледебура, который посетил эти места сравнительно вскоре после их заселения. Наши материалы, собранные через сто лет после этого путешествия, помогут выяснить динамику культуры бухтарминских старообрядцев и темп изменения их быта.

Изучение старообрядческого населения в любом районе представляет большой этнографический интерес ввиду того, что население это, в силу своих религиозных убеждений, является при

¹ Санкт-Петербургские Ведомости (1818, 1845 г.г.), Томские Губ. Вед. (1876), Сибирский Вестник (1818—19).

² Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости. Записки Русск. Геогр. О-ва по отд. этнографии, т. I, СПб., 1867.

³ Б. Г. Герасимов. Этнография в работах Семипалатинского подотдела Русск. Геогр. О-ва. Этнография. 1927, № 2.

некоторые потерянные звенья эволюционной цепи развития того или иного этнологического явления. Кроме основной тенденции хранить „завет отцов“, сохранению старых форм культурно-бытового порядка у старообрядцев способствует еще отсутствие могущественного фактора в ходе развития деревенской культуры—городского влияния.

В то время, как на бытовой облик деревни любого района город в большей или меньшей степени накладывает свой отпечаток, на старообрядческой деревне влияние города почти не отражается ввиду того, что старообрядцы все, что появилось после Никона, считают „дьявольским“ и с большим трудом воспринимают те или иные новые веяния в своем быту. Эта отчужденность от всего „мирского“, безусловно способствует большому сохранению старого быта, хотя, конечно, этот старый быт нигде не сохраняется целиком и в большей или меньшей степени должен уступать место некоторым новым бытовым явлениям.

Самый процесс заселения бухтарминской долины и образования в ней деревень говорит за то, что данное население долгое время жило оторванным от остального мира и редко приходило в соприкосновение с иной культурой.

Официально население бухтарминского края вошло в состав населения России сравнительно поздно, а именно в 1791 г. впервые „каменщики“ стали „гласными правительству“. Но самое появление „каменщиков“ в долине Бухтармы относится к более раннему времени и стоит в непосредственной связи с заселением Сибири вообще и Алтая в частности. Тяга великорусского населения в Сибирь начинается уже с начала XVII столетия, и в первую половину века переселение усиленно поощряется правительством, которое в 1613 г.¹ издает постановление, предоставляющее много льгот и пособий для переселявшихся. Исторические документы говорят о больших передвижениях народных масс в этом столетии в Сибирь; так в 1646 г. вследствие недорода в северных и северо-восточных частях Европейской России, много народу бежало „с Устюга Великого, с Соли Вычегодской, из Перми, с Вятки, с Кевроли, с Мезени“. ² Такое массовое бегство повторилось и в 1679 г. ³

¹ „Алтай“. Историко-статистический сборник, под ред. П. А. Голубева. Томск, 1890, стр. 2.

² Дополнения к Актам историческим, т. III, № 14.

³ Дополнения к Актам историческим, т. IV, № 19.

С 1667 г. к этим беглецам из-за материальной нужды присоединяются также беглецы, вынужденные к тому угнетениями духовного порядка—старообрядцы.¹

Повидимому, в силу указанных причин, в течение XVII века волна переселенцев в Сибирь была настолько сильна, что заставила правительство задуматься над этим и в 1683 году² учредить крепкие заставы для прекращения самовольного перехода в Сибирь. Таким образом, вольная и свободная колонизация Сибири прекратилась с конца XVII века; позднее идет уже правительственная колонизация, и рядом с ней отдельные попытки переселения тайком от правительства.

Долина Бухтармы, как и вся южная часть Семипалатинской губернии, входила в XVII и XVIII в.в. в состав могущественного Джунгарского царства, которому подчинялись и казакские орды; лишь в 1756 г., после ряда столкновений с китайцами, джунгары были разбиты (китайцы прошли огнем и мечом всю Джунгарию), и Джунгарское царство совершенно исчезло с исторической сцены; с этого года (1756) Бухтарминский край входил в состав Китайской империи до 1864 года.

Правительственное заселение юго-западного Алтая русскими начинается только с XVIII века. В первой четверти XVIII века русским удалось основать, с согласия джунгаров, несколько крепостей по Иртышу (Омская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменная), отрезавших Алтай от казакских степей. В частности Усть-Каменогорская крепость была основана в 1720 году.

Более обширная колонизация этого края идет с открытия рудников и закладки Колыванского завода Демидовым в 1726 г. Для работы на этом заводе были выписаны крестьяне из Томского и Кузнецкого округов. С переходом демидовских заводов в казну в 1747 г., все русское население юго-западного Алтая приписывается к этим заводам в качестве горнорабочих, или, по терминологии XVIII века, сохраняющейся на Алтае до настоящего времени,—„бергалов“, а также в качестве крестьян-несущих определенную работу для заводов. Повидимому, к этому времени в юго-западном Алтае уже было значительное число

¹ Д. Н. Беликов. Первые русские крестьяне-населенники Томского края. Научные очерки Томского края. Томск, 1898, стр. 10.

² „Алтай“, стр. 4.

русских насельников, и среди них немало количество старообрядцев; недаром в 1734 г. были направлены в сибирские монастыри монахи и монахини с специальным заданием—увещевать раскольников, живущих при заводах.¹

Для защиты заводов и вновь поселенных около них крестьян в 1759 г. была создана целая линия укреплений, которая проходила от Иртыша вдоль р. Убы до впадения в нее р. Шемонаихи, далее через форпосты Екатерининский, Старо-Алейский, Змеиногорский рудник, Колыванский завод, Белорецкий форпост (Белое)—в Маралиху. Здесь она выходила на известную и теперь дорогу из Усть-Каменогорска на Бийск и Кузнецк. В 1764 г. линия в своей западной половине продвинулась немного на юго-восток и с самого начала совпала с современным трактом из г. Усть-Каменогорска до г. Кузнецка.

С переходом демидовских заводов в казну и прикреплением первых насельников края к заводам, начинается бегство из этих первоначально свободных земель вглубь страны. Таким образом, наиболее смелые и отважные бегут из заводов в горы и поселяются в ущельях верхнего течения Бухтармы и ее притоков, а также в глубине Алтая, на р. Катунь (Уймон). Там, на Бухтарме и на Катунь, среди неприступных и неизвестных сибирской администрации хребтов и возникли убежища преследуемых и недовольных, искавших независимости и свободы. Многие же из оставшихся предпочли самоожжение „антихристовым порядком“.² Сведения об этом имеются из разных мест Алтайского округа. Уже в 1756 г. правительством было издано постановление о недопущении жителей Сибири до самоожжения.³ На увещания старообрядцы местами отвечали требованием сменить местное начальство, которое отрывает их от земли для работы в рудниках или заставляет возить лес и хлеб далеко в горы для горнорабочих.⁴

Таким образом, тайная колонизация Бухтармы и Уймоны (на Катунь) к середине XVIII века приняла уже широкий размах. Переселялись в знакомые и уже изведенные ранее отдельными

¹ „Алтай“, стр. 6.

² „Алтай“, стр. 328.

³ А. Михайлович. Русская колонизация горного округа Алтая. Тобольские Губернские Ведомости, 1896, отд. оттиск.

⁴ А. С. Пругавин. Самоистребление. „Русская Мысль“, 1885 г., № 1, стр. 89 и 106.

смельчаками-звероловами ущелья, так как в эти глухие, совершенно нетронутые места часто уходили временно для охоты. Эти звероловы, возвращаясь в деревни и на заводы, рассказывали о приволье и богатстве горных мест, где нет никакой принудительной работы, нет податей, свободная возможность исповедывать свою веру и т. п. Состав шедшего в горы населения был пестрый. Сюда бежали старообрядцы от гонений за веру, стремясь сохранить „истинное благочестие“ и обрести здесь легендарное „Беловодье“—страну, где всем свободно и легко живет, без всяких тягот и притеснений. Недаром один из исследователей Алтая называет его „классическим очагом и приютом русского раскола“. ¹ Сюда бежали также солдаты от пожизненной службы, наконец, заводские крестьяне и рабочие от „бергальства“ и крепостные от своих господ. Живя как бы вне государства, будучи неизвестными правительству, не платя никаких податей и не неся никаких повинностей, на свободе в горных долинах и ущельях, весь этот собравшийся из разных мест люд сжился, объединенный одним стремлением, хотя к неудобной и трудной, но свободной, без всяких притеснений, жизни. По замечанию одного из историков Алтая, здесь, в горах—„в камне“—образовалась своеобразная „Сибирская Сечь“ ² „каменщиков-горцев“, подобная Запорожской Сечи, также сложившейся из вольных людей-казаков, бежавших от неурядиц на родине на окраину государства, где можно было жить так, как хочется, без всяких притеснений и насилий. Но скрываться безвестно удавалось не так долго, и уже в 1761 г., во время одной горной разведки, прапорщиком Зеленым ³ в верховьях Бухтармы были обнаружены поселения бухтарминских „каменщиков“, и горно-заводским начальством были приняты меры к уничтожению этого гнезда, притягивавшего своей свободой угнетаемый заводский люд. Но эти попытки начальства были безрезультатны, так как „каменщики“ удалились еще глубже в горы, в самые непроходимые и трудно доступные места, куда ни-

¹ А. Михайлович. Ор., cit., стр. 12.

² „Алтай“, стр. 329.

³ Сибирский Вестник, 1845, № 21; А. Принц. „Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости, Томской губернии“. Записки Русск. Геогр. Ова по общей географии, т. I, СПб. 1867, стр. 551; Ядринцев. „Раскольничьи общины на границе Китая“. Сибирский Сборник, 1886, кн. 1, стр. 40.

какая разведка, никакой военной отряд не мог легко попасть. Ведь и сейчас поселения „каменщиков“, лежащие в более удобных местах, мало доступны даже для почтового сообщения.¹ Но русская правительственная колонизация, вслед за открытием новых горных месторождений, подвигалась на юг, в глубь гор, все приближаясь к убежищу „каменщиков“. Так, в 1763 г. была основана Бухтарминская крепость у устья Бухтармы, на Иртыше, в 1784 г. открыты Риддерский и Бухтарминский серебряно-свинцовые рудники, наконец, в 1791 г. был открыт вблизи Бухтармы Зыряновский рудник.

Жизнь здесь на свободе в горах была трудная. Главные источники для существования были звероловство и рыбная ловля. Последней занимались, главным образом, уже на китайской территории—на озере Марка-куль, лежащем южнее Бухтармы, а также на озере Зайсан, называвшемся, да и сейчас называемом морем, куда пробираться приходилось тайком вниз по Бухтарме и далее вверх по Иртышу. В то время на р. Нарым, впадающей в Иртыш несколько южнее Бухтармы, стоял первый китайский форпост. Таким образом, при такой экспедиции за рыбой приходилось опасаться и русских казаков и китайских войск. Путь от Усть-Бухтармы до Зайсана, по преданию, проходили в неделю, так как двигались по преимуществу ночью.² Зато Зайсан вознаграждал богатством рыбы. Эта тяга на Зайсан за рыбой сильна и в настоящее время, и нам в пути неоднократно приходилось встречать целые обозы крытых бричек кержаков, отправляющихся с Бухтармы за рыбой на Зайсан сухим путем и делающих больше тысячи километров туда и обратно.

Другим главным источником существования первых насельников было звероловство. Шкуры выменивали у крестьян, живших около заводов и на Иртыше и занимавшихся земледелием, на хлеб, а при недостатке муки, пекли хлеб из пихтовой коры.³ Соль добывали сами, отправляясь верхом за самосадочной солью на озера, расположенные на 40 км к югу от

¹ Почтовое отделение находится в селе Катон-Карагай, из которого в летнее время кольцевая почта ходит три раза в месяц; ее развозит верховой. Во время распутицы и зимних снежных завалов почтовое сообщение прерывается на 1½—2 месяца.

² Сибирский Вестник, 1845, № 22.

³ Сибирский Вестник, 1845, № 2.

Локтевского завода. Привозили по 2—3 пуда такой соли в су-мах; весь путь за солью и обратно делали в 2 месяца, пере-двигаясь чаще всего только ночью, а днем скрываясь.¹ Многие предметы первой необходимости выменивали, тайком от началь-ников пограничной стражи, у китайских солдат, а также у ка-заков (киргиз).² Жили разбросанно в ущельях по одному, по два дома, редко небольшими поселками в 5—6 домов, опасаясь, главным образом, правительственных разведочных отрядов.³

Целый ряд пережитков в области жилища, особенно времен-ного и промыслового, а также в домашнем и хозяйственном обиходе и до сих пор сохраняется в быту современных кержа-ков от этого периода бродячей жизни в глухих, мало удобных для ведения правильного хозяйства местах. Где была возмож-ность, пытались заниматься земледелием и скотоводством.

Ввиду того, что в „камень“ от трудной жизни бежало по преимуществу мужское население, на Бухтарме чувствовался недостаток в женском населении. По преданиям „каменщики“ доставали себе жен или силой, увозя из тех же русских дере-вень в предгорьях, куда они скрытно являлись для мены добытых звериных шкур на хлеб и другие предметы первой необходи-мости,⁴ или же мирным путем—посредством выкупа девушек у родителей.

В 1765 г. в предгорьях по р.р. Ульбе и Убе поселяются в значительном количестве старообрядцы с Ветки, так назы-ваемые „поляки“, из среды которых могло попасть значительное число женщин на Бухтарму к „каменщикам“, чем, быть может, возможно объяснить наличие теснейших бытовых связей между разнообразным беглым сбродом „каменщиков“ и пришедшими из Стародубья и с Ветки „поляками“. Последние в значитель-ной мере оказали влияние на бытовой облик „каменщиков“ в силу того, что они пришли сюда большой, однородной и сплоченной массой. Этим же, вероятно, объясняется и этно-графическая близость „каменщиков“ с „семейскими“ старо-обрядцами, живущими в Забайкалье, которые были одно-временно с алтайскими „поляками“ из одних и тех же мест

¹ Сибирский Вестник, 1845, № 2.

² Ibidem.

³ Ibidem, № 29 и Д. Н. Беликов. Первые русские крестьяне-насель-ники Томского края, стр. 42 (Научные очерки Томского края. Томск, 1898).

⁴ Д. Н. Беликов. *Op. cit.*, стр. 42.

Европейской России направлены в Сибирь.¹ По преданиям, при расселении в Сибири этих старообрядцев, правительство направило часть их на Алтай, часть в Забайкалье, часто даже разрывая семьи. Таким образом, через близкое соседство и родственные связи с „поляками“, у „каменщиков“ наблюдаются этнографические связи с далекими забайкальскими „семейскими“.

Наконец, недостаток женщин пополнялся киргизскими женщинами, которых крестили и брали в жены. Все эти бытовые условия отразились в значительной мере на формах современного свадебного обряда у „каменщиков“, где брак „уходом“ занимает значительное место, и где крупная сумма в виде так называемой „кладки“ или „выговора“—выкупа за невесту—доходящая до 200 рублей, является необходимой и до настоящего времени.

С открытием Зыряновского рудника, доступ к поселениям „каменщиков“ стал легче. К тому же около этого времени три года подряд на Бухтарме был неурожай, и „каменщики“ были вынуждены обратиться за помощью к правительству и уже официально войти в состав государства. До этого, некоторая часть „каменщиков“, видя безвыходное положение и не желая снова возвращаться в крепостное состояние и на рабочую горно-заводскую каторгу, пыталась перейти в китайское подданство, так как граница Китая проходила по р. Бухтарме, и на левом берегу реки стояли китайские пикеты; сами же „каменщики“ за разными нуждами неоднократно посещали китайские области. Но эта попытка не увенчалась успехом—„каменщики“ не были приняты китайским правительством в подданство.² Тогда они обратились к русскому правительству. Обращение к Екатерине II с просьбой принять их в подданство на правах инородцев, перепись которых в этом крае была проведена в 1763 году, было подано „каменщиками“ в 1791 г., а в 1792 г. они получили помилование за бегство и за укрывательство от правительства и были обложены, подобно другим инородцам, ясаком, т. е. податью в виде взноса в казну определенного количества звериных шкур. Таким образом, „камен-

¹ А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск 1920, стр. 69 и след.

² Подробности об этой попытке см. у К. Риттера. Землеведение Азии, 1860, т. III, стр. 86.

щики" вошли в состав Российского государства на тех же правах, как все туземцы Сибири, и по своему положению в государстве отличались от остального русского населения на Алтае и, в частности, от остальных старообрядцев. Так, „поляки“, поселенные в 1765 г. на Алтае правительством, как раскольники, были обложены двойной податью,¹ в сравнении с крестьянами не старообрядцами, и назывались „двоеданами“. В 1779 г. „поляки“ были приписаны к заводам и, таким образом, подверглись участи остальных алтайских крестьян. Некоторые из них, не выдержав новых условий житья в алтайских предгорьях, бежали на Бухтарму, к „каменщикам“, и тем еще более увеличили число „забежавших в камень“. При помиловании и зачислении в русское подданство, „каменщики“ не разделили участи „поляков“, благодаря тому, что жили в мало доступных местах и были трудно уловимы. Таким образом, „каменщики“, зачисленные в инородцы, вместо двойной подати и крепостной зависимости от заводов, были обложены небольшим ясаком и не несли никаких повинностей. С тех пор этот район по Бухтарме стал называться „Ясаком“, в отличие от горно-заводских поселков и селений, приписных к заводам крестьян. „Ясак“ стал для крестьян символом свободы от разных служебных тягот, так как „ясашных“ не брали в рекруты и в бергалы. Термин „ясак“ живет и до настоящего времени. Как во всей бухтарминской, так и в нарымской долине, сейчас еще называют „Ясаком“ главные средоточия поселений „каменщиков“, и обычно, говоря о среднем течении Бухтармы, употребляют слово „ясак“.

Позднее ясак, выражавшийся в виде взноса в Кабинет² определенного числа шкур, был заменен денежной податью в 3 р. 50 к. (1796 г.), а в 1824 г., при учреждении сибирских губерний, „ясачные каменщики“ были переведены в разряд „оседлых“ инородцев с оброком по 8 р. с души.³

¹ Е. Шмурло. Русские поселения за южным Алтайским хребтом (Записки Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. О-ва, кн. XXV, 1898), стр. 15.

² Бухтарминский район входил в состав Алтайского горного округа, который находился в ведении „Кабинета его величества“ и составлял личную собственность царя; термин „Кабинет“ для этих земель (бывших кабинетских) живет среди населения до настоящего времени, главным образом, в применении к ненаселенным лесным дачам хребта Листвяги, Холзунских и Тургусунских белков.

³ Сибирский Вестник, 1845, № 30.

Судьба бухтарминских „каменщиков“ одинакова с судьбой другой группы „забежавших в камень“ алтайских старообрядцев—„верхне-уймонских“ или аргутских „каменщиков“, поселившихся первоначально, подобно бухтарминским, в диких ущельях бурного притока Катуня—Аргута, где они долгое время в неприступном и диком „камне“ скрывались от горного начальства до тех пор, пока не были открыты каким-то странствующим купцом, который сообщил начальству об их местопребывании. Посланные военные команды заставили этих аргутских „каменщиков“ изъявить покорность, после чего они покинули узкие ущелья Аргута и поселились на Катуня, при устье р. Уймон, где и образовали первое поселение—деревню Верхний Уймон.¹

В 1792 году, при принятии Екатериной II „каменщиков“ в качестве ясачных инородцев, были образованы две инородческие управы или волости—Бухтарминская и Уймонская.

Получив права инородцев и не боясь уже близости к крепостям и заводам, так как, на положении инородцев, „каменщики“ не могли быть прикреплены к ним, они спустились из высоких горных ущелий, с верхнего течения Бухтармы и ее притоков, заняв наиболее удобные места в долинах горных рек.

Таким образом, вместо существовавших ранее, по преданию, тридцати отдельных мелких поселков в 2—3 дома, разбросанных в малодоступных и малоудобных местах, в 1792 г. образовалось 9 деревень, существующих до настоящего времени. Инородческая Бухтарминская управа просуществовала до 1878 г., когда она была преобразована в крестьянскую волость на общих основаниях; несколько позднее и Уймонская управа была превращена в волость.

Еще до настоящего времени некоторые бухтарминские старики называют себя бывшими инородцами и считают, что они лишились своего „инородства“, т. е. особых преимуществ сравнительно с другими крестьянами, недавно, с тех пор, как их стали брать в солдаты. Часто приходится слышать от стариков замечания такого рода: „мы инородцы, были забеглы, Екатерина простила, а Китай землю даровал, а с какого то году стали в солдаты брать, лишились инородства“.

¹ А. Михайлович. *Op. cit.*, стр. 11.

С 1878 года стали брать бухтарминских кержаков на военную службу, что при первом наборе сопровождалось, по рассказам стариков, сопротивлением со стороны населения. „Каменщики“ считали набор произволом местного начальства. Среди бухтарминцев живет еще до сих пор легенда о том, что Екатерина II, приняв их в подданство, освободила их от податей и военной службы „на век“ и выдала им соответствующую грамоту. Эта грамота где-то затерялась, по их словам, к 1878 г. Местное начальство с тех пор стало поступать с ними, как со всеми крестьянами, так как они не могли предъявить этой грамоты. Легенду об этой утерянной грамоте рассказывают во всех деревнях, и до сих пор старики считают военную службу бухтарминских кержаков недоразумением, произошедшим вследствие утери этой грамоты. Более сознательные дают такое объяснение переходу ясачных крестьян на общее положение: „Екатерина дала ясак на век, т. е. на сто лет, а кержаки не соображают, что век-то равен ста годам; раз сто лет прошло (т. е. с 1792 по 1892 г.), то и век кончился, и грамота не при чем“. В некоторых деревнях еще живы первые солдаты с Бухтармы—это 70-летние старики.¹ Первое поколение отбывало службу в Зайсане, Усть-Каменогорске, Семипалатинске. Второе поколение направляли больше уже в Россию.

По первоначальной переписи в этих деревнях числилось 250 мужчин и 67 женщин,¹ но их было больше, так как, видимо, при обращении о помиловании, были переписаны не все „каменщики“, разбросанные редкими и мелкими поселками в горах. По переписи же 1835 г., в Ясаке числилось 326 мужчин и 304 женщины, всего 630 душ. В настоящее время в одних только обследованных нами пяти деревнях живет кержаков свыше 3.000 душ.

После помилования, „каменщики“ образовали, как указано выше, 9 деревень, которых считалось пять собственно в бухтарминской долине, а четыре—в стороне от нее; первые, считая снизу, Осочиха, Быкова, Сенная, Коробиха и Печи; последние на высотах по северному берегу Бухтармы—Язовая, Белая и Фыкалка, и над южным берегом—Мало-Нарымская.² Но уже до 1863 года из Осочихи и Мало-Нарымской выехали почти все „каменщики“ из опасения, чтобы не приписали их в число

¹ Беликов. *Op. cit.*, стр. 43.

² К. Риттер. *Землеведение Азии*, т. III, 1860, стр. 87.

заводских крестьян, на их месте поселились крестьяне заводского ведомства с переименованием названий этих селений: Осочихи в Богатыреву, а Мало-Нарымской в Огневу.¹ Таким образом, осталось лишь семь коренных „каменщицких“ деревень.

Самыми крепкими, лучше всех соблюдающими старину и заветы „стариков“, являются селения, расположенные ближе к верхнему течению Бухтармы и к ее верхним притокам—Белая, Фыкалка, Язовая, Печи и Коробиха. Из этих деревень, особенно первые три, лежащие не на самой Бухтарме, а выше в горах, лучше и крепче сохраняют старину. По выражению печинских кержаков, там, в Белой, Язовой и Фыкалке, „самое кержачье“, „галимы² кержаки“ живут. Печи и Коробиха уже несколько больше тронуты новыми веяниями. Такая характеристика бухтарминских кержацких деревень была получена нами в Семипалатинске у местных работников, а также из расспросов в Больше-Нарымске, являвшемся уездным центром для Бухтарминского уезда, и в Катон-Карагае—волостном центре. Вследствие этого, для детального ознакомления были выбраны пять деревень, причем особое внимание уделено было Язовой, Белой и Фыкалке. Материалы, собранные в этих деревнях, пополнены несколько сведениями о быте д. Быковой, для которой у А. Н. Белослюдова в Семипалатинске имеются материалы, относящиеся к десятим годам нашего столетия.

Обследованные пять деревень расположены в горных долинах внутреннего Алтая, более известного под именем Холзунского хребта, Холзунских белков или просто Холзуна, служащего водоразделом, между верхним течением р. Катуня и Бухтармой, иначе говоря, разделяющего бассейны р.р. Оби и Иртыша. Восточной частью Холзун примыкает к главному горному узлу южного Алтая, лежащему на границе с Монголией—так называемому Табын-Богдо-Ула, близ которого берет начало р. Бухтарма. Юго-восточная часть Холзуна называется хребтом Листвягой,³ причем Большая Листвяга отделяется

¹ Принтц. *Op. cit.*, стр. 559.

² Чистые, настоящие.

³ В ясную погоду с хребта Листвяги открываются чудные панорамы: на север видна гряда Катунских белков со сверкающей снегом Белухой; на юг—ровная стена круто обрывающегося к северу Нарымского хребта и Курчумские белки; на запад—цепь Холзунских белков.

от Холзуна долиной р. Белой, правого притока Бухтармы, а Малая Листвяга, лежащая к западу от низовья р. Белой, сливается с предгорьями Холзуна. На западе Холзун примыкает к Тургусунским белкам, отделенным от него долиной р. Тургусун, правого притока Бухтармы. Тургусунские белки отделяют притоки Бухтармы от Убы и Коксу и оканчиваются Убинскими и Ульбинскими горами. Холзун в южной своей части не поднимается выше 1830 м, но затем повышается в Теснинском белке до 2135 м и в Быструшинском—до 2440 м; вечные снега лежат, однако, только на северных, более пологих склонах Холзуна, южные склоны которого круты и обрывисты. Холзунский хребет весьма мало исследован и состоит, повидимому, из глинистых и кристаллических сланцев и порфира.¹

Из выше перечисленных пяти деревень две—Печи и Коробиха—лежат на Бухтарме, протекающей по продольной долине к югу от Холзуна и Листвяги (фиг. 2). Из долины Бухтармы не видно Холзунских белков, так как они совершенно скрываются за своими более низкими предгорьями. Долина Бухтармы является самой длинной из продольных долин Алтая и, вместе с тем, самой плодородной и богатой растительностью. Леса на горных скатах долины в средней ее части состоят из лиственницы, сибирской сосны, березы, осины, рябины; на дне долины растут тополь, черемуха, жимолость, боярышник, черная смородина, шиповник, акация, дикий миндаль и пр. Средняя высота долины над уровнем моря 700 м; климат долины сравнительно мягкий, так как она защищена горами с севера и доступна для теплых юго-восточных ветров.²

Деревня Печи расположена на правом берегу Бухтармы, ниже впадения реки Белой, в том месте, где к Бухтарме амфиатром подходят отроги Малой Листвяги, причем на правом

¹ В. Обручев. Алтайские этюды. II. О тектонике Русского Алтая Землеведение, 1915, кн. III, стр. 44.

² Таблица сравнительных высот деревень над уровнем моря:

Коробиха	618 м
Печи	700 „
Белая	752 „
Верхний Уймон	936 „
Фыкалка	1205 „
Берель	1292 „
Арчаты	1392 „

берегу они носят название Деревенской Листвяги, а на левом— Зарешной Листвяги.¹ Из довольно широкой здесь долины открывается к югу прекрасный вид на снежные вершины Курчумского и Нарымского хребтов. Деревня Печи является как бы узлом колесных дорог, расходящихся от нее веером на Коробиху, на Язовую, на Белую, а с последней—на Фыкалку. В момент своего возникновения д. Печи лежала на границе с Китаем, так как левый берег реки уже принадлежал китайцам, но позднее по Чугучакскому договору в 1864 г. оба берега Бухтармы отошли к России. Свое название эта деревня получила „исстари“ от множества изрытых пещер—„печей“² выше деревни в подходе к самой Бухтарме горном хребте—Малой Листвяге. Когда было произведено административное деление района, то д. Печи была самым верхним селением по р. Бухтарме и получила официальное название Верх-Бухтарминской, под которым и значится на всех картах. Советская власть восстановила старое название Печи, никогда не исчезавшее из живого языка.

Самая старая часть селения занимает середину его, позднейшая образует улицу под горой, параллельно первой. Новоселы селятся ниже деревни по Бухтарме. Сейчас эта деревня состоит из 130 дворов старожилов-кержаков и из 49 дворов недавних переселенцев.³ Сто лет тому назад, при посещении этого края проф. Дерптского университета Ледебуром⁴ в 1826 году, здесь было всего двадцать семей.⁵

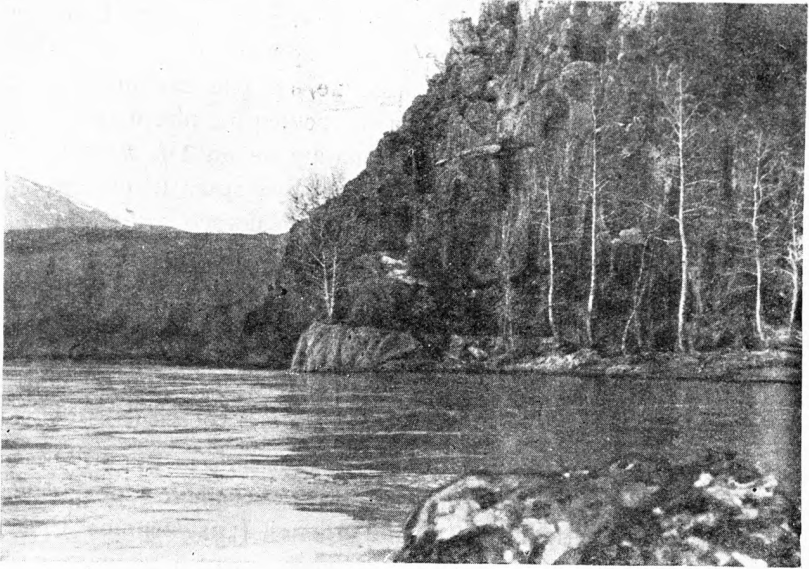
¹ Большинство названий отдельных хребтов, мелких рек, горных ручьев и разных урочищ в бухтарминской долине русского происхождения; эти названия в большинстве случаев являются переводом прежних казакских названий или же вновь данными; названия же основных хребтов, крупных рек сохраняются старые. То же явление отмечено и на р. Кабе (Е. Шмурло. Русские поселения за южным Алтайским хребтом. Записки Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. О-ва, кн. XXV, 1898, стр. 35).

² Население так объясняет происхождение этих „печей“: прежде в горах водилось много маралов и диких баранов, ходивших на солонцеватые яры, где эти животные вылизали и выбили на солонцах ямы на один аршин и глубже. Сравнить древне-русское печера-пещера.

³ Статистические сведения для всех деревень приводятся по данным сельских советов каждой деревни, полученным в августе 1927 года.

⁴ К. Риттер. Землеведение Азии, 1860, т. III, стр. 65.

⁵ Первоначально на Бухтарме в каждой деревне поселилось сравнительно небольшое количество семей, которые позднее разрослись и дали большое количество хозяйств с одинаковыми фамилиями. В каждой из кержацких де-

Фот. А. Н. Белослюдова.

Фиг. 2. „Трескин притор“ на р. Бухтарме ниже д. Быковой.

Фиг. 3. Вид на д. Коробиху.

Деревня Кóробиха¹ лежит на левом берегу Бухтармы (фиг. 3), при впадении в нее левого притока речки Коробихи, в 15 км ниже Печей. Здесь высокие, крутые сланцевые горы, поросшие одинокими березами и осинами, почти вплотную подступают к Бухтарме, сужая долину ее до 1½ км ширины. Деревня расположена вдоль берега Бухтармы и по течению р. Коробихи в глубине ущелья, образованного этим притоком (фиг. 4, 5). Сейчас в ней 152 кержацких двора и 79 переселенческих. По сообщению Ледебур², в 1826 г. здесь жило всего 20 семей. Ниже деревни, долина Бухтармы несколько расширяется, образуя плоское дно, занятое лугами и лиственными рощицами. Из Коробихи дорога идет по берегу Бухтармы в д. Сенное, затем через горы на ЗЮЗ в д. Огнево, далее через Солоновку в Больше-Нарымск. Эта дорога однако столь плоха, а телег так мало, что население предпочитает другой путь, а именно—вьючной тропой („на вершине“) вверх по ущелью р. Коробихи (фиг. 7), через крутой перевал Коробишенского кряжа³ в д. Максиху, оттуда на Яры и через М. Нарымское в Больше-Нарымск.

Деревня Белая отстоит от Печей на 25 км вглубь хребта Листвяги и расположена в долине р. Белой. Эта река вытекает из высоко лежащего Маральего озера; длина ее течения незначительна, но она принимает в себя много обильных водой горных потоков, так что в пределах деревни ширина ее равняется 50—60 м; впадает справа в Бухтарму, км в 10—выше д. Печей. Деревня Белая занимает почти все удобное место в широкой части долины, на обоих берегах реки, по имени которой и получила свое название. Возможно, что название самой реки и деревни стоит в некоторой связи с легендарным „Беловодьем“, в поисках которого первые насельники горного Алтая бродили по ущельям. Казаки называют ее Ак-су. Деревня Белая лежит уже много выше Печей и Коробихи. В настоящее время в ней

ревень встречается небольшое количество фамилий, что указывает на факт происхождения многих дворов от одного первоначального засельника. Подобное явление вообще характерно для окраинного русского населения.

¹ У Ледебур² и цитирующих его авторов эта деревня носит название „Коровиха“.

² Землеведение Азии, стр. 64.

³ Коробишенский кряж (1550—1850 м высоты) идет от д. Коробихи до д. Медведки, и входит в состав бухтарминских гор, ограничивающих долину Бухтармы с юга и отделяющих ее от нарымской долины.

Фиг. 4. Улица в д. Коробихе.

Фиг. 5. Ущелье за д. Коробихой.

200 кержацких и 67 переселенческих дворов. При проезде Ледебуря было всего 16 дворов.¹ Более старая часть, с церковью, расположена на левом берегу реки и состоит из главной прямой улицы и второй — более короткой, ей параллельной, с несколькими проулками. Позднее заселился и правый берег, причем один из правобережных участков, лежащий по направлению к Печам, соединен с главной частью хорошим деревянным мостом через р. Белую. Второй, более северный участок, расположенный по направлению к Холзуну, соединен с деревней лишь пешеходными легкими мостками. В деревне Белой есть несколько топографических названий, главным образом, для групп домов, расположенных в определенной части долины. Так, говорят об усадьбах: нагóрочные, намоховинные, у Макаровой горы и т. п. Конец деревни на забоке,² заселенный в позднейшее время, зовут Размотаевой улицей, так как здесь, кроме новоселов, живут главным образом „отходки“ да „брошенки“, т. е. одинокие женщины, ушедшие от мужей или брошенные ими. При домостроевском укладе жизни кержаков эти женщины являются изгнанными из общества; они ходят на заработки, поступают к кержакам в „стряпки“ и занимаются проституцией, кстати сказать, очень распространенной в этих богатых старообрядческих деревнях, что отчасти объясняется старым семейным укладом.

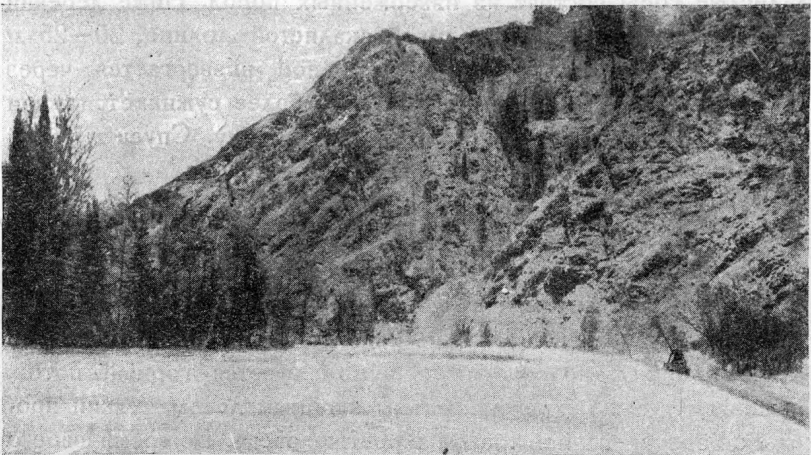
Деревня Язовая расположена в 17 км от Печей, к югу от Теснинского белка, в узкой долине мелкой горной речки Язовинки, образуемой в пределах деревни слиянием двух горных ручьев. Эта речка представляет в летнее время сложную систему переплетающихся ручьев, протекающих по мелкому каменистому руслу, и впадает справа в Бухтарму ниже д. Коробихи. До возникновения д. Язовой, в XVIII в. по правому истоку р. Язовинки в узком ущельи стояло два двора, которые были найдены правительственными отрядами и сожжены. После „прощения“ „каменщики“ спустились ниже и близ слияния двух ущелий поставили уже три двора; это были Фомин, Лубягин и Зайцев; потом „прибежали“ Качесовы. От этих четырех дворов и произошла вся Язовая, теперь насчитывающая 130 старожильческих дворов и 44 переселенческих. Улица (или ущелье),

¹ Землеведение Азии, стр. 67.

² Забока — болотистый лес по берегу реки.

Фиг. 6. Долина р. Бухтармы выше д. Коробихи.

Фот. А. Н. Белослюдова.

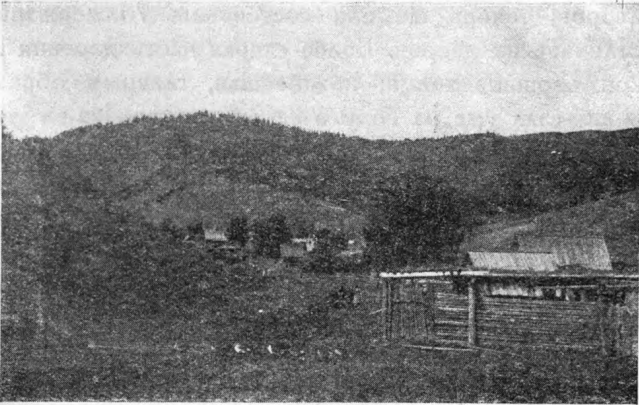
Фиг. 7. Дорога из д. Коробихи в с. Сенное.

от которой стала расти Язовая, зовется Погореловской, в память о выжженных двух дворах. Это—самая старая часть селения (фиг. 8). Долина левого истока, заселенная в позднейшее время новоселами, носила раньше название Австрийской улицы (по имени последователей австрийского согласия); теперь она зовется „Русской“ или „Расейской“ улицей. Само название деревни Язовая является, по мнению кержаков, переводом какого-то казакского слова.¹

Деревня Фыкалка—самая дальняя и высокая из этой группы горных деревень, расположена на высоте 1205 м над уровнем моря. Она лежит уже выше границы возделывания хлебов, среди пихтового леса, на холмах между отрогами Холзуна и Листвяги (фиг. 9), буквально в заоблачных высотах, так как по утрам облака лежат и на плоских крышах хозяйственных построек, и в долинах, расположенных ниже деревни. Деревня расположена по обоим берегам горного потока Фыкалки, текущего с Большой Листвяги и в пяти километрах ниже деревни впадающего слева в р. Белую. Из Фыкалки видны уже голые безлесные крутые вершины Холзуна, так называемые Холзунские Столбы или „шиши“,² причем ближайшие к ней скалистые горы состоят из изверженных пород. Ниже деревни речка Фыкалка течет по дикой скалистой долине, 20—25 м шириной; далее она с шумом и пеной низвергается через пороги в ущелье, которое все более и более суживается и при впадении в Белую не имеет даже 6 м в ширину. Спуск к Белой по этому ущелью носит здесь название „сорокова лестовка“, по числу уступов. Узкое ущелье, через которое пробивается здесь Белая, поражает своей мрачной дикостью. Ограниченное отвесными утесами, достигающими 60 м высоты над уровнем реки, оно, узким 16-метровым корридором прорезает здесь хребет Листвягу. Лучи солнца лишь не надолго проникают в эту узкую сырую трещину, по которой с шумом несется горный поток. Спуски к ущелью поросли густым хвойным лесом, узкий проход по берегу—сочной травой в рост человека. Во время своего возникновения, Фыкалка была самым крайним русским поселением на границе Китая, так как в 35 км от нее был Чин-

¹ Ср. озеро Язевое в бассейне реки Берель, правого притока верхней Бухтармы.

² Шиши, по местной терминологии,—отдельно стоящие безлесные вершины белков.

Фиг. 8. Старая часть д. Язовой.

Фиг. 9. Улица в д. Фыкалке.

гистайский пикет, где стоял китайский сторожевой пограничный отряд. Во время путешествия Ледебур¹ в ней было 10—12 дворов; теперь же она состоит из 76 кержацких и 28 переселенческих дворов. Более старая часть деревни лежит на плоской вершине холма; позднейшая, главным образом — новоселы, полезла уже на гору, в самый пихтач. Из-за тесноты уже третий год (с 1925 г.) часть старожилов отселилась небольшой деревушкой, в стороне, к западу от деревни, где когда-то были маральники; в шутку зовут эти отселки Уймоном. Вьючная тропа из Фыкалки ведет через Холзун на самый Уймон.

В описанных пяти деревнях сохраняется наибольший процент кержацкого населения. В остальных двух коренных „каменщицких“ деревнях (Быкова и Сенная) первоначальный состав коренного населения более нарушен.² Об Огневой и Богатыревой уже сказано выше. Вокруг всех старых деревень „каменщиков“ расположена обширная сеть заимок, представляющих собой как отдельные хутора, так и небольшие поселки в несколько дворов. На этих заимках в большинстве случаев живут выселенцы из основных деревень.

Выселенцы из этих же основных деревень „каменщиков“ живут в настоящее время еще в некоторых деревнях в верховьях Бухтармы. Это так называемые „полукровные каменщики“. Ими заселены д.д. Берель, Арчаты, частично Каменка и Березовка. Все эти деревни основаны уже во второй половине XIX в. Первые две из них (Берель и Арчаты) лежат много восточнее и выше основных бухтарминских поселений, близко к монгольской границе. Берель, возникшая в 1873 г., лежит на Бухтарме у впадения в нее р. Белой Берели, вытекающей из Берельского ледника; высота ее над уровнем моря—1292 м. По официальным данным, на 1 июня 1927 года в ней числилось 77 дворов с 448 чел. населения. Последним русским поселением в южном Алтае является д. Арчаты, лежащая еще выше по Бухтарме, на высоте 1392 м. В ней насчитывается 38 дворов с 163 чел. населения.

Самыми поздними и дальними отселками из старых каменщицких деревень (Печей, Коробихи, Сенной, Быковой и других)

¹ Землеведение Азии, стр. 67.

² Для характеристики населения Сенной имеются сведения в подробном описании Б. Г. Герасимова (В долине Бухтармы. Записки Семипалат. подотдела Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. О-ва, вып. V, Семипалатинск, 1911). Для остальных деревень сведения собраны в уездном и волостных центрах.

являются поселки в долинах р. Кабы, к востоку от озера Маркакуль, уже в пределах Зайсанского уезда, куда, в поисках земель и свободы, начали уходить бухтарминцы в 80-х годах XIX века; край этот отошел к России лишь в 1883 году. В долинах Кабы и верхней Бухтармы¹ сосредоточено наиболее независимое, предприимчивое и отважное население.

Тесно связанными по культуре с бухтарминскими каменщиками являются уймонские, поселения которых расположены в бассейне Катунь, к северу от Бухтармы. Катунь, протекая между Холзуном и Катунскими белками по продольной долине на запад, у Быструшинского белка сворачивает на север, принимает слева р. Коксу, текущую с запада, и поворачивает на восток, сохраняя это направление до так называемого прорыва Катунь. Близ слияния р.р. Коксу и Катунь расположена русская деревушка Коксу,² ниже этого слияния теснина Катунь расступается, давая место небольшому плоскогорью—горной Уймонской степи, представляющей собой земледельческий оазис с большим числом селений, из которых самыми старыми являются Верхний и Нижний Уймоны. Ниже, по Катунь, в 40 км, расположена Котандинская горная степь с деревушкой Котандой. Весь этот район лежит уже в пределах Ойратской автономной области; целым рядом взаимоотношений (родственных, культурных и прочих) он издавна связан с бухтарминским районом.

Ниже прорыва Катунь принимает первый большой приток справа—Аргут, берущий начало в Аргутских горах, связывающих Катунские белки с Листвягой, после чего она течет уже на север, в теснине с круто падающими к реке скалами, где уже не встречается русских поселений до низовьев Катунь.

На Уймон с Бухтармы ведет через хребет Холзун вьючная тропа, причем путь этот, по словам бухтарминцев, занимает около трех дней. Сам же Уймон находится в несравненно лучших условиях сообщения с культурными местами, чем Печин-

¹ О движении на Кабу, заселении кабинских долин, условиях жизни на Кабе и причинах тяготения к ней см. у Е. Шмурло. Русские поселения за южным Алтайским хребтом. (Записки Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. О-ва, кн. XXV, 1898).

² П р и т ц сообщает, что коксинцы представляют собой совершенно обрусевших оседлых инородцев, переселенных сюда, согласно прошения, из Кузнецкого округа в 1829 году.

ский район Бухтарминского края: а именно, в Котанде оканчивается так называемый Уймонский тракт (колесный), который идет от нее через Уймонскую степь до Верхнего Уймона, далее на Коксу и Абай, а оттуда к северу, через ряд долин и высоких перевалов, в большое торговое село Алтайское, откуда уже имеется правильное почтовое сообщение с г. Бийском. Это и является причиной того, что Уймон гораздо раньше Печинского района стал подвергаться воздействиям города, раньше стал бросать стариковские заветы и, несмотря на более позднее, по сравнению с Бухтармой, введение воинской повинности, является для Бухтармы проводником нового быта. Через Уймон, узнав там о богатом Бухтарминском крае, часто приходят и переселенцы из Томского края, в поисках заработков и привольных мест.

Таким образом, самая история заселения Бухтарминского края является как бы предпосылкой к тому, чтобы ожидать в этом крае сохранения пережитков старых форм быта. Этому также способствуют далекие расстояния до городов: Усть-Каменогорск от устья Бухтармы по Иртышу отстоит на 250 км, Семипалатинск—почти на 500 км. Кроме того, следует констатировать отсутствие удобных путей сообщения; главным путем являются Бухтарма и Иртыш, по которым „плавились“, да и сейчас „плавятся“ на плотках. Хотя первые пароходы по Иртышу пошли еще в 1861 г.,¹ но регулярное пароходное сообщение выше Семипалатинска до Зайсана началось только с 1901 года. Вследствие слабой экономической и культурной связи с городом элементы городской культуры проникают в быт бухтарминцев крайне медленно. Один из важных проводников городской культуры—солдатчина—также не могла дать осязательных результатов за 40—45 лет. Правда, сейчас мужская молодежь, прошедшая через мировую и гражданскую войну последних лет, уже в большей мере, чем их отцы, захвачена городской культурой и медленно, но определенно вводит в свой быт новые элементы, но это пока еще отдельные попытки, которые тонут в общей массе кержаков, блюдущих „стариковские заветы“ и чуждающихся всего нового, „дьявольского“.

Школа и грамотность также являются весьма слабыми проводниками культуры, так как кержаки редко и неохотно посы-

¹ „Алтай“, стр. 17.

лают своих детей в местные школы. Во всех посещенных нами деревнях учителя единогласно указывают, что самыми вялыми и отсталыми учениками в их школах являются дети кержаков в то время, как дети переселенцев составляют активное ядро каждого класса. Кержацкие девочки вовсе не посещают школы, так что женщины почти все неграмотны. Взрослое население проявляет большое равнодушие к школе. Последнее объясняется тем, что кержаки главной целью обучения считают умение читать по церковно-славянски для своего богослужебного обихода, так как они принадлежат к беспоповцам. В школе же не учат церковной грамоте и церковному пению по их обряду; следовательно, учение в такой школе не нужно. Многие согласны посылать детей в школу, но с тем условием, чтобы учитель одновременно обучал и русской, и церковной грамоте. Поэтому кержаки посылают своих мальчиков обучаться церковной грамоте и пению к хорошему начетчику, который в несколько лет обучит читать нужные для богослужебных целей книги. Способный мальчик может пойти и дальше: овладев хорошо грамотой, может и сам стать начетчиком и руководителем богослужения или, как здесь часто говорят, „наставником“ или „попом“. У хорошего начетчика собирается иногда большая группа учеников, обучающихся церковно-славянскому чтению. В старое время, до введения здесь сельских школ, такие школы у наставников были единственными очагами обучения. До недавнего времени в д. Белой славилась школа Ассона Емельяновича Зырянова, теперь 82-летнего старика, который был главным наставником всего района; во многих местах его религиозные

Фот. А. Н. Белослюдова.

Фиг. 10. А. Е. Зырянов с учениками.
Д. Белая.

лет обучит читать нужные для богослужебных целей книги. Способный мальчик может пойти и дальше: овладев хорошо грамотой, может и сам стать начетчиком и руководителем богослужения или, как здесь часто говорят, „наставником“ или „попом“. У хорошего начетчика собирается иногда большая группа учеников, обучающихся церковно-славянскому чтению. В старое время, до введения здесь сельских школ, такие школы у наставников были единственными очагами обучения. До недавнего времени в д. Белой славилась школа Ассона Емельяновича Зырянова, теперь 82-летнего старика, который был главным наставником всего района; во многих местах его религиозные

противники и кержацкую веру называли „ассоновской верой“. Старики вспоминают, как Ассон (фиг. 10), обучая их грамоте, поощрял их всякими подарками и за выученные склады лучшим ученикам давал пряники. В старое время ассововская школа имела общественный, а не частный характер; по окончании обучения, Ассон выдавал хорошим ученикам своеобразный аттестат об окончании школы. Приводим текст такого удостоверения, полученный нами от А. Н. Белослюдова; это удостоверение было выдано известному нам крестьянину в д. Белой:

„Похвальный лист.

Ученик школы Ассона Зырянова Иван Ферапонтов Барсуков в 7 января 1914 года соответствовал на вопросы учителя за что выдается сия программа. Молодец, молодец, молодец.

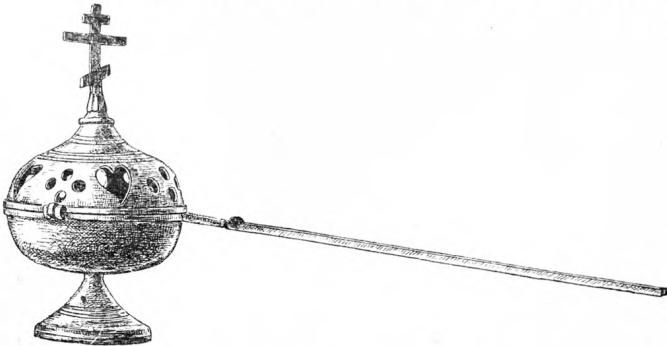
9 января 1914 г.“

Больниц в деревнях нет, за медицинской помощью надо ехать за Бухтарму, в Катон-Карагай, от Белой, примерно, около 70 км в телеге или 30 км верхом через Листвягу. Оспопрививание до сих пор еще считается „печатью антихриста“, и в ясачных деревнях встречается большое количество лиц, изуродованных оспой, а также и слепых от оспы. Вследствие всего этого в быту широко распространено знахарство.

В основе такой отчужденности лежат религиозные убеждения бухтарминского населения. Основной состав населения— старообрядцы разных толков, преимущественно беспоповцы поморского согласия. Центром беспоповщины на Бухтарме является д. Белая, где находится главная молельня, или как часто ее называют „церковь“. Здесь же в д. Белой живут и главные беспоповские наставники или „старики“, которые по вызову в разное время, а также в определенные сроки ездят в Печи и Коробиху, где и справляют обряды крещения¹

¹ Особенно своеобразно крещение младенцев зимой в ледяной воде Бухтармы, когда „поп“ окунает ребенка в прорубь, после чего его заворачивают в шубу. Даже в великий пост, когда идет шуга, т. е. мелкий лед, это не останавливает кержаков; ведь „мы все крещены в Бухтарме“, говорят они. Выбор имени, даваемого младенцу, у кержаков ограничен: девочке дают по святам одно из имен, падающих на восьмой день, приходящийся до или

и служат. При приезде беловских „стариков“ в Печи и Коробиху, верховой разъезжает по деревне, крича: „кто начало желает принимать?“ В Фыкалке и Язовой имеются свои молеельни и наставники, которые подчиняются беловским старикам, среди которых долгое время Ассон Зыряннов играл руководящую роль. Не старообрядцы часто называли его даже архиереем. Из всех деревень беспоповцы ездят венчаться вер-

Фиг. 11. Медная кадильница. Д. Белая.

хами в Белую, где молеельня по внутреннему убранству в значительной мере приближается к единоверческим церквям; имеет даже алтарь, чего нет ни в Язовой, ни в Фыкалке. Кроме того, в Белой имеются особые одежды (красные и красно-зеленые кафтаны) для наставников, совершающих богослужение в большие праздники, а также выписаны венцы и кадило, в то время как в других молеельнях кадят обычной старообрядческой неподвесной кадильницей, представляющей собой открытую или закрытую глиняную или металлическую чашку с ручкой, того же типа, как вообще у старообрядцев-великоруссов, повторяющей форму древнехристианской „кации“ (фиг. 11). В будни и в малые праздники в д. Белой, как и в других деревнях, наставник ведет богослужение в обычной моленной одежде.

после рождения; мальчику же только „за восемь дней вперед“, т. е. на восьмой день после рождения. Этим ограничением выбора объясняется то обстоятельство, что у бухтарминцев встречаются такие имена, которых у православных обычно не встретишь вовсе или крайне редко: Аввакум, Агатим, Аликандр, Ананий, Веденист, Евграф, Евлантий, Киприан, Кир, Кит, Конон, Ксенофонт, Магафор, Малафей, Мартемьян, Мелентий, Мокей, Нестер, Перфил, Пимен, Фалалей, Фарафон, Фенопент, Явойла; женские имена: Милодора, Саломея.

Кроме моления в „молебной“, кержаки много молятся дома, особенно же старухи. В каждом доме в переднем углу устроена божничка со старинными литыми крестами и иконами, около которой на стене висят лестовки и подручник. Обычно старухи встают задолго до рассвета и в течение $1\frac{1}{2}$ —2 часов совершают моление. Помолвившись, старуха будит следующего по возрасту члена семьи, а сама идет в кухню для исполнения очередных утренних хозяйственных работ. Разбуженный член семьи занимает место перед иконами и совершает утреннюю молитву, правда, более краткую, чем старуха. За ним молятся следующие члены семьи. В крепких кержацких семьях приходилось наблюдать на долгой утренней молитве не только взрослых, но и подростков 12—14 лет и даже детей 7—10 лет. Все они молятся с лестовками и подручниками.¹

Наблюдая эту сторону быта невольно вспоминаешь строки из Домостроя: „А ложася спати, всякому християнину по три поклона въ землю предъ богомъ положити; а въ полунощи всегда таино воставъ помолитися о своемъ согрѣшеніи, елико вмѣстимо; а во утре, воставая, такожь творити и комуждо противу силы и по желанію... И по моленіи семь утре, въставая, отпѣти заутренняя и часы, и молебенъ, съ молитвою и съ молчаніемъ и съ кротостію и съ кротостояніемъ и единогласно пѣти, и со вниманіемъ слушати, и съ святымъ каженіе. А где некому пѣти, ино молитися доволно, в вечере и утре...“²

¹ Лестовка здесь—обычного старообрядческого типа, состоящая из холцевого ремешка, к сшитым концам которого прикреплены четыре кожаных или холцевых, обшитых кожей, лопасти; внутренняя и нижняя пара—четырёхугольная, верхняя и наружная—треугольная; ремешок сплошь усажен холцевыми валиками—„бабочками“, служащими для счета молитв и поклонов; более мелкие „бабочки“, которых всего 109 штук, разделяются на 3 части (20+33+54) двумя более толстыми „бабочками“. Шьют их обычно „благословлённые“ старухи (те же, что шьют и смертное платье).

Подручники бывают большей частью неправильной четырехугольной формы около 25—30 см длины и 20 см ширины, из кусочков разноцветного ситца, с петелькой для подвешивания; внутрь проложен кусок войлока. Шьют сами и употребляют для подкладки под руки при земных поклонах („метаниях“). Совершая ежедневное моление перед восходом солнца, отсчитывают по лестовке нужное (т. е. положенное духовным отцом) число молитв и возгласов и совершают положенное число метаний. В праздники зажигают восковые свечи, прилепляя их к краю божницы и молясь дольше обыкновенного.

² Домострой по рукописям Публичной библиотеки, под ред. Якова лева. СПб., 1867, стр. 28—29.

В прежнее время старики собирались в Белую для обсуждения своих религиозных и общественных дел; теперь таких „стариковских судов“ не бывает. Тем не менее, авторитет „стариков“ и начетчиков стоит высоко, и все, не желающие быть исключенными из общины, должны строго подчиняться их наставлениям. Свою веру бухтарминские беспоповцы называют „стариковской“, так как ими в религиозном отношении руководят старики, и в своих религиозных убеждениях они следуют „заветам стариков“. Все, кто не принадлежит к „стариковской вере“, для бухтарминских кержаков являются „мирскими“, что равносильно по значению „поганым“. С „мирскими“ стараются иметь как можно меньше сношений, что особенно ярко сказывается во внешних отношениях. Одним из важных пунктов для кержаков является соблюдение и почитание „чашки“, т. е. не употребление пищи совместно с „мирскими“ и из той посуды, которую употребляют „мирские“. Сами себя часто называют— „мы чашны“, „мы братишны“, чем хотят выразить, что они могут есть или пить из одной чашки только со своими же кержаками. В силу этого в каждом хозяйстве имеется два набора посуды — для „чашных“ и для „мирских“. Хозяйка зорко следит за тем, кому из гостей можно дать какую посуду. Если по ошибке „мирскому“ попадет „братишна“ чашка, то ее не пускают в обиход, пока не очистят от дьявольского прикосновения освящением в молебной, предварительно вымыв с молитвой в реке. Мыть посуду стараются в речной, проточной воде, чтобы лучше очистить от всякой нечисти и, по словам переселенцев, в случае, если кто-нибудь из переселенцев мыл свою посуду или, в особенности, самовар выше по течению, то ждут, пока не пронесет течением эту воду, в которой „дьявол“ или „антихрист“ купался. Соблюдение „чашки“ идет очень глубоко, и это твердо выполняют даже дети. Приходя в школу, они приносят с собой в отдельных посудинах воду для питья и ни за что не будут пить воду из того ведра, из которого берут остальные дети в школе („мирского“). Если же дети переселенцев, в шутку, нальют в их посуду этой воды или тайком выпьют из их бутылок, то происходит драка—маленькие кержаки разбивают бутылки и в мороз, между уроками, бегут на реку к проруби напиться ледяной воды, и ничто не заставит их пить воду вместе с „мирскими“. Кержак, побывавший в доме, где нет „братишной“ посуды, приехав домой, уже не ест вместе

со своей семьей, пока не получит разрешения от наставника и не выполнит эпитимии.

Молодые кержаки, пришедшие с военной службы, также должны выполнить эпитимию, очиститься, после чего они допускаются в молельню и к общему столу со своими домашними. В праздник, при сборе гостей, или на поминках, всегда ставят несколько столов, и порядок рассаживания гостей зависит от того, „чашны“ они или нет; „мирских“ сажают за отдельный стол. Кержаки часто и гостеприимно приглашают к себе в гости переселенцев и приезжих, но сами ни к кому из них не ходят и ничего у них не едят, так как у тех все приготовлено без благословения, „дьявольскими руками“. Точно так же ничего готового не покупают в кооперативе, даже сушеных фруктов, так как все это нечистое. При отсутствии здесь в горах садов и фруктовых деревьев, кержаки не только не пробовали, но даже и не видывали яблок, груш и т. п. Даже дети в строгих семьях и те боятся съесть покупную конфету. Правда, молодежь в последние годы начинает понемногу нарушать эти строгие правила. По словам переселенцев, и пожилые, крепкие кержаки, когда напьются пива, то уже не разбирают посуды и пьют из всякой, хотя после этого все-таки идут очищаться.

Эти примеры достаточно красноречиво говорят о тормозящей роли религии, способствующей сохранению старых форм быта и препятствующей культурному развитию населения.

Кроме „стариковской“ веры, среди бухтарминских кержаков известна еще так называемая здесь „крымская“ или „австрийская“ вера; это — белокриницкие поповцы, признающие священство, поставленное Белокриницкой австрийской иерархией. Эта „австрийская“ вера появилась здесь сравнительно недавно, по указанию самих кержаков, с 1908 года. В последнее время она получает все большее и большее распространение, и в некоторых из коренных кержацких деревень уже значительный процент населения принадлежит к этой вере. В этом отношении из посещенных пяти деревень на первом месте стоит Коробиха, где только 8 домов из 152-х старожильческих сохраняют „стариковскую“ веру, все же остальные кержаки перешли в „австрийскую“. В „австрийскую“ веру в Коробихе переходят даже многие православные из приезжих переселенцев, что вызывается наличием у „австрийцев“ церкви и священника, тогда как православный приход далеко, в Медведке, и священник с дьяконом

бывают лишь наездами. В Коробихе имеется с 1917 г. особая „австрийская“ церковь и с 1914 г. священник из местных жителей (фиг. 12). До постройки церкви служба происходила в доме. Это — единственная „австрийская“ церковь в районе, поддерживавшая до войны связь с Московской общиной старообрядцев поповцев (Рогожское кладбище). В этой церкви облачения, хоругви, кадило и часть иконы были получены из Москвы. В цер-

ковных предметах обращает внимание своеобразное сочетание старообрядческих молитвенных принадлежностей (лестовки, подручники, литые медные иконы и кресты) с церковными православными.

Среди большого количества разнообразных икон встречаются иконы старинного письма; из них обращает на себя внимание особый тип Деисуса (Христос Эммануил и архангелы Гавриил и Михаил по бокам) работы конца XVII или начала XVIII в., разновидность писем средней России и верхнего Поволжья, тщательной, но несколько сухой работы (фиг. 13).¹

В деревне Язовой в последние годы число „австрийцев“ также увеличивается; они уже начали строить для себя отдельную церковь и не ходят в беспоповскую молельню. Меньше всего „австрийцев“ в Белой и Фыкалке, самых дальних и самых крепких „стариковских“ кержацких деревнях. „Австрийцы“ не соблюдают „чашки“, и потому для своих же кержаков-старообрядцев являются нечистыми.

„Стариковцы“ считают свою веру самой истинной и самой чистой. Не входя в догматические тонкости, они по инерции и традиции хранят старые обряды. Среди стариков еще до сих пор держится старообрядческая легенда о Беловодье—райской стране, где нет и не может быть антихриста, где живут православные христиане, и нет никаких гонений за веру. Такая мифи-

Фиг. 12. Единоверческий священник в д. Коробихе.

¹ Определение по фотографиям сделано сотрудниками отделения древнерусского искусства Художественного отдела Русского музея.

ческая страна, сохранившая в чистоте веру, казалось, должна была быть где-то на востоке. Быть может, на эту мысль навели предания о распространении христианства в Средней Азии, Индии, Китае, на Цейлоне и в Монголии еще с III в. манихеями, и несколько позднее, с V в., несторианами. Возможно, что легенда поддерживалась тем соображением, что христиане, в глубине Азии, оторвавшиеся давно от главной церкви, поте-

Фиг. 13. Старообрядческие иконы. Д. Коробиха.

рявшей свой авторитет, лучше сохранили первоначальную чистоту веры. Эти легенды о такой стране, где сохранилась истинная православная церковь, особенно широкое распространение получили к концу XVII века, когда в Московском государстве начались преследования старообрядцев. В XVIII веке среди старообрядцев появилось рукописное описание путешествия некоего беспоповского инокa Марка¹ из Топ-езерского скита Архангельской губернии. В этом путешествии дано точное описание пути за Урал, через Сибирь, через пустыню Гоби и Китай до океана, называемого Беловодьем, на котором стоит „Опоньское“ (Японское) царство; здесь-то и находится место, где живут истинные христиане и где имеется до сорока российских церквей.

¹ В. Г. Короленко в предисловии к ст. Г. Т. Хохлова „Путешествие уральских казаков в „Беловодское царство“ (Записки Русск. Геогр. О-ва, по отд. этнографии, т. XXVIII, в. I, СПб., 1903) считает это путешествие отголоском посещения восточных стран в XIII в. Марко Поло.

Под влиянием этой легенды, так реально описывающей самый маршрут с указанием даже лиц, к которым можно „зайти на фотеру“, ¹ среди старообрядцев укрепилось стремление найти эту обетованную землю. Такое Беловодье искали старообрядцы в разных местах Сибири, куда из Европейской России их тянули простор и глушь еще нетронутых, незаселенных мест. Приходя в Сибирь, старообрядцы сталкивались постепенно и здесь с „антихристовыми“ порядками, и самое Беловодье в их представлении отодвигалось еще дальше. Долгое время Алтай и самая Бухтарма, куда не достигал глаз начальников, считались таким Беловодьем и притягивали к себе беглецов из старообрядческой среды. Но попадая сюда, в обетованную землю, на Бухтарму, старообрядцы, при всех положительных и привлекательных сторонах этого края, все-таки видели ряд несоответствий своему идеалу и, в силу присущей человеку неудовлетворенности, стремились найти еще лучшие места, и опять это легендарное Беловодье отодвигалось еще дальше на восток, в Китай и в „Опоньское царство“. Легенды об этом Беловодьи, лежащем далеко на востоке, не раз в истории бухтарминских кержаков претворялись в действие; известны неоднократные попытки бухтарминского населения итти на поиски такой обетованной земли, где в полном благоденствии живут праведники. Самая Бухтарма уже перестала быть Беловодьем и превратилась в своего рода „сборный этап беловодцев“, ² т. е. ищущих легендарное Беловодье. Известны случаи, когда в 40-х и 60-х годах прошлого столетия большие партии старообрядцев снимались с места и уходили из Бухтарминского края на поиски Беловодья. О путешествии бухтарминцев в 40-х годах мы имеем мало сведений, но на Бухтарме немногие из кержаков еще помнят рассказы об этом хождении. Так, нами были записаны некоторые, правда, весьма спутанные, сведения от Г. Н. К о н о в а л о в а, одного из наиболее передовых кержаков д. Печей, о хождении его деда на Беловодье, ³

¹ А. Н. Белослюдов. „К истории Беловодья“, Записки Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. О-ва, т. XXXVIII, Омск, 1916, стр. 32—35.

² А. Новоселов. Умиравшая старина. Записки Семипалат. подотдела. Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. О-ва, вып. X, Семипалатинск, 1915, стр. 5.

³ Дед его, Андрей К о н о в а л о в умер 104 лет в 1912 году, „по Беловодью“ же ходил, в течение восьми лет, до 35-летнего возраста, когда окончательно вернулся в Печи, женился и осел; следовательно его хождение относится к 1835 — 1843 г.г.

вместе с другими двумя братьями, в числе большой группы беловодцев. По этим сведениям, беловодцы ходили в Китай, направляясь, через Зайсан на Черный Иртыш, оттуда в глубину Китая. Китайцы их ловили, как беспаспортных, и направляли обратно. Ходили также в Афганистан и в Индию (немного не доходили до Калькутты). Повидимому, эту попытку следует поставить в связь с возникновением в 40-х годах в Буковине (Австрия) в селении Белая Криница белокриницкой или австрийской иерархии. Еще в 30-х годах намечалась тяга наиболее предприимчивых старообрядцев на восток, в целях отыскания епископов дониконовского благочестия. После последней попытки иноков Павла и Алимпия в 1844 г., побывавших в Сирии, Иерусалиме, Египте и не нашедших нигде чистой веры, эти поиски до некоторой степени теряют свою остроту, и внимание старообрядцев обращается на Белую Криницу, селение, образовавшееся в 1783 г. Самое название этого селения — Белая Криница — на языке буковинских славян есть то же Беловодье. Часть старообрядцев признала святость этой новой иерархии, часть же от нее отвернулась и не признает белокриницкого священства. И бухтарминские старообрядцы, так жадно искавшие древнее Беловодье, живя бок-о-бок в одном селении с белокриницкими священниками, не признают их. Наиболее передовые из кержаков сознают трагедию кержаков, искавших прежде Беловодье на востоке, в Китае (и верящих и сейчас, что оно там), в то время, как оно на западе, в Буковине, в Румынии, и не сознающих, что презируемая ими „крымская“ (исковерканное от „Криница“) вера и есть то древнее благочестие, которое разыскивалось стариками.

О более поздней попытке найти Беловодье в 1861 году, сохраняются более яркие воспоминания. Так, в д. Белой еще сейчас живы некоторые 75—80-летние старики, которые сами, будучи детьми, принимали участие в этом походе. От одного из них, еще ныне здравствующего, Ассона Емельяновича Зырянова в 1914 году А. Н. Белослюдовым¹ записан рассказ об этом путешествии, с приложением даже маршрутной карты, составленной самим стариком Ассоном без всякого знания географии, и, конечно, с внесением целого ряда субъективных представлений о расстояниях и о положении тех или иных пунктов. Самому

¹ „К истории Беловодья“. Записки Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. О-ва, т. XXXVIII, Омск, 1916, стр. 32—35, с картой.

Ассону было всего 12 лет, когда он, вместе с остальными кер-
жаками, в числе 130 человек, отправился на Беловодье под
предводительством его отца Емельяна, не раз бывавшего в Мон-
голии и знавшего китайский, монгольский и манджурский языки.
В описании, данном А. Н. Белослюдовым, рассказывается
только о путешествии жителей д. Белой. По словам Данилы
Петровича Зырянова („дедушка Данила“, как зовет его вся
деревня), много рассказывавшего нам о поисках Беловодья
вообще и, в частности, об этом последнем путешествии, в этом
походе принимали участие не только беловодцы, но и кержаки
из деревень—Коробихи, Сенной и других. По словам Данилы
Петровича, беловодцы отправились семьями „аргышем боль-
шим“, т. е. большой толпой, с женами и детьми, захватив с со-
бой старые книги и иконы; на коней навьючили пропитание,
сколько могли увезти с собой, и пошли на восток, через ки-
тайские земли. С Бухтармы вышли в июле. Шли сначала по
знакомому для предприимчивых кержаков торговому тракту
на г. Кобдо, далее, по озеру и р. Кара-Уссу (в кержацком
произношении р. Карыша), на г. Улясутай (в кержацком про-
изношении Валустан). Китайские власти встречали их хорошо:
препятствий не чинили, кормили, снабжали провиантом и давали
проводников. Далее уже пошли места незнакомые. Через три
месяца пути по степям Монголии, когда путники уже устали от
долгого пути и потеряли надежду притти в обетованную землю—
среди них начались несогласия; часть решила вернуться назад;
начались споры между отчаявшимися и упорными, вплоть до
драк. Большая часть, потеряв в пути многих своих членов,
умерших от истощения и болезней, растратив все, что имела,
вернулась назад. Небольшая же кучка отправилась дальше; трое
из них добрались до Пекина и некоторое время жили там,
а затем вернулись на Бухтарму. Дальше они и не пошли. „Но
немного им и осталось дойти-то“, говорит Данила Петро-
вич. „Дальше идет море глубокое, и на том его берегу стоит
крепость страшная, и живут в ней праведники, сохранившие
веру истинную, бежавшие от бергальства, от солдатства (рат-
ники были). Попастъ к ним можно, перейдя это море, а по морю
вывешена дорога фертом,¹ лошади по брюхо, на одни сутки
пути. Слух идет, что и сейчас живут они там, хранят древнее

¹ „Вывешена дорога фертом“, т. е. обозначена вехами не по прямому
направлению, а извилинами.

благочестие". Следует отметить, что до сих пор рассказы о Беловодье передаются с полной верой в реальность его существования.

После этого массового хождения бухтарминцев на Беловодье, был назначен особый чиновник в селе Сенном для предупреждения таких побегов за китайскую границу.¹

Некоторые сведения имеются о более поздних путешествиях. Так, Б. Г. Герасимов² в отчете о поездке в южный Алтай в 1920 году сообщает о попытках ухода на Беловодье в 80-х годах.

Живя замкнуто в религиозном отношении, кержаки все же не могли, в силу бытовых и экономических условий, отказаться от всякого сношения с людьми иной веры. И с самого начала поселения в Бухтарминском крае, кержаки вступают в сношения с основными насельниками этого края, мирным путем оттесняя их все дальше в глубь страны и занимая наиболее удобные места. На границе с Китаем рано завязались сношения с китайцами, ограничивавшиеся, главным образом, торговлей, по преимуществу с пограничными пикетами. До 1864 года, т. е. до Чугучакского мира, по которому было в 1871 г. проведено окончательное разграничение России и Китая,³ и все течение Бухтармы и оба ее берега отошли к России,—китайские пикеты стояли на самой Бухтарме. Ближе от Бухтармы, по нарымской долине, до 1871 года проходила так называемая китайская дорога—торговый и почтовый тракт от Иртыша в Монголию. Еще сейчас этот тракт носит название китайской дороги, и захватившего на Бухтарму всегда спросят: „Как приехали, по китайской дороге или через Солонку?“ Живы еще рассказы, слышанные от дедов, как по этой дороге стояли китайские посты, и всякого, кто осмеливался проехать по этой дороге без разрешения, били плетками. Некоторые из сопкок по этой дороге и сейчас еще носят названия, напоминающие о близости пограничной линии, например, Караульная сопка, на которой стоял китайский отряд. С 1871 года эта старая китайская дорога, единственная, пригодная для колесного передвижения в южном Алтае, стала главной артерией, соединяющей весь край с

¹ Н. М. Ядринцев. *Op. cit.*, стр. 43.

² Поездка в южный Алтай. Записки Семипалат. отд. Русск. Геогр. О-ва, вып. XVI, Семипалатинск, 1927, стр. 152.

³ Е. Шмурло, Описание пути между Алтайской станицей и Кош-Агачем в южном Алтае. Записки Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. О-ва, кн. XXIII, 1898, стр. 2.

Иртышем и через него со всем внешним миром. По этому тракту расположены возникшие уже позже кержацких поселений г. Больше - Нарымск, сейчас центр уезда, и ряд казачьих станиц и крестьянских поселений, например, Березовый Бекет, Медведка, станица Алтайская и др.

Близость кержацких поселков к китайской границе невольно наталкивала население на меновую торговлю с китайцами. Уже Ледебур в 1826 г. отмечает меновую торговлю или „сатовку“, как один из главных промыслов бухтарминского населения, ставя эту торговлю наряду с земледелием, скотоводством и охотой. И все позднейшие наблюдатели также указывают на широко развитую в прежнее время меновую торговлю с китайцами и киргизами. По сообщению Ледебура,¹ одним из благоприятных условий для торговли с китайцами служило то обстоятельство, что китайская пограничная стража жалованье получала натурой и многие из полученных вещей выменивала пограничным русским. В обмен на муку, зерно и меха бухтарминцы получали от китайцев различные китайские ткани, как бумажные (даба, нанка, бязь), так и шелковые (фанза, канфа, штоф), готовые халаты, серебро в слитках, крашеную шерсть, пуговицы.² Кроме того, от китайцев в значительном количестве получалась фарфоровая посуда. Последним обстоятельством, повидимому, и объясняется наличие в домашнем обиходе современных кержаков большого количества фарфоровой и фаянсовой посуды и почти полное отсутствие глиняной или стеклянной чайной посуды. Правда, современная фарфоровая посуда уже не китайского происхождения, а русского фабричного, хотя и сохраняет формы восточной плоской чашки без ручки, употребляемой сейчас и казакским населением для питья кумыса. Повидимому, привычка, очень давняя, употреблять красивую фарфоровую посуду, шедшую из Китая, заставляет кержаков и сейчас покупать расписной фарфор и фаянс. Точно так же товарообменом с китайскими пограничниками объясняется большое распространение в быту бухтарминских старообрядцев шелковых тканей, и, повидимому, в силу этого, уже сто лет тому назад, по замечанию Ледебура, в быт бухтарминцев „внедрилось известное щегольство, чистота, изяще-

¹ Землеведение Азии, стр. 70 — 80.

² Сибирские Ведомости, 1845, № 22.

ство, которые изумляют путешественника в таком отдалении от всякой цивилизации".¹ Все это и сейчас, через сто лет, так же поражает каждого, попавшего в этот район после северновеликорусской деревни, не говоря уже о грязной и недостаточно чистоплотной южно-великорусской деревне. До настоящего времени в отдельных случаях сохраняются следы этих взаимоотношений с китайцами, например, в сохранении некоторых китайских тканей и украшений.

Кроме китайцев, бухтарминским каменщикам доставляли различные товары и русские купцы, имевшие очень давние торговые связи с Китаем. Имеются, например, документальные данные о пребывании значительного числа русских купцов в Джунгарии в 1746 году. Привозя туда русские товары и развозя их по стране, купцы оставались по несколько лет за границей и вывозили оттуда китайские товары.² Эти купцы вели торговлю с туземцами Сибири и, в частности, Алтая, от которых можно было за бесценок получать дорогие меха, а также направляли целые караваны с русскими товарами за границу в Китай, в Кобдо. По торговому тракту на Кобдо,³ весьма оживленному, купцы устраивали сначала временные, а потом и постоянные зимовья или заимки.⁴ В отдельных местах такие караван-сарай строились и киргизами-торговцами для проезжающих купцов.⁵ На этих заимках производились торговые операции; тут же были и склады товаров, доставляемых караванами. Кроме таких заимок, основанных отдельными предприимчивыми купцами, были устроены правительством специальные „меновые дворы“ вскоре после появления русской правительственной колонизации южного Алтая. Так, уже в 1754 году существовала Семипалатинская таможня, в 1731 г. Ямышевский, в 1765 г. Устькаменогорский и в 1767 г. Железинский меновые дворы.⁶ На этих дворах и таможнях происходил обмен китайскими, киргизскими и рус-

¹ Землеведение Азии, стр. 70.

² К. Струве и Г. Потанин. Поездка по восточному Тарбагатаю. Записки Русск. Геогр. О-ва, т. I, СПб., 1867, стр. 472.

³ А. Принтц. Записки о поездке в Китайский город Хобдо в 1863 году. Записки Русск. Геогр. О-ва по общей географии, т. I, СПб., 1867, стр. 535—541.

⁴ И. М.—в. Заимочки Каменного Алтая. Сибирская Газета, 1886, № 24.

⁵ К. Струве и Г. Потанин. Стр. 468.

⁶ К. Струве и Г. Потанин. Поездка по восточному Тарбагатаю летом 1864 г., приложение II. Записки Русск. Геогр. О-ва по общей географии, т. I, СПб. 1867, стр. 520.

скими товарами. Здесь, на торговых заимках, в караван-сараях и меновых дворах „каменщики“ могли обменивать добытые охотой меха, как на китайские (см. выше), так и на русские товары. Для русских купцов, с большим риском предпринимавших торговые путешествия, эта меновая торговля была в высшей степени выгодна. Особенно высоко ценились металлические изделия, например, за железные и чугунные котлы давали столько соболей и чернобурых лисиц, сколько в них вмещалось.¹ При обилии зверя в нетронутых лесах среди гор, алтайское население легко могло так щедро расплачиваться мехами. Первоначально был спрос на русский порох, свинец, железо, винтовочные стволы, серебряные деньги, соль,² а также медные чайники и котелки и, наконец, ткани (шелк, сукно), причем много позднее, только в конце XIX столетия, получили распространение ситцы.

С другими иноплеменными соседями—казаками—уже при самом появлении кержаков в „камне“ сложились определенные взаимоотношения, которые поддерживаются до настоящего времени в силу того, что тем и другим приходится жить в близком соседстве, и воздействие казаков на русских и обратно не прекращается и сейчас. По сведениям Ледебуря и других наблюдателей, в прошлом столетии у бухтарминцев наблюдался такой же товарообмен с киргизами, как и с китайцами. Также в обмен на муку и меха кержаки получали казакские изделия: войлоки, овчины, плети, арканы (волосяные веревки),³ седла, уздечки, серебряные изделия, а также рогатый скот и лошадей.⁴ И в настоящее время у казаков, главных скотоводов края, кержаки покупают и выменивают скот и лошадей. Точно так же, как и сто лет тому назад, пользуются широким распространением и весьма ценятся казакские седла и вся верховая сбруя, во многих случаях даже сохраняющая казакскую терминологию.⁵ Войлоки, кошмы и сырмаки⁶ казакского изготовления и сейчас широко употребляются для различных надобностей. Кроме

¹ Müller. Nachrichten v. d. Handlung in Sibirien. Samml. Rus. Gesch., 1760, Th. III, 483 и Землеведение Азии, стр. 288.

² Сибирские Ведомости, 1845, № 22.

³ Сибирские Ведомости, 1845, № 22.

⁴ Землеведение Азии, стр. 88.

⁵ См. ниже статью „Хозяйственный быт...“, главу „Средства передвижения.“

⁶ Узорный войлок.

того, казаки выполняют для кержаков ряд работ из хозяйского материала, например, бьют шерсть, изготавливают серебряные украшения для упряжи; казакские женщины шьют грубую рабочую одежду. Изредка и сейчас можно встретить заехавшего в деревню казака с десятком волосяных плетей за седлом— это его изделие, приготовленное на продажу кержакам.

Но уже лет 70—50 тому назад, по свидетельству кержаков, отношения с казаками начали принимать несколько иной характер, чем это было в старину. В силу ряда экономических причин, казаки, главным образом, разорившиеся, маломощные хозяйства, начинают поставлять на Бухтарму работников. Старики утверждают, что лет 50—60 тому назад, ни один казак не умел работать в поле, не умел обращаться с косой и серпом, будучи природным скотоводом, а не земледельцем. Но, появляясь в качестве работников в кержацком хозяйстве, казаки¹ понемногу обучились сельско-хозяйственным работам. И уже к началу XX столетия почти вся работа по уборке сена и хлеба в зажиточных и середняцких кержацких хозяйствах лежала на казаках. До 1927 года наем казаков на эти работы имел самое широкое распространение.

Вследствие тесных и постоянных сношений с казаками, кержаки хорошо знают казакский язык, и не только мужчины, но и женщины. В последние два года начинает несколько сокращаться наем казакских работников. Объясняется это современной политикой в крае после образования Казакской АССР. Проведено во многих районах землеустройство;² казаки получают хорошие земельные наделы для привлечения их к земледельческому оседлому хозяйству. Понемногу, отдельные казакские хозяйства начинают сами засеивать поля, вследствие чего становятся в меньшую экономическую зависимость от кержаков. В силу этого казак начинает несколько выше расценивать свой труд, а для кержаков, привыкших к эксплуатации труда казаков, становится неприемлемым оплачивать так высоко сенокос и уборку хлеба. Ввиду этого, многие кержаки, не находя выгодным нанимать дорогих работников и не имея возможности обрабатывать свои поля собственными силами, начинают сокращать посевы.

¹ По преимуществу нанимаются на работу к кержакам чингистайские и курчумские казаки.

² См. статью „Хозяйственный быт..“

Кроме полевых работ, казаки являются пастухами в кержацких селениях, а также пасут на белках в летнее время кержацкие табуны. Наконец, казаки из самой бедноты, селятся, в качестве сторожей на пасеках и маральниках, за неимением собственной кибитки, в хозяйской избушке со всем своим семейством. Раньше не доверяли казакам и сторожами их не нанимали, лишь с 1904—1905 года, по сообщениям кержаков, стали селить казаков на маральниках и пасеках. В зимнее время, с Покрова до Пасхи, казаки нанимаются за 40—50 рублей или за лошадь в работники и несут самую трудную зимнюю работу—возку сена и хлеба и молотьбу.

В прежнее время казаки находились в экономической зависимости от русских; некоторые же, забирая систематически зимой хлеб в долг у того или иного кержака, даже попадали на долгие годы к нему в кабалу. Рассказывают много отдельных эпизодов из истории этих кабальных отношений, которые ярко рисуют эксплуатацию казакского населения. В настоящее время картина сильно изменилась. Казаки-работники, зная, что могут всегда обратиться за помощью в батрацкий комитет, имеющийся в каждом сельском совете, держатся уже более независимо; становятся более требовательными к хозяевам в отношении пищи и одежды.

Взаимоотношения бухтарминских кержаков и местных казаков складывались не только на хозяйственно-экономической почве. Особенно в старое время, по рассказам стариков, наблюдались случаи вступления в родство с казаками, конечно, при условии их крещения и хотя бы номинального исповедания „стариковской“ веры. В первое время поселения, кержацкое население, как указывалось выше, состояло преимущественно из мужчин. Поэтому, в отдельных случаях, в жены брались казакские женщины. Бывали также случаи, когда казакский мальчик попадал в кержацкий дом в работники, хозяева к нему привыкали, уговаривали креститься и, когда вероисповедная грань исчезала, окончательно к нему привязывались, усыновляли, женили на какой-нибудь бедной кержачке. Подобного рода факты не прошли бесследно для бухтарминского населения, и в их облике можно подметить некоторую примесь турецкой крови, что наложило определенный отпечаток на антропологический тип кержаков.

Почти в каждой деревне могут указать один или несколько домов, где дед или прадед, бабка или прабабка были „кыргызы“.

В кержацких деревнях на Бухтарме, кроме основного старожильческого старообрядческого населения, живут также позднейшие переселенцы—новоселы из разных мест Европейской России и Сибири. Чаще всего приходилось в посещенных пяти деревнях встречаться с переселенцами из-под Барнаула и из-под „Бейска“ (Бийска); значительный процент переселенцев составляют также крестьяне Центрально - черноземной области (губернии: Пензенская, Курская, Тамбовская). В большинстве случаев эти переселенцы не являются прямыми выходцами из Европейской России, попавшими прямо из России на Алтай,—таких сравнительно немного. В большинстве случаев, это крестьяне, переселившиеся со своей европейской родины в разные места Западной Сибири, но не нашедшие там удобства и возможности наладить свое хозяйство. В Алтайские горы, на Бухтарму их заманили рассказы о сказочном приволье Бухтарминского края. Пришедшие сюда из степных районов переселенцы на первых порах трудно уживаются, в силу непривычки к горной местности и к работе в горной стране. Многие вынуждены здесь и оставаться, потому что считают, что лучшего не найдешь, да и возвращаться обратно не приходится, так как на обратный путь нужны средства. Немногие, правда, поговаривают о приволье Дальнего Востока и Амура, и возможно, что такие хозяйства, уже живущие после ухода из-за Урала не в первом месте, привыкшие к кочевкам и новым местам, снимутся и отправятся в новые края—на Амур, в поисках того, о чем они мечтали среди тесных полей Тамбовской губернии. Но те и другие, особенно молодежь, скучают в тесных горных долинах среди мало приветливых кержаков и вспоминают, как весело было у них в деревне на родине.

В настоящее время переселенцы в обследованных деревнях, в среднем, составляют 25—27% хозяйств в каждой деревне, за исключением Коробихи, где этот процент = 34. Широкая колонизация Алтая и, в частности, интересующих нас мест имеет сравнительно недолгую историю—свободное переселение на Алтай разрешено было лишь в 1865 году, и в первые годы переселенцами занимались более удобные для земледелия северные предгорья Алтая, и только позднее волна этой колонизации переходит и в южный Алтай. По словам кержаков, „расея“, как на Бухтарме называют переселенцев, понаехала к ним совсем недавно; раньше было их незначительное число,

но особенно много семей переселилось за последние годы. Кержаки встречают переселенцев весьма неохотно и порой недружелюбно, что наблюдается, по свидетельству многих исследователей, повсеместно в Сибири между старожилами и новоселами.¹ На Бухтарме это недружелюбное отношение поддерживается еще особенно сильно религиозной рознью, так как переселенцы, за крайне редкими исключениями — православного вероисповедания.

Переселенцы в пределах каждой деревни живут большей частью отдельно от кержаков, занимая самые неудобные места на окраинах селения. Обычно в селении сразу можно узнать переселенческую часть по бедности и малым размерам построек. Зачастую переселенцы даже не имеют своей собственной избы и живут на квартире. Держатся те и другие обособленно друг от друга и в крайне редких случаях рождаются между собой.

Переселенцы составляют беднейшую часть каждой деревни и в большинстве случаев работают на кержаков в качестве работников. Кроме того, переселенцы занимаются различными кустарными промыслами, снабжая своими изделиями кержаков. Переселенцы занимаются обработкой шерсти, катаньем валенок, шитьем чембар, изготовлением сит, набойки и т. п. Здесь наблюдаются те же экономические взаимоотношения, что и везде на Алтае, где сталкиваются старожилы и новоселы. По замечанию одного из исследователей Алтая, „нет кустарного и ремесленного производства на Алтае, которое не было бы улучшено переселенцами, а многие только с их приходом здесь и появились. Шубники, пимокаты, столяры, слесаря, шведы, штукатуры, даже плотники по городам и селам в подавляющем большинстве — новоселы. Всецело им обязан край земледельческими машинами и орудиями“.²

Несмотря на такое культурное влияние переселенцев, кержаки, принимающие все эти нововведения, приносимые новоселами, при всяком удобном и неудобном случае готовы выселить из своей деревни новых пришельцев, которые, как им кажется, мешают старожилам жить свободно, как раньше жили.

Гражданская война (так называемое на Бухтарме „восстание“ 1920 года) и ее последствия тяжело отразились на хозяй-

¹ „Алтай“, стр. 342.

² „Алтай“, стр. 355.

стве бухтарминских кержаков, которые до этого времени материально были вполне обеспечены.

Большую зажиточность бухтарминских „каменщиков“ отмечают все исследователи, начиная с Ледебера. По своему богатству „каменщики“ выделялись и сейчас еще выделяются среди русского не только европейского, но и сибирского крестьянства. Этому в значительной мере способствовали привилегированное положение бухтарминцев, не знавших ни крепостного права, ни горно-заводской повинности (бергальства), ни рекрутской, а позднее воинской повинности, не говоря уже о податях, так как наложенный на них ясак был крайне незначителен.

В таких своеобразных условиях сложилась эта группа русского населения — „каменщики“, представляющая большой интерес по своим бытовым особенностям. В быте бухтарминских „каменщиков“ много своеобразного, обусловленного как природой, так и историей и экономикой края. Горы, земельный простор, обильные зверем леса, наличие дешевых рабочих рук наложили определенный отпечаток на бухтарминское хозяйство. Близость китайской и монгольской границ также не осталась без влияния и сказалась в некоторых сторонах быта. Но под всеми этими местными наслоениями все-таки можно наметить основные этнические особенности бухтарминских „каменщиков“ и определить их ближайшее родство с той или иной племенной группой русского населения. В тех сторонах культуры, где менее чувствуется местный—сибирский и бухтарминский—отпечаток, можно установить определенную северно-великорусскую основу. За генетическую связь с северно-великоруссами определенно говорят наиболее яркие факты языка бухтарминского населения, который в основе своей имеет несомненные типичные северно-великорусские элементы. Эта же северно-великорусская основа определенно устанавливается при анализе основных элементов и форм одежды, дающей наиболее старинные северно-великорусские типы. Наконец, в основном типе жилища бухтарминских старообрядцев также намечаются характерные черты северно-великорусского жилья. Возможность выделить эту северно-великорусскую основу во всех сторонах быта бухтарминских кержаков представляет большой этнологический интерес при изучении типов и хронологии отдельных элементов русской культуры.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ БЫТ БУХТАРМИНСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Е. Э. Бломквист и Н. П. Гринкова

ВВЕДЕНИЕ

Хозяйственный быт русского старообрядческого населения на Бухтарме представляет большой интерес в силу своеобразного преломления русской культуры на дальней окраине государства в чуждых для русского горных условиях. Поэтому кроме основных наших заданий—собрания материалов по жилищу и одежде, нами был обследован и хозяйственный быт, хотя и не в одинаковой полноте в различных его частях.

Хозяйственный быт бухтарминских старообрядцев, как у всякой группы населения, обуславливается целым рядом факторов. Прежде всего, при анализе отдельных явлений, мы сталкиваемся с определенной северно-великорусской культурой и с теми навыками, которые занесли с собой в бухтарминскую долину забежавшие сюда каменщики. В этих формах северно-великорусского быта наблюдаются в той или иной мере отклонения, обусловленные физико-географическими условиями района, так как забежавшие сюда северно-великоруссы, типичные жители равнины, попав в горные условия, должны были приспособиться к ним и в той или иной мере изменить некоторые формы хозяйства. Вследствие оторванности от культурных центров и внешнего мира, жители бухтарминской долины, в особенности на первых порах своего поселения, были предоставлены самим себе и должны были сами обслуживать все стороны своего хозяйства. Это обстоятельство и до настоящего времени имеет место в хозяйственном быту бухтарминцев и особенно ярко сказывается в наиболее глухих и отдаленных горных деревнях, лежащих в стороне от самой Бухтармы. Эти деревни (Язовая, Белая, Фыкалка) в большей мере, чем весь остальной бухтарминский район, до настоящего момента

сохраняют натуральные формы хозяйства. Здесь ярче, чем где либо, чувствуется ряд архаизмов как во всем укладе, так, особенно, в хозяйственном быту. Вместе с тем, эти деревни являются наиболее зажиточными, и это обстоятельство обуславливает особенно высокую покупательную способность, вследствие чего, наряду с архаичными формами, мы встречаем в этих деревнях ряд элементов городской культуры.

Ниже, в отдельных главах, нам неоднократно придется отмечать причудливое соединение в быте бухтарминских каменщиков бытовых форм XVI—XVII вв. с явлениями XIX—XX вв. Весьма примитивные формы, являющиеся пережитками старины и в значительной мере обусловленные старыми формами натурального хозяйства, живут бок о бок с новыми достижениями техники. Так, например, при почти первобытном способе ведения сельского хозяйства, при залежной системе, плохой вспашке и т. д., встречаем оборотные плуги, косилки, веялки и т. п. При большом наборе в среднем хозяйстве эмалированной и расписной фаянсовой посуды для различных надобностей, каждая хозяйка изготовляет сама себе грубые, тяжелые толсто-стенные горшки. При сохранении старинного покроя одежды, широко и издавна распространено употребление покупных тканей для изготовления одежды. Наряду с таким облегчением в женской работе, как швейная машина, встречаем медленный ручной способ сбивания масла.

Общий уклад хозяйства объясняет полное отсутствие среди коренного кержацкого населения каких бы то ни было кустарных промыслов. Продукты земледелия, скотоводства, пчеловодства и охоты дают в достаточном количестве самое необходимое для местного населения, обеспеченного землей и живым и мертвым инвентарем. Доходы от мараловодства и охоты предоставляют лишние денежные средства, с избытком покрывающие оплату налогов и позволяющие заводить в домашнем обиходе деревенские предметы роскоши. Заниматься тем или иным видом подсобного кустарного промысла для коренного кержацкого населения нет никакой необходимости, и у него искони не развилось к этому склонности. Только в деревнях, где менее развиты пчеловодство и мараловодство (например, в Коробихе), население частично прибегает к подсобным занятиям. О зажиточности населения можно судить по приводимой таблице 1 экономической мощности, составленной на

основании сведений, полученных из районного исполнительного комитета в Катон-Карагае на 1 августа 1927 г.

Таблица 1.

Деревни	Число хозяйств		
	не имеющих объектов обложения	имеющих необходимый минимум	с доходом выше нормального
Коробиха	1	58	172
Печи	2	34	147
Белая	1	33	244
Язовая	2	39	139
Фыкалка	—	12	88

Разряд хозяйств, с доходом выше нормального, целиком охватывается кержацкими хозяйствами, лишь незначительное количество которых попадает в разряд имеющих необходимый минимум; все же остальное покрывается переселенцами. Таким образом, среди основного кержацкого населения преобладают кулацкие хозяйства.

1. ПУТИ СООБЩЕНИЯ И СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Обследованная часть бухтарминской долины, в силу географических условий, бедна путями сообщения. Настоящие колесные дороги весьма малочисленны, да и проложены они сравнительно в недавнее время. Колесный тракт идет по нарымской долине от Иртыша. По этому тракту на Бухтарму можно проехать через Солонку и Огневу, но путь такой, что в дороге могут поломаться колеса. До революции это был единственный колесный путь в Ясак. После революции проложен колесный путь на Бухтарму от деревни Согорной, к которой ведут колесные дороги от Медведки и от Алтайской станицы. Этот путь идет к северу и далее к западу от Согорной по ущелью р. Согорной, левого притока Бухтармы, затем по левому берегу Бухтармы вниз по течению до д. Коробихи. Этот путь идет, как говорят на Бухтарме, по „приторам“ — по крутым обрывам над рекой, или же „копами“, т. е. представляет собой дорогу, вырытую в крутом берегу. На дороге несколько довольно крутых спусков и подъемов. Дорога из Ясак через Согорную по нарымской долине на Иртыш в настоящее время самая обычная при езде с грузом на телеге. Эта дорога доходит только до д. Коробихи, а ниже этой деревни, например

в с. Сенное, можно попасть только верхом. По этой колесной дороге возможно проехать и в деревни, лежащие на правом берегу Бухтармы; переправившись на пароме через Бухтарму, можно попасть в д. Печи. Отсюда идут колесные дороги в остальные деревни. К северу от Печей идет одна колесная дорога, которая на 5-м километре разделяется: на северо-восток идет дорога в Язовую, где и кончается, на восток—в Белую. Из Белой проложена по крутым перевалам дорога на восток в Фыкалку. Таким образом, в настоящее время с тракта возможно проехать во все обследованные деревни, но далеко не всегда осуществима эта возможность. Так, из Белой в Фыкалку очень редко ездят на колесах, так как из долины р. Белой идет очень крутой и высокий подъем, который трудно преодолеть в плохую погоду; поэтому, если нет большой крайности, то едут верхом. Точно так же с Бухтармы на Согорную в плохую погоду, после дождей, избегают ездить на колесах. В весеннюю же и осеннюю распутицу колесный путь совершенно невозможен. Мосты через небольшие речки находятся в плохом состоянии; чинят их обычно сами, причем на отдельных бревнах обозначают инициалы отвечающих за них хозяев.

Если нет необходимости везти какой-либо груз, то сами кержаки предпочитают ехать не колесной дорогой, а „верховкой“, т. е. верховыми тропами, которые значительно сокращают путь, идя по прямому направлению. Верховой спокойно „переламывает“ тот или иной кряж или „белок“, не пускаясь в обход крутых и неудобных спусков и подъемов. Так, например, путь по колесной дороге из д. Белой до Катон-Карагай составляет около 70 км, через белок же 30 км, из Фыкалки в Катон-Карагай дорогой—78 км, через белок—17 км. Верховых троп через кряжи и белки в Бухтарминском крае имеется значительное число; они ведут из деревень на заимки, пасеки, маральники, пашни. Кроме таких общеизвестных троп, существует ряд весьма опасных тайных воровских троп, по которым ездят большей частью конокрады (барантчи), переправляющие угнанных коней за границу, в Монголию.

Колесные дороги между деревнями находятся в плохом состоянии — не поддерживаются, завалены камнями, мостов через горные ручьи не имеется, но путь от Иртыша на Катон-Карагай, как волостной пункт, в последнее время приводится в порядок.

Самым распространенным способом передвижения в Бухтарминском крае, как во всякой горной стране, является верховая

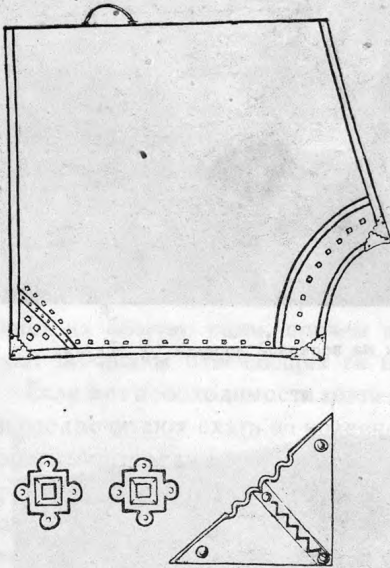

Фиг. 1. Перевозка муки в сумях на верховой лошади. Д. Белая.

Фиг. 2. Поездка на пашню с косой. Д. Коробиха.

езда, а для перевозки тяжестей вьюки (фиг. 1 и 2). Для обозначения верховой езды наиболее употребителен термин „вёршня“, для перевозки тяжестей — „вьюк“. Самый процесс верховой езды обычно выражается глаголом „бегать“, например: надо сбегать в Катон на волостной съезд (за 60 км); сбегать на пасеку за 10—15 км; „вы куда от нас побежите?“ (т. е. поедете) и т. д. Езду галопом обозначают выражением — „бежать в мах“,

Фиг. 3. Праздничные „савры“ казакской работы. Д. Печи.

рысью — „в притруску“, шагом — „ступью“; отсюда для лошадей, имеющих крупный шаг, существует выражение „ступистые“ лошади. Кержаки ездят, сидя неподвижно в седле, чаще всего пуская лошадь итти крупным шагом. Вследствие этого у кержаков получается несколько иная посадка, чем у казаков, и по посадке и движению всадника издали, еще не различая лица и одежды, можно определить, едет ли это кержак или казак. Сами кержаки на это постоянно обращают внимание и говорят, что казаки „хлюндают“, т. е. пускают лошадь бежать мелкой рысью или „хлюндой“.¹ Хороший наездник называется „коногоном“.

При верховой езде употребляются седла, деревянные, с кожаными подушками. Стремена всегда металлические. С каждой стороны позади седла имеется по паре „торокóв“, для приторачивания клади. Торока представляют собой узкие ремешки, длиной до метра, которыми, как веревками, обвязывается клада. Очень часто у мужского седла прикреплен кожаный футляр для топора, так называемый „нáтопорень“. ² Под седло подкладывается—войлочный потник и сверх него „савры“

¹ Хлюнда или киргизская рысь—средний аллюр между шагом и рысью.

² Распространен и у уймонских каменщиков и по всей Сибири; см. коллекцию № 1343 Этнографического отдела Русского музея.

из толстой кожи (фиг. 3). Последние у бухтарминцев употребляются двух видов: прежнего типа, с двумя подвесными на боках кусками кожи, соединенными каждый при помощи пары ремней со средним куском; это преимущественно будничные савры, на которых ездят, главным образом, старухи. В праздники же, особенно молодежь, употребляют савры нового типа, появившиеся лет 50 тому назад, две сплошные боковые лопасти которых представляют собой неправильный, но совершенно определенной формы, пятиугольник, несколько суживающийся кверху (фиг.3). Седло прикрепляется одной и часто, при трудных и крутых спусках и подъемах, двумя подпругами. При крутой дороге употребляется также

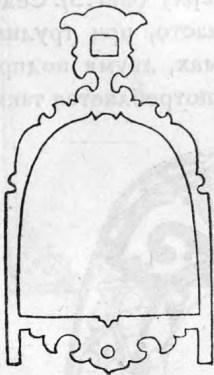
Фиг. 4. Серебряное украшение на „при-стуге“, казакской работы. Д. Печи. 1/3 н. в.

Фиг. 5. Серебряное накладное украшение казакской работы на кержацком седле. Д. Печи. 1/5 н. в.

нагрудник, представляющий собой, в сущности, ту же подпругу, но надеваемую на грудь лошади. При двух подпругах и нагруднике иногда седлают лошадь без „потфёи“ (подхвостник). Подпруги делаются тканые, шерстяные, остальная сбруя — кожаная сыромятная. Очень часто потфёя делается из шкуры с коровьих или маральих ног, так как ремень натирает спину лошади. Праздничная сбруя выделяется своими украшениями. Для этого служит серебряная отделка; украшаются: самое

седло (передняя и задняя лука, фиг. 5), „приступ“—ремень, на котором висят стремяна (фиг. 4), савры, потфея; наконец, стремяна. Украшения бывают различного типа: штампованные бляшки, затем серебряные пластинки с насечкой или чернью; в последних украшениях преобладают композиции определенно казакского типа (фиг. 5), зачастую весьма художественные; украшения из бляшек придают сбруе очень богатый и нарядный вид, но они мало художественны. На луке обычно встречаются накладные серебряные украшения, иногда с чернью, в виде широких орнаментированных пластин серебра, покрывающих

Фиг. 6. Узорное стремя казакской работы. Д. Печи. $\frac{1}{3}$ н. в.

наружную сторону деревянной луки. Такого же характера украшения находятся и на ремнях, идущих к стремянам (фиг. 4). На саврах серебряные украшения расположены на углах в виде треугольных пластинок, а также вдоль всего борта в виде штампованных небольших бляшек (фиг. 3). Такие же бляшки расположены и на всех остальных ремнях. Стремяна к праздничному седлу прикрепляются иногда также серебряные, узорные (фиг. 6). Обычно эти богатые, украшенные серебром седла—казакской работы. Такие седла или покупают у казаков или же заказывают, так как казаки—мастера этого дела.¹ Чаще всего казаки работают седла из кожи заказчика, употребляя свое серебро; за работу праздничного седла со стремянами брали до войны 20—30 рублей. На „серебряных“, как на Бухтарме называют украшенные серебром седла, ездят только в большие праздники и обязательно на свадьбу. Венчаться ездят из всех деревень в д. Белую верхом, и у жениха с невестой обычно серебряные седла.² Менее нарядные праздничные седла бывают раскрашенные, часто с цветочным орнаментом, который встречается на дугах и на утвари.

¹ Влияние казаков сказывается не только на форме и приемах отделки той или иной части верховой сбруи, но также в употреблении казакской терминологии, например: „айхидн“—серебряные украшения на седле, „таралги“—пряжки, „пстан“—род подпруги, „сайман“—седло и весь прибор и пр.

² Обычная сбруя хранится в завозне, праздничная же в кладовой или казенке.

Необходимой принадлежностью всадника является плеть (тоже казакской работы), которая на кожаной петле — на так называемом „темляке“ — носится на руке.

Для перевозки мелких вещей и сыпучих тел употребляются переметные сумы, представляющие собой большие мешки, сшитые из кожи, с застежками на ремнях. К верхнему краю одной „сумины“ прикреплено два толстых ремня, к такому же краю другой — две пряжки. При застегивании обе сумины соединяются, ремни перекидываются через седло, и сумы располагаются по обе стороны седла, сзади стремян. При езде сумы не мешают. Употребительны „большие сумы“, около 70 см ширины и 40 см высоты, и „малые сумы“, несколько меньшего размера. Отверстие сумины „зашивают“, т. е. стягивают его на ремешок, продетый в мелкие дырки, сделанные в борту сумины. В сумках возят припасы на поле, бадейки с медом, молоком, с ягодами, муку и т. п. Более крупные предметы, не вмещающиеся уже в большие сумы, обычно приторачивают к седлу. В летнее время каждый вечер можно встретить всадника, везущего свежую траву для

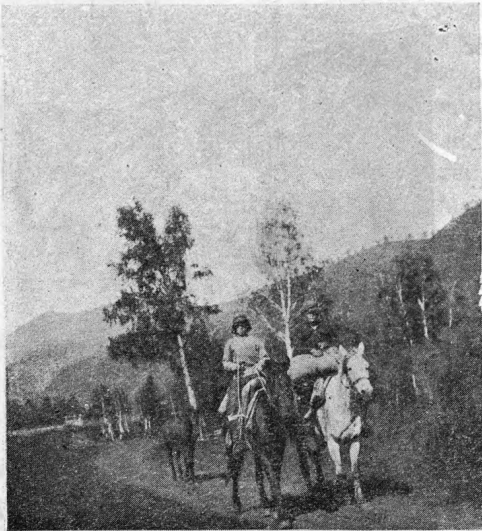

Фиг. 7. Перевозка травы. Д. Печи.

корма лошадям, стоящим ночью на дворе. Накашивают большие снопы высокой и густой травы и привязывают с каждой стороны седла тороками по большому снопу. Всадники, едущие в седле с такими травяными вьюками, производят впечатление движущегося небольшого стога (фиг. 7). Таким же образом перевозят осенью с полей снопы сжатого овса или пшеницы для корма домашней птицы. Также тороками прикрепляют большие мешки

с зерном для доставки их на мельницу; такой мешок кладут поперек седла и привязывают его тороками (фиг. 8). Таким же образом перевозят из леса веники, которых, обычно, в каждом кержацком хозяйстве выходит большое количество. При поездке на сенокос, косу везут в руках за косье так, что самая коса упирается в седло, или же держат ее так, что лезвие косы находится вверху. Серпы на жатву возят, заткнув их сзади под подушку седла, реже в руках. Вьючная лошадь может поднять до 160 кг груза.

Езда верхом имеет место при поездках различного назначения. Ездят в волостной исполнительный комитет или в боль-

Фиг. 8. Перевозка мешков с зерном.
Д. Коробиха.

ницу в Катон-Карагай, ездят на пашню, на склоны гор за ягодами, за диким хмелем, на мельницу, за медом на пасеку, с маральими рогами, в гости, на заимку или в соседние деревни, наконец, к соседям через 10—15 домов за какой-нибудь вещью и т. д. Привыкнув к седлу, кержаки очень не любят ходить пешком. Гулянье в праздник на улице также сопровождается верховой ездой.

Среди дня отдельные всадники, иногда совсем пьяные, переезжают от

дома к дому верхом на лошади, и лошадь, управляемая таким наездником, который не знает, зачем он дернул то один, то другой повод, шарахается то в одну, то в другую сторону, и тоже производит впечатление пьяной. Вечером, в праздник, собирается довольно большая толпа молодежи на конях, причем весьма часто девицы едут впереди в ряд, а сзади них ряд парней. Всадники и всадницы сначала неторопливо разъезжают взад и вперед по улице, распевая песни; затем эта мирная прогулка верхом под песни сменяется бешеной скачкой вдоль

улицы. Нередко в праздник можно встретить на улице верховую парочку: парень сидит в седле и правит, а девица сидит позади него, „по-дамски“, без седла, на крупе лошади. Вообще езда вдвоем применяется довольно часто; ездят на поле, когда нет дома лишней лошади, ездят вдвоем во время гулянья подруги или приятели, причем женщины всегда сидят сзади боком; мужчины же при езде вдвоем садятся оба верхом, один в седле, другой сзади него без седла. Ребятишки часто ездят по-трое и четверо на одной лошади.

Умеют управлять лошадей и хорошо ездить верхом все, от малого до старого. Ребенка, только начинающего ходить, уже сажают в седло, дают в руки поводья и, придерживая, катают на лошади. К езде же вообще на лошади приучаются еще раньше — грудных детей женщины обычно возят, взяв ребенка в одну руку, повод в другую. Дети с 5—7 лет ездят уже вполне самостоятельно.

Таким образом, верховая лошадь—самое распространенное и необходимое, при горных условиях, средство передвижения. Только бедняки-переселенцы обходятся без верховой лошади, часто проходя небольшие расстояния пешком; для кержаков же, издавна имеющих большие табуны лошадей, верховая лошадь является неотъемлемой принадлежностью. Девушке в приданое дается обязательно лошадь, чтобы она в новом хозяйстве могла всегда ею пользоваться и не ждать, когда свекор ей выделит лошадь; ходить же пешком на работу или в гости на соседние заимки считается неприличным для зажиточного кержака.

В зимнее время для передвижения, кроме верховой лошади, употребляют лыжи—деревянные, чаще черемуховые, как наиболее легкие; длина каждой лыжи около $1\frac{3}{4}$ м, наибольшая ширина до 15 см. Лыжи снизу обтягиваются шкурой с конских или маральных ног; на каждую лыжу идут шкурки с четырех ног. На лыжах ходят как на близкие, так и на дальние расстояния, особенно далеко уходят при зверованьи. Вообще бухтарминцы великолепно ходят на лыжах, свободно переваливая через крутые и высокие белки, засыпанные глубокими снегами.

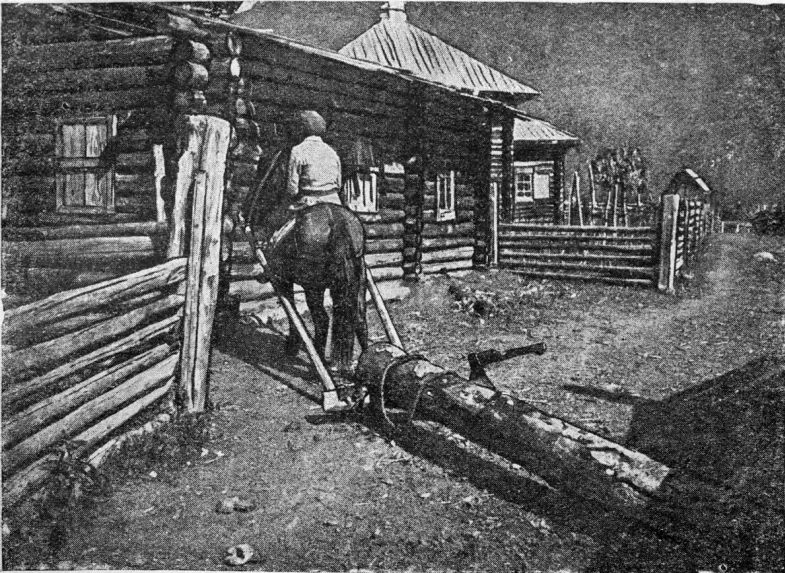
Как указывалось выше, верховая езда в летнее время является единственным сухопутным средством передвижения; другие способы передвижения почти вовсе не употребляются. Для перевозки же тяжестей, которые по объему или весу нельзя перевозить вьюком, существует ряд приспособлений,

по преимуществу примитивного характера. Самый простой способ перевозки можно наблюдать при перевозке сена на полях; в данном случае, к седлу прикрепляют две длинные жерди, соединенные посредине плетневым „вязом“. Подобный способ перевозки носит временный характер; по окончании работ, жерди тут же бросаются. В других случаях применяются несколько более усовершенствованные способы перевозки. Сюда, прежде всего, относятся „таски“, представляющие собой те же две жерди, длиной в 3—4 м, толщиной в 25—30 см, скрепленные поперечиной или вязом. Одна пара концов прикрепляется уже не к седлу, а к дуге, как оглобли, а другая волочится по земле, имея сильно скошенные концы. При перевозке клади на тасках, оседланная лошадь впрягается в них, как в телегу: на нее надеваются хомут, дуга и шлея. Возница сидит в седле, кладь же укрепляется на жердях различным образом, в зависимости от ее характера. Это наиболее удобный способ перевозки клади по горным тропкам и дорогам, особенно в тех случаях, когда кладь нужно провезти с возможно меньшей тряской. Такие таски, например, применяют при перевозке стекла из Катон-Карагая (фиг. 9) через хребет Листвягу. Точно так же на тасках возят в Катон-Карагай таких больных, которые настолько слабы, что не могут сесть в седло; в таком случае к оглоблям тасок прикрепляют небольшой настил в виде люльки, переплетенный плетнем и устланный чем-нибудь мягким. При неровностях дороги жерди пружинят, и получается мягкое сотрясение, как в рессорном экипаже. По своему типу таски являются весьма распространенным средством перевозки во многих бездорожных местах не только Сибири, но и севера Европейской части Союза, особенно в Северном крае и Карелии, где такие экипажи чаще всего называют смычками.

Для перевозки более грубой клади на Бухтарме применяется иное приспособление — „волоки“, представляющие собой две толстых жерди с несколько изогнутыми концами; длина этих жердей около трех метров. Изогнутая пара концов несколько обтесывается в виде клиньев, на которые насаживается „подушка“, т. е. поперечина, в прорезах которой зачековываются обтесанные концы; жерди-оглобли, имеют расстояние между собой несколько меньше метра (фиг. 10). Иногда подушку насаживают не на самые концы, а на стоячки, вбитые в их верхние поверхности. Несоединенные концы прикрепляются

Фиг. 9. Перевозка ящика со стеклами на „тáсках“. Д. Беляя.

Фиг. 10. Перевозка бревен на „волоках“. Д. Коробиха.

к дуге, а кладь привязывается к подушке, соединяющей оглобли. Возница сидит в седле. Такие волоки употребляют зимой и летом для перевозки бревен и других подобным им тяжестей. По своему типу волоки сходны с подобным же приспособлением Сибири и севера Европы, где чаще называются „волокушей“.

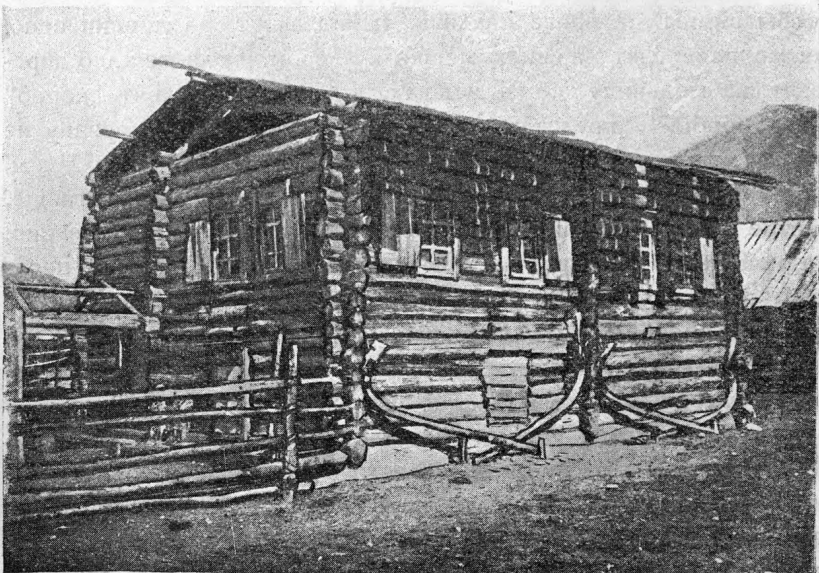
Для перевозки тяжестей, которые нельзя, как бревна, привязать к волокам или укрепить на тасках, применяют и в летнее, и в зимнее время „дровни“. Старики повсеместно сохраняют этот термин, молодежь же чаще называет дровни санями. Полозья для саней гнут в каждой деревне сами кержаки. Для этого употребляется так называемое „бáло“, представляющее собой толстое бревно, в котором сделано несколько нарезок по форме изогнутой части полоза и дуги (фиг. 11). Навезенный за зиму лес, по преимуществу березовый, с весны, как сойдет снег, распаривают, зарыв заготовленные бруски в „назём“ (навоз) на скотном дворе, которого обычно бывает в избытке на кержацком дворе, откуда навоз никогда не вывозят. Иногда, лес, приготовленный для полозьев, опускают вместо навоза, дня на три в Бухтарму, чтобы он размяк. Свежесрубленные деревья не подвергают распариванию, а прямо гнут в полозья.

Бáло имеет, как указано, несколько нарезок, так что одновременно можно гнуть несколько полозьев и дуг. Такая форма бáла, с несколькими нарезками, в европейских великорусских губерниях встречается редко; обычной является форма с одной нарезкой только для полоза или только для дуги. В Сибири же эта форма бáла распространена повсеместно.¹ При изготовлении полозьев, один конец приготовленного дерева закладывается в нарез и привязывается к клину, у начала нареза, другой конец распаренного мягкого дерева заводят в нарез и укрепляют при помощи вбиваемых клиньев. После того, как полоз принял нужную форму, его вынимают и, чтобы при дальнейшем высыхании он не выпрямился, его приставляют к стене между торцами стен, упирая палки в изгиб (фиг. 12), или же края полоза соединяют длинной жердью, так называемым „стягóm“, и оставляют так на все лето, до того, как понадобится полоз. Каждый хозяин заготавливает значительное количество полозьев, так как саней требуется много — и летом, и зимой.

¹ См. снимки в фототеке Этнографического отдела Русского музея.

Фиг. 11. Бало для сгибания полозьев и дуг. Д. Фыкалка.

Фиг. 12. Просушка согнутых полозьев. Д. Печи.

При изготовлении саней, в каждый полоз вбивают по четыре, реже по пяти, копыльев, которые связывают вязами попарно. На эти копылья насаживают по „нащепу“, т. е. по деревянному брусу, по длине равному прямой части полозьев. Изогнутая часть полозьев носит название „головки“. Головка полозьев привязывается к нащепу „стужнем“; это делается для того, чтобы при всяких изменениях самого дерева саней, изгиб не менялся. Сверху к головкам прикрепляется поперечная жердь, носящая название „передовки“. Оглобли в санях прикрепляют ко второй паре копыльев при помощи черемуховых прутьев. Сани служат для перевозки самой разнообразной клади. Если перевозят „лесины“, т. е. бревна длиной 4—7 м, то вырубается „колодочка“, и на нее кладутся лесины. При перевозке сена к передовке прикрепляют пихтовый „бастрек“, ¹ с веревкой на конце; продевая ее за копылья, пригнетают сено. Для перевозки снопов к саням приделывается так называемое „творильце“ или „крéсло“, представляющее собой легкую раму, связанную из жердей. Эта рама в длину имеет около 1¹/₂ м, в ширину—метр с небольшим. Творильце прикрепляется к нащепам и передовке черемуховыми вязками. Чтобы снопы не проваливались, накидывают на дровни сено; так же перевозят на санях мешки с хлебом. Если же хлеб перевозят на мельницу не в мешках, то на сани ставят „короб“ или „коробок“, представляющий собой плетеную корзину из черемуховых прутьев, продолговатой формы, длиной около 1¹/₂ м, шириной около ³/₄ м. В короб стелют „палатку“—полотнище, сшитое из нескольких кусков холста, и затем ссыпают зерно; в такой короб помещается 400—500 кг хлеба. В коробе перевозят на санях только в зимнее время, по летней же дороге ездить с коробом тяжело. Короб на санях служит только для перевозки клади; поехать, например, в гости в коробе считается зазорным.

Для езды зимой употребляется ряд саней различной формы. Наиболее распространенной является „кошевка“, представляющая собой в основе тот же коробок, т. е. корзину (кошеву), только несколько меньших размеров и четырехугольной, а не овальной формы. Верхние края у кошевки отделаны деревом, чаще всего кедром, а спереди приделано сиденье для пра-

¹ Ср. того же назначения „бастрик“ в Тобольской губ. (Этнографическое Обозрение, 1891, № 3, стр. 91).

вящего. От головки идут к задним концам нащепов отводины, служащие для того, чтобы сани не опрокидывались.

Кроме кошевы, распространены „пошевни“, отличающиеся от кошевы тем, что кузов в них сделан не плетеный, а сколочен из досок, теперь часто из фанеры, в виде ящика. Пошевни часто бывают покупные, с расписными спинками (фиг. 13). Кроме того, пошевни не имеют отводин и поэтому пользуются большим распространением, чем кошевки, так как

Фот. А. Н. Белослюдова.

Фиг. 13. Масляничное катание на расписных пошевнях.
Д. Быкова.

по горным дорогам, мало езжанным, при глубоком снеге труднее передвигаться в сани с отводинами, которые во время езды задевают за снег и врезаются в края протоптанной в глубоком снегу дороги. Пошевни с деревянным кузовом, как праздничный экипаж, весьма распространены во многих местах северной Великороссии. Известные же почти повсеместно розвальни на Бухтарме не употребляются, повидимому, из-за очень широких отводин, неудобных на горных узких дорогах.

Кроме того, употребляются „полусанки“, по конструкции сходные с кошевой. Полусанки чаще всего покупные, привозимые из Тюмени, широкое распространение получили только

около 1914 года. Это экипаж более тонкой работы, имеет более узкие полозья; самый коробок сделан из жести, с более высоким и широким задком.

Из описанных типов саней только дровни постоянно употребляются и в зимнее и в летнее время, как средство перевозки. Остальные же (кошева, пошевни, полусанки) употребляются только в зимнее время, как средство передвижения.

Фот. А. Н. Белослюдова.

Фиг. 14. Катушка в д. Быковой.

Эти сани очень часто имеют металлические „подполбзки“, т. е. набитые снизу под полозьями узкие металлические полозья. В зимнее время при крутых спусках под гору, когда бывает, как говорят на Бухтарме, сильный „надав“, т. е. напор, в качестве тормоза служат надетые на полозья кружки, скрученные из черемуховых прутьев.

Как указывалось выше, зимой, как средство передвижения, употребляются исключительно кошева, пошевни и полусанки и особенно в зимние праздники эти виды саней почти в полной мере заменяют верховую праздничную езду. В большие зимние праздники, особенно же на масленице, все улицы деревни сплошь покрываются катающимися. Запрягают лучшие распис-

ные сани; дуги расписные, украшенная металлическими бляшками упряжь. Задки саней покрываются коврами и ткаными половиками.

В зимнее время за деревней устраивают деревянную „катушку“, поливая ее водой (фиг. 14). С этой катушки катаются на салазках, которые представляют собой небольшие санки с высоким загнутым передком.¹

В то время, как на Бухтарме—форм саней большое разнообразие, колесных средств передвижения очень немного и типологически, и количественно. Это вызывается характером местности и путей сообщения; горные каменистые дороги не способствуют широкому развитию колесных средств передвижения. Дровни и какой-нибудь вид саней обязательны для каждого хозяйства; колесные же повозки имеются далеко не во всяком хозяйстве. Так, например, во всех посещенных нами деревнях телег имеется очень небольшое количество, распределяющееся по отдельным деревням следующим образом, включая переселенческие хозяйства и заимки (табл. 2).

Т а б л и ц а 2.

Д е р е в н и	Число телег	Число хозяйств	Процент хозяйств, имеющих телеги	Процент хозяйств, не имеющих телег
Коробиха	32	231	13,9	86,1
Печи	26	179	14,5	85,5
Белая	35	267	13	87
Язовая	11	174	6,3	93,7
Фыкалка	9	104	8,6	91,4

Приведенная таблица наглядно показывает слабое распространение колесных средств передвижения, и значительный процент бестележных хозяйств. В действительности, этот процент еще выше, так как в подсчет включены все имеющиеся в деревнях телеги, независимо от их состояния. В большинстве же случаев телеги находятся в неисправном состоянии, так как они от плохих каменистых дорог очень скоро разбиваются, особенно же телеги на деревянном ходу. В далекий путь на телеге с деревянным ходом вообще редко решаются отпра-

¹ По сообщению А. Н. Белослюдова, на таких салазках во время гуляний парни катают девушек, которые, по обычаю, за это катание расплачиваются поцелуями.

вляться. О состоянии телег можно судить, например, по тому, что в д. Коробихе, имеющей относительно большое количество телег — 32, в полной исправности в конце лета 1927 года было лишь 5 телег, на которых можно было предпринять путешествие через Коробишенский кряж; у остальных же либо шина лопнула, либо колесо треснуло, либо ось сломана и т. п.

Слабое распространение телег в Бухтарминском крае объясняется не только горными условиями, но также и сравнительно поздним появлением телег вообще в этом крае. По свидетельству Ядринцева, в д. Коробихе, лежащей в более удобных для колесного передвижения местах, чем другие деревни, первые телеги появились только в 1858 году.¹ В других деревнях, надо полагать, телега стала известной еще позже, особенно в таких, как Язовая и Фыкалка, лежащих уже близко к крутым склонам Холзунского хребта; в этих деревнях в настоящее время имеется совсем ничтожное число телег (9 и 11), и бестележные хозяйства дают высокий процент (91,4% и 93,7%). По свидетельству местного населения, в Коробихе до войны было не больше пяти телег, остальные же появились совсем недавно, главным образом, после „восстания“, т. е. после 1921 года. По свидетельству Б. Г. Герасимова, в 1910 году в с. Сенном было всего десять телег.² Это, возможно, объясняется тем, что за последние годы, особенно в период войны, значительной доле мужского населения пришлось побывать в разных местах и убедиться в преимуществах колесного передвижения, так как на обычную телегу помещается 4—5 вьюков и, таким образом, при больших расстояниях, перевозка на телеге значительно сокращает время. Для увеличения числа телег имеют значение и уменьшение количества лошадей, и проведение дорог.

Для перевозки клади чаще употребляется телега без всякого кузова, представляющая собой, собственно говоря, дроги. В некоторых случаях, главным образом для езды, на такие

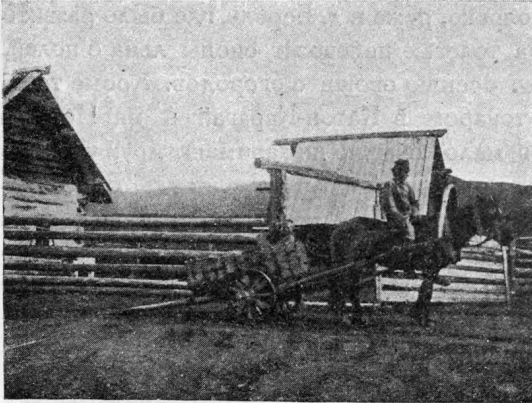
¹ Н. М. Ядринцев. Раскольничьи общины на границе Китая. „Сибирский Сборник“, 1886, стр. 41. В 1863 году Принтц (Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости. Записки Русск. Геогр. о-ва по общей географии, т. I, СПб., 1867, стр. 567) в д. Сенной нашел в исправности только одну телегу; две другие, которые были в этой деревне, развалились.

² В долине Бухтармы. Записки Семипалат. подотдела Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. о-ва, вып. V, стр. 48.

дроги ставится кузов, плетеный из черемухи, с кедровой отделкой, подобный тому, какой является составной частью кошевы. Обычно, этот кузов несколько меньше самих дрог, и сзади него на дрожинах привязывается кладь. Телеги на железном ходу, называемые в этом крае „ходками“, составляют меньше 50% всего количества имеющихся телег. Телеги на Бухтарме покупные; покупают их чаще всего в Усть-Каменогорске и в Мало-Красноярске, реже в д. Берель, где было развито производство телег. На телегах перевозят снопы льна с полей, лежащих внизу, а также осенью овощи с огородов. Кроме того, ездят с товаром и за товаром в Катон-Карагай и на Иртыш. Ввиду того, что телег мало, обычно их занимают друг у друга; в осеннее время на них по деревням бывает очередь. В каждой деревне имеется возчик, у которого всегда есть исправная телега, обслуживающая нужды кооператива. Таким образом, телега, как средство передвижения, распространена среди кержаков весьма слабо. В силу непривычки к телеге, большая часть населения, особенно женщины, боятся на них ездить и предпочитают вершню, прежде всего потому, что, при каменистой дороге, постоянных подъемах и спусках, на телеге очень трясет. Кроме того, при спусках боятся упасть вместе с телегой или вывалиться из нее; поэтому женщины при спуске всегда выходят из телеги и идут пешком. При поездках в Катон-Карагай, за 60—100 км, всегда предпочитают верховую лошадь и удивляются стремлению случайно захвативших в этот край людей ехать на телеге.

Весьма часто одна телега принадлежит двум хозяевам — „передки“, т. е. передняя пара колес, принадлежат одному, „задки“, т. е. задняя пара колес, — другому. Имея в своем распоряжении только пару колес, кержак устраивает двухколесный экипаж для перевозки тяжестей. Такой экипаж носит название „передков с коробком“ (фиг. 15). Пара колес оглоблями соединяется с дужной запряжкой. К оси прикрепляются две жерди, по длине почти равные оглоблям; свободные концы этих жердей скашиваются, как у выше описанных тасок, и также тащатся по земле. Приблизительно на середине длины эти жерди соединяются поперечиной. На раме, образуемой этой поперечиной, обеими жердями и осью колес, укрепляется плетеный кузов. Возница сидит в седле. По своему назначению и основному принципу этот экипаж весьма близок к таскам, отличаясь лишь

тем, что место длинных жердей здесь занимают оглобли и более короткие жерди, и трение уменьшается наличием колес. Поэтому на таком экипаже можно перевозить более тяжелую кладь и удобнее ее укладывать вследствие наличия коробка. Вследствие этого передки получают все большее распространение за счет тасок и волоков. К последним близок один из

Фиг. 15. Передки с коробком. Д. Белая.

вариантов передков с коробком, у которых жерди, идущие назад от оси колес, уже не продолжают далеко назад, а загнуты и соединены поперечиной, подобно загнутым концам выше описанных волоков. Такое приспособление дает еще меньше трения и более удобно при

передвижении. Но для лесных работ, при перевозке лесин и „хлыстов“, волока являются незаменимыми, так как в лесу колеса задевают за пни и ломаются, волокам же от этого ничего не делается.

Колеса, как у телег, так и у передков, покупные. Новые колеса, ввиду малого количества телег доставляются на место следующим образом: оба колеса надевают на жердь, служащую осью, к концам которой прикрепляют по длинной жерди, привязанной к седлу.

Для перевозки бревен по дорогам в летнее время употребляют так называемые „медведки“, представляющие собой самодельный колесный экипаж. По конструкции, медведки очень несложны: к двум оглоблям прикрепляется поперечное бревно, охватываемое изгибом оглобель; на это поперечное бревно, служащее осью, насаживаются колеса, представляющие собой обтесанные чурбаны, диаметром около $\frac{3}{4}$ м, толщиной в 10—15 см. Эти колеса свободно вращаются на оси и придерживаются деревянной чекой. От долгого употребления колеса

изнутри и снаружи стираются. При езде с очень стершимися с внутренней стороны колесами весь экипаж очень трясется и идет неровно. Бревна прикрепляются веревками к оси одним концом, другой же конец тащится по земле.

Упряжь употребляется в большинстве случаев привозная, покупаемая в Тюмени. Вожжи, наряду с привозными из сыромятной кожи, употребляют шерстяные плетеные и тканые, как пояса, с наконечниками из сыромятной кожи. Простые дуги для рабочей запряжки гнут сами из тальника¹ и „черемошника“ на бале, как и полозья; праздничные же дуги, резные и расписные покупали раньше привозные из Тюмени у торговцев, а также в с. Сенном, где имеется кустарное дужное производство с „парниками“ и „сушилками“.

Для смазки колес и сбруи, как и везде, употребляется деготь.² Гонка дегтя в большинстве ясачных деревень не практикуется, и его покупают у татар, развозящих деготь по деревням на телегах в больших бочках; татары гонят деготь в лесах близ Катон-Карагая. Держат деготь дома, между прочим, в яманных рогах (т. е. рогах диких козлов), подвешенных на ремешке. Из обследованных деревень лишь в Коробихе занимаются гонкой дегтя из бересты, устраивая для этого так называемые майданы: вырывают в земле кувшинообразную яму (суживающуюся книзу и кверху) около метра глубиной, обмазывают стенки и дно глиной, прокапывают на дне отверстие для стока дегтя; обмазанную глиной яму прожигают, так что получается род громадной корчаги из обожженной глины. Бересту заготавливают обычно весной и в начале лета, так как в это время она легче сдирается, и в течение некоторого времени высушивают на воздухе; для получения дегтя, мелкими кусками бересты плотно набивают корчагу, при чем крышкой служит толстый слой дерна; после закупорки начинают топить; за сутки успевают до четырех раз наложить корчагу берестой.

Картина средств передвижения и перевозки в Бухтарминском крае в значительной мере сходна с тем, что известно о северных бездорожных лесных и болотистых районах Союза. Употребление летом саней, волокуш, смычков, применение вер-

¹ Ивовая („талбвая“) ро́ща на Бухтарме носит название „дужного сада“.

² Деготь идет также для выработки кожи и имеет широкое применение в народной медицине.

ковой езды хорошо известны в глухих местах Северного края, Карелии, Ленинградской области. В Бухтарминском крае все эти особенности старых способов передвижения бездорожной лесной Руси еще дольше задерживаются и укрепляются в силу местных, горных условий, препятствующих в полной мере перейти на более усовершенствованные колесные способы передвижения.

Водные средства передвижения не отличаются большим разнообразием, и это, повидимому, объясняется тем, что главная водная артерия края, р. Бухтарма, не способствует развитию водных путей сообщения.

Бухтарма представляет собой типичную горную реку, быстро несущуюся по каменистому руслу в узкой долине с высокими берегами; лишь местами, где долина расширяется, река становится спокойной. Общая длина реки¹ около 350 км, общий уклон — 0,007,² глубина в нижнем течении от $\frac{1}{2}$ м до 4 м, а в среднем и верхнем до 3 м, ширина от 20—30 м до 170 м. Своими размерами Бухтарма уступает только крупнейшим рекам южного Алтая — Катуню и Бии. По всему течению Бухтармы есть мелкие броды, но близ устья ее можно переезжать только на пароме.³ Бухтарма имеет обычно два половодья. В весеннее половодье — в апреле и мае — она совершенно недоступна для переезда вброд; уровень ее подымается на 4 и более метра, и вода несетя с такой быстротой, что не всегда можно безопасно переехать и на пароме. Вторичный подъем уровня воды происходит в июне и июле, когда начинают таять снега на вершинах гор; иногда он бывает довольно значительным, повышая уровень Бухтармы (а также и Иртыша) даже до двух метров.⁴ Эту прибыль воды население зовет „земляной водой“.

¹ Различные источники дают большое разноречие в указаниях длины течения р. Бухтармы. Так, П. П. Семенов (Россия, т. XVIII, стр. 38) принимает длину ее = 400 верстам, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона указывает 470 верст, Козырев же (см. ниже) — 350 км, что, в переводе на версты, дает всего 328 верст. Таким образом, разница в указаниях составляет 142 версты.

² А. А. Козырев. Краткий гидрологический очерк Казакстана. Материалы ОКИСАР Академии Наук, № 4, Л., 1927.

³ В нижнем течении Бухтармы до рудника Зыряновского с 1900 года стал даже ходить небольшой пароход с небольшими баржами.

⁴ П. П. Семенов. Россия, т. XVIII, стр. 39.

Бухтарма большую часть года является довольно неудобной для переправы. Так, осенью мелкий лед начинает образовываться довольно рано и препятствует переправе. Вследствие же быстрого течения, ледостав бывает поздний, иной год только в январе. Мостов же через Бухтарму не существует; население из этого положения выходит следующим образом: оно прибегает к „замораживанию“ реки и устройству через нее ледяного моста. Для этой цели поперек реки вбивают ряд кольев и переплетают их черемуховыми ветвями, устраивая таким образом род забора. Работают на лодках. Несущийся по реке мелкий лед скопляется около заграждения, замерзает и образует род моста. Мост получается такой, что могут переезжать только одни сани.

В пределах деревни с одного берега на другой переправляются на челноках, изготовляемых самими кержаками (фиг. 16). Бухтарминский челн представляет собой лодку, выдолбленную из ствола осины, длиной 3—4 м; внутри челна проложено несколько дугообразных распорок, препятствующих изменению формы челна. Концы челна имеют заостренную форму.¹ На таком челне переправляются через Бухтарму, стоя на корме и упираясь в дно длинным шестом; нос в это время поднимается и выступает из воды. Переправа на челне имеет место только в том случае, если нужно перевезти с одного берега на другой какую-нибудь кладь, например, лен или овощи с заречных полей и огородов. Как собственно средство передвижения через реку, челн применяется значительно реже, для этого предпочитают пользоваться переправой верхом в брод. Ввиду этого, челны встречаются довольно редко в деревнях, лежащих на самой Бухтарме (Печи, Коробиха), и вовсе неизвестны в остальных деревнях, так как через мелководные притоки Бухтармы, даже через р. Белую, на таком челноке вовсе нельзя переправляться. Для переправы через Бухтарму в Печах и Коробихе (как и во многих местах Бухтармы) имеются паромы-самолеты, т. е.двигающиеся только силой течения, представляющие собой две большие, шитые из досок лодки-карбасы,² с устроенным на

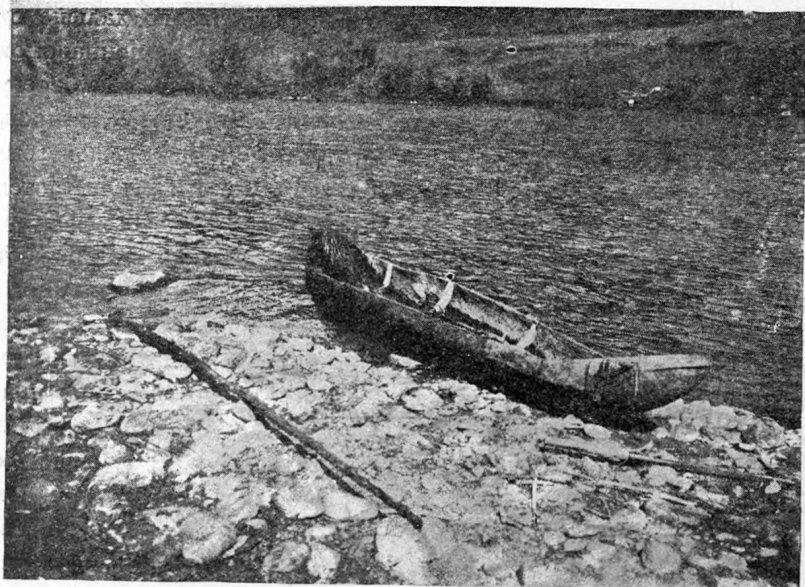
¹ Форма этого челна аналогична стружку, распространенному в северной Белороссии и Белоруссии, но с менее разведенными бортами.

² Карбас — широкая и неглубокая досчаная лодка, до 10 — 12 м длины; в карбасах переживает древняя форма тех дощаников, в которых совершались прежде все походы казачьей вольницы, все завосвание Иртыша. Карбасы очень еще употребительны сейчас в нижнем течении Бухтармы и на

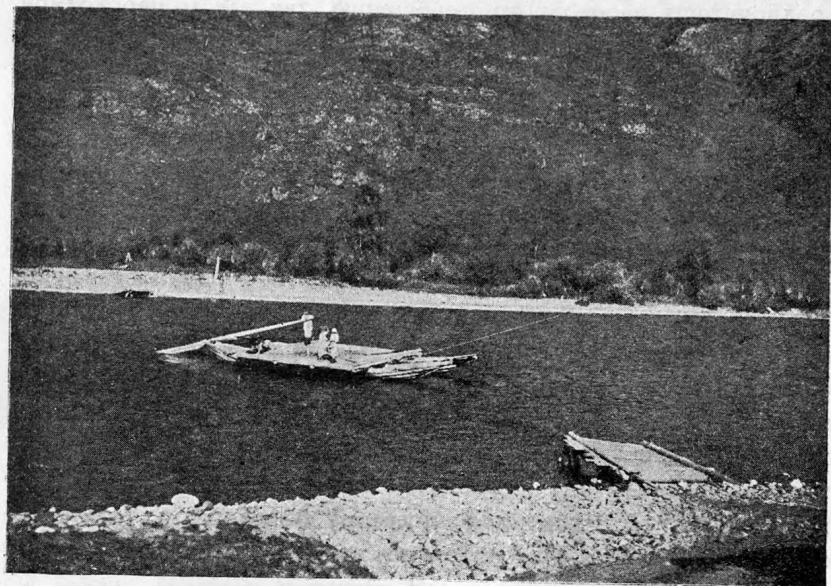
них помостом (фиг. 17). Последний настиляется так, чтобы кормы и носы карбасов оставались свободными. Балки, служащие основанием помоста, опираются на борты карбасов. Переправа совершается при помощи стального троса, перекинутого через Бухтарму. На обоих берегах устроены высокие прочные стойки; по вершинам их проведен трос, и концы его закреплены внизу на земле вокруг толстых кряжей. По натянутому поперек реки тросу перемещается ролик, от которого идет канат к парому. Последний напором течения перемещается от одного берега к другому, для чего необходимо поставить паром под определенным углом к течению. Для удержания же парома в таком определенном положении все время приходится пользоваться рулем, роль которого выполняет гребло— большое весло, вставленное в поперечину, соединяющую носы обоих карбасов.

В Печах паром больше, с загородками по краям, ввиду того, что этот паром обслуживает не только печинское население, но также Язовую, Белую и Фыкалку, главным образом, кооперативы этих деревень. Дорога через Печи является единственной колесной дорогой в эти деревни. В Коробихе паром меньше, так как обслуживает только „коробишан“, поддерживая сообщение самой деревни с угодьями, расположенными на правом берегу. Постройка парома производится обществом. Паром в Печах обошелся в 1927 году в 330 рублей. На лето паром сдается в аренду за 130 рублей. Члены общества перевозятся на пароме бесплатно, с посторонних же берется определенная плата: пеший—5 коп., верховой—10 коп., телега—15 коп., лошадь—10 коп.; таким образом, „переплыть“ одному на пароме с парой лошадей, запряженных в телегу, стоит 40 копеек. В Печах паром появился лет 20 тому назад; до того времени, по словам стариков, „плавились“ на карбасах, верховые же лошади плыли рядом с лодкой. На каждом берегу в том месте, где пристает к берегу паром, имеется „припаромок“, небольшая пристань-мостки из досок; весной и летом, когда стоит поддерживаемая таянием снега высокая вода, припаромок делают на самом берегу, а к осени,

Иртыше для перевозки различных грузов (хлеб, мед и др.); передвигаются они различным способом — бичевой, на веслах, на парусах. В среднем течении Бухтармы теперь употребляются редко, при чем отдельные части их делаются в с. Медведке (указание Б. Г. Герасимова) и собираются в д. Согорной.

Фиг. 16. Челнок на Бухтарме. Д. Коробиха.

Фиг. 17. Паром на Бухтарме. Д. Коробиха.

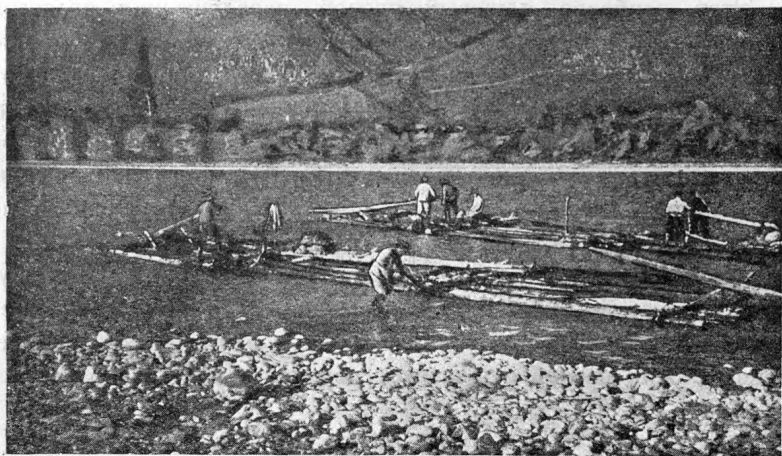
когда вода в Бухтарме понижается, переносят его дальше от берега вслед за уходящей водой; в таком случае на припаромок от берега ведут сходни в виде одного-двух бревен. На берегу против деревни, для паромщиков и ожидающих пассажиров, устроена на случай непогоды в обрыве берега небольшая землянка. На деревенском берегу в случае непогоды укрываются в соседней избе.

Для более далекого плавания вниз по реке устраивают „салки“ и плоты, движущиеся в течение всего навигационного периода. Салок представляет собой небольшой плот из двух жердей с настилом, на котором обычно плавится только один человек.¹ На дальние расстояния такой способ плавания применяется сравнительно реже. Спуск по Бухтарме на плотках до Усть-Бухтармы, а там до Усть-Каменогорска и дальше до Семипалатинска является наиболее распространенным способом передвижения. Поездки в Усть-Каменогорск и в Семипалатинск, по разным делам, местным населением производятся по преимуществу на плотках. На этот путь, при высокой воде, уходит до Усть-Каменогорска, по словам местного населения, один день, редко два; при низкой воде—три дня. Этот способ предпочитают пароходному сообщению, так как до пароходной пристани — Малой Красноярки — надо ехать 100—150 км верхом, а там до Усть-Каменогорска почти сутки на пароходе. Среди местного населения много опытных „плауков“, хорошо знающих все „шивера“ и перекаты на Бухтарме. Плоты „плотят“ из разного леса, способом, весьма распространенным во всех лесных местах Сибири и Европейской части Союза на сплавных реках.² Это делают различно, в зависимости от назначения плотов; так, простые плоты без груза и пассажиров, для сплава самого леса, плотят обычно из трех „сплотов“ (фиг. 18), т. е. в три бревна в длину, по 24 бревна в каждом сплоте (маленькие плоты плотят из 12 бревен). Каждые соседние два бревна связываются близ концов кольцами, свитыми из березы, черемухи или акации; через все кольца перпендикулярно бревнам пропускается длинная жердь, связывающая все бревна; чтобы все это сооружение было плотно, в кольца забиваются клинья. Параллельно этим поперечным жердям,

¹ Как способ, так и термины „салык“, „салик“ весьма распространены по всей Сибири (слова турецкого корня).

² См. напр. Zelenin. Russische (ostslavische) Volkskunde, Berlin, 1927, S. 142.

рядом с ними, на концах плота укрепляют короткие отрезки бревен—„головники“, в которые вдолблены вертикальные кольца; на них уже надевают осиновые „гребни“ или весла. Плоты эти делают большей частью лиственничные, так как лиственнич является более дорогим лесом. Плотить лес начинают ранней весной, когда на Бухтарме прошла еще не вся „шуга“ (мелкий лед), плотят в верхнем течении в пока еще лесистых районах Бухтарминского края.

Фиг. 18. Плоты на Бухтарме. Д. Коробиха.

При перевозке пассажиров, на одном из плотов устраивают из досок балаган для того, чтобы можно было укрыться от дождя и от палящего солнца. Также на одном из плотов устраивают на насыпи из земли очаг, для приготовления пищи в пути.

Грузовые плоты обычно плотят в два сплатка и скрепляют более основательно. Так, кроме поперечных жердей, на концах—в разных местах плота кладут параллельно им еще несколько толстых жердей, „поворин“, укрепляя их деревянными шпильями; такой плот может поднять до 8 т груза. Грузовые плоты плотят большей частью несколькими километрами ниже д. Коробихи, у лесопильного завода. Сюда же из Печей и других деревень и заимок Ясака, расположенных в горах за Печами, груз (мед, масло) доставляется по суше всеми описанными выше способами, и здесь уже грузится на плоты.

Иной раз плауки берут с собой верховых лошадей, которых везут на плоту до Усть-Каменогорска, где продают сплавленный лес, а потом обратно возвращаются верхом. Когда же не берут лошадей, то обратный путь от Усть-Каменогорска (около 250—300 км) проходят пешком, реже нанимают лошадей. Чаще всего на плотах передвигаются только в светлое время, на ночь „ловятся“ где-нибудь в удобном месте, стараясь попасть до темноты в какую-нибудь деревню или заимку.

Этот наиболее дешевый способ передвижения является вместе с тем и самым ненадежным: весной и осенью на Иртыше происходят частые и сильные бури, которые иногда разбивают плоты. Кроме того, серьезные препятствия и опасности имеет, кроме Иртыша, и сама Бухтарма, а именно ее извилистое русло, быстрое течение, опасные перекаты, пороги и шиверы (каменистые мели, пороги из мелкого камня) и береговые быки (выдающиеся в фарватер отвесные скалы).

Другие реки района, по своему мелководью, не могут служить в качестве путей сообщения. Лишь по Белой в весеннее время с верховьев сплавляют лес, и в одном месте, при деревне Белой, весной существует переправа на лодках.

II. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Для жителей бухтарминской долины земледелие является главным средством к существованию, несмотря на не совсем благоприятные для его развития условия. С самого начала поселения, каменщики должны были заняться земледелием в нетронутых горных долинах и впервые насаждать земледельческую культуру в местах, до них не знавших русского населения. Правда, первые немногочисленные насельники, разбросанные крошечными поселками по отрогам Холзуна, не имели возможности вести земледельческого хозяйства в силу того, что должны были постоянно укрываться от горнозаводских властей и не имели постоянного местожительства. Для пропитания они должны были добывать себе хлеб в селениях, близких к заводам, население которых подбиралось горнозаводским управлением специально из земледельцев для обеспечения хлебом горнозаводских рабочих. Со времени так называемого прощения каменщиков Екатериной II, т. е. с 1792 г., земледелие заняло первенствующее место в их хозяйстве, и навыки

русского крестьянина-земледельца получили здесь широкое применение. Обширные нетронутые и плодородные земли горных долин способствовали процветанию этого занятия. Свободной незанятой земли в долинах было много, и каждый мог запахивать, где хотел и сколько хотел. Вследствие этого, не было никакой необходимости распахать крутые склоны и неудобные места. Такое земельное богатство продолжалось, собственно говоря, до конца XIX столетия,¹ когда в Бухтарминский край хлынула широкая волна переселенцев из Европейской России и Западной Сибири, особенно усилившаяся после революции. Новые пришельцы, занимавшиеся у себя на родине исключительно земледелием, интенсивно занялись распашкой алтайских земель. Пустовавшие удобные места были заняты переселенцами и, в силу этого, старожилам-каменщикам, при дальнейшем расширении запашек, пришлось переносить свои пашни на так называемые „косо-горы“. В настоящее время в ясачных деревнях пашни можно встретить на очень высоких и крутых склонах, куда добираться в летнее время можно исключительно верхом.

Первоначальные земельные богатства и малая культурность населения способствовали упрочению одной из наиболее примитивных систем земледелия: в Бухтарминском крае, как и в большей части Западной Сибири, господствует залежно-паровая система полеводства. Но, в сравнении с западно-сибирским хозяйством, хозяйство каменщиков носит ярко выраженный хищнический характер. Сибиряк в значительной мере применяет более или менее усовершенствованные способы обработки, в то время как бухтарминские каменщики весьма мало заботятся о своих пашнях, стараясь справиться с ними при минимальной затрате труда и внимания. Общее впечатление, получаемое от бухтарминских пашен, весьма безотрадное. Проезжая „мысками“,² иной раз затрудняешься отличить поле пшеницы от отдыхающей пашни-залежи, так как засеянное поле от отдыхающего незначительно отличается по количеству сорных трав.

¹ Переселение усилилось с 1890-х годов, по мере прекращения деятельности алтайских заводов и состоявшегося решения обратиться Алтай преимущественно в земледельческую колонию.

² Выступающие небольшие отрожки хребтов, хорошо освещенные солнцем и занятые обычно полями пшеницы.

Земельные переделы были редки, и никакие нормы не соблюдались, так как в горах оставалось много свободной земли, которую легко было приспособить под пашни. Только в последнее время, с 1925 г., в Бухтарминском крае работает землеустроительная комиссия, к 1927 г. закончившая межселенное землеустройство. В результате этих работ, в обследованном районе на едока приходится 3 десятины 30 сотых удобной земли. Общее количество засеянных земель и луга в обследованных деревнях распределяется следующим образом (табл. 3).¹

Таблица 3.

Д е р е в н и	Всего едоков	Всего посева	Всего сенокоса
Коробиха	1.098	448 дес.	589 дес.
Печи	892	439,27 „	549,5 „
Белая	1.386	716,37 „	1.124,5 „
Язовая	932	362,65 „	788,5 „
Фыкалка	474	249,26 „	605 „

Богатые кержаки не довольствуются наделом и арендуют землю у малолешадных переселенцев, а также у казаков, получивших в последние годы большие земельные наделы, но не имеющих возможности их обработать, вследствие отсутствия инвентаря и сельско-хозяйственных навыков.

На ряду с арендой, во многих малосемейных и в особенно зажиточных хозяйствах, живущих в значительной степени наемным трудом, наблюдается обратная тенденция—к сокращению запасек.

В прежнее время на Бухтарме господствовала захватно-заимочная форма землепользования. Тот или иной кержак, любовав где-нибудь участок земли вдали от деревни, занимал его под пашню, пасеку или маральник; тут же строил временное жилище, которое позднее заменял настоящей избой. Та-

¹ По данным Катон-Карагайского районного исполкома на 1 июля 1927 г.

ким образом, вокруг деревень возникла сеть заимок, на которых хозяева иногда поселялись совсем, хотя „домашность“ (т. е. все движимое и недвижимое имущество) оставалось в деревне. Обычно на такие заимки выселяются старики для того, чтобы остаток жизни провести вдали от деревни, от людей и мирского соблазна, особенно после появления большого числа переселенцев. Иногда по соседству с таким заимочником поселяется одно—два хозяйства, и через несколько лет образуется небольшой поселок. Все поселки и заимки, образованные выходцами из одной деревни, входят в состав одной и той же сельской общины и ее сельского совета. Перед сельским сходом верховые объезжают эти поселки и заимки, оповещая о времени схода. В настоящее время такой свободы образования новых заимок уже нет, так как большая часть земли уже с 1912 г. вошла в общий земельный фонд и была перераспределена между наличным населением; исключение составляли земли Кабинета, которые можно было арендовать за невысокую плату. После же землеустройства 1927 года этот процесс пошел еще дальше, так как, ввиду нарезки земель для казаков, многим заимочникам пришлось побросать свои заимки и вернуться обратно в деревню.

Ввиду пересеченного рельефа местности, большие нивы встречаются редко; гораздо чаще попадаются отдельные засеянные небольшие площади, вытянутые в виде прямоугольников и идущие в горизонтальном направлении по склону. Размеры этих площадей различны, в зависимости от рельефа. Эти небольшие нивки на одном и том же склоне имеют разные размеры и издали производят впечатление заплаток вследствие того, что поля созревающей пшеницы или овса перемежаются с отдыхающими пашнями, густо заросшими осотом.

Характер возделываемых сельскохозяйственных культур в бухтарминской долине в значительной мере обусловлен географическими и климатическими условиями района. Несмотря на высокое положение кержацких деревень над уровнем моря (д. Коробиха — 618 м, д. Печи — 700 м, д. Белая — 752 м, д. Фыкалка — 1.205 м) и на еще более высокое положение деревенских пашен (лишь одна Фыкалка лежит выше границы возделываемых полей; все остальные деревни, расположенные в глубоких долинах, лежат много ниже своих пашен), расположенных на высоте 700—1.200 м, земледелие здесь является

вполне возможным, в то время как на Уймоне, находящемся на высоте 900 м над уровнем моря, оно встречает гораздо более неблагоприятные условия. Благоприятные условия на Бухтарме складываются вследствие того, что эта долина защищена высоким хребтом—Холзуном от влияния северных ветров и более открыта южным и западным ветрам, дующим со стороны степи. Уймонские же селения тем же высоким Холзуном и Катунскими белками отгорожены от влияния южных ветров и в то же время более открыты с северной стороны.

Русское население бухтарминской долины, попав в своеобразные географические и климатические условия, столкнулось с задачей использовать горные склоны, столь различные по своему положению и по своим почвенным и климатическим условиям. Два склона—северный и южный—одной и той же долины сильно разнятся, так как южный склон отличается большей сухостью, северный же склон, закрытый от солнца, принимает больше влаги и дольше ее сохраняет, чему особенно способствует и чем объясняется лесистость северных склонов в противоположность безлесным южным склонам.

В южном Алтае русские, выработавшие земледельческую технику в равнинной лесной полосе, сумели приспособить ее к новым, необычным для них горным условиям и выработали прием засева озимыми хлебами северных влажных склонов, дольше сохраняющих снеговой покров. Южные же склоны, более сухие и сильнее согреваемые солнцем, обычно засеваются яровыми хлебами.

Вообще же весь район отличается большим количеством осадков, глубокими снегами зимой и частыми дождями в остальные времена года, так что нередко хлеба страдают от вымочки; особенно плохи годы с запоздалой весной, когда долго лежит снежный покров; наоборот, засушливые годы, когда ниже, в нарымской долине, сгорает весь хлеб, для Бухтарминского края являются наиболее урожайными. Вследствие обилия влаги, хлеба нередко, особенно в прежнее время, страдали и страдают от ржавчины.

Под пашни занимают пологие склоны, покрытые горным черноземом. Лучшие земли находятся в Белой и Фыкалке (по данным агрономического пункта Катон-Карагайской волости), и поля этих деревень выглядят лучше и чище остальных.

Бухтарминские каменщики, являющиеся по своему происхождению северными великоруссами, принесли на южный Алтай типичные великорусские культуры, а именно—озимую рожь и яровые овес и ячмень. Такой характер земледелия носило в прежнее время, теперь же мы имеем совершенно иную картину. В настоящее время озимых посевов почти нет. Так, в 1927 г. в д. Коробихе было посеяно 3,65 дес. озимого на 444,35 дес. ярового посева, в других же деревнях озимые посевы настолько, незначительны, что не учитываются налоговыми органами.

Еще в 60-х годах на Бухтарме Принтц¹ находит „роскошные пашни. Рожь была вышиной в рост человека, густая, вся в цвету и наполняла ароматом воздух“. „Все хлеба растут хорошо, но озимые обыкновенно лучше яровых, с десятины нажинают от 4—6 овин, средний урожай сам—20“.

По воспоминаниям стариков, в прежнее время употребляли в пищу почти исключительно ржаной хлеб и значительно реже пшеничный. Недаром старое поколение помнит поговорку: „рожь не ложь, а пшеничка годом родится“. Теперь же, на Бухтарме, ржаного хлеба даже совсем не пекут, и рожь идет только для приготовления кваса. В прежнее же время занимались даже поставкой ржи для войск, квартировавших в Зайсане. Сокращение озимых посевов, повидимому, стоит в связи с общим изменением земледельческого хозяйства, наблюдаемым в некоторых местах Западной Сибири и Алтая. Так, в Томской губернии, уже начиная с 70-х—80-х годов, замечается расширение яровых посевов за счет озимых.² Как и там, на Бухтарме раньше засевали почти исключительно озимую рожь для хлеба и овес для лошадей—теперь же для хлеба сеют яровую пшеницу, а, кроме овса, сеют и ячмень. Расширение площади яровых посевов за счет озимых объясняется, повидимому, тем, что, по мере развития земледелия и возрастания количества населения, все больше сокращается площадь лесов, местность делается более открытой и доступной ветрам, вследствие чего озимые подвергаются выдуванию и вымерзанию. Кроме того, расширение посевной площади за счет косогоров (прежде пашни были ниже), также подвергающихся ветрам, отнюдь не способствуют озимым посевам. И в то время, как прежде на защищенных от ветра

¹ Принтц. *Op. cit.*, стр. 567, 570.

² Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе, т. II, вып. III, Барнаул, 1900, стр. 26—27.

влажных местах пшеница плохо родилась, вымерзала от заморозков, гибла от ржавчины и тумана—теперь, на более сухих и согреваемых склонах („года стали не такие смошные“,— констатирует население), она дает приличные урожаи. Наоборот рожь, отлично зимовавшая прежде под защитой снега, теперь на обдуваемых склонах вымерзает и гибнет.

Таким образом, доминирующее значение имеет яровая пшеница, причем здесь сеют местный сорт, так называемую „красненькую“; из других видов пшеницы саялась белотурка, не давшая, однако хороших результатов, так как она скоро вырождается, дает много соломы и плохое зерно (так называемый „перерод“). Отдельные хозяйства начинают сеять и озимую пшеницу. Пшеницей удовлетворяются все потребности питания; лишь для кваса, как указывалось выше, изредка сеют яровую рожь—ярицу и для приготовления крупы—ячмень. Для корма рабочих лошадей и птиц сеют в большом количестве овес. Овсы в обследованном районе, по выражению населения, растут „тончавые“, из-за частых дождей тянутся в соломку, при продаже идут за бесценку, за 15—20 коп., в противоположность полновесному, крупному зерну нарымской долины. Никаких кормовых трав не сеют. Из технических растений в незначительном количестве сеют коноплю и лен.

Как указано выше, в Бухтарминском крае господствует залежная система земледелия, причем должно быть отмечено отсутствие строго выработанных приемов и установившихся обязательных севооборотов; нет обязательных сроков, в какие пашня должна быть оставляема на отдых, нет обязательной продолжительности отдыха; общество почти не вмешивается в вопросы землепользования; все это объясняется относительным многоземельем края. Обычно, одна пашня засеивается года три подряд; засеивают чаще всего в следующей последовательности: два года сеют пшеницу, после нее на третий год сеют овес, иногда ячмень. Рожь сеют по целине или по залого (о залого см. ниже).

Борьбы с засоренностью пашен не ведут, зерно не сортируется: производится лишь примитивная полка—кержак идет по пашне и косой—литовкой или серпом срезает верхушки осота, сставляя корни и портя при этом много хлеба; выпалывание это производится обычно в июне—„в Петровки“. Это мало помогает, и года через 2—3 сорные травы начинают глушить злаки;

колос становится редким, тощим, зерно — мелким, нечистым. Вследствие этого пашню приходится забрасывать минимум года на три в залежь, чтобы сорняки исчезли, почва вновь достаточно уплотнилась и стала пригодной для распашки. Залежь покрывается травами в известной последовательности, причем прежде всего разрастаются осот и молочай, затем различные зонтичные и потом уже появляются полынь и полевые злаки — пырей и другая „мягкая трава“ — признак того, что почва отдохнула, „вычистилась“. Лет через десять залежь превращается в залог, то есть становится по качеству равной целине. По характеру растущих на пашне трав можно определить точно время, с которого она оставлена в залежь; особенно своеобразный вид представляет отдыхающая первый год пашня, к концу лета покрывающаяся пушистыми белыми верхушками отцветшего осота и других сложноцветных, буйно разросшихся и достигающих человеческого роста. Обычно залежи служат весенним и осенним пастбищами для скота в то время, когда открыты поскотные ворота (см. гл. „Скотоводство“) и скот свободно ходит по полям. В конце отдыха, когда залежи зарастают „мягкой“ травой, они служат сенокосами и дают хорошее сено. В связи с этим, на Бухтарме термин „пашня“ обозначает: 1) засеянное поле, 2) место выпаса скота, 3) место, предназначенное для покоса.¹ Крестьяне признают даже, что выпас скота способствует скорейшему отдыху залежи: сорняки скорее исчезают, и почва скорее уплотняется.

В некоторых деревнях уже предприняты шаги к упорядочению землепользования; так, в д. Бураноевской (жержацкая деревня около г. Б.-Нарымска) перед войной 1914 г. вся пахотная земля была разделена на 3 поля — там одно поле занято хлебом, другое — бахчами (арбузы), третье служит выгоном. В д. Максихе с 1927 г. земля разделена на два поля; одно засеивается, на другом пасется скот. Через три года (озимого сеют мало) происходит смена. Особенно „бьются землей“ в Коробихе, где земли хорошей мало, и земля не успевает отдыхать в залежи („котора дает — не отдыхает, которая — один год отдохнет“), но разделения на два поля там еще не произведено.

Главнейшим орудием для вспашки почвы является плуг. В прежнее время были распространены тяжелые деревянные самодельные плуги с прямым отвалом, с покупными лемехами;

¹ Сравни выражение: „уехал на пашню косить сено“.

в такой плуг впрягали на мягком грунте 5 лошадей, а на твердом и каменистом—до 8. Но уже с 1900 г. начали появляться железные плуги, в 1904—1905 годах они получили широкое распространение и ко времени империалистической войны почти совершенно вытеснили деревянные плуги. Последний такой плуг, уже давно заброшенный, в д. Печах был сломан весной 1927 г. Больше деревянных плугов в обследованном районе не сохранилось.¹ В настоящее время пашут почти исключительно покупными железными передковыми плугами, преимущественно „оворотными“—оборотными; таким плугом можно отваливать пласт в правую или в левую сторону попеременно, благодаря чему пахать им можно так же, как и обычной сохой, возвращаясь вдоль той же борозды, которую плуг только что провел при проходе вперед; это достигается удвоением части плужного корпуса (см. фиг. 13 в ст. „Посройки...“); в бухтарминской долине распространен оборотный плуг типа Сакка, передковый, с цилиндрическим отвалом и двумя симметрично расположенными лемехами; этот удвоенный корпус можно вращать в ту или другую сторону и закреплять в приданном положении; в зависимости от того, как опущен корпус, плуг будет отрезывать пласт то одним, то другим своим лемехом, и пласт отваливается вправо или влево. Причиной широкого распространения оборотных плугов на Бухтарме являются горные условия работы, которые очень упрощаются системой оборотного плуга, так как на некоторых пашнях, особенно на косогорах, оборотный плуг, дающий возможность пахать и вправо и влево, очень облегчает задачу вспашки; при употреблении обычного плуга, идущего вокруг загона, работающему пришлось бы подниматься прямо вверх, затем, пройдя борозду в горизонтальном направлении, опять спуститься вниз, потом опять подниматься и так дальше; такое направление движения в горных условиях весьма неудобно. При применении же оборотного плуга, движение все время производится в горизонтальном направлении с небольшими заворотами на концах борозд.²

¹ Повидимому, до распространения этого плуга, каменички пахали сохами и косулями, в которые впрягали не меньше двух и не больше четырех лошадей. По крайней мере, сведения об этом мы находим в „Земледельческом Журнале“ за 1827 г. (XIX, М., стр. 22—25), но из памяти населения это исчезло.

² Сравни обычное зигзагообразное направление горных троп и дорог.

Вследствие удвоенного корпуса и тяжелых горных условий работы эти плуги требуют большой тяги; поэтому в один плуг впрягают до 5 лошадей. В течение дня не успевают вспахать десятины.

Так как количество дворов после революции сильно увеличилось не только вследствие прилива переселенцев, но и вследствие семейных разделов, и так как старые плуги ломались, а покупка новых плугов была затруднена в течение ряда лет, то далеко не всякий двор имеет плуг: так, в д. Печах на 179 дворов имеется всего 78 плугов, т. е. приблизительно один плуг на два двора. Приезжие (например, переселенцы из Пермской губ. в Коробихе) пашут привезенными с собой деревянными сохами.

Наиболее распространенным типом бороны является деревянная рамная, с железными покупными гвоздями, почти квадратная, 134×146 см; основу ее составляет рама из четырех четырехгранных брусьев; в поперечные брусья врублены три продольных четырехгранных же бруска, связанных одной поперечиной; во все пять продольных брусков (два основных—крайних и три—средних) вбито по 4 железных зуба—итого 20 зубьев; в выступающие из рамы передние концы продольных (крайних) брусьев вставлена поперек круглая палка, на нее надето скрученное из прутьев кольцо, которое веревочной петлей соединяется с „ортиком“, за который закрепляются постромки.

Население вспоминает, что когда забежали сюда, то были деревянные бороны с деревянными же зубьями (борона-плетенка, столь типичная для средней и южной России). Крайне редки железные бороны. Так, в Печах из имеющихся 115 борон лишь 2 железные.

Полевые работы на Бухтарме обычно начинаются около середины апреля¹ пахотой яровых полей. Вспашка земли производится не особенно тщательно: пашут неглубоко и обычно пропахивают один раз. По сообщению Принтца,² в 60-х годах под посев озимой ржи в д.д. Белой и Фыкалке, собиравших прекрасные урожаи, вспахивали два раза—весной и в середине лета. Немногие хозяева пашут с осени, а весной только боронят; хлеб созревает у них раньше и получается полнее; но это делают немногие, главным образом, многосемейные, с большим количеством рабочих рук.

¹ Так, например, в 1927 г. вспашку полей начали 20 апреля.

² Op. cit., стр. 571.

Плодородная мягкая земля некоторых склонов, особенно если она не „осотливая“, дает возможность обрабатывать ее „под ленивку“, т. е. только бороньбой, без предварительной вспашки. На этом приеме сказывается общая тенденция бухтарминского населения к наименьшей затрате труда при полевых работах, особенно трудных в силу горных условий. Эта же тенденция сказывается и в некоторых приемах при озимых засевах, правда, редко теперь встречающихся. Так, чтобы не пахать специально под озимь, сеют на одном и том же поле сначала ячмень, а по нему же озимую рожь—и на первый год собирают ячмень (рожь же будет еще невысокая), а на второй год—рожь. В 1927 г. так посеялись многие хозяева в Язовой и некоторые—в Печах; в 1928 г. на тех же полях они соберут рожь. Навозное удобрение совершенно не применяется, так как перевозка навоза в горных условиях и при отсутствии телег—затруднительна.

Для посева отбирают лучшее зерно, сеют обычно пшеницу и лен „до Николы“ (т. е. до 9 мая ст. ст.), овес и ячмень несколько позже. Озимую рожь раньше сеяли „в Спасы“, 1 и 6 августа ст. ст. Зерна доставляют вьюком на пашню и высевают из кожаной сумы.

Постоянным злом является перерождение семян пшеницы, известное во многих местах Алтая;¹ года через два зерно делается мелким, легким и сорным. Хорошие хозяева на семена покупают пшеницу из других местностей, обыкновенно в степи. Так, из Печей ездили за пшеницей к русским казакам в село Нарым, теперь г. Больше-Нарымск, покупая пшеницу на семена каждые 2—3 года.

Хлеба удаются лучше на „пóднях“, т. е. на южной стороне, „под севером“ же они „плоше“, так как хлеб тянется в солому. Кроме того, на более высоких пашнях хлеб быстрее вызревает и, хотя растет реже, но дает более полный колос, в то время, как на низких местах злаки идут в солому и вызревают позднее. С десятины получается в среднем 640—720 кг пшеницы на северных склонах и 960—1.120 кг—на южных; в среднем, кержаки считают урожай в 800—1.120 кг с десятины (для Сенного Б. Г. Герасимов указывает 1.120—1.600 кг пшеницы с десятины); овес и ячмень дают 2.400 кг с десятины.

¹ С. П. Шведов. Горный Алтай и его население, т. I, вып. I, Барнаул, 1900, стр. 304.

К уборке хлеба приступают в конце августа; пшеницу жнут преимущественно серпом, изредка убирают машинами. Сельскохозяйственные уборочные машины появились сравнительно недавно, перед мировой войной, и пока еще не получили широкого распространения. Так, в д. Печах на 179 хозяйств, из которых лишь два маломощных, а с доходом выше нормального—147, машин имелось в 1927 г. всего:

жнеек-сноповязалок	1
жнеек-самосбросок	2
сенокосилок	2
конных граблей	4

Ниже, по Бухтарме, в с. Сенном, первые жатвенные машины появились раньше, уже в 1906 г.¹ За отсутствием oleо-нафта, сельско-хозяйственные машины (например, жатку-самосброску) смазывают мазью из керосина и бараньего сала. Владельцы машин убирают пашни и соседям, получая за работу по 6—8 руб. за десятину. Овес и ячмень обычно косят косой-крюком с пятью зубьями, называемой здесь „грабельками“, широко вообще распространенной для этой цели.

Уборка хлеба в значительной степени производится казаками, нанимающимися за определенную плату с десятины. Сами кержаки, особенно зажиточные, не работают, а лишь присматривают за хозяйством, всю же работу исполняют работники—казаки. Даже за „запасом“, т. е. за продуктами, казаки с поля в деревню приезжают сами; нередко в это время, в самую страду, кержаки „гуляют“, пока есть пиво.

Лишь бедняки и середняки (процент которых в ясачной деревне ничтожен) работают сами. Такую же картину на Бухтарме отмечает в д. Берель и В. В. Сапожников² в 1895 г.: „сами не работают, в страду и в разгар рабочей поры можно видеть на улице группы беседующих крестьян, не торопящихся на работу“. Такому распорядку работы способствует самая организация кержацкого хозяйства, резко отличающая его от обычного крестьянского русского хозяйства: отдельные части хозяйства (пашни, луга, пасека, маральник, скот в казакских

¹ Б. Г. Герасимов. Ор. cit., стр. 25.

² В. В. Сапожников. По Алтаю. Изв. Томского университета, кн. XI, 1897, стр. 109.

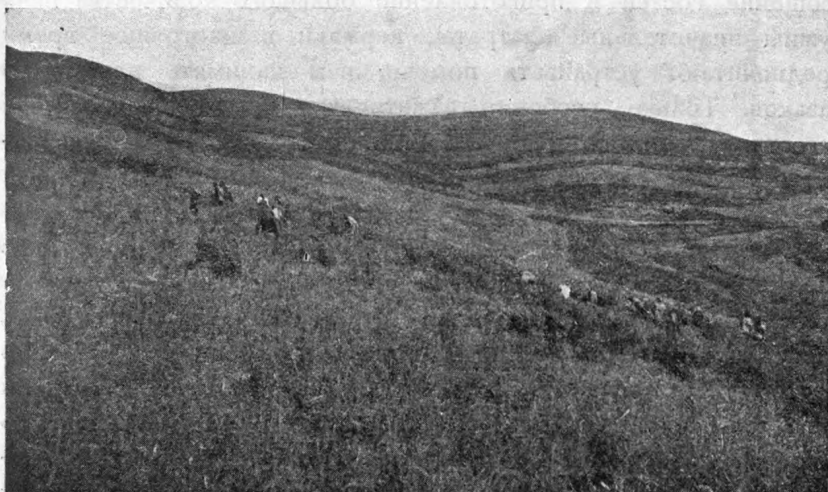
табунах, у некоторых мельница) разбросаны на десятки километров; на долю хозяина выпадает весьма сложная работа, а именно: организовать и наладить, смотря по сезону, ту или другую работу, нанять работников, отвезти их, поставить на работу, созвать, когда нужно, помочь (жатва пшеницы, съемка рогов — см. ниже), не пропустить нужного момента на пасеке, в маральнике и т. п. Разъезды по всем этим делам поглощают большую часть рабочего времени, что станет особенно понятным, если принять во внимание большие расстояния и горные дороги. Все эти обстоятельства являются причиной широкого развития применения казакских рабочих рук на Бухтарме, начавшегося, по рассказам стариков, лет 50—60 назад, т. е. с 70-х годов XIX века.

В последние 2—3 года количество казаков, нанимающихся на сельско-хозяйственные работы, начинает сокращаться. Тем не менее, летом 1927 г. на улицах кержацких деревень и на прилегающих полях в конце августа и начале сентября можно было встретить значительное количество казаков-работников. Сокращение найма казаков в последние годы объясняется сильным повышением платы за уборку хлеба. Так, до войны казаки жали десятину за 3 руб., после революции — за 5—6 руб., в 1926 г. — за 13 руб., а в 1927 г. казаки спрашивали уже 17—20 руб. Также за покос десятины в 1926 году платили 2 руб., а в 1927 г. — 3 руб. 50 коп. и 4 руб. Кроме денежной платы, хозяин должен дать работникам одежду („лопоты“) на время работы, продукты питания („запас“), палатку и серпы. Требование увеличения платы со стороны казаков объясняется тем, что в результате землеустройства казаки получили большие нарезки хорошей пахотной земли и частично начинают сами переходить на земледелие. Обычно, казаков нанимают для уборки овса и ячменя, несколько реже для уборки пшеницы, которую некоторые хозяйства предпочитают убирать своими силами или же помощью помочан. В старое время особенно избегали нанимать казаков на уборку пшеницы из тех соображений, что эти „нехристи“ нечистыми руками „опоганят“ пшеницу, идущую в пищу „хресьянам“. Овес же, идущий исключительно на корм лошадям, всегда убирался казаками; более зажиточные и до сих пор, несмотря на дороговизну, нанимают на эту работу казаков, реже переселенцев-русских.

Наряду с наемным трудом, хлеб убирают, как указывалось выше, также силами „помочан“. „Помочи“ начинаются с того времени, как поспеет пшеница. На помочи приглашают по преимуществу своих же кержаков, причем идут и весьма зажиточные, и те, которые победнее; всех привлекает „пировка“, устраиваемая после работы. Реже кержаки приглашают на помочи переселенцев и еще реже казаков. Помочи устраивают чаще всего в субботу, в воскресенье или в какой-нибудь праздник. Обычно, в праздники не работают, но работать на помочах на Бухтарме, как и везде, не считается грехом. Хозяева, задумав устроить помочь в определенный день, заранее заготавливают большое количество пива, иногда по 40—50 ведер. Накануне помочей хозяева верхом объезжают те дома, из которых хотят пригласить помочан, и зовут на работу, обращаясь к старшему в доме: „На помочку с серпчком милости просим, хлеба - соли покушать, пивца испить“. Обычно приглашают из большого числа дворов с тем расчетом, что четверть или треть приглашенных по тем или иным причинам не придут; может задержать своя срочная работа, отсутствие дома свободной верховой лошади и т. п. Если помочь устраивает вдова или бобылка, неимеющая возможности сама справиться с работой или нанять работников, то все приглашенные считают своим долгом помочь ей. Если же помочи устраивает „наставник“ или, как еще говорят на Бухтарме, „поп“, то все без особого приглашения идут к нему на помочь, считая для себя необходимым участие в такой помочи, так как „наставник трудится для всех“, справляя требы и т. п.

Помочане, перед отъездом на пашню, собираются в доме хозяев, где им подносят по чашке пива. На пашню выезжают довольно поздно, часов в 8—9. С помочанами едет хозяин, который показывает полосы, предназначенные к уборке в этот день. Хозяйка же, с приглашенными ею женщинами, остается с утра дома и занимается приготовлением угощения для помочан. Состав помочан бывает разнообразный — едут все, кто умеет и может жать, от довольно пожилых людей до ребятшек, едут мужчины и женщины. Обычно стараются устроить так, чтобы из одного дома на помочи ехал кто-нибудь один. На помочах работают очень быстро, на перегонки; это считается необходимым (фиг. 19). Если помочане устают и начинают замедлять работу, то кто-нибудь из близких к хозяевам обычно

„квивкает“, т. е. начинает подбадривать и подгонять: „жните пуще, поить будем лучше“. Хозяин на помочах работает меньше приглашенных, так как он занят обслуживанием работающих. На его обязанности, между прочим, лежит доставка воды на пашню. Для этого приспособливают передок телеги, на который устанавливается кадка для воды (фиг. 20). За водой приходится спускаться с высоких пашен в ложок, к ручью. Повозка с водой передвигается по пашне по мере передвижения работающих. Около кадки обычно находится две посуды для питья — „братишная“ и „мирская“; если среди помочан имеются казаки, то присоединяется еще „кыргызская“ посуда. В полдень хозяйка с помощницами привозит на пашню обед. В сумках на верховых лошадях везут посуду, ложки и еду — щи, квас, кашу, огурцы, мед, мясо и обязательно лагун пива. Вечером, когда начнет темнеть и намеченные полосы уже сжаты, помочане кончают работы и мчатся во весь „мах“ в деревню, с тем, чтобы скорей „прибежать“ к первой чашке. Примчаться на угощение в первой партии считается особенным удалством. Вечером, в день, когда у кого-нибудь помочи, приходится ходить по улицам с опаской, так как помочане мчатся, не разбирая дороги. В это время во дворе хозяйского дома устанавливается стол с чашками и ведром пива. Хозяйка и ее помощницы ждут помочан и каждому подъехавшему подают по чашке пива. Весь двор наполняется всадниками, между которыми ходят женщины с ведрами пива и подают помочанам; те выпивают, сидя в седле. После первой чашки подают вторую, иногда третью и т. д. После угощения пивом во дворе, молодежь скачет верхом по улице взад - вперед, иногда с песнями. Затем, помочане отправляются домой, чтобы привести себя в порядок после работы. Поздно вечером хозяева и их посланные обходят дома, из которых были работавшие на помочи, и приглашают на гулянье. Каждый помочанин ведет с собой на пирушку так называемого „захребетника“, т. е. какого-нибудь члена своей семьи, который не работал на помочи. Если из одного дома работало двое, то приходят и два захребетника. Хозяева усаживают за столы работавших, угощают их лучшим пивом; захребетники же большей частью стоят в избе, где придется; им подают пиво похуже и не так старательно угощают. Пирушка продолжается всю ночь; иногда продолжают гулять и на следующий день, осо-

Фиг. 19. Помочане работают на пашне. Д. Беляя.

Фиг. 20. Доставка воды на пашню. Д. Беляя.

бенно если помочь была в субботу. Несмотря на то, что на угощение гостей и приготовление большого количества пива нужны значительные затраты, кержаки в настоящее время предпочитают устраивать помочи, чем нанимать на жнитво казаков. Только особенно зажиточные, не желая возиться с гостями, нанимают рабочих. Средний же кержак меньше ценит продукты своего хозяйства (хлеб, мясо, мед), чем деньги, которые надо заплатить работнику.

Сжатую пшеницу ставят в суслоны по 10 снопов; овес кладут в кучи по 7 снопов. После того, как сжаты все поля, начинается „кладево“,—со всех пашен одного хозяйства, расположенных по соседству, все снопы свозятся в одно место — „остожье“, где кладутся клади на зиму. Принцип укладки снопов тот же, что у великорусской кладушки, но общая форма более приплюснутая и низкая. Кладь сверху закрывают соломой, „чашши навесят“—укрывают нарубленным кустарником—идут на это больше тальник да березник, который нарубают в соседних логах и на саях подвозят к остожью. Клади огораживают, чтобы их „коровы не поболи“, т. е. чтобы не растрепал их рогатый скот, выпускаемый осенью из покосотины на поля. Обычно успевают сложить и огородить все клади лишь к Покрову.

Когда установится зимний путь (обычно около половины ноября), начинается свозка кладей в деревню. Обычно за снопами отправляются ранним утром, как только начинает светать, запрягая в дровни всех имеющихся взрослых лошадей (10—15—20). С таким обозом отправляется один-два человека. Выехав за деревню, если дорога не наезжена, сначала прокладывают дорогу по глубокому снегу. Впереди идет один человек на лыжах, за ним уже идет обоз. Наиболее удобные зимние пути—по замерзшим рекам. Одну кладушку распределяют на 7—8 дровней. При обратном пути пускают лошадей одну за другой, и для того, чтобы они не потрепали снопов на едущих перед ними дровнях, им надевают на морды так называемые „мордочки“ (фиг. 21), представляющие собой свитые из черемуховых прутьев кольца (диаметром 16—23 см), с веревочной петлей.¹

¹ Того же назначения ременные намордники с веревочным плетением употребляются и в других местах Сибири—напр. в Енисейской губ. и уезде (колл. № 570 Этнографического отдела Русского музея).

Привезенные снопы стараются обмолотить сразу по привозе. Молотят сыромолотом, без всякой предварительной просушки. В прежнее время, когда сеяли преимущественно рожь, которая в сыром виде трудно обмолачивается, в ясаке существовали овины с печью-каменкой. Правда, овины были далеко не во всяком хозяйстве, но все же их было порядочно. К 1927 году оставалось в деревнях: Сенной 4 овина, Белой 1 овин, Фыкалке 2 овина, но весной 1927 года в Белой и Фыкалке и эти овины, за ненадобностью, были проданы на слом (переселенцам). Молотят в клунях, представляющих собою плоские навесы на массивных столбах, поставленных в три ряда (см. ст. „Постройки“...). Ток устраивают следующим образом: ровную землю в клуне поливают водой, вода замерзает, и получается гладкое ледяное „гумно“. На него уже настиляется хлеб. В прежнее время („отцы“) молотили цепями, теперь молотят исключительно лошадьми. Лишь в наиболее богатой из деревень—Фыкалке, с 1918 года появились две молотилки с конным приводом—„молотяги“.

При молотье лошадьми, привезя с гор хлеб, сейчас же развязывают снопы и „выстилают посад“ двумя рядами кольцеобразно по обеим сторонам среднего ряда столбов, затем по разостланному хлебу начинают гонять лошадей; обычно уже на третьем гоне („на третий ряд“) видно вымолачивающееся зерно (на первом и втором в соломе зерна еще не видно); солому перетряхивают и опять гонят лошадей; когда обмолят посад, то его „заворашивают“, т. е. отодвигают граблями солому в одну сторону, „ворох“-зерно с мякиной—в другую и выстилают следующий посад. Молотят, пока не кончат кладь; когда

Фиг. 21. „Мордочка“ для лошади. Д. Язовая.

стемнеет, молотят с фонарями, в которые вставлены сальные свечи. За день один человек с 5 лошадьми („ездáк“) успевает обмолотить одну кладушку хлеба—возов 7—8 (обычно в течение дня привозят хлеб, а с полночи начинают молотить, чтобы кончить к вечеру следующего дня).

Получившийся ворох, с нескольких, хотя бы и с четырех посадок, обычно тут же веют, с помощью веялки. Впервые веялки появились около 30 лет тому назад,¹ и теперь работают исключительно ими, хотя и в наши дни вполне исправных веялок немного: так, в д. Печах в 183 дворах имеется всего 12 веялок, т. е. одна веялка приходится на 15 дворов. Распространены веялки уфимского товарищества „Кустарь“ (Благовещенский завод б. Уфимской губ. и у.). Стараются переветать и убрать зерно в амбары к субботе, чтобы в воскресенье можно было праздновать, а с понедельника начинают возку, молотьбу и веяние сначала. Раньше (лет 20—30 назад) веяли „однорушными“ лопатами, причем на усадьбах это производить было невозможно, так как внизу в горной долине тихо, и почти нет ветра; для веяния служили особые „веяльники“ — бугры за деревней, без кустов и деревьев, где „ветер больше тянет“; их уливали водой, свозили сюда ворох и веяли „по льду“ (в д. Язовой было около 10 таких веяльников). Вывеянное зерно в палатке и коробах увозили и ссыпали в закрома; мякина оставалась на месте. При таком способе уборки хлеба, в пределах деревни нет надобности строить те или другие помещения для необмолоченного хлеба.

В тех случаях, когда недостаток хлеба не позволяет ждать зимней возки и молотьбы на ледяном току в клуне, устраивают временное гумно на пашне и производят частичный обмолот осенью. В прежнее же время (до 1916 г.) многие молотили конями зимой на пашнях в том случае, если пашни были расположены близко от воды, так что можно было приготовить ледяное гумно. Для зерна на пашнях устраивали амбары, но с 1916 года перестали это делать, так как начались кражи зерна. При зимней молотьбе на дальних пашнях, иногда приходилось по несколько дней не возвращаться в деревню; поэтому на пашнях устраивались зимовки, подобные охотничьим избушкам (см. гл. „Охота“). В летнее время, для временного

¹ В д. Белой первая „веялка“ была куплена в 1892 г.

пробытия на дальних пашнях, устраивают так называемый „стан“— нечто вроде шалаша, представляющий собой остов из жердей, который укрывается ветвями. Некоторые хозяева, вместо стана, летом разбивают палатки, для чего употребляются большие куски холста, с петлями на концах, сшитые из 6—8 полотнищ грубого изгребного холста, так называемые „палатки“.

Вследствие зимнего обмолота зерна без предварительной просушки, к весне зерно становится затхлым и мало пригодным для употребления в пищу; кроме того, вследствие избыточной влажности, пшеница очень страдает от головни. Поэтому засоренный и зараженный хлеб приходится весь перемывать. Моют по 32 кг в больших кадках; всякий сор всплывает, зерно садится вниз. Далее зерно откидывают на сито и затем сушат, рассыпая его на разостланной палатке. Почти у каждого кержацкого дома в ограде устроены сушила— род помоста, на котором расстилается палатка, а на ней сохнущее зерно. Сушила в разных деревнях устраиваются различной высоты, в зависимости от географических условий местности; особенно заметна в этом отношении разница между д.д. Печи и Язовая. Так, в Печах, лежащих в довольно открытой местности, где горы амфитеатром подходят к Бухтарме, сушила устраиваются не очень высокие, около метра с небольшим высотой. В деревне же Язовой, стесненной в узких горных долинах, где совершенно нет движения воздуха вниз, и все насыщено сыростью от протекающих рукавов и протоков речки Язовинки, сушила устраивают высокие, так что под ними свободно может пройти человек (около 2 м высоты); здесь чаще называют их не сушила, а „крышка“. В д. Белой, лежащей тоже в глубокой долине, „в яме“, но все же значительно более широкой, чем Язовая, сушила по высоте занимают промежуточное положение и расположены на высоте $1\frac{1}{2}$ м.

Такие меры борьбы с головней, как протравливание зерна формалином, мытье его в известковой воде, только начинают применяться. Вообще сельское хозяйство ведется по старинному, агрономическая помощь отсутствует. Правда, в Катон-Карагае есть агрономический пункт, но сюда, в горные деревни, агроном попадает редко; так, за последние два года агроном приезжал в этот край два раза, но кержаки его и слушать не хотят.

Мелют зерно исключительно на водяных мельницах— мутовках, стоящих вблизи деревень на запруженных горных

ручьях и принадлежащих или отдельным крестьянам, или нескольким хозяевам (на артельных началах); обычно у каждой деревни имеется несколько таких мельничек; так, например, в Печах их семь. Устроены они крайне несложно: весь механизм, включая и водяное колесо, заключен в небольшом срубе, поставленном над нижним плесом запруженного горного ручья; сруб не имеет окон, а одну лишь входную дверь, крыт соломой или тесом (фиг. 22). Когда мельница не работает, то

Фиг. 22. Мельница-мутовка во время работы (щит вставлен).
Д. Фыкалка.

излишек воды из верхнего пруда стекает в боковое окно, из которого по желобу отводится в сторону; чтобы привести мельницу в действие, вдвигают сверху в окно деревянный щит, вода устремляется тогда в сруб и падает на лопасти водяного колеса, приводящего в движение жернов; над жерновом помещен механизм обычного типа: четырехгранный, суживающийся книзу, деревянный ковш для зерна, под ним подвешено деревянное корытце, сотрясающееся благодаря деревянному рычажку, „коньку“, привязанному верхним концом к ковшу и скачущему при вращении жернова, на котором конек лежит нижним концом; мука сыплется из-под жернова через неболь-

шой желобок в большой четырехугольный „ларь“, стоящий прямо против входа. Мельницы эти устраиваются на один постав, т. е. с одной парой жерновов; стоимость такой мутовки в несколько раз меньше, чем обыкновенной мельницы.

Такая мутовка смалывает немного, обычно 32—160 кг зерна в сутки, причем наибольшее количество мелет весной и в первую половину лета, когда ручьи полноводны; к концу лета ее производительность падает до минимума. Многие мельницы работают круглый год; зимой лишь необходимо ежедневно очищать их от намерзающего льда. Вообще, мельницы-мутовки требуют за собой минимального наблюдения и ухода. Обычно хозяин мельницы (мельников по профессии почти нет) приезжает на мельницу, чтобы засыпать зерно или же выгрести муку; засыпав зерно, он уезжает, заперев мельницу и предоставив ей работать без всякого надзора. Мельницы такой конструкции, со скрытым внутри сруба горизонтальным колесом, очень распространены на Алтае и являются весьма типичными для горных мест.¹

Есть и более крупные мельницы, перемалывающие до 4 т в сутки. Одна такая мельница есть близ д. Печи, затем крупные мельницы имеются в Согорной, Коробихе, Черемошке; летом многие возят молоть хлеб вьюком на так называемую Собачью.

Мельницы устраивают сами, камень для жерновов берут из горы „Щабнухи“—Щебенухи, высшей точки Листвяги (2.280 м над уровнем моря), возвышающейся вблизи д. Фыкалки. Вальцовые мельницы есть в Черновой и в Больше-Нарымске; их всего две на Бухтарминский край. Ручных жерновов для размола зерна не применялось; описанные выше мутовки были известны на Бухтарме уже в 1845 году.²

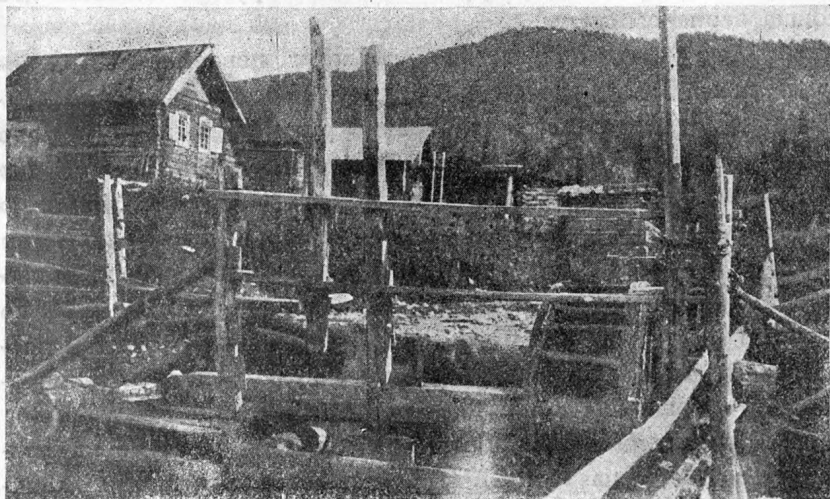
Крупку из ячменя в небольшом количестве приготавливают обычным старинным способом, толкут зерно пестом в деревянных ступах, причем делают это чаще казаки-работники. Когда нужно было большое количество крупы, то возили зерно на большую толчею в д. Белой, где довольно сильным потоком приводится в движение толчея в 8 пестов. Устраивают иногда

¹ Сравни сходные мельницы на горных реках Кавказа и Средней Азии.

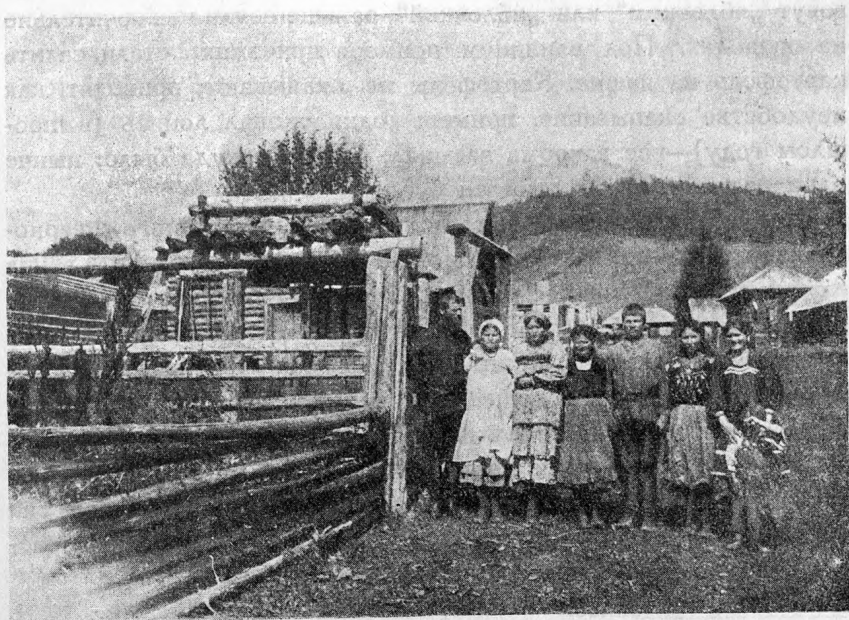
² В „Санкт-Петербургских Ведомостях“ за 1845 г., № 22, говорится, что уже давно у бухтарминских каменщиков есть мельницы-мутовки. Следует отметить, что у соседних „поляков“ мельницы-мутовки были уже при Паласе— в 1771 году.

толчей и при мутовках, в последнее же время (года 3—4) стали, как опыт, ставить толчей и отдельные хозяйства на ручьях в пределах деревни. Устройство таких толчей, напр., в д. Фыкалке, следующее (фиг. 23): сделана на ручье небольшая запруда в виде невысокого сруба, дающего пруд глубиной около трети метра, с высотой падения около $1\frac{1}{2}$ м; через спуск вода падает на большое колесо, устроенное по типу наливных колес,¹ т. е. к валу, составляющему основу всего сооружения, с помощью спиц справа прикреплено два толстых обода, на внутренней окружности которых набита опалубка из досок, образующая род цилиндра; между стенками ободьев набиты на опалубку перегородки шириной в толщину ободьев, расположенные по радиусам колеса; получается, таким образом, ряд сосудов, расположенных по окружности колеса, дном которых служит опалубка, а стенки составлены из ободьев и перегородок. Колесо надето на вал, обработанный восьмигранником; левее, через вал продеты две доски—„перья“, причем они проходят через соседние грани, т. е. под углом 45° друг к другу. Перед валом стоят два столба с горизонтальной перекадиной наверху; в ней, против перьев вала, прорезано два отверстия, через которые продеты четырехгранные песты; нижняя часть песта сужена и окована железом; у каждого песта на стороне, обращенной к валу, вделана поперечинка; за нее, при повороте вала, перо задевает и поднимает пест; чтобы пест не шатался, в отверстие в перекадине свободно вложены сверху клинья с зарубкой. Каждый пест опускается в четырехгранную ступу—„пудовку“, поставленную под ним. Иногда вместо двух отдельных ступ ставят большую колоду, с двумя выдолбленными в ней углублениями. В пудовку закладывается несколько менее 16 кг ячменного зерна; через некоторое время работы, когда обобьется кожура, пест отнимают от ступы, поднимая его и закладывая спицу в отверстие в нем над перекадиной; ковшом выбирают зерно, отвеивают его, снова ссыпают в ступу, поливают водой и толкут мокрое зерно,—получается белая крупа. Когда надо остановить всю толчею, то воду выпускают через боковое окно в пруде—так называемый „вешняк.“ Весной и летом при сильной воде работают оба песта и за день успевают сработать 3—4 ступы каждый; в конце лета работает лишь один

¹ Устраивают толчей и с подливным колесом, но, при прочих равных условиях, они работают хуже, чем толчей с наливным колесом.

Фиг. 23. Толчея для изготовления крупы. Д. Фыкалка.

Фиг. 24. Рассадник. Д. Язовая.

пест. За изготовление крупы хозяева берут 5 коп. или два ковша зерна со ступы.

Огородничество. Овощи растут повсеместно, за исключением Фыкалки, где в пределах деревни растут на грядах лишь лук да репа, остальное не родится из-за инеев. Надо удивляться, что растут и эти овощи, если принять во внимание высоту этой деревни над уровнем моря (1.205 м); это возможно лишь потому, что Фыкалка, расположенная у южной подошвы Холзуна, защищена им, как стеной, от холодных северных ветров и открыта теплым южным и западным ветрам, дующим со стороны степи. Значительная часть фыкальских огородов расположена ниже деревни, километрах в двух от нее, за перевалом, где они еще более защищены от северных ветров.

В других деревнях огороды расположены частично на усадебной земле, а частично в заречных лугах, где каждый занимает под огороды столько земли, сколько ему нужно.

На огородах сажают, главным образом, картофель, капусту, свеклу, репу, брюкву („калегу“), морковь, лук, чеснок, тыквы, огурцы, арбузы, дыни. Картофель, который по старине все еще зовут „яблочком“ или „яблочкой“, раньше сеяли исключительно на огородах. Под влиянием примера приезжих, стали сажать картофель на пашне. Картофель не окапывают; приводят, как неудобство окапывания, пример: „один окопал лонись (в прошлом году)—все закрома засыпал, девать некуда было; нынче одна окопала, ей не вывезти будет“.

Капусту, свеклу высевают в „рассадники“ обычного северновеликорусского типа: небольшой сруб $1\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{2}$ м, в 3—4 венца глубиной, на высоких стойках с бревенчатым накатом вместо дна, заполненный землей.¹ На Бухтарме большей частью рассадники устраивают на плоских крышах хозяйственных построек, стараясь их вынести возможно выше, чтобы на них возможно дольше попадали лучи солнца, рано скрывающегося за горы в этих узких долинах. Особенно высоко помещают рассадники в д. Язовой (фиг. 24), где также особенно высоки сушила для хлеба. На ночь, для защиты от заморозков, рассадники накрывают половиками.

¹ Б. Г. Герасимов в „В долине Бухтармы“ на стр. 27, упоминает о деревянных ящиках или коробах, служащих рассадниками в с. Сенном, помещаемых, для тепла, на банях.

Тыквы и огурцы сажают во всех деревнях, кроме Фыкалки; тыквы сажают двух видов—крупные для еды (*Cucurbita Pepo* L.) и мелкие с горлышком, употребляющиеся как сосуды (*Cucurbita Lagenaria* L. или *Lagenaria vulgaris* Ler.—бутылочная тыква). В начале лета, пока еще бывают заморозки, на ночь, чтобы не померзли, закрывают их покрывками из кудели, которые сваливают руками, в тарелку величиной (по лунке). В 1927 г. „прогуляли их“ в Печах, в заговенье перед Петровками не накрыли, они и померзли. В Язовой же, благодаря сильным заморозкам весной 1927 г., не помогли и покрывки—все померзло, как, частично, и в Белой.

Арбузы и дыни очень мелкие и большей частью не вызревают. Подсолнечник сеют в огороде „для забавы“; он не высеивает. Под влиянием примера приезжих, стали сеять подсолнечники и брюкву на пашне, многие уже начинают на пашне сеять и морковь.

Приезжие „хочут затеять“ бахчи на горах, на теплых местах, попробовать, что будет. Мечтают „организоваться“ человек 10 и посадить бахчи. В одиночку нельзя, так как кержаки страшно обкрадывают поля переселенцев.

Уход за огородами очень несложный; сорные травы выпалывают обычно руками, только приезжие употребляют для этой цели тяпки.

III. СКОТОВОДСТВО

В хозяйстве бухтарминских кержаков скотоводство занимает одно из первостепенных мест и является давним занятием населения. Горные склоны и долины, обильные высокой травой, дают первоклассный корм для скота. Влажный климат способствует обильному произрастанию травы, достигающей в падах такой высоты, что среди нее может скрыться всадник. Кроме географических условий, значительному развитию скотоводства способствовало также давнее соседство каменщиков с коренными скотоводами—казаками. Некоторая связь с типом кочевого казакского скотоводства до сих пор наблюдается в характере скотоводства кержаков. Последние, подобно казакам, считают, что богатство того или иного хозяйства зависит от количества скота. В этом отношении бухтарминские деревни поражают обилием скота, даже при сравнении их с сибирским крестьянским хозяйством, не говоря уже о русском населении

Европейской части Союза. В настоящее время, после так называемого „восстания“ 1920 г., количество скота в кержацких деревнях сильно сократилось. Так, например, в наиболее богатой д. Фыкалке, насчитывавшей, по словам населения, до революции менее чем на сотню дворов до 2.000 лошадей, теперь сохранилось лишь около 20% довоенного их количества. Тем не менее, приводимая таблица 4 показывает, что кержацкие деревни на Бухтарме имеют довольно значительное количество скота.

Таблица 4.

Обеспечение скотом бухтарминских деревень на 1927/1928 г. ¹						
Деревни	Число голов крупного рогатого скота		Число голов лошадей		Число голов, приходящееся на одно кержацкое хозяйство	
	От 1—3 л.	От 3 л. и старше	От 2—4 л.	От 4 л. и старше	Кр. рог. скота	Лошадей
Коробиха	434	574	168	490	6,1	3,8
Печи	392	414	136	438	5,8	4
Белая	499	704	243	812	5,7	4,9
Язовая	445	536	161	469	7,2	4,5
Фыкалка	295	282	85	268	7	4,3

Если же брать отдельные хозяйства, то следует указать, что маломощных хозяйств нет совсем (см. выше таблицу 1). У самих же кержаков хозяин, имеющий трех дойных коров, считается бедняком. Средний хозяин имеет четырех дойных коров и четырех лошадей.

Примером зажиточного хозяйства может служить такое:

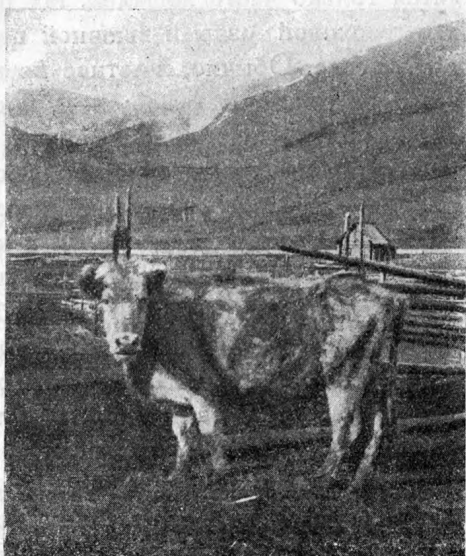
10 дойных коров,	} не считая молодняка.
12 езжалых лошадей	

В ответ на соответствующие вопросы приходилось слышать: „у нас немного коней, восемь запрягáцца“; „мала ската, пять даицца, да холостяжник“. Десять лошадей иметь—считают мало. Такое отношение наблюдается при сильном обеднении скотом. О том же, что было прежде, можно судить хотя бы по тому,

¹ По поселенным спискам плательщиков сельско-хозяйственного налога.

что в Фыкалке, деревне, правда, самой богатой скотом, в среднем, приходилось до войны 25 лошадей на кержацкий двор.¹

Несмотря на большое количество скота, хозяева хорошо знают свой скот благодаря „пятнам“, т. е. особым метам, делаемым на ушах скотины, или таграм, выжигаемым на теле. Пятнают каждое животное, включая и маралов. Сейчас наиболее употребительными являются меты на ушах: „вилкой“ (клиновидная вырезка), „ивернем“ (прямоугольная вырезка) и „патроном“ (сделанное гильзой круглое отверстие) в разнообразных сочетаниях и положениях — на правом или на левом ухе, на обоих вместе, с передней или задней сторсны и т. п.

Фот. А. Н. Белослюдова.

Кержаки разводят по преимуществу лошадей и крупный рогатый скот; на втором месте стоит разведение овец и свиней (о разведении маралов см. гл. „Мараловодство“). Лошадей разводят по преимуществу киргизской породы, коров — местной породы (фиг. 25), невысокого качества. В деле улучшения пород скота кержаки ничего не предпринимают. Уход за скотом очень плохой. В районе отсутствует какая-бы то ни было ветеринарная помощь, и население широко применяет способы

Фиг. 25. Корова местной породы.

Д. Быкова.

¹ Возможно, что население сильно преувеличивает свое бывшее богатство скотом: так, по данным Б. Г. Герасимова (ор. cit.), в 1910 г. в Фыкалке было 838 лошадей и 899 голов крупного рогатого скота; но если даже и так, то современное количество лошадей здесь равно 40% довоенного их количества, а современное количество крупного рогатого скота — около 65% прежнего. Если же принять во внимание, что в 1910 г. в Фыкалке, как и во всех обследованных деревнях, не было еще ни одного переселенца, а количество старожильческих хозяйств не превышало полсотни, то получим, что, в среднем, на одно хозяйство приходилось около 17 лошадей и около 18 голов крупного рогатого скота.

народной ветеринарии; для лечения и холощения лошадей существуют особые коновалы.

Имея большое количество лошадей, кержак не пользуется ими всеми в течение лета. В летнее время в работе около дома или, как говорят на Бухтарме, „в руках“, находится только часть лошадей. Их применяют по преимуществу для верховой езды и вьючной перевозки всего необходимого в хозяйстве. Обычно, в летнее время дома оставляют наиболее сильных лошадей (чаще 2—4, иногда и более, в зависимости от числа взрослых членов семьи). Остальных лошадей, после окончания весенних полевых работ, а также весь „холостяжник“, т. е. жеребят и молодых нерабочих лошадей, отправляют на летние пастбища на белки к казакам, которые пасут кержацкие косяки вместе со своими на ближайших белках. До недавнего времени пасли на Чибомбае, но за время войны и революции там развелось много медведей, и они стали „давить“ скот; поэтому теперь кержаки отдают лошадей казакам на Листвягу. За пастбу платят пропорционально стоимости сдаваемых лошадей; так, если лошадь оценена в 100 рублей, то платят казакам около 5 рублей, т. е. 5% с оценки лошади. За лошадь, зарезанную волком или медведем, пастух-казак не отвечает—таково обычное право этого края. В течение лета хозяин несколько раз навещает в табун к казакам. Несколько раз в лето усталых лошадей отводят в табун отдохнуть и поправиться, а вместо них приводят с белков отдохнувших.¹ В этом способе выпаса лошадей летом на белках косяками в табунах, можно усматривать влияние соседнего кочевого хозяйства казаков. С выпадением снега на белках и перед установлением санного пути кержаки пригоняют в деревню всех лошадей, для которых с наступлением зимы начинается самая рабочая пора ввиду того, что к зимнему времени у кержаков приурочена перевозка снопов и сена с горных пашен и лугов, а также возка леса и дров; кроме того, лошадиную силу применяют при молотье хлеба на льду.

Зиму лошади и крупный рогатый скот стоят в открытых дворах и пригонах, причем защитой от ветра и снега является поветь с заплотом, т. е. плоский навес на столбах, защищенный заплотом, т. е. забором из деревянных плах со стороны господ-

¹ Иногда кержаки, имеющие маральи сады, пускают туда на отдых лошадей вместо того, чтобы отдавать их казакам.

ствующих зимой ветров (зимний ветер носит название „хиус“¹). Обычно, рогатый скот лишь в непогоду загоняют под такую повесть, а для лошадей даже такая защита считается излишней; лишь редкий хозяин устраивает „конскую повесть“; большинство же всю зиму держит их под открытым небом („небом покрыто, воздухом огорожено“—как говорят сами же кержаки). Нередко, после ночных метелей, утром хозяева находят скот полузасыпанным снегом. Молодняк — телят, ягнят — держат в особой „избушке“, которую ставят в ограде (см. планы усадеб в ст. „Постройки“...); в избушке устраивают русскую печь для отопления, а также для согревания пойла для молодняка. Крупный же скот всю зиму гоняют на водопой к проруби на реке или речке; на Бухтарме одну продолговатую узкую „прорубь“ (только чтобы „рыла залезла“) устраивают на 10 хозяйств; прорубают прорубь пешнями. Такой примитивный способ поения скота имеет свое оправдание в том, что скот, стоящий всю зиму на холоду, на таком водопое не простужается, что было бы неизбежно при теплом пойле, при котором необходимы и теплые хлева.²

Таким образом, при большом скотоводческом хозяйстве, хозяйки не бывают обременены заготовлением огромного количества теплого пойла, что пришлось бы делать, если бы уход за скотом приближался к обычному русскому. Лишь у одного богатого кержака в д. Фыкалке выстроена большая теплая конюшня для коров и лошадей. В результате такого режима уже в начале зимы коровы почти перестают давать молоко, и на три зимних месяца, до отела, дойка их прекращается.

Рогатый скот кормят в зимнее время сеном и соломой, причем солому дают охапками, „пластами“, или приготавливают из нее „сечку“, рубя солому топором на колоде и посыпая ее мукой, отрубями и солью. Лошадям, кроме того, дают и овес. Солому и, отчасти, сено держат в виде скирд, ометов и стогов на плоских крышах поветей.

Ввиду большого количества скота, который необходимо держать на сухом корму всю зиму, кержаки вынуждены заготавливать большое количество сена. Те из них, которые зани-

¹ Термин, встречаемый и за пределами Алтая. Ср. Д. К. Соловьев. Саянский промыслово-охотничий район. 1921, стр. 112, 138.

² То же наблюдается повсеместно в Томской губернии.

маются мараловодством, особенно озабочены такой заготовкой, так как маралы зимой питаются исключительно сеном в то время, как коров и лошадей кормят также и соломой. Траву косят на отдыхающих залежах, а также на суходолах (на склонах гор), никем не занятых. Кроме того, существует так называемый „луговой паек“ т. е. надел заливных лугов по рекам; эти луга делят по прежним мужским „душам“; на „женских“ (женщин) не полагается; на душу приходится три загона, т. е. четверть десятины.

Выгон скота производится ранней весной, большей частью до Пасхи, как только обнажатся от снега южные склоны гор— „полдни появились“, говорят кержаки. С этого времени и позднее, большею частью до Егорьева дня (23 апреля ст. ст.), пока хлеба еще не настолько подросли, чтобы скот мог вредить им, он пасется на горах— на пашнях, залежах и даже на сенокосах. Большую же часть лета, в период созревания и уборки хлебов, скот пасется на „поскотине“, представляющей собой более или менее обширное (в зависимости от размера деревенского стада) пространство земли вокруг деревни, идущее в разных деревнях в различных направлениях, в зависимости от топографии местности. Поскотина обносится изгородью из горизонтальных жердей (пряслом или городьбой), содержание которой в порядке лежит на обязанности всех домохозяев деревни, причем соответственно количеству скота производится и разверстка городьбы (определенное количество метров или звеньев). За потравы скотом полей отвечает тот хозяин, чей участок городьбы оказался неисправным. Со стороны въезда в деревню (одного или нескольких) устраиваются так называемые „поскотные“ ворота, представляющие собой обычные русские ворота у околицы, из горизонтальных жердей, укрепленные на двух верях. Поскотные ворота постоянно должны быть заперты в течение всего времени, пока скот пасется на поскотине. Каждый проезжающий, свой и чужой, должен, пройдя или проехав через ворота, непременно запереть и заложить их, чтобы скот не мог пройти. Скот пасется на поскотине без пастуха до окончания уборки хлеба, т. е. до конца августа, когда отворяются поскотные ворота, и скот выпускается на пашни и покосы. С этого времени и всю зиму до момента загона скота в поскотину весной—поскотные ворота раскрыты настежь, и даже разбирается часть городьбы, чтобы

скот свободно мог пастись за пределами поскотины. В то время, как пастьба в поскотине представляет собой строго урегулированное закономерное явление, пастьба на пашнях является беспорядочной. Во многих деревнях нанимают пастухов; в большинстве случаев—это казаки, по преимуществу подростки. На обязанности пастуха лежит угон и пригон скота, причем пастух пасет скот верхом. Если же скот на пашнях растреплет чью-нибудь кладушку хлеба, то виноватым считается не пастух, а хозяин, который плохо огородил ее. Пастуха нанимают только на осень, когда хлеб убран и находится в кладях; весной же, хотя скот тоже ходит по пашням, он не может причинить вред, так как клади большей частью уже вымолочены; поэтому обходятся без пастуха. В летнее же время, пока скот пасется на поскотине, его выгоняют и пригоняют „на вершине“ (т. е. верхом) сами хозяева. Но если по каким-нибудь обстоятельствам в деревне не нанят пастух, что случается нередко, или поздно наймут его, то скот и за поскотину гоняют сами хозяева. С наступлением осени, когда коровы менее охотно направляются к деревне (так как их не беспокоит молоко), и они, по выражению местного населения, начинают „спать“, пригон их в деревню представляет трудности для хозяев, особенно ввиду того, что разыскивать приходится в логох, на гривах, часто на далеком расстоянии. Нередки случаи, когда коров не удастся отыскать в течение нескольких дней, что крайне неблагоприятно отражается на удое. Были даже случаи, что в поисках ушедшего скота бухтарминцы уходили за Листвягу, в Аргутские горы, где в прежнее время происходили из-за этого скота даже стычки с теленгетами. Для удобства разыскивания, коровам на шею подвязывают деревянные „бóтала“, род колокольца. „Походячим“ коровам, чтобы они не могли далеко уйти, надевают на ноги род колодки—так называемый „багáн“, состоящий из черемуховой жерди, обогнутой вокруг ноги и стянутой веревкой или прутом.¹ На подножном корму скот пасется до конца октября.

Более культурные деревни, как, напр., д. Коробиха, уже осознали это неудобство пастьбы скота без постоянного при-

¹ Такой башмак, надеваемый на ногу лошади вместо пуг, отмечается во многих местах Сибири (Томский округ Томской губ. — Живая Старина, 1895, стр. 416 — 418; Енисейская губ.—колл. № 573 Этнографического отдела Русского музея и др.).

смотра, и здесь скот пасется под надзором пастуха в течение всего периода подножного корма и в поскотине, и за пределами ее.¹

Из посещенных деревень не городит поскотины лишь д. Белая, так как ее географическое положение („в яме“) не дает возможности сделать этого; поэтому скот здесь пасется под надзором пастухов. Если же брать весь ясачный район или бывшую Верх-Бухтарминскую (Печинскую) волость, состоявшую из 8 селений (кроме посещенных нами, сюда входили с. Сенное, д. Быкова и поселок Верх-Пихтовский), то уже давно, еще с 90-х годов XIX в.,² здесь городят поскотину только четыре деревни из восьми.

Исконное отсутствие пастухов и какого бы то ни было надзора за скотом отразилось на выработке некоторых норм обычного права. В то время, как в европейских русских деревнях за всякую поправу отвечают пастух или владелец скота, на Бухтарме виновным в поправе считается владелец клади или стога, плохо их огородивший. В тех случаях, когда скот выйдет из поскотины вследствие плохого состояния городьбы, ответ за поправу падает на того хозяина, чье звено городьбы оказалось в неисправности.

Таким образом, в основных чертах организация скотоводческого хозяйства, близко подходя к обще-сибирской, в значительной мере отличается от типично-великорусской, что выражается главным образом в отсутствии определенного института пастухов и в почти полном отсутствии ухода за скотом.

В прежнее время, т. е. до 1920 года, на Бухтарме было много хозяйств, имевших до 25 дойных коров, так что доением в таком хозяйстве было занято одновременно несколько женщин. Для молока требовалось большое количество кринок, которых в большом хозяйстве скапливалось до 600 штук. При 12—13 дойных коровах каждый вечер занималось под молоко до 50 кринок.

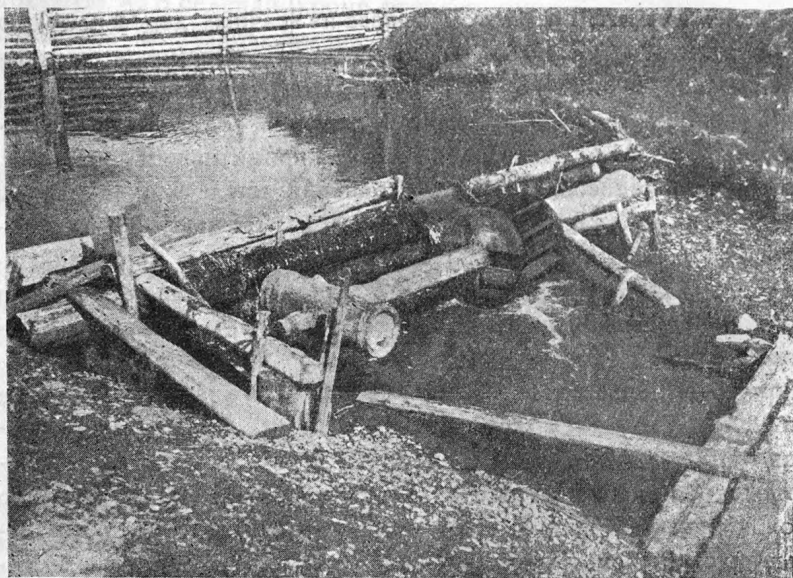
Качество и количество молока в разных деревнях Ясака различно, в зависимости от качества травы на поскотине.

¹ Отчасти это объясняется и тем, что через коробишенскую поскотину идет довольно оживленное движение из всего печинского района к плотбищу на Бухтарме, ниже д. Коробихи, а вследствие этого поскотные ворота не всегда аккуратно затворяются.

² С. П. Швецов. Формы пользования общинною землею на Алтае. СПб., 1894, стр. 202.

В деревнях на самой Бухтарме, где часта полынь, молоко имеет нередко горький привкус; глубже, в горах, обильных высоким, сочным „чернотравьем“ (напр., в д. Язовой),—молоко содержит меньший процент жира. В общем же, вследствие плохой породы, отсутствия ухода, нерегулярного доения удои молока невелики. Тем не менее, при большом количестве коров, в летнее время в хозяйстве скопляется много молока, которое в значительной мере идет на приготовление масла, издавна бывшего предметом вывоза из ясачных деревень. Одна корова за год дает до 24 кг масла. Но несмотря на обилие молока в кержацком хозяйстве, сепараторы получили слабое распространение и имеются лишь в единичных хозяйствах. Масло готовится весьма примитивным способом. Особых приспособлений для сбивания масла до недавнего времени у кержаков не имелось. Масло сбивают обычно рукой. В кадушку („сбочку“) кладется сметана, и женщина сбивает ее („бузгает“) в кадушке в одном направлении кистью руки, не применяя никакой ложки или лопатки. Когда накоплено много сметаны, то в одной кадке сбивают несколько женщин одновременно. По мере мешания, в кадушке начинает „комиться ком масла“. Затем, масло перетапливают и хранят в топленом виде. Масла в каждом хозяйстве особенно много заготавливается во время поста. Недавно появились на Бухтарме столь распространенные всюду толкачные маслобойки; они состоят из „туяска“—долбленного высокого узкого сосуда, в крышку которого пропущено перо—мутовка с крестовиной наподобие 8-лучевой звезды внизу. Сами кержаки о них говорят, что масло в них сбивается на подобие того, как делают „кыргызы кумыс в турсуке“. Широкого распространения толкачные маслобойки пока еще не получили. В деревнях и заимках, расположенных на мелких речках (особенно в Язовой и Фыкалке), за последние годы (лет 5 тому назад) получили широкое распространение так называемые „болтушки“ или „сбойки“—маслобойки, приводимые в движение водой горных ручьев. Для этого на ручье устраивают искусственную запруду при помощи плотины из бревен или даже сруба; в плотине делается отверстие; к нему для стока падающей воды приделывается жолоб. Основной частью болтушки является горизонтальный вал, на который надеты колесо и сосуд для масла (фиг. 26). Колеса устраивают двух

типов: наиболее простой—когда колесо состоит из 8 квадратных или нескольких вытянутых по радиусу лопаток, врубленных в вал по радиусам. Падающая вода, под которую представляются лопатки, приводит в действие колесо, а с ним и весь вал, главным образом силой своего падения (принцип подливных вододействующих колес). Более совершенный способ, представленный на фигуре 26, когда колесо устроено по прин-

Фиг. 26. Маслобойка на горном ручье (вал сдвинут). Д. Язовая.

ципу наливных колес, состоит в следующем: в вал врубляются два толстых деревянных круга (из тесниц), между которыми устраиваются перегородки (числом 12—14), так что получается ряд сосудов-ковшей, дно которых образовано поверхностью вала, а стенки—перегородками и боковыми кругами; это колесо подводится вплотную к жолобу, по которому вливается вода в ковши; здесь она действует преимущественно своею тяжестью. Колеса подливного типа, имеющие больший диаметр, устраиваются при значительной разнице верхнего и нижнего уровня воды; наливные же колеса действуют хорошо и при небольшой высоте плотины (фиг. 26).

Сосуд для сбивания масла представляет собой долбленный из дерева туяс (на фиг. 26 слева), вместимостью в два ведра, с двумя

вставными днищами; в одном из них сделано четырехугольное отверстие, которое на время работы закрывается втулкой, придерживаемой иногда даже железной полосой, завинчивающейся сбоку винтом на гайках. Вал оканчивается двумя шипами, лежащими в неподвижных углублениях, сделанных в массивных бревнах, лежащих по бокам нижнего плеса запруды. Когда нужно остановить болтушку—один конец вала вынимают из углубления и сдвигают в сторону, вследствие чего вода падает мимо колеса, и вал перестает вращаться (как показано на фиг. 26). Для получения масла в туяс наливают два ведра молока; в августе—сентябре, когда воды в ручьях мало, и напор ее слаб, за сутки сбивается три порции; в более же сильную воду сбивается шесть туясов в сутки, т. е. 12 ведер. Масло, вынутое из болтушки, перетапливают и складывают в кадушки для продажи. Прежде чем подоенное молоко лить в болтушку—сливают его в кадку; там оно киснет и оттуда уже заливают его в туяс; кадку не моют, а при следующей дойке льют опять туда молоко—оно быстро скисает—и т. д. Этот прием распространен в Язовой. В Фыкалке же чаще заливают свежее молоко, вскоре после доения. Свежее молоко сбивается медленнее, чем скисшее. Пахта идет в пойло скоту. Болтушки, повидимому, распространены на Алтае; так, по словам населения, они встречаются на Бухтарме вплоть до Зыряновска; по сообщению же С. И. Руденко, подобного вида маслобойки устраиваются в Уймоне на Катунь.

Кроме такой утилизации молока, в Бухтарминском крае существуют маслодельные заводы, так называемые „молоканки“. Уже в довоенное время в Печах было два завода Союза сибирских маслодельных артелей; целый ряд лет они бездействовали, после 1921 года вновь открылся один кооперативный маслодельный завод, вырабатывающий так называемое экспортное масло. В связи с уменьшением количества скота, край дает теперь гораздо меньше масла, чем прежде. Так, в Печах до войны шло на молококанку до 8 т в вечер, сокращаясь в августе до 3½ т; теперь же за вечер поступает всего до 1½ т. Заводы начинают работать ранней весной, как только коровы начинают давать молоко, закрываются же в конце августа—сентябре, в зависимости от количества и качества удоя. Так, одним из первых закрывается завод в д. Язовой, обладающей более жидким молоком и дающей меньший выход масла,—здесь 16 кг

масла вырабатывается из 336 кг молока, в то время как, например, в Печах из 288 кг (известно, что в степном районе — напр., в Кургане — в районе сухих степных трав, где трава „крепче“ — молоко гуще, и его для получения 16 кг масла надо еще меньше). Маслодельный завод в д. Печах принадлежит сельско-хозяйственному товариществу; таких заводов по Бухтарминскому уезду — два: здесь и в Катон-Карагае; все же остальные маслодельные заводы перешли в потребительские общества, что является для населения более удобным, так как им оказывается кредит, а сельско-хозяйственным товариществам „веры нет“; губернского же сельско-хозяйственного товарищества не существует. Завод помещается в деревянном одноэтажном сарае, состоящем из двух помещений; в первом — в „приемной“ — производится приемка молока и весь процесс сбивания и обработки масла, во втором же хранятся сливки, и находится погреб со льдом для масла. Оборудование приемной составляют: молоковес, чан для молока — приемник, аппарат (сепаратор), чан для сливок, бойка (маслобойка), печь с котлом и стол приемщика. Приемка молока от населения происходит по вечерам, после доения коров. Ко времени приемки затапливается печь, в которую вмазан большой бак с водой. Молоковес, представляющий собой металлический сосуд с литровой градуировкой на стеклянной полоске, стоит в дверях приемной, на пороге. Молоко принимается по 4 коп. за литр или по 65 коп. за пуд (16 литров), причем обычно деньги не выплачиваются сразу, а записываются на книжку. Из молоковеса молоко поступает в приемник, а оттуда в аппарат (сепаратор), но предварительно его подогревают до температуры + 32°, при которой легче отделяются сливки; для этого молоко переливают в высокие узкие металлические „ушатины“ цилиндрической формы, вместимостью по 1½ ведра, опускают их в бак с горячей водой и потом льют в сепаратор, откуда уже вытекают сливки и обрат; к носку, по которому вытекает обрат, подвязывается деревянный желоб, направленный в окно наружу, где население само уже получает обрат, сколько надо. Сливки ставятся в большом чану в воду со льдом во втором холодном помещении, где они подкапливаются, так как в конце лета молока поступает мало, и лишь за три дня собирается то количество сливок, которое нужно для заливки в бойку, где сбивается масло.

Бойка устроена по типу ударных вращающихся маслобоек со стоячим валом;¹ она представляет собой большой деревянный барабан, подвешенный на двух стойках, который приводится в движение двумя рабочими, вертящими рукоятки ручек, приделанных к двум противоположным днищам. Бьют масло утром. В конце лета, когда масло сбивается раз в три дня, завод обслуживается одним мастером и одним рабочим; весной же и летом, кроме мастера, работают трое рабочих. Население, в общем, мало заинтересовано в молоканке; сдает ей молоко по преимуществу беднота.

В деревнях, где возможно устройство болтушек, предпочитают сбивать масло сами, а не сдавать молоко на молоканку, так как болтушки считаются более выгодными, ввиду большего выхода масла и остающейся дома пахты. Готовое масло свозится на лошадях в д. Коробиху, откуда оно дальше сплавляется уже по Бухтарме на плотях, поднимающих до 8 т. Вывозится масло в бондарной посуде из покупной дубовой клепки, которая в рогожной упаковке доставляется сюда Маслосоюзом (с клепочных заводов в Кургане и Омске).

Гораздо меньшее значение в кержацком хозяйстве имеет разведение овец и коз, сильно сократившееся по сравнению с довоенным временем, что видно из таблицы 5.

Таблица 5.

Деревни	1910 г. ²	1927 г. ³	
	Число овец и коз	Число овец	Число коз
Коробиха	246	181	21
Печи	90	32	—
Белая	669	375	8
Язовая	477	261	13
Фыкалка	502	95	5

Овцы разводятся грубошерстные; обычно их сдают на пастьбу казакам (овцы, нерабочие лошади, быки представляют собой так наз. отгонный скот). Шерсть, получаемая от своих овец,

¹ По типу ближе всего подходит к т. н. „лефельдтовской“ маслобойке.

² По Б. Г. Герасимову. Ор. cit.

³ По поселенным спискам на 1927/1928 год.

так называемая „жишка“, не покрывает потребности хозяйства; тем не менее, кержаки не испытывают нужды в шерсти, так как покупают ее у казаков.

Свиные разводятся также в небольшом количестве, исключительно для собственного потребления. Свиней держат в пределах деревни, и для того, чтобы они не пролезали сквозь прясла и не портили огородов, им надевают или так называемые „вилы“, род весьма распространенного ошейника из трех перекрещивающихся палок, или „шарогулю“—естественную развилку с отростком, концы которой соединены поперечинкой.¹

Из домашней птицы разводят кур, гусей и уток; они являются собственностью женщины—каждая женщина в доме держит отдельно „на свое имя“ некоторое количество домашней птицы („я тебе утку благословлю, на свое имя возьми, тебе бог даст ходить за ней“—говорит невестке свекровь, у которой птица не ведется). Среди простых беспородных кур обращают на себя внимание так называемые „шершавые“ куры, странно взлохмоченные, с стоящими дыбом перьями, между которыми видна розовая кожа; они дают потомство такого же вида. Среди уток выделяется значительный процент очень красивых „палевых“ уток. Хозяйки проявляют очень мало заботливости о домашней птице, которая, вследствие отсутствия надзора и ухода, гибнет массами, особенно же птенцы (их забивают мальчишки, рвут собаки² и пр.). Это можно объяснить отчасти постоянными отлучками на заимки, пасеки и т. п., отчасти же частыми попойками и небрежным отношением к такой недоходной статье, как разведение птицы. В этом отношении выгодно выделяется хозяйство переселенцев, хотя и недавно основавшихся в этих местах, но с любовью и заботливостью возящихся с хорошо водящейся здесь птицей (в частности, большие стада уток, по 40 и более штук, встречаются только у переселенцев).

Таким образом, характер скотоводческого хозяйства бухтарминских кержаков и преимущественное разведение того или другого вида скота обуславливается в значительной степени

¹ Собакам привязывают на шею длинные палки, чтобы они не выскакивали из ограды на дорогу.

² „После собачьего зуба, что после волчьего—никак не развести птицы“, говорят кержачки; необходимо после этого „либо сменить кому-нибудь парочку, либо порешить“.

общим укладом кержацкого хозяйства. Бухтарминский крестьянин должен иметь большое количество лошадей вследствие своеобразных условий своего хозяйства. Отсутствие колесных дорог и телег требует отдельной лошади для каждого выезжающего из деревни. Кроме того, ввиду отдаленности пашен от деревень и возможности перевозки только по санному пути, в каждом хозяйстве необходимо значительное число лошадей. Обычно один кержак вместе с работником, при перевозке заготовленного хлеба и сена с пашни, справляются одновременно с двумя десятками лошадей и успевают за день сделать только один конец. При малом количестве лошадей, в связи с необходимостью прокладывать по ненаезженным полям дорогу среди снегов, перевозка с пашен растянулась бы на долгий срок. Но в этом есть и значительная доля нерациональности, относительно которой один из знатоков местного края выразился, что кержаки держат лошадей, чтобы возить сено, а сено возят, чтобы кормить тех же лошадей. Отдельные хозяева начинают сознавать эту нерациональность и идут по линии рационализации: уменьшают количество скота, но увеличивают его использование. Так, один из крестьян д. Коробихи (у которого жена — единственная женщина, бросившая сарафан и перешедшая на городскую одежду) сознательно сбавил количество „езжалых“ лошадей до двух, но использует их круглый год, не отдавая казакам на лето; он видит в этом большое удобство.

IV. МАРАЛОВОДСТВО¹

Видное место в хозяйстве бухтарминского населения занимает мараловодство, т. е. разведение вида благородного оленя, так называемого марала — *Cervus canadensis*.

¹ Настоящая глава написана значительно короче, чем предполагалось вначале, что объясняется тем, что в апреле 1928 года вышел выпуск 18 Материалов ОКИСАР „Домашние животные Семипалатинской губернии“, где мараловодству в Бухтарминском крае посвящена статья Ф. Г. Добрянского, работавшего в 1927 году в составе Животноводческого отряда Казакстанской экспедиции и изучавшего специально мараловодство в д. Черновой и ее окрестностях („Очерк мараловодства на южном Алтае“, стр. 184—241, с 8 рис.). Во избежание повторений, ввиду совпадения нашего материала с материалом из д. Черновой, заимствовавшей приемы мараловодческого хозяйства из ясачных деревень, здесь даются лишь основные вехи, необходимые для уяснения роли этой отрасли хозяйства для обследованного района, а также отдельные детали, интересные в том или ином отношении; все остальное опускается.

В прежнее время марал в диком состоянии водился по всему Алтаю и составлял один из главных объектов охоты ради шкуры, мяса и рогов; к половине XIX в. он стал настолько сокращаться в количестве, что навел энергичное и предприимчивое русское горное население на мысль приручить его. Возникновение мараловодства на Бухтарме относится к 50-м годам XIX столетия, расцвет же к предвоенному времени.¹ В настоящее время марал представляет собой полуодомашненное животное, хорошо плодящееся в неволе, а в диком виде в пределах русского Алтая почти истребленное. Но до сих пор кержаки зовут прирученного марала „зверем“, а дикого „польским зверем“. Марала никогда не причисляют к скоту, никогда не называют животным. Охота на марала (все виды которой прекрасно описаны в соответствующей литературе) производится только либо в дальних хребтах Алтая в верховьях р. Яссатера, либо за пределами Союза, на Монгольском Алтае, где маралы пока еще водятся.

Маралов разводят ради их рогов, которые сбываются за границу, в Китай, где они находят широкое применение в народной медицине.² Торговля маральими рогами занимает видное место в товарообмене края. В настоящее время рога закупаются Казгосторгом по цене 12—14 р. за 400 г сухих рогов.

Следует отметить, что не весь рог с Бухтармы попадает в контору Казгосторга в Катон-Карагае, так как некоторые мараловоды везут рога на границу Ойратской авт. обл., где и продают их госзаготовителям, так как там, в „Алтайской кон-

¹ Историю происхождения мараловодства см. у Ф. Г. Добрянского.

² Из маральих рогов тибетские лекаря готовят кашцеобразный экстракт, который является чем-то вроде жизненного эликсира: восстанавливает молодость, помогает при малокровии, золотухе, является предохранительным средством от простудных и хронических заболеваний судовых рабочих, особенно в жарком поясе; имеются указания и на радиоактивность этого лекарства; очевидно, оно является сильным возбудителем деятельности половых желез, чем и может объясняться то, что богатые китайцы дают в приданое дочерям пару рогов. На это последнее назначение указывают, как все писавшие о мараловодстве, так и кержаки, когда их спрашивают о назначении маральего рога в Китае. Но помимо этого, в литературе имеется еще целый ряд сведений о медицинском значении маральего рога. Ни одно из вышеупомянутых качеств маральего рога европейской медициной пока еще не проверено.

торе“, по словам населения, рог расценивается выше (по сортам) и несколько лучше оплачивается.¹

До войны рога на месте сдавались русским и китайским купцам по 8—10 руб. за 400 г. Некоторые крупные мараловоды сами вывозили рога за границу, являясь отчасти и скупщиками рога у мелких мараловодов. Перед отправкой в Китай, рога тщательно заворачивали тюками в рогожу или кошму, подгоняя к 48 кг, затем выюком отправляли по бухтарминскому тракту в Монголию, в города Кобдо и Улясутай, где имелись лавки русских купцов, перепродававших рога китайским фирмам. Здесь за рог выручали уже около 15 руб. за 400 г, причем на эту экспедицию уходило около месяца.

Взрослый самец-марал дает ежегодно 4—12 кг сырых рогов, после варки² и сушки дающих сухого рога около половины первоначального веса. Таким образом, с каждого марала в год получается дохода 60—200 руб.

Содержание маралов и уход за ними не требуют больших затрат. Главный расход составляет устройство маральника, называемого на Бухтарме садом.³ Маральники представляют собой большие огороженные участки, размером 2—20 дес.; в настоящее время наиболее крупные (на Белой) занимают 25—30 дес., с 60—70 „зверями“; до гражданской войны были маральники по 150 дес. с 500 зверями (д. Берель).⁴ Маральники устраивают на открытых местах с тем расчетом, чтобы в них входили и луг, и лесок, и ручей; стараются включить в маральник сопку, так как марал любит ветер; вообще маральники устраивают на холмистых открытых местах и склонах; что

¹ На это обстоятельство указывает и П. Коптелов. Веч. Кр. Газета, от 18 сентября 1927 г. Ст. „Горными тропами“.

² В дополнение к Добржанскому, следует отметить, что при выварке рогов многие употребляют бадан (*Saxifraga crassifolia*), причем берут для этого прошлогодние или еще более старые листья, совершенно побуревшие; листьев этих кладут в количестве двух и более килограмм на казан, где варят рога; темный настой бадана придает рогам более темную окраску, очень ценящуюся китайцами, платящими дороже за такие рога. Кроме того, после такой выварки, рога хорошо сохраняются, так как бадан богат дубильными веществами, обладающими противогнилостными свойствами.

³ Название „сад“ в данном случае, повидимому, получилось потому, что пойманных маралов засаживали в эти „сады“.

⁴ Интересно отметить, что у крупных мараловодов имеются бинокли, имеющие важное значение для них при больших размерах маральников.

касается высоты маральника, то, в дополнение к Добрянскому, указывающему наименьшую высоту для маральников—1.000 м над уровнем моря,—следует отметить, что в д. Печи ближайшие маральники расположены лишь немного выше деревни, лежащей на высоте 700 м над уровнем моря.

Изгородь маральника в настоящее время делается из горизонтальных толстых листовых жердей, которые укрепляются в столбах двумя способами: или массивные столбы имеют прорубы, в которые вкладываются концы жердей двух соседних

звеньев изгороди, или концы жердей закладываются между двумя вертикальными плахами, связанными наверху насаженной на них поперечиной. Изгородь делается обычно около 3 м высоты, чтобы марал не мог перепрыгнуть через нее. Иногда на такой изгороди на столбе можно видеть череп марала, насаженный сюда хозяином от сглаза (сравнить аналогичное явление — лошадиный череп на пасеке). Маралы, когда не пасутся, держатся обычно около изгороди, ходят вдоль нее, как бы ища выход, лежат около нее во время отдыха, так что во многих местах вдоль изгороди идет торная тропа, протоптанная зверями.

Маралы часто хворают в маральнике, причем ни причины болезней, ни способы борьбы с ними неизвестны. Очень часто больных маралов выпускают на свободу, в лес; крестьяне считают, что маралы сами лечатся на воле, отыскивая лечебные травы. Отвыкшие от свободной жизни, не умеющие добывать себе корм из-под снега, выпущенные маралы с первым же снегом возвращаются обратно в маральник. Некоторые хозяева практикуют выпускание маралов на время, даже если они и не больны, считая, что это благоприятно отражается на их состоянии. В таких случаях маралы почти всегда возвращаются в маральник.

Бывают случаи, что в маральники заходят и дикие маралы, привлекаемые сюда самками в период „рёва“ (течки).¹

¹ Самец во время „рёва“ издает звук, напоминающий, по словам исследователей, звуки валторны или кларнета; другой самец, слыша голос противника, спешит к нему, чтобы отбить самок. Этим пользуются охотники, подманивая марала на трубу. Такая труба (фиг. 27) делается из дерева, состоит

О различных случаях, связанных с рёвом самцов, можно услышать много рассказов на Алтае; так, например, ручной марал, знающий хозяина, живущий в маральнике И. К. Коновалова, против д. Печи, свирепеет больше других маралов „на Ивана Посного“; он разбивает ограду, переплывает через Бухтарму в деревню, бегаёт по улицам; гоняется за людьми, бьёт их головой и передними ногами, становясь на задние; раз разбил окно и сжевал все, что там было: кисет с табаком, калину; усмирить его может только хозяин, кормя его хлебом. Такое же настроение бывает и у маралух; так, на одной из заимок близ Печей, расположенной возле самого маральника, вернее, в пределах его, каждый вечер все маралы при заходе солнца приходят в ограду за хлебом; одна маралушка, совершенно ручная, постоянно приходит и днём; но в период рёва она делается злой, даже опасной, и, становясь на задние ноги, идет на них и бьёт передними ногами попадающихся ей навстречу.

Кроме устройства маральника, расход составляют: заготовка корма на зиму (около копны сена на каждого марала) и содержание в течение зимы сторожа - казака, на обязанности которого лежит ежедневное кормление маралов подвозимым в зимнее время с горных лугов сеном, а также защита от волков. Для того, чтобы сторожу было удобно справляться со зверями, их на зиму перегоняют в зимник—небольшой открытый дворик внутри маральника у одного его края, близ которого находится и жилище сторожа. В этом маленьком дворике сторожу удобно их кормить, а также следить за тем, чтобы около ограды не накапливалось много снега, вследствие чего маралы могли бы перескочить через ограду.

В летнее время уход за маралами сводится до минимума, и горячая пора настает только в период снятия рогов, производящегося здесь таким же способом, как везде в южном Алтае.¹

Этот период, продолжающийся около трех недель, приблизительно с конца июня до Прокофьева дня (8 июля ст. ст.),

из двух половинок, тщательно выточенных и склеенных вместе, длиной до 70 см. Слыша голос противника, марал бежит к охотнику, подбегая на несколько метров. Такие же трубы для подманивания оленей употребляются во многих охотничьих районах (ср. коллекции Этнографических музеев Ленинграда и Москвы).

¹ Описание процесса съёмки рогов см. у Добржанского.

т. е. до 20-х чисел июля нов. ст., является в жизни бухтарминских кержаков одним из наиболее ярких и в то же время напряженных моментов годового круга. Загон марала в „съемник“—крытое помещение, где производится спилка рогов, требует до 15 чел. верховых, что вызывает устройство помочей, реже найма. Кончив все в одном маральнике, помочане переходят в другой. „Гон“ маралов, спилка и выварка рогов занимают почти весь июль, и на это время у мараловодов прекращаются почти все хозяйственные работы, за исключением работ на пасеке, где еще продолжают роиться пчелы (до половины июля и даже до августа); на пасеках собиранием роев заняты в это время женщины и старики, которым уже не под силу гоняться верхом по крутым склонам маральных садов.

Это совпадение времени роения пчел со спилкой рогов является одной из причин сокращения пчеловодства во второй половине XIX столетия и частичной замены его более выгодным промыслом—мараловодством.

Наличием и размерами маральника со зверьями определяется благосостояние того или иного хозяйства. В ясачных деревнях даже принято называть богачей рогачами, т. е. владельцами маральных рогов. Маральники имеются исключительно у старожилото населения, причем процент хозяйств, имеющих маральники, различен (табл. 6).

Таблица 6.

Деревни	Число хозяйств, имеющих маральники	Процент хозяйств, имеющих маральники	Самцы 2 л. и старше	Самки 2 л. и старше	Самцы до 2 лет	Среднее число голов на один маральник
Коробиха	1	0,6	4	3	1	8
Печи	20	15	99	108	10	11
Белая	98	49	421	383	74	9
Явовая	123	95	233	209	43	4
Фыкалка	18	24	205	203	42	25

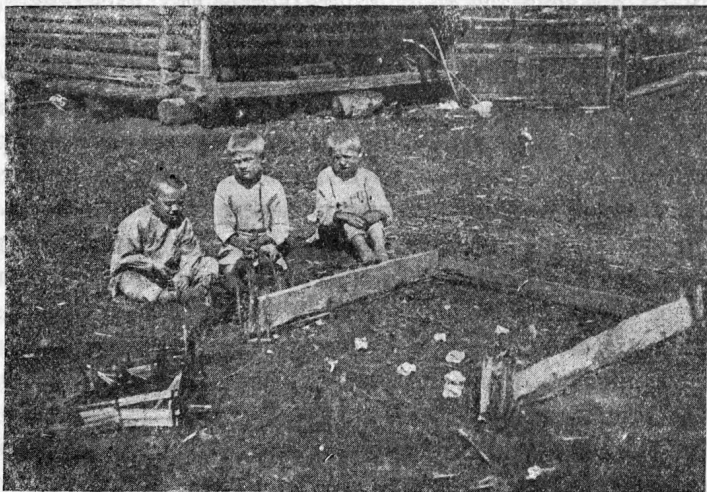
В довоенное время количество маральников и маралов в этих деревнях было значительно больше, и мараловодство имело здесь большее значение. Ясачные деревни вообще, в частности Фыкалка, являются родиной мараловодства на Алтае—не даром оно и до сих пор занимает здесь большое

место. В настоящее время главным средоточием мараловодства в старых ясачных деревнях являются: Печи, Белая, Язовая и Фыкалка. В Коробихе же имеется всего один маральник; отсутствие у себя маралов сами коробишане объясняют отсутствием листвяга—пихтач не годится на изготовление изгороди, так как сгнивает через два-три года. Наличием большого количества маралов в указанных четырех деревнях в значительной мере объясняется то обстоятельство, что население этих деревень не прибегает ни к каким подсобным занятиям, в то время как у старожилого населения д. Коробихи и нижележащих по Бухтарме селений Сенного и Быковой можно встретить ряд кустарных промыслов. Доходы от продажи маральных рогов дают населению довольно крупные денежные суммы, которые в значительной мере повышают покупательную способность бухтарминцев, по сравнению с рядовым крестьянством. Деньги, нужные как для уплаты сельско-хозяйственного налога (в отдельных случаях доходившего в 1926 г. до 500 руб. и больше на одно хозяйство), так и на оплату наемного труда сельско-хозяйственных рабочих-казаков, с избытком покрываются выручкой от продажи рогов. Мараловодство давало и дает значительные суммы, которые позволяют кержакам приобретать для своего домашнего обихода целый ряд предметов, недоступных даже зажиточным хозяйствам других районов (швейные машины, эмалированную и вообще металлическую посуду, большое количество шелковых и шерстяных тканей и т. п.).

Помимо рогов, являющихся экспортным товаром, марал дает целый ряд продуктов, используемых в кержацком хозяйстве: так, из шкур его шьют яги и дохи; выделанная кожа идет на приготовление штанов и курток; из кожи же выделяется прекрасная замша (ее выделывают в станице Алтайской, д. Медведке и др.), идущая на перчатки и рукавицы; шкура с ног идет на подбивку лыж. Мясо, имеющее короткие волокна, дает вкусное и нежное жаркое. Из сала готовят лучшие по качеству свечи и, кроме того, оно употребляется как мазь при нарывах и воспалениях кожи. Костный мозг из трубчатых костей, будучи перетоплен, является прекрасной мазью для смазывания ружейных замков. Наконец, бабки маральных ног (*phalanx prima*) служат детям для игры в „маралов“ (фиг. 28).

Некоторое место занимает марал и в народной медицине кержаков. Прежде всего, по всему краю распространено мнен-

ние, что горячая маралья кровь, вытекающая при спиливании рогов, является целебной и помогает во многих случаях; поэтому, ко времени снятия рогов, на маральники тянутся больные со всей округи; они собирают в посуду брызжущую из пеньков кровь и пьют часть ее тут же, еще теплой, а часть заливают спиртом или водкой для сохранения впрок; если она идет на пользу, то после нее, по словам крестьян, тянет ко сну. ¹

Фиг. 28. Игра в маралов. Д. Белая.

Постоянно можно слышать рассказы об исцелении больных этим средством. Хозяйки также собирают кровь, сушат ее и употребляют внутрь в случае разных недомоганий, разводя ее в воде или в водке. Некоторые крестьяне, постоянно слыша об исцеляющих качествах крови, употребляют ее так: наливают кровь в кишку, варят ее (иногда с солью, для вкуса), сушат и, для употребления, распускают в стакане горячей воды или просто грызут зубами и сосут как леденец. ²

V. ПЧЕЛОВОДСТВО

Пчеловодство играет видную роль в хозяйстве каменщиков. Бухтарминский край—центр алтайского пчеловодства. Бухтарминская долина является самой благоприятной для

¹ Б. Г. Герасимов. Ор. cit., стр. 34.

² А. Сидонский. Марал и мараловодство на Алтае. Природа и Охота, 1898, № 9.

пчеловодства во всей Семипалатинской губернии и дает наибольший вывоз продуктов пчеловодства. Обилие цветущих кустарников и медоносных трав, а также мягкий, довольно умеренный климат и большие незаселенные пространства способствуют процветанию пчеловодства с самого его возникновения. Появление более или менее правильного пчеловодства на Алтае относится ко второй половине XVIII века. Толчком к развитию его послужило поселение в 1765 году на южном Алтае, на реках Ульбе и Убе, старообрядцев „поляков“, выведенных с Ветки, из пределов современной Белоруссии. „Поляки“, занимавшиеся у себя в Западном крае разведением пчел, попав на южный Алтай, казавшийся им благоприятным для развития этой отрасли хозяйства, предприняли ряд попыток к разведению пчел. Первые попытки не имели успеха, и только в самом конце XVIII века (1792 г.), по преданию, через посредство генерала Аршеневского, командира полка, стоявшего в Усть-Каменогорской крепости,¹ были доставлены на Алтай из Башкирии пчелы и розданы жителям поляцких сел — Бобровки и Секисовки. Из этих сел пчеловодство распространилось по долинам рек Убы и Ульбы, а оттуда перешло и в бухтарминскую долину.² Таким образом, алтайское пчеловодство традициями своими восходит к белорусскому бортничеству, несмотря на то, что алтайские пасечные пчелы вывезены из Башкирии.

Вследствие благоприятных условий на Бухтарме, пчеловодство скоро достигло очень больших размеров и к середине XIX столетия занимало одно из наиболее видных мест в кержацком хозяйстве. К этому времени не редкость было встретить хозяйства, имеющие до тысячи и более ульев. Но за вто-

¹ Тобольские Губернские Ведомости, 1864, №№ 14 и 15.

² Следует отметить существование мнения, что пчеловодство было известно аборигенам Сибири гораздо ранее покорения ее русскими; судя об этом на основании некоторых древних надписей, снятых со скалистых берегов Енисея, и на основании некоторых произведений народной словесности казаков и других племен, предполагают, что в Семипалатинской области оно существовало уже в первой половине XVII в. (Семипалатинские Областные Ведомости, 1890, № 3). Во всяком случае, если не о пчеловодстве, то о давнем знакомстве с дикой пчелой говорит древнее турецкое название дикой пчелы, бытующее у ряда турецких народностей Алтая (А. Новиков. О способе выслеживания лесных пчел у алтайцев... „Этнограф-исследователь“, 1928, № 2—3, стр. 24).

рую половину XIX века пчеловодство начинает понемногу сокращаться, повидимому, в силу уменьшения спроса на его продукты, а также вследствие быстрого роста мараловодства, явившегося более выгодным занятием (см. гл. „Мараловодство“). Кроме того, на сокращение размеров пчеловодства должно было оказать влияние увеличение народонаселения в крае и, в связи с этим, расширение пашен и покосов за счет леса и нетронутых лугов. Уже в 70-х годах в печати встречаются указания, что „против прежних лет на Алтае впятеро менее пчел“. ¹ За последнее время, особенно после так называемого восстания 1920 г., когда хозяйство на Бухтарме в значительной мере было нарушено, пчеловодство подверглось еще большему сокращению, и в настоящее время редко можно встретить хозяйства, имеющие более 200 ульев. Тем не менее, количество ульев, в среднем, довольно высокое.

Материалы, полученные из Катон-Карагайского волостного исполнительного комитета и сельских советов обследованных деревень, дают следующую картину состояния пчеловодства на Бухтарме в 1927 г. (табл. 7).

Таблица 7.

Деревни	Число кержащих хозяйств	Число пасек	Процент дворов с пасеками	Число ульев		Процент колодных	Процент рамочных	Среднее число ульев на пасеке
				Колодных	Рамочных			
Коробиха	152	38	25	771	283	73	27	27,7
Печи	130	32	24	929	309	75	25	38,7
Белая	200	126	63	1.173	539	69	32	13,6
Язовая	130	112	86	1.644	667	72	28	20,6
Фыкалка	76	30	40	522	490	56	44	33,7

При составлении этой таблицы приняты в расчет только хозяйства старожилов, так как переселенцы, как общее правило, пасек не имеют. Приводимые цифры количества ульев могут иметь лишь ориентировочное значение, так как, независимо от роста или падения пчеловодства, они могут очень

¹ Труды Вольного экономического общества, 1873, т. 2, отд. IV, стр. 587.

чарировать для двух даже соседних лет, так как нередко, в неблагоприятные для пчел года, пчелиный мор уносит сотни ульев (учет же ведется лишь живых пчелиных семей).

Любопытно сопоставить данные 1927 г. с аналогичными материалами, приведенными Б. Г. Герасимовым¹ и относящимися к 1910 г. (табл. 8).

Таблица 8.

Деревни	Число хозяйств	Число пасек	Процент дворов с пасеками	Число колод ²	Среднее число ульев на пасеке
Коробиха	83	35	42	1.349	38,5
Печи	68	19	28	740	38,9
Белая	124	38	31	1.381	36,3
Язовая	75	42	55	1.260	30
Фыкалка	42	12	29	497	41,4

При сравнении этих двух таблиц обращает на себя внимание резкое увеличение количества пасек в настоящее время по сравнению с 1910 г. При рассмотрении, оказывается, что мало увеличилось количество пасек в д. Коробихе (35 и 38), заметнее это явление в Печах (19 и 32), но особенно резкие изменения произошли в трех дальних деревнях Ясака, где в Фыкалке число пасек увеличилось в 2,5 раза, в Язовой— в 2,7, а в Белой—в 3,3 (126 пасек вместе 38 в 1910 г.).

Если сопоставить с этим явлением, с одной стороны, сильное мельчание пасек, затем резкое увеличение числа старожильческих хозяйств (почти вдвое за 17 лет, что не соответствует естественному приросту населения за эти три года, ведь, было 8 лет империалистической и гражданской войны), то общая картина станет ясна: в связи с все увеличивающимися за последнее время, как и всюду, семейными разделами и дроблением кержацких семей, происходит и раздел пасек, что и объясняет нам наличие большого числа мелких пасек, вместо меньшего числа крупных пасек прежнего времени.

¹ Op. cit., табл. II.

² К сожалению, количество колод у Б. Г. Герасимова также взято за один год (1910), бывший крайне неблагоприятным для пчел, так как на многих пасеках от голода и гнильца вымерло больше половины пчелиных семей (90 из 130, 360 из 400, 450 из 700 и т. д.).

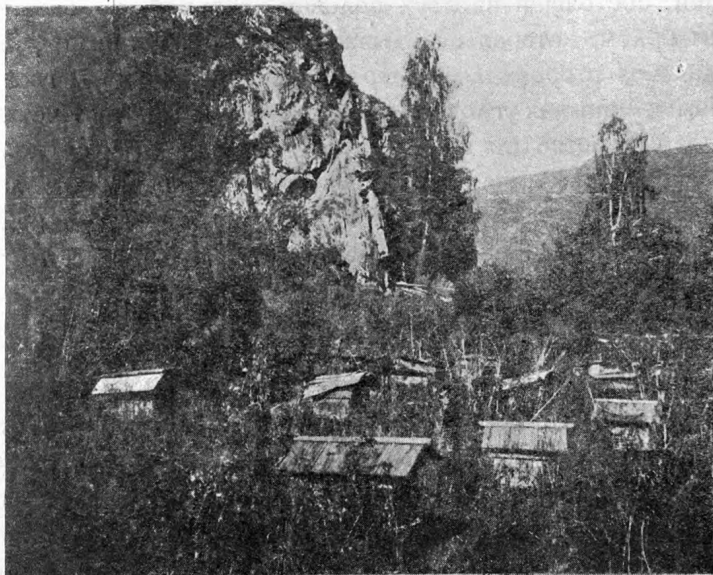
Особенно ярко сказывается это в д. Белой, где даже в неурожайном для пчел 1910 г. на пасеку приходилось в среднем 36,3 улья, а теперь приходится 13,6 ульев. Известную роль в этом сыграли и налоги на крупные пасеки.

Пасеки располагаются большей частью вдали от селения, иногда на заимках. Для пасеки выбирается место, защищенное от ветров, в логу (фиг. 29 и 30) на южном склоне или близ его подошвы, на черноземной почве, изобилующее медоносными травами и кустарниками, с древесной растительностью, с ключом или ручьем. Хорошие места для пасек, близ селений, захваченные еще „стариками“, являются наследственной собственностью владельцев и могут продаваться и покупаться. Пасека, снятая на фиг. 29, была куплена хозяином ее у своего односельчанина за сто рублей.

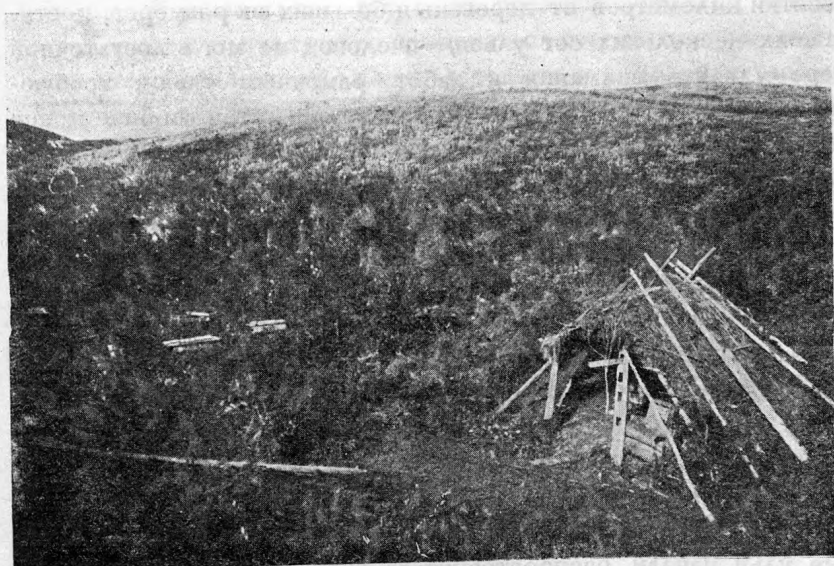
Выбирая место для новой пасеки, стремятся к тому, чтобы оно находилось не ближе одного километра от чужой пасеки, для того, чтобы пчелы не дрались и не воровали друг у друга мед. В последние пять лет, в связи с увеличением числа переселенцев, стремятся пасеки переносить подальше от селений. Многие арендовали землю под пасеки на белках, в так называемом Кабинете. Последние лет пять, вследствие засухи, „утеснения“ и увеличения народонаселения, многие переносят пасеки в горы, на белки („на джёны“).

На бухтарминских пасеках преобладают ульи-колоды, рамочные же ульи составляют гораздо меньший процент (табл. 7).

Наиболее распространенными являются ульи-колоды двух типов—долбянки и дуплянки, которые делают обыкновенно из валежника, из „самосушного трухлого“ леса, с гнилой сердцевиной, причем на колоды идут, главным образом, осина, тополь, ветла, иногда береза и пихта. Обычно дерево для ульев срубают и выдерживают неочищенным около года, чтобы оно равномерно просохло, потом уже распиливают на отрезки, длиной в метр с четвертью (диаметр от 36 см и более). Затем сбоку продавливают продолговатое прямоугольное отверстие, „долбежу“—длиной около метра, шириной около 18 см, и вычищают внутренность колоды, оставляя стенки толщиной в 14—19 см. К стенкам внутри прибивают несколько пар длинных (около 21 см) „спичек“, смотрящих внутрь дупла, наискось друг относительно друга и перпендикулярно к оси колоды, как бы

Фиг. 29. Крупная пасека в лугах. Д. Коробиха.

Фиг. 30. Небольшая пасека в логу среди пашен. Д. Белая.

образуя крест. Должно прикрывают пригнанной к ней тесницей, состоящей из двух половин—верхней, со скошенным нижним краем, которая вкладывается первой, и нижней, которая кладется второй и придерживается деревянным гвоздем. В одном из нижних углов верхней половины вырезают четырехугольное отверстие для пчел—„очко“. Если работается колода-долбянка, выдолбленная кругло внутри из отрезка ствола, то отделка ее на этом заканчивается. Если же работается колода-дуплянка, т. е. бездонный отрезок дуплистого ствола, то „голову“ и „пята“ колоды забивают деревянными кругами. Такой улей очень легкий и теплый. В обследованных деревнях распространены по преимуществу колоды-лежаки; их помещают под кустами или деревьями в наклонном положении на земле так, чтобы голова улья была выше пяты; сверху прикрывают берестой или тесовой крышей. Изредка встречаются также так называемые „стоялые колодки“.

За последнее время появилось довольно значительное количество рамочных ульев (табл. 7), от 25 до 40% общего количества ульев. Раньше „рамчатые“ ульи не прививались, так как они не удовлетворяли кержаков при существующей постановке пчеловодства: вследствие отдаленности пасек на десятки километров от деревень и больших их размеров, достигавших нескольких сот ульев,—пчеловод не мог в достаточной мере уделять внимания и забот рамочным ульям, требующим большого ухода, без которого они становились менее выгодными, чем простые колодки. Последние в большей мере удовлетворяли бухтарминского пчеловода своей простотой и несложностью, так как уход за ними, собственно говоря, требовал четырех наездов в год (выстав пчел весной, отсадка роев летом, подрез меда и устройство пчел на зимовку). В прежнее время, когда встречались громадные пасеки, пчеловоды ухитрялись иметь от 1.000 до 2.000 колодок „в одних руках“, т. е. при единоличном надзоре и уходе, который при таких условиях, конечно, не мог быть достаточным. Только отдельные хозяйства, в виде опыта, пробовали применять рамочные ульи, но в большинстве случаев это были неудачные попытки по вышеуказанным причинам. Более широко рамочные ульи начали распространяться уже после войны, когда некоторая часть кержаков, побывавших в плену в Австрии и Германии и на опыте убедившихся в целесообразности при-

менения рамочных ульев, начала их вводить у себя и своим примером побудила остальных заменить часть колодок рамочными ульями. ¹ Эта эволюция, к 1927 г. в некоторых селениях дошедшая до 40% с лишним рамочных ульев, начинает в корне изменять характер пчеловодного хозяйства на Бухтарме в сторону его рационализации; улучшение ухода за пасеками и уменьшение количества ульев ведет к повышению их продукции. „Рамочные колодки“ хозяева большею частью „ладят“ сами.

На больших пасеках для зимовки пчел устраивается подвал, представляющий собой пихтовый сруб на мху, несколько углубленный в землю, с потолком, засыпанным землей, и тесовой крышей; иногда подвал устраивается у склона или обрыва почти весь в земле, с земляной же крышей. Хозяева маленьких пасек, например, в 10—15 колодок, предпочитают не устраивать подвалов, так как при небольшом числе колодок пчелы в них могут замерзнуть, а на зимовку перевозят их в деревню и помещают в подполье. ² Колодки перевозят выюком, по две штуки на лошади, причем в седло садится мальчик; или же перевозят на тасках, также по две колодки; при перевозке заворачивают колодки в солому. Осенью, перед постановкой ульев на зимовку, часть пчел убивают, если нет меда.

Кормление пчел стало применяться сравнительно недавно, — для этого делают небольшие деревянные долбленные тарелочки с ручкой, так называемые „кормовушки“, которые с медовой водой ставят на дно улья.

На больших пасеках „сидит“ пасечник, ³ обычно казак; на его обязанности лежит лишь охрана пасеки от воров; уход же за пчелами лежит всецело на хозяевах. Такой пасечник, принадлежащий к казакской бедноте и не имеющий своего хозяйства, обычно живет со своей семьей в хозяйской избешке,

¹ О распространении рамочных ульев с германской войны есть известия и из Томской губ. М. Б о р о д к и н а. Деревня Иткара Томского края. Труды Томск. краев. музея, т. I, Томск, 1927.

² Способ сохранения пчел на зиму в подпольях широко распространен в Сибири, для построек которой характерны просторные, широкие и высокие подполья; это — самое подходящее помещение для зимовки пчел, и весной, после выноса ульев из подполья, в них не бывает ни осыпи, ни сырости, ни гнили.

³ Термин „пасечник“ на Бухтарме применяется для обозначения сторожа, живущего на пасеке, и никогда не обозначает хозяина пасеки.

землянке, балагане или стане (помещение вроде сарая, с крышей на столбах, стены плетневые, без окон). Сам пасечник в летнее время нанимается на полевые работы, возвращаясь на пасеку лишь на ночь; надзор же за пасекой в течение дня лежит на его детях. За охрану пасеки оплата невысокая: в одних случаях пасечник получает в пользование на лето хозяйскую корову, в других случаях хозяин вспахивает и засеивает ему одну десятину хлеба; иногда платят деньгами рублей 15—20 за лето. В прежнее время пасеки до 200 ульев оставляли без караула, и воровства не случалось; теперь же кражи нередки в среде самих кержаков.

Большие хлопоты пчеловодам доставляют посещения пасек медведями. Для борьбы с ними применяют, главным образом два способа. Первый — настораживают ружье (см. гл. „Охота“), способ не безопасный, так как часты случаи, что медведя не убивает, а только ранит, и он лежит раненый где-нибудь в кустах и бросается на подъезжающего верхом хозяина. Второй — особенно часто практиковавшийся прежде — набивают на колоды „заершенные“ гвозди, т. е. с такими же заострениями на конце, как у рыболовных крючков.¹ Медведь, схватив колоду, сейчас же чувствует уколы и, принимая это за нападение пчел, начинает сильно прижимать колоду к себе, чтобы раздавить их. Гвозди сильнее вонзаются в него; он, не оставляя колоды, бросается на землю и катается по траве; в таком беспомощном положении он попадает в руки пчеловода.

Уход за пчелами в тех пасеках, где рамочные ульи еще не введены, собственно, очень несложен, так как пчеловод старается затратить минимум труда и времени; за исключением приготовления новых колод, почти вся работа укладывается в несколько операций: весной уходит 2—3 дня на выставку пчел из подвала и очистку колод от суши (о суши см. ниже); около Ильина дня — недели полторы караулят и отсаживают новые рои (самое горячее время для пчеловодов); с первого Спаса до Успения — вырезают соты, что занимает 3—4 дня, а около Покрова устраивают пчел на зимовку. Рациональное пчеловодство здесь почти неизвестно, так как ни пчеловодных инструкторов, ни объединений пчеловодов² не имеется. Ни болезни пчел, ни при-

¹ Тот же принцип устройства, что у русских „поножей“.

² В пределах Бухтарминского края объединение пчеловодов есть только в Зырянске.

чины этих болезней, ни меры борьбы с ними неизвестны, хотя часто пчелы, помимо болезней, мрут просто от голода, так как не всегда хозяева оставляют им достаточно меда на зиму. От небрежного обращения и отсутствия ухода пчелы мрут массами. Нередки случаи, что от тех или иных причин вымирает за зиму до 70—90% всего числа ульев, составленных в подвал; бывает, что вымирает и вся пасека, и сегодняшний богатый пчеловод, имеющий сотню-две и более ульев, остается на следующее лето с 2—3 колодами.

До сих пор еще, особенно у стариков, которые преимущественно и занимаются пчеловодством, очень существенное место в пчеловодной практике занимают приметы, наговоры, заговоры и т. п. Так, например, гибель пчел часто объясняется вредной росой, падающей иногда на пчел и цветы; говорят, что есть немногие пасеки, где водится „князек“— крупное желтое насекомое (из семейства перепончатокрылых—*Sirex*), охраняющий пчел и приносящий счастье пасеке; он вылетает до солнца и предупреждает пчел каждого улья о „худой пади“ (т. е. росе); пчелы тогда не вылетают, пока солнце не высушит росу. Если мешает чем-либо соседняя пасека, то следует убить волка, вырезать у него горло и прикрепить к очку улья горловые колечки со словами: „Лети, моя пчела, на такую-то (имя хозяина) пасеку и грызи, как волк, чужую пчелу“. Пчелы, пролетая через волчье горло, „лютеют“, как волки, набрасываются на чужую пасеку и загрызают чужих пчел.¹

Для предотвращения пасеки от „урока“, т. е. дурного глаза, насаживают на изгородь пасеки лошадиный череп, произнося: „не на пасеку глядишь, а на суху конску голову“; вешание на изгородях лошадиного черепа от сглаза весьма распространено у русских и финнов. Когда выставляют весной пчел, то следует читать особую молитву Богородице и покровителям пчеловодства Зосиме и Савватию² и т. д., и т. д. Со знанием кержаками „слова“ считаются и переселенцы; некоторые из них отсутствие у себя пчеловодства объясняют невозможностью развести пчел при враждебном отношении кержаков; так, даже продавший колоду с пчелами сделает это с таким наговором (по мнению переселенцев), что пчелы обя-

¹ Герасимов. *Op. cit.*, стр. 95.

² Текст ее приведен у Герасимова. *Op. cit.*, стр. 36.

зательно перемрут у нового хозяина, или же продавец переманит пчел обратно к себе.¹

Горячее время в работе пчеловода это—июль, когда происходит роение; надо зорко смотреть, чтобы не упустить рой в лес. Во время роения часто мобилизуется вся семья, в работе помогают женщины и дети. Многие пчеловоды употребляют особый „пóлог“ для вынимания матки; он сшивается из двух полотнищ холста, вокруг них шьется „опушка“ из холста, в которую вставляется „бадажók“; получается род четырехугольной палатки, которую расставляют на земле, подставляя под углы сошки. На больших пасеках имеется 2—3 полога; без них не справиться, когда сразу отравляется несколько роев („áргышом, черно валит их, пчел“). Отроившиеся рои собирают большим берестяным черпаком и пересыпают в „роевницу“, представляющую собой большое сито, обод которого обтянут холстом. В этих роевницах держат рои под пологом до вечера, когда помещают их в колоды. Для отсадки матки употребляются небольшие маточники, состоящие из деревянного стержня, расширенная верхняя часть которого выдолблена, и в ее стенках прорезаны продольные отверстия. Несмотря на предосторожности, часть роев все же разлетается и обосновывается в „дуплеватых лесинах“ по горам. В горах Алтая много таких одичавших пчел, и некоторые кержаки специально выскивают в лесах „лесины“ с „польскими“ (т. е. дикими) пчелами; так, один кержак из д. Белой ежегодно находит несколько, иногда до пятнадцати, лесин с пчелами; в 1926 г. ему посчастливилось найти старую лесину, из которой он получил 288 кг меда. В прежнее же время не редкость было одному человеку находить в лето до сорока пеньков с пчелами, причем из одной лесины выламывали до 272 кг меда.² Такие лесины срезают, по большей части истребляя пчел, и выламывают соты с медом

¹ Вообще переселенцы считают, что кержаки во многих случаях пользуются колдовскими приемами; кроме вышеуказанного, по их мнению, многие кержаки могут продать зерно с особым наговором, так что посеянный хлеб не родится, могут отнять „спорынью“ у хлеба, также могут наслать на человека хворь и т. п. В этом проявляется обычное отношение, которое наблюдается при столкновении двух различных по культурному уровню групп населения, когда более культурная в менее культурной видит колдунов (сравнить хотя бы взаимоотношения финнов и лопарей).

² И. С молянинов. Несколько слов об алтайском пчеловодстве. Труды Вольного экономического общества, 1873, т. 2, отд. IV, стр. 586.

на месте; если же лесина оказывается подходящей для устройства из нее улья-колодки, то „пятнают“ ее (т. е. ставят свой знак собственности) и, потом, когда удобно, приезжают за ней, выпиливают ее и с роем перевозят на пасеку; это так называемые „полевые“ колодки. Кержаки говорят, что „польские“ (лесные, дикие) пчелы несколько отличаются от домашних, а домашние пчелы в горах отличаются от степных домашних пчел.

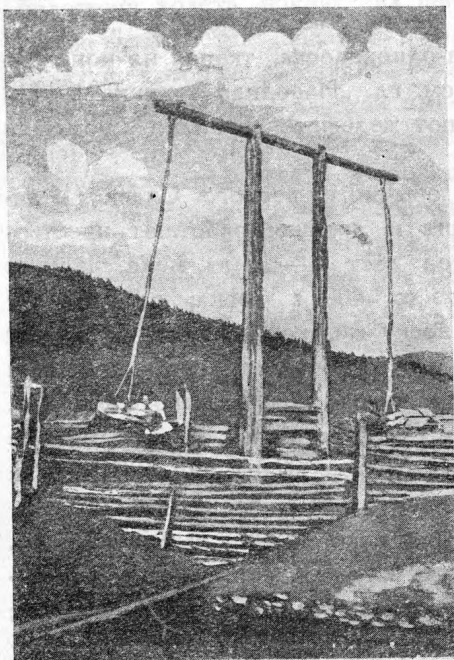
При работе надевают на голову сетки от пчел; частями сетки являются „положок“, сшитый из тряпок, и „личико“, т. е. вшитая в положок сетка-одноволооска, тканая из конского волоса на особом станке (см. гл. „Народная техника“). Для подкуривания пчел применяют железные „курилки“, помещая в них гнилушки.

Соты начинают вырезать обычно с первого Спаса (1 августа), делают это до Успения и дольше; работают простым ножом. Колодный улей в год дает 8—16 кг меда, причем с 16 кг меда получается до 400 г воска; рамочный — дает 24 кг меда и больше, воску же, как известно, не дает совсем. Большой частью колода дает, в среднем, до 400 г воска. Ввиду такого количества воска, получаемого с колодок, многие кержаки считают их для себя более выгодными, не учитывая того обстоятельства, что для выделения 400 г воска пчелы съедают около 4 кг меда.

Из вырезанных сот чистый мед добывается вытапливанием. Крайне редко, лишь в единичных случаях, встречаются центробежки. Для вытопки меда употребляются корчаги (фиг. 46, f, g); в них стелют солому, на нее кладут раздавленные соты с медом и ставят в печь; вследствие разницы температур плавления воска и меда, последний раньше разжижается; тогда открывают нижнее отверстие корчаги и спускают мед, который, фильтруясь сквозь солому, вытекает чистым и прозрачным; при дальнейшем нагревании растопляется и таким же образом спускается воск; его сливают в широкие плоские глиняные посудины, называемые калаванками, в которых он и застывает (фиг. 46, d, e); часть воска остается на соломе в виде отброса—это так называемые „ошурки“, причем на 16 кг воска приходится около 24 кг ошурков; из 80—96 кг ошурков на воскобойнях получают 16 кг воска.

Продукты пчеловодства занимают значительное место в хозяйстве бухтарминского кержака. Как мед, так и воск находят

широкое применение: мед занимает большое место в пище, особенно во время поста, а также является необходимым для приготовления пива; воск служит, главным образом, для приготовления свечей. Излишки продуктов пчеловодства идут на продажу; в прежнее время они сбывались местным скупщикам и заезжим купцам, причем последние обычно приобретали мед в августе, „по подрезу“ ульев (он в это время дешевле), во-

Фиг. 31. Воскобойня (общий вид).
Д. Язовая.

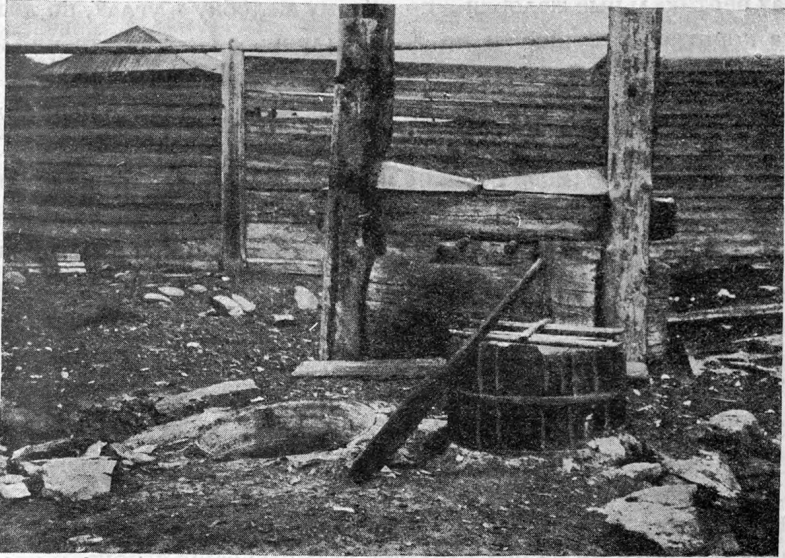
щину же—в апреле, мае, сплавляя то и другое на плотах по Бухтарме. Кроме „вешней“ вошины или суши (сухие соты с погибшими пчелами, выгребаемые из колод весной) покупали немного и осенней, которая ценилась в $1\frac{1}{2}$ —2 раза дороже вешней, как дающая больший выход чистого воска. Мед и воск шли на Ирбитскую и Нижегородскую ярмарки. Бухтарминский мед, славящийся своим превосходным качеством, всегда находил себе хороший сбыт не только в Сибири, но и в Европейской России.¹

В настоящее время мед сбывается в незначительном количестве (сдают его в своей посуде—в туесах из выдержанного сухого пихтача), воск же скупают кооперативы, обычно в неочищенном виде. Цены на мед в 1927 г. были 10—12 р. за 16 кг, воск—40 р. за 16 кг.

Для очистки воска, существовали в д.д. Белой, Язовой и Коробихе воскобойни, принадлежавшие местным богачам—скупщикам меда и воска; в настоящее время воскобойня в д. Белой

¹ В прежнее время для вывоза меда делали долбленные бадьи, вместимостью до 720 кг (Г. Н. Потанин. Юго-западная часть Томской губ. в этнографическом отношении. Этногр. Сборник, вып. VI, 1864).

разрушена и не работает. Воскобойня представляет собой клиновой пресс для выжимания воска из восковой суши. Воскобойня устраивается на открытом свободном месте; в землю врыто два массивных столба 7—8 м вышиной, соединенных наверху врубленной в них перекладиной—горизонтальной балкой с далеко выступающими концами (фиг. 31). На земле между столбами помещена широкая толстая колода,

Фиг. 32. Воскобойня. Д. Коробиха.

под ней в глубокой, вырытой в земле яме, стоит большая высокая кадка. В столбах над колодой сделаны прорезы для „иглы“ и „забивных клиньев“ (фиг. 32). Сбоку в земле устраивается земляная печь, состоящая из прокопанной в земле небольшой канавки, которая выкладывается камнями; концы канавки служат топками; над огнем на камнях вмазаны два котла-казана,¹ один на 8—9 ведер, другой на 17. Работают воскобойни преимущественно в весеннее время, когда кержачи выставляют из подвалов ульи и выгребают из них сушь. Прежде всего, сушь размягчают на горячем пару; для этого

¹ Казаны—котлы, употребляемые в этом крае для всевозможных надобностей, домашних и промысловых, полусферической формы, с круглым дном и без ручек.

и служит меньший из казанов (вместимостью 8—9 ведер), в который заливается 1—2 ведра воды; на него наставляется кадка без дна (фиг. 32), в которую закладывается 32 кг суши; края кадки примазываются к казану глиной с куделью, и казан подогревается, после чего размягченная сушь закладывается в колоду, которая устроена следующим образом. В середине она имеет продолговатое четырехстенное углубление—площадью 40×71 см и 38 см глубины, имеющее на стенках вертикальные желобки—по одному желобку в углах, по два—на коротких сторонах и по 7—на длинных. Соответственно им, на дне углубления выдолблены желобки, сходящиеся радиально к центру, в котором просверлен сток вниз. На дне, перпендикулярно длине колоды, лежат „колосники“, числом 13—16, представляющие собой тонкие четырехгранные брусочки (трапециеобразные в сечении), с полукруглыми выемками на гранях, соответственно желобкам на дне. Для отжимания размягченной суши в колоду закладывается сначала слой ржаной соломы, крестообразно, выстилающий всю внутренность колоды; на него кладется веревочная сетка (ячей ее величиной около $4\frac{1}{2}$ см сторона); в нее вываливается размягченная сушь, затем заворачивается сетка, заворачивается солома и сверху накладывается толстая деревянная четырехугольная плаха—„зажимная чурка“, входящая по размеру в отверстие колоды. На нее помещаются, как „прокладка“, отдельные бруски—большей частью пара,—сверху же на них кладется четырехгранный брус—„игла“, которая, будучи по длине несколько больше, чем колода с основными столбами, вдвигается в прорезы в столбах, выдаваясь концами за крайние поверхности столбов. Она собственно и является верхней плитой пресса, на которую производится давление, передающееся зажимной чурке. Давление это производится заколачиванием двух клиньев, вкладываемых с обеих сторон по одному в верхние части прорезов над иглой.¹ Заколачиваются они по принципу тарана, с помощью двух чурок, подвешенных на веревках или березовых стягах к концам верхней перекладки; каждая чурка представляет собой отрезок толстого бревна около метра длины, с двумя ручками, вбитыми в верх-

¹ В воскобойне в д. Язовой над клиньями виден еще поперечный брус—это так называемая „постоянная игла“ (в отличие от „подвижной иглы“); ее пришлось вбить, так как сделанные в столбах прорезы оказались слишком велики; устройство пресса ее не требует.

нюю поверхность, для обеих рук воскобойца. Отводя чурки в сторону, воскобойцы (забивают клинья всегда двое) ударяют ими в клинья, которые загоняются в прорезы и давят на иглу. Давление от нее передается зажимной чурке, которая выжимает из суши воск, стекающий по желобкам колоды к центральному отверстию на дне ее, откуда уже в выше упомянутую высокую кадку, помещенную под колодой. Во все время выбивания воска суши поливают из ведрного ковша горячей водой, согреваемой для этого во втором — большом казане, вместимостью в 17 ведер. Таким образом, горячая вода и расплавленный воск стекают в кадку, причем воск, как более легкий, плавает сверху; воду выпускают из кадки через проделанное внизу ее отверстие, закрывающееся деревянным гвоздем, и вновь выливают в котел, воск же вычерпывается и наливается в плоские медные тазы; застывшие круги ярого (желтого, не отбеленного) воска идут в продажу. Весь сор остается в сетке. Для большего удобства работы, перед колодой, через яму, в которую вставлена кадка, перекинуты мостки. Для отвода лишней воды из кадки делается сток в ближайший рукав речки. Из 32 кг суши получается 16 кг воска. В день на воскобойне успевают шесть раз зарядить колоду сушью, т. е. обработать 192 кг суши, следовательно, выход чистого воска за сутки равен 96 кг. В д. Язовой, где воскобойню, принадлежавшую прежде одному из местных богачей—скупщиков продуктов пчеловодства, восстановила кооперация (потребительское общество), за весну 1927 г. она дала 500 рублей прибыли (при продажной цене воска около 40 рублей за 16 кг).

Подобного же устройства воскобойни вообще встречаются в Бухтарминском крае — так, нам пришлось при проезде видеть такую же в д. Яры. Такого же устройства воскобойни встречаются в Енисейской губернии, так, например, у ачинских инородцев в Ачинском уезде.¹

VI. ОХОТА

Бухтарминская долина и окрестные белки представляют собой прекрасные места для зверования. Нетронутые горные ущелья, заросшие лесом, и сравнительно малое население в прошлом и, отчасти, в настоящее время, давали охотнику

¹ Фототека Этнографического отдела Русского музея, колл. № 1117.

обильную добычу. Еще задолго до мирного и оседлого поселения каменщиков, Бухтарминский край постоянно посещался заходящими зверовщиками с северного Алтая и с его предгорий. Позднее беглый люд, собравшийся на окраине государства, в бухтарминском камне, в силу местных условий, должен был обратиться к охотничьему промыслу, как основному средству существования. Ценные меха и шкуры горных козлов и маралов являлись долгое время главными предметами товарообмена как с заезжими купцами, так и с сельским населением Алтайских предгорий. На продукты охоты каменщики выменивали и хлеб (вначале), и скот, и ткани, и другие предметы первой необходимости. С развитием других занятий (земледелие, скотоводство, мараловодство и др.), а также с увеличением народонаселения южного Алтая и с уменьшением количества зверя, охота постепенно начала терять свое доминирующее значение в хозяйстве каменщиков. Тем не менее, и до сих пор она занимает видное место в быту бухтарминцев. Став землепашцем и мараловодом по преимуществу, кержак в душе остается охотником и не порывает связи с лесом, куда его манят и соболь, и белка, и всякий другой зверь. Эта связь с лесом особенно выявляется у кержаков при сопоставлении их с поздними переселенцами, которые не обладают ловкостью и навыками природного охотника и боятся дальних походов в горные леса и белки.¹

В Союзе охотников состоит, повидимому, не более половины фактического их числа; так, например, по деревне Белой в союзе состоит 50 человек, в то время как незарегистрированных охотников насчитывают около сотни. Союз охотников борется с браконьерством, нанимая специального агента и его помощника из состава местного населения, и посылая отряд из трех человек: представителя союза, агента и его помощника в охотничий сезон по лесам для проверки наличия охотничьих билетов; при отсутствии таковых, забирают белок, продают их, возвращая стоимость при выправке билета охотником (3 рубля билет и 3 руб. 50 коп. — вступительный взнос; за право иметь трехлинейку платят 5 рублей). Агент получает 3 руб. в месяц и определенный процент с обнаруженных незарегистрированных

¹ Эта любовь к охоте сказывается и у детей, среди которых распространены игры „в сурки“, „в лисицы“, „в медведи“, описанные у Б. Г. Герасимова. *Op. cit.*, стр. 66.

охотников. В обследованном районе процент охотников повышается, если идти от Бухтармы вглубь, в горы. Так, в д. Коробихе на Бухтарме среди основного кержацкого населения зарегистрировано всего 12⁰/₀ охотников (18 охотников на 152 старожильческих хозяйства), в д. Белой — 25⁰/₀ (50 охотников на 200 старожильческих хозяйств), в самой же дальней и высокой деревне — Фыкалке — уже 66⁰/₀ (50 охотников на 76 кержацких хозяйств); конечно, как указывалось выше, фактически охотой занимается гораздо большее количество.

Таким образом, значительная часть мужского населения уходит глубоко в горы, в лес, где проводит несколько зимних месяцев, расставляя ловушки и охотясь на зверя самыми разнообразными способами. Охотятся на белок, сурков, хорьков, „колунков“, белых песцов, медведей, соболей, „горностаей“, лисиц, волков, барсуков, „зайцов“, выдр, лосей и др.

Снаряжение бухтарминского охотника, в общем, близко к снаряжению северно-великорусского; кроме обычной одежды, он надевает холщевые, а чаще кожаные чембары (см. ст. „Одежда“) и — на узком ремне охотничий набор через плечо, пороховницу („натруску“), мешечек для дроби („мошòнка“) и другие мелкие предметы, обычно встречающиеся в таком наборе. На поясе носят кожаную сумочку и нож. Сумочка, размером 13 × 9 см, имеет вид конверта; верхняя лопасть снабжена двумя отверстиями, через которые проходят ременные завязки от самой сумки; служит для „серников“ (спичек), кремня с огнивом и трутём, дратвы и шила и прочей мелочи. Нож — в кожаных ножнах или деревянных, обтянутых кожей. И сумочка, и нож имеют по широкой кожаной петле, которой они надеваются на пояс. В весеннее время, когда при ярком солнце особенно блестят снега, кержаки надевают, для защиты глаз от раздражающего действия отраженных солнечных лучей, специальную сеточку, сплетенную из черного конского волоса и привязываемую на глаза; длина ее около 22 см, ширина — около 6 см, суживается к обшитым холстом концам, с завязками. По назначению эти сеточки соответствуют снеговым очкам из бересты, кожи и т. п. у ряда северных народностей (остяки, самоеды и др.). Каждый охотник имеет ружье. Из ружей распространены, главным образом, дробовики (на мелкого зверя, главным образом — на белку), берданки (на крупного), но есть и кремневые ружья с шомполом. Пыжи для этих ружей приго-

товляют войлочные — из старой пимной подошвы (пимы—валенки), опуская предварительно войлок на один миг в кипящее сало. У очень немногих имеются трехлинейки. Мечта каждого охотника — иметь ружье, метко бьющее на 200 м (любимая мера охотников), т. е. могущее бить скрадом медведя, козла на другом склоне пади, снять глухаря с громадной листовницы. „Двух коней не пожалел бы за такое ружье“ — вот возглас почти каждого.¹

Сезон охоты начинается с сентября и продолжается периодически до таяния снегов. Уходят в одиночку и артелями. Многие охотники стараются при уходе на промысел никому не попасться на глаза, особенно женщинам, боясь чужого глаза. Неудача в промысле приписывается дурному глазу. Первые партии обычно уходят, как только начинается „поспевать“ белка, т. е. в половине сентября; идут в леса, расположенные в горных лесных дачах, принадлежавших до революции Кабинету (см. примечание к ст. „Кто такие...“). Бухтарминские охотники не ограничиваются ближайшими лесными пространствами в бассейне р. Бухтармы и заходят в районы верхнего течения рек — Катунь, Убы и Ульбы, удаляясь иногда на сотню километров от дома. Сосени, пока снега еще небольшие, заезжают на некоторое расстояние на конях верхом, везя весь „запас“, т. е. продукты и все необходимое, в сумах и тороках. Дальше в горы, где снег глубже, идут уже на лыжах, развьючив лошадей и отправив их обратно в деревню. „Запас“ заворачивают в невыделанную козью или маралью шкуру, положенную шерстью вниз, обвязывают и тащат на аркане за собой по снегу, через плечо или прикрепив к поясу.² При возвращении домой, таким же образом доставляют добытые меха.

Запас, который берут с собой охотники, состоит из съестных продуктов, главным образом: сухарей, муки, крупы и коровьего масла. Кроме того, везут с собой необходимую утварь и охотничьи припасы (порох, дробь, силки, капканы и т. п.). В дополнение к взятым из дома продуктам, охотники между делом бьют из ружей, ловят плашками и силками дичь (глухарей, косачей, рябчиков) на приварок. Из дичи варят похлебку. При недостатке дичи, делают „тюрю“ из сухарей на горячей воде с солью и маслом.

¹ Охотник Алтая, 1924, № 7.

² Способ, широко распространенный на Алтае среди русских и туземцев.

Уходя на долгий промысел, бухтарминские охотники строят в горных лесах себе избушки, называемые „зимовками“. При частых посещениях одного и того же района, до тех пор, пока не выловлен и не перебит зверь, охотники поселяются в прежних зимовках. В случае необходимости перейти для зверования в другие места, они покидают старые зимовки и рубят новые. Зимовки ставятся в защищенных от ветра местах и представляют собой небольшие срубы из ели, пихты, крытые сначала накатником, засыпанным землей, а сверху желобником (см. ст. „Постройки...“); крыша делается массивной, чтобы выдержала толстый слой снега. Имеется небольшое окно и низенькая дверь, вдоль стен устроены лавки, под потолком идут жерди („вешала“) для сушки одежды. Отапливается такая зимовка печью-каменкой, сложенной из крупных камней; в последнее время стали в этих избушках бить печи из глины, но без чувала и трубы; дым выходит в дверь; такая печь жарче нагревает избушку и скорее сушит сырую одежду. Таким образом, теперь встречаются избушки и с каменками, и с черными битыми печами. Большею частью приходится человека 4—5 на одну избушку, но иногда и больше. Так, из д. Коробихи в довоенное время уходило около 15 человек, которые строили для себя только две избушки. Ставят избушки недалеко от воды, а изредка даже одним углом над горным ручьем,¹ чтобы можно было всегда доставать воду, не выходя из избушки; это делают потому, что зимой ручьи завалены глубоким снегом и текут под ледяной корой. Иногда, в ненастье, приходится сидеть в избушке и ждать погоды; этот вынужденный досуг заполняют починкой своего снаряжения и как-нибудь коротают время. По сообщению А. Н. Белослюдова, охотники из д. Быковой брали с собой на белкованье слепого сказочника—старика Перова.²

Отдельно от избушки устраивают на деревьях амбар для съестных припасов. Для этого выбирают четыре дерева, близко стоящие друг к другу, обрубая их на высоте 3—4 м и выше и кладут на них горизонтально две толстые жерди; на них устраивают настил; концы жердей или досок, образующие на-

¹ Ср. также Принтц. Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости и „Живописная Россия“, т. XI, стр. 214.

² В материалах Сказочной Комиссии Русского Географич. о-ва имеется собрание сказок, записанных А. Н. Белослюдовым от этого старика, ярко отражающих быт и природу края.

стил, выпускаются далеко над ветвями, чтобы звери не могли влезать на него. Для этой же цели стволы очищаются от коры. Сверху настил закрывается двускатной крышей. Для доставания припасов употребляют приставную лестницу-стремянку, которая обычно убирается.

От избышки охотники уходят на десятки километров (р-йон, на котором расставлены ловушки одного охотника или одной артели, носит название „ухожень“), расставляя капканы, плашки, кулемки и т. п. Чтобы не заблудиться в лесу, охотники делают на определенных расстояниях на деревьях „теси“, т. е. зарубки топором.

Охота в горах трудна и опасна, требует большой ловкости и выносливости. Охотнику приходится иногда в день несколько десятков километров проходить на лыжах по лесистым крутым склонам катиться между деревьями и камнями, подниматься по снежным кручам. По непроходимым, казалось бы, местам, охотник идет на лыжах втрое быстрее, чем может бежать самая быстрая лошадь в „мах“. Случается, что с надутых „взметов“ (сугробов) снега охотник летит вниз некоторое пространство по воздуху, не касаясь снега, и лыжами становится опять на снег и скользит дальше. Бывает, что охотники гибнут от „оплывин“, т. е. снежных лавин, сорвавшихся с гор.

Основой бухтарминской охоты является белкование, на которое ходят всегда артелями. Ярые охотники уже с начала осени с нетерпением ждут заветного „Покрова“, когда белка уже успеет выкунеть. До этого времени она еще „недошлая“. Охотятся на белку, главным образом, с ружьем и собакой, причем хороший охотник набивает до 100 штук за сезон, особенно в годы „урожайные“ на белку. Алтайская белка темного цвета, и охотиться на нее нелегко, так как в густом кедраче и пихтаче она плохо заметна. В период же обильного выпадения снега она вовсе не видна на засыпанных снегом деревьях, и охота на нее почти невозможна. Белковщики выручают немало, так как цена на белку довольно высокая; так, в 1927 году шкурка белки расценивалась на месте в 1 р. 15 к.

В прежнее время в бухтарминском охотничьем промысле место, занимаемое теперь белкованьем, принадлежало охоте на соболя. Соболю, представлявший когда-то главное богатство Сибири, теперь является уже редкой добычей на Алтае. Там

где еще недавно промышленник за сезон брал по 3—4 шкурки, соболь исчез совершенно, уходя все глубже и глубже, забираясь в непроходимые россыпи таежных речек. Так, почти совершенно „укатился“, как говорят промышленники, соболь с Убы и верховьев Ульбы и из других уголков западного Алтая. Незадолго до мировой войны положение с соболем стало настолько угрожающим, что Главное управление землеустройства и земледелия провело повсеместное запрещение охоты на соболя на 3¹/₂ года: с февраля 1913 г. по октябрь 1916 г.;¹ эта мера, сама по себе, вряд ли могла привести к ощутимым результатам, так как соболятники-браконьеры продолжали тайком охоту на соболя, и соболиные шкурки продавались на Алтае из-под полы, расцениваясь по 20—50 рублей за штуку.

Вопрос об абсолютном исчезновении соболя был вопросом недалекого будущего. Но вот грянула война 1914 г., за ней гражданская война, выбившие жизнь из ее нормального русла и оторвавшие население от охотничьего промысла вплоть до сезона 1921/1922 г., с которого наступило успокоение на Алтае. За эти семь лет животный мир вообще и соболь, в частности, так здесь размножился, что промысел стал давать неслыханное для предвоенного времени количество добытых ценных зверей. Были даже случаи поимки около займки соболей, повадившихся лакомиться медом в дупле дерева с зимовавшими дикими пчелами.²

Вследствие такого увеличения количества соболя чуть не вся масса охотников превратилась в соболятников; кто никогда не охотился за соболем, и тот двинулся в такие места, где он водится; уходили за сотни километров на верховья р. Убы, на белки Синюхи и пр. В этих местах при установках ловушек происходили настоящие баталии между охотниками, чтобы завладеть тем или иным соболиным районом. Рассказывают, что один охотник ухитрился даже вьюком на лошадях завезти в белки несколько колодок с пчелами и, зная соболиную привычку лакомиться медом, расставил эти колодки вместе с ловушками в тех местах, где имелись следы зверя, и вот таким образом ему удалось поймать 14 соболей.³ В результате такой яростной охоты, размножившийся было соболь за последние 4—5 лет снова исчезает.

¹ Закон 9 июня 1912 года.

² Охотник Алтая, 1923, № 3.

³ Охотник Алтая, 1924, № 1—3.

Ловля соболей производится различными способами. С осени по мелкому снегу расставляют на соболей кулемки, состоящие из загородки с приманкой внутри. На приманку („прикормку“) стреляют куропаток и мелкого зверя, какой найдется; в разное время ловят соболя на разную „прикормку“. Во вторую половину зимы, в глубокие снега, на соболя ставят железные капканы. Для этого выслеживают дорожки с соболиными следами („соболи стежки“) и, так как соболь возвращается на те же места и даже при прыжках попадает в те же следы,¹ то под следом сбоку вырезают ножом снег, вдвигают капкан, заравнивают яму и заматают свой след; под тяжестью тела соболя слой снега, оставленный над капканом, проваливается, и лапки зверька попадают в капкан. Ловят соболя еще обметом. Для этого каменную россыпь, где он прячется, обметывают длинной сетью (120—300 м длины и 2 м ширины). Соболя выпугивают или выкуривают дымом, и при выскакивании из россыпи он запутывается в сетях.

В то время, как основным видом бухтарминской охоты является охота на белку, а в прежнее время—на соболя, охота на других зверей носит случайный характер. Белковщики (или, прежде, соболятники), имея в центре внимания определенного зверя, бьют и ловят попутно также и других.

На медведя охотятся во все времена года, применяя при этом различные способы. Зимой, в мелкие снега, добывают медведя в берлогах следующим образом: срубают несколько не очень толстых лесин с сучьями, так называемые острови, и суют их одну за другой медведю в берлогу; он их утаскивает к себе; это производится до тех пор, пока не будет забита островьем вся берлога. Тогда медведя или стреляют сквозь ветви, или „закуривают“, т. е. перед входом разводят огонь, и медведь задыхается от дыма; вылезти же из берлоги он не может, так как выход из нее забит. В остальное время года в лесу на медвежьей тропе ставят кулемы и капканы. Кулема—западня—устраивается из тяжелых бревен, которые тяжестью своей, падая вниз, давят медведя на смерть; в западню кладут приманку для медведя. Железный капкан, весом до 32 кг, зарывают на тропе в землю, сверху прикрывают

¹ Дорожка соболя состоит из колодцев или ямок, на расстоянии длины тела соболя, в которые он, скача, ставит сначала обе передние лапки, потом обе задние.

тонким слоем дерна и травы; медведь, идя по тропе, проваливается и попадает в капкан. Бьют также медведя скрадом, для чего устраивают засаду— „лабаз“: выбирают два рядом стоящие дерева, на толстые ветви их кладут две толстых жерди и сверху набрасывают более мелкие ветки и сучья; на получившемся помосте охотник с ружьем выжидает медведя. На пасаках, куда медведь любит ходить лакомиться медом, настораживают ружья. Для этого на тропу, по которой ходит медведь, ставят на рогатке заряженное ружье с взведенным курком, на высоте, соответствующей росту медведя. К собачке курка веревочкой привязывают небольшую тонкую дощечку, которая кладется другим концом на дорожку дальше от дула. Медведь, идя навстречу дулу ружья, наступает на дощечку, стремясь подняться по ней; она гнется, тащит за веревочку собачку курка, и ружье стреляет в медведя. Осенью 1927 г. продажная цена медвежьей шкуры в Катон-Карагайском складе Союза охотников равнялась 20 рублям; у охотников же можно было ее купить за 12—15 рублей.

На лисиц и волков охотятся осенью, по мелким снегам, гоняя их верхом, с собаками. На тех и других также ставят железные капканы, на лисиц — в расщелинах камней, куда загоняют их. Годы мировой и гражданской войны и почти полное прекращение охотничьего промысла в течение этих лет — способствовали размножению зверя вообще и увеличили количество лисиц. За последние годы, кроме обыкновенных красных „огневок“, попадалось значительное количество лисиц высокосортных — чернобурых, серебряных и, особенно, сиво-душек (по данным пушных заготовок).¹

На барсуков охотятся по преимуществу летом, выходя с собаками в горы; собаки там выискивают барсучьи норы и загрызают барсуков. От них используется сало, которого получается около 4 кг с барсука (в кержацком хозяйстве оно идет на смазку кож, сбруи и т. п.) и шкура, мясо же идет на корм собакам. Обычно в летнее время, то тут, то там на стене дома можно видеть сушащиеся барсучьи шкуры. Шкура снимается ковром; для распяливания обычно вставляют одну длинную палку от морды до хвоста, две, несколько короче, наперекрест от задних лап к передним и коротенькую от уха

¹ Охотник Алтая, 1923, № 9—10.

до уха. Иногда барсука закуривают, как медведя, раскладывая перед норой огонь, после чего нору раскапывают и достают задохнувшегося в дыму барсука. Иногда ставят и капканы. Осенью 1927 г. барсучья шкура расценивалась на месте 3—5 руб.

Рысей, росомах выслеживают в мелкие снега (по пороше) и гоняют с собаками, приканчивая их ножом или стреляя из ружья.

На „горностаей“ и хорьков ставят кулемки и плашки, на „колунков“ (колонков)—плашки.

Охотятся и на горных козлов, по местному—яманов или теков (тау-теке—по казакски—горный козел),¹ держащихся в горах в летнее и осеннее время выше границы леса, особенно в каменистых местах, с неприступными „крутиками“ и „отрывавами“, где между каменистыми россыпями встречаются „поеди“, т. е. травянистые места, на которых пасутся яманы. При подъеме на крутики охотники надевают на ноги железные когти. Охотятся с ружьями и с собаками. Стараются подстеречь яманов на „перебеге“, т. е. на более или менее узком месте между двумя сопками, так как яманы держатся высоких мест по гребням хребтов, избегая спускаться в поперечные долины и перебегая с одной сопки на другую по гребню перевала. Чтобы спустить вниз добычу, привязывают убитых козлов к хвостам лошадей. Мясо едят сами, а шкуры частью продают, частью шьют из них яги (см. ст. „Одежда“...).

На лосей охотятся „гоньбой“—на лыжах, с собаками, чаще всего весной, в феврале и марте, по насту (называемому здесь „черым“). Собаки гонят до изнеможения тяжелого зверя, проваливающегося в снег и режущего себе ноги об наст. Загнанного и измученного зверя настигает охотник, имеющий с собой нож, укрепленный на палке; охотник катится сверху и втыкает нож в шею лосю и катится дальше, лось старается копытом вынуть нож и разрезает себе шею, а охотник стороной снова взбирается на лыжах, чтобы сверху скатиться к зверю. В летнее время бьют их из ружей, подстерегая на солонцах, куда лоси, как и другие копытные, приходят лизать и есть соленую землю.

¹ Ср. к юго-востоку от Катон-Карагая хребет Тау-теке и р. Тау-текень, впадающую в р. Кабу.

На реках ловят выдр. На них ставят железные ловушки в воду на том месте, где выдра выходит на берег. Охота эта носит случайный характер, но все же иногда попадаются великолепные экземпляры. Так, летом 1927 г. Катонское отделение Союза охотников приобрело мех выдры за 200 рублей.

На сурков, постоянных жителей плоскогорий, охотятся весной: в марте, апреле, когда они только что пробуждаются от зимней спячки и выходят из своих нор. Сурковщики бьют их из ружья.

Для ловли „зайцов“ употребляются проволочные петли: их укрепляют на небольшой жерди и устанавливают зимой на тропках, которые прокладывает заяц к кустам и молодым деревцам, кору которых он гложет; пробегая по тропке, заяц попадает в петлю, она затягивается, и дальше бежать он не может, да и жердь, на которой укреплен проволочная петля, запутывается в кустах и не пускает зайца.¹

Много зверя гибнет без толку, так, например, лисицы ловятся в капканы, когда еще не выкутели совсем или дошли наполовину. Попадают звери полуволосые, почти голые.²

Весной попадают в капканы беременные самки—зря гибнет потомство. Бывает, что из-за большого района охотник долго не осматривает ловушек и попавшая добыча съедается хищниками.

Разного рода дичь в лесах ловят силками и плашками, стреляют из ружей. На пашнях или около заимок, на косачей (тетеревов) охотятся очень своеобразным способом: вырывают в земле яму, прикрывают ее сверху хворостом, ставят на хворост овсяные снопы; ловец сидит в яме, в соломе, под хворостом; когда косач, привлеченный овсом, спускается и становится ногами на хворост, то охотник хватает его за лапки, продергивает вниз и зубами перекусывает ему шею; в результате удачного лова, охотник вылезает весь окровавленный.³ Кроме того, ставят в ямах особые корзины, сплетенные из прутьев, на подобие рыболовных морд, куда попадают косачи.

¹ Для сушки заячьих шкурок, как и других, снимаемых чулком, употребляется „пяло“, представляющее собой деревянную развилку; заячье пяло — около 70 см длины.

² Охотник Алтга, 1923, № 9—10.

³ Сообщено А. Н. Белослюдовым.

VII. РЫБОЛОВСТВО

Рыболовство не занимает существенного места в быту бухтарминских кержаков; им занимаются лишь в свободное время, „между крестьянской работой“, по собственному выражению кержаков. Занимаются рыбной ловлей на р. Бухтарме и ее притоках, затем ездят рыбачить на „тихие озера“—Маралье, (из которого вытекает р. Белая, приток Бухтармы), Коксинское и Черновое (из которого вытекает Верхне-Черновая, приток Бухтармы), на озеро Марка-куль, на „море“, как зовут здесь озеро Зайсан-нор. Рыбой край очень богат; в быстрых водах горных рек водятся: таймень, ¹ хариус, ² налим; сюда заходит из Иртыша для нереста нельма. Таймень или талмень (*Salmo fluviatilis Pall*)—крупная рыба из семейства лососевых (род лосося), распространенная во всей западной и значительной части восточной Сибири; на Бухтарме она достигает в отдельных случаях 24 кг весом и 1¹/₂ м длины, часто ловятся экземпляры около 12 кг весом и около 1 м длины. Эта быстрая и сильная рыба питается мелкой рыбой, лягушками, даже водяными птицами; днем держится в глубоких местах. Хариус, харьюз (*Thymallus vulgaris Nils*)—мелкая рыба из семейства лососевых, в среднем 400—800 г весом, водится особенно в быстро текущих горных речках в порожистых местах, любит держаться на мелких местах, часто на перекатах, где и нерестится. Издаёт сильный своеобразный запах, несколько напоминающий запах корюшки. Нельма (*Coregonus leucichtus var. Nelma*)—также из семейства лососевых (сибирский сиг)—рыба средней величины, достигающая, в среднем, 6—7 кг, проходная рыба; входит весной из Ледовитого океана по Оби, Иртышу и далее до верховьев речек для нереста, который происходит в сентябре. Держится в глубоких местах, преимущественно у дна.

В озерах, кроме этих видов, много карасей, щук, язей.³

В Зайсан-норе, славящемся обилием рыбы, ловятся, кроме перечисленных, также осетр, стерлядь и другие виды рыб.

¹ Ср. оз. Таймень на южном склоне Аргутских белков, на одном из путей с Бухтармы на Уймон.

² Ср. речку Хайрюзовку, правый приток р. Нарыма.

³ По имени которых получило свое название оз. Язево, с вытекающей из него речкой Язевкой, впадающей в р. Белую Берель, правый приток верхней Бухтармы.

Что касается способов лова, то следует отметить, что на реках в пределах района сетяных орудий лова, вследствие быстрого течения, не употребляют. С сетями (невода и другие) рыбачат лишь на озерах. На реках изредка лишь употребляются маленькие „невода“, тканые из льняных ниток, так называемые „недóтки“, приспособленные для мелкой рыбы-мульков. Такой невод представляет собой род прямой сети, сшитой из четырех полотнищ, около $1\frac{1}{2}$ м длины каждое; специальная ткань работаетя таким образом, что редкая основа „переверчена“ с помощью деревянного трепала во время тканья, так что вместо основы получается ряд как бы шнурков, уток же употребляется „сканный“, следовательно, очень толстый и пухлый; ячеи делаются размером около $1\frac{1}{2}$ см. К свободному краю одного из крайних полотнищ, играющему роль нижней подборы, привязываются три каменных грузила, концы же сшитых полотнищ, дающие высоту вертикального полотна, с каждой стороны натягиваются на тонкие шесты. Таким образом, эти „невода“ не имеют ничего общего с тем, что обычно принято понимать под словом невод. Ловят ими на мелком месте, причем мелкая рыба запутывается в ячеях. Занимаются этим, главным образом, дети и подростки. Ниже, по Бухтарме, по сообщению Б. Г. Герасимова,¹ в с. Сенном встречаются у рыбаков „бредушки“ — маленькие невода, которые плетутся на местах из льняных ниток.

На реках ловят по преимуществу удочкой, реже острогой и корзинами. Удочкой начинают ловить в конце весны, когда пройдет муть и грязь после половодья, и вода станет более или менее прозрачной; ловят все лето, до морозов. На Бухтарме же, осенью, когда вода станет совершенно прозрачной, в темные августовские и сентябрьские ночи лучат крупную рыбу острогой. Корзины ставят в течение всего лета.

Удочка на Бухтарме состоит из удилица, длиной около 6 м, к которому приделывается леса приблизительно такой же длины, с крючком и свинцовым грузилом. Для талменя насаживают на крючок, как приманку, лягушку, мышь, сырое мясо, кусок „потника“, т. е. войлока („рыба принимает его за мышь“); леса при этом употребляется толстая, ссученная из нескольких десятков волос. Более мелкого хариуса ловят на земляного червя, на кобылку, употребляя для него более тонкую лесу.

¹ Б. Герасимов. Ор. cit., стр. 42.

Ловят удочкой с берега, с лодки, а ниже д. Коробихи по Бухтарме и в с. Сенном¹ талменя ловят и верхом. Для этого рыбак верхом забредает в Бухтарму и с лошади закидывает удочку. После того, как талмень возьмет насадку, начинается длительное вываживание крупной рыбы, с целью утомить ее, чтобы можно было вытащить ее на берег, не оборвав лесы в не сломав удилища. Это требует большой осторожности, опытности и терпения, так как талмень мечется по реке, таща за собой рыбака, и тому приходится, отпуская лесу при быстрых и сильных порывах рыбы, брести верхом по реке, пускаясь порой вплавь, всплывая вместе с лошадыю в глубоких местах. Лишь тогда, когда замученный талмень всплывет брюхом кверху, рыбак выезжает на берег и вытаскивает добычу.

Лучение рыбы производится, как обычно всюду; тихой ночью, с лодки, осветив огнем неглубокую воду и заметив достаточно крупную рыбу, бьют ее острой. Для освещения употребляется особая жаровня из трех согнутых железных полос—„коза“ (того же типа, что всюду в Великороссии); средняя полоса козы на одном конце согнута в трубку, надетую на деревянный стержень, который вставляется в нос лодки; в козу накладывается горящее смолье (смолистые щепки) и береста. Острога—железная, с 4—6 зубьями и зазубринами на них, насажена на длинный тонкий шест около 2 м длины. Хариуса бьют более легкой острой, талменя—более тяжелой. Лучением занимаются очень немногие, у кого есть лодки.²

„Корзины“ плетут из ивовых или черемуховых прутьев, наподобие морд, внутри—конус с отверстием для входа рыбы; ставят их на Бухтарме и ее притоках у берега, устраивая загородки из камня и ставя около них корзины, устьем туда, „где покат воды“, т. е. более сильное течение. Зимой корзины спускают под лед и ловят ими налимов.

Интересный способ лова талменей силками описывает Б. Г. Герасимов;³ этот способ возможен только тогда, когда

¹ Б. Г. Герасимов. *Op. cit.*, стр. 41.

² Б. Г. Герасимов (*op. cit.*) приводит интересное поверье: если во время лучения рыбы на Бухтарме встретится талмень без „святого“ перышка (так называется маленький плавник около хвоста)—то не надо его бить острой, потому что это не талмень, а дьявол в виде талменя; у настоящего талменя есть „святое“ перышко.

³ *Op. cit.*, стр. 42.

галмень стоит около берега под кустами или около камня: опытный рыбак спускает в воду волосяную петлю и накидывает ее на талменя.

Своеобразный, хищнический способ лова практикуется в заимках, на мелких горных речках; здесь перекапывают речку в каком-либо месте и отводят воду в особую канаву; через некоторое время воду спускают из канавы и оставшуюся рыбу выбирают руками. „Перекапывание“ дает заимочникам много рыбы. На рыбную ловлю берут с собой для всякой мелочи „пайбу“, ¹ которая имеется у каждого крестьянина,—это род берестяного плоского кошеля, состоящего из согнутого куска бересты, тщательно приделанного к двум узким деревянным стенкам, вокруг которых он обернут. Глубина пайбы—около 25—30 см, длина около 40 см. Носят ее на ремешке через плечо.

VIII. УТВАРЬ И ПИЩА

Утварь у бухтарминских каменщиков в большинстве случаев употребляется самодельная. Глиняная посуда изготавливается женщинами-кержачками, бондарную посуду делают сами кержаки, изредка переселенцы. Бондарная посуда (кадушки, квашенки, лагуны, ушаты, шайки) чаще всего делается из пихты, обручи насаживаются черемуховые, реже металлические. Специальных бондарей нет; в большинстве случаев хозяева сами умеют обращаться с плотничьим и бондарным инструментом и изготавливают посуду для себя и, в случае надобности, для своих ближайших родственников. Набор бондарного инструмента общеупотребителен, но элементарен (струги, уторники, натяг и пр.). Кроме бондарной посуды, в большом распространении деревянная долбленая посуда (бадейки и туяса ²) и посуда из бересты (туяса, коробки для масла, сметаны, меда). Реже встречается токарная утварь, появившаяся здесь вообще сравнительно не так давно; в то время, как в обычной русской деревне токарная посуда играет роль праздничной, на Бухтарме ее место с начала поселения занято было китайской фарфоровой посудой (см. ниже). В последние годы,

¹ Термин пайба, пайва в аналогичном значении употребляется в Казанско-Пермском крае (Даль. Толковый словарь живого великорусского языка).

² На Бухтарме термин „туяса“ употребляется для обозначения высокой цилиндрической посуды как долбленной, так и берестяной.

вследствие наплыва переселенцев, токарная посуда начала распространяться несколько шире; изготовлением ее занимаются по преимуществу переселенцы, употребляя для этого токарные станки с ножным приводом. Некоторые кержаки, правда весьма немногие, также занимаются точением посуды для своего хозяйства, используя для этого силу горных ручьев и пристраивая токарные механизмы на мельницах.

В общем, деревянная посуда в значительной степени близка к северно-великорусским формам и обычно не имеет резьбы. Из украшений деревянной посуды на Бухтарме известны только раскрашивание и роспись масляными красками. Роспись на этих предметах того же характера, что на мебели и стенах избы, сделанная теми же захожими мастерами, по преимуществу тюменскими (см. ст. „Постройки“...). Отсутствие старинной великорусской резьбы не только на утвари, но также на постройках и разных мелких предметах домашнего обихода на Бухтарме, возможно, объясняется отсутствием таковой традиции у каменщиков, составившихся из разного беглого люда, вынужденного при первоначальном поселении вести бродячий образ жизни в „камне“, среди мало удобных горных ущелий, где каждый шаг борьбы с нетронутой природой приходилось делать с большим напряжением; вследствие этого, первые насельники не могли много внимания и времени уделять домашнему хозяйству и заполнять досуг удовлетворением своих эстетических потребностей. Поэтому-то на Бухтарме так мало выявляются те виды народного искусства, носителями которого являются мужчины. В женском же искусстве на Бухтарме видим иную картину (см. ст. „Искусство“...). У каменщиков отсутствие украшений на деревянных предметах поражает особенно сильно при сравнении аналогичных предметов с северно-великорусскими, особенно из б. Архангельской, Вологодской, Олонецкой Костромской, Владимирской губерний, где каждая мелкая самодельная вещь из дерева или бересты покрывается той или иной орнаментацией или же росписью с традиционными северными сюжетами. Бухтарминская же роспись посуды является заносным, а не местным творчеством. В утвари бухтарминского населения вообще заносные формы занимают значительное место. Так, например, у каменщиков неизвестны деревянные стаканы, ковши, глиняные стаканы и чашки, деревянные резные тарелки и блюда, широко распространенные у северно-великоруссов,

Вместо этой самодельной посуды, у бухтарминцев издавна известна фарфоровая и фаянсовая посуда, первоначально китайского происхождения, а позднее русского фабричного. В самом начале поселения в бухтарминской долине, каменщики столкнулись с китайской пограничной стражей, выменивавшей на хлеб и меха у местного населения китайскую посуду, а также с русскими купцами, издавна торговавшими с алтайским туземным населением и ходившими в Китай и Джунгарию. От этих купцов, приезжавших на южный Алтай, кержаки издавна покупали специальную посуду, имевшую большой спрос у местного населения. В силу этих причин, у кержаков всегда можно встретить значительное количество фаянсовой расписной посуды—тарелок, мисок, чашек, особенно низких широких чашек без ручек, так называемых „касешек“, которые по форме являются типичными китайскими чашками для риса. Эти чашки, маленького размера (диам. около 15 см), употребляются для питья молока, кваса и пива. Чашки бóльших размеров служат вместо северно-великорусских блюд; из них едят кашу, щи, квас и т. п. жидкую пищу.

В пище бухтарминских кержаков прежде всего следует отметить тот факт, что постная пища занимает значительное место в силу религиозных убеждений населения. Все — от старого до малого—в среду, в пятницу и во все посты вовсе не употребляют в пищу „молосного“, т. е. скоромной пищи.

Соблюдение обрядности в некоторых случаях также накладывает определенный отпечаток на способы приготовления пищи. Так, например, начиная замешивать тесто или готовить обед, хозяйка в кержацком доме всегда перекрестит каждую посуду, прежде чем положить в нее ту или другую пищу. В противном случае, в посуде может оказаться „дьявол“, который вместе с пищей попадет в человека. Точно так же, черпая воду в реке, сначала перекрестят воду и ведро, потом уже берут воду.

Специальных колодцев не имеется ни в одной деревне, и везде пользуются речной водой. Между прочим, д. Язовая очень страдает от плохого качества воды, так как речка Язовинка протекает через самую деревню, на обоих берегах расположены усадьбы и хозяйственные постройки, из-за чего вода бывает мутная и загрязненная. Поэтому язовинским жителям приходится набирать воду ранним утром, пока она еще отно-

сительно чиста. Воду обычно хранят в кадке, высотой 60 см, с диаметром 40 см. Эта кадка стоит на трех невысоких ножках, поэтому носит название „треног“, ¹ сверху покрывается деревянной, плотно закрывающейся крышкой. Почти всегда треног и крышка окрашены снаружи масляной краской. Наиболее употребительны цвета—красный, синий, зеленый; часто обручи раскрашены другим цветом, чем клепка. Очень часты среди кержаков расписные треноги (табл. I). Треног обычно стоит „в крыльце“, на его крышке лежит металлический ковш. Деревянных резных ковшей, имеющих столь широкое распространение в северно-великорусских районах, на Бухтарме вовсе не встречается.

Мука хранится в амбаре в закромах и в кладовой в больших, на 320 кг, передвижных ларях для муки, называемых „фурман“; черпают ее железным совком, называемым „плишка“ (т. е. плица), по форме весьма напоминающим черпак на лодках. Для просеивания муки употребляются сеяльница и решето или сито. Сеяльница представляет собой род корыта из тополевого дерева, широко разведенного, длиной 60—70 см, шириной 35—40 см и высотой 10—15 см. Снаружи сеяльница обычно выкрашена красной краской. Изготавливаются они чаще казакми. ² Решета и сита изготовляют переселенцы.

Для приготовления хлеба употребляется небольшая бондарная квашня, высотой 26 см, с диаметром в 38 см, с железными обручами, хотя в отдельных хозяйствах употребляется и большего размера (фиг. 34). Для раскатывания теста служит широкая кедровая доска, около 1¹/₂—2 м длиной, так называемая столешница, которую кладут на стол или на лавку у печи. По окончании „выкатывания“ хлеба столешница убирается. Для выметания печи употребляется помело из пихтача. Хлеб пекут пшеничный, темный. Вследствие того, что молотьба хлеба производится зимой на льду, зерно несколько отсыревает и к весне плесневеет, его приходится промывать и подсушивать; вследствие же крупного размола мельницами - мутовками, пшеничная мука по-

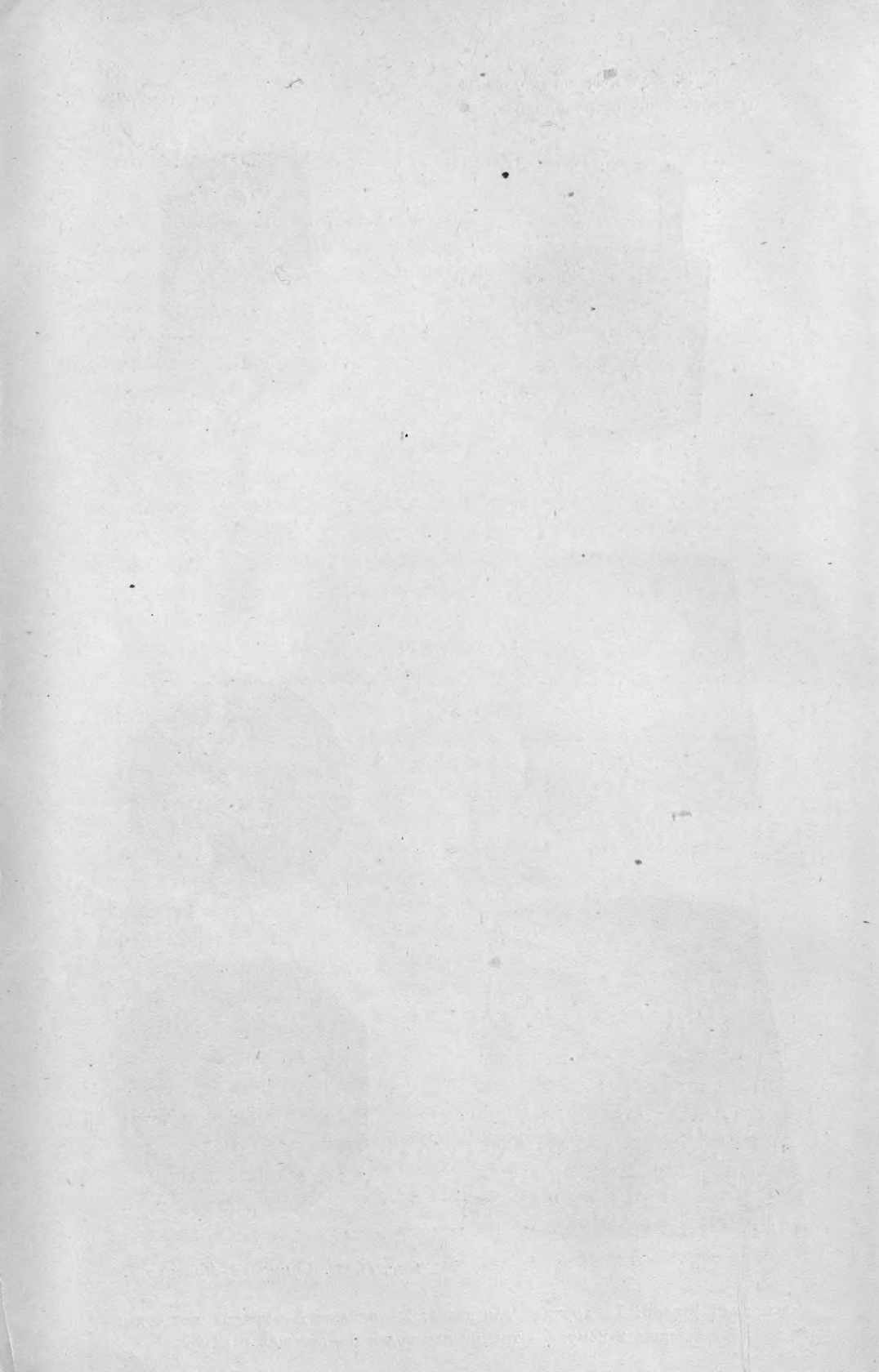
¹ В северных губерниях треногом называют лохань для помоев на трех высоких ножках (И в а н и ц к и й. Материалы по этнографии Вологодской губернии, стр. 15).

² Аналогичное явление наблюдается и в других местах Сибири: так, в Енисейской губ. такие „сеяльницы“ выделывают инородцы Ачинского у. и кэчинские татары Минусинского у. и распродают их крестьянам (Коллекция № 959 Этнографического отдела Русского музея).

Рис. Н. М. Сунцовой-Руденко.

Расписная утварь: 1—„ручка“ для кваса; 2—прялка; 3—треног для воды; 4—крышка к нему; 5—треног для воды; 6—крышка к нему.

лучается довольно низкого качества и темного цвета. Русские казачки из нарымской долины (г. Б.-Нарымск, станица Алтайская, д. Медведка) обычно подчеркивают плохое качество бухтарминского хлеба. Пшеничный хлеб печется в виде так называемых калачей, т. е. хлебов кольцеобразной формы, с наружным диаметром около 25 см; ширина кольца 6—7 см; иногда это кольцо делается не гладким, а витым или с обвивкой. Эта форма пшеничных калачей весьма распространена по Сибири. Эти калачи употребляются как хлеб; больших же круглых хлебов обычной русской формы из пшеничной муки здесь почти вовсе не встречается. Интересно отметить, что в кержацком доме калачи пекутся несколько раз в неделю, в больших же семьях почти каждый день, в то время, как в северновеликорусских губерниях хлеб чаще всего выпекается, особенно в рабочую пору, раз в неделю. Ржаной хлеб пекут в виде небольших круглых хлебов („кавришки“) крайне редко и не любят его. Кроме калачей, пекут или жарят в масле небольшие, напоминающие плюшки, крендельки из пшеничного теста, называемые „каралики“; также пекут „шаньги“ (лепешки, перед посадкой в печь смазанные сметаной), „скут“ соченьки и т. п. печенья. Пекут также небольшие продолговатые хлебцы из пшеничной муки, называемые „мякушка“. Известны различные пироги из той же муки с разной начинкой (ягоды, рыба, яйца, капуста и т. п.). Подобно всем сибирякам, кержаки очень любят пельмени. В праздники пекут пшеничные медовые пряники; тесто разводят на меду, воды не прибавляют и не солят.

К р у п у (как и горох) держат в больших лежачих долбленых „колодах“ с крышками, помещающихся в кладовой. Крупу кладут в „шти“ и варят из нее кашу. Так называемые „толсты шти“ являются необходимой частью постного обеда. Варят их из ячменной крупы („толстой“ крупы) в виде крутой каши на воде. Эта еда, представляющая собой скорее кашу, чем щи, носит именно название „толсты шти“ в противоположность „жидким штям“. „Толсты шти“ заправляют во время еды луком. В постные дни кашу варят на воде, в остальные — на молоке с топленным маслом. Довольно часто готовят кашу из картофеля.

Конопляное семя¹ поджаривают и в постный день толкут в железной ступке, после чего разводят водой, при-

¹ Коноплю сеют немного, так что после обмолота остается 16—32 кг; очищают ее на решетках.

бавляют меда и макают туда хлеб; называют это лакомство „семечки“.

За исключением постных дней, пища кержаков обычно в значительной мере мясная. В каждом хозяйстве в течение года колуют несколько быков, свиней и баранов. Мясо употребляют вареное в „жидких штях“ и жареное мелкими кусками. Вареное мясо крошит сама хозяйка в деревянном долбленном корытце („мясно корычи́ко“), с плоским дном, средний размер которого 15×25 см. В нем же мясо подается и на стол. Варят иногда мясную „похлебку“, в которой плавают куски мяса, и опущены спеченные из теста сочни. Мясо хранится в погребе на льду в свежем виде, а также в бочках—в соленом виде. Кроме того, часто вялят или „бурчат“ мясо. Вяленое мясо по преимуществу употребляют в пищу в летнее время и после постов. Если перед постом остается часть свежего мяса, то его обязательно вялят. Для этого разрезают мясо на длинные узкие полосы и вешают для „бурчения“ эти полосы на шест, идущий перед фронтоном избы (см. фиг. 45 в ст. „Постройки...“). Здесь „на ветру“ оно висит 2—3 недели, после чего складывается в посудины или мешки, убирается в погреб и может лежать довольно долго, не пертясь („не пакостится“). Перед тем как заколоть свинью, ее садят в засадку на 40 дней и откармливают: колоть сразу нельзя, так как грешно есть мясо такой свиньи—она ест все; поросенка (сосущего) можно резать сразу; корову можно колоть сразу, так как она „мимо травы, ничего не ест“; курицу также держат в засадке 2—3 дня. Куриное и свиное мясо носит название „паланины“ (так как его палят). Кроме того, употребляют в пищу большое количество домашней птицы (куры, гуси, утки, „индей“), которой в каждом хозяйстве разводится большое количество. Птицу варят („шти петушковые“) и жарят.

Рыба весьма часто употребляется в пищу, так как все посты, среды и пятницы являются для кержаков строго постными днями. Рыбу едят свежую, при уловах на Бухтарме и ее притоках, или же соленую и вяленую в тех случаях, когда ее ловят далеко от дома, или же она привозная. За рыбой постоянно ездят на Зайсан сами, а также возят ее торговцы с Зайсана, разъезжая по деревням с возом соленой и вяленой рыбы. В постные дни из рыбы варят уху („шшерба“), делают пироги-рыбники с запеченой в тесто целой рыбой, наконец,— жарят. При дальних и долгих отлучках из дома, берут с собой вяленую

и толченую рыбу, из которой варят похлебку. Из рыб особенно любят талменя и хариуса, считая их наиболее вкусными. Некоторых рыб не едят совсем, так, например, не едят гольцов (*Nemachilus barbatula L*) из сем. карповых, так как их брускообразное голое, лишенное чешуи тело с зеленовато-бурыми пятнышками напоминает змей; не едят и бычков.

Молочные продукты в пище кержаков занимают значительное место. Молоко употребляют сырое, топленое и мороженое. На молоке варят кашу. Сметану употребляют, как приправу и как самостоятельное блюдо с хлебом; особенно часто сметану берут на полевые работы. Для этого употребляются берестяные туяса, широко известные на всем севере. Молоко держат в глиняных кринках; ввиду того, что в каждом доме имеется несколько дойных коров (см. выше), то для разливания молока и отстаивания сметаны требуется большое количество таких небольших кринок (см. „Гончарство“). Кринки с молоком хозяйка расставляет в подполье, покрыв каждую сверху деревянным кружком — „тесничкой“ (вытесанной из дерева). Сметану собирают в бондарные кадки. По мере накопления сметаны, приготавливают масло (о приготовлении масла см. гл. „Скотоводство“).

Творог употребляется в свежем, соленом, сушеном и мороженом виде. Перед тем как сушить творог, его откидывают на решето, потом отжимают, смешивают со сметаной и затем уже сушат на листе в печи. Хранят в мешке, в корчаге. Перед тем как заморозить, творог смешивают со сметаной, затем в чашке выставляют на мороз. Хранят в виде мороженных кусков по форме чашки, — такой творог называется „сырчик“. Иногда едят его в мороженом виде или оттаивают его, смешивают с яйцами и пекут с ним пирожки, шаньги. Также морозят и молоко, что вообще широко распространено на севере.

Из овощей самым распространенным является картофель, который носит здесь старинное название „яблочка“, кое-где сохраняющееся в глухих местах Европейской части Союза и широко известное в Сибири. Огурцы занимают значительное место в постном столе, и из Фыкалки, в которой уже не растут огурцы вследствие заморозков на высоте 1.205 м, за огурцами ездят верхом за 100 км в деревню Яры. Из гороха делают гороховый кисель или же горошницу — род гороховой каши, — которую едят с „конопляным соком“ или с медом. Для постов

на зиму заготавливают соленый лук и чеснок, который на Бухтарме называют „зубчатый лук“. Особенно много заготавливают полевого чеснока, дикого, который собирают „на белку по камням“. Его мелко рубят и солят в квашонках, кладя сверх бересту и пригнетая камнем. Зимой разводят квасом и в пслучившуюся похлебку макают хлеб. В года, когда не вымерзают огурцы и арбузы—их солят на зиму. На зиму же сушат и хрен. Очень любят брюкву и свеклу; их обычно парят в печи в корчагах и едят в горячем и в холодном виде, нарезая ломтиками („пластиками“).

Соль покупают в кооперативах, крупную; для употребления толкут ее в чугунных ступках, имеющих почти в каждом хозяйстве. Держат соль дома в фарфоровых или деревянных точеных чашечках. В путь берут ее с собой в берестяных солонках, представляющих собой род боченка, высотой и диаметром 8—9 см, сделанного из нескольких слоев бересты, параллельно дну обрезанных зубчиками по краям; оба доньшка деревянные, в одном—отверстие для соли—форма, встречающаяся на севере.

Мед в кержацком хозяйстве играет большую роль. Прежде всего, в постные дни мед употребляют, как особое блюдо, которое подается в конце обеда, которым угощают гостя и т. п. Мед в сотах или очищенный („маханый“) — подают в тарелке и макают в него куски калача; едят, запивая квасом или водой. Кроме того, мед служит приправой к свежим огурцам, каше, горошнице и т. п. Любят есть толченое конопляное семя с медом. Мед употребляют также вместо сахара в варенье, пироги и напитки, — недаром кержаки говорят: „Медок-голубчик — все скрасит, что ни положи“. Мед хранят в „туясах“ — высоких узких сосудах, с ушками, выдолбленных из одного ствола дерева (осины); дно вставное, вставная же и досчатая крышка с ручкой. Туяса бывают разного размера, до одного метра высотой, а иногда и несколько больше.

Лесные ягоды в различном виде очень широко употребляются в пищу кержаками. Собирают малину, землянику, „глубенику“ (клубнику), черную и красную смородину, черную и красную кислицу,¹ крыжовник, боярку (*Crataegus L.*), черемуху, калину. Из ягод варят варенье на меду; варенье в пост-

¹ Кислица—растение из рода смородины (*Ribes*), кустарник, ягода сильно напоминает смородину.

ные дни едят с хлебом, как особое блюдо, употребляют его в качестве начинки в пироги. Кислицу иногда мочат в кадушках, употребляя ее в пищу с медом и хлебом. Из калины приготавливают калиновый кисель. Боярку, черемуху и калину сушат, рассыпая на печи, или в печи на листах, чаще же на солнце на тех же сушилах, на которых сушат летом зерно. Зимой сушеные ягоды или распаривают в горшках в печи и затем едят с медом и хлебом, как варенье, или их, особенно черемуху, размалывают, как муку. Эту ягодную муку замешивают водой и ставят на ночь в печь; за ночь ягоды „рассолодеют“; утром в полученную гущу прибавляют меда и едят с хлебом.

Как лакомство, широко распространены кедровые орехи, за которыми ходят зимой на лыжах в кедрач в „белки“. Для вышелушивания орехов из шишек, последние распаривают на огне и трут их обычным бельевым вальком (с рубцами на нижней стороне), положив их на терку — толстую доску около $\frac{3}{4}$ м длины, с такими же рубцами, как на вальке. Известны как лакомство и „польские орехи“, т. е. лесной орех (лещина). Кроме того, на Бухтарме, как везде в Сибири, распространено жеванье лиственничной смолы или „серки“.

Куренье табаку среди кержаков вовсе не встречается, даже курящего гостя просят для курения уйти из избы; но в Коробихе после войны начали сажать табак. В Коробихе же сеют изредка и хмель на ограде.

Из напитков самое широкое распространение у кержаков имеет квас; он обязательно стоит на столе в большой чашке во время обеда, особенно в постные дни. Его прихлебывают с „толстыми штями“, с кашей и т. п. Квас делают из ржаной или из пшеничной муки. Растворив квас в горшке, парят его в печке три дня, затем сливают в лагун и разбавляют сырой водой. Лагун с квасом обычно хранится в подполье или в погребе, откуда приносят квас в железном ведре, а чаще (по — старинному) для этого употребляется так называемая „ручка“,¹ т. е. шайка с ручкой. В жилищных хозяйствах, сохраняющих много старинного, обычно „ручка“ — крашеная масляной краской или расписанная цветами, как „треног“ (табл. I).

¹ В Вологодской губ. „ручка“ — ведро с крышкой. Иваницкий. Мат. по этнографии Вологодской губ., стр. 15.

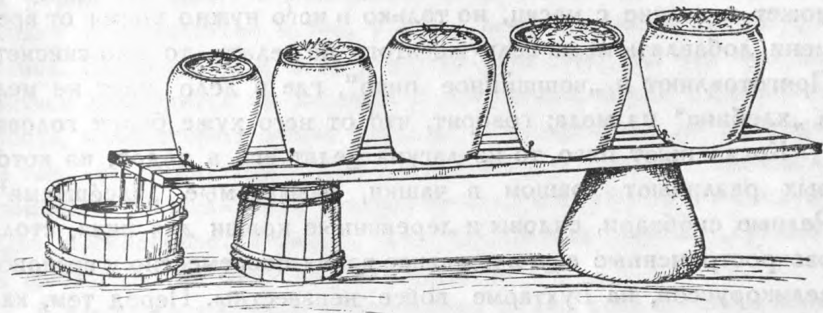
В прежнее время употребляли для кваса также жбаны бондарной работы, по форме весьма сходные с северно-великорусскими; сейчас они встречаются крайне редко.

Вместо кваса, за столом употребляют иногда жидкость, остающуюся в корчаге после паренья свеклы, причем этот свекольный настой слегка заквашивается.

Как праздничный напиток, широкое распространение имеет пиво. Без пива не обходится ни одного большого праздника, а зачастую и к обычному воскресению во многих домах готовится пиво. Точно так же без пива не может состояться ни одна помочь. Пиво делается из муки, которая парится в корчагах. Корчаги бывают чугунные и глиняные; первые — покупные, изготавливаются в Тюмени,¹ вторые — своего изделия. Корчаги представляют собой сосуды, высотой 25—30 см, с диаметром отверстия в 25 см; книзу корчаги постепенно суживаются. Внизу, на высоте 3—4 см от дна, в корчаге сделано небольшое круглое отверстие, затыкаемое деревянной палочкой, обмотанной тряпочкой или куделей; отсюда вытекает готовое сусло. В корчагу на дно кладут крест-накрест несколько лучинок, сверх которых помещают чистую солому. На солому наливают приготовленную закваску и доливают корчагу водой. Корчаги ставят на ночь в печь, предварительно хорошо ее истопив. Затем, корчаги вынимают, дают им остыть и начинают „точить пиво“. Для этого устанавливают так называемый „побег“ — хорошо выструганную толстую доску, длиной 1½—2 м, с двумя-тремя продольными желобками на верхней стороне. „Побег“ устанавливают на каких-нибудь двух посудинах (кадки, чугуны) разной высоты, чтобы у „побега“ получился наклон. У нижнего конца „побега“ ставится кадочка; на „побеге“ устанавливаются корчаги (фиг. 33). После этого у корчаг вынимаются затычки, и из них понемногу начинает вытекать сусло. По мере того, как корчаги освобождаются, их доливают сырой водой до тех пор, пока цвет сусла начнет уже значительно светлеть. Сусло вытекает довольно чистое, так как положенная в корчагу гуща придерживается соломой, и через отверстие в корчаге сусло выходит как-бы через соломенный фильтр. По мере наполнения кадочки под „побегом“, сусло из нее сливают в лагун, несколько больший того, в каком

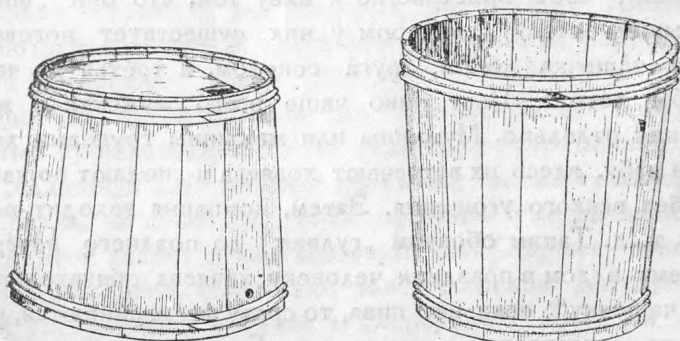
¹ Фабричная марка: Г. Машаров. Гурьев. Тюмень.

держат квас. Из одной корчаги получается два ведра пива. Наиболее употребительны для пива лагуны, вмещающие 8—10 ведер. Такой лагун представляет собой бондарную посуду, высотой около $\frac{1}{2}$ м, с диаметром нижнего дна 50—60 см,

Фиг. 33. Сбегание пива по побегу. Д. Печи.

а верхнего 40—50 см; таким образом, лагун несколько суживается кверху и имеет устойчивое положение. Пиво вливают через отверстие в верхнем дне; это отверстие вырезается в виде прямоугольника (размер 10×3 см) и закрывается деревянной „втулкой“ (фиг. 34). Выпускают пиво через круглое отверстие,

Фиг. 34. Лагун и квашня. Д. Печи.

сделанное в одной из боковых стенок внизу, на расстоянии 10—12 см от нижнего дна. Это отверстие затыкается деревянным „гвоздем“. После того как „напоточат“ все пиво и перельют его в лагун, прибавляют мед. В пиво кладут от 1 до 4 кг меда на ведро; таким образом на средний лагун, вмещающий 8—10 ведер пива, идет от 12 до 40 кг меда. Некоторые хозяйки в пиво кладут хмель, который предварительно парят в корчаге,

а потом сливают в лагун. Говорят, что раньше класть хмель считали за грех,—это все равно, что табак. Пиво считается вполне готовым, если постоит в лагуне с неделю, раньше же этого срока будет еще недостаточно крепкое. Стоять же пиво может в лагуне с месяц, но только в него нужно время от времени добавлять меда, если же этого не делать, то оно скиснет. Приготавливают и „вошшйнное пиво“, где в дело идет не мед, а „хлебина“ из меда; говорят, что от него хуже болит голова.

Когда пьют пиво, то из лагуна цедят его в ведра, из которых разливают ковшом в чашки, называемые „касэшками“. Резные скобкари, енды и деревянные ковши для пива, столь распространенные еще в недавнее время повсеместно у северновеликоруссов, на Бухтарме вовсе неизвестны. Перед тем, как пить пиво, кержак всегда перекрестится и иногда пробормочет молитву. Пьют пиво в праздник все,—от маленьких детей до глубоких стариков. Пиво дают даже грудным детям, считая, что следует приучать к пиву с малых лет. Пива выпивают в праздник большое количество. В обычное воскресенье нередкость встретить дома, где в один день гости выпивали 5—6 ведер пива. Вкус пива несколько горьковатый, и кержаки объясняют свое пристрастие к пиву тем, что они „впились“, „привышны стали“, недаром у них существует поговорка — „пёрва чашечка колóm, другá соколóm, а трётья да четвёрта с бичóm летит“. Пьет пиво чаще всего мужская и женская компания отдельно. Мужчины или женщины группами ходят из избы в избу, здесь их встречают хозяева и „подают по чашечке“ пива без всякого угощения. Затем, компания заходит в другой дом и т. д. Таким образом „гуляют“ до позднего вечера. Зашедшему в дом в праздник человеку хозяева обязательно „подают чашечку“; если нет пива, то сразу же извиняются, что нет пива, не приготовили к этому дню. Если же не подают, то это принимается как оскорбление. Гость, отказываясь от пива, наносит оскорбление хозяевам. В праздник и подростки „гуляют“ таким же образом. Парни и девицы (от 12 лет) собираются компаниями и ходят из дома в дом, где имеются парни или девицы. Парни рассаживаются по лавкам, девицы садятся к ним на колени (см. ст. „Одежда..“). Угощает, обходя всех с ведром и подавая чашки и стаканы, парень или девица,—хозяева этого дома. Посидев недолго таким образом в одном доме, компания молодежи переходит в другой дом и т. д. В большие

праздники гуляют не один день, а несколько (3—4) под ряд. После праздника от крепкого пива у всех болят головы, и в понедельник утром в большинстве случаев взрослое население долго спит, хозяйки кое-как готовят обед, бывает, что и коров не доят. В понедельник, обычно, еще догуливают, ходят опохмеляться к тем, у кого осталось пиво от воскресенья. Бывает, что к вечеру опять напьются, так что опохмеляться приходится во вторник. В розговенье, после Успенского поста, в некоторых домах „гуляли“ с воскресенья до пятницы, а там, на следующий день, в субботу, у кого-то подоспела помочь, и большая часть населения пила и в субботу и в следующее воскресенье. Говорят, что на святках зимой „гуляют“ и пьют пиво не одну неделю под ряд.

Самогон и кержаки употребляют редко, хотя способы перегонки вина им известны. В некоторых домах гонят самогон для помочан, главным образом для переселенцев, которые предпочитают самогон пиву.

Чай кержаки вовсе не употребляют, считая пить его за грех. Но, несмотря на это, почти в каждом более или менее зажиточном доме имеется самовар, плиточный чай и чайная посуда. Держат все это для заезжих гостей из мирских и для работников — казаков, для которых обязательно готовят чай. Чай употребляют всегда плиточный; если его не имеется в лавках, то заваривают бадан (*Saxifraga crassifolia*), в изобилии растущий по склонам. Для чая употребляют побуревшие кожистые прошлогодние листья бадана, уже утратившие горечь. Пить „баданйше“, по мнению кержаков, так же грешно, как и чай. Правда, за последние годы мужчины уже начинают преступать этот запрет и изредка пьют чай. Старшее поколение, особенно женщины, соблюдают завет стариков. „Австрийские“ же чай употребляют наравне с „мирскими“. Для чая держат обычную чайную посуду, т. е. чашки с ручками и блюдцами. Эти чашки в строгих „стариковских“ домах употребляют только для чая. Для других потребностей имеются стаканы и „касешки“. Многие старики считают за грех пить пиво из чайной чашки с ручкой.

В течение дня принятие пищи распределяется следующим образом. Утром, в 7 часов, бывает обед, около полудня — паужина, вечером — ужин. Каждый раз едят: 1) „шти“ (молосны, толсты, жидки) или уху, или же в постные дни квас с огурцами,

2) кашу, 3) молоко или в постные дни мед с хлебом. В зажиточных семьях, а также в праздники число блюд увеличивается.

На свадьбу, кроме различных праздничных блюд, пекут пирог, называемый в Ясаке „курник“ или „сладкий пирог“. В первом термине переживает древнее название ритуального свадебного пирога, широко известного у русских. Бухтарминский курник печется из крупчатки, имеет овальную форму, внутрь его кладут варенье, сверху украшают ягодами. Едят его, как обычно „курник“—ритуальное блюдо, после всего.

На поминки устраивают обед, на который приходят все, кто хочет. Чем больше накормят людей, тем лучше для покойного. На поминки по взрослым иной раз приходит столько народа, что накрывают столы до десяти раз. На поминках подают в постные дни „толстые шти“, „горошницу“, кашу, черемуху с медом, квас с огурцами, мед. В мясоед подают мясные „шти“, кашу, картофель, мед, кисель из муки. Блинов специально для поминок не пекут.

При поездках на работу на несколько дней на пашню или на пасеку берут с собой „запас“, состоящий из печеного хлеба, крупы, масла, сметаны, сухарей. Все это везут в сумках. Когда „запас“ выйдет, то кто-нибудь приезжает за ним в деревню.

В дальний путь, при уходе на охоту или рыбную ловлю, берут с собой сухари, крупу, сушеную рыбу, иногда толченую.¹

IX. НАРОДНАЯ ТЕХНИКА

Обработка волокнистых веществ. Из технических растений, дающих волокно, в ясачных деревнях сеют лен и коноплю, последней очень немного. Посевы льна в настоящее время также незначительны, так как „лянной“ холст идет лишь на полотенца, скатерти и смертную одежду и, отчасти, подставки рубах; все остальное шьется из покупного материала; конопляный холст идет на палатки, мешки и рабочую „лопоть“ (напр., чембары); из пеньки вяжут веревки.

Обработка льна производится по тому же способу, что и всюду; в связи с этим, общерусскими являются употребляемые при этом орудия: мялка, обычного типа, представляющая со-

¹ Об обыкновении бухтарминских каменщиков питаться в дороге толченой из сухарей и сушеной рыбы упоминает уже Гуляев в „Сибирских Ведомостях“ за 1845 г. № 20.

бой узкий ящик, на стойках, над которым ходит вверх и вниз большой деревянный нож, укрепленный на оси на одном из узких концов ящика (фиг. 35); трепало в виде деревянного большого ножа; гребень для чесания льна; круглая щетка для пачесования льна; прядут с прялки на веретено. Прялки употребляются с копылом и широкой лопаской, так называемые „прялки или прялицы коренные“; делают их сами, причем идет все больше „кедра“ и „ельник“, так как эти деревья дают

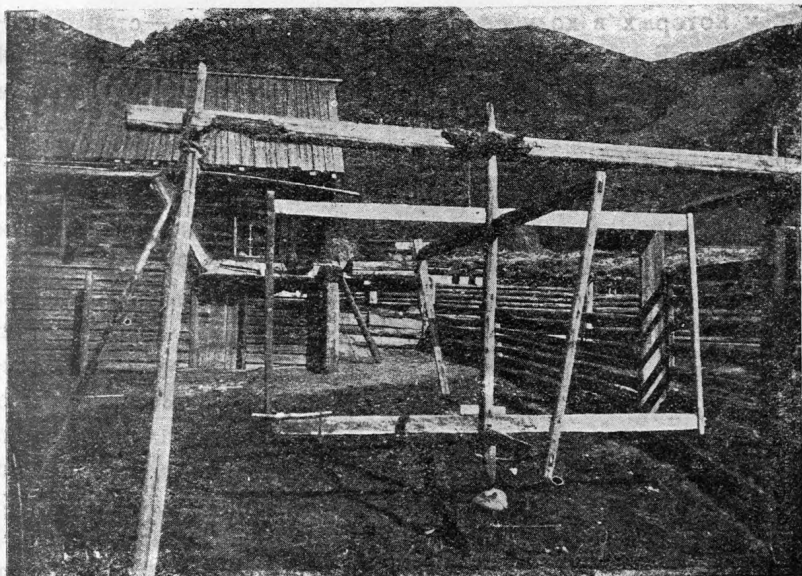
Фот. А. Н. Белослюдова.

Фиг. 35. Мятые льна. Д. Быкова.

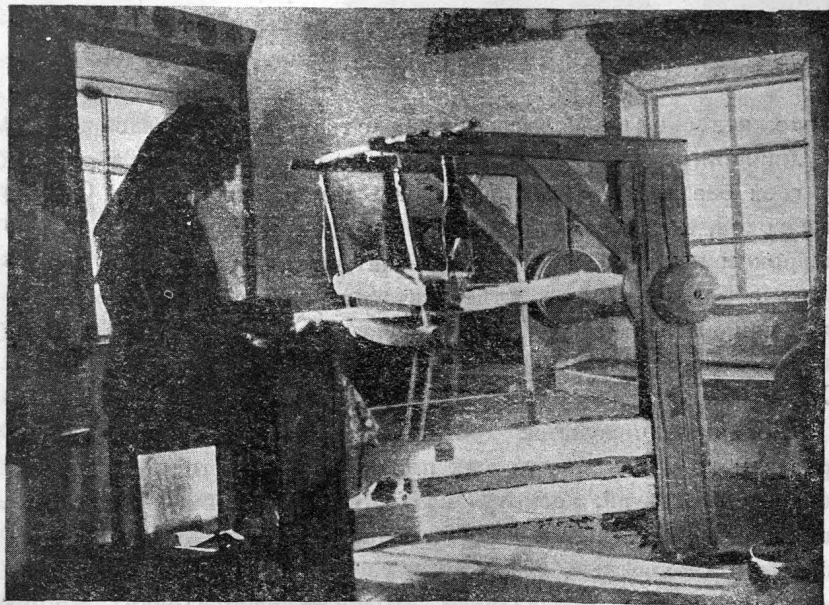
удобные для донца корни, отходящие от ствола под прямым углом; окрашивают их больше масляной краской, реже встречается роспись; расписные прялки делались „до восстания“ в деревне Коробихе (табл. I), причем роспись того же характера, что и в жилище; на рисунке прялки виден с одной стороны выступ; он сделан, чтобы при работе с прялкой „стегну (т. е. бедру) не было больно“; гораздо реже встречаются прялки „с вырезкой“ т. е. с резьбой; самопрялки пока еще крайне редки. Веретена точат сами,¹ причем встречаются веретена различной толщины, украшенные балясинами и горизонтальными чер-

¹ Веретена точат на ручных лучковых станочках обычного типа.

ными поясками. С веретена пряжа идет на „мотовило“, состоящее из длинной палки с более короткой поперечиной; для разматывания ниток служат „воробы“, представляющие крест из двух длинных планок, надетый на стержень, вбитый в подставку; надетые на воробы нитки сматываются для дальнейшего тканья или на цевки (для утка) или на сновалку (для основы); для наматывания цевок применяется „скальница“, состоящая из железного стержня с железным же колесом, вращающегося на двух изогнутых железках, вбитых в деревянные стойки, в свою очередь врубленные в полено и на половине высоты соединенные поперечиной. Для снования основы предварительно перематывают нитки на „тюрики“ (соответствующие общерусской вьюшке); тюрик—род круглого барабана—представляет собой два деревянных круга, соединенных шестью стержнями, пропущенными по окружности кругов; в центре кругов—круглые отверстия, которыми тюрик надевается на вьюху—станочек, состоящий из горизонтальной оси, укрепленной в вертикальной стойке, врубленной в лежащую плаху; с двух таких тюриков пряжа сматывается на сновалку; последняя устраивается всегда около дома (фиг. 36) и представляет собой обычную сновальню, состоящую из двух больших деревянных рам, соединенных перпендикулярно друг другу; в месте соединения проходит вертикальная ось, вращающаяся нижним концом в камне или деревянном обрубке, верхним—в горизонтальной жерди, укрепленной большей частью одним концом на изгороди или стене постройки, другим—на специальной стойке. Эти сновальни отличаются от распространенных в Великороссии и Украине, своей как бы сплюснутостью по вертикальной линии: здесь каждое крыло сновальни представляет собой квадрат, в то время, как в Европейской части Союза крыло является прямоугольником, вытянутым по вертикали; кроме того, в Европейской части Союза сновальни устанавливаются обычно в помещении—в подполье на севере и в избе или сарае—на юге, так что ось опирается большей частью в матицу; на Бухтарме же их ставят всегда в ограде под открытым небом или в проулке между домами. Со сновалки пряжа снимается в виде плетенки, затем, путем сложных манипуляций (общераспространенного типа), переводят ее на ткацкий стан—„красна“. У ясачных крестьян распространен обычный ткацкий стан, с навоем и пришвой (фиг. 37), отличающий их от „поляков“, напр., деревни Солдато-

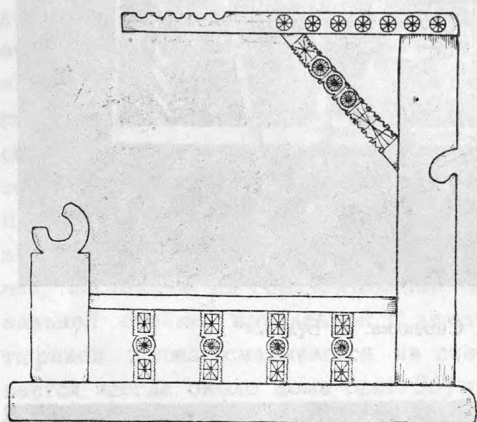
Фиг. 36. Сновалка. Д. Белая.

Фот. А. Н. Белослюдова.

Фиг. 37. Ткацкий стан. Д. Быкова.

вой, у которых в ходу более совершенная форма—стан с нижней пришвой, более удобный для работы (т. е. с грудницей вместо обычной пришвы и с наборным валом или навоём для ткани внизу), носящий у ясачных название „пóльские красна́“. Терминология стана северно-великорусская: краснины — остов стана, красёна снасть—все оборудование стана: навой, пришва, притужальник, кружки (блоки), бадышки (палки, на которых висят нитченки), ценки (ценова), набёлки, подножки.

Фиг. 38. Резьба на ткацком стане. Д. Печи.

В настоящее время станы большей частью ничем не украшаются; прежде можно было встретить на них резьбу, довольно простую по технике (фиг. 38).

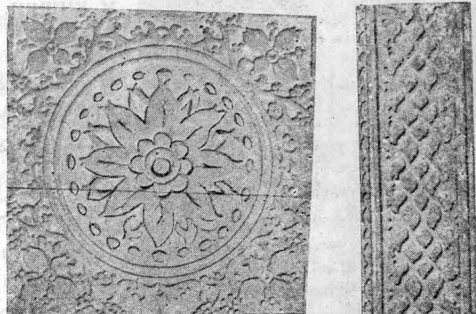
Как сказано выше, в прежнее время, когда ходили в домотканной одежде, ткань занимало гораздо большее место в быту, чем сейчас. Несмотря на очень распространенные в обиходе китайские шелковые и бумажные ткани, все же большая часть будничной одежды, особенно у менее состоятельных, а рубахи у всех без исключения, шились из домашнего холста. С 80-х же годов, когда продукция Центрально-промышленной области широким потоком хлынула на азиатские рынки, в крае появились в большом количестве миткали, ситцы, кашемиры и пр. и стали вытеснять холст. Большую роль в этом сыграло правильное пароходство по Иртышу, начавшееся с первых годов XX столетия.

Большого искусства достигли кержачки в узорном тканье различного типа. Так, до сих пор широко практикуется тканье браных скатертей, несмотря на бытование набивных скатертей, покупных камчатных и даже клеенки. Браные скатерти ткуются белые, одноцветные, выбирается узор большей частью „в клетку“, при помощи специальной иголки — „набираленки“. Кроме того, распространены пестрые скатерти, тканые с большим числом нитченок, в 2-4-6-8 цепов.

На этом же стану ткнут и половики, и грубый жесткий конопляный холст, и невода, и различные пояса. При тканье поясов набелки с бердом снимаются, и стан насновывается без них; для прибывания утка служит деревянное трепальце.

Набойка не имеет и не имела широкого распространения в ясачных деревнях, как это было известно в прежнее время в деревнях северно-великорусских. В настоящее время один-два переселенческих дома на деревню занимаются набивкой холста, как одним из подсобных промыслов. Набивают почти исключительно скатерти, реже — оборку у кровати („околёдок“). Для набивки употребляют „половые“ (т. е. масляные) покупные краски, применяя при работе покупной же сикатив, способствующий высыханию масла.

Набивают на красном холсте зеленый узор, на синем — красный, на белом — синий, коричневый. Так, в одном таком хозяйстве в д. Белой, у приезжих из-под Усть-Каменогорска имеются для набивки две доски (фиг. 39): квадратная для середины и длинная узкая для полей скатерти; узор для центральной доски набойщица (видавшая в детстве набивание холстов своей матерью и решившаяся здесь заняться этим делом) скальвала с пикейного одеяла и потом просыпала узор на липовой доске углем; мастер—столяр прочертил карандашем и выстрогал, за что получил 160 кг хлеба; рисунок же для поля она составила сама („полё своей выдумки“). Набивая скатерти—она варьирует густоту заполнения узором: так, заказчикам — кержакам набивает всю скатерть сплошь (т. к. „хресьяны сплошное любят“), заказчикам же — своим т. е. переселенцам „с уступкой“, т. е. оставляя белые просветы между узором. При интенсивной работе успевае набить 10 скатертей в день.

Фиг. 39. Набойные доски переселенцев.
Д. Белая.

Витье веревок из пеньки производится при помощи специальной „вьюхи“, состоящей из стержня, на который на-

Витье веревок из пеньки производится при помощи специальной „вьюхи“, состоящей из стержня, на который на-

деты две крестовины, соединенные четырьмя вставными стержнями; обычно стержень укрепляется где-нибудь в стене и, крутя вьюху, с нее спускают веревочный жгут; далее, чтобы свить веревку из трех жгутов, употребляется приспособление, которое часто на Бухтарме можно видеть в досчатом заборе около дома: три отверстия в одном ряду, через которые пропускают три рукоятки, к ним прикрепляют концы жгутов, и далее вьют веревки обычным способом.

Фиг. 40. Корыто для валянья сукон.
Д. Коробиха.

Обработка продуктов скотоводства. Из животных продуктов идут в обработку овечья шерсть, свиная щетина, коровьи рога, кожа, конский волос, сало и кишки. Грубая овечья шерсть, „жишка“ редко обрабатывается самими кержачками; уже в давнее время для этой работы нанимали казакских женщин, которые ударами палочки разбивали невытую шерсть. С появлением в крае переселенцев, эту работу, отчасти, стали выполнять и они, разбивая шерсть при помощи шерстобойной струны (лучок со струной обычного типа). Разбитая овечья шерсть идет дальше для прядения (из шерстяной пряжи ткнут шерстяную ткань и вяжут варежки) и валянья (катают шляпы и валенки, именуемые здесь пимами); в то время как ткнут и вяжут сами кержачки, валяльное производство находится всецело в руках переселенцев (лишь войлок и шерстяные веревки — арканы — кержачки всегда покупают у казаков); сами валяют лишь сукно при помощи так называемой „машины“; это — открытое с двух концов корыто с рубчатим дном (фиг. 40); при работе его „подмостят“, т. е. укрепляют на стойках, кладут в него шерстяную ткань, поливают горячей водой и два человека с двух концов валяют ткань с помощью большого валька; нижняя поверхность валька — рубчатая, у него две ручки на противоположных концах.

Из свиной щетины делают „шшотки свиинные“ для чесания льна. Для этого связывают пучок щетины, прикрепляют к нему деревянную ручку, обмотанную холстом; толкут листовническую серу (т.е. смолу), которую собирают с листовниц при помощи ножа, растопыривают свободные концы щетины, насыпают туда песка или проса (с песком—получается тяжелее, с просом—легче), потом насыпают растолченной серы, закрывают куделью и помещают в печку, где сера расплавляется, после чего щетку выносят „на улку“, тогда сера застывает, и „шшотка“ готова.

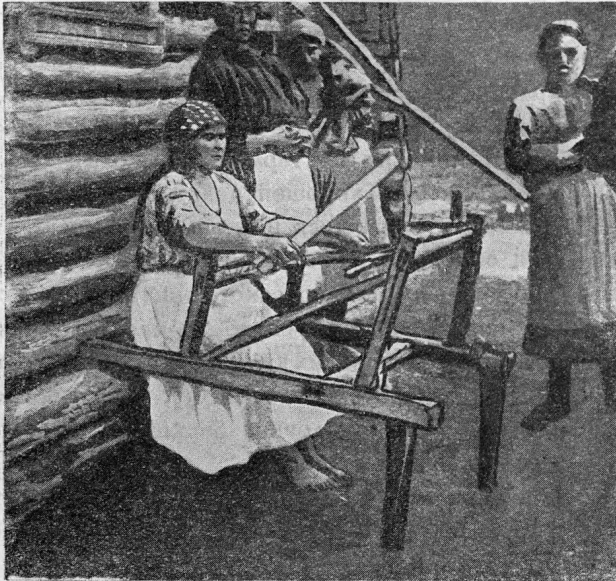
Из коровьего рога кержаки делают главным образом рожки для хранения пороха и дроби; в тех деревнях, где уже имеют значение кустарные промыслы (отчасти, Коробиха, а главным образом ниже по Бухтарме, д. Быкова), изготовляют роговые гребни, довольно хорошей работы.

Кож и домашних животных и сами выделывают, и сдают на заводы (при обработке для снятия „мездры“ употребляют крюк обычного северно-великорусского типа); небольшой кожевенный завод, пользующийся успехом у местного населения, имеется на р. Белой в нескольких километрах ниже деревни того же названия. При отдаче кож в выделку, к ним привязывают бирки с нарезками, причем половина бирки остается при коже, половина—у ее владельца.

Из конского волоса (преимущественно взятого из хвоста) ткнут сита, решета и сетки от пчел, причем в настоящее время этот промысел находится в руках переселенцев, в прежнее же время этим делом занималась менее состоятельная часть кержаков. Станок для тканья из конского волоса устроен следующим образом: волосяная „основа“ натягивается на две поперечины, каждая из которых укреплена между двумя стойками, врезанными в горизонтальную раму из четырех планочек, положенную на четыре ножки. Для укрепления стоек и для держания основы в натянутом состоянии между нижними концами передних стоек и верхними—задних, вдвинуто по косой „распорке“ (фиг. 41).

Для получения зева служит „ниченка“, состоящая из круглой палочки с навязанными на ней петлями, через которые пропущены через один волоски основы; к обоим концам „ниченки“ привязана веревка, образующая петлю; если потянуть веревку вниз, то опускается „ниченка“, и вместе с ней опу-

скаются и все пропущенные через нее волоски основы, составляя нижнюю часть зева; при отпускании же веревки опущенные волоса снова поднимаются (так как вся основа туго натянута), и нижнюю часть зева составляют уже непропущенные волоски основы, так как с пропущенными они лежат не на одном уровне, а отстоят на толщину второй круглой палочки (это так называемые „цены“), которая за ниченками вдвинута между четными и нечетными волосками основы. Основа привязывается

Фиг. 41. Тканье волосяных сит переселенцами. Д. Белая.

к поперечинам (при сновании) с помощью плоской деревянной „иглы“, подобной тем клешкам, которыми вяжут рыболовные сети, около 25 см дл. Волоски утка пробрасываются через зев с помощью плоской деревянной „трепалки“, около 60 см длиной и $3\frac{1}{2}$ см шириной, на овальных концах которой сделаны надрезы вроде крючков для захватывания волосков утка. При тканье, обычно берут сразу пучок в 6—10 волосков, связывают его на одном конце и пробрасывают каждый из волосков по отдельности, затем берут следующий пучок, но так что общий узелок кладется с противоположного бока ткани; таким образом, узелки идут, чередуясь, справа и слева. Для прибавления утка

служит та же трепалка. Ткань получается шириной около полметра. Чтобы вы ткать сетку от пчел, ткут „одноволоску“, т. е. тонкую сетку, где основа и уток состоят из одного волоска; волос для одноволоски берется исключительно черный, чтобы не рябило в глазах при надевании этой сетки. Для сит (которых много требуется в хозяйстве для промывки зерна) ткут сетку в два волоса, так называемый в технике „межеумок“. Для решета ткут „решетню“, т. е. более крупную сетку, для которой скручивают толстые нити из 8 волосинок; интересно, что для скручивания нити употребляется очень примитивный прием, а именно: волоски „скут“ на голом бедре. Сита и решета ткут и из темного, и из светлого волоса. Обычно работают сетки из материала заказчика (выщипывающего волос из хвоста живой лошади); за работу берут 70 к.—1 р. или 70 к. + 400—800 г меда или даже только 800 г меда. Цена за работу зависит от времени года, так как, когда нужно сито или сетка, кержаки платят за работу дороже.

Сало домашних животных, главных образом крупного рогатого скота, идет на свечи (см. „Освещение“). Кишки идут на приготовление мыла: для этого их провяливают на веревке¹ и вываривают с содой—получается черное мягкое мыло; такого же вида мыло, так называемый сабун, готовят и казакские женщины; для этого они пережигают полынь и получившуюся золу варят с перетопленным салом. В с. Сенном золу для сабуна получают также из репы и лебеды.²

Освещение. Во многих сторонах быта бухтарминских старообрядцев уже неоднократно указывалось бытование весьма древних форм наряду с поздними нововведениями. Лишним примером этого могут служить способы освещения, сохраняющие пережитки старины. В каждом доме имеется одна, или чаще, несколько керосиновых ламп, но ими далеко не всегда приходится пользоваться, так как весной, летом и осенью очень трудно сюда доставлять керосин и легко бьющиеся ламповые стекла; только по зимнему пути идет более удобная доставка этих товаров в кооперативы. По словам кержаков, до войны

¹ При обходе кержацкой деревни бросается в глаза всевозможное сырье животного происхождения, сушащееся или вялящееся на воздухе: полоски мяса, кишки, шкуры домашних животных, шкурки барсуков, маральи рога и пр.

² Б. Герасимов. Ор. cit., стр. 73.

керосин употребляли только при шитье, после революции керосин получил более широкое употребление. Ввиду перебоев с доставкой керосина, население обычно пользуется теми продуктами для освещения, которые им дает их хозяйство.

В то время как в русских деревнях Европейской части Союза в таких случаях население прибегает к освещению при помощи лучины, здесь, на Бухтарме лучины не знают и не помнят, чтобы ее когда-нибудь употребляли. О существовании лучины знают только от переселенцев. Вместо дымной лучины на Бухтарме освещают избы самодельными свечами—восковыми и сальными.

Ввиду того, что пчеловодство одно из давних занятий местного населения, воск всегда имелся и имеется почти в каждом хозяйстве в достаточном количестве. Приготавливают восковые свечи следующим образом. Берут кусок воска, опускают его в горячую воду для того, чтобы он размяк, затем, от этого куска отделяют небольшой комок, растирают между руками, чтобы он принял удлиненную цилиндрическую форму. Затем этот комок воска кладут на доску, употребляемую только для изготовления свечей, и разминают его на доске так, чтобы получилась плоская, удлиненная лепешка, на которую в длину кладут „светиленку“, т. е. фитиль. Фитили делают из льняной ссученной пряжи. Затем начинают двумя руками катать воск по доске, закатывая фитиль. Этот процесс носит название „скать свечи“, термин употребляемый в русских говорах для раскатывания теста, т. е. для того же самого процесса.

Прием раскатывания свечей между двумя дощечками для их выравнивания на Бухтарме не имеет распространения, равно как и другие, несколько более совершенные способы приготовления восковых свечей, встречаемые во многих пчеловодных районах.¹

Обычно восковые свечи скатывают длиной до 50 см, в диаметре 2—3 см. Тонких свечей, какие употребляются в церковном обиходе, не делают. Главное назначение восковых свечей—зажиганье в молебне около икон и в праздники при молитве у домашней божницы. Как в том, так и в другом случае новую

¹ Ср. А. К. Сергпутовский. Бортничество в Белоруссии. Материалы по этнографии, т. II, Пг. 1914, стр. 31 и коллекция Этнографического отдела Русского музея № 1516 из Виленской губ. Свенцянского уезда от старообрядцев-федосеевцев.

восковую свечу прилепляют к борту божницы серединой и, по мере сгорания, поднимают выше. Нагар со свечей в моленные снимают ножницами. Для домашнего обихода восковые свечи употребляют редко.

Для домашних нужд употребляются сальные свечи. Их делают чаще всего из „скотского“ (т. е. коровьего) сала; лучшим считается маралье и „яманье“ (козьиное) сало, самым плохим считается свиное сало, которое употребляют только при недостатке другого. Обычно, в среднем хозяйстве, коровьего сала имеется достаточное количество, так как в скоромные дни употребляется постоянно мясо, и скотина режется в большом количестве. Из сала же, получаемого с одного быка, выходит до сотни свечей. Сальные свечи имеются в каждом хозяйстве, хранятся они, обычно, в погребе, чтобы не таяли, и по мере надобности, берутся оттуда в избу. Даже в тех случаях, когда имеется керосин, свечей заготавливают значительное количество, так как лампа горит только в избе, а при спуске в подполье, хождении в сени, кладовые, наконец на двор в темное время употребляется свеча. Зимой, при молотье на гумне также жгут в большом количестве свечи, которые вставляются в фонарь или прикрепляются к столбу клуни при помощи подсвечника с острием.

Сальные свечи изготавливаются двумя способами — литьем и маканьем. Наиболее распространен первый способ — литье свечей. Для этого имеются особые формы, называемые лейками. Лейки употребляют металлические — оловянные и цинковые; они представляют собою трубку, длиной 30—35 см с диаметром в 2—3 см. На одном конце трубка немного суживается (по

Фиг. 42. Литье сальных свечей.
Д. Печи.

форме верхушки свечи) и имеет небольшое отверстие для прохода фитиля, другой конец имеет воронкообразное расширение (фиг. 42). При изготовлении свечей через лейку пропускают фитиль, заранее напряденный и ссученный большой длины. Заготовленный длинный фитиль обычно наматывают на щепочку. Для пропуска фитиля в лейку, из свободного конца фитиля делают петлю по длине лейки, концы петли продевают сквозь форму; получившаяся петля удерживается на воронке при помощи небольшой лучинки; концы петли, продетые сквозь отверстие в узком конце лейки, завязываются узлом; отверстие лейки затыкается куделей или щепочкой. После этого фитиль отрезается и вставляется таким же образом в следующую лейку. Еvidу такого способа продевания фитиля сквозь лейку, фитиль внутри свечки не скручен, при горении часто получается раздвоенный конец фитиля. Все это уменьшает качество свечей, и самодельные кержацкие свечи горят значительно тусклее, чем покупные стеариновые. Сало, предназначенное для литья свечей и уже заранее перетопленное, кладут в небольшой горшок и ставят в печь, чтобы растопилось. Если это будет горшок с носком, то из этого горшка через носок льют растопленное сало в воронку лейки (фиг. 43). Если же сало растоплено в горшке без носка, то в лейку сало переливают ложкой (фиг. 42). Когда нужно изготовить много свечей одновременно, то употребляют несколько леек и вставляют их в станок, представляющий собой низкую деревянную скамейку на ножках, в верхней доске которой выдолблено неглубокое корытце, в котором сделано несколько (4—6) отверстий такой величины, чтобы сквозь них проходила лейка (фиг. 43). Этот деревянный станок весьма сходен с описанными Иваницким¹ „левками“ в Вологодской губернии, которые представляют собой жестяной ящик, соответствующий бухтарминскому станку. Деревянные же станки употребляются и у некоторых народностей Сибири, заимствовавших их у русских. Лейки с салом уносятся в холодное место, когда же сало застынет, готовые свечи вынимают из леек и хранят отдельно. Льют свечи при помощи леек в любое время года, так как лейки для застывания всегда можно унести в подвал. Таким образом, по мере накопления сала, свечи изготовляются круглый год.

¹ Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность. Живая Старина, 1898, вып. I, стр. 30.

Другой способ изготовления свечей—маканье, чаще всего применяется в холодное время года, в теплое время только в случае нужды. Состоит он в следующем: отрезаются нужной длины фитили и перекидываются через палочку или лучинку. Эта лучинка с висящими через нее парными фитилями опускается в большой сосуд с растопленным салом. После опускания („маканья“) лучинку вынимают для того, чтобы сало, осевшее на фитили, застыло на них. После этого, лучинку с фитилями опускают опять в сало, только менее горячее, чтобы не

Фиг. 43. Литье салвых свечей со станочком. Д. Беляя.

растопить уже осевшее на фитилях сало; затем, опять дают салу застыть и т. д. до тех пор, пока свеча не получится нужной толщины. „Маканые“ свечи от литых в лейке отличаются несколько бóльшей длиной и меньшей толщиной, а также тем, что их поверхность не так ровна, как в литой свече, вследствие неравномерного сплывания сала сверху вниз и недостаточности чистого состава самого сала; наплыв сала всегда получается несколько бóльший у конца свечи. Для выравнивания толщины свечей, их опускают в горячее сало не целиком, а до $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ длины, чтобы растопился наплыв, получившийся на нижней части свечи. Маканые свечи в настоящее время уже

перестают делать в Печах и Коробихе, где чаще встречается керосин, так как от этих деревень колесная дорога до Катон-Карагая короче. Зато в Белой, Фыкалке и Язовой этот способ употребляется наряду с литьем.

Способы изготовления свечей на Бухтарме в сущности мало отличаются от производства свечей на мелких кустарных заводах. Формы для литья свечей, распространившиеся повсеместно в Западной Европе и в России лишь в XVII веке, сохраняются до настоящего времени в глухих районах, между прочим, у русских такие формы отмечены в ряде мест. Способ изготовления свечей путем макания известен у русских давно, еще до появления литья свечей.¹

Свечи вставляют в различные подсвечники; на Бухтарме встречаются подсвечники глиняные, изготовленные хозяевами без помощи гончарного круга, затем деревянные точеные и металлические; последние нередко имеют заостренную ручку, которую можно воткнуть в щель или паз бревенчатой стены.

Таким образом, самым распространенным способом освещения у бухтарминцев являются свечи. В тех же случаях, когда свечей по каким-либо обстоятельствам не успели наготовить, то употребляют для освещения так называемый „жировик“, называемый в других местах у русских плошка или сальник, а у украинцев каганец. Для этого обычно употребляется глиняная плошка с носиком, слепленная руками, около 10 см в диаметре, или просто какая-нибудь металлическая посуда, маленькая сковорода или же в настоящее время старая эмалированная тарелка. В эту посуду наливают немного растопленного сала, а в него кладут небольшую тряпочку, изредка лучинку, которую и зажигают. Сало постепенно наливают понемногу, для того, чтобы горящая тряпочка держалась все время на поверхности. За неимением сала, наливают также коровье масло. Такой способ освещения широко распространен по всему Алтаю.

Гончарство. Гончарная посуда имеет широкое распространение в кержацких деревнях, особенно вследствие того, что значительное место в хозяйстве занимает скотоводство, продукты которого требуют большого количества посуды. Специальных мастеров, изготавливающих глиняную посуду, в обследо-

¹ Журнал Министерства Внутр. Дел, т. XXXIV, 1859, № 3, стр. 31.

ванном районе не имеется. Это — дело хозяйки каждого дома. Если же хозяйка не умеет, то за определенную плату, чаще натурой, просит изготовить для себя посуду какую-нибудь родственницу или соседку. Чаще всего, изготовленную другими посуду хозяйка обжигает сама. Только в Коробихе отмечено меньшее число женщин, умеющих делать посуду, и в этой деревне некоторые изготавливают ее специально на продажу. Кринки продают по 8—10 коп., корчаги от 20 до 50 коп. Кроме того, в этой же деревне чаще попадает привозная гончарная посуда, что очень редко в самых дальних деревнях: Белой, Язовой и Фыкалке, где вся посуда изготовлена женщинами-кержачками. В данном случае имеем пережиток, весьма характерный для большинства мест Сибири, где глиняная посуда изготавливается женщинами для своих домашних нужд, а не мужчинами.

Для изготовления глиняной посуды употребляют красную глину. Лучшая глина находится в горах между Белой и Печами. Туда ездят из Белой и Печей верхом с сумами за глиной, которую, как говорят в этих деревнях, „колупают“ ножом и лопатой и привозят по 48 кг в сумках. Глину рассыпают на палатке, перемешивают с песком, причем на одну часть песка кладут две части глины. В глину прибавляют сыворотку из-под простокваши. Глину с песком топчут ногами до тех пор, пока она не защелкает и не пойдет „ноздрями“, т. е. пока не начнут образовываться пузыри. Когда „топь“¹ готова, то начинают „ладить“ или лепить посуду. Для этого потребляется гончарный круг, который имеется не в каждом хозяйстве. Если же свободного круга нет, то горшки делают на сковороде. В данном случае употребляется сковорода, а не какая-нибудь круглая доска, потому что сковороде удобнее вращать, так как она имеет загнутые сверху края, за которые можно брать для поворачивания сковороды в ту или другую сторону. Применение сковороды для изготовления посуды является пережитком от того времени, когда для приготовления посуды вовсе не употреблялся гончарный круг, а применялась только какая-либо плоскость, которую можно было бы повернуть вместе с изготавливаемым горшком той стороной, которая нужна для отделки в данный момент работающему. Приготовление горшков на сковороде является на Бухтарме наиболее старинным приемом, аналогичным приему работы на

¹ Топь—количество перетапываемой за один прием глины.

круглой дощечке, указанному Д. К. Зелениным в б. Акмолинской области.¹ Следующий этап представляет ручной гончарный круг со столбиком, карусельного типа. Этот круг представляет собой пихтовый чурбан, который сверху до половины высоты так отесан, что имеет как бы вертикальный стержень, на который насажен вращающийся круглый обрубок дерева с

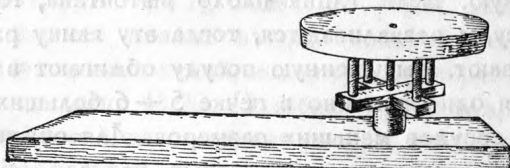
Фиг. 44. Ручные гончарные круги. Д. Фыкалка.

верхней плоской стороной. Такого типа круг, предназначенный для приготовления мелкой посуды, обычно имеет диаметр 25 см и общую высоту около $1\frac{1}{2}$ м. Нижняя часть чурбана называется стульчик, стесанная в виде стержня—столбик, верхняя круглая доска—круг (фиг. 44). Для изготовления круга, предназначенного для крупной посуды—преимущественно корчаг, берут чур-

¹ Д. К. Зеленин. Прimitивная техника гончарства „налепом“ (au colombin) в Восточной Европе. Этнография, 1927, № 1, стр. 95.

бан высотой 60—70 см, с диаметром 30—35 см. Такого рода гончарный круг известен и у уймонских каменщиков.¹ При работе с таким кругом, горшечница сидит на лавке в избе, если работа происходит зимой, или на стуле или скамеечке в ограде, если работа производится летом, (фиг. 44). Кроме этого вида круга, наиболее распространенного в дальних деревнях, известен и другой вид ручного круга, так называемый „круг с беседкой“, тоже карусельного типа, близкий по своей конструкции к общеизвестным ручным русским кругам; он устроен следующим образом: на доске, длиной 85 см и шириной 16 см укрепляется деревянный стержень, высотой 15 см, на который надевается самый круг, представляющий доску с диаметром 30 см, которая укрепляется на четырех столбиках, опирающихся на крестовину, надеваемую на стержень; самый стержень, проходя через крестовину, упирается в круг (фиг. 45).

Горшечница при работе ставит этот круг на лавку и садится на доску круга, называемую беседкой. Благодаря тому, что самый круг насажен на пять стержней, он

Фиг. 45. Ручной гончарный круг. Д. Белая.

при вращении приобретает несколько большую инерцию, чем круг со столбиком, и работа на нем несколько приближается к работе на ножном круге, который вовсе неизвестен на Бухтарме. Из описанных двух разновидностей ручного гончарного круга, круг со столбиком является более примитивным, развившимся из вращающейся доски, постепенно поднявшейся над той плоскостью, на которой он вращался. Такой круг, повидимому, нигде не отмечен у русских в Европейской части Союза. Круг с беседкой является уже более усовершенствованным, так как имеет более сложное устройство. Такого вида ручной круг с небольшими вариациями укрепления самого круга на оси, является весьма распространенным у русских как в южных, так и в северных районах.

При изготовлении глиняной посуды на вышеописанных кругах, бухтарминские кержачки применяют технику кольцевого

¹ Коллекция № 1343 Этнографического отдела Русского музея.

налепа, описанную весьма детально Д. К. Зелениным.¹ Для изготовления обычной кринки или горшка употребляют три „каралички“, т. е. круглых длинных куски глины, напоминающих по форме местное печенье „каралики“, для корчаги—пять; эти „каралички“ раскатывают, как тесто, затем лепят сосуд на круге; круг предварительно посыпают песком, чтобы не приставала глина. Лепят горшок руками, налепляя ярус за ярусом, причем очень часто на готовой посуде четко видны границы отдельных „караличек“. Щепочку, заменяющую обычный деревянный нож гончара, применяют только для оглаживания стенок и для выравнивания „кромки“, т. е. верхнего края посуды. Иногда для этой цели служит трепальце, имеющее форму ножа; применяемое обычно для тканья поясков. Получается посуда с не совсем ровными толстыми стенками, имеющими толщину 1—1,2 см. Изготовленную посуду для просушки ставят в кладовую. Если глина плохо вытоптана, то во время просушки сосуды разваливаются, тогда эту глину размачивают и перетавляют. Высушенную посуду обжигают в русской печи, помещая одновременно в печь 5—6 больших корчаг, или же до 15 сосудов меньших размеров. Для обжига употребляют березовые дрова, а не пихтовые, как для обычной топки. Кроме березовых дров, в печь кладут некоторое количество бересты для того, чтобы горшки „задымели“. Горшки укладывают на дрова отдельно друг от друга и оставляют там не дольше, чем сидит в печи хлеб. После обжига раскаленные горшки вынимают на палку или кочергу и сразу обваривают. Для обваривания служит сеяльница, т. е. деревянное корыто, куда наливается обвара. Предпочитают обваривать посуду в молоке, говорят, что от этого посуда получается чернее и чище. Такой расход молока в кержацком хозяйстве вполне возможен, так как молока имеется достаточное количество, после же обварки посуды молоко идет телятам. Если же нет молока в достаточном количестве, то для обваривания употребляют пахтанье от масла. В данном случае наблюдается отсутствие широко распространенной у русских² обварки водой, замешанной мукой, бухтарминский способ обварки близок к распространенному способу обмазывания покупной посуды маслом или сывороткой

¹ Op. cit. Этнография, 1927, № 1.

² Zelenin. Russische (ostslavische) Volkskunde, Berlin, 1927, S. 106.

для придания ей водонепроницаемости. Обожженная и обваренная посуда получает черный цвет, весьма характерный для посуды во многих русских районах. Никакой поливы на Бухтарме не применяют. Указание Б. Г. Герасимова¹ относительно с. Сенного, что там „вылепленная посуда обливается черной поливой“, вероятно, относится к обвариванию посуды, а не покрытию поливой; сообщение того же автора о том, что „какого-либо прожигания, напр., с помощью гончарного горна, не существует“, вряд ли правильно, так как, без обжига посуда будет водопроницаема, и по сообщению местного населения, по всей Бухтарме известно обжигание в печи и затем обваривание, после чего посуда и получает черный цвет.

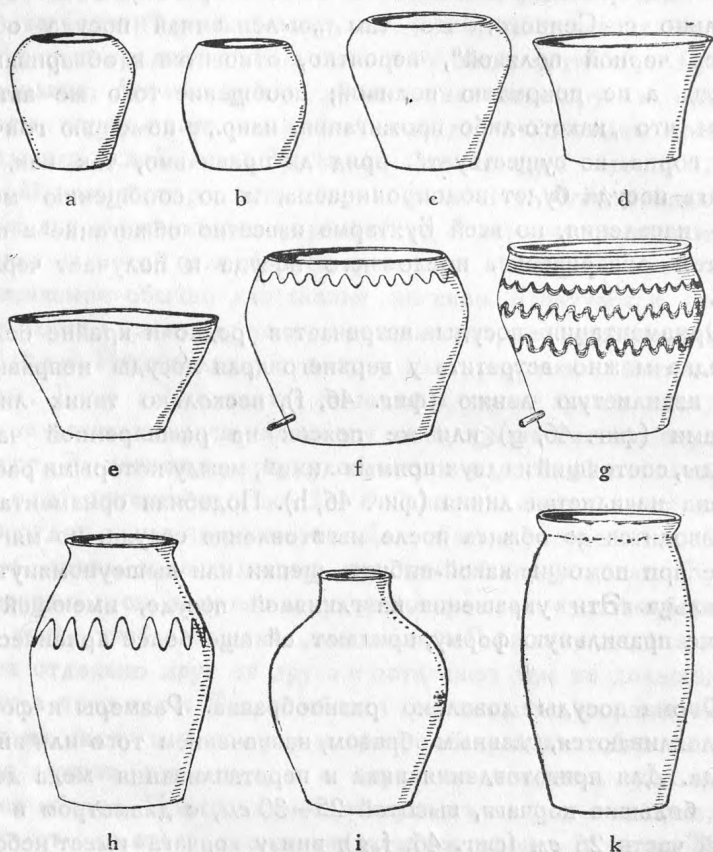
Орнаментация посуды встречается редко и крайне бедна. Изредка можно встретить у верхнего края посуды неправильную извилистую линию (фиг. 46, f), несколько таких линий ярусами (фиг. 46, g) или же поясok на расширенной части посуды, состоящий из двух прямых линий, между которыми расположена извилистая линия (фиг. 46, h). Подобная орнаментация производится до обжига после изготовления сосуда, по мягкой глине при помощи какой-нибудь щепки или вышеупомянутого трепальца. Эти украшения на глиняной посуде, имеющей не вполне правильную форму, придают ей еще более архаический вид.

Форма посуды довольно разнообразна. Размеры и форма обуславливаются, главным образом, назначением того или иного сосуда. Для приготовления пива и перетапливания меда делают большие корчаги, высотой 25—30 см, с диаметром в широкой части 26 см (фиг. 46, f, g); внизу корчага имеет небольшое отверстие, затыкаемое деревянным гвоздем. Для молока делают „крынки“ несколько ниже и значительно уже корчаг: высота 18—20 см, диаметр 12—15 см (фиг. 46, a, b). Как корчага, так и крынка несколько суживаются кверху и сильно — книзу.

Для приготовления пищи „ладят“ горшки, высотой 20 см, с диаметром 18—20 см (фиг. 46, c). Для размешивания небольшого количества теста употребляется так называемая „калавачка“, ¹ низкая широкая посуда, имеющая высоту 16 см, диа-

¹ Op. cit., стр. 37.

метр 30 см (фиг. 46, d, e). Для кваса и для воды существует высокий узкий сосуд, называемый „кунган“ (фиг. 46, h, i), имеющий высоту до 40 см, с диаметром широкой части около 26 см;

Фиг. 46. Глиняная посуда: а, b—крынки; с—горшок; d, e—ка-
лаванки; f, g—корчаги; h, i—кунганы; k—кувшин.

кверху сосуд сильно суживается (до 16 см). По названию и отчасти по форме этот сосуд близок к восточным узкогорлым металлическим сосудам. Для молока делают, кроме крынки, кувшины (фиг. 46, k), узкий высокий сосуд, близкий по форме

¹ Возможно этот термин связывать с русскими словами „калыган“, „калга“, „калгушка“—миска, чашка, горлач; под влиянием близкого бухтарминцам географического названия Колывань могло превратиться в „калыван“—„калыванка“.

и размерам к кунгану, но отличающийся формой стенок, которые не имеют большого расширения, как кунган. Бухтарминская посуда не имеет ни носков, ни ручек. Лишь для перетапливания масла готовят масляничек, представляющий собой широкий сосуд с вылепленным небольшим носиком; высоту имеет 10 см, диаметр 12 см. Иная хозяйка изготовит специальную посуду и для кошки. На Бухтарме у старообрядцев, „соблюдающих чашку“, никогда не встречается обыкновения давать кошкам молоко на блюдах или в какой-либо употребляемой хозяевами посуде. „Кошачий черепок“ представляет собой небольшое (диаметр 12 см), грубо сделанное блюдо. Чашек, стаканов и игрушек из глины не делают.

До революции в каждом семействе для разливания молока и хранения масла и сметаны изготовляли значительное количество крынок. В настоящее время, когда количество скота уменьшилось, а молоко многие стали сдавать на маслодельные заводы, посуды делают уже меньше. В Печах и особенно в Коробихе начинает уже распространяться покупная глиняная посуда, которую в отличие от самодельной называют „горновa посуда“, т. е. обожженная в горне.

Глиняную посуду кержачки делают чаще всего в июне, в Петров пост, так как с одной стороны в это время „женским делать шибко некого“, а с другой стороны во время поста, в период наилучшего удоя, накапливается значительное количество молочных продуктов. Вся работа производится, по преимуществу, в ограде, около дома, в избу грязь и глину вносят сравнительно редко. В зимнее время, когда трудно доставать глину, посуду почти вовсе не делают.

Х. ТОРГОВЫЕ СНОШЕНИЯ

Ясачные деревни, расположенные в долинах между высокими грядками гор, разобщены с городами и культурными центрами в силу географических условий; тем не менее, в хозяйственном быте бухтарминского населения имеется довольно значительное количество предметов фабрично-заводского производства, и даже в большем количестве, чем у их северно-великорусских родичей из северных губерний Европейской части Союза, живущих на равнине, в местах, где есть удобные или сносные пути сообщения с городом и фабрично-заводскими центрами.

Эта особенность быта бухтарминских кержаков имеет своей причиной то обстоятельство, что Бухтарминский край издавна лежал в районе старых торговых путей, и как русские купцы, появившиеся в этом крае с XVI века, так и купцы восточные посещали южный Алтай. Предприимчивых купцов привлекала в этот край возможность получить у местного населения ценные меха, которые алтайскому населению легко удавалось добывать. Еще до покорения Сибири русскими, в эти места, как и в Западную Сибирь приходили караваны бухарских и хивинских купцов, торговля с которыми стала интенсивнее со времени появления русских в Сибири. Эти купцы, главным образом, в обмен на меха везли шелковые, шерстяные и бумажные ткани, парчу, войлок и т. п. До 1800 года не существовало никаких торговых пошлин для этих азиатских купцов, и они в значительной мере владели сибирским рынком. Правительство брало под свое покровительство эти караваны и снабжало их конвоями. Многие товары бухтарминское население получало и через пограничные китайские пикеты. Этим и объясняется, что в начале XIX столетия путешественники поражаются обилием шелковых и других привозных тканей у алтайского русского населения. Кроме того, бухтарминское население издавна находилось в торговых сношениях с туземным населением казаками („киргизами“), как с русскими, так и китайскими. Об этой меновой торговле—сатовке см. статью „Кто такие...“. Этой близостью к китайской (монгольской) границе и давними и постоянными взаимоотношениями, преимущественно торговыми, с китайским населением объясняется наличие многих привозных бытовых предметов, отсутствующих в быте, как у близких к каменщикам по общим бытовым условиям соседних „поляков“, так и у ближайших по общности культуры уймонских каменщиков.

До революции в ясачных деревнях торговля велась заезжими купцами, которые имели по деревням своих подручных и привозили в обмен на продукты кержацкого хозяйства различные товары. Эта торговля, носившая до некоторой степени характер меновой, была выгодна и для купцов и для местного населения.

Видную роль в торговле играли местные скупщики из наиболее богатых кержаков, скупавшие у односельчан по преимуществу мед, воск и маральи рога.

Кроме торговли с наезжавшими купцами, в ясачных деревнях не было других торговых сношений, в частности в обследованных деревнях не бывало ярмарок. Местное население на ярмарку ездило в ст. Алтайскую,¹ где бывает торг с 6 по 20 декабря. Через Алтайскую проходит торговый путь на Кобдо в китайские владения. Этот путь был известен исстари; по нему проходили торговые караваны в Китай и Монголию. По этому пути местное население возило свои товары, по преимуществу маральи рога, в Кош-Агач, находящийся в Чуйской степи и служащий передаточным торговым пунктом с Монголией.

В настоящее время частной торговли в ясачных деревнях нет, по деревням имеются лишь кооперативы, доставляющие товары из Семипалатинска на Бухтарму и скупающие у населения топленое масло и воск. Маральи же рога и меха скупает Казгосторг и Союз охотников, имеющие отделения в Катон-Карагае.

Изредка по деревням появляются мелочные торговцы, развозящие пуговицы, иголки, нитки, и т. п., это так называемые на Бухтарме „мелешники“ (большой частью это татары из Катон-Карагая, Усть-Каменогорска и других мест).

Широкому развитию внутренней торговли препятствует отсутствие удобных для перевозки товаров путей сообщения. Но несмотря на свою географическую изолированность, Бухтарминский край играл, и в настоящее время играет, значительную роль в экономической жизни Западной Сибири. Продукты местного хозяйства, исключительно сырье, составляли видную торговую статью таких крупных ярмарок, как Ирбитская, где видную роль играли в течение XIX века бухтарминские воск и мед, а также меха.² Позднее отсюда стало вывозиться и масло. Край, удаленный от городов и не имеющий своей фабрично-заводской и кустарной промышленности, а вместе с тем обладающий значительными покупательными способностями, естественно, издавна являлся и до настоящего времени

¹ Ст. Алтайская основана в 1871 г.

² Ср. слова из старой величальной свадебной песни о купце, записанной в д. Белой:

„Он паехал в Ирбит таргавать,
На галанку сабадей закупать“.

является широким рынком для сбыта продуктов обрабатывающей промышленности. Значительное место в качестве поставщика на Бухтарму таких продуктов занимает тюменский район. Отсюда шли самые разнообразные товары: большая часть имеющихся в ясачных деревнях ходков, по преимуществу на железном ходу, расписные железные и деревянные сани, расписная упряжь— тюменской работы. В домашнем хозяйстве чугуны, чугунные корчаги и прочая металлическая посуда в значительной части носит клейма тюменских предприятий. В богатых кержацких домах не редкость встретить ковры тюменской работы. Наконец, тюменский район являлся поставщиком свободных рабочих рук—специалистов по тому или иному промыслу. Из них видную роль в быту ясачных деревень играли маляры, расписывавшие для кержаков дома, мебель и утварь.

Особенно интенсивное развитие товарооборота с районами фабрично-заводской и кустарной промышленности начинается с первых годов XX столетия, когда по Иртышу установилось правильное парходство, сначала до Усть-Каменогорска, а позднее до озера Зайсана. При этом новом способе сообщения, в Бухтарминский край проникает целый ряд новых товаров, которые дотеле при гужевом транспорте почти не могли сюда попадать (тракт в Бухтарминский край идет от Семипалатинска по берегу Иртыша через Усть-Каменогорск до Малой Красноярки, оттуда по нарымской долине по старой китайской дороге почти на 100 км вглубь страны).

Сельско-хозяйственные машины (особенно веялки), железные плуги и бороны, швейные машины с этого времени и вплоть до революции получили широкий доступ в кержацкие деревни и займки, имевшие достаточно средств для их приобретения.

Кроме вышеуказанного, Бухтарминский край представляет интерес со стороны экономической в том отношении, что он является районом, дающим экспортный товар, не находящий никакого сбыта на внутреннем рынке и всецело идущий за пределы государства—в Китай. Это—продукт мараловодства, маральи рога, ценность продукции которого в год на южном Алтае (включая сюда, кроме бухтарминского, и небольшую часть рога с окрестностей озера Марка-куль) равняется приблизительно 400 тысячам рублей (по данным Казгосторга за 1926 г.).

Все вышесказанное рисует картину экономического положения Бухтарминского края, которое создано в результате

различных факторов, как географического, так экономического и социального порядка. Прежде всего, следует иметь в виду характер производительных сил края—большие природные богатства и предприимчивость и изобретательность населения (недаром их предки не усидели на горнозаводской каторге и бежали искать свободы). Поселившись на Бухтарме, каменщики столкнулись с туземным населением, менее культурным и предприимчивым, которое попало в положение эксплуатируемого и дешевый труд которого бухтарминцы сумели использовать, и в результате чего смогли иметь значительные материальные накопления. Позднее появляются на Бухтарме переселенцы, также попадающие с самого своего поселения в кержацких деревнях в зависимое положение от мощных старожильческих хозяйств. Эксплуатация переселенцев, как сравнительно дешевой и, вместе с тем, квалифицированной силы (сельско-хозяйственные рабочие, кустари, ремесленники) также является одним из способов обогащения кержаков. Таблица 1 на странице 51 красноречиво говорит о доминировании мелкокапиталистического социального слоя в бухтарминских деревнях. Среди кержаков, бедняцких или пролетарских хозяйств вовсе не встречается. Социально-экономическое расслоение в самой среде кержаков незначительно. К пролетарско-бедняцкой части относятся исключительно переселенцы, к обострению отношений с которыми способствует и классовая и экономическая и, наконец, религиозная рознь.

При учитывании этого социально-экономического момента вполне понятным становится как самый уклад хозяйства, так и наличие весьма совершенных орудий производства параллельно с рядом примитивов.

ПОСТРОЙКИ БУХТАРМИНСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Е. Э. Бломквист

ВВЕДЕНИЕ

Постройки бухтарминских старообрядцев представляют большой этнографический интерес ввиду того, что это население, поселившееся на Бухтарме в середине XVIII в., занесло сюда традиции и строительную технику XVII—XVIII веков и, в силу удаленности края и слабой связи с городом, в значительной мере в отдельных штрихах и деталях сохранило ряд архаизмов до настоящего времени. Наряду с этими архаизмами в постройках бухтарминских кержаков наблюдаются также наслоения более позднего времени. И это уживание рядом старого и нового и ряд контаминированных форм представляют также определенный интерес. Вследствие этого, при обследовании бухтарминского района, изучение построек велось в двух разрезах: с одной стороны, отыскивались интересующие этнолога пережитки прошлых столетий, восходящие в значительной мере к более старому времени, а с другой стороны, прослеживалась эволюция как самой постройки, так и ее деталей; в результате этой эволюции, несложные постройки древнейшего типа превратились в очень сложные и развитые постройки последних десятилетий.

Основной материал собран в наиболее типичных пяти ясачных¹ деревнях: Белая, Фыкалка, Язовая, Печи, Коробиха. Во всех этих деревнях исследователя поражает одновременно уживание двух, казалось бы, несовместимых особенностей, а именно: при сохранении ряда архаизмов в технике и плане постройки, в убранстве и в отделке внутри дома наблюдается значительное приближение к городу. Эти две противополож-

¹ Ясачными они назывались потому, что до 1878 г. платили не подать, а ясак, как инородцы.

ности вполне уживаются в одном и том же доме и, несмотря на многие архаизмы, жилища кержаков, в отношении убранства, ушли значительно дальше, чем обычная типичная великорусская изба севера (не говоря уже о юге). Это обстоятельство объясняется в значительной мере издавней зажиточностью населения, которое, при наличии свободных средств, могло внести в свой обиход многие предметы деревенской роскоши, что и отражалось, главным образом, на внутреннем убранстве. В основном характере и плане кержацкой постройки влияние городской культуры сказывается много слабее, с одной стороны, в силу того, что население крепко держится старых традиций, а с другой, в силу того, что в этой области не наблюдается влияние заезжих мастеров, так как постройки возводятся местными плотниками, а в старину производились самими кержаками.

Деревни обследованного района, крайне разнообразные по первому впечатлению, имеют, в сущности, много общего в расположении. Прежде всего, все они расположены на берегах рек в тех местах, где горы как бы расступаются, давая ровные долины, годные для поселения равнинного человека. Одни деревни расположены по берегам р. Бухтармы, главной водной артерии края, широкой и полноводной сплавной реки (д.д. Печи, Коробиха), другие—дальше в горах, по мелким горным речкам и ручьям, зажатые меж стенами гор, но всегда на плоском ровном месте речной долины.

В обследованных деревнях почти всегда можно выделить более старую часть селения, расположенную в наиболее удобной части речной долины, где дома идут по одну или обе стороны улицы (в зависимости от рельефа местности), вдоль самого берега реки; здесь обычно расположены старые крепкие, наиболее зажиточные, хозяйства, это—главная часть селения. При росте селения можно наметить две разновидности: 1) улица постепенно разрастается в оба конца и в сторону, по направлению к горам, что является возможным, когда селение расположено в широкой речной долине (как, например, Печи, Белая); появляется вторая улица, параллельная первой, но дальше отстоящая от реки, или 2) когда деревня стеснена в горах и от главной части постепенно нарастают ветвления во все ложки, впадающие в главную долину; это особенно видно на примере деревни Язовой, растущей в трех направлениях—вниз по долине и вверх по двум ее разветвлениям; за

такой план эту деревню зовут, в насмешку, штанами. Новоселы-переселенцы селятся уже на самых окраинах („на забоке“¹), зачастую очень неудобных для поселения и уже почти не имеющих ровных горизонтальных мест для усадьбы; домики их лепятся в гору (д. Фыкалка), иногда в совершенно узких ущельях (д. Язовая), или спускаются в самые неудобные болотистые места речной долины (д. Белая), или перебрасываются на противоположный берег реки (д. Белая).

Когдаходишь к бухтарминской деревне вплотную, получается общее впечатление чего-то неустроенного, незаконченного, хотя население живет здесь уже с 90-х годов XVIII века. Наряду с высокими своеобразными домами старой архитектуры, с глухими крыльцами, богато украшенными (балконы, расписные ставни, галлерейки вокруг дома)—то тут, то там видишь недостроенный дом, или пятистенок с кое-как набросанной односкатной крышей; вдоль улиц тянутся длинные ограды из жердей. Почти совершенно нет зелени—ни садов, ни палисадников, ни деревьев. Грязь на улице, в связи с влажным климатом, частыми туманами и дождями, непролазная, в смеси с конским навозом, трудно проходимая; улица никогда не убирается; лишь вдоль домов идут кое-как положенные доски и бревна, играющие роль тротуаров, да от дома к дому через улицу набросаны доски, бревна или камни. Все вместе создает почти полную невозможность проезда по улице на телеге, а в дождь—и невозможность проезда для верховых (попадают лужи, где грязь почти по брюхо лошади), которые тогда едут за домами, по склонам долины, каменистым и дренированным уже в силу своего наклона. Вся эта неприглядность деревни вырисовывается на фоне чудесных зеленых гор, покрытых лугами, зарослями жимолости, „шипичника“ (шиповник), малины, черемухи, а выше их—подымаются острые иглы пихтовых вершук. Только в Фыкалке, одной из высочайших русских деревень Алтая (высота над уровнем моря=1.205 м), расположенной уже среди пихтового леса, видны на горизонте с востока безлесные остроконечные вершины.

Так как все деревни расположены на реках, то жители пользуются для всех своих потребностей исключительно реч-

¹ Забока—сибирское слово, обозначающее край, лесок вдоль берега речки, часть чего-либо, отделившаяся в бок, речной рукав (Даль. Толковый словарь живого великорусского языка).

ной водой и совершенно не имеют колодцев. В зависимости от речного режима, стоит и разница селений в условиях водоснабжения. Так, в д. Язовой, стоящей на сложной системе переплетающихся горных ручьев и протоков, крайне маловодных, за исключением краткого весеннего периода, население бедствует из-за отсутствия хорошей питьевой воды. Хозяевам приходится набирать воды до рассвета, иначе ее взмутят утки и гуси, которых, кстати сказать, держат довольно много, и получится такая илистая муть, которую даже неприхотливые и привычные к скверной воде „язовины“ (жители д. Язовой) пить не могут.¹

Весной же, во время высокой воды, в низких, позднее населенных местах, постройкам угрожает опасность быть размытыми, в связи с чем в особо угрожаемых местах (в д. Язовой) против усадеб поставлены „кобылки“: кобылка—довольно толстое бревно, с одной стороны подпертое двумя врубленными в него березовыми кольями; наклоном своим обращенное против течения, оно ослабляет силу весенней воды; 5—6 таких кобылок предохраняют усадьбу от размывания. Особенно высоко поднимается Бухтарма, сильно подмывающая берега, в связи с чем приходится даже переносить постройки от берега в глубь двора (весной 1927 г. на окраинах д. Коробихи было „по пояс Бухтармы в ограде“).

¹ В связи с малым количеством чистой воды, плохим мытьем (см. главу о банях) в д. Язовой создались совершенно антисанитарные условия. Так, например, стирка белья производится настолько плохо, что население давно уже на опыте убедилось, что дочиста отмыть белые ткани невозможно, и поэтому не носит белого холста, а домотканные рубахи красит в голубой цвет. Затем, очень распространена, главным образом, среди детей, несколько менее среди взрослых, какая-то заразная глазная болезнь, нечто вроде конъюнктивита, продолжающаяся от недели до месяца; она заключается в воспалении, большей частью гнойном, век и роговой оболочки. Больного особенно раздражает яркий свет (легче чувствует себя в темноте) и жара (в холодную погоду стремится выйти наружу). Несколько дней больной не может работать, потому что почти ничего не видит. Лечат каплями, за которыми приходится ездить за 60—100 км в больницу с. Катон-Карагай (повидимому, цинковые капли). Но, за отсутствием медицинской помощи и трудностью получения лекарств, лечат и своими средствами, а именно: больной должен помочиться себе в руку и теплой мочей промывать глаза; население уверено, что это очень помогает (прием, по сообщению С. И. Руденко, широко практикуемый в народной медицине великоруссов Пермской губ.).

РАСПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ УСАДЬБЫ

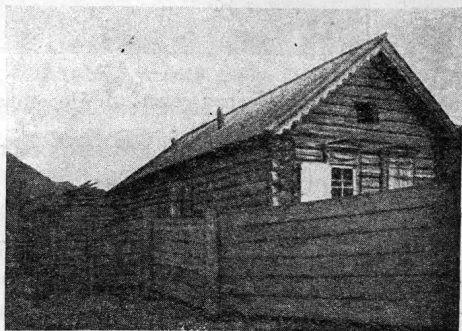
На первый взгляд в расположении построек кержацкой усадьбы нельзя подметить никакой закономерности: дома стоят

Фиг. 1. Улица в д. Белой.

как попало—и вдоль улицы, и поперек, и под разными углами (фиг. 1). При более близком знакомстве, можно выделить два основных типа: 1) жилая постройка помещается в глубине двора и 2) жилая постройка одной стороной выходит на улицу.

Наиболее старым является первый тип, когда жилая постройка помещается в глубине двора (или, по-местному, ограды), перпендикулярно к улице, параллельно или под углом к ней (фиг. 2).

Фиг. 2. Старая связь Г. Н. Коновалова.
Д. Печи.

Так стоят теперь большей частью старинные связи, новых домов так уже не ставят. По объяснениям самих старообрядцев, строились так, чтобы уйти от мирского соблазна, чтобы меньше грешить (говорят о девушках: посмотрит на улицу и нагрешит больше). Таких построек в глубине ограды,

не выходящих на улицу, больше всего сохранилось в д. Язовой, вообще лежащей в стороне и крепче остальных деревень сохраняющей старый быт.

Во втором типе, характеризуемом тем, что жилая постройка выходит на улицу, можно наметить два подразделения:

а) более старое, когда постройка стоит узкой стороной на улицу (т. е. перпендикулярно к ней), наблюдается, главным образом, у старых связей с глухим крыльцом и входом сбоку, изредка у „круглых“ изб с сенями;

б) более позднее, хотя встречающееся уже на постройках пятидесятилетней давности: широкой стороной на улицу (па-

Фиг. 3. Старая связь. Д. Черемшанка Бийского округа.

раллельно ей), на более зажиточных постройках—с открытым балконом против сеней на улицу, с глухим крыльцом и входом сзади.

Новые постройки—„круглые“ избы, пятистенки и крестовые дома—всегда ставятся на улице и большей частью широкой стороной, с ходом сбоку или сзади, почти никогда—с улицы.

Интересно расположение, являющееся как бы переходным от первого типа ко второму, когда старая связь стоит широкой стороной вдоль улицы, но не имеет ни одного окна на улицу или лишь одно окно из сеней. Такие постройки с глухими стенами на улице можно еще встретить и в соседних деревнях, например, в с. Солдатское (Таловка)¹ и далее к северу

¹ Б. Герасимов. Поездка в южный Алтай. Записки Семипалатинского п/отдела Русск. Геогр. о-ва, вып. XVI, Семипалатинск, 1927, стр. 150

от южного Алтая, у так называемых „поляков“ (фиг. 3), имеющих много общего в быту с каменщиками.¹ Эта глухая стена особенно ярко напоминает о тех временах, когда населению приходилось вести борьбу с бродившими в горах туземными племенами, и когда каждый дом должен был являться крохотной крепостцой.

Наличие этой глухой стены и расположения усадьбы в глубине двора дает, думается, возможность поставить вопрос об „окраинном“ типе застройки крестьянской усадьбы, создавшемся на беспокойных границах государства. Такой, например, „окраинный“ тип, аналогичный алтайскому, мы имеем хотя бы в Орловской, Рязанской и Воронежской губерниях, в усадьбах государственных крестьян-однодворцев, поселенных правительством в XVII веке на южной окраине, для защиты ее от кочевников.

ТИП КРЕСТЬЯНСКИХ ДОМОВ

Самой распространенной жилой постройкой является изба, в основе своей представляющая северно-великорусскую избу на подклете, рубленой из дерева, с тесовой крышей.

Но такой облик бухтарминское жилище получило далеко не сразу. По рассказам стариков, при первоначальном поселении в глухих ущельях Алтайских гор, когда „каменщики“ бежали от бергальства и прятались в горах (см. статью „Кто такие бухтарминские старообрядцы“),—они рыли землянки, ставили постройки к камню, ставили небольшие срубы с каменной. От этого периода, когда каменщики были неуверены в завтрашнем дне, тип таких временных построек переживает в промысловых охотничьих избушках, которые строятся кержаками, уходящими в горные леса на зимний период охоты (на сходство указывает само население); это—небольшие срубы с каменной и небольшим окном; дым при топке выходит в дверь (сравнить фот. черной бани — фиг. 87), кроют их желобником (см. главу о крышах).

Постоянные постройки каменщики стали рубить с 1792 г., когда были „прощены“ императрицей Екатериной за свое укрывательство в горах и получили права инородцев (см.

¹ Каменщики—так называли прежде забравших в „Камень“, т. е. в горы: столь употребительное некогда слово (см. старую литературу об Алтае) совершенно вымерло и утерялось из памяти населения.

вышеупомянутую статью). С этого времени, когда они спустились из глухих ущелий в широкие долины — места нынешних своих поселений — и следует вести историю построек.

Наиболее простой в настоящее время является изба „одноколок“, т. е. однокамерная постройка, в которой сосредоточена вся жизнь семьи, сруб ($4\frac{1}{4} \times 5\frac{1}{2} \times 5\frac{1}{2}$ м) без сеней с выходом из избы прямо на

Фиг. 4. Изба-одноколок. Д. Печи.

улицу, с крышей временного типа (фиг. 4). Такая постройка является большой редкостью для коренного кержацкого населения, в большей части зажиточного, но нередко встречается на окраинах деревень у новоселов-переселенцев.

Следующей, по сложности, является изба — „ординарка“, или „круглая“, т. е. изба с сенями, обычного северного типа, характерная для уже освоившихся и укрепившихся переселенцев и для наименее зажиточного слоя кержацкого населения. У переселенцев она большею частью имеет еще незаконченную односкатную или, чаще, двускатную невысокую крышу на стойках (см. главу о крышах); у кержаков она имеет большей частью высокую тесовую двускатную крышу в шпунт и часто

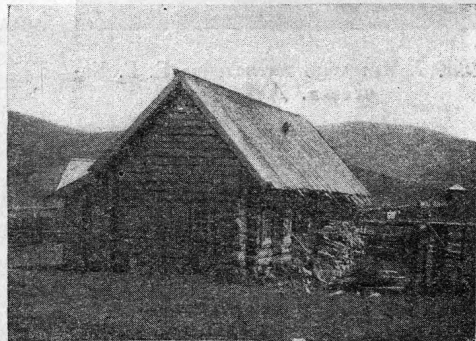
еще осложняется боковыми пристройками с широких сторон (фиг. 5). Около половины (от 50 до 56%) общего числа построек приходится на долю простых или круглых изб, причем половина этого количества принадлежит переселенцам и лишь половина кержакам (см. статистическую таблицу), так как при 25 — 27% переселенцев из общего населения, из 50 — 56% круглых изб

половина придется на их долю. Исключение составляет Фыкалка, являющаяся наиболее богатым поселком, где, при наличии 27⁰/₀ переселенческих дворов, простых изб всего 29⁰/₀, следовательно, у кержаков их почти нет, и эти 29⁰/₀ (за исключением 2⁰/₀ кержацких) падают на переселенцев.

Статистика построек

Название деревни	Общее число дворов	Из них:		Постройки			
		Старожильч.	Переселенчesk.	Круглых изб	Связей	Пятистенков	Крестовых
Белая	267	200	67	120	49	70	6—7
Фыкалка	104	76	28	29	12	41	18
Язовая	174	130	44	115	20	58	12
Печи	179	130	49	82	4	54	12
Коробиха	231	152	79	123	5	70	16

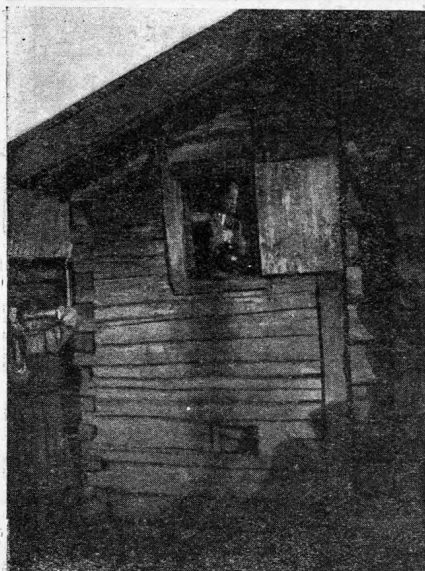
Третьим типом является пятистенок или, как на Бухтарме говорят, „пятистенник“, состоящий из избы с печью, горниды с голландкой и примыкающего к обоим сбоку помещения, соответствующего сеням или коридору, называемого крыльцом. Способ соединения крыльца с жилым помещением двоякий: а) у пятистенков старого типа конца XIX века с двускатной крышей (фиг. 6) крыльцо лишь прислонено к пятистенку, на углах рублено в лапу, а около торцов пятистенка—в паз (фиг. 7) и имеет свою односкатную крышу, прилегающую к двускатной крыше пятистенка; б) у пятистенков нового типа, но довоенного времени (фиг. 8), крыльцо является органической частью

Фиг. 6. Старый пятистенок Е. Е. Качесова, в глубине ограды. Д. Язовая.

всей постройки, рубится с нею вместе, связано конструктивно и кроется общей четырехскатной крышей.

Пятистенки, главным образом, принадлежат группе выше середняцкой и, в среднем, составляют немного менее трети общей суммы построек (от 28⁰/₀ до 34⁰/₀); исключение составляет Фыкалка, где мы имеем 41⁰/₀ пятистенков и где, таким образом, немного менее половины кержацкого населения (наименее зажиточной) живет в пятистенках.

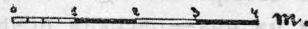
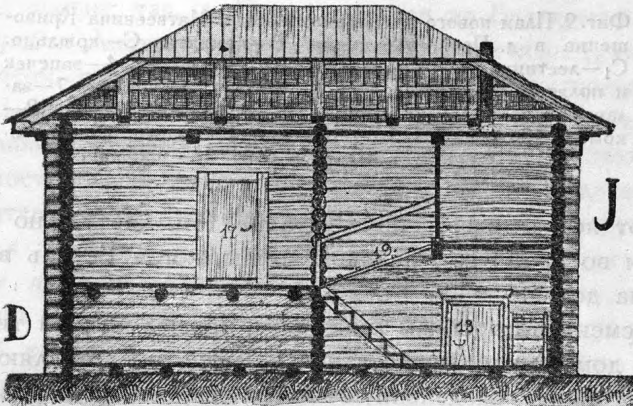
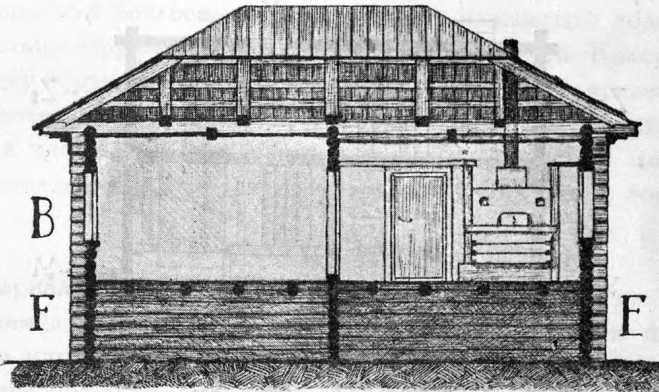
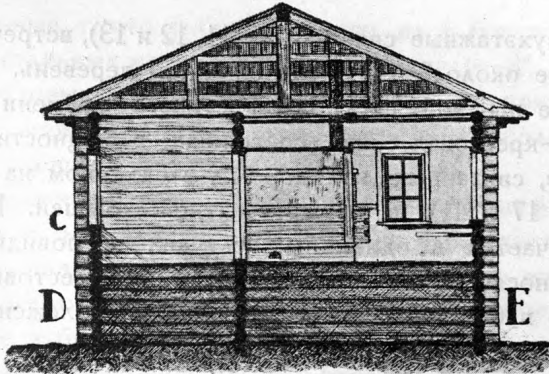

Фиг. 7. Крыльцо пятистенка Е. Е. Качесова. Д. Язовая.

Четвертым типом является связь, состоящая из двух изб с русскими печами (или избы и горницы с голландкой), с сенями посередине, с прирубленным крыльцом (см. главу о крыльцах). Типичной для этих связей является крутая двускатная крыша, хотя в нескольких случаях приходилось встречать и четырехскатную крышу на связях с балконом, поставленных вдоль улицы; но это устраивали лишь очень зажиточные хозяева, и главным образом, в д. Фыкалке, вообще самой богатой мараловодческой де-

ревне края. Связь типична для наиболее состоятельных кержаков прежнего времени и сейчас уже является исчезающим типом. Интересно сопоставление цифровых данных о числе связей с культурным состоянием поселка: так, в трех деревнях ясака,¹ наименее подвергшихся влиянию города (Язовая, Белая и Фыкалка), мы имеем от 10 до 20⁰/₀ связей. В деревнях же, наиболее отшатнувшихся от старого быта, мы имеем 3⁰/₀ — в Печах и 2⁰/₀ в наиболее „измирщившейся“ Коробихе. Как более богатые постройки старого времени, следует

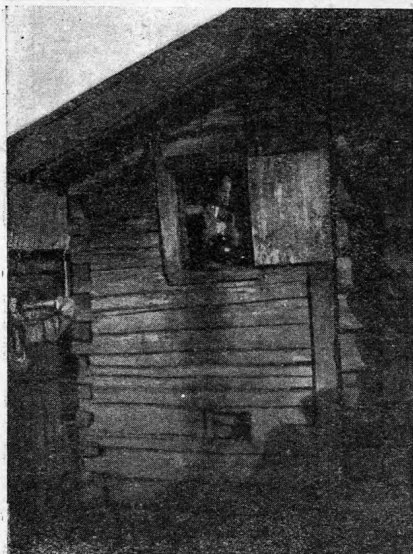
¹ Термин „ясак“, официально уничтоженный пятьдесят лет тому назад (в 1878 г.), в устах населения живет до сих пор и служит для обозначения определенного района по среднему течению Бухтармы.

Фиг. 8. Разрезы пятистенка П. М. Кривошеина в д. Печи (см. фиг. 9).
DE—разрез по линии xx_1 ; FE—разрез по линии yy_1 (смотреть от передней стены); DJ—разрез по линии zz_1 (смотреть от входа); B—комната; C—крыльцо; D—подсенки; E—подполье; F—подвал; J—казенка; 17—дверь с крыльца в избу; 18—дверь с крыльца в подвал; 19—лестенка с крыльца в казенку.

всей постройки, рубится с нею вместе, связано конструктивно и кроется общей четырехскатной крышей.

Пятистенки, главным образом, принадлежат группе выше середняцкой и, в среднем, составляют немного менее трети общей суммы построек (от 28⁰/₀ до 34⁰/₀); исключение составляет Фыкалка, где мы имеем 41⁰/₀ пятистенок и где, таким образом, немного менее половины кержацкого населения (наименее зажиточной) живет в пятистенках.

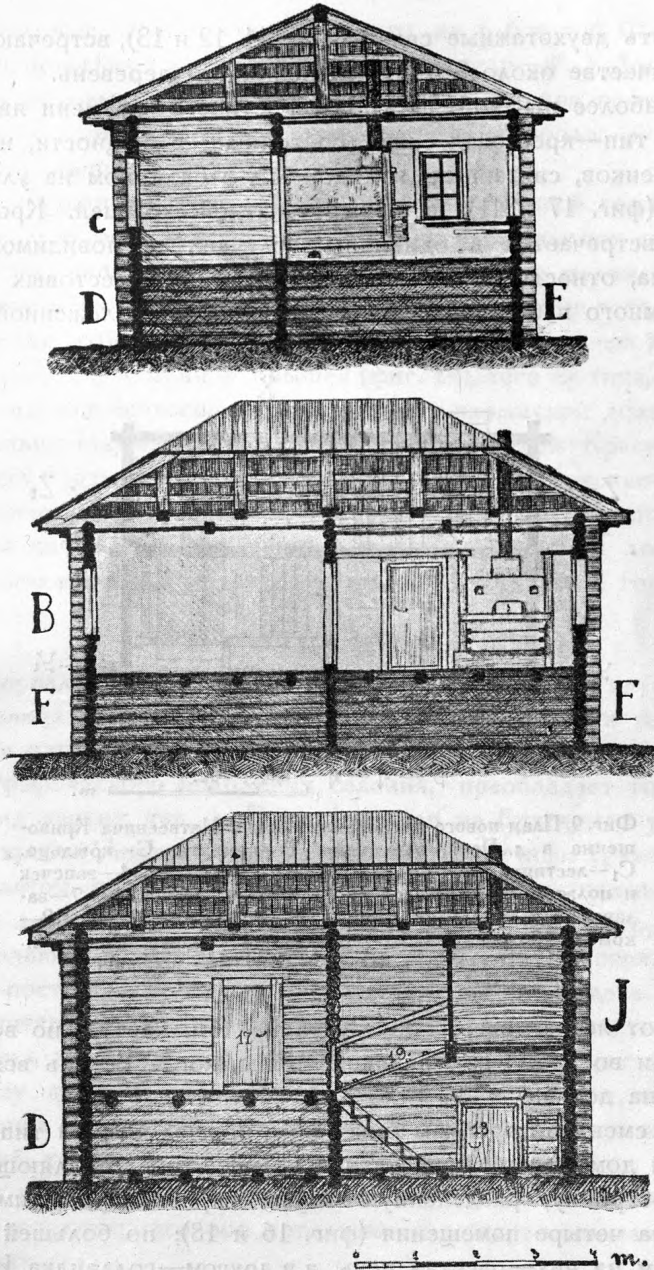

Фиг. 7. Крыльцо пятистенка Е. Е. Качесова. Д. Язовая.

Четвертым типом является связь, состоящая из двух изб с русскими печами (или избы и горницы с голландкой), с сенями посередине, с прирубленным крыльцом (см. главу о крыльцах). Типичной для этих связей является крутая двускатная крыша, хотя в нескольких случаях приходилось встречать и четырехскатную крышу на связях с балконом, поставленных вдоль улицы; но это устраивали лишь очень зажиточные хозяева, и главным образом, в д. Фыкалке, вообще самой богатой мараловодческой де-

ревне края. Связь типична для наиболее состоятельных кержаков прежнего времени и сейчас уже является исчезающим типом. Интересно сопоставление цифровых данных о числе связей с культурным состоянием поселка: так, в трех деревнях ясака,¹ наименее подвергшихся влиянию города (Язовая, Белая и Фыкалка), мы имеем от 10 до 20⁰/₀ связей. В деревнях же, наиболее отшатнувшихся от старого быта, мы имеем 3⁰/₀ — в Печах и 2⁰/₀ в наиболее „измирщившейся“ Коробихе. Как более богатые постройки старого времени, следует

¹ Термин „ясак“, официально уничтоженный пятьдесят лет тому назад (в 1878 г.), в устах населения живет до сих пор и служит для обозначения определенного района по среднему течению Бухтармы.

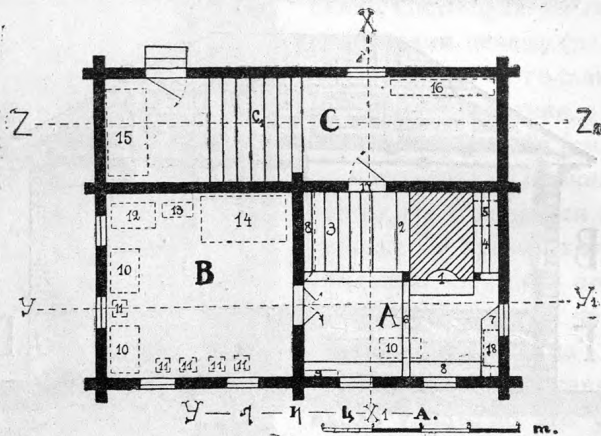

Фиг. 8. Разрезы пятистенка П. М. Кривошеина в д. Печи (см. фиг. 9).

DE—разрез по линии xx_1 ; FE—разрез по линии yy_1 (смотреть от передней стены); DJ—разрез по линии zz_1 (смотреть от входа); В—комната. С—крыльцо; D—подсенки; Е—подполье; F—подвал; J—казенка; 17—дверь с крыльцо в избу; 18—дверь с крыльцо в подвал; 19—лестенка с крыльцо в казенку.

отметить двухэтажные связи (фиг. 11, 12 и 13), встречающиеся в количестве около 3% в большей части деревень.

Наиболее пышной постройкой старого времени является пятый тип—крестовая связь, состоящая, в сущности, из двух пятистенков, связанных „колидором“, с балконом на улицу от сеней (фиг. 17 и 41), с четырехскатной крышей. Крестовая связь встречается в единичных случаях и, повидимому, не типична, относясь к переходному времени. Крестовых связей было много в богатой деревне Берели, расположенной к во-

Фиг. 9. План нового пятистенка Потапа Матвеевича Кривошеина в д. Печи. А—кухня. В—комната. С—крыльцо. С₁—лестница. 1—печь. 2—голубчик. 3—полати. 4—запечек и полатци. 5—ход в голбец (подполье). 6—грядки. 7—залавок. 8—лавки. 9—божница. 10—столы. 11—стулья. 12—комод. 13—сундук. 14—кровать. 15—нары. 16—диван. 17—дверь с крыльца в избу. 18—шкафик.

стоку от ясака, вверх по Бухтарме (см. карту), но все они погибли во время гражданской войны, когда Берель вся была выжжена дотла.

На смену постройкам типа связи, пришел шестой тип—крестовый дом под четырехскатной крышей, представляющий собой постройку, разделенную двумя перпендикулярными стенами на четыре помещения (фиг. 16 и 18); по большей части в одном из них—русская печь, а в другом—голландка. Иногда четвертая часть крестового дома используется как терраса и лишь $\frac{3}{4}$ представляют собой полезную площадь (кухня, комнаты). Процент крестовых домов невелик; их строят лишь наиболее

состоятельные, поэтому больше всего их в богатой Фыкалке (18⁰/₀), в остальных же—значительно меньше (6—8⁰/₀). Довольно много крестовых домов было в д. Белой, но при громадном пожаре, в июне 1927 года, выгорело 17 наиболее богатых хозяйств, имевших крестовые дома и связи.

Все указанные шесть типов бытуют в каждой кержацкой деревне, и только в единичных случаях наблюдаются отступления; так, например, у переселенцев, особенно маломощных, встречаем не только избы-одноколки, но и саманные постройки. Это убогие избушки, сложенные из крупных саманных кирпичей, с плоской земляной крышей (фиг. 19), того же типа, какой можно видеть в беслесных местах хотя бы нарымской долины — в г. Больше-Нарымске, в Бурановской, в Малой Красноярке на берегу Иртыша. Здесь, на Бухтарме, это объясняется не географическими причинами, так как горы кругом поросли лесом, а чисто экономическими—малым количеством лошадей и невозможностью вследствие этого доставить лес с гор.

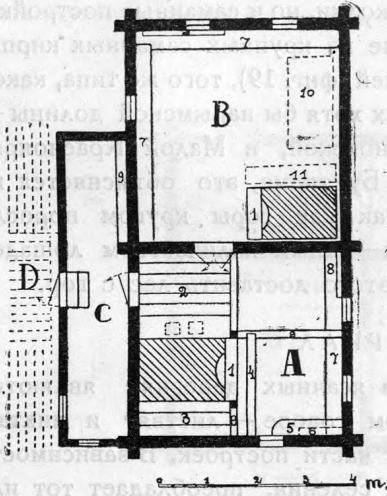
МАТЕРИАЛ

Материалом для построек в ясачных деревнях являются лиственница и пихта, в местном говоре — листвяг и пихтач, которые идут на все основные части построек. В зависимости от географического положения селения, преобладает тот или иной вид дерева; так, д. Печи, лежащая на Бухтарме, у подножия хребта Листвяги, покрытого лиственничным („листвяжным“) лесом, состоит, главным образом, из листвяжных построек; деревни, лежащие в более высоких частях гор, где преобладают пихтовые леса („пихтонник“), как Язовая, Фыкалка—построены почти исключительно из пихтового леса. Листвяг ценится дороже, так как является более прочным; тяжелая смолистая древесина его очень долго не подвергается гниению и потому даже в районах, где преобладает пихтач, первые 1—2 венца кладут обязательно из листвяга; если ставят столбы под сруб, то всегда из листвяга; более состоятельные берут листвяг и для верхнего „черепового“ бревна, так как от испарений, скопляющихся под потолком, оно скорее сгнивает, чем остальная стена.

Население считает постройки из пихтача много теплее („мягкий лес“); говорят, что зимой стена листвяжной постройки остывает так, что в одной рубахе не прикоснешься к ней. Хотя

листвяг тяжелее, хотя его труднее доставлять и труднее рубить, но в прежнее время все постройки строились из листвяга. Есть избы из листвяга, которым насчитывают более ста лет, и они еще вполне крепкие.

На вид листвяжная постройка выглядит несколько краснее, чем более светлая пихтовая, хотя, с течением времени, и та, и другая темнеют и дают характерную окраску постройкам

Фиг. 10. План старого пятистенка Еремея Егоровича Качесова, в д. Язовой (см. Фиг. 6 и 7). А—изба. В—горница. С—крыльцо. Д—мост. 1—печь. 2—полаты. 3—запечье и полаты. 4—грядки. 5—залавок. 6—шкафик. 7—лавки. 8—божнички. 9—полка. 10—кровать. 11—диван.

алтайской деревни, а именно — красноватокоричневую, резко отличающуюся от серой окраски великорусской деревни большей части европейского севера.¹ Очень привлекательный вид имеют свежие постройки из пихтача, из удивительно ровных стволов, почти лимонножелтого цвета, с сильным своеобразным ароматом пихты.

По стоимости, при оценке построек государственным страхованием, листвяг приравнивается сосне и кедру, пихта же — ели. Из ели здесь не строят, считая ее плохим и холодным деревом, из кедра же не строят по причине отсутствия поблизости „кедрача“. Из „кедры“ („из нее“) делаются все внутренние части построек, требующие широких досок — печек, одностворные двери, где возможно — лавки и полаты. По возможности, из кедра же делают и косяки, ставни, наличники, подоконники, так как он является „отделковым“, т. е. лучше подвергается строганию, не зацепляется, как пихтач, а дает более гладкую поверхность без заноз. Постройки с этими частями из кедра считаются теплее. Где кедра нет, все эти части делаются из пихтача (д. Коробиха).

¹ Общий колорит построек сильно напоминает швейцарские дома высокогорного района, построенные из того же материала (лиственница и пихта).

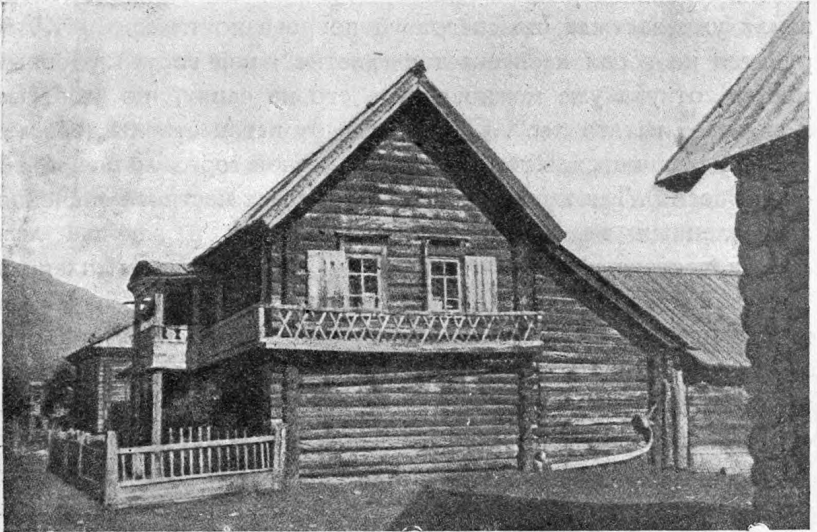
Заготовка леса производится осенью, до Покрова, когда земля уже застыла, но снегового покрова почти еще нет. Лес рубится на горах и спускается („летит“) под гору, к удобным местам, откуда уже можно возить его на саях, по дорогам. Говорят—„катать лес“. Очищенные от веток стволы деревьев носят название „хлыстов“ (как и в лесной торговле в европейской России). Так заготавливается лес в лесах местного значения, закрепленных за селениями. Производится и закупка леса в лесничествах в верховьях Белой и Бухтармы, и закупленный лес сплавляется с громадными трудностями вниз по Белой и Бухтарме, сначала в рассыпную, а потом связанным в плоты.

Так же производится и заготовка дров. С одной лиственницы получается 10—12 возов дров, а с хорошей и 15—20. Лучшими дровами считаются „листвяжные“: они ровно сгорают, дают хороший уголь, не рассыпаются; „жаркий лес“—говорит о них население. „Березные“ дрова хоть и хороши, но рассыпаются в мелкий уголь. Пихтач не ценится, так как сгорает, как порох, очень быстро. Самым плохим считается осинник.

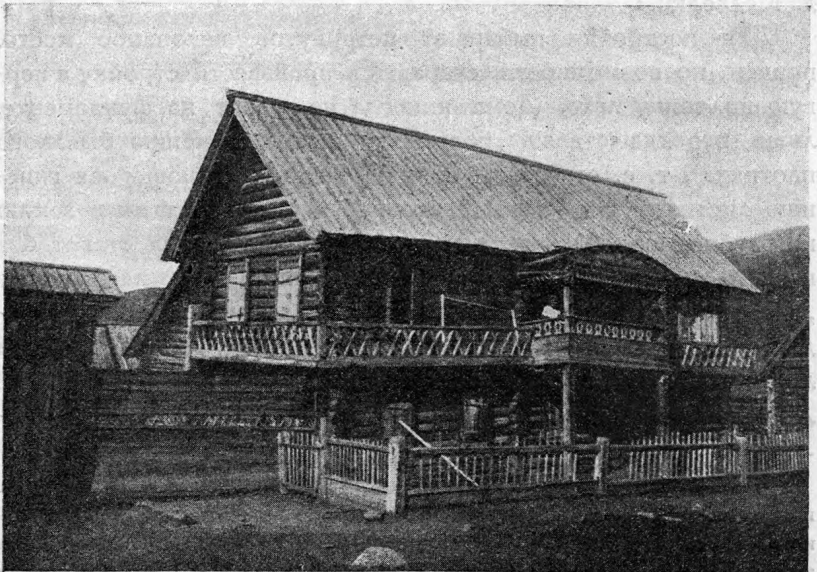
Кержаки редко сами строят дома, они большею частью приглашают плотников, в последнее время преимущественно из д. Медведки.¹

Для постройки выбирают нетронутое некопаное место, причем, по возможности, стараются произвести стройку в первую половину лета. Дома никогда не ставят на фундаменте, лишь изредка ставят „постамент“ (по выражению бывалого плотника), т. е. ставят столбы из мало поддающегося гниению листвяга под каждый переруб и вкапывают их в землю на глубину около $\frac{3}{4}$ м. Большею же частью дома ставят без всякого фундамента, зарывая первый венец—так называемые „кладники“ целиком или наполовину в землю. Первые один-два ряда всегда кладут из листвяга, потому что он „два-три дома простоит“, в то время как пихтач сгнивает через 2—3 года. Для тепла делают завалинку, но небольшую, до высоты лист-

¹ С постройками связаны определенные приметы: так, нельзя начинать постройку в понедельник, среду, пятницу и воскресенье; в эти же дни нельзя и переходить в новый дом. Можно все это делать только в легкие дни, какими являются вторник, четверг и суббота. Хорошо начинать постройку, когда наполняется месяц, под этот день. При переходе в новый дом, выносят туда уголья из старого дома; идут с иконами, с благословением; при этом приглашают „наставника“.

Фиг. 11. Двухэтажная связь И. К. Коновалова со стороны проулка. Д. Печи.

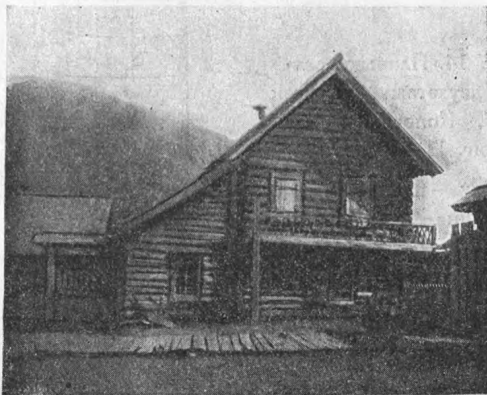

Фиг. 12. Двухэтажная связь И. К. Коновалова со стороны улицы. Д. Печи.

вяга, так как иначе дом будет преть. Если же первые венцы положены из пихтача, то хозяину приходится каждую весну разгрести завалинку, чтобы не „сопрел“ пихтач, а осенью насыпать ее снова.

Рубят сруб большей частью „в зауголок“, делая „круглый“ угол, т. е. вырубая полукруглую чашу в нижнем бревне (=северно-великорусскому способу „в угол“); иногда, главным образом, богатые постройки, рубят „в привал“, т. е. вырубают в нижнем бревне выемку, да-

ющую в разрезе четверть круга; соответственно этому, внутреннюю сторону бревен стесывают в вертикальную плоскость (=северно-великорусскому способу „в крюк“). О рубке в зуб слышали, но приема этого не знают. Более мелкие части построек — опечек, иногда крыльцо — рубят „в лапу“. Пазы при постройке

Фиг. 13. Двухэтажная связь И. К. Коновалова со стороны двора. Д. Печи.

прокладывают мхом, иногда внутри промазывают их глиной. Обычное число венцов в срубе = 18; в невысоких бедняцких постройках оно падает до 13 — 15; лес употребляется толщиной около 25 см.

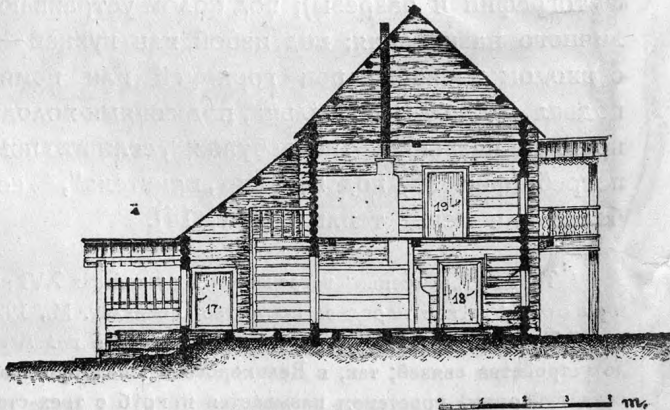
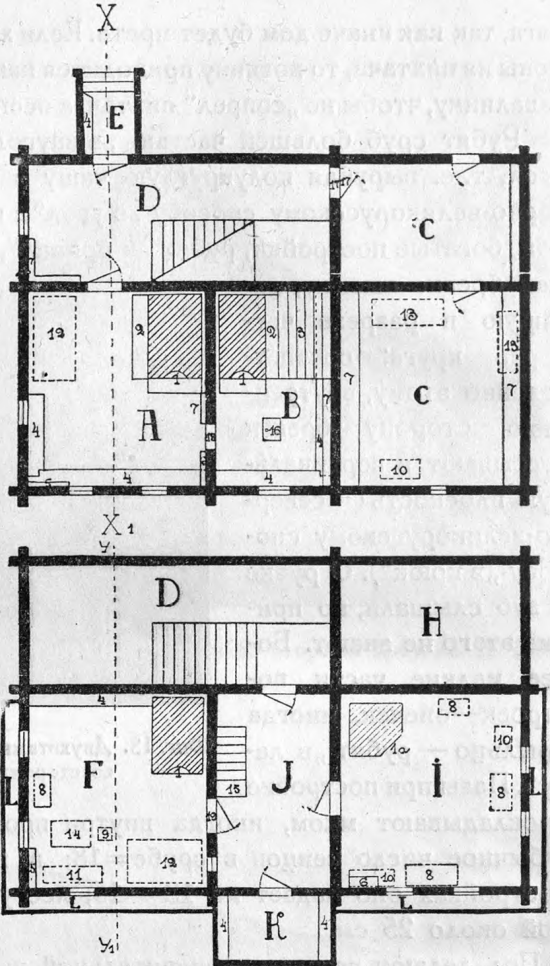
Пол делают всегда на значительной высоте над землей (см. фотографии и разрезы); под полом устраивают помещения различного назначения: под избой или кухней — теплое подполье с входом из избы, под горницей или комнатой — холодный подвал с входом с крыльца, под сенями холодные „подсенки“,¹ носящие название — „погребушки“, если это помещение заменяет погреб (фиг. 33, под Е) или „пристена“,² если оно является более или менее теплым (фиг. 14).

¹ Термин „подсенье“ встречается в рукописях XVI века — см. А. И. Некрасов. Русское народное искусство. Госиздат. М., 1924, стр. 65.

² Термин „пристен“ указывает на прежнее положение этого помещения, до устройства связей; так, в Великороссии (Нижегородская, Орловская, Уфимская губернии) пристеном называется прируб о трех стенах к четвертой готовой; в Тульской губ., как и на Алтае, пристеном называют сени (Даль).

Фиг. 14. Планы и разрез двухэтажной связи И. К. Коновалова (см. фиг. 11, 12 и 13).

Наверху — план I этажа. Посредине — план II этажа. Внизу — разрез по линии xx₁ и уу₁. А — кухня. В — пристен. С — подвалы. D — крыльцо. Е — крыльчко. F — изба. H — свободное пространство над подвалом. I — горница. J — сени. K — балкон. L — галерея. 1 — печи. 1а — голландка. 2 — голбчики. 3 — полати. 4 — лавки. 5 — божицы. 6 — шкафик. 7 — полки. 8 — столы. 9 — стул. 10 — сундуки. 11 — диван. 12 — кровати. 13 — колоды для зерна. 14 — ткацкий стан. 15 — ход на избу. 16 — ход в подполье. 17 — дверь с крыльца в подвал. 18 — дверь из кухни в пристен. 19 — дверь из избы в сени.

0 1 2 3 м.

К Р Ы Ш А

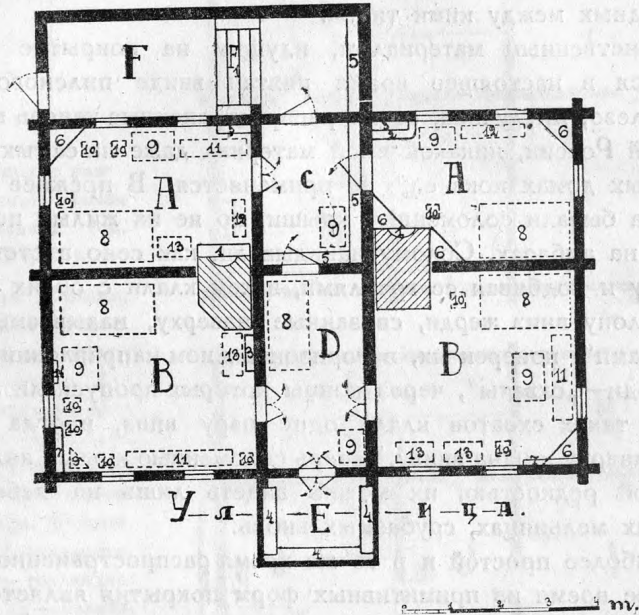
В кержацких деревнях можно встретить одновременно бытующие, как наиболее совершенные в смысле формы, способы покрытия жилья, так и более примитивные, и наметить ряд переходных между ними типов.

Единственным материалом, идущим на покрытие крыш, является в настоящее время пихтач в виде пиленого теса. Ни железо, ни лучина, столь распространенные теперь в Европейской России, никакой иной материал даже на самых состоятельных домах пока еще не применяется. В прежнее время изредка бывали соломенные крыши, но не на жилых постройках, а на амбарах. Солому накидывали, как сено в стог, стоя наверху и подбивая ее граблями, затем клали с обеих сторон по наклону вниз жерди, связанные наверху, называемые „ветреницами“; поперек их, в горизонтальном направлении, клали по жерди—„схваты“, через концы которых пропускали „иглу“; иногда таких схватов клали одну пару вниз, иногда две—одна наверху и одна внизу. Теперь соломенные крыши являются большой редкостью, их можно видеть лишь на небольших водяных мельницах, срубаемых вновь.

Наиболее простой и в то же время распространенной в настоящее время из примитивных форм покрытия является плоская крыша, устраиваемая на клунях, поветях и т. п. (см. главу о хозяйственных постройках). Техника ее устройства такова: на вертикально врытые в землю толстые столбы-подпоры врубаются горизонтальные балки, на них в перпендикулярном к ним направлении кладется накат из жердей средней толщины, и на накат уже настилается хворост, на который набрасываются ветки пихтача.

Наиболее старый тип наклонной крыши — это односкатная крыша, крытая „желобником“, состоящим из выдолбленных полубревен — „желобин“, положенных наклонно в два слоя — нижний желобом кверху, а верхний — желобом книзу (фиг. 21). Эти желобины держатся таким образом, что на нижней поверхности нижнего конца вырубается „ушкó“, которым желобина кладется на бревно верхнего венца постройки. Когда-то, в старину, крыли так жилые постройки в деревнях, теперь же этот способ покрытия применяется лишь на охотничьих избушках, выстраиваемых охотниками, уходящими в лес

на два-три зимних месяца на охоту. В деревнях же этот способ сохранился лишь в редуцированном виде, а именно — односкатная крыша из одного слоя желобин желобом кверху, что можно видеть на банях, амбарушках, избушках и т. п. (д. Язо-

Фиг. 15. План крестовой связи Фомы Акулова в д. Коробихе (фиг. 17).

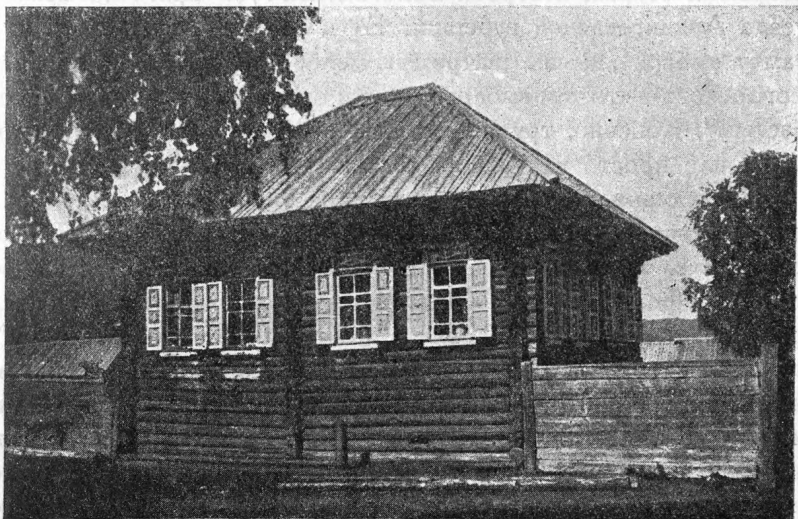
А — прихожи. В — комнаты. С — сени. D — „коридор“. Е — балкон. F — открытое крыльцо-галлерея. F₁ — лестница (в помещениях ABCD расписаны стены, потолки и мебель). 1 — печи. 2 — залавок. 3 — шкафики. 4 — лавки. 5 — полки на высоте двери. 6 — полки на высоте стола. 7 — божнички. 8 — кровати. 9 — столы. 10 — стулья. 11 — диваны. 12 — скамьи. 13 — сундуки. 14 — зеркало.

вая). Этот способ покрытия, являясь очень древним, уцелел и еще кое-где, главным образом, на хозяйственных постройках. Так, мы знаем его для Сибири,¹ для Верхне-Волжского края.²

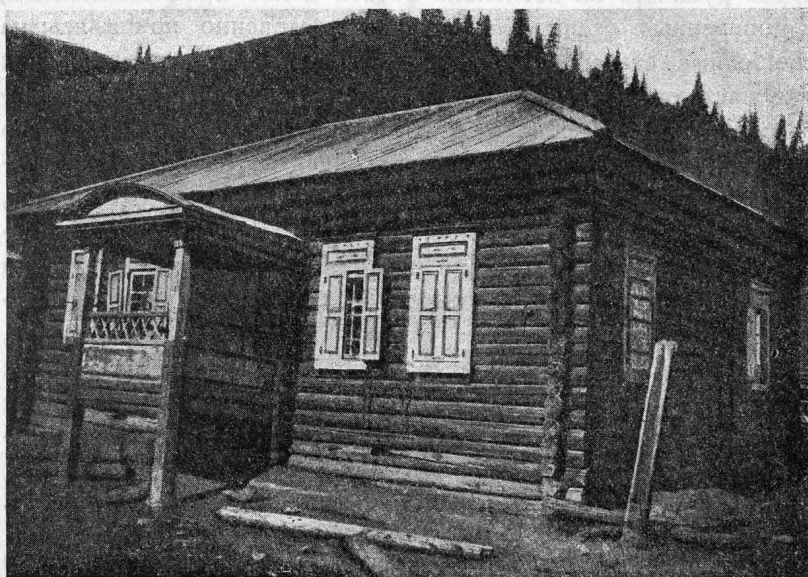
Этот же способ, но с гораздо меньшей степенью выпуклости желобин, указывает и Едемский для собственно тесового

¹ Фототека Этнографического отдела Русского музея в Ленинграде.

² М. И. Артамонов. Постройки Краснохолмского района. Сборник Государственной Академии истории материальной культуры — Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края. Л., 1926, стр. 15.

Фиг. 16. Крестовый дом. Д. Коробиха.

Фиг. 17. Крестовая связь Ф. Акулова с балконом. Д. Коробиха.

покрытия старых построек Вологодской губ.¹ Для Пинежского уезда Архангельской губернии Ефименко² указывает, что там у амбара „крыша шатром из желобоватого теса“, для Холмогорского—что там амбары, бани и овины „крыты тесом желобастым“. Конечно, трудно сказать, действительно ли это желобины или просто настоящий тесаный тес (см. ниже).

Следующим по времени появления типом является сначала односкатная, а позднее и двускатная крыша из настоящего теса, т. е. толстых массивных досок, вытесанных с помощью топора. Прежде, когда не было ни продольных, ни поперечных пил (так называемых „червяков“), чтобы получить „тесницу“, разрубали бревно на два „сутунка“,³ затем от каждого начинали, с помощью железного клина (около полуаршина длиной) и топора, оттесывать ненужное. Лет сорок тому назад, такой тес, в собственном значении этого слова, можно было еще видеть в д. Фыкалке. Теперь, по словам населения, его нигде уже не сохранилось. Такой тес гораздо прочнее пилевого, потому что с него лучше скатывается вода по дорожкам, получающимся от стесывания топором. Этим тесом крыли в старину так: а) для односкатной крыши одна из длинных сторон сруба рубилась на несколько бревен выше противоположной, а поперечные стены скашивались, постепенно понижаясь; на скошенные стены клались горизонтальные „слеги“ и на них уже настилался тес; б) для двускатной крыши сруб заканчивался верхним венцом, без возведения самцов на узких его сторонах; после того, как был закончен потолок, на узкие стороны ставили по два козелка на каждой стороне, один выше, другой ниже; на каждую пару клали вдоль всего сруба длинное бревно и на бревна уже наклонно клали тесницы. Таким образом, тесницы, положенные на более высокое бревно, выступали над противоположным скатом в виде наклонного гребня, место соединения было закрыто, и вода не попадала на потолок (фиг. 4 и 22). Крыши получались пологие, с небольшим углом наклона. Промежутки, соответствующие фронтонам, не запол-

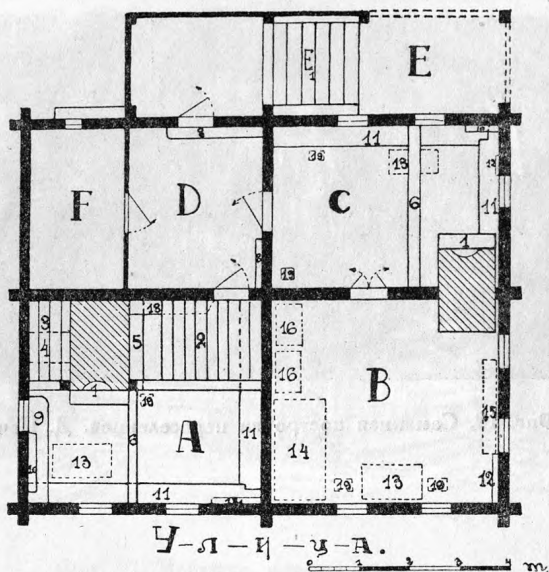
¹ М. Б. Едемский. О крестьянских постройках на севере России. Живая Старина, 1913, вып. I—II, стр. 65.

² П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1887, стр. 25 и 41.

³ Слово „сутунок“—в смысле половинника употребляется в Сибири и на востоке Европейской России (Даль).

няли ничем, так что все помещение, соответствующее чердаку, являлось открытым с обеих сторон.

Однокатные крыши вышеописанного типа, но уже из пиленого теса, в большом количестве можно видеть теперь на крыльцах. Двускатные же крыши на подставках, крытые также пиленным тесом или дранью, в настоящее время можно наблюдать, главным

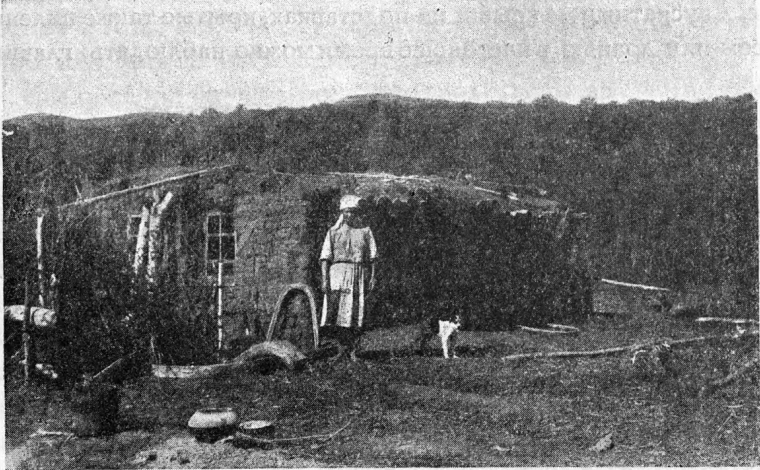

Фиг. 18. План крестового дома Мартемьяна Емельяновича Пономарева в д. Фыкалке.

А — изба. В — горница. С — прихожка. D — сенки. Е — крыльцо. Е₁ — лестница. F — казенка. 1 — печи. 2 — полати. 3 — запечек и полатцы. 4 — западня (ход в голбец). 5 — голбчик. 6 — грядки. 8 — полки. 9 — залавок. 10 — шкаф. 11 — лавки. 12 — божнички. 13 — столы. 14 — кровать. 15 — скамья. 16 — сундуки. 18 — „лавочка“ для сепаратора (на высоте залавка). 19 — стулья.

образом, как временное явление, обусловленное трудностью закончить всю постройку сразу. Нередко можно видеть, что закончен весь дом внутри и снаружи, вплоть до резных наличников (фиг. 20), что в нем давно живут, но крыша все продолжает сохранять такой временный характер, а иногда и остается в таком виде надолго (на срубе под крышей можно видеть сваленные сани, старые сундуки, ткацкий стан и т. п.). Эти крыши устраиваются, главным образом, у переселенцев (д. Печи),

но встречаются и у кержаков и даже вне ясака—у русских казаков (станция Алтайская, г. Б.-Нарымск)—и придают нередко неблагоустроенный вид ясачной деревне вообще, а ее окра-

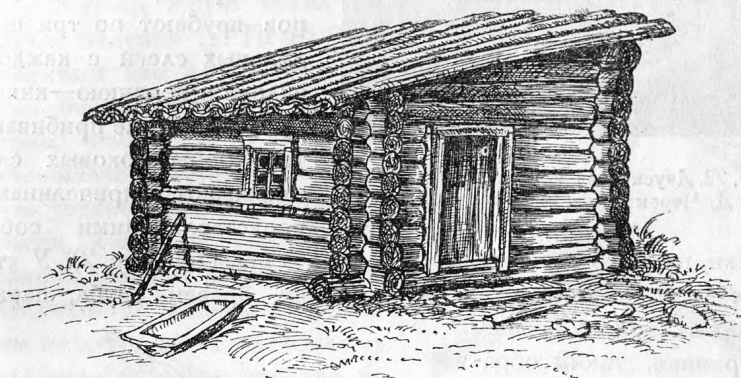
Фиг. 19. Саманная постройка переселенцев. Д. Печи.

Фиг. 20. Пятистенок с крышей временного типа. Д. Печи.

инам—в особенности. В тех деревнях, где бани имеют крыши (д. Коробиха), они устраиваются таким именно образом. Как подставки, ставят иногда по одному козелку, а не по два, или ставят на каждую сторону подставку из трех чурок, положен-

ных горизонтально одна на другую, на них два продольных бревна, на них уже доски; или устраивают, вместо подставки, угол из двух коротких стенок, срубленный с выступающими торцами из 3—4 коротышей: на эти углы, ставящиеся на каждой стороне, врубают продольное бревно и на него уже кладут доски. Иногда для закрепления досок на них горизонтально кладут гнеты. Временные двускатные крыши на подставках встречаются и в Сибири,¹ указываются они и для севера европейской части СССР. Так, например, Едемский² говорит о пониженной двускатной крыше, для которой опорой служит

Фиг. 21. Избушка, крытая желобником.

продольная балка, утверждаемая на невысоких подставках; такой способ закрытия называют лабазом и это считается вопиющей недоделкой в доме; здесь же, на Бухтарме, жилище может десяток лет стоять в таком незаконченном виде.³ Следует отметить, что вообще крыша подобного рода с небольшими вариантами распространена в районах, наиболее отсталых в культурном и экономическом отношениях; мы встретим ее у белоруссов, пермяков, зырян и лопарей.⁴

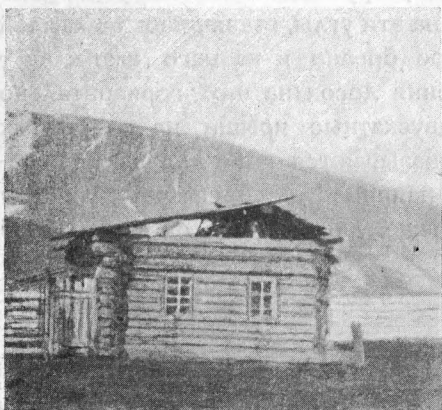
¹ Фототека Этнографического отдела Русского музея.

² *Op. cit.*, стр. 64.

³ То же явление мы встречаем и севернее, в Томском округе, где распространен обычай строить избы и пятystenки даже совсем без крыши, где крыша „составляет уже известную роскошь“. (Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе. Т. II, вып. 1, 1898).

⁴ Фототека Этнографического отдела Русского музея.

Наиболее совершенным типом старинной крыши является двускатная симметричная крыша, с верхними концами досок

Фиг. 22. Двускатная крыша на подставках
Д. Черемшанка Бийского округа.

заделанными „в шпунт“ (фиг. 23). Для этой формы крыши на узких сторонах постройки над последним венцом возводят фронтоны из самцов — бревен, все укорачивающихся кверху — старый общевеликорусский прием; в концы самцов врубают по три продольных слепи с каждого склона и верхнюю — князевую; к ним уже прибивают тес; торцы боковых слепей закрывают причелинами, представляющими собой

доски, нередко украшенные городковой резьбой (фиг. 2). У старых изб удлинляли концы верхних бревен сруба, параллельных коньку крыши, устраивая, таким образом, кронштейны, вследствие чего крыша сильно выдвигалась вперед; в кронштейны вделывали жердь, на которую вешалось мясо для вяления (фиг. 23 и 45).

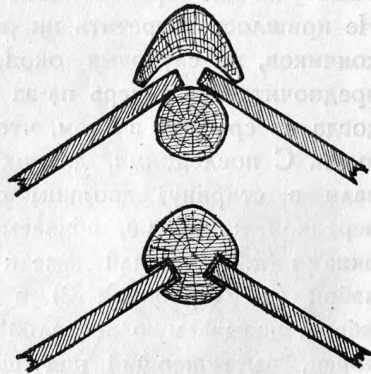
Гораздо реже, чем на самцах, утверждают такую двускатную крышу „в шпунт“ на стропилах, забирая фронтоны досками и устраивая на нём небольшой залобок. Этот способ встречается на постройках довоенного времени, как редкое исключение. Теперь же эту технику применяют, если хотят устроить двускатную крышу на избе-ординарке. Самцы же делают лишь на амбарах и завознях. Повидимому чаще, чем в Бухтарминском районе, стро-

Фиг. 23. Двускатная крыша „в шпунт“.
Д. Язваяя.

пильная крыша встречается к северу от южного Алтая у „поляков“ (фиг. 3).

Двускатная крыша „в шпунт“, на самцах, является также старинной, но распространившейся с появлением продольной пилы, которая известна здесь давно (80-летние старики помнят время, когда в Белой имелись лишь одна-две пилы на всю деревню, а при отцах их—не было и совсем); население объясняет, что раньше шпунта, т.е. верхнего бревна, быть не могло, так как ни толстые тесницы, ни желобины врубить в него было бы невозможно. Но старухи вспоминают, что когда то в старину шпунт носил название охлупня (д. Печи). Это указывает нам на то, что охлупень был известен и на Бухтарме, что когда-то и здесь применялась северно-великорусская техника прикрытия гребня крыши, когда на самый стык верхних концов обоих скатов насаживается бревно с угловатым желобом снизу, называемое охлупнем. Отличие охлупня от князевого бревна „в шпунт“ заключается в том, что охлупень насаживается на угол, образуемый досками, а во втором случае концы досок порознь врубаются в шпунт (фиг. 24).

Фиг. 24. Верхняя фигура—„охлупень“; нижняя—„шпунт“.

Очевидно, что воспоминание об этой технике утрачено и слилось с понятием шпунта, и самое название новой техники „в шпунт“¹ перенесено на прежний охлупень. Как доказательство этого „шпунт“ до сих пор на выступающих концах своих сохраняет ту же форму охлупня со скошенным выступом, какую можно видеть и в северной Великороссии (о форме охлупня в виде коня, птицы—не пришлось слышать).

Двускатные крыши в шпунт, часто очень крутые (угол между скатами равен прямому или меньше его), можно видеть большей частью на старых связях и старых избах-ординарках, насчитывающих 20—40 лет существования.

¹ Шпунт—слово немецкого происхождения.

На постройках последних десятилетий—крестовиках, пятистенках—большей частью устраивают четырехскатную „шатровую“ крышу, на стропилах с откосками, значительно более пологую, нежели двускатную в шпунт, с параллельным длине дома коньком (большею частью параллельным улице), с карнизом, нередко очень сложным, имеющим до 7—8 уступов (фиг. 46). Карниз украшается различно: или подвесной выпиловочной резьбой (на богатых крестовиках), или рядами кусочков новой жести, что дает значительный блеск.¹

Изредка можно видеть как бы надлом шатровой крыши, с выступанием верхней части над общей линией крыши (фиг. 25). Не пришлось встретить ни разу на шатровой крыше ни балкончиков, ни слуховых окон, ни залобков. Шатровая крыша предпочитается теперь из-за своей прочности, так как ее никогда не срывает ветром, что случается с крышами двускатными. С последними, для их прочности, поступают (и поступали в старину) двояким образом: 1) притягивают шпунт веревкой к гвоздю, вбиваемому в узкую стену сруба между окнами (д. Печи) или даже к колу, вбиваемому в землю перед избой (д. Коробиха); 2) в шпунт пропускают вертикально жердь, называемую „стрелой“ или „пожилиной“, и ее верхний конец, выступающий над шпунтом, зачековывают („наверху ее зачекуют“), т. е. пропускают через него чеку, а нижний—прибивают к стене сруба приблизительно на высоте верхнего оконного косяка.

Покрытие пиленым тесом на Бухтарме, как и везде у великоруссов, знает два приема: в два теса и в один тес.

Первый прием, самый дорогой и прочный, заключается в том, что на обрешетку крыши набивается два сплошных слоя досок равной ширины, вплотную доска к доске, причем верхние доски приходятся над щелями, образуемыми двумя смежными нижними досками. Этот способ, лучше предохраняющий крышу от сырости (повышает даже сумму страховой оценки государственного страхования), применяется лишь там, где можно достать листовяг (напр., у подножия хребта Листвяги). Пихтач же для этого способа не годится, так как быстро сгнивает из-за сырости, скопляющейся между досками,

¹ До сих пор еще старики считают грехом „подводить карниз“, так как это роскошь, а роскошь у старообрядцев считается грехом.

если плотно сложить два слоя теса. Поэтому пихтовый тес кладут „в один тес“, причем существует два приема: 1) верхний слой является сплошным, внизу же лишь под щелями верхнего слоя кладут доски, значительно уже верхних. Этот несплошной нижний слой носит название „поднащельника“ (сравнить северно-великорусское „нащилка“ для верхнего слоя желобоватых тесин¹ и западно-сибирское „подщельник“ для нижнего слоя досок;² 2) верхний слой досок также кладут не вплотную друг к другу, а в разбежку; в этом случае верхние и нижние доски являются одинаковыми по ширине

Фиг. 25. Двухэтажный дом. Д. Тургусун.

(фиг. 26). Такая крыша, при получившейся неровности верхней поверхности, производит впечатление полосатой; этот прием дает значительную экономию в тесе. Способ покрытия „в один тес“ особенно типичен для д. Коробихи, не имеющей своего листвяжного леса.

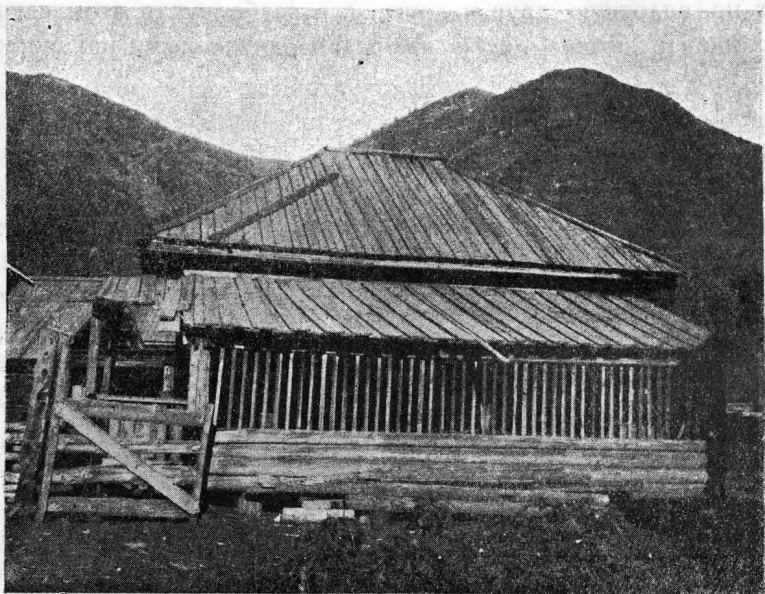
Вследствие трудности добывания длинного теса, иногда кладут тес более короткий, чем ширина ската; тогда получается как бы разрез в крыше, параллельный коньку. Иногда эта верхняя часть (из более короткого теса) занимает верхние части всех четырех скатов, и получается как бы небольшой

¹ М. Б. Едемский. *Op. cit.*, стр. 65.

² Н. Л. Скалозубов. Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии. Ежегодник Тобольского музея, 1895, вып. IV, стр. 68.

надлом—как бы форма переходная к шатровой крыше с надломом (фиг. 25).

Резюмируя все сказанное выше относительно форм и материала крыши, следует признать, что и здесь, на далекой окраине, эволюция типа крыши идет по такому же пути, что и в Европейской части Союза. По материалу—мы имеем всю серию от крыши из жердей и хвороста до крыши из пиленого

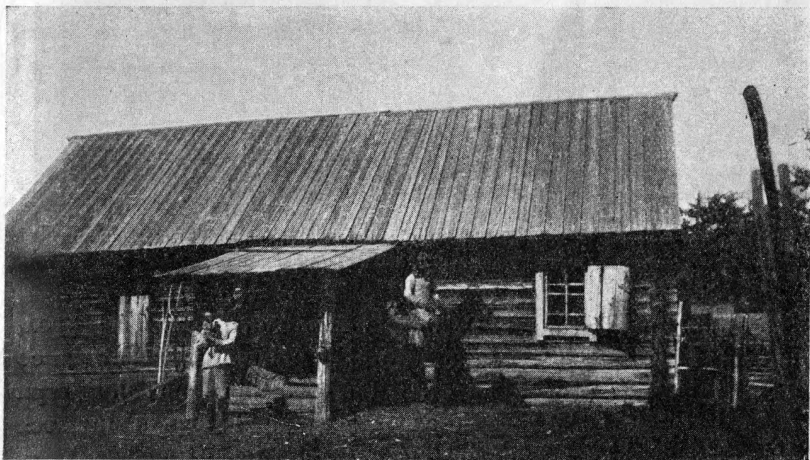
Фиг. 26. Дом с наружной галлереей. Д. Коробиха.

теса, по форме—от плоской, затем слегка односкатной крыши до стропильной четырехскатной шатровой крыши.

* Потолок избы укладывается на матицу, называемую „маткой“, которая идет в направлении, параллельном стене с входной дверью, и бывает всегда одна, что типично для северновеликорусских построек. С „маткой“ у кержаков до сих пор еще ассоциируются определенные представления культового порядка; так, например, казак, вошедший в избу, будь это даже работник, проживший в данном хозяйстве больше десятка лет, не смеет переступить за матицу.

КРЫЛЬЦА

Крыльца на Бухтарме встречаются различного вида, и их можно свести к нескольким типам: наиболее простой—это открытое крыльцо, состоящее из нескольких ступенек и открытой площадки на столбах перед входной дверью, причем лестницы бывают фланговые (идушие вдоль стены дома, примыкая к ней) и фронтальные (с маршем, перпендикулярным стене дома); фронтальные встречаются гораздо реже. Следующая ступень—такое же крыльцо, но крытое, причем наиболее типичной, наиболее старой по возникновению и наиболее рас-

Фиг. 27. Изба с амбаром под одной крышей. Д. Печи.

пространенной формой крыши для крыльца в этом районе является односкатная, подходящая под край крыши основной жилой постройки.

Наиболее простой ее формой является покатый навес из досок, пришитых одним концом к стене жилища, а другим опирающихся на поперечину, укрепленную на двух вертикальных столбах (фиг. 27). Крыльца такого вида устраиваются при самых бедных постройках.

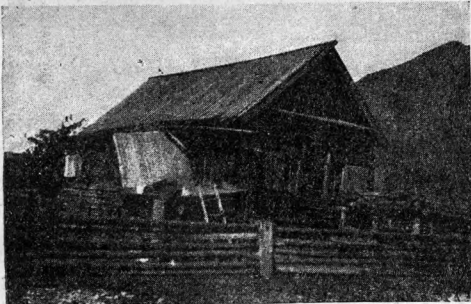
От такого простого, часто открытого с боков навеса на двух столбах можно проследить все переходы до значительно более сложных форм как старых, так и новых типов; и те, и другие можно разбить на две группы—крыльца глухие и крыльца открытые.

Для прежнего времени наиболее типичным является глухое закрытое крыльцо, в виде ящика, прилегающее вплотную к длинной

Фиг. 28. Дом И. В. Коробейникова: связь с поперечной пристройкой и крытым крыльцом; слева—сушила. Д. Белая.

стене избы, поднимающееся прямо с земли, рубленое в угол, с входной дверью на широкой стороне; крыша односкатная, со скатом в том же направлении, что и крыло крыши (фиг. 5). Внутри

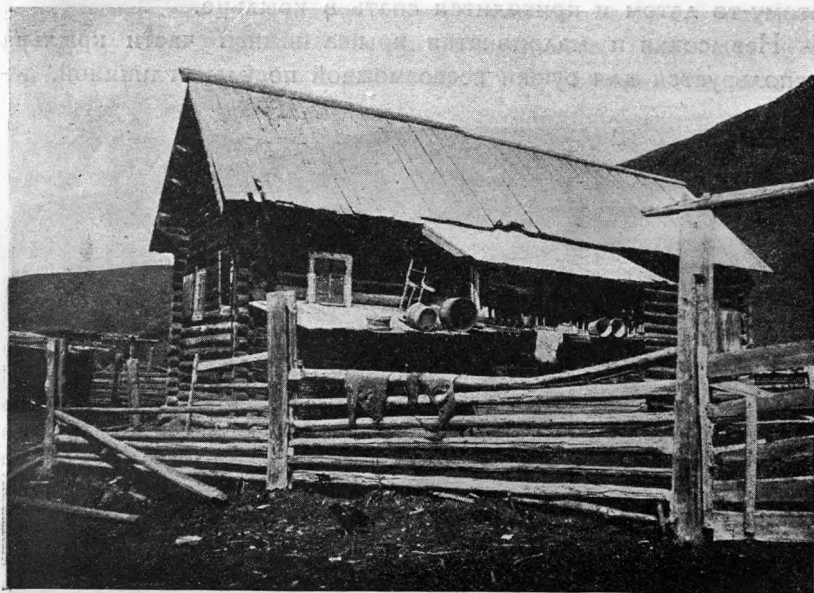

Фиг. 29. Старинная изба с глухим крыльцом. Д. Белая.

такого ящика имеется нижняя площадка, лестница и верхняя площадка. Большой частью в старых постройках этот ящик — сложной формы, вытянут во всю длину стены избы с сенями, или — при связи — занимает стену сеней и одной из изб. Форма эта такова (фиг. 29):

правая (на данной фотографии) часть со входной дверью с широкой стороны, низка, прилегает к избе и крыта слегка наклонной крышей, подходящей под окно избы (около переднего угла); вправо от двери — нижняя площадка крыльца, у правой стенки лавка, иногда кровать для

спанья летом, прямо — дверь в подполье. Нижняя площадка является, таким образом, крытым входом в подполье; на ней производятся все работы, так или иначе связанные с подпольем: здесь цедят и переливают молоко; здесь возятся с пивом, льют свечи и т. п. Налево поднимается высокая часть крыльца, включающая лестницу и верхнюю площадку с крышей, подходящей под крышу всей постройки. Наружу выходит окно на

Фиг. 30. Общий вид связи со старинным крыльцом. Д. Белая.

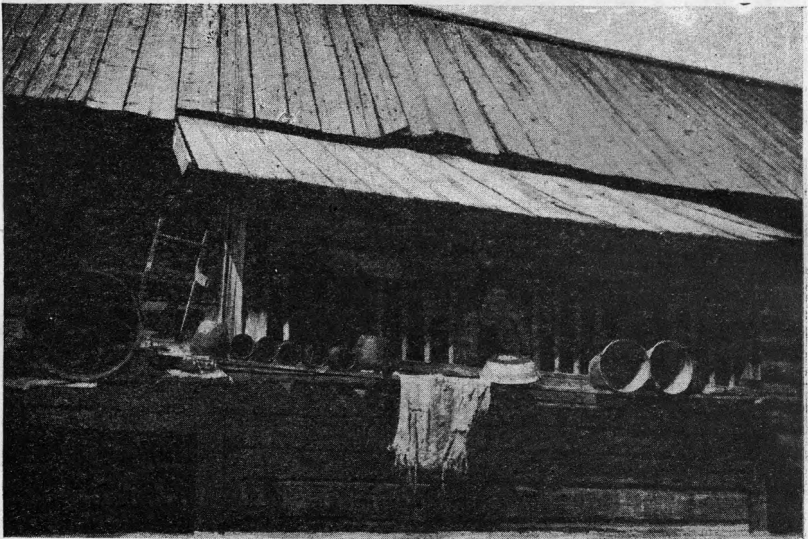
уровне окон избы, против него — дверь в сени. Большой частью на верхней площадке вделаны лавки, здесь висит летом у окна рукомойник, а в углу стоит „треног“¹ с водой, наконец, летом здесь же в кольцо в потолке продернут оцеп для люльки;² здесь летом спит большая часть семьи. Надо сказать, что летом в избе особенно жарко потому, что печь приходится топить ежедневно не только для приготовления пищи, но в состоятельных семьях и для выпечки хлеба; в менее зажиточных

¹ Большая кадь для воды.

² Кроме оцепа люльку вешают на шерстяном поясе и, даже, стальной пружине. Люлька представляет собой деревянную рамку, 70×75 см с слабо натянутым холстом, подвешенную к оцепу при помощи четырех ремешков, связанных сверху.

пекут реже. Хлеб едят исключительно пшеничный, в виде калачей; он быстро черствеет, и ни в каком случае его нельзя напекать на неделю, как то делается хотя бы в северной Великороссии. Особенно часто приходится печь хлеб в состоятельных семьях, нанимающих казаков в работники. Это и вызывает усиленную топку печи, что, в связи с отсутствием отворяющихся окон, создает в избе невыносимую жару. Поэтому-то летом и приходится спать в крыльце.

Невысокая и малопокатая крыша нижней части крыльца используется для сушки всевозможной посуды—глиняной, де-

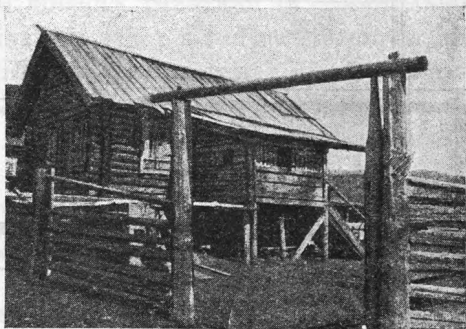
Фиг. 31. Старинное крыльцо. Д. Беляя.

ревянной (фиг. 30); на ней сушат зерно, ягоды и пр. Этому способствует и то, что постройки ставят передним углом, а следовательно, и низкой частью крыльца, на солнечную сторону. Иногда граница между высокой и низкой частями крыльца представляет собой вертикальную стенку, иногда скашивается и, в таком случае, покрыта крутой крышей (фиг. 29). У более старых изб эти крыльца рубились в угол (фиг. 5), а у более поздних — в лапу (фиг. 7 и 29).

Глухие закрытые крыльца с изломанной линией крыши придают особенно характерный замкнутый вид этим старинным старообрядческим постройкам. Почти всегда они сопут-

ствуют самцовым двускатным крышам, старинным связям и избам-ординаркам. Реже встречаются крыльца совершенно такой же общей конструкции, но не вполне закрытые. У них, вместо окна, в наружной стене вынуты (или не врублены) бревна три, и оставшийся промежуток заполнен легкими вертикально поставленными брусочками; если они врублены с промежутками (например, четыре столбика и промежуток), над которыми верхнее бревно имеет выемки на подобие плоских арок, то получается изящное крылечко, напоминающее и старинные крыльца нашего севера, и старинные миниатюры (фиг. 31). На них ясно сказывается влияние архитектуры северных деревянных церквей. Сравним изображения церквей у Грабаря¹ и у Суслова.²

В небогатых постройках крыльцо рубится не из бревен и не от земли, а делается на четырех столбах с открытой лесенкой, без нижнего рундука; стены же делаются из плах, забранных в паз в стол-

Фиг. 32. Изба с крыльцом на стойках.
Д. Белая.

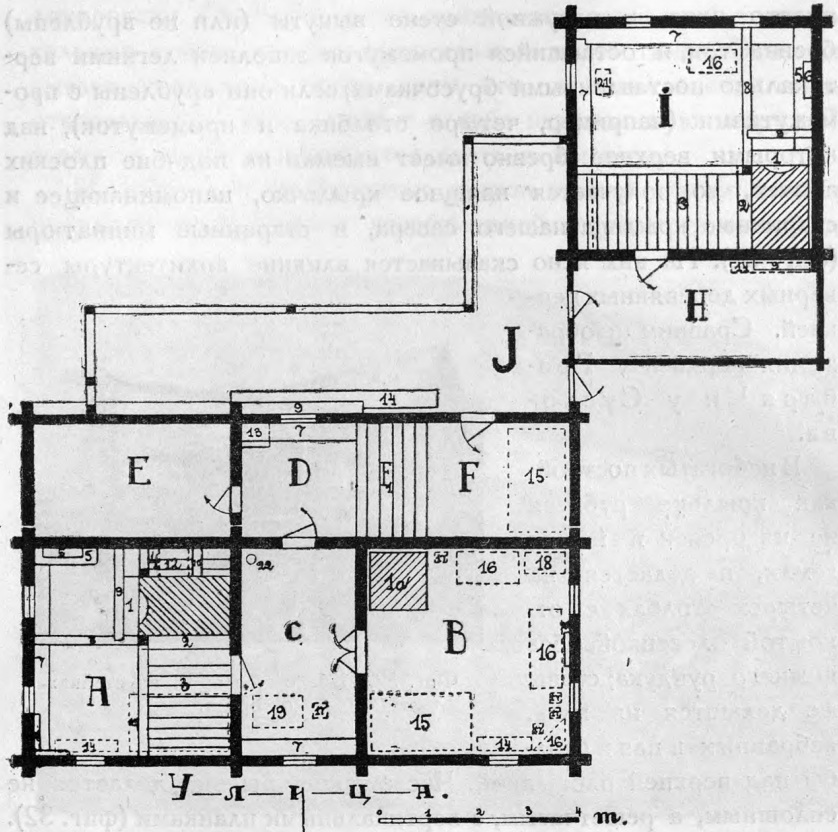
бы над верхней площадкой. Часто такое крыльцо делается не сплошным, а решетчатым, с вертикальными планками (фиг. 32).

У новых построек (пятистенные и крестовые дома) такого типа крылец уже совершенно не делают. Иногда во всю длину крестовика, пятистенка или даже крестовой связи с задней или боковой стороны идет открытое крыльцо с двумя площадками и лестницей, имеющее калитку внизу, затем несколько ступенек наверх и далее площадку с невысокой заборкой и открытыми стенками над ней, с односкатной крышей на стойках. Но наиболее употребительными в настоящее время являются совершенно иные формы, которые говорят о том,

¹ Игорь Грабарь. История русского искусства. Вып. 3. М., 1910.

² В. В. Сусл ов. Памятники древнего русского зодчества. СПб., 1895—1901.

что эволюция крыльца с односкатной крышей, параллельного стене постройки, пошла по двум прямо противоположным путям.

Фиг. 33. План связи Михаила Исаакиевича Коробейникова в д. Белой.

А—изба. В—горница. С—теплые сени. D—крыльцо. Е—кладовая. F—нижняя площадка крыльца с кроватью (над ней висячая казенка). F₁—лестница. Н—холодные сени. I—отдельная кухня (остаток старой связи). J—крытая галлерея. 1—печи. 1-а—голландка. 2—голбчик. 3—полаты. 4—запечье и полаты. 5—залавки. 6—шкафики. 7—лавки. 8—грядки. 9—полки на высоте дверей. 10—полка на высоте стола. 11—божница. 12—ход в голбец. 13—ход на чердак. 14—скамьи. 15—кровати. 16—столы. 17—студья. 18—комод. 19—ткацкий стан. 20—зеркало. 21—швейная машина. 22—рукомойка.

1) Крыльцо уже не прирубается к постройке, а рубится и связывается с нею вместе, сливаясь, таким образом, в одно органическое целое с постройкой, уходя под общую четырехскатную крышу и заменяя отчасти сени (см. главу о типах жилищ). Этот путь намечался уже давно, тогда уже, когда

стали прирубать крыльцо к задней стене дома, делая его с прямой односкатной крышей и подводя ее под двускатную крышу пятистенка (фиг. 6) или связи (фиг. 11). Эту переходную форму мы встречаем уже тогда, когда стали связи ставить не перпендикулярно к улице, а вдоль ее, следовательно, когда появились связи с балконами (см. ниже). Следующей формой является та, когда связь эту кроют четырехскатной крышей и когда является возможность забирать это прилегающее крыльцо под общую крышу. Получается, таким образом, крытый коридор вдоль всей связи (фиг. 9), сохраняющий название крыльца.

Нередко в таком крыльце с верхней площадки перекидная лесенка—доска с набитыми поперек планками (в строительной технике называемая стремянкой) ведет в так называемую „казенку“—род чулана, который как бы висит над правой частью нижней площадки (фиг. 8, 1). Термин „казенка“ в смысле кладовой, где хранится казна, т. е. имущество хозяев, известен был в Московской Руси еще в XVII веке,¹ а в наше время бытует как в Сибири, например, у семейских,² так и в европейской части, например, в губерниях: Вятской, Пензенской, Нижегородской и ряде других.³

Таким образом, при выравнивании крыльца выгадывается место, так как казенка помещается в крыльце и исчезает надобность в боковых пристройках для кладовых (сравнить фиг. 5 и 8).

2) Крыльцо превращается в наружную галерею, или решетчатую⁴ (фиг. 26), или совершенно открытую, имеющую вид дачной террасы, с досчатой заборкой перил, украшенной позд-

¹ М. Красовский. Курс истории русской архитектуры, ч. I. Пг., 1916, стр. 63—73; И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1895, стр. 29.

² Семейские. Иркутск. 1920.

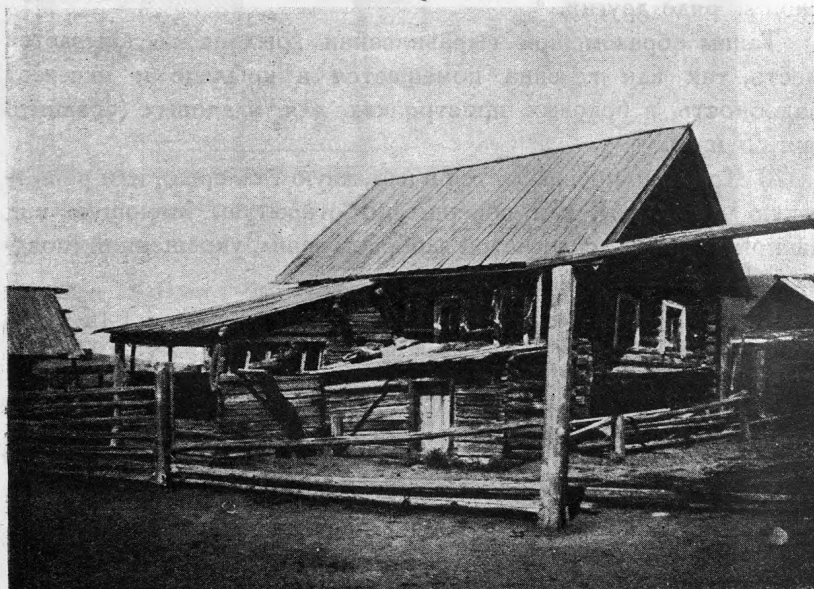
³ А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы. Архив Русск. Геогр. о-ва в Ленинграде.

⁴ Вид такого крытого решетчатого крыльца невольно заставляет вспомнить известную песню:

Ах, вы сени, мои сени,
Сени новые мои,
Сени новые, кленовые,
Решетчатые.

Фиг. 34. Дом с открытой галлереей. Д. Белая.

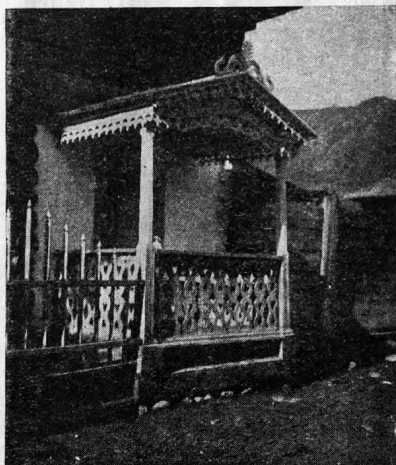
Фиг. 35. Старинная изба Н. И. Николаева с поперечной лестницей и нижней кухней. Д. Печи.

ней пиленой резьбой; встречаются различные типы этой резьбы, как более ранняя по технике (преобладает работа коловоротом), с мелким слепым узором (фиг. 34), так и более поздняя (преобладает работа пилкой), когда выпиленное пространство увеличивается и становится фоном, а оставшееся невыпиленным дает узор (фиг. 36).

Как на первую стадию такой галереи, еще недоразвившейся до типичной террасы, можно указать на вышеупомянутое невысокое крылечко с крышей, открытое с боков, идущее вдоль задней или боковой стены дома.

Иногда, впрочем, такая галерея является не вытянутой вдоль дома, а почти квадратной, если крыльца нет, а она устроена за счет четвертой части площади крестовика.

Все вышеописанные крыльца имеют лестницы фланговые, идущие вдоль стены постройки. Гораздо реже встречаются односкатные крыльца, с лестницей фронтальной, т. е. перпендикулярной стене жилища.¹ Тип такого рода старой постройки мы имеем на фиг. 35. Здесь рубленое крытое крыльцо далеко выступает от дома; оно имеет

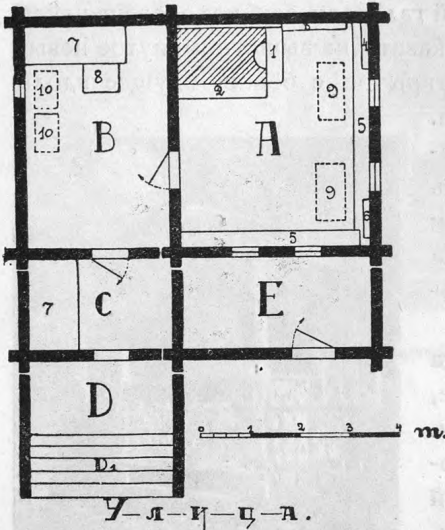
Фиг. 36. Крыльцо городского типа.
Д. Печи.

справа и слева пролеты в три бревна высотой, в которые вставлены редкие вертикальные брусочки. Справа—отдельный невысокий сруб с отдельным входом, ведущим в полуподвальный этаж, где помещается нижняя изба или кухня (фиг. 37). Невысокая, слабо покатая крыша, подходящая под окна избы, используется для сушки домашней утвари.

¹ Фронтальная лестница редка и в Европейской России и почти всегда связана с влиянием городской культуры. Типичная для великоруссов фланговая лестница имеет перед ней много преимуществ, так как: 1) расположение входа в крыльцо сбоку оберегает жилище от ветра, дождя и снега (при фронтальной лестнице мы имеем вход в крыльцо против входа в жилище) и 2) фланговая лестница, примыкая к стене, создает экономию места, не мешая движению скота и экипажей.

Крыльца с фронтальными лестницами встречаются и у новых построек, напр., у крестовиков, но устраиваются большей частью у дома со стороны, противоположной улице.

Более редкими в районе являются крыльца с двускатной крышей с фронтоном (фиг. 28); это поздно появившийся,

Фиг. 37. План избы Никифора Николаева в д. Печах (фиг. 35).

А—изба (под ней нижняя изба). В—сени
С—сени. Е—крыша над входом в нижнюю
избу. D—крыльцо. D₁—лестница.
1—печь. 2—голбчик. 3—залавок. 4—
шкафик. 5—лавки. 6—божничка. 7—
нары. 8—ход в голбец. 9—столы. 10—
сундуки.

невыработавшийся, неустановившийся тип крыльца, который спорадически можно встретить у постройки любого типа; небольшое крыльцо обычного северно-великорусского типа крытое в шпунт на два ската, которое пристроено либо к сеням избы, либо к закрытому крыльцу, играющему роль сеней (фиг. 13). Как единичные случаи, попадаются такие крыльца, как с арочными пролетами типа миниатюр (фиг. 38), так и украшенные современной городского типа пиленой резьбой, выходящие на улицу.

На основании этих материалов можно составить следующую схему развития крылец с односкатной крышей, идущего по двум основным линиям:

а) Открытые крыльца:

- I — Площадка без крыши.
- II — Навес на столбах (фиг. 27).
- III — Открытое с боков крыльцо вдоль дома, с калиткой внизу, под односкатной крышей.
- IV — Галерея открытая вдоль дома, подходящая под крышу дома (фиг. 34).
- IVa — Галерея решетчатая вдоль дома (фиг. 26).
- V — Галерея квадратная, занимающая четверть крестовика, под общей четырехскатной крышей.

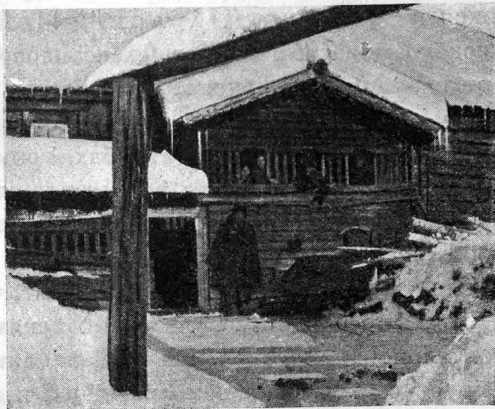
б) Глухие крыльца:

- I — Глухое крыльцо на столбах (фиг. 32).
- Ia — Глухое крыльцо с изломанной линией крыши (фиг. 29).
- Ib — Крыльцо с арочными пролетами (фиг. 30).
- II — Глухое крыльцо, подходящее под крышу основной постройки (фиг. 6).
- III — Глухое крыльцо, входящее органически в состав всей постройки, под общей четырехскатной крышей (фиг. 8).

Крыльца с двускатной крышей, как не типичные для района, в эту схему не укладываются.

Оба пути развития крылец имеют свое основание. Так, путь открытых крылец идет в направлении приспособления жилища к новому бы-

ту, когда гибнут старые устои, прежняя старообрядческая замкнутость и отход от всего мирского исчезают и сменяются стремлением к свету и ясности; когда население алтайских деревень, правда, очень медленно, но вливается в общее русло жизни, когда развивается потребность общения с себе подобными. Путь глухих крылец идет в сторону рационализации жилища, использования максимума удобств при минимуме затрат, когда возможно создать с небольшой затратой теса на крышу удобное крыльцо, более теплое и, следовательно, более удобное в хозяйстве в долгие горные зимы.

Фиг. 38. Старинное крыльцо. Д. Белая.

Намечающиеся два пути развития крылец на Бухтарме идут по разным направлениям и генетически не связаны один с другим.

Особый интерес для нас представляет старинное глухое крыльцо, которое в прежнее время, до распространения пятистенка и крестовика и сопутствующей им четырехскатной крыши, являлось наиболее типичным для Бухтарминского края.

Если мы обратимся к современному северно-великорусскому

материалу, то аналогичных форм мы не найдем, несмотря на богатый материал, имеющийся в литературе и музеях по северному русскому зодчеству. Лишь на северо-востоке европейской равнины у пермяков Чердынского окр. Уральской обл.,¹ мы встретим совсем ту же форму глухого крыльца, с сохранением всех деталей, что изображена у нас на фиг. 29. Таким образом, у современных великоруссов не удалось найти аналогий алтайскому крыльцу. Но совершенно иная картина получится, если мы обратимся к старому материалу. Дело в том, что крыльцо, крылечко в том смысле, какой сейчас вкладывается в этот термин великоруссами, появилось в деревне очень поздно. На старых изображениях русской деревни, относящихся к XVII веку (Олеарий, Мейерберг, планы Тихвинского монастыря, икона Александра Свирского, хранящаяся в отделении древне-русского искусства в Русском музее), мы видим, что лишь крайне незначительный процент домов имеет крылечки висячие или на столбах, громадное же большинство высоких изб на подклетах не имеет никакого признака крыльца и, следовательно, имеет лестницы, скрытые внутри, по всей вероятности в прирубленных сенях.

Этот материал объясняет тот факт, что в древности, вместо крыльца, постоянно говорилось о сенях, которые были самостоятельной прирубкой. По всей вероятности, о таком именно прирубе с скрытой в нем лестницей и говорится в известном отрывке летописи под 1147 годом: „и выломали ворота и, войдя во двор, увидели там Игоря на сенях и разбили сени под ним и, сбросив его с сней, ту убили его в конце лестницы“.²

Вот к такому-то древнейшему типу прируба в старой русской постройке и можно, повидимому, возводить алтайское глухое крыльцо.

Теперь же всюду на севере мы видим постройки уже совершенно иного внешнего вида, чем на рисунках XVII века, а именно с характерными северными крылечками на столбах, очень разнообразными по общей конструкции и деталям украшений, с наружной лестницей, идущей по стене. По всей вероятности, это крылечко пришло в деревню из города, где развилось в XVI веке под влиянием каменной архитектуры; здесь нужно учитывать влияние гениального Аристотеля Фироравенти,

¹ Фототека Этнографического отдела Русского музея.

² А. И. Некрасов. *Op. cit.*, стр. 61.

строителя Успенского собора в Москве.¹ Очевидно, усвоение крыльечка в деревне шло в XVII—XVIII в.в., когда особенно сильно проникали в деревню московские моды, стиравшие и уничтожавшие древнейшие северные формы. Последние могли сохраниться только в глухих инородческих углах, которые, в силу оторванности своей от общерусской жизни, вследствие разницы языка и культуры, гораздо туже и медленнее воспринимали воздействие города. Это мы видим на примере пермяков Чердынского уезда, сохранивших интересующий нас тип глухого крыльца; это же можно наблюдать на ряде других элементов культуры, уже исчезнувших из великорусского быта, но живущих среди карел, пермяков, зырян. Эти же древние домосковские формы сохраняются у алтайских каменщиков, ушедших из России ранее исчезновения этих форм из быта.

Таким образом, в то время как великорусский север в наши дни является хранителем московских традиций (сравнить хотя бы современные северные формы, типичные для московской архитектуры XVII—XVIII в.в.), далекая окраина за Алтайскими горами является хранительницей традиций домосковских.

БАЛКОНЫ

Балконы устраиваются всегда с улицы, против сеней, во всю ширину сенной стены. Их можно встретить лишь на самых богатых постройках старого времени (конца XIX века)—на связях (фиг. 11 и 12) и крестовых связях (фиг. 17 и 41), причем лишь на тех, которые выходят на улицу и поставлены вдоль нее. Встречаются „балконы“ двух типов: на кронштейнах и на столбах. Первый предпочитается в д. Белой, второй—в Печах, Фыкалке и Коробихе. „Балкон“ на кронштейнах (фиг. 39 и 40) устраивается так: подыскиваются два бревна достаточной длины с нужным искривлением ствола и врубаются на выпуск по одному бревну в нижние венцы двух связываемых срубов со стороны сеней таким образом, чтобы искривления образовали поддержки для балкона. Затем на бревнах возводятся срубы; далее на высоте пола сеней, для основания балкона, связываются два венца в лапу и опираются на кронштейны; в углы получившейся обвязки врубаются столбы, поддерживающие двускатную крышу с фронтоном. Столбы иногда слегка обра-

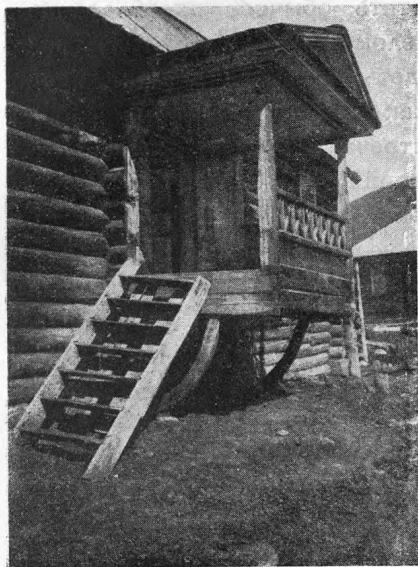
¹ А. И. Некрасов. Оп. cit.

бываются в виде колонок. На балконе устраиваются перильца—большой частью так, что низ забран 2—3 рядами поставленных ребром досок, а верх состоит из наклонных переkreцивающих между собой перекладин — „крестовулин“ (фиг. 41); иногда перила состоят из вертикальных досок с простой резьбой, по форме связанной генетически с крестовулинами (фиг. 11 и 41). Для балкона на столбах вшиваются вертикально в землю против торцов связываемых срубов два столба, которые и составляют опору балкона, к ним уже прирубаются основные венцы балкона, обшиваемые снаружи тесом. Иногда, для красоты, и самые столбы обшиваются тесом (фиг. 41). Верхние столбы, являющиеся опорой для крыши, обрезаются в виде колонок. Остальное так же, как и у первого типа. С трех сторон на балконе устраивают лавочки—здесь любят посидеть в праздник (фиг. 12).

Крыша у балконов обоих типов всегда двускатная и представляет две разновидности: 1) с треугольным фронтоном в западно-европейском стиле, с ребром, образуемым двумя сбитыми под тупым углом досками, прикрывающими самый гребень, где встречаются оба ската (фиг. 39); 2) с полукруглым фронтоном, без ребра; при этом тес кладут поперек всей крыши, перегибая его от карниза до карниза. Эта крыша дает приятную мягкую, изогнутую линию (фиг. 40).

На балкон можно попадать только из сеней; хода снаружи нет. Можно указать лишь единичные случаи, когда на балкон ведет ход с улицы, по врубленной приставной лестнице (фиг. 39). Это явление позднейшее—на фотографии видно, что для этого пришлось разобрать часть перил. В двух встреченных случаях это было вызвано необходимостью; так, в данном случае в доме живет духовный отец-наставник, а, кроме того, горница сдана под контору потребительской кооперации, а оба эти обстоятельства вызывают много посетителей (д. Белая). В другом случае, подобное же явление отмечено было в доме, где горница сдана под кооператив (д. Печи)—к высокому балкону прирублена доска с поперечными планками (стремянка).

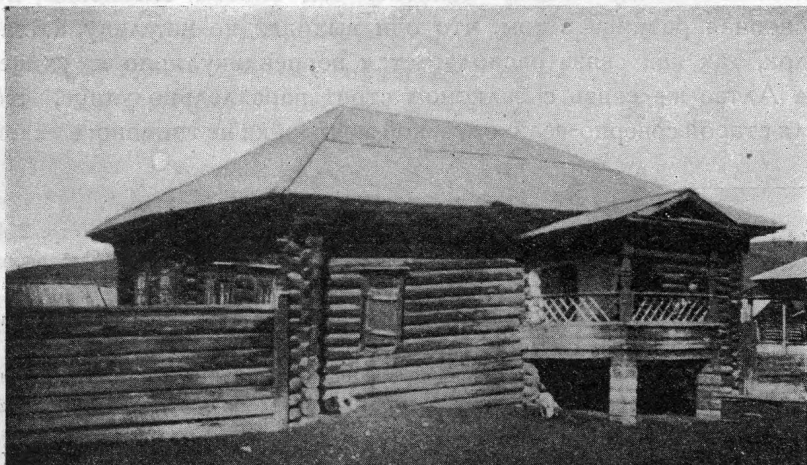
Балкон часто любят украшать росписью—„балкон крашенный“, причем расписывают потолок (подшитый тесом), карниз, дверь, косяки, затем обшитые тесом пространства от косяков двери от торцов стен обеих изб и доски, нашитые на торцы (фиг. 44). Иногда расписывают и фронтоны, и наружную об-

Фиг. 39. Балкон связи И. В. Коробейникова. Д. Белая.

Фиг. 40. Балкон. Д. Белая.

Фиг. 41. Крестовая связь с балконом. Д. Фыркалка.

шивку под крестовулинами (фиг. 17). Что касается общего тона росписи, то следует отметить обычное преобладание голубого и зеленого цветов по белому фону. Такого же типа расписные балконы пришлось видеть и в Максихе. Иногда над фронтоном балкона прибавляют, как украшение, пару маралых рогов. Это явление вообще встречается в оленеводческих районах, так, напр., в Архангельской губ. на Мезени украшают охлупень над избой рогами северного оленя.¹

Иного типа балконы в районе не отмечены. Только раз, в д. Белой, пришлось встретить так называемой „верховой балхончик“, т. е. балкон, представляющий выход с чердака, на фронтоне двускатной стропильной крыши, и то у дома, являющегося здесь редкостью, у так называемого дома „глаголем“.

Балконы описанной формы, повидимому, типичны не только для Бухтарминского района (где их также отмечают в д. Черновой,² с. Сенном³), но и для алтайской деревни вообще. Так, известно, что у старообрядцев, живущих по реке Убе, в состоятельных хозяйствах снаружи к сенной стене пристраивается балкон.⁴

Некоторую аналогию этим балконам мы находим на севере Европейской России. Балконы на стойках бытуют у двухэтажных изб в губерниях Вологодской,⁵ Олонецкой⁶ и Архангельской.⁷ По виду своему балконы эти близки алтайским, но основная разница в том, что они выходят не на улицу, а в заулук, так как связь располагается перпендикулярно к улице, на Алтае же связь с балконом стоит параллельно улице, что для старой северно-великорусской постройки не типично; в связи

¹ Крестьянское искусство СССР. 2. „Academia“. 1928. Фот. на стр. 244.

² Н. Я д р и н ц е в. Раскольничьи общины на границе Китая. Сибирский сборник, 1886, кн. I, стр. 28.

³ Б. Г е р а с и м о в. В долине Бухтармы. Записки Семипалат. п/отдела Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. о-ва, вып. V, Семипалатинск, 1911, стр. 16.

⁴ А. Н о в о с е л о в. Умирающая старина. (К материалу по этнографии алтайских старообрядцев). Записки Семипалат. п/отдела Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. о-ва, вып. X, Семипалатинск, 1915, стр. 9.

⁵ А. А. Б о б р и н с к и й. Народные русские деревянные изделия. Вып. XI, табл. 153.

⁶ Фототека Этнографического отдела Русского музея.

⁷ В. С у с л о в. Памятники древнего русского зодчества. СПб., 1895—1901.

с этим, северно-великорусские балконы расположены над входной дверью в сени, при наличии внутренней лестницы в сенях во второй этаж; алтайские же помещаются всегда над глухой стеной, в то время, как на противоположной задней стене дома помещается крыльцо с входной дверью. Входа под балконом быть не может, так как никогда старинная постройка не имеет входа с улицы. Таким образом, если рассматривать северно-великорусский балкон, как редуцированное крыльцо на стойках, от которого сохранился лишь верхний рундук, при исчезновении наружной лестницы и появлении внутренней лестницы в сенях, то относительно алтайских балконов встает вопрос: есть ли это конечная стадия того процесса на севере Великой России, который превратил крыльцо с наружной лестницей в балкон без выхода наружу (эту стадию следует признать конечной потому, что не сохранилось никаких следов от входа под балконом), или это самостоятельная новая форма, когда крыльцо остается на своем месте, а балкон прорубается на противоположной, глухой стене сеней. Если на первый вопрос отвечать утвердительно, то можно сказать, что эволюция старинного типа—связи—пошла здесь дальше, чем в Европейской России. Ища способов украшения жилища и приспособления его к новым потребностям в то время, когда еще редки были и не приняты пятистенки и крестовики, алтайский крестьянин сконструировал жилище старое по форме (связь), но отвечающее новым вкусам, т. е. с балконом, поставил его вдоль улицы, но вследствие этого ему пришлось убрать отсюда дверь и устроить вход сзади. Однако, тот факт, что во-первых—в обследованном районе не имеется формы, аналогичной северно-великорусской, с входом под балконом, и, во-вторых—что алтайские постройки с балконом всегда имеют развитое крыльцо сзади дома,—говорит нам за большее вероятие второго предположения, а именно: что балкон есть вторичное явление, независимое от крыльца, что он развился из окна, прорубаемого в связях обычно в стене сеней, противоположной входу с крыльца. В таком случае возможно, что балкон на кронштейнах является более старой формой, чем балкон на столбах. Интересно то, что давно уже начали строить связи параллельно улице, но, ставя их так, упорно придерживались старого обычая—отхода от мирского соблазна, и поворачивали связи лицевой стороной, с крыльцом и окнами в ограду, а глухой стороной—на улицу;

связи этого типа имеют лишь одно окно на улицу, прорубленное из сеней. По всей вероятности, когда развилось крыльцо, подходящее под крышу (см. главу о крыльцах) и закрывшее стену со стороны ограды, то пришлось прорубать окна на выходящей на улицу стене, и в связи с все большим отходом от старого и получился тип связи с балконом: на глухой стене изб прорубили окна, а бывшее уже окно в сенях превратилось в дверь с балконом.

Очень изящной, но теперь уже исчезающей деталью убранства старых богатых домов являются легкие галлерейки, с перилами из „крестовулин“, идущие вокруг дома под окнами второго этажа (фиг. 11 и 12). Эти же галлерейки украшают и старинные богатые дома алтайских „поляков“¹ и такие же „галдарейки“ встречаются на больших домах старинной архитектуры Олонецкой губернии². Эта деталь ведет нас в древнюю Русь, где подобные же галлерейки- „гульбища“ устраивались вокруг теремов на боярских хороммах.³

ОКНА, СТАВНИ и ДВЕРИ

В прежнее время окна кержацкой деревни, по рассказам самих кержаков, были вполтину меньше нынешних; говорят даже, что окна, выходящие на улицу, делали меньше выходящих в ограду. Объясняют это тем, что считалось грехом лишней раз заглянуть на улицу, так как это вызывает зависть к другим, осуждение их. Кержаки среднего возраста рассказывают, что их деды вставляли в окна брюшину: „выпарывали ее из скотины, отдирали тонкую пелеву (верхняя часть скотской трубухи) и вставляли“. Такое окно давало „туманный свет, а различки не было, ничего не увидишь на улицу“. Летом иногда и не открывали этих окон, как, впрочем, делается и сейчас, при стеклянных окнах. Позднее уже появились и стекла; возили их вьюками и на телегах (через д.д. Огневу и Коробиху). В настоящее время стекла для окон доставляют через горы из Катон-Карагая, укрепляя ящик на так называемые

¹ М. Швецова. „Поляки“ Змеиногорского округа. Записки Сиб. отд. Русск. Геогр. о-ва, кн. XXVI, Омск, 1899.

² Бобринский. *Op. cit.*, табл. 152 и 153; Фототека Этногр. отдела Русского музея.

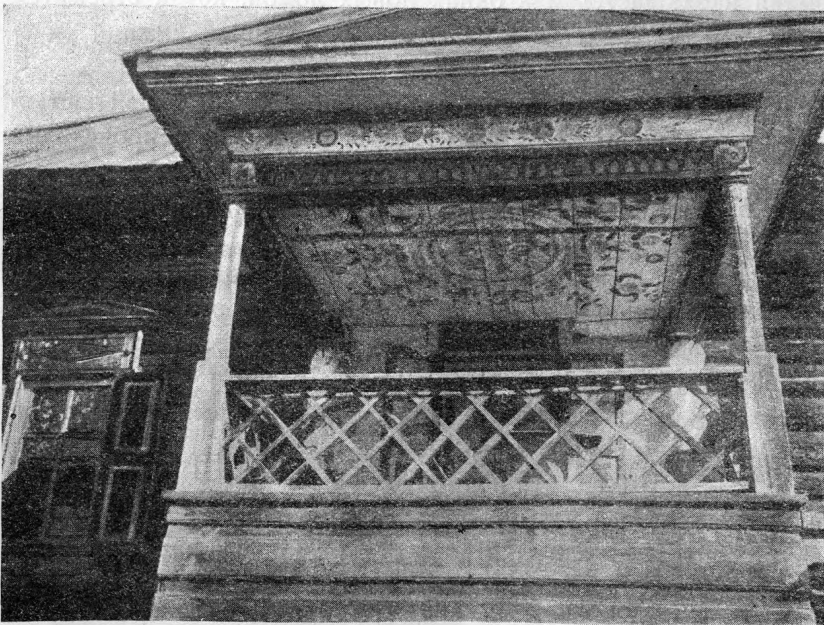
³ И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1895, стр. 30.

Фиг. 42. Расписная ставня в связи
И. В. Коробейникова. Д. Белая.

Фиг. 43. Расписные ставни в доме
Акулова. Д. Коробиха.

Фиг. 44. „Крашенный“ балкон. Д. Фыкалка.

мых тасках, представляющих собою две жерди, соединенные перекладной.

Отдельные части оконной коробки носят названия: косяки, поперечный косяк (верхний), бровка—карниз над окном, внутри и снаружи, подушка—подоконник. Останавливает на себе внимание название бровка: в настоящее время этот термин употребляется у великоруссов в плотничном и столярном деле для обозначения всякого карниза, всякой кромки, отобранной галтелью (инструмент).¹ Здесь же, на Бухтарме, становится понятным происхождение этого названия, употребляющегося здесь еще в своем старом метафорическом значении, как брови, бровки над окном (сравнить окно, от старого око—глаз). Это отголосок древнего анимизма в крестьянском представлении дома.

Преобладают окна с мелким переплетом, большей частью восьмистекольные (около 60% построек имеют такие окна); менее употребительны шестистекольные окна (около 32%). Реже делают все части одинакового размера, чаще же мелкими делают второй ряд сверху и самый нижний в восьмистекольной раме, и верхний и нижний в шестистекольной. Та же тенденция наблюдается и в окнах новых домов, когда стремятся верхнее стекло сделать цельным, а второй и нижний ряды делают более мелкими.

Окна очень редко делаются растворными, большей частью рамы бывают наглухо забиты, так что вентиляция происходит лишь через дверь из сеней. Вследствие этого, особенно душно летом в горницах крестовиков и пятистенков, сообщающихся с кухней, где ежедневно топится печь.

Что касается числа окон, то в односрубной избе с сенями больше двух окон в одной стене не делают; это как бы правило сохраняется и во всех более сложных постройках—в одном срубе одно-два окна в стене; таким образом, у более старых связей имеем на лицевой стороне с крыльцом или три (1+2) или два (1+1) окна, у более поздних с балконом—четыре (2+2) или три (2+1) окна, у пятистенков и крестовиков—почти всегда четыре окна на улицу (по два окна в перерубе); во фронтонных стенах старых построек делают большей частью по одному окну, у новых построек одно-два

¹ Даль. Толковый словарь.

у пятистенка (большей частью одно в кухне, но два в горнице), и почти всегда два у крестовика. Таким образом, сюда не проникло еще позднее влияние городской культуры в смысле увеличения числа окон (до трех) в срубе и типичной остается древняя двухконность сруба. Как указывалось выше, сохранились старые связи, поставленные параллельно улице, но имеющие на улице только одно окно из сеней, а стены обоих срубов—глухие.

По косякам окон располагаются наличники и прикрепляются ставни. Наличники в основе своей те же, что мы имеем и на севере Великороссии. Значительный процент изб имеет наличники гладкие, без всяких украшений. Такие наличники чаще всего состоят из четырех простых косяков и встречаются на наиболее бедных избах (фиг. 27). Кроме этого простей-

Фиг. 45. Старая изба с резвыми долбленными наличниками; под крышей вялится мясо. Д. Белая.

шего вида наличника, известен наличник из двух простых вертикальных косяков с широкими и толстыми досками вместо горизонтальных косяков, с прикрывающим их сверху карнизом (фиг. 13). Таковы большей частью наличники более старых построек; крайне редко уже можно встретить на верхней доске (лобан) старую резьбу в виде розетки или полурозетки, выдолбленной долотом и стамеской, то, что в европейской части носит название „репей“ (фиг. 45). На более поздних постройках появляется на наличниках роспись (см. ниже о ставнях), и наконец, сравнительно недавно, в ясак проникла все побеждающая и все вытесняющая пиленая резьба обычного городского типа (так называемый „дачный стиль“). Большой частью она применяется здесь не в виде свободного кружева, а, главным

образом, в виде накладных выпиленных украшений на верхней и нижней досках наличника. Мотивы—те же, что в европейской части Великороссии: различные завитки (фиг. 46), двуглавый орел; интересна стилизация вазы с букетом, напоминающая рога оленя (фиг. 47). Ажурных обрамлений из тонкой резьбы ясачная деревня еще не знает; основная конструктивная форма наличника остается еще прежней. За пределами же

Фиг. 46. Наличник с выпиленными украшениями. Д. Белая.

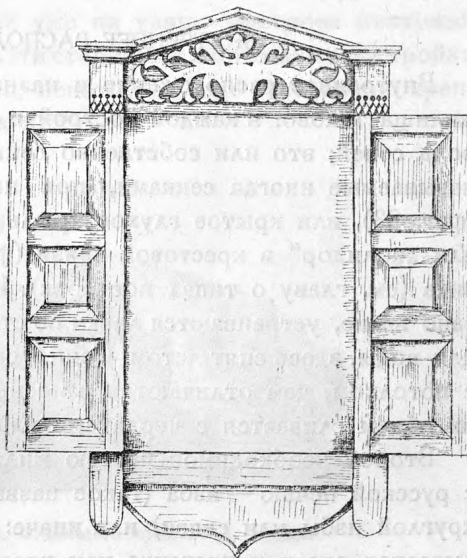
ясака, напр., в деревнях Максихе, Солдатове, этой новой резьбы уже гораздо больше.

Почти неотъемлемую принадлежность окна составляют ставни, на старых постройках одностворчатые, в более новых — обычно двухстворчатые. Одностворчатые делают большей частью из одной широкой гладкой кедровой доски или из нескольких досок, скрепленных двумя поперечинами. Обычно, одностворчатые ставни на двух соседних окнах (больше двух окон, как сказано выше, на старых постройках рядом на стене не бывает) смотрят навстречу друг другу, раскрываясь в разные стороны

(фиг. 13); закрываются эти ставни на железный болт, причем иногда, при забитом наглухо окне, их можно закрыть изнутри: к концу болта привязана веревка, пропущенная в отверстие, просверленное в стене (фиг. 42). Двухстворчатые ставни можно видеть на более поздних постройках; их всегда, без исключения, делают филенчатыми, в две, а на самых новых постройках даже и в три филенки; закрываются они на болты, небольшие болтики, крючки или деревянные завертки. Иногда на одном доме можно видеть одностворчатые ставни на задней и боковых стенах дома, а двухстворчатые на лицевой (фиг. 17). И те, и другие ставни украшаются нередко росписью; причем на одностворчатых все поле доски зани-

мается одной большой композицией, а на двустворчатых каждая филенка дает отдельное небольшое поле для росписи. Расписываются обе стороны ставен, причем рисунок бывает различный на обеих сторонах. Особенный интерес представляет роспись на одностворчатых ставнях, причем часто на одном доме имеем различные композиции на нескольких ставнях. Двустворчатые ставни дома обычно расписываются все одинаково (см. ниже о росписи).

Двери, ведущие из холодного помещения в теплое (напр., с крыльца, из сеней), делают для тепла однополотные, в пятистенке же и крестовике внутренние двери обычно „створные“ „с двумя творками“. Однополотные двери сохраняют традиционную форму — они широки, низки (следует не позабыть наклонить голову при входе, так как нередко они ниже

Фиг. 47. Наличник с пилеными украшениями. Д. Белая.

среднего человеческого роста), с высоким порогом; делаются из широких гладких кедровых досок и сплошь покрываются масляной краской или расписываются цветами. На „створных“ дверях особенно сильно сказалось влияние городских образцов: их делают целиком по-городски — высокими, без порога, столярной работы, т. е. филенчатыми, в три филенки каждая; и либо раскрашивают 2—3 красками (напр., белой, коричневой и зеленой), либо расписывают цветами квадраты и прямоугольники филенок, что встречается реже. Иногда, для тепла, двери, ведущие из сеней, обивают войлоком. Двери по краям иногда обивают связанными пуками соломы (прием, известный у северных великоруссов);¹ это наблюдается, главным образом, у дверей „из-

¹ Ефименко. Ор. cit., стр. 34.

бушки“, т. е. отапливаемого помещения, где зимой держат теплоту и стирают белье.

Запирают двери на щеколды, иногда на так называемые заломы — внутренний запор, состоящий из палки, спущенной на „аркане“, т. е. веревке. В связи с этим говорят — не запересться, а „заломиться, закинуться“ („я с вечера заломилась, встала и отломила“).

ВНУТРЕННЕЕ РАСПОЛОЖЕНИЕ

Внутреннее расположение и назначение отдельных частей жилища таково: в каждой постройке есть помещение, играющее роль сеней; это или собственно сени (в круглой избе, в связи), называемые иногда сенками, при наличии крытого крыльца (фиг. 33), или крытое глухое крыльцо (в пятистенке, в связи), или „колидор“ в крестовой связи (фиг. 15), или часть крестовика (см. главу о типах построек). Иногда здесь, как уже указано выше, устраиваются лавки по стенам; здесь стоит „треног“ для воды, здесь спят летом. Сени в связях устраиваются всегда с потолком, чем отличаются от сеней европейской части, где их объем сливается с чердаками избы и клетки.

Второй необходимой частью жилища является помещение с русской печью — изба (такое название носит она в случае круглой избы или связи) или иначе: кухня, прихожка¹ (так называется она в пятистенке или крестовике). Здесь стряпают, здесь идет вся хозяйственная жизнь; здесь же, большею частью, семья живет зимою.

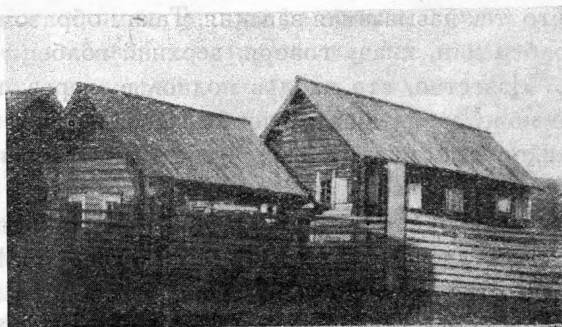
Третьей частью жилища является горница — в связи,² комната — в пятистенке или комната с прихожкой в крестовике (см. планы). Это чистая часть жилища, отапливаемая „галланкой“, где не живут, а лишь спят отдельные члены семьи, где принимают гостей. Прежде, иногда, у богатых хозяев, вся связь отводилась под чистые помещения, хотя бы и с русской печью, а для кухни пристраивался отдельный сруб, который связывался небольшими сеничками в паз со связью (в Белой, в Печах). Кухня пристраивалась различно, или по главной оси связи (фиг. 48),

¹ Сравнить „прихожая изба“ в Архангельской губ. на р. Пинеге. Крестьянское искусство СССР. 2. „Academia“. 1928, стр. 15.

² В старых связях горницу рубили всегда на 1 — 2 ступени выше пола сеней и избы; это — старая традиция, насчитывающая много столетий (сравнить древне-русское слово „горний“ — верхний).

или перпендикулярно к ней, образуя глаголь (фиг. 33); иногда кухню даже устраивали в притык к сеним связи, с внутренним ходом из связи (или даже и крестовика) в кухню (фиг. 28); иногда же кухня имеет только наружный ход, с общего со связью крыльца или с крытой галлерейки (фиг. 33).

Иногда для кухни используется сохранившаяся в глубине ограды старинная листовая изба (иногда часть полуразобранной связи) в то время, как уже на улице выстроен пихтовый крестовик или пятистенок. Эти старинные листовые постройки сохраняются очень хорошо; некоторым, еще совершенно крепким, насчитывается до ста лет.

Фиг. 48. Связь с отдельной кухней. Д. Белая.

Внутреннее устройство избы, являясь в основе своей северно-великорусским, устойчиво и единообразно по всему ясаку. При входе в избу, большей частью по левую сторону от входа, помещается печь, устьем обращенная от двери к передней стене. Над входом, точнее, над всем местом от печи до правой стены, идут полаты. Против входа — передний угол с иконами, против печи — бабий угол. Полаты состоят из досок, идущих от двери, насланных на горизонтальный полатный брус, идущий параллельно двери. Полатный брус врублен в вертикальный брус — печной столб, вделанный в угол печи перед шестком. На конец полатного бруса, лежащий на печном столбе, настлана толстая доска — „грядка“, идущая от угла печи к передней стене; она является полкой, на которую кладут свободную посуду, всякую мелочь, нужную при стряпне (термин „грядка“ бытует как в Сибири, так и на всем севере Великороссии). Симметрично печному столбу, поддерживающему полаты, в противоположном

свободном углу печи вделан вертикальный же столбик, поддерживающий брусок, на который настланы „палатцы“, приходящиеся, таким образом, над запечком. В глубине запечка, на высоте шестка печи, в задней стене вделана полка.

В старину, по рассказам населения, между столбиком и стеной устраивалась дверка, так что запечек был закрытым. За дверкой сейчас же, переступя шаг, устраивалось в полу отверстие — спуск в голбец, т. е. в подполье. Теперь этих дверей нигде не увидишь, а отверстие посредине запечка закрывается подъемной крышкой. В последние годы строят избы, где печь ставится почти вплотную к стене, запечка нет, а вход в голбец с подъемной крышкой устраивается в полу перед печью — это так называемая западня. Таким образом, в старину вход в голбец или, иначе говоря, верхний голбец устраивался за печью. Известно, что вход в подполье через пристройку к печи, имеющую вид шкафа, вообще свойственен старым северно-великорусским постройкам и почти всюду носит название голбца. Что касается положения голбца, то голбец в запечьи известен и в Европейской России; так, мы знаем его для Ярославской,¹ для Тверской,² для Вятской³ губерний. Но гораздо чаще, можно сказать, что почти всюду, в северной Великороссии, голбец примыкает к печи с противоположной стороны, а именно со стороны входной двери. Наряду с этим, известны и избы, имеющие одновременно и запечье (или запечный чулан) без входа в подполье и высокий голбец около печи со стороны двери — мы знаем их в Архангельской,⁴ Вятской⁵ и других губерниях.

Здесь же, на Алтае, со стороны входа мы имеем лишь небольшую (около четверти метра шириной и высотой), закрытую приступочку у печи, называемую „голбчиком“; это, в сущности, длинный ящик, верхние доски которого — „голбешницы“ — поднимаются; мужчины кладут туда плеть, рукавицы; сюда затем

¹ Архив Русск. Геогр. о-ва, 26.

² В. Даль. Толковый словарь.

³ М. Артамонов. Постройки Краснохолмского района, Сборник „Крестьянские постройки Ярославско-Тверского края“. Л., 1926, стр. 38.

⁴ Е. Фименко. Ор. cit., стр. 19.

⁵ Е. В. Матвеева. Из материалов этнографической экспедиции в Куменскую волость, Вятского уезда, летом 1925. Вятка, 1927. План и рисунки I—II.

складывается то, что считается нечистым и не может быть внесено в избу за матицу, близко к иконам — так, например, здесь валяется плитка кирпичного чая, здесь оставляет свою посуду казак-работник и т. п. На голбчик же садятся те, кого хозяева не приглашают пройти дальше — нищий, прохожий, казак-работник. Возможно, что этот голбчик есть редуцированный голбец. Аналогичный процесс происходит в Тверской губернии, в районах смешанного русского и карельского населения, где высокий голбец превратился в невысокую „каржину“, с подъемной крышкой и где, наконец, в некоторых избах, эта каржина превратилась в простую приступку, которая в дальнейшем процессе вовсе исчезает.¹ Точно также в б. Уфимской губернии, в районе смешанного русско-финско-татарского населения, наблюдаются любопытные пережитки: от когда-то бывшего голбца остается только его остов, сохраняющий название „голбец“, в виде ящика на подобие тверской каржины, над которым на высоте печи находится полка, а со стороны печного устья на месте прежней двери устраивают открытый шкаф для посуды.² Но возможно, что это и не так, потому что в Архангельской губернии „в некоторых домах близ печей делаются небольшие прилавки или голбчики“, наряду с голбцем.³

Вдоль правой и передней стен идут вделанные в них кедровые или пихтовые лавки; если это часть пятистенка, то правая лавка идет только до двери, ведущей в комнату, и конец ее скашивается. Под длинную лавку, для предохранения от прогибания, ставится стоячок — подпорка. Лавки у двери, соответствующей общевосточно-славянскому конику, нет; для нее и не остается места, так как дверь сильно отодвинута вправо, чтобы дать место печи с запечьем и голбчиком. По левой стене, значительно выше лавок, на высоте обычного стола, идет вделанный в стену, на двух наклонных упорах „залавок“; на нем происходит стряпня (соответствует по положению и, отчасти, по назначению северно-великорусской суднице и южно-великорусской судней лавке). Над залавком, большей частью ближе

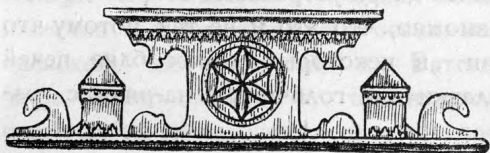
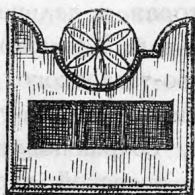
¹ О каржине см. у Артамонова, *op. cit.* и у Л. Песселеп, в том же сборнике.

² По моим наблюдениям среди великорусского населения Бирского кантона Башреспублики в 1928 г.

³ Ефименко. *Op. cit.*, стр. 19.

к углу, висит „шкафик“ без дверки (фиг. 51), с тремя полками, соответствующий северно-великорусскому посуднику;¹ это — необходимая принадлежность всякой избы или кухни. В нем посуда, ножи, вилки, ложки, солонки и пр. Иногда около печи на стене прибита отдельная планка с выемкой — „колодочка“ для вилок и ложек.

В правой части передней стены, над окном или от окна до правой стены вделана в стену божница — „божничка“, большей частью представляющая собой небольшую узкую полочку на двух кронштейнах. Лишь изредка попадаются очень вычурные

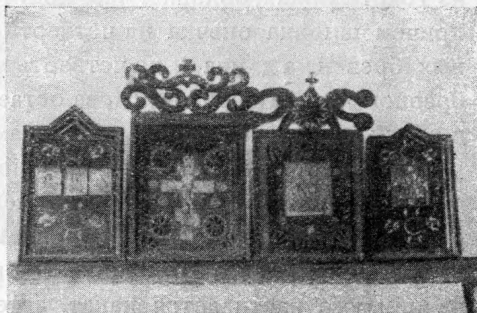
Фиг. 49. Резная „кивотка“ — наверху; внизу — резной верх комода. Дом Лукояновых в д. Фыркалке.

божницы, украшенные обычной пиленой резьбой и раскрашенные разноцветными масляными красками. Реже встречаются расписные божницы (дом Осипа Перфильевича Козлова в д. Печи), того же времени, что и роспись на стенах (см. ниже о росписи). Только в новейших постройках (дер. Коробиха) божничка делается симметрично относительно угла, т. е. состоит из двух полочек, идущих от угла в обе стороны до окон. На божнице стоят медные литые распятия, складни — „створы“, небольшие медные иконки; большей частью эти медные изображения врезаны в дерево, в так называемые „кивотки“. Обычно — это гладкие доски из пихтового дерева, лишь изредка попадаются кивотки с грубой резьбой (фиг. 49), раскрашенной масляной краской. Сходные кивотки можно видеть на фотографии С. П. Швецова (фиг. 50) от алтайских „поляков“. Лишь раз, в д. Белой, пришлось видеть раскрашенный резной киот, состоящий из пяти отделений на пять врезанных в него икон и крестов, ограниченных колонками, с верхними и ниж-

¹ По форме, назначению и положению в жилище, восходит к древнерусскому „поставцу“ — И. Забелин. *Op. cit.*

ними карнизами, выглядевший изящно и нарядно. Эти резные кивотки, как и резные божницы, — нововведение последних поколений и строго осуждается стариками. Иконы старообрядческого письма встречаются в домах гораздо реже литых медных.¹

Кроме вышеописанного, на божнице стоит ладаница (большей частью точеная деревянная чашка в виде вазочки на ножке), ручная кадьница (большею частью самодельная, глиняная), лежат одна-две старопечатных книги, лежат восковые свечи за иконами и перышко, чтобы обмахивать с икон пыль. Ничего не относящегося к религии на божничку положить нельзя, — „никаво не кладут на божничку“. За божницей к стене прибит кусок какой-нибудь ткани, чтобы кресты и иконы не прикасались к стене. В особенно в богобоязненных домах над божницей сделана ситцевая занавесочка, задерживающаяся с двух сторон. Говорят, что

Фиг. 50. Резные „кивотки“ поляков.
Д. Черемшанка Бийского округа.

прежнее время, когда в избу входил казак, то иконы сейчас же задерживались. Под божницей на гвоздике висят обычно „лестовка“, или „лестовица“ и „подрушник“, употребляемые и при домашней молитве, и на молениях в моленной (описание смотреть в статье „Кто такие бухтарминские старообрядцы“). Большой частью крохотная божничка устраивается и над окном против печного устья; иногда же просто литой крестик или иконка засовывается за бровку окна против печи.

Если постройка состоит не из одной избы, а еще есть горница, то и в ней, конечно, есть своя божница, на которой стоит большая часть имеющихся в семье религиозных изображений.

¹ Старообрядческие кресты и иконы развозил здесь богатый старообрядец Гусев, из д. Лсыхи в Риддерском районе. О Гусеве см. у М. Шкапской. „Алтайское кружево“ — фельетон в Вечерней Красной Газете от 17 мая 1927 года.

П Е Ч Ь

Печь, как сказано выше, помещается обычно у входа, устьем к передней стене. В ясаке встречается, главным образом, два типа печи: наиболее распространенный—печь с висячим опечком (шестком), более поздний, и более старый, встречающийся теперь уже редко — так называемая печь со „стамиком“.

Первый тип печи имеет следующие особенности: основанием всей печи служат два толстых бревна, помещающиеся параллельно стене с входной дверью; на них уже кладется опечек из толстых плах, большей частью в три венца, связанных в лапу, причем ширина опечка на четверть метра меньше длины основных бревен, а длина — на четверть метра выдается над крайним бревном; таким образом, слева остается выступ, который сверху и сбоку забирается длинными досками — это и есть голбчик; спереди же часть опечка висит над полом на высоту, равную толщине основного бревна. В угол между выступающей частью опечка и голбчиком и врубается столб, поддерживающий полати (печь на фиг. 8). Дальше — опечек обшивается досками, на нем уже настилается накат, затем набивается под, и потом уже бьется (потому что печи почти исключительно глинобитные) собственно печь. Ее начинают возводить, отступя от переднего края опечка сантиметров на 30 (ширина шестка), так что весь шесток остается открытым, боковых загнет или горнушек совсем не делают (фиг. 53). Затем дальше возводят печь, делая ее переднюю стену несколько наклонной наперед, так что получается как бы небольшой навес над шестком.

Для битья печи устраивается, как вообще на севере Великой России, так называемая „свинка“; для этого сначала ставятся доски, которые придутся к переднему и заднему концу печи, потом прибивается с боков по одной доске стоймя, затем дальше наколачиваются доски таким образом, что получается род свода; затем уже набивается глина;¹ когда все набито, то „целò вырежешь, пестом ударишь“, — передняя доска вылетает, а остальные вытаскиваются за привязанные к ним веревки — „темляки“. Пространство над устьем — чело, до сих пор в произношении старшего поколения звучит „целò“, „цалò“, „салò“, „цёлашка“; то же произношение мы имеем и севернее, на Убе.²

¹ Глину для печи берут в больших плетеных корзинах — кошевах, поставленных на передки с тасками (фиг. 34).

² Г. Гребенщиков. *Op. cit.*, стр. 9.

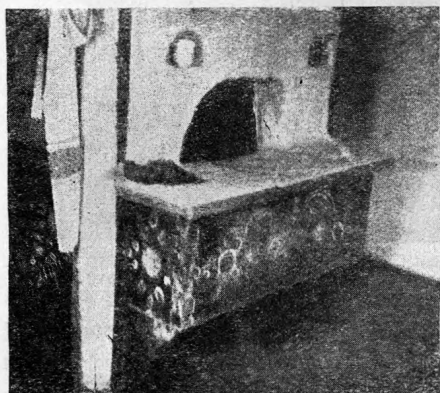

Фиг. 51. Расписной потолок в доме Н. И. Чанова. Д. Коробихе.

Фиг. 52. Печь со стамиком и голбчиком. Д. Белая.

В передней стене вырезаются, хотя и не всегда (сравнить фиг. 52 и 53), одна-две печурки для спичек и т. п. В боковой стене большей частью печурок не делают. Не делают в печи и отверстия для самоварной трубы. Над общим телом печи поставлен как бы небольшой куб — так называемый „чувал“; прямо из него идет вертикальный дымоход, без оборотов и колодцев, причем большей частью это просто круглая железная труба, около 20 см в диаметре. Две горизонтальных плоскости по бокам чувала — „задорги“, передняя (ближе к двери) и задняя. Интересно, что

Фиг. 53. Печь без стамика и голбчика в доме Г. Н. Коновалова. Д. Печи.

здесь термин „задорга“ мы встречаем в несколько ином значении, чем обычно в северной Великороссии, где задоргами¹ называют или часть пода русской печи, по обе стороны чела — в Сибири, Архангельской губ.,² или белые полосы на передней стене печи по бокам закопченного чела — в Вологодской губ.³ По наружному ребру печи идет деревянный брусок — „брусик“, соответствующий южно-великорусской задорге;⁴ благодаря ему не просыпается то, что сушат на печи: пшеница, хмель, ягоды черемухи, боярышника, калины. Для более удобного ссыпания высушенного материала в хозяйственных домах у заднего конца печи (между ее поверхностью и бруском) делается отверстие с жестяным „желобком“.

Печь всегда белится вся целиком — и стенки, и шесток, и даже под, причем у хороших хозяек шесток и передняя часть пода подбеливаются ежедневно по окончании стряпни. Для этого на задней задорге или в печурке (фиг. 53) стоит

¹ Этимологически слово „задорги“ — обозначает полосы по обе стороны дороги — см. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка.

² Даль. Толковый словарь, живого великорусского языка.

³ Едемский. Ор. сит., стр. 37.

⁴ Даль. Толковый словарь.

посудинка с разведенной белой глиной или известью, с опущенной в нее кистью, связанной из осоки. Труба иногда не белится совсем—остается вся черной, иногда белится участками так, что средняя часть остается не забеленной. Опечек, голбчик и печной столб всегда красятся масляной краской, если одноцветной, то чаще всего синей, реже—темножелтой охрой; нередко опечек расписывается условным узором растительного характера, чаще всего—по красному фону, реже—по синему (см. ниже о росписи).

Печь второго типа „со стамиком“ в основной конструкции та же, что и вышеописанная, но по внешнему виду отличается тем, что в основной скелет входит так называемый „стамик“, это массивная тесовая доска, прирубленная к печному столбу в угол между опечком и голбчиком, прикрывающая сбоку опечек и шесток (фиг. 52); таким образом, опечек не является вполне висячим, а связан как с этим стамиком, так и со вторым, прирубленным симметрично ему по другую сторону печи, как то можно видеть на фотографии. Верхний конец стамика заканчивается обычно круглым обрезом или вырезным крупным завитком. Стамик этот, как и все деревянные части печи, красится или расписывается масляной краской. Теперь его можно встретить лишь в старинных избах, а иногда хозяева избы указывают, что стамик перенесен сюда из старой избы; из быта он почти исчез, но термин еще живет, и поэтому в новых домах хозяйки печной столб зовут стамичком. По форме, по положению своему эта тесовая доска, называемая здесь стамиком, типична не только для старинных построек алтайских кержаков, но в прежнее время была типична и для большей части северной Великороссии¹ (где в Ленинградской, Новгородской, Тверской и Псковской² губерниях ее зовут коником), а также и для украинцев,³ у которых также бытует термин коник. Термин же стамик является вообще северно-великорусским и обозначает всякую вещь, поставленную вертикально; в применении же именно к печному столбу этот термин встречается на северо-востоке Европейской России.⁴

¹ Фототека Этнографического отдела Русского музея.

² См. Даль. Толковый словарь.

³ Материалы Всеукраинской Академии Наук (кабинет им. Ф. К. Волкова).

⁴ Даль. Толковый словарь.

Отмечен и третий тип печи, где мы имеем редукцию всех старинных деталей—и голбчика, и стамика (фиг. 53), где сохраняется лишь печной столб, как опора для полатей и грядки; на боковой же стене печи появляется целый ряд печурок.

Таким образом, печь в Бухтарминском крае (а, повидимому, этот тип печи распространен и вниз по Бухтарме,¹ этот же тип мы видели и в нарымской долине — в г. Больше-Нарымске, в заимках по старой „китайской“ дороге, в д. Медведке) носит на себе целый ряд северно-великорусских черт, какими являются: характер опечка, связь с голбцем, наличие стамика, занимаемое печью место в избе и направление устья. В то же время печь эта сохранила целый ряд весьма архаических черт—так, она имеет совершенно прямой дымоход через железную трубу, что сближает ее с так называемой „полубелой“ печью, когда нет дымохода, а есть отверстие в потолке, в которое на время топки вставляется железная труба;² затем она имеет открытый шесток, без загнет и горнушек, что сближает ее с черной печью.

Настоящих черных печей в ясаке не сохранилось, но говорят, что „при дедах“ они были, причем отверстие для дыма устраивалось в потолке. Но бывают все же случаи, когда кержакам приходится и теперь сбивать черные печи. Такой возврат к старому пришлось увидеть во вновь „расколачивающемся“ (т. е. расселяющемся, устраивающемся) поселке Черемошке,³ куда переселяются выселенцы из старообрядческих деревень, главным образом из д. Черновой, лишившиеся своей земли вследствие землеустройства и выделения старых угодий казакам (киргизам). Так как жилище еще не было готово, то для печения хлеба была сбита на открытом воздухе глиняная (не побеленная, конечно) печь, на невысоком глиняно-земляном холмике, заменяющем опечек. Общая форма ее, — продолговатая, полукруглая в сечении, без трубы и шестка. Для удобства пользования, чтобы сажать в нее хлеб не нагибаясь, печь была сбита на краю неглубокой ямы; в такой печи пекут лишь хлеб, а для варки и кипячения разводят огонь на земле; если нужно вскипятить чайник, то разводят костер, ставя над

¹ Герасимов. *Op. cit.*

² Артамонов, *Op. cit.*, стр. 37.

³ Черемошка лежит к северу от р. Бухтармы. в 8—10 км от д. Печи недалеко от дороги, идущей из Печей на Язовую.

ним обычную высокую треногу из трех палок; на костре же греют и чугушки; если же нужно согреть много воды в „казане“ (котел полусферической формы, распространенный в Азии), то устраивают земляную печку на подобие украинской кабицы,¹ т. е. прокапывают в земле наклонную галлерейку, которая сообщается с вертикальной дырой, прокопанной сверху и образующей с первой род колена; все обкладывают галечником; на вертикальную дыру ставят казан, а со стороны наклонного хода подкладывают топливо.²

Глиняные печи вышеописанного вида можно встретить и у переселенцев-украинцев Бухтарминского уезда — в Малой Красноярке на берегу Иртыша. Может быть, такие же печи были и в избах у богатеев XVIII века? Но даже и такой тип печи является большим шагом вперед, по сравнению с каменной, до сих пор бытующей в охотничьих избушках и банях.

ВНУТРЕННЯЯ ОТДЕЛКА ДОМА

В прежнее время стены кержацких изб внутри имели тот же вид, что и в большей части северно-великорусских деревень, т. е. были бревенчатыми, слегка подструганными, с мхом или паклей в пазах. Теперь для ясачной деревни это становится редкостью; это можно видеть только у бедняков (процент которых весьма незначителен), или в домах еще незаконченных, или у переселенцев.³ Большая часть домов являются или крашеными или штукатуренными, второе в последние годы значительно чаще.

Окраска домов внутри масляной краской распространилась здесь в конце XIX столетия (больше 30 лет, по словам населения), когда появились приезжие мастера, производившие эту окраску. Степень отделки окраской была различна: или красили только все мелкие части постройки — опечек, лавки,

¹ Ф. К. Волков. Украинский народ в его прошлом и настоящем. Т. II. Пг. 1916, стр. 525—526.

² Также согревают воду и кержаки в деревнях в летнее время для стирки, мытья полов, приготовления пива; почти у каждого в ограде можно видеть такую печку. В последнее лето (1927 г.) в некоторых деревнях (Белая) запрещено ими пользоваться в связи с бывшим здесь громадным пожаром.

³ Пожилой плотник Федор Затеев, из д. Коробихи, от которого получено много сведений, вспоминает, что старики ему еще рассказывали, что прежде, чтобы не мыть стен, затопляли печь, накладывали туда пихтовых веток, закрывали избу и все закачивалось.

двери, дверные и оконные косяки, бровки и подоконники, иногда и полати, или покрывали слоем масляной краски и все стены избы, предварительно гладко их выстрогав. Снаружи раскрашивались ставни и наличники.

Полы в прежнее время редко красили; это делалось лишь в самых богатых „крашенных“ домах, где мастера рядились красить дом кругом, и с полом, иногда и с мебелью, и с утварью (см. ниже). За последнее время учли пользу и удобство крашенных полов, и они распространяются все больше, хотя процент их все же еще невелик.

До революции красили покупной краской, покупая ее сухим порошком у торговцев и приготавливая на олифе. Любимыми цветами являлись: синий, красный, зеленый, коричневый и белый; причем каждый имел свое преимущественное употребление. Так, опечек, голбчик, лавки окрашивали сплошь преимущественно в синий цвет, однополотные двери — в красный или синий, косяки окон раскрашивали полосами (по дорожкам и карнизам, получающимся от работы галтелью) белого, коричневого, синего, зеленого цвета. Двустворчатые филенчатые двери закрашиваются не сплошь, а отдельными участками. Так, например, часта такая окраска: филенки зеленые, обвязка филенок белая, общая обвязка дверной створки — коричневая; косяки же окрашены в синюю и зеленую краски по желобкам и дорожкам; в такой комнате и косяки окон, конечно, раскрашены под цвет дверям — синим и зеленым цветом, внутренние же стороны косяков и подоконники — белым.

Со времени революции так почти не красят, за невозможностью доставать покупную краску. Но зато приготавливают масляную краску домашним способом, а именно: добывают („руют в горе“) около д. Белой желтую и красную охру, где копают ее в разных местах одного участка — в логах, в яру над ручьем, под яром, выгребают, наконец, со дна ручья. Привезя домой, отмучивают ее, промывая несколько раз, причем дресва осаждается на дно; вода со взвешенными в ней частицами краски сливается, затем дают краске осесть, воду сливают, остается краска в виде жидкого теста; ее намазывают на доски и сушат на воздухе (на сушиле, на крыше крыльца), пока она не станет совершенно сухой. Такая отмученная и высохшая охра представляет собой очень нежное на ощупь, легко растирающееся между пальцами, марающее веще-

ство. Затем ее толкут в железной ступке; получается мука блеклого цвета („бусая“—выражаясь по-кержацки); ее разводят на олифе и красят ею полы, двери, косяки, кадки. Блеклая красная мука, при разведении ее олифой, становится более яркой.

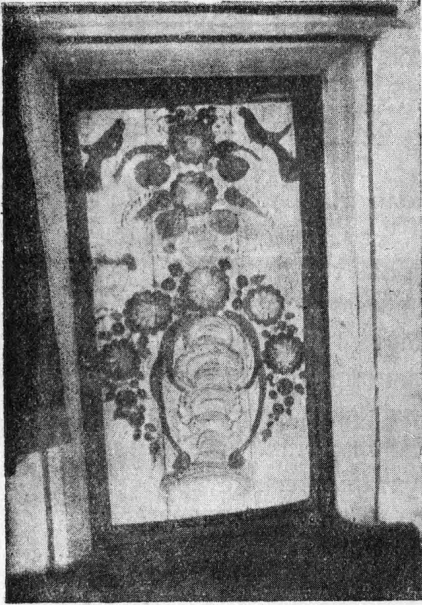
В эти месторождения охры около д. Белой ездят и из Фыкалки, из Коробихи (карабишаны),¹ из Язовой (язовины)¹, из Березовки. В семьях победнее занимается этим сама хозяйка, в семьях более зажиточных нанимают для этого переселенцев. Кто может, предпочитают и сейчас раздобывать покупную краску, так как с домодельной очень много возни. Этот способ добывания и приготовления краски из земли известен и к северу от бухтарминского района; так, на Уймоне (об Уймоне см. в статье „Кто такие бухтарминские старообрядцы“) этот способ применялся уже задолго до революции.²

Помимо сплошной окраски, широко распространена роспись. Простейший вид росписи можно видеть на раскраске лавок и голбчиков, когда, например, с помощью быстрого постукивания малярной кистью, делают крупный красный крап по покрытой ровным синим слоем доске (см. точки на голбчике фиг. 52) или белый крап на красном фоне. Несколько более сложные, но довольно неумелые разводы, состоящие из кругов и прямых линий, из простейших розеток и завитков, можно иногда видеть на ставнях и дверях, на печках и матицах. Все эти образцы очень примитивны и не требуют абсолютно никакого умения владеть кистью. Наряду с этими неумелыми мазками, в бухтарминском районе пышно представлена своеобразная яркая, с определенными выработанными приемами и мотивами, роспись. Ее можно встретить во многих домах, как снаружи на ставнях и наличниках дома, так, особенно, внутри на дверях и печках. Но наибольшей роскоши достигает отделка некоторых домов (сейчас таких осталось по два-три на селение), где, кроме перечисленных частей, расписаны стены, потолок и матица, а иногда и вся подвижная мебель („канапель“,³ табуретки, стол, шкафик, „камёт“), прялки, крупная бондарная посуда для воды и кваса и пр. Расписана даже стена около самой

¹ Название жителей деревень.

² Этнографический отдел Русского музея — колл. № 1370 от 1905 года.

³ Деревянный диван.

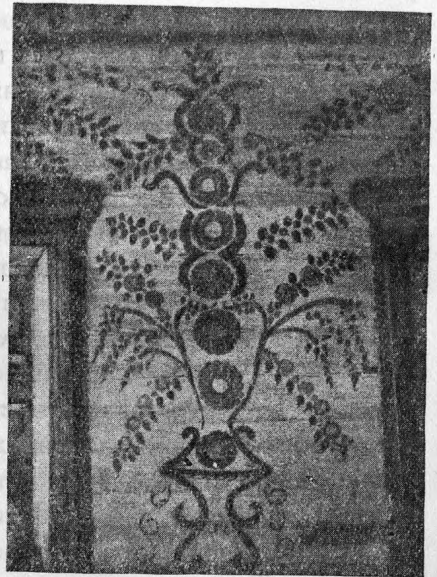
Фиг. 54. Расписная дверь в горнице
связи И. Коновалова. Д. Печи.

Фиг. 55. Роспись в доме Н. И. Чанова.
Д. Коробиха.

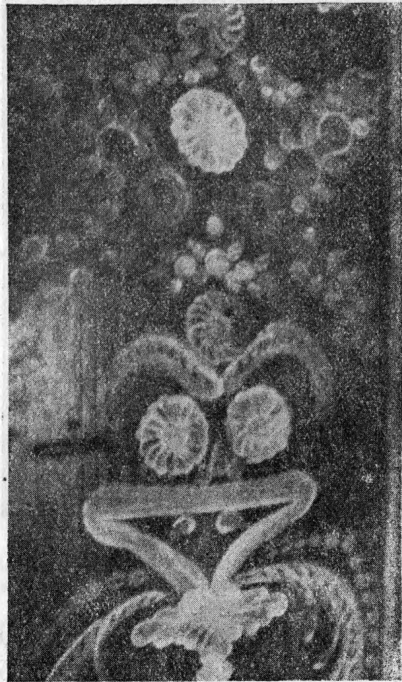
Фиг. 56. Роспись в доме Н. И. Чанова.
Д. Коробиха.

Фиг. 57. Роспись в доме Н. И. Чанова.
Д. Коробиха.

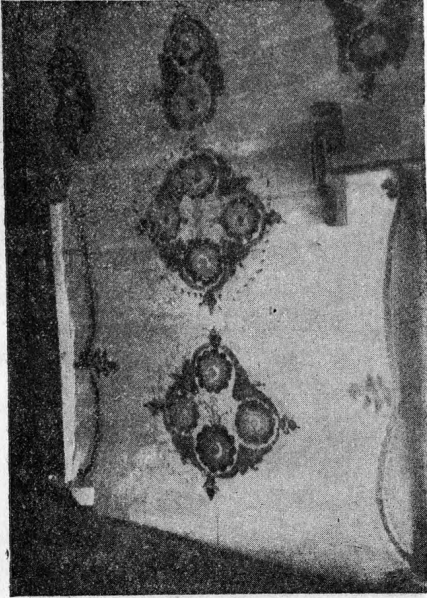
печи; на ней висят кухонные принадлежности. Большой частью, так пышно отделяется лишь одна горница или комната в доме, а вне ее — лишь опечек и двери, да иногда бровки окон и обрамления вокруг дверей. Но раза три пришлось встретить особенно богатые постройки, где все внутренние помещения были расписаны; таковы, например, крестовый дом Никифора Ивановича Чанова в д. Коробихе (фиг. 55, 56 и 57) и крестовая связь Фомы Акулова там же (фиг. 17).

Основной особенностью бухтарминской росписи является ее цветистость и пестрота, ее яркая праздничная узорчатость, достигаемая законченным, установившимся сочетанием немногих элементов узора и определенной манерой письма при помощи небольшого количества красок. Фоном росписи является обычно или белая (часто пожелтевшая от времени, что обычно для белил, разводимых на льняном масле), или красная (повидимому, киноварь) масляная краска, которыми, после грунтовки, покрывались дверь, опечек или гладко выстроганная прошпаклеванная стена, а по этому фону уже наносились узоры. Цвета для собственно росписи следующие: красный в двух оттенках (повидимому, бакан и киноварь), синий (ультрамарин), зеленый, желтый, коричневый, палевый (достигаемый, повидимому, смешением белил с коричневой краской), черный. По мотивам своим, эта стенная живопись далека от действительности, здесь ничего нет из окружающей природы, но исключительно различные комплексы немногих элементов и группировки этих комплексов — круги, гирлянды, выходящие из вазонов букеты.

Фиг. 58. Роспись на красном фоне в доме Н. И. Чанова. Д. Коробаха.

Основными элементами являются: 1) многолепестковая розетка, нередко винтящаяся, входящая почти в каждый комплекс; она может быть любого цвета из немногих применяемых, кроме зеленого, иногда с сердцевинкой иного цвета; 2) затем род стилизованного перистого листа или ветки, состоящего из ряда круглых мазков (синего или палевого цвета), являющегося стержнем; по обе стороны этих мазков брошено по зеленому, слегка удлинненному мазку, отвечающему листу;

Фиг. 59. Роспись в доме И. В. Коробейникова. Д. Белая.

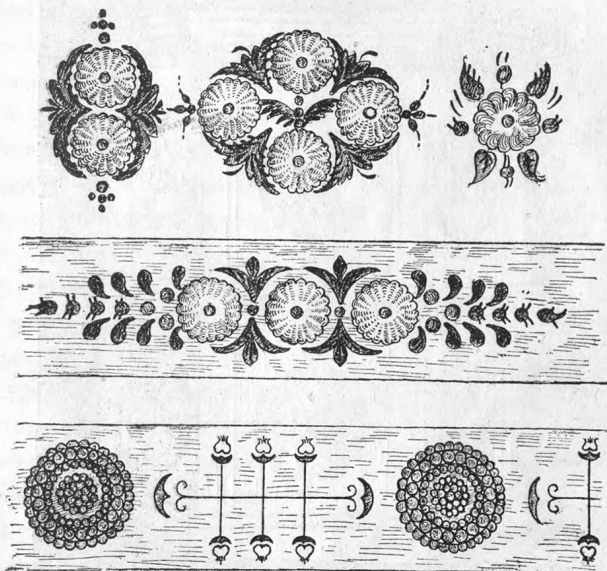
3) зеленые мазки — стилизовано упрощенные листья — почти всегда оживлены черными запятыми (то, что называется „агашки“ в живописи по фарфору),¹ свободно и легко брошенными по 1 — 3 по зеленому фону. Эти черные запятые придают очень изящный и нарядный вид яркой росписи, делают ее как-то четче, чище (фиг. 63); 4) очень часто розетки имеют особое обрамление, в виде мягких волнистоокруглых лопастей (фиг. 58), большей частью зеленого цвета, несколько напоминающие один из распространенных рисунков на тюлевых гардинах; 5) вазоны различного вида —

от вырисованных очень четко до слегка намеченных полосой, проведенной кистью (фиг. 57); 6) завитки черные или коричневые, разбросанные по фону или собранные в ряды; 7) птицы, сидящие попарно по бокам стилизованной группы в верхней ее части, как на дереве (фиг. 54). Всегда эти птицы являются одноцветными, — зелеными или голубыми, орнаментированными черными штрихами. Фигур людей и животных нет совершенно. Только раз пришлось видеть роспись в виде небольших, полустершихся человечков, идущую полосой по нижней части стены, над плинтусом пола. Очень редко встречаются завитки

¹ На фарфоровых заводах Гжельского района.

без цветов (на грядке крестовика), но такая безсюжетная, если можно так выразиться, роспись, сравнительно редка. Эти семь элементов группируются в несколько различных комплексов.

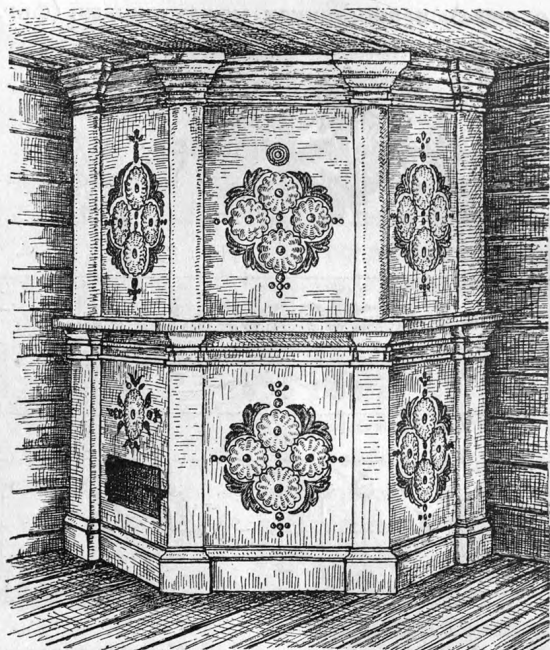
Наиболее частый — вазон, с поднимающимся над ним вверх рядом розеток в обрамлениях, с выходящими на обе стороны между розетками ветками, изредка с двумя птицами наверху; эти вазоны встречаются обычно на одностворчатых дверях (другого типа комплексы на дверях попадают значительно реже), в простенках между окнами (фиг. 57), реже

Фиг. 60. Различные комплексы из розеток; внизу — роспись матицы в д. Фыкалка.

на стамике печи (фиг. 52). Иногда вазон как бы сливается по трактовке с обрамлением; тогда на нем тоже разбросаны черные запятыя. Пожалуй, не менее частым является комплекс из четырех розеток, с обрамлением и ветками, большей частью укороченными, который помещают над окнами, над дверями (фиг. 60). Комплекс из двух розеток, с обрамлением и ветками, служит для заполнения небольших поверхностей. Комплекс из одной розетки и расположенных по одной оси (в разные стороны) веток применяется для заполнения узких и длинных плоскостей — печной брус, бровки над окнами, косяки наличников, матица с трех сторон,

карнизы балконов, длинные филенки двустворчатых дверей и ставен и т. п. Эти же комплексы из одной-двух-четырех розеток выписываются на голландке (фиг. 61), ими же заполняются промежутки на стенах и потолке, оставшиеся свободными от больших композиций; из них же составляются и такие крупные композиции, как простые и концентрические круги на потолках домов и балконов. На фиг. 62 пред-

Фиг. 61. Расписная голландка в доме И. В. Коробейникова.
Д. Белая.

ставлены сравнительно несложные сочетания розеточных комплексов, которые можно встретить на потолках с сильно выступающей матицей, естественно делящей потолок на два продолговатых поля; в таком случае, каждое поле делится поперечной полосой еще надвое, и каждый из получившихся четырех участков расписывается отдельно; таким образом, на потолке получаются три круга (там, где печь, лишь отдельные группки), каждый со своими дополнениями. В случае же невыступающей матицы, когда потолок подшит тесом, и имеется одна общая плоскость потолка — на ней выписывается одна

общая же композиция, состоящая из нескольких концентрических кругов (фиг. 64).

Все вышеописанные композиции имеют или зеркальную симметрию с одной осью (вазон с букетом, комплексы из одной и двух розеток), или симметрию двухосную—комплексы по четыре розетки, и даже более совершенную симметрию — радиальную (круг из восьми комплексов). В одном только случае пришлось встретить полное отсутствие симметрии — роспись переднего угла в левой прихожке дома Фомы Акулова, где имеем свободно брошенную ветку, заполняющую собой и завитками все пространство под божницей, между окном и углом.

Интересно появление росписи, подражающей обоям — такую пришлось встретить два раза — в Коробихе (вышеупомянутый дом Фомы Акулова) и в Максихе (по бокам выхода на балкон). Эта

Фиг. 62. Расписной потолок в доме Н. И. Чанова. Д. Коробиха.

роспись представляет собой сетку из ромбов, составленных из завитков, сделанных черной краской; внутри ромбов вписаны комплексы из одной розетки, с листьями и черными запятыми по листьям; в местах скрещивания линий завитков помещены комплексы из пяти кружков (фиг. 66). В д. Коробихе таким узором расписано одно помещение в крестовике — по белому фону, другое там же — по красному. Интересно, что эта, уже неприятная для глаза обойная роспись имеет аналогию в украинском материале, где мы имеем аналогичные росписи — шпалеры обойного типа.¹

¹ Е. В. Берченко. Про настінні розписи українських хат на Катеринославіні. Науковий збірник, 1927, стр. 83.

Коллекции Этногр. отдела Русского музея, собранные в Подольской губ. М. А. Фриде в 1923—1926 годах.

Почти всегда роспись стен кончается на уровне подоконника, ниже же или продолжается общий фон, если он красный, или делается нечто вроде панели, то-есть на высоте подоконника проводится горизонтальная черта, отделяющая нижнюю часть стены, окрашенную или просто серой краской, или под мрамор — дом Ивана Веденистовича Коробейникова в д. Белой (фиг. 59).

Манера письма алтайских росписей — чисто живописная; здесь совершенно отсутствует графичность, нет контуров, предопределяющих рисунок. В этом отношении она очень далека от старых русских северных росписей на бытовых предметах и довольно близка к нижегородской школе росписи, возникшей сравнительно поздно под культурным воздействием города, но имеющей значительное распространение. К алтайским росписям вполне может быть отнесено определение В. Вороновым¹ нижегородской манеры: „Нижегородская манера представляет нам наиболее чистый вариант подлинного живописного искусства, преодолевшего рамки графического пленения и основывающегося исключительно на элементах живописи. В ней отсутствует деспотизм предварительного контура, связывавшего руку живописца. Кисть приобрела первенствующее значение; она не окрашивает безучастно и рабски ограниченные контуром детали композиции, но самостоятельно ведет, строит и располагает всю красочную архитектуру. Свободный, гибкий, изменчивый, сильный мазок нижегородской бытовой росписи придает ей живую и подвижную орнаментальность и является элементом не только красочным, но и композиционно-конструктивным“. Сходство с нижегородской школой сказывается и в мелочах — мы здесь имеем те же стилизованные ветки, те же агашки.²

Прием наложения красок для различных элементов различен: так, все более мелкие элементы узора — зеленые мазки, палевые кружки, агашки, наносятся быстрым движением кисти и, конечно, однотонны. Более крупные элементы — розетки, вазоны и обрамления накладываются или в несколько рядов, постепенно светлеющих (что достигается прибавлением к основ-

¹ В. Воронов. Крестьянское искусство. Госиздат, М., 1924, стр. 78.

² Интересно, что очень сходна с алтайской росписью, по манере и мотивам, роспись на деревянных коробках Финляндии (см. коллекцию Этнографического отдела Русского музея за № 3029 из Тавастгусской губ.).

Фиг. 63. Расписная ставня в доме Ф. Акулова. Д. Коробиха.

ной краске белил—гуаши), или, иногда, возможно, одной широкой плоской кистью, одной стороной обмокнутой в краску, другой в белила; иногда в центральной части розетки делается такая же розетка, но более светлая, и более темным выделяется центральный кружок (сердцевинка цветка). Благодаря этим переходным оттенкам одного цвета лепестки розеток, а особенно изгибы вазонов, получают какую-то легкость и мягкость. Манера накладывания этих светящихся слоев меняется в зависимости от фона: так, на светлом фоне, краски светлеют по направлению к центру розетки, и цветок выделяется своей более темной каймой (фиг. 63); на красном же фоне краски светлеют по направлению к краю, и цветок выделяется своей более светлой каймой; иногда, даже для средних частей берется не более темная краска (т. е. с меньшим количеством белил), а просто краска накладывается более тонким слоем, через который слегка просвечивает красный фон (фиг. 58). Это придает росписи воздушность, прозрачность. Кроме того, иногда вообще для росписи на красном фоне прибавляется в краски больше белил, чтобы сделать общий тон более светлым. Несомненно, судя по характеру мазков, что, тогда как фон покрывался более или менее жидкой краской (как обычно при покраске), самые узоры делались красками различной густоты и кистями различной формы. Так, например, несомненно, что наиболее густая краска (консистенции палитровых) употреблялась в розетках и накладывалась с помощью жесткой плоской щетинной кисти, так же большей частью писались обрамления и вазоны. Менее густой краской, с помощью круглой кисти, делали листья, и наиболее жидкой краской наносились агашки с помощью мягкой круглой кисти с коническим концом.

Но кто же является автором этих замечательных росписей, пестрым цветным ковром покрывающих стены кержацких жилищ? Путем опроса во всех обследованных селениях, удалось установить, что роспись появилась на Бухтарме более 30 лет тому назад, одновременно со сплошной окраской масляными красками, т. е. в конце XIX века. Ввели эту „моду“ заезжие мастера—маляры, приезжавшие подряд несколько лет на строительный сезон и отделявавшие здесь дома. Эта роспись пришла кержаками по вкусу, и многие богачи, кому было по средствам, отделявали себе так дом или только горницу;

у кого нехватало средств, те нанимали расписывать ставни, опечек, двери.

В отдельных случаях работали и местные мастера из осевших переселенцев, один — живший в д. Коробихе и погибший в „восстание“ 1920 года, а другой — приехавший в Коробиху из д. Огневой или из Нарымки (точно не помнят). Указывают, что впервые появилась роспись в Фыкалке и Белой, как более богатых деревнях (здесь и было ее гораздо больше); в остальных деревнях она распространилась позднее.

Рассматривая роспись в нескольких домах, научаешься отличать руку определенного мастера; так, в вышеупомянутом доме Н. И. Чанова видна работа двух мастеров; есть более искусные и более грубые и неуклюжие в смысле выведения узора. Но по приему работы почти везде чувствуется смелость и решительность в красочных мазках, в рядах легких черных запятых, быстро набросанных опытной рукой. Здесь опять-таки можно, не колеблясь, для характеристики работы привести слова В. Воронова¹ о нижегородских мастерах:

„...Уверенность и легкость красочного мазка граничит с виртуозностью. Небольшой объем изображаемого и коллективный опыт в его трактовке привели к богатому развитию средств художественного выражения. Рука мастера-декоратора, воспитанная долгим опытом, дает стилистически неколеблющиеся декорации. Долгая работа над созданием и развитием какой-либо композиции привела в итоге к художественной трактовке, в которой исчезли все неловкости, капризы, излишки, неладья и ошибки отдельных художников. Нижегородская роспись приобрела законченное, выкристаллизовавшееся выражение, подобно некоторым видам крестьянской резьбы; она стала традиционна и классична“.

Работа эта оплачивалась так: за роспись одной горницы — одного помещения „кругом“, т. е. полную отделку с потолком и стенами, брали 30 руб.; за отделку крестовика Н. И. Чанова (три помещения) взяли 90 рублей. Работа довольно медленная, так этот крестовик расписывали три человека в течение целого месяца. За роспись дома Осипа Перфильевича Козлова в Печках (полная роспись горницы, в других помещениях — роспись дверей и опечка) взяли ягу из козлов (стоящую 15 р.) и 25 р.

¹ Ор. cit., стр. 79—80.

деньгами (30 лет тому назад). В других местах также указывалась эта же цена—30 руб. за „крашеные“ горницы. Ясно, что такая пышная роспись возможна была лишь на богатой окраине, где хозяин свободно мог оплатить труд профессионала (30 руб. и содержание в течение целого месяца).

Совершенно своеобразное впечатление производят эти старые дома, расписанные пестрыми стилизованными узорами. Особенно необычны комнаты с росписью по красному фону, с красным же потолком, с расписными печами, мебелью, косяками окон. Думается, что сходное впечатление должны были производить хоромы московских бояр XVI—XVII в.в., расписывавшиеся хотя совершенно иными узорами (вспомнить хотя бы храм Василия Блаженного и терема Алексея Михайловича в Кремлевском дворце в Москве¹), но с той же пестротой, рябящей в глазах и утомляющей взор непривычного человека.²

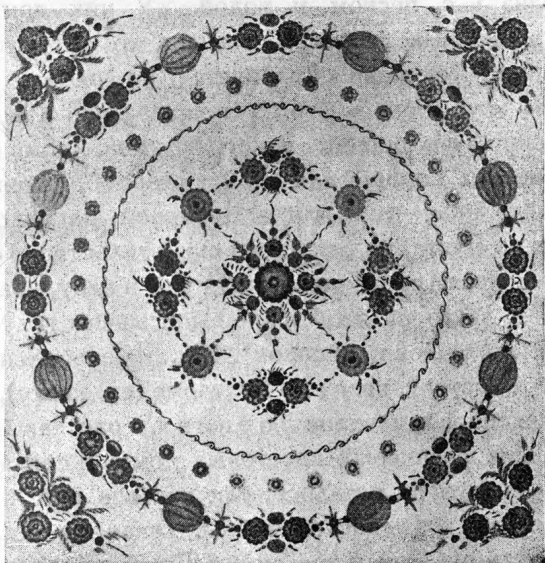
К сожалению, наиболее интересных плафонов, затем очень изящных росписей стен в Печах и Белой не удалось сфотографировать из-за особенности горного ландшафта—деревни расположены в долинах, солнце рано заходит за горы (в августе в 4 час. дня), описываемые же горницы выходят на запад, вследствие чего снимки внутри производить невозможно. Особенно красный фон, как известно, весьма труден для фотографирования.

Роспись давно уже вышла из моды, и часты случаи, что „крашеные дома“, как они называются здесь, штукатурятся и замазывается вся роспись. Лишь отдельные любители сами уже, подражая старой моде, неумело расписывают себе опечек, матицу, но здесь совершенно нет уже того размаха, тех уверенных мазков, какие мы видели у профессионалов.

Описываемая роспись на олифе (олифу варили сами из покупного конопляного масла) настолько прочна, что во многих домах выглядит такой яркой и свежей, точно недавно только выполненной, несмотря на то, что несколько раз в году,

¹ Сравнить „стенное“ и „подволочное“, „травное“ и „бытееское“ письмо комнатной живописи XVI—XVII в.в. по описанию Забелина. *Op. cit.*, стр. 147.

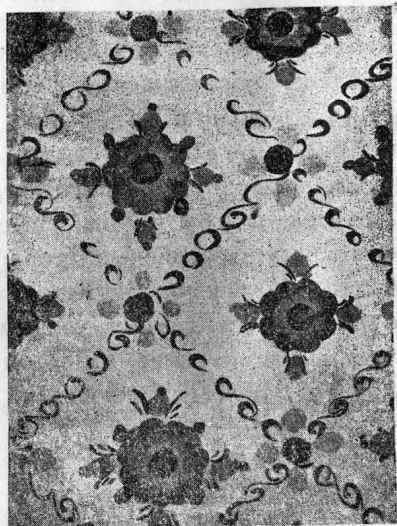
² Так, например, учительница в д. Коробихе, снимающая как раз крестовик Н. И. Чанова и живущая в трех расписных комнатах, рассказывала, что первое время у нее от всего этого художества рябило в глазах и болела голова.

Фиг. 64. Расписной потолок в доме И. П. Козлова.
Д. Печи.

Фиг. 65. Стенная роспись в доме
Ф. Акулова. Д. Коробиха.

Фиг. 66. Стенная роспись в доме
Ф. Акулова. Д. Коробиха.

в течение 30 лет, моется мочалкой из травы вроде осоки („мяжка трава“), с песком и водой. „У них дом моется“— говорят о крашенных домах в отличие от штукатуренных.¹ Такая прочность окраски объясняется, по словам населения, также и тем, что роспись сверху покрывалась лаком.

Несомненно, что роспись такого же типа, кроме собственно ясака, характерна вообще для жилищ старообрядцев всей бухтарминской долины,—так, для д. Черновой, расположенной от ясака вверх по Бухтарме, мы имеем свидетельство З о б н и н а:² „Деревянные части подпечка, выходящие в избу, красят в красную краску и часто на этом фоне выписывают голубые цветы, неуклюжих человечков и лошадок“. К д. Берель, расположенной еще дальше к востоку, вверх по Бухтарме (см. карту), относится и вышеприведенное замечание З о б н и н а, и рассказы (нам) ясачных о больших расписных крестовых домах и связях, от которых теперь ничего не осталось, так как все они погибли от пожара во время гражданской войны. Такая же роспись идет и вниз по Бухтарме, так о с. Сенном Г е р а с и м о в³ говорит: „Верх печи обыкновенно выбеливается, а низ обшивается досками и выкрашивается или разрисовывается разными узорами; такие же рисунки нередко украшают потолки, стены и косяки домов; цветы, круги и птиц можно видеть даже на табуретах и лавках... иногда стол так же раскрашивается цветными рисунками, как двери и потолки“. Если мы выйдем за пределы бухтарминской долины и через хребет Холзун спустимся в долину Катуня, то те же расписные дома найдем в Коксу и на Уймоне (свидетельства кержаков). Далее на запад ту же красочную роспись встретим в долинах правых притоков Иртыша—Ульбы и Убы, среди „поляков“. Об этом говорят фотографии расписных дверей, снятые С. П. Швецовым в д.д. Черемшанке и Бутачихе в Риддерском крае Бийского округа.⁴ Повидимому, они близки к бухтарминским и по мотивам и по технике. Об этом же говорят и те литературные данные, которые имеются о данном крае. Так, мы читаем

¹ В состоятельных домах мыть дом нанимают обычно „расейских“—переселенцев.

² Ф. З о б н и н. Поездка на Алтай. Живая Старина, 1897, вып. III и IV стр. 272.

³ Г. Г е р а с и м о в. Ор. cit., стр. 15—16.

⁴ Фототека Этнографического отдела Русского музея.

у М. Швецовой¹ „...дверь, часто украшенная различными рисунками—произведением доморощенных художников...“, „печи выбелены, а низ их обшит досками, на которых доморощенные художники масляными красками изобразили разные фантастические цветы с не менее фантастическими птицами на них. Иногда, вместо цветов изображены целые сцены из деревенской жизни: на темнокрасном или зеленом фоне хоровод, из которого выходит девушка, навстречу казаку или солдату, подъезжающему к хороводу на саниах... Косяки в окнах и двери, а иногда и потолки также украшены этими рисунками, большей частью цветами и птицами, а также красными, синими и зелеными кругами, представляющими солнце“. У Гребенщикова² о поселках на р. Убе—с. Убинское: „Небеленые потолки и стены украшены какими-то фантастическими, напоминающими современный декадентский стиль цветами и фигурами местного творчества...“; с. Шульбинское: „...цветистые узоры на окнах и ставнях...“

У Ядринцева³ о „поляках“: „Жилища поляков расписаны красками...“

Сообщение Н. М. Ядринцева интересно в том отношении, что оно датировано 1880 годом, т. е. свидетельствует о существовании росписи к северу от Бухтарминского края уже 50 лет тому назад, т. е. значительно раньше, чем на Бухтарме. Возможно, что это указывает и на пути занесения этой моды с севера, от „поляков“, и через Уймон. Далее к северу, говоря об Алтайской волости Бийского округа, Чудновский⁴ упоминает о потолках, разрисованных каким-то „тюменским“ (кавычки его) художником в с. Нижней-Каянче, и о раскрашенных разными цветами потолке и стенах в Солоновке.

Таким образом, стенная живопись масляными красками, несомненно, является типичной для юго-западной части Алтая—для бассейнов Ульбы, Убы, Бухтармы и Катуня.

Если мы пойдем дальше, то ряд таких же указаний имеем и для Западной Сибири. Так, о сибиряках у Семенова, в его „России“,⁵ читаем: „...двери, стены и потолок часто расписаны

¹ М. Швецова. Поляки Змеиногорского округа. Записки Зап. Сиб. отд. Русск. Геогр. о-ва, кн. XXVI, Омск, 1899, стр. 26.

² Г. Д. Гребенщиков. Ор. cit., стр. 9.

³ Н. М. Ядринцев. Поездка по Зап. Сибири и в горный Алтайский округ. Записки Зап. Сиб. отд. Русск. Геогр. о-ва, кн. II, Омск, 1880.

⁴ С. А. Чудновский. Раскольники на Алтае. Сев. Вестник, 1890, № 9.

⁵ Семенов-Тянь-Шанский. Россия. Т. XVI. Зап. Сибирь, стр. 238.

домашними средствами. По стенам висят в изобилии лубочные картины. Сюжеты этой деревенской живописи приблизительно те же, что и в Европейской России, тот же и характер письма. На дверях рукой доморощенного художника встречаются намаляванные львы и петухи, какой-нибудь господин в котелке против румяной дамы, судя по надписи, собирающийся ее похитить и пр.; печка и часть стены также разрисованы цветами и птицами“.

Для Восточной Сибири имеем свидетельство Селищева: ¹ „...печь, иногда раскрашенная каким-нибудь узором, преимущественно синими или зелеными цветами и лопухами...“ и С. И. Руденко: „роспись на дверях“.

Есть указания, ² что в Сибири часто роспись на кутных заборках, т. е. перегородках, отделяющих кухню от горницы, причем расписывается лицевая сторона заборки, выходящая в горницу. „Сюжетами росписи обычно являются цветы с гирляндами и в горшках; часто встречаются фантастические кусты или деревья с цветами и плодами. Иногда вводится (обычно в виде окаймления) узор из треугольников или иных геометрических фигур, обычно пестро окрашенных. Случалось видеть роспись „под мрамор“ или „под орех“. Бытовых мотивов во время моих переездов по Сибири я ни разу не видел. ...Г. С. Виноградову приходилось, впрочем, встречать кутные заборки, расписанные сценами охоты“ (стр. 17).

О характере стенной росписи и районах ее распространения в Сибири (в частности, в Тункинском крае, Забайкалье и особенно в Прибайкальских округах) есть некоторые сведения в Сибирской советской энциклопедии, I, 1929, стр. 939—940, с приложением цветных иллюстраций из собрания Г. С. Виноградова.

Кроме таких, мало говорящих упоминаний, мы имеем в фототеке Этнографического отдела Русского музея как указания, что роспись на дверях, опечках, стенах очень часто встречается в крестьянских избах Ачинского уезда Енисейской губ., так и фотографии самой росписи; интересна роспись на стене „казенки“, изображающая Ермака Тимофеевича в момент поражения им татарина, с надписью (колл. № 1148).

¹ А. М. Селищев. Ор. cit.

² А. Болдырев-Казарин. Народное искусство в Сибири. Сибирская Живая Старина, вып. II, Иркутск, 1924.

Эти отдельные разбросанные сведения, конечно, еще недостаточны для того, чтобы говорить о распространенности в Сибири стеновых росписей вообще и масляной краской, в частности; этот вопрос пока еще остается открытым. Одно можно сказать, что здесь, если и имеется традиционная, условная роспись, то, кроме нее, есть и более или менее свободное творчество с бытовыми и историческими сюжетами (отражающее быт и сказания народа), чего совершенно нет на Бухтарме. Что же касается европейской части Великодержавии, то здесь литературный материал по росписи жилищ масляной краской является не менее скудным. Из довоенной литературы мы имеем соответствующий материал у Бобринского¹ (1910—1911 г.) для Вологодской и Архангельской губерний—роспись дверей, опечка и поставцов, и у Грабаря² для Сольвычегодского уезда Вологодской губ.—роспись балкона; отдельные фотографии из Архангельской и Ярославской губ. есть в Русском музее.

Затем отдельные указания есть у Матвеевой³ (1925 г.) для Вятской губ.: „...распространена разрисовка опечка и дверей синими, белыми и зелеными цветами по красному фону... В старой избе... борт полицы полатей имел рисунок гирлянды виноградных листьев, в настоящее время закрашенный“.

Роспись балконов, дверей и мебели в Заонежье (1926 г.) мы знаем по материалам Государственного института истории искусств⁴, роспись ставен в Тверской губ. (1923 г.)—по неопубликованным материалам Академии истории материальной культуры.

Таким образом, по рассмотрении всего имеющегося изобразительного материала,⁵ говорящего и о другой манере письма и об иных мотивах, приходится сказать, что алтайская стеновая живопись, сделанная мастерами-профессионалами, ставшая для определенного района традиционной и классической, является интересной страницей в истории русской народной живописи, совершенно своеобразной и отличной от живописи

¹ Бобринский. *Op. cit.*, табл. 94.

² Грабарь. *Op. cit.*, вып. 4.

³ Матвеева. *Op. cit.*, стр. 52.

⁴ Крестьянское искусство СССР. „Academia“, 1927, стр. 50.

⁵ Украинская и южно-великорусская роспись жилищ здесь не приняты во внимание, как область народного творчества совершенно иного порядка, иной техники и материала.

других районов, и тесно связанной по технике же с поздней нижегородской школой росписи.

Встает вопрос, откуда же, собственно, были приезжие мастера, занесшие на Бухтарму эту кратковременную, но пышно распутившуюся здесь моду?

При работе на местах—в ясачных деревнях—установить это за давностью протекшего времени (перестали расписывать дома уже около 30 лет тому назад) оказалось совершенно невозможным. Большинство хозяев не помнят, откуда были мастера, говорят: „захожие, откуда — неизвестно“, вспоминают лишь имя и отчество приезжавших. В одном доме вспомнили, что как будто мастер был „с Перми“, в другом — что из Тюмени; раз даже проскользнуло указание, что это работали ссыльные, но больше не повторялось. Но если сопоставить весь имеющийся материал: указания бухтарминских кержаков об отдельных мастерах из Перми и Тюмени, вспомнить, что Чудновскому в Бийском округе говорили о тюменском происхождении художников (см. выше), затем использовать указание С. И. Руденко, что в Забайкалье работают тюменские мастера, и учесть вообще роль Тюменского округа, с одной стороны, имеющего сильно развитые кустарные промыслы (среди них нас в данный момент интересуют расписные сани и туеса, как говорящие о живописных навыках), с другой — дающего значительный процент отхода для заработков на сторону, — если сопоставить все это, то становится несомненным, что происхождение алтайских росписей надо вести из Тюмени. Интересно отметить, что в самом Тюменском округе сейчас, по крайней мере в Тугулымском районе, нигде росписи жилищ в великорусских селениях нет (сообщила М. М. Шарая, работавшая в этом районе в 1927 году).

Если принять этот вывод и если искать дальнейшего уяснения бухтарминского живописного материала, то придется поддержать неожиданное на первый взгляд предположение, высказанное Болдыревым-Казариным,¹ об украинском влиянии на сибирскую роспись. Он говорит: „... в области крестьянской живописи украинские влияния сказались может, быть, заметнее. В мотивах росписи так называемых „кутных заборок“ можно найти много украинских мотивов. Случалось видеть где-

¹ Ор. cit.

нибудь в Алтайской губ., в самой обыкновенной крестьянской избе, эффектные виноградные (это в Сибири-то) гроздья, гирлянды не по-сибирски пышных и ярких цветов". Он объясняет это усиленной колонизацией Сибири украинцами в конце XVII и первой половине XVIII в.в., когда даже тобольскую архиепископскую, а затем митрополичью кафедру занимали иерархи-украинцы, привезшие с собой целый штат работников по всем отраслям, выписывавшие мастеров из Киева для росписи Тюменского монастыря и для писания икон в Тобольске и т. п. При этом он указывает, что в архитектуре церквей и орнаментике церковных стен влияние украинцев несомненно.

Если это действительно так, то тогда становится понятным и преобладание растительных мотивов, и широкое применение мотива вазона с выходящим из него букетом и отсутствие ритмичности, не дающее возможности говорить об орнаменте. Наряду с этим поднимается целый ряд интереснейших теоретических вопросов: о претворении украинской росписи, в основе своей свободной и реалистической, в традиционную условную роспись чисто великорусского характера; о датировке и живучести отдельных украинских мотивов, что может представить значительный интерес и для историков украинского народного искусства; о связи и взаимоотношениях тюменской школы с нижегородской и т. д.

Возможно, что при этом придется учитывать и влияние Средней Азии, где так распространена яркая и пестрая роспись жилищ (Бухара, Узбекистан, Персия). Во всяком случае, имеющиеся в Русском музее стенные картинки из Намангана, повторяющие мотивы кашгарских ковров, в своих приемах стилизации букета из розеток, выходящего из вазона, не так уж далеки от приемов стилизации тюменской школы. Возможно также, что некоторое значение в создании тюменской школы могли иметь и бухарские выходцы, основавшиеся в Западной Сибири еще до появления здесь русских (так называемая Бухарская волость Тюменского округа);¹ во всяком случае, их роль в развитии некоторых отраслей промышленности, напр., коженного и коврового производства края, несомненна.

Если все это так, то в тюменской школе живописи мы имеем интереснейшую комбинацию украинского и узбекского

¹ В. П. Семенов-Тянь-Шанский. *Op. cit.*, стр. 269.

народного творчества, воспринятого и переработанного великоруссами и распространившегося на громадной территории от Алтая до Забайкалья.

Штукатуреные проникло в ясак уже в начале XX века, около 20 лет тому назад (25 лет тому назад штукатурки еще не было—вспоминают), а сейчас уже, за исключением очень небольшого количества крашенных домов, все дома оштукатурены внутри (по косой, в два слоя, дранке) — и кухня, и горница (кроме сеней и крытого крыльца, но изредка штукатурятся и сени). Штукатурят большей частью мастера из переселенцев, подрабатывающие на этом. За послевоенные годы изредка более состоятельные устраивают и лепную штукатурку, главным образом на потолке — в виде

Фиг. 67. Роспись по штукатурке (марал и лев). Д. Фыкалка.

двух кругов-розеток по бокам матицы в горнице, но изредка и на стенах. Обычно все это белого цвета, но иногда и раскрашивается. Так, в Фыкалке пришлось встретить пятистенок Лукояновых, где горница имеет на потолке две лепных розетки и 8 лепных секторов в углах, а на стенах, на высоте карниза голландки, идут лепные штукатурные гирлянды из зубчаток и стрелок. Отдельные части всего этого раскрашены зеленым, синим и коричневым цветами. Это уже особый любитель яркого и вычурного — он сам раскрасил себе опечек и грядку, у него же вычурная с выпилровкой, ярко раскрашенная мебель („камóт“ и „канapéль“), у него же резные и раскрашенные кивотки (фиг. 49).

Как курьезный образчик новой, уже не традиционной, росписи по штукатурке, можно указать на изображение льва и марала, сделанное местным кержаком (фиг. 67).

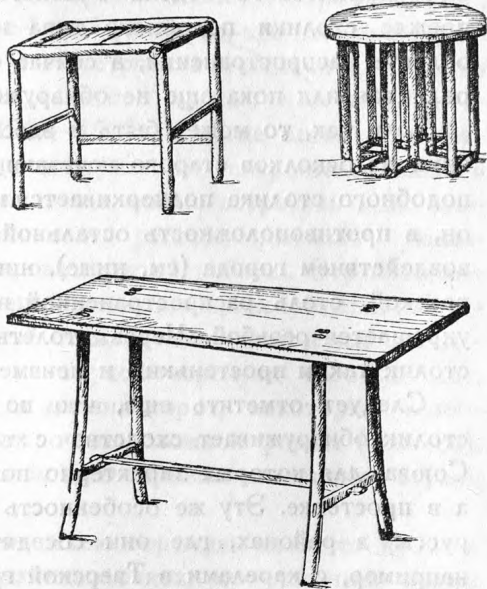
Штукатуренные дома часто, раза два в год, белят; для этого берут хвощ, „верками вяжут, он дёркай, им потолок шаркают“, а потом белят. В штукатуренных домах красят одноцветной (или в два-три цвета) масляной краской двери, косяки окон, опечек, полати, лавки и полки.

МЕБЕЛЬ

Убранство избы-ординарки или кухни (или прихожки) в пятистенке, крестовике или связи, в общем, является северно-великорусским. Из неподвижной мебели мы имеем здесь полаты; на них спят дети и туда закидываются на день войлоки, одеяла и подушки, на которых обитатели дома спят ночью, расстелив их прямо на полу. Затем имеем полки различного назначения—„грядки“, большей частью их две: одна идет от печного столба к передней стене, другая идет перед печью, лежит одним концом на первой грядке, другим — вделана в боковую стену. Иногда, на высоте полатей, по стенам избы, над окнами, идут половошники — полки для различной мелочи. О залавке и посуднике говорилось уже выше.

Из подвижной мебели принадлежностью этого помещения являются стол и один-два три стула; характерно, что стол здесь своего определенного места не имеет, в чем сказывается

резкая разница по сравнению с великоруссами Европейской части Союза, где стол всегда стоит в переднем углу, под образами, в определенном направлении, большей частью вдоль половиц. Здесь же стол передвигается по мере надобности вдоль всей передней стены, причем, однако, большею частью он стоит в простенке между окнами; в связи с такой подвижностью стол этот небольшой (верхняя доска = 93×33 см), легкий, на четырех гнутых ножках и по высоте ниже обыкновенного стола (фиг. 68); человек, впервые попадающий в ясачную деревню, принимает такой столик за детский, тем более что и высота его крайне

Фиг. 68. Легкая мебель в избе-ординарке или кухне.

невелика—около 68 см, в то время как обычно в Великокорсии деревенский стол имеет 90—100 см высоты.

Этот легкий маленький столик, не имеющий постоянного места в избе, заставляет вспомнить о сравнительно недавнем прошлом бухтарминских каменщиков, когда они не жили еще оседло, а бродили и скрывались в горах. Интересно, что такого же типа легкие столики характерны для старого быта зырян и белоруссов; невысокие же, хотя и не такие легкие столы характеризуют и старый быт вепсов и карел (коллекции Этнографического отдела Русского музея); возможно, что прежде столики подобного типа имели более значительную область распространения, а сейчас остались в виде отдельных реликтов или пока еще не обнаружены.

Если так, то может быть и здесь, как с крыльцом, имеем один из осколков старого исчезающего быта; традиционность подобного столика подчеркивается и тем обстоятельством, что он, в противоположность остальной мебели, появившейся под воздействием города (см. ниже), никогда не красится масляной краской, столь распространенной в кержацком обиходе, и не украшается резьбой. Через столетия пронесли кержаки свой столик таким простеньким и неизменным.

Следует отметить еще, что по положению в избе этот столик обнаруживает сходство с таковым у финских племен Союза, для которых характерно положение стола не в углу, а в простенке. Эту же особенность обнаруживают и великоруссы в районах, где они соседят с финскими племенами, например, с карелами в Тверской губ., где лишь в праздник стол передвигается в передний угол.¹

Стулья грубоватые, деревянные, плотничной работы, большей частью выкрашенные в один цвет масляной краской (красной, синей, зеленой, желтой).

Гораздо разнообразнее и с большим проникновением городских вкусов обставлена горница. Прежде всего, в горнице очень редко, и то лишь в старинных домах, ставится русская печь, правда, по размеру меньшая, нежели в кухне. Повсеместно же в горнице стоит „галанка“, т. е. голландка: большей частью она сложена из кирпичей (в то время как русская печь всегда битая), имеет в проекции угольчатую форму; всегда

¹ И. Л. Песселеп. *Op. cit.*, стр. 116.

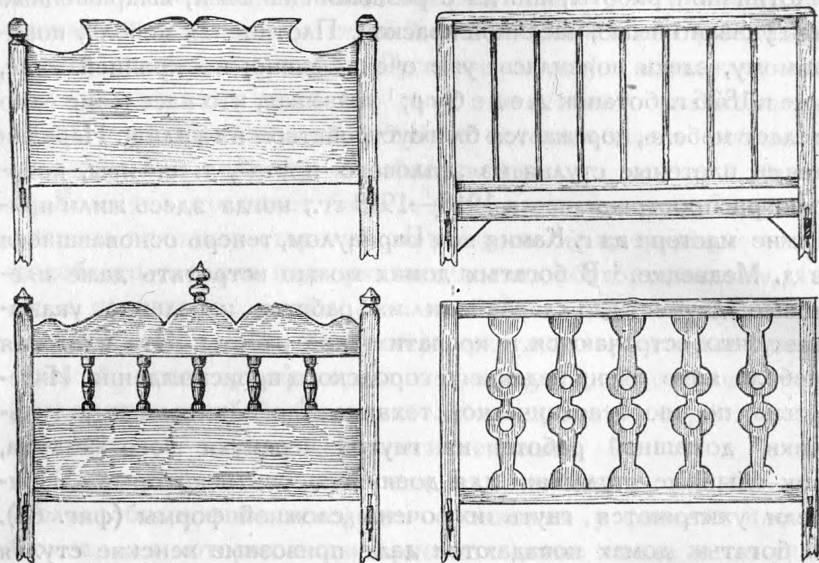
она побелена, лишь раз встретилась расписная (фиг. 61); реже голландка бывает круглая, железная. Топка в голландке устраивается из горницы (чаще), но если это связь, то иногда и из сеней. Большой редкостью уже теперь являются в горнице вделанные в стены лавки (фиг. 8). Большой же частью, здесь ставится городского вида мебель. Здесь стоят стулья различной работы; наиболее распространенными являются самодельные стулья плотничной работы, иногда с резными спинками, выкрашенные как указано выше, масляной краской. Плотничная мебель, повидимому, здесь появилась уже очень давно; по крайней мере, уже в 1826 г. ботаник Л е д е б у р,¹ указывая, что население само делает мебель, поражается благоустройством их жилищ. Нередки также плетеные стулья из „талового прута“, т. е. ивы, которые распространились в 1918—1919 гг., когда здесь жили приезжие мастера из г. Камня под Барнаулом, теперь основавшиеся в д. Медведке.² В богатых домах можно встретить даже плетеные двухместные диванчики их работы; население указывает, что встречаются и кровати такой работы. Эта плетеная мебель явно очень недавнего городского происхождения. Интересны по своей архаической технике так называемые „стульчики“ домашней работы из гнутой черемухи того же типа, как обычные стульчики для доения коров; некоторые любители ухитряются гнуть их очень сложной формы (фиг. 68). В богатых домах попадаются даже привозные венские стулья (фиг. 55 и 77).

Непременной принадлежностью горницы является кровать с горой подушек в цветных наволочках, со стеганым ярким одеялом (не на вате, а на шерсти). Кровать обычно стоит у правой или левой от входа стены в углу. Низ кровати с двух сторон закрыт широкой оборкой, это—так называемый „околóдок“. Он обычно украшен или новой вышивкой крестиком красной и черной бумагой, с машинным или вязаным кружевом, или иногда даже печатными по коленкору или вязаному кружеву узорами (работа приезжих мастеров). Кровати все деревянные, местной работы, причем делают их плотничными, столярными с филенками, делают с точеными столбиками

¹ К. F. von Ledebour. Reise durch Altai-Gebirge, 1829-30.

² О появлении и распространении этого промысла в Томской губ. в 70-х годах XIX столетия, благодаря инициативе одного ссыльного вятчанина — см. у П. А. Голубева. Алтай. Томск, 1890, стр. 92.

(фиг. 69); оставляют некрашенными или красят белой масляной краской; иногда раскрашивают по филенкам и обвалкам красной, синей, зеленой масляной краской; изредка приходится встретить кровати с расписными спинками (роспись того же характера, что и на стенах); об „изредка встречающихся расписных кроватях“ в д. Сенном говорит и Герасимов.¹ Раз даже, правда, за пределами ясака (д. Максиха), пришлось уви-

Фиг. 69. Деревянные спинки кроватей местной работы. Д. Печи и Язловая.

деть „горничную“ кровать с выгнутыми спинкой и ножками, в стиле рококо.

Нередко в горнице есть „канapéль“²—деревянный диван, выкрашенный в масляную краску, с почти прямой спинкой, довольно грубой работы, иногда сквозной, из столбиков или решетки, иногда с грубой выпилкой, пестро раскрашенной, а иногда и с росписью того же стиля, что и на стенах или опечке.

Почти неотъемлемой принадлежностью является „камóт“— комбинация буфета и комода; верхняя часть является по большей части шкафчиком с тремя полками и стеклянными двер-

¹ Б. Г. Герасимов. Ор. cit., стр. 16.

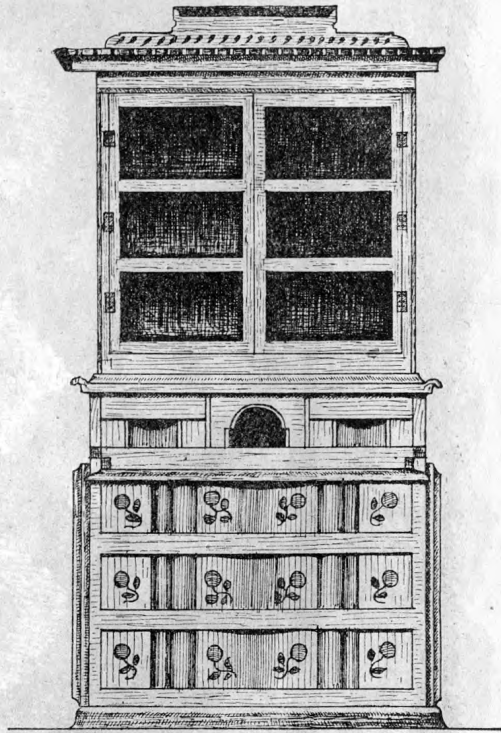
² Сравните „канapé“, „канáпка“—у Даля. Толковый словарь.

ками (в настоящее время стекла чаще отсутствуют, так как в послереволюционные годы, за неимением привозного стекла, все они употреблены на окна); здесь стоит посуда, своя (для пива) и мирская (для чая); нижняя часть состоит обыкновенно из трех выдвижных ящиков, где хранятся белье и одежда хозяев (фиг. 70). Между верхней и нижней частями устроены ящички, где держат всякую мелочь (нитки, иголки и пр.).

„Камот“ всегда окрашен масляной краской, редко одноцветной, большей частью выделены карнизы (напр., комод — красной масляной краской, а карнизы — черной и зеленой). Иногда имеется легкая роспись, иногда верх украшается резьбой, которая зачастую очень пестро раскрашивается (фиг. 49). Комоды делают на месте, из покупных дубовых досок; в обиходе встречаются уже давно; так, есть комоды, которым хозяева насчитывают до 70 лет.

Украшением горницы являются так называемые „ящички“, т. е. сундуки привозные, обитые разноцветной жестью,

типа нижегородских (фиг. 41 в ст. „Одежда“...). Таких сундуков стоит один-два-четыре, смотря по числу молодых и девушек в доме; накрывают их нередко мохнатыми коврами, петлевыми, своей работы (фиг. 71 и 72). Большей частью это небольшие коврики, около 1 м длины и $\frac{3}{4}$ м ширины, с несложным геометрическим узором, фон и бахрома делаются обычно черными, самый же узор ярким — синим, розовым и др. (краски покупные). Ковры подобной работы распространены в Запад-

Фиг. 70. „Камот“. Д. Печи.

ной Сибири; ткнут их, главным образом, в Тюменском округе, Тобольской губ.

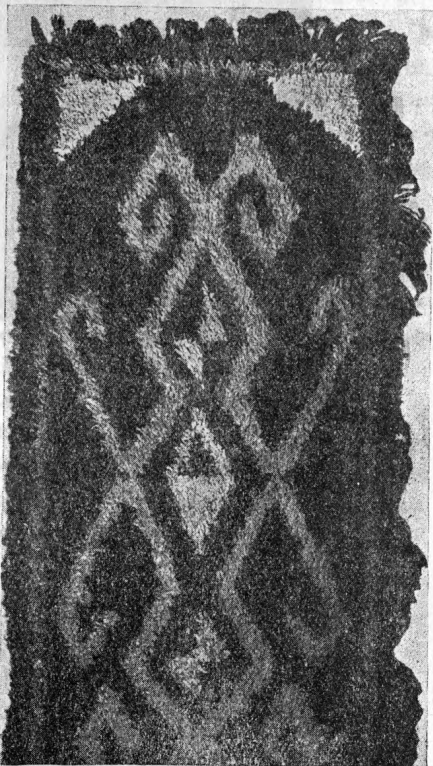

Фиг. 71. Ковер. Д. Печи.

Всегда в горнице стоят один или несколько небольших столов, накрытых различными скатертями. Столы, большей

частью, простой работы, но обычной высоты; иногда встречаются столы вычурной плотничной работы, напр., стол, встреченный в д. Белой. Этот стол имеет всего две ножки, каждая из них имеет внизу по четыре выпильных завитка, расположенных наискось по отношению к верхней доске, а вверху—по два завитка, расположенных перпендикулярно длине стола; все выкрашено участками красной и зеленой масляной краской.

Скатерти большей частью своей работы, из бравого или узорного холста (ткут на 6—8—12—16 цепов), белого или цветного, сшитого в два-три полотна, часто с различными „вошивками“ между полотнищами; нередко обшиты вязаными крючком кружевами. Реже можно встретить набойчатые скатерти, работы переселенцев. Иногда стол накрыт скатертью из покупного матрасного тика или даже клеенкой. В хозяйственных домах клеенкой обивается и стена под шкафиком и рядом с ним, где висит уполовник.

Фиг. 72. Ковер. Д. Печи.

В домах, куда очень сильно проникло влияние города и где горница уже имеет вид городской, мещанской комнаты, сохраняя, однако, деревенскую пестроту и яркость, можно встретить угловый столик в переднем углу, также накрытый скатертью.

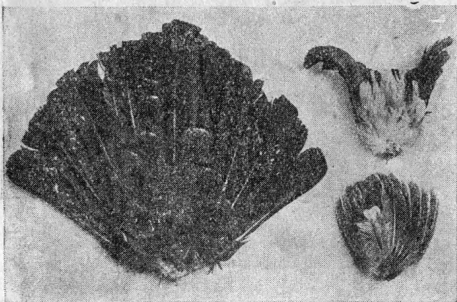
Горница всегда убрана расшитыми и затканными полотенцами— „рукотёртами“. Рукотерты вешаются на гвозди над зеркалом, в простенках между окнами, на стене над столом (фиг. 73). Часто концы их сшиваются вместе, в таком случае

эти полотенца носят название платков („стенные платки“). Сшитые вместе концы гораздо лучше лежат, когда стеновой платок надет на зеркало, гораздо лучше видна вышивка, чем

Фиг. 73. Горница в связи И. К. Коновалова. Д. Печи.

на рукотерте. Иногда даже нашивка, кружево пришиваются неразрезанными к обоим сшитым концам платка. Очень острой разновидностью платка является платок на пуговках, когда нарядные сшитые концы платка несут на себе ряд пуговок, а невышитые полотнища—ряд петель, так что платок можно отстеги-вать и стирать невышитую часть (фиг. 4в в ст. „Искусство“...).

Фиг. 74. Украшения из перьев.

На стенах горницы во-обще приходится видеть са-мые разнообразные укра-шения. Наиболее архаич-ными из них являются „перья касачинны“—род вееров из перьев глухаря, делаемых большею частью ребя-тишками; их вешают иногда над окнами. Надо отметить, что подобные украшения мы имеем и в Сибири—см. коллекции Русского музея из Енисейской губ. (фиг. 74), и у великорус-сов Европейской части Союза, где нередко их делают из кури-

ных перьев. Затем можно видеть над зеркалом, над окнами гирлянды из сухих желтых бархатцев, тоже детского изделия. Это украшение есть и у „поляков“, его описывает Швецова.¹ В ясачных деревнях оно встречается уже редко, чаще можно встретить его на заимках. Встречаются и сложные украшения из соломы, имеющие форму ромбоэдров („фонарики“), с пестрыми тряпочками и кисточками (украшения этого типа встречаются и у великоруссов Сибири и Европейской части Союза и у западных финнов); здесь они подвешиваются к потолку перед окнами. В домах, более подвергшихся влиянию городской культуры, можно встретить бумажные цветы и даже различные украшения из яркой папиросной бумаги китайской работы, которые и теперь привозят на продажу из Семипалатинска; они имеют вид вееров-розеток, или шариков на деревянных подставках. Иногда над дверью помещают, как украшение, маральи рога; прибивают одну пару посредине или две пары по краям, над дверными косяками; на них вешают шапки, если две пары — кладут ружье.

И в горнице, и в прихожке весь пол устилается чистыми половиками или „палаткой“² так, что его совсем не видно. Разница лишь в том, что в горницы постилают лучшие половики, а в прихожке лежит иной раз и разодранная, уже негодная в хозяйстве палатка (о палатке см. в статье „Хозяйственный быт“...).

Половики ткут на обычных кроснах, причем основу снуют из кудели, иногда окрашенной в синий или красный цвет, а уток обычно состоит из чередующихся полос синей, красной, розовой кудели и коричневой жишки (овечьей шерсти); очень часто ткут их в цепы, переступая ногами на четырех подножках. Часто половики сшивают попарно, чтобы легче и скорее было стлать их; кладут их по направлению от входной двери к противоположной стене. Иногда у входа кладут или старый сношенный шобур, или узорный нарядный войлочный коврик — „сырмак“,³ казакской работы; в таком случае, чтобы сырмак не затапывался, сверху кладут небольшой кусок потника.

¹ Швецова. Ор. cit., стр. 26.

² Палатка — сшитые вместе 5—6 полотнищ холста, длиной 2—3 м.

³ О сырмаках см. ниже.

На окнах горницы почти в каждом доме разводятся комнатные растения, так называемые „сады“. Чаще всего здесь можно увидеть герань, бальзамин, фуксию, петунии, золотое дерево, алоэ, красный перец, цветную крапиву. Больше всего растений в домах, где есть девушки—они особенно охотно возятся с растениями. Цветочных горшков здесь нет, вместо них употребляются старые, негодные ведра, чугуны, корчаги, реже—корытца, ящики. Нередко, для красоты, чугуны и корчаги побелены известью. Особенности любительницы растений ставят даже скамейки под окнами и их занимают под „сады“.

В особенно богатых домах на окнах висят занавески (на две стороны) из покупной ткани—кисеи, муслина, ситца. Ситцевыми же занавесочками задергивается верх голландки в горнице, а в прихожке—грядки, верхняя часть шкафчика и верх печи. Ситцевой занавесочкой закрываются и иконы. Но никогда ничем не украшаются ни передний угол, ни божница—это грех.

Лубочные старообрядческие картины в настоящее время являются уже большой редкостью, и только раз удалось увидеть оборванное и засаленное „Слово о первых монахах“ в простенке между окнами.¹

Большей частью ни картин, ни какой-нибудь литературы в горницах нет. Но в домах, затронутых городской культурой, сохраняются еще на стенах портреты членов царской фамилии, лубки германских зверств; наряду с ними—картинки из иллюстрированных журналов („Огонек“ и пр.), керенки, тут же разрозненные номера „Бедноты“ и даже, в наиболее передовых домах, как большая редкость, современный плакат для деревни (красноармеец и ликвидация безграмотности). Раз пришлось встретить горницу, оклеенную всей перечисленной литературой (фиг. 33, В), а на этом фоне красовалось зеркало, бумажные цветы и пр.

В общем, следует отметить большую чистоту в жилище кержака—все чисто, пол часто моется; половики стираются; нигде ни пылинки. В домах совершенно нет ни клопов (чему помогают штукатуренные большей частью дома), ни блох; сравнительно редки тараканы.

¹ В исследовании Ровинского „Русские народные картинки“ это „Слово“ не упоминается.

Спят большей частью на полу, подстилая большие войлоки так называемые потники: ¹ одноцветные—чаще светлой, реже темной овечьей шерсти, или узорные—светлые, с ввальнойным темным узором; войлоки эти казакской работы, покупают их кержаки в д. Керей, а также в Катон-Карагае, куда привозят их на продажу киргизы; в настоящее время войлоки около 1¹/₄ м шириной продают на отрез от больших свертков по 8 руб. за метр.

Покрываются, вместо одеяла, узорными войлочными ковриками, называемыми заимствованным у казаков словом „сырмак“. Коврики эти продаются казаками поштучно, бывают различных размеров. У кержаков можно встретить два типа их: настоящие „сырмаки“, сшитые из войлока двух цветов (белого и красного, синего и красного, белого и коричневого и т. п.), с проложенным по шву белым шнурком, ² и то, что у казаков называется „текиметь“, т. е. аппликация красной шерстяной тканью по светлому войлоку; кержаки оба типа называют сырмаками. Орнаментика этих ковриков чисто казакская. ³

И потники, и сырмаки вошли в быт и без них не обходится ни одно хозяйство; это произошло уже давно—имеются свидетельства, что уже больше ста лет тому назад каменщики выменивали у киргизов войлоки на хлеб. ⁴

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ

Приведенные выше материалы характеризуют жилище бухтарминского крестьянина, как типично северно-великорусское.

Переходя к хозяйственным постройкам, главным образом, к помещениям для скота, мы напрасно искали бы здесь типичнейшую северно-великорусскую особенность, характерную для Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Ярославской, Тверской, Костромской, частично Вятской и Пермской губерний—крытое замкнутое помещение для скота, непосредственно примыкающее к жилью. Такого крытого двора,

¹ Интересно перенесение названия вещи из известного материала на самый материал—названия войлочной подстилки, подкладываемой под седло, на самый войлок, независимо от размера.

² Изготовление сырмаков см. у С. Дудина. Киргизский орнамент Восток, кв. V, 1925.

³ См. Е. Р. Шнейдер. Казакская орнаментика. Сборник „Кзаки“. Лг., 1927.

⁴ Ledebour. Op. cit.

который встречается в каждой северной деревне, здесь вовсе не знают. Термин „двор“ существует и обозначает помещение для скота, но расположение и устройство двора здесь совершенно иное, чем в северных губерниях, и говорит нам о сильных сибирских влияниях.

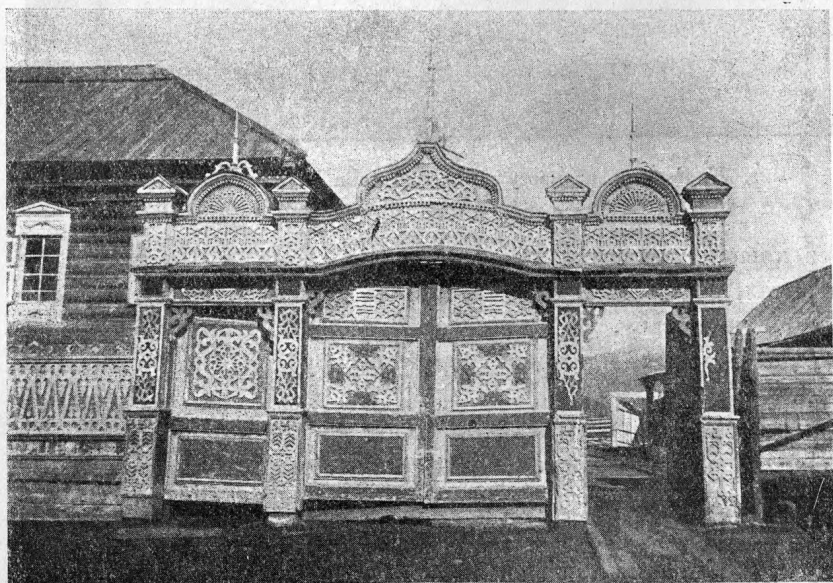
Как сказано выше, жилая изба стоит в „ограде“ или выходит на улицу, составляя своей длинной стороной часть периферии ограды. Ограда огорожена изгородью, состоящей из горизонтальных жердей или бревен, врубленных в столбы (фиг. 75; реже—это сплошной забор—„заплот“, состоящий из досок, вложенных в паз в столбы (фиг. 41), реже—поставленных вертикально; иногда часть периферии ограды составляют задние стены хозяйственных построек, в ней расположенных. С улицы в ограду ведут ворота, причем по характеру и отделке их большею частью можно судить о достатке хозяина (вернее, о дореволюционном его достатке). Чаще всего это невысокие воротца, опорой которых являются две высокие и толстые веревы, связанные наверху горизонтальной жердью (фиг. 32 и 75); щит состоит из редко положенных 4—5 досок, концами врубленных в две вертикальные жерди и соединенных одной доской, прибитой наискось (фиг. 75); запираются они различными способами: или при помощи веревочной петли, надеваемой на врубленную спицу, или при помощи особой деревянной вдвигки из воротца в вереву (фиг. 30) или, наконец, одна горизонтальная доска (или жердь) в щите делается подвижной и может вдвигаться в углубление, сделанное в вереве. Реже, у более зажиточных, имеются крытые тесовые ворота, створчатые, из двух сплошных щитов, с калиткой; почти всегда они тройные, т. е. имеют две калитки по бокам; главный проезд и калитки устраиваются такой высоты, что через них свободно проезжает верховой; крыша в последнее время устраивается на два ската с довольно сложным карнизом. С наружной стороны калитки прикреплено железное, часто витое, кольцо, с внутренней—железная щеколда или деревянная вдвигка. На веревях с внутренней стороны устроены петли для запорного бревна.

На воротах изредка помещаются несложные украшения, например, четырехугольнички из белой жести,¹ набитые

¹ Эти же жестяные четырехугольнички можно встретить и на карнизах домов.

Фиг. 75. Общий вид усадьбы (связь, амбар и завозня в ограде). Д. Белая.

Фиг. 76. Резные ворота. Д. Фыркалка.

в виде одного горизонтального ряда или двух рядов, перекрещивающихся наподобие буквы Х. Старой резьбы на воротах нигде встретить не пришлось. Отдельные экземпляры поражают пышностью своей отделки—сложная накладная пиленая резьба, пестро и ярко раскрашенная (фиг. 76). Такие ворота делали лишь самые богатые мараловоды (этих ворот двое на весь ясак—одни в Белой, другие в Фыкалке). Воротами совершенно городского типа, как и предыдущие, устроенными

Фиг. 77. Работа „на мосту“ в ограде дома И. Коновалова Д. Печи.

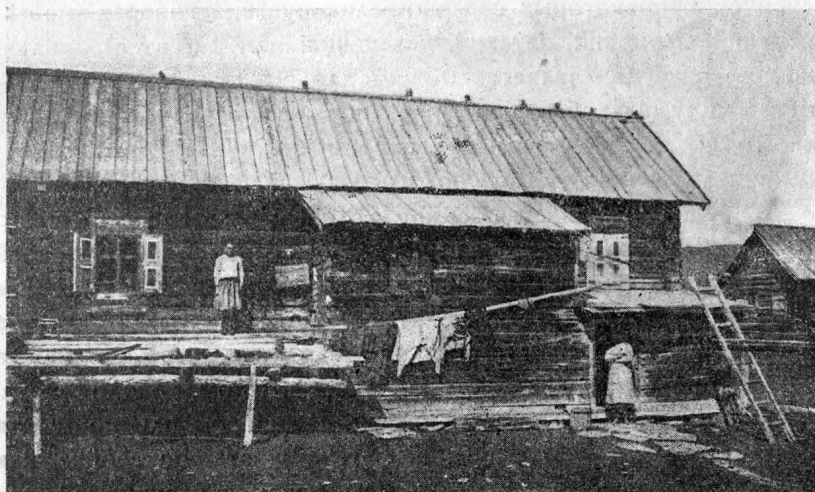
без крыши, являются ворота богатого дома в Фыкалке. На воротах, строящихся сейчас, иногда делают небольшую выпилочную резьбу. За рубку ворот с двумя калитками в настоящее время плотники берут 60 рублей (из хозяйского леса).

Пространство в ограде от ворот до крыльца обычно выложено (вымощено) досками—это так называемый мост (фиг. 13), он необходим ввиду необыкновенной грязи, в которой вязнут копыта лошадей. На мосту иногда устраивают коновязь—столб для привязывания лошадей. Реже мост представляет собой лишь настил перед крыльцом, не доходящий до ворот (фиг. 10).

На мосту производят различные домашние работы; здесь моют крупную бондарную посуду, точат ножи, мастерят кадки (фиг. 77) и т. п.; на мосту же обыкновенно возятся маленькие дети.

В особо благоустроенных хозяйствах сбоку входной двери устраивается железная скоба для очистки сапог от грязи.

Вблизи дома, а большую частью и возле самого дома устраиваются в ограде „сушила“ или „крышка“ для сушки хлеба—это невысокий помост из досок или плах, настланных вдоль стены дома; опорой для них служат толстые жерди, положенные на козла (фиг. 79) или врубленные в толстые

Фиг. 78. Старинное глухое крыльцо; слева—сушила для хлеба. Д. Печи.

бревна, стоймя вкопанные в землю (фиг. 78). Крышку устраивают обычно в ограде около солнечной стороны дома, а если задняя стена дома выходит на север, то около хозяйственных построек; стараются поставить ее так, чтобы использовать пропадающее место, например, около связи в углу, образуемом стеной дома и крыльцом; посреди ограды ставят редко.

В ограде помещаются следующие хозяйственные постройки (фиг. 75):

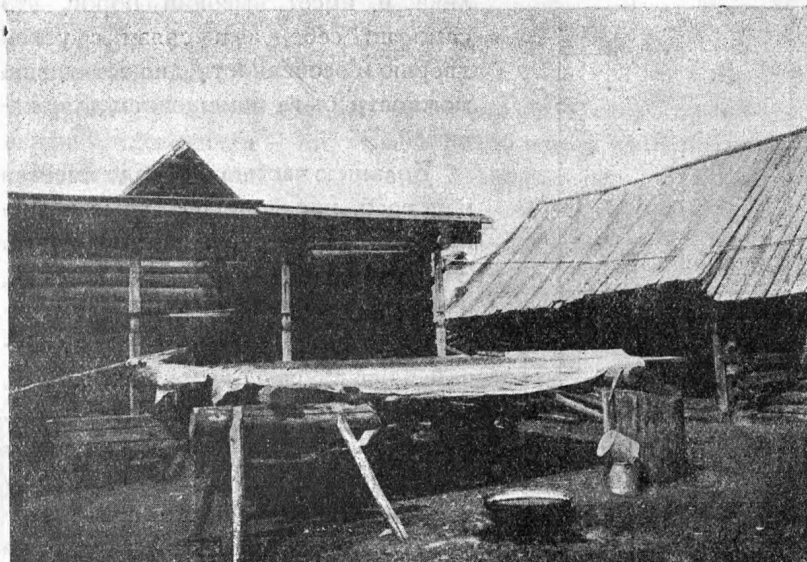
один или несколько амбаров более старого из северно-великорусских типов, на столбах, с „предамбарьем“; предамбарье—довольно высокая, около 70 см высоты, площадка, в два-три бревна шириной, идущая вдоль всего амбара перед

входом. Внутри помещаются „сусеки“—закрома для зерна. Верхняя часть амбарного сруба рубится обычно так, что бревна боковых сторон выступают и верхние венцы сруба образуют выступ, нависающий над предамбарьем; выступ этот прикрыт полой двускатной крыши, конек которой, следовательно, параллелен предамбарью. Этот выступ над предамбарьем—вернее, помещение внутри этого выступа, носит здесь, как и во многих местах Сибири, название „пятры“. Иногда и помещение над срубом избы, соответствующее чердаку, также называют пятрами. Слово „пятры“ представляет интерес в том отношении, что у великоруссов оно сохранилось лишь в сибирских и некоторых северно-великорусских говорах (новгородский, пермский, вятский, казанский—см. у Д а л я), в близком же значении является общим для всех славянских племен.¹ Другого обычного более позднего северно-великорусского типа, с фронтоном над предамбарьем и с коньком, перпендикулярным предамбарью, нами здесь не отмечено.

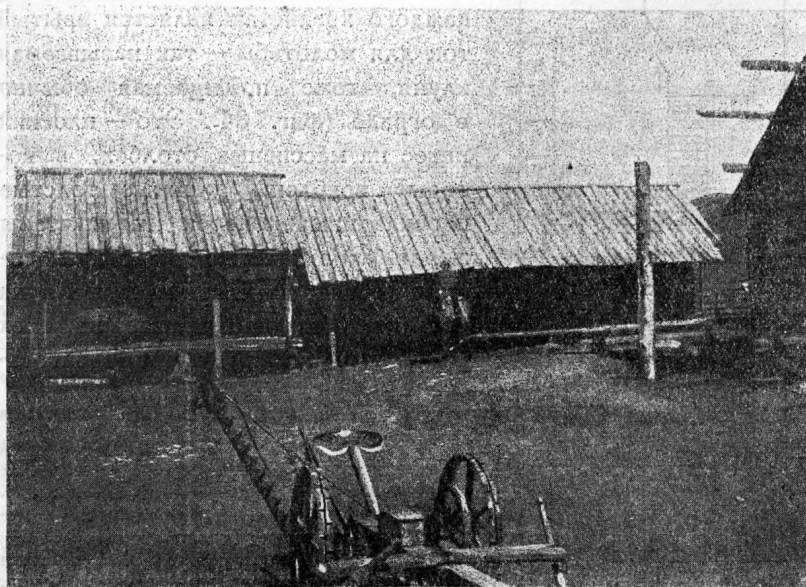
В бедных хозяйствах иногда (большая редкость) амбар устраивают под одну крышу с избой, связывая его с избой через сени (фиг. 27). Иногда в предамбарьи под выступом крыши мужская, еще неженатая молодежь устраивает род ящика, забранного досками, для спанья в нем летом. Но иногда такой ящик устраивают и с задней стены дома около входа.

Очень часто под одну крышу с амбаром или примыкая к нему, помещается завозня (фиг. 80); эта постройка, как явствует из названия, должна быть сараем для экипажей, каковым она и является в разных местах Сибири, где широко распространена. Здесь же ее назначение иное. Как сарай для экипажей в этом крае, где еще недавно телега была редкостью, завозня не нужна. И вот, принеся с собой из Сибири завозню, и как термин, и как представление о хозяйственной постройке определенного назначения, здесь, на Алтае, под влиянием местных условий, видоизменили ее. Теперь это помещение является подсобным к амбару, но без закромов, здесь хранятся всевозможные припасы, иногда здесь же внизу помещается ледник. Из предметов же, связанных со средствами передвижения, здесь хранятся конская сбруя, седла (не праздничные), различные вьючные сумы и пр. Дверь завозни неве-

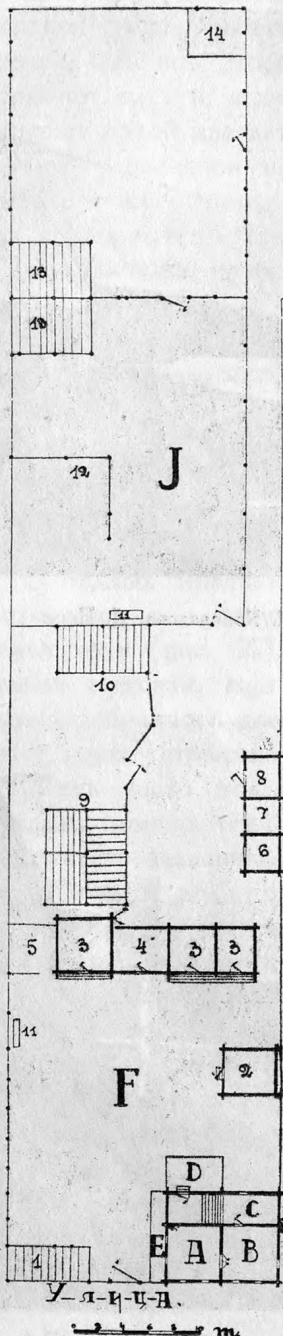
¹ Преображенский. Этимологический словарь русского языка.

Фиг. 79. Сушила для хлеба в ограде дома И. Коновалова. Д. Печи.

Фиг. 80. Амбар и завозня в ограде дома М. П. Кривошеина. Д. Печи.

лика и имеет высокий порог, что само по себе, а в связи с узкой дверью в особенности, лишает ее возможности быть помещением для экипажей.

Большую часть в ограде имеется и погреб, носящий различные названия: погреб, погребушка, амбарушка. Это небольшой сруб под крышей, в середине его вырублена четырехугольная яма, до $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{3}{4}$ м глубиной; в нее спущен „иструб“, т. е. сруб, носящий название „подъемника“. Яма эта набивается льдом, что делают обычно в великом посту. Сверху подъемник застлан плахами; посредине оставляется отверстие для спуска вниз. Иногда, как сказано выше, отдельного погреба нет, яма со льдом устраивается в завозне.

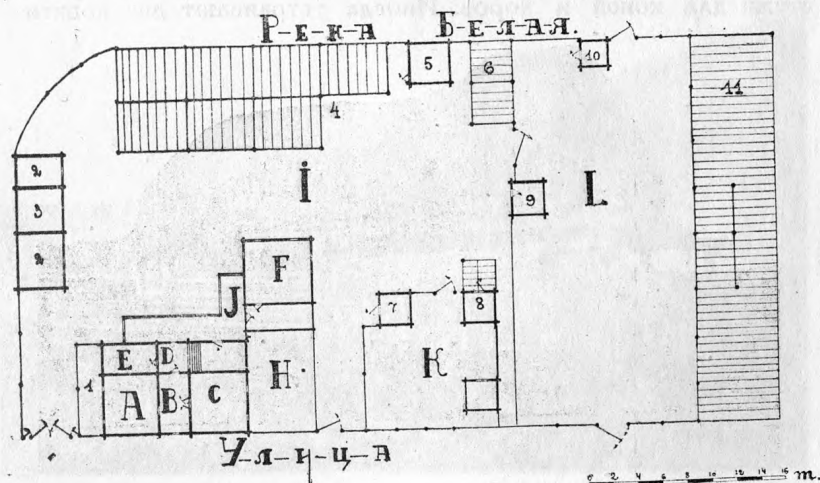
Необходимой принадлежностью каждого хозяйства является крытый ток для молотбы — так называемая клуня, тоже помещаемая обычно в ограде (фиг. 84). Это — плоский навес на массивных столбах, в которые врублены длинные толстые перекладины; поперек их накатаны жерди, а на них уже набросаны солома, ветки пихтачу и т. п. Клуня состоит большей частью из трех рядов столбов, с двумя продолгова-

Фиг. 81. План усадьбы П. М. Кривошеина в д. Печи (план дома—фиг. 9).

АВ—пятистенок. С—крыльцо. D—мост. Е—палисадник. F—ограда. J—двор. 1—крышка. 2—остаток старой связи. 3—амбары. 4—завозня. 5—дровяник (навес для дров). 6—избушка для телят (старая баня). 7—засадка для свиней. 8—хлевок для кур. 9—клуня. 10—сенник. 11—колоды для скота. 12—пригоны. 13—повити. 14—остаток старой кладки.

тymi пространствами между ними, шириной 4—6 м (фиг. 81 и 82). Клуня служит для зимней молотбы хлеба (см. ст. „Хозяйственный быт...“).

Где-нибудь в углу ограды, подальше от дома, устраивается „сенник“, ¹ „сенничек“—это тоже плоский навес, но не имеющий определенной формы, как клуня, а варьирующий в форме и величине (может быть в плане квадратом, вытянутым прямоугольником и т. п.). Сюда зимой свозится сено.

Фиг. 82. План усадьбы М. И. Коробейникова в д. Белой (план дома—фиг. 33). АВС—связь. D—крыльцо. E—кладовая. F—кухня. J—галлерея. H—палисадник. I—ограда. K—летний двор для скота. L—зимний двор (огород). 1—сушила для хлеба. 2—амбары. 3—завозня. 4—клуня. 5—помещение для свиней. 6—сенник. 7—хлев для кур. 8—избушка для телят. 9—погреб, погребёнка. 10—баня. 11—повить с заплотом.

В каком-нибудь промежутке, по возможности ближе к дому, например, между амбаром и оградой, устраивают „дровяник“—небольшой навес для дров; стараются ставить его так, чтобы он стеной амбара или завозни был защищен от заноса снегом.

В задней части ограды или прямо уже за оградой помещается „двор“ (фиг. 85). Это—огороженное открытое пространство различной величины, 91—455 кв. м с воротцами, в котором в летнее и зимнее время стоят лошади и крупный рогатый скот. С того угла двора, который обращен к зимним

¹ „Сенник“ встречается уже в документах XV и XVI вв.—Некрасов. Ор. cit., стр. 79—80.

ветрам, устраивается плоский навес на столбах—„повить“. По внешнему виду повить очень похожа на клуню, но уже ее; здесь не обязательны два длинных пролета—они не нужны и могут быть, но могут и не быть; с наветренной стороны повити угол с двух сторон забирается горизонтальными досками—это „заплот“¹ (фиг. 83), с остальных же двух сторон повить совершенно открыта, даже не имеет жердяной изгороди. Повить является единственным прикрытием в зимние стужи для коней и коров. Иногда устраивают две повити—

Фиг. 83. Повить для скота с заплотом. Д. Белая.

„конячью“ и коровью. В д. Фыкалке повить звучит как по-вётъ, поветка.

Помещения для мелкого скота устраиваются в ограде. Это: 1) помещение для телят, „избушка“—небольшой сруб, стоящий часто в общей связи с амбарами, погребами и другими хозяйственными постройками (фиг. 86); в избушке устраивают небольшую русскую печь с топкой по белому, с устьем печи, обращенным к двери, здесь зимой держат телят, здесь же зимой производится и стирка; в летнее время избушку используют для различных моментов пивоварения; 2) помещение для кур—„хлевок“, небольшой сруб под отдельной крышей, в нем держат кур зимой и летом; в середине—несколько насестей;

¹ Кроме этого специального значения, слово заплот вообще употребляется здесь в обшесибирском и древнерусском его значении, т. е. досчатый или бревенчатый забор. См. у Д а л я. Толковый словарь и За б е л и н. Ор. cit.

для кладки яиц подвешивают плетеные из соломы гнезда; 3) помещения для свиней, которые носят нередко временный характер,—это небольшие сажы между другими постройками, где свиньи откармливаются шесть недель [перед убоем. Считается грехом есть неоткормленную свинью, так как она бродит везде и ест всякую гадость. Лишь поросенка, еще сосущего свинью, можно закалывать и есть сразу.

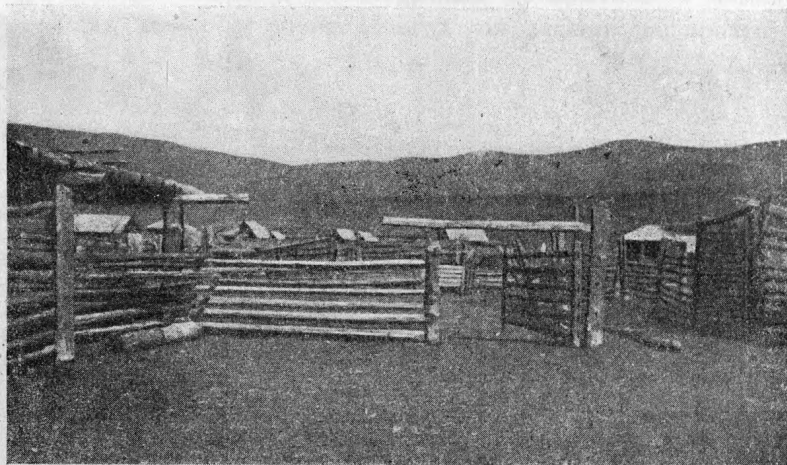

Фиг. 84. Клауны для молотбы хлеба. Д. Белая.

За двором идет огород, причем скот стоит и в огороде, и таким образом унаваживает гряды. Иногда даже устраивают отдельный зимний двор с повитью, примыкающий вплотную к огороду (фиг. 82). Навоз со двора никогда не вывозится; таким образом, в старинных усадьбах, долгое время находящихся на одном и том же месте, навоз накапливается, перегнивая и образуя чернозем, „назем“. Для ясачных деревень характерны такие черные округлые бугры, возвышающиеся на 2—4 м над общей плоскостью усадьбы, с зачастую коротенькими, наполовину засыпанными, столбами и низкими вследствие этого навесами. К рекам Белой, Бухтарме (и в нарымской долине к Нарыму) обращены в селениях целые обрывы из назема.

Специальных сараев для хранения экипажей не существует (смотреть выше о завозне). Обычно в передней части ограды,

близ ворот, устраивают лишь так называемую „крышку“¹ — небольшой навес, где стоят сани—кошева, пошевни, где хранятся и сельско-хозяйственные машины, если они имеются в хозяйстве (фиг. 81). Дровни же, имеющиеся в большом количестве в каждом хозяйстве, стоят в летнее время под повитью и сенником, иногда даже на срубках хозяйственных построек под двускатной крышей с открытым фронтоном.

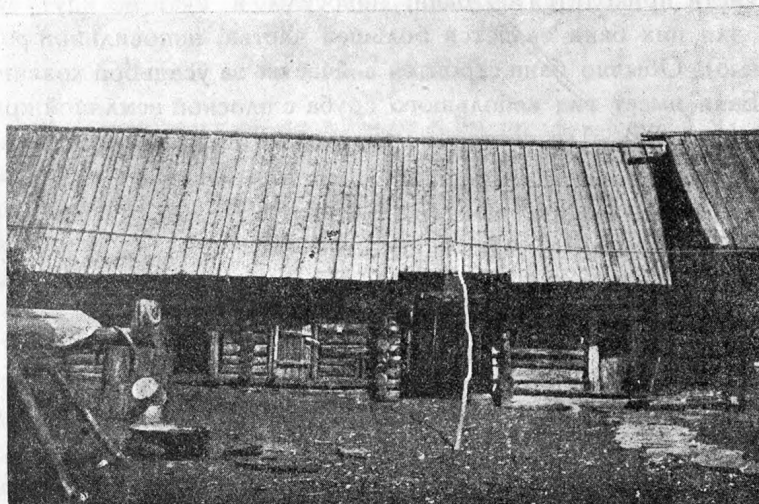
Фиг. 85. Двор для скота в усадьбе П. Кривошеина. Д. Печи.

На плоские крыши клуни, повити и сенника помещают обычно обмолоченную солому (фиг. 83 и 84), чтобы ее не ел и не растаскивал скот. Очень характерны для общего вида ясачной деревни эти стоги, ометы и скирды соломы, нагроможденные на плоских навесах. Громадное накопление соломы в деревне опасно в пожарном отношении, но, несмотря на неоднократные увещевания работников кооперации и учителей, солома за пределы деревень не вывозилась, что вызвало в июне 1927 года громадный пожар в д. Белой, истребивший 17 богатейших домов со всеми хозяйственными постройками. После этого и Белая, и другие селения начали вывозить солому за пределы селения; в д. Белой можно видеть за деревней целый городок соломенных ометов и скирд. Следует от-

¹ Не смешивать с крышкой для сушки хлеба, с сушилами (см. ст. „Хозяйственный быт...“).

метить, что ни пожарного обоза, ни каких-либо общественных средств борьбы с пожаром в деревнях ясака не имеется.

Ограда, двор и огород расположены один за другим или вдоль улицы (фиг. 82), или вглубь (фиг. 81). Иногда, в зависимости от рельефа, двор расположен отдельно; в некоторых соседних селениях (не в ясаке), напр. в кержацкой в основе,

Фиг. 86. Избушка для телят (посредине) в огороде дома И. Коновалова.
Д. Печи.

и с той же культурой, деревне Максихе, стесненной в узком пространстве между сланцевым обрывом и р. Максихой—дома с оградями расположены у обрыва, дворы же с повитями—по другую сторону улицы, у реки.

К числу хозяйственных построек относятся бани, имеющие широкое распространение в кержацких деревнях. Бани и их устройство были обследованы особенно подробно в связи с тем, что в архитектуре своей баня обычно сохраняет очень древние приемы и дает возможность судить о древнем типе постройки. Кроме того наличие бани и значительная роль ее в быту говорят об определенных культурных связях в прежнее время и даже могут свидетельствовать о принадлежности к той или иной великорусской группе.¹

¹ См. программу для изучения вопроса о банях, составленную Костромским научным обществом по изучению местного края.

В каждом селении обращает на себя внимание большое количество черных бань, разбросанных за усадьбами на берегу реки (Бухтармы, Белой) или ручья, большей частью на обрыве материкового берега, над галечными отложениями. В среднем можно считать, что около 50% кержацких хозяйств имеют свои бани (так, например, в д. Печах на 130 старожильческих хозяйств приходится 64 бани; новоселы в счет не идут, так как для них баня является большей частью непосильной роскошью). Обычно баня строится сейчас же за усадьбой хозяина.

Баня имеет вид небольшого сруба с плоской земляной крышей (фиг. 87). Для постройки употребляется преимущественно

Фиг. 87. Черная баня на берегу р. Бухтармы.
Д. Печи.

пихтач (это более теплый лес, по мнению населения), бревна толщиной 19—25 см. Обычно сруб состоит из 10 венцов, рубленых в угол; нижний венец кладут на камни; иногда основание бани засыпают омяльем. Обычный размер сруба снаружи: $4\frac{1}{2}$ м \times 4 м \times 3 м. Типичная баня (д. Печи, Белая, Язовая) не имеет предбанника, выход из бани—прямо наружу, через низенькую одностворчатую дверь, открывающуюся наружу; иногда дверь эта ходит на двух железных скобах, но можно иногда встретить дверь и на пятнике; в таком случае, полотно двери прикреплено к вертикальной палке, верхний конец которой прихвачен железной или даже деревянной петлей к косяку двери, а нижний вращается в углублении, вырубленном в пороге. Окно только одно, равно по величине и способу вырубки волоковому; устраивается большей частью

внизу между третьим и четвертым венцом, или в стене с дверью, или в стене над лавкой; реже устраивают окно в противоположной входу стене над полком, высоко под потолком; в таком случае оно служит и для выхода дыма. Крыша устроена просто: параллельно стене с входной дверью врублена матка, на нее настлан потолок из горбылей, плоской стороной вниз и сверху засыпан землей. Размеры бани внутри, примерно, такие:

286 см × 253 см × 170 см

или

252 см × 268 см × 184 см.

Баня, следовательно, низкая, и моющиеся чуть-чуть не задевают головой потолка, толстая же, выступающая вниз матка определенно мешает непривычному человеку. Пол обычно земляной, иногда на землю положено 3—4 половицы; бревна сруба внутри не стесаны. В правом от входа углу ставится печь—каменка, устьем обращенная влево; складывается она из каменных глыб, причем стенки ее кладутся либо из крупных галек (д. Печи), либо из глыб сланца (д. Белая); на них накладывается либо большая сланцевая плита, либо металлическое колесо от старой косилки, либо железные полосы, а сверху уже наваливается груда более мелкого камня. Ни заслонки, ни чего другого нет; дым из устья выходит в дверь, почему бревна над входом всегда закопчены; если окно устраивается внизу, то для выхода дыма прорубается еще под самым потолком небольшое отверстие в стене над полком. Воду греют в чугунах, вдвигая их в устье печи на раскаленные угли. На лево от двери идет низенькая лавка (сантиметров 30—35 высоты над землей); против входа во всю ширину бани устроен полком, представляющий собой помост из нескольких досок, шириной от 85 см до 1 м на стойках, высотой около 75 см. Перед полком—невысокая ступенька.

Банной утварью служат: поганое ведро, кадка, корчага, березовый веник. Несколько отличаются по типу бани в д.д. Коробихе и Фыкалке; общий план и устройство их остаются теми же самыми, но в д. Коробихе баня имеет не земляную крышу, а потолок и двускатную крышу на подставках, с открытыми фронтонами (см. выше о крыше); перед входом, благодаря тому, что крыша на метр выступает над срубом, получается навес, заменяющий предбанник; под ним лежат с одной

стороны две-три больших гальки,¹ с другой—бревно, заменяющие лавки; вместо ступеньки перед входом кладется доска. В Фыкалке баня обычно имеет уже предбанник, это—навес с плохими досчатыми стенами, в которых много щелей, без двери и пола (здесь стоит и скот), но все же он представляет защиту от ветра с трех с половиной сторон. По величине этот предбанник может быть и меньше бани и равен ей.²

Бани этого же типа распространены, повидимому, и по всей Бухтарме. На фотографиях из д. Быковой,³ мы видим баню того же типа, и этот же вид бани описывает и Герасимов⁴ в с. Сенном, и во многих местах Сибири.⁵

Белых бань нет совершенно. Лишь летом 1927 г. впервые начал один из местных жителей в д. Язовой ставить белую

¹ Следует вообще отметить широкое употребление речной гальки на Бухтарме и Белой.

² Бани топят часто, в рабочее время иногда и несколько раз в неделю, чтобы попариться после работы, причем затапливают баню женщины, по вечерам, идут же в баню большей частью уже после захода солнца всей семьей, мужчины, женщины и дети; берут с собой и грудных детей. Раздеваются снаружи, оставляя около бани всю свою одежду; взяв в баню одежду для кержака невозможно, так как она тогда опоганится и опоганит и надевшего ее; кержаки „в бани рубахи не затаскивают, она банница будет; там бесовщина, там только черти живут“—так подсмеиваются над кержаками переселенцы. Некоторые старики и старухи, идя в баню, даже крест оставляют снаружи с одеждой, чтобы не осквернить его. В связи с таким представлением о бане, в нее нельзя ничего брать с собой—ни ведра, ни чугуна—все это опоганится. В связи с этим же, напарившись и нахлестав себя вениками, из бани бегут, прикрывая себя вениками, окунуться в Бухтарму или Белую во всякое время года; если же река под льдом, то тут же на снегу обливаются водой (обливаются и везде, где бани стоят не на реках, а на ручьях). Потом здесь же, на снегу, одеваются. Мытья, в собственном смысле этого слова, нет совершенно. Также парят и грудных детей, которых обливают после в сенях теплой водой. Обливаться или окунуться необходимо, чтобы смыть с себя всю погань, всю нечисть; если этого не сделать, кержак не может войти в моленную; „банному не дается молитва, не освящается“.

В то же время баня является первым средством при всякого рода простуде. Затем есть обычай женщину после родов сейчас же вести в баню, где ее парят, считая, что это укрепит ее и облегчит послеродовые страдания и уничтожит слабость; бывают случаи, что при этом роженица теряет сознание; иногда после этого лечения умирают.

Выполняет баня и другое назначение. Так, где есть навес или предбанник, там нередко стоят мялки, и бабы мнут здесь лен.

³ Фотографии А. Н. Белослюдова.

⁴ Герасимов. Ор. cit.

⁵ Фототека Этн. отдела Русского музея.

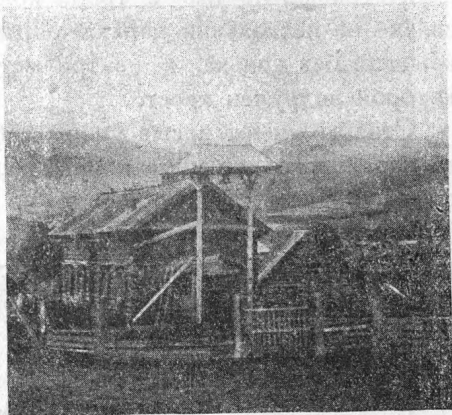
баню с глинобитной печью, что производило в деревне необыкновенную сенсацию. В печках не моются совершенно, и об этом и не слыхивали.

МОЛЕЛЬНИ

Большой интерес с точки зрения архитектуры представляют молебни и церкви в ясачных деревнях.

В некоторых деревнях (д.д. Печи, Фыкалка) это обычная изба, отличающаяся от остальных построек лишь наличием восьмиконечного креста наверху и отсутствием усадебных построек вокруг. В остальных же деревнях мы имеем здания специальной архитектуры

со специальными приспособлениями для подвешивания колоколов. Эти приспособления представлены различными стадиями—от простой звонницы старинного северного типа до церковной колокольни. Интересно то, что звонницы эти сохраняют формы древне-русских деревянных звонниц, явившихся прототипом для более поздних каменных звонниц Новгорода и Пскова. Правда, наиболее примитивных звонниц, состоящих из одного столба с перекладной или из козел с перекладной, изображенных у Олеария,¹ мы здесь не встретим. Но здесь сохранились еще звонницы, очень близкие к изображенным у Мейерберга² из Дубровки и Новгорода, по типу крытых ворот, а именно: это два высокие вертикальные столба, связанные наверху перекладной, к которой подвешен один колокол (фиг. 88). Звонница прикрыта четырехскатной крышей с коньком, остов которой подпирается подкосами, врубленными в верхние части

Фиг. 88. „Моленная“ в д. Язовой.

Правда, наиболее примитивных звонниц, состоящих из одного столба с перекладной или из козел с перекладной, изображенных у Олеария,¹ мы здесь не встретим. Но здесь сохранились еще звонницы, очень близкие к изображенным у Мейерберга² из Дубровки и Новгорода, по типу крытых ворот, а именно: это два высокие вертикальные столба, связанные наверху перекладной, к которой подвешен один колокол (фиг. 88). Звонница прикрыта четырехскатной крышей с коньком, остов которой подпирается подкосами, врубленными в верхние части

¹ Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Москву в Персию и обратно (1636 г.). СПб., 1906.

² Альбом Мейерберга. Виды и бытовые картины России XVII века. Издание А. С. Суворина. 1903.

столбов. Для устойчивости, один из столбов на двух третях своей высоты соединяется с молельней жердью, перекинутой от него к углу молельни. Звонят с земли с помощью длинной веревки, привязанной к языку колокола. Такого типа звонницы были отмечены нами в д.д. Язовой и Максихе. Они проще изображенных у Мейерберга тем, что являются однопролетными на двух столбах (у Мейерберга — одна звонница на трех столбах, другая на пяти), но сложнее тем, что имеют не двускатную, а четырехскатную крышу.

Следующей ступенью развития является звонница в д. Белой (фиг. 90). Здесь мы имеем также однопролетную звонницу на двух столбах, но уже с тремя колоколами, подвешенными на связке из нескольких параллельных брусков, с четырехскатной крышей, без конька, в центре встречи всех четырех скатов которой водружен крест.

Столбы имеют косые упоры с боков, врытые в землю; для звонаря несколько ниже конька церковной крыши сделана площадка, попасть на которую можно с помощью двух лестниц (стремянок): первая ведет с земли на крышу крыльца, по которой набиты брусочки вместо ступенек; вторая с залобка крыши церкви ведет на самую площадку. Следующей по степени усложнения можно поставить звонницу в д. Согорной:¹ это звонница на четырех столбах, квадратная в плане, с симметричной крышей на четыре ската, увенчанной крестом, с площадкой для звонаря, обнесенной легкой балюстрадой; на площадку ведут также две стремянки (фиг. 91). Эта звонница очень близка по типу к таковой же у церкви Воскресения в Усть-Паденге (в Шенкурском уезде, Архангельской губ.), построенной в 1675 году.²

Далее уже идет квадратная в плане деревянная колокольня на церкви, построенной сторонниками белокриницкой веры в д. Коробихе (фиг. 92), с четырехскатной крышей, с небольшой маковкой и крестом. Появление самой формы рубленых деревянных, квадратных в плане колоколен, М. Красовский,³ относит к XV столетию, устройство же таких колоколен в одной связи с храмом — к XVII столетию.

¹ Д. Согорная расположена на пути из д. Медведки в Печи (см. карту).

² Мих. Красовский. Курс истории русской архитектуры, ч. I. Деревянное зодчество. Пг., 1916 г., стр. 139.

³ М. Красовский. *Op. cit.*, стр. 138.

Что касается самих молелен,¹ то наиболее простые из них имеют вид пятистенка под двускатной (но не самцовой,

Фиг. 89. Старообрядческая церковь в д. Белой со стороны улицы.
(Зима 1912 г.).

Фиг. 90. Старообрядческая церковь в д. Белой со стороны реки Белой.
(Лето 1927 г.).

а стропильной) крышей (фиг. 91), без сеней, но с небольшим крылечком, устроенным с той узкой стороны пятистенка, которая выходит на запад; в этом отличие их от жилых пятистен-

¹ Говорят различно: молённа, молёбна, шасовня.

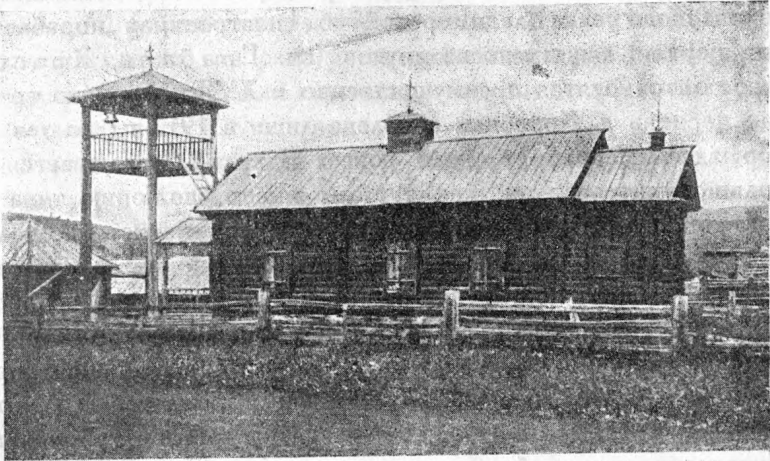
ков, где вход делается всегда с широкой стороны постройки. Звонница располагается всегда над входом.

Следующей стадией является та, когда с восточной стороны прирубается сруб для алтаря, соответствующий церковной абсиде.¹ Такова исключительная по своему внешнему виду в смысле отделки церковь в д. Белой, оштукатуренная и выбеленная снаружи (фиг. 89). Такова и моленная в д. Согорной (фиг. 91), являющаяся, благодаря шатровой звоннице и небольшим главкам над главным зданием и алтарем, уже как бы переходом к настоящему храму, каковым является церковь в д. Коробихе (фиг. 92).

Здесь мы имеем уже вполне определенные части храма, а именно—алтарь, помещение для молящихся и притвор, с квадратной в плане колокольней над входом, покоящейся передней стеной на двух вертикальных столбах, задней стеной на стене притвора. Основной сруб колокольни рублен в угол, вышка над площадкой—в лапу. Каждая часть храма представляет отдельный сруб; все они различного размера и высоты; каждый имеет свою отдельную шатровую крышу, так что получается ступенчатое (с алтаря до колокольни) поднятие отдельных крыш срубов; лишь притвор, как связующий колокольню с храмом, крыт двускатной крышей. Наиболее обширной и высокой является часть для молящихся, с большими окнами, близкая по плану к квадрату; невысокий алтарь по площади равен приблизительно четверти центрального помещения; притвор представляет небольшое помещение, вытянутое в направлении, перпендикулярном главной оси постройки. Таким образом, вся церковь представляет ряд связанных между собой срубов—клетей, иначе говоря, мы имеем здесь тот тип деревянного храма, который носит название „клетского“, от слова „клеть“ („древяна клецки“, как говорили в древней Руси). Этот тип храма, сложившийся в древне-русском северном зодчестве, сохранился, как известно, у нас в северных губерниях Великороссии; особенно близкой по общей конструкции, числу срубов и т. д. к Коробишенской церкви является часовня в Гапсельге Олонецкой губернии.² По внешнему же виду близка

¹ Такой алтарь, по назначению своему, не соответствует алтарю православной церкви.

² Красовский. *Op. cit.*, стр. 189.

Фиг. 91. Старообрядческая молежня в д. Согорной.

Фиг. 92. „Австрийская“ церковь в д. Коробихе.

к ней, хотя и более сложна, церковь Георгиевской слободы Гороховецкого уезда Владимирской губ.,¹ построенная „кораблем“. Эти церкви, как и многие другие (см. Грабаря, Красовского), относятся преимущественно к XVII веку, в то время как церковь д. Коробихи срублена лишь в 1917 г.; до тех же пор здесь церкви не было вовсе. В этом и заключается ее большой интерес, так как тут мы имеем эволюцию типа на месте—непрерывную цепь от двух срубов пятистенком (молельня д. Язовой) к зданию трехсрубному, но из срубов одинаковой высоты под двускатной крышей (церковь д. Согорной) и, далее, здание из трех же срубов, но где одному срубам придана доминирующая высота, что „вызвано желанием придать храму живописный силуэт“, как выражается Красовский,² и где с притвором связана квадратная колокольня. Интересно, таким образом, то, что путь, который проделало русское деревянное зодчество в России от клети до клетского храма в течение ряда веков,—здесь, в Бухтарминском районе, пройден на протяжении столетия с небольшим, но через все те же этапы, что и там.

Следует отметить, что наиболее близки к бухтарминским церквям, особенно к согорнинской, большею частью не те старинные храмы русского севера, которые сохранились до наших дней, а древнейшие изображения клетских церквей из альбома Мейерберга (в Дубровке, Спас-Заулках и Черкизове).³ Из современных же храмов к ним наиболее близки очень простые клетские храмы зырян и пермяков, вообще являющихся, как выше было указано, хранителями очень старых русских традиций, как в области одежды, так и в области архитектуры.

Внутреннее убранство беспоповских молелен очень несложно. Стена между притвором и главной частью имеет посредине проход, а по бокам, на высоте головы, из нее вынуто по два бревна с каждой стороны, чтобы „мирские“, стоящие в притворе, могли видеть, что делается в главной части, где стоят „чашные“, причем мужчины проходят вперед, а женщины держатся позади. Кругом стен—в притворе и главной части—идут лавки; перед алтарем стоит длинный стол, на котором лежат

¹ Красовский. *Op. cit.*, стр. 195.

² Красовский. *Op. cit.*, стр. 184.

³ Альбом Мейерберга (см. выше).

старопечатные книги. В притворе на стене, над проходом и пролетами, укреплено несколько икон, литых и писаных; по иконостасу идет три ряда икон, причем писаные преобладают над литыми. Посредине спускается люстра с восковыми свечами домашнего изготовления.

Внутреннее убранство белокриницкой церкви, приемлющей священство, близко к православному, и напоминает бедную захудалую деревенскую церковь; лишь прекрасные иконы старого письма (фиг. 13 в ст. „Кто такие...“) да набор лестовок и подрушников выдает ее старообрядческую сущность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Постройки обследованного района среднего течения Бухтармы, в основном своем типе, являются северно-великорусскими, сохраняя все главнейшие черты типичной северной постройки (высокая изба на подклете, способы покрытия крыш, строительная техника, внутренний план жилища со всеми деталями, старинное расположение избы). Эти особенности ставят бухтарминскую постройку в ближайшее родство с крестьянским жилищем северных губерний. Но, при наличии этих общих черт, роднящих современные северно-великорусские и бухтарминские постройки, на Бухтарме встречается и ряд отступлений от северно-великорусского типа. Часть этих отступлений является пережитком более раннего периода в истории развития великорусской постройки, чем тот, материал которого дает нам современная северно-великорусская деревня. Последняя, находясь долго под культурным воздействием Москвы, давно уже оставила древнейшие северные формы, заменив их постепенно просачивавшимися московскими формами. До бухтарминского же населения, „забежавшего“ за южный Алтайский хребет в середине XVIII века, можно считать, что совсем не докатывались эти волны московской культуры, что и явилось причиной того, что на Бухтарме уцелели древнейшие формы, давно уже покрытые в Европейской части Союза позднейшими культурными наслоениями.

В сохранении пережитков этих старых форм и заключается крупный интерес бухтарминских материалов по постройкам.

При сохранении ряда архаических форм, мы одновременно встречаем на Бухтарме постройки новейшего типа, которые

в большинстве случаев не стоят оторванно от древнейших форм, а укладываются в определенную эволюционную цепь. На этом материале, в значительной мере развивавшемся в течение полутора столетий лет без интенсивного воздействия со стороны, мы можем проследить те же этапы развития, которые наблюдаются в отдельных районах Европейской части Союза. Это совпадение этапов изменения в постройке у основного великорусского населения и окраинных насельников южного Алтая — бухтарминских каменщиков, указывает на органичность развития и закономерность в смене отдельных деталей.

Как в Европейской части Союза, так и здесь, мы наблюдаем последовательную смену типов постройки, от небольшого сруба с каменкой (современная охотничья избушка)—через избу-ординарку к связи, затем через пятистенку к сложной постройке—крестовику.

Точно так же определенное развитие наблюдается и в изменении плана самого жилья; так, например, печь, повидимому, занимавшая в старое время срединное положение,¹ постепенно передвигается в один из углов избы, в связи с чем уничтожается запечный угол; наряду с этим, идет редукция голбца и замена его западней (люком перед печью).

Аналогичный процесс претерпевает и крыша, как в отношении формы—от плоской крыши через односкатную и несимметричную двускатную к высокой двускатной и, наконец, к четырехскатной, так и в отношении материала—от веток, затем желобин через „тесаный“ тес к пиленому.

Таким образом, материалы по постройкам окраинного населения, оторванного от основного великорусского ядра, представляют большой этнологический интерес, главным образом, в силу стремления окраинного населения к сохранению наиболее старых форм и очень позднему (не ранее начала пароходства по Иртышу, первый пароход по которому прошел в 1861 году) наслоению новейшей городской культуры, вследствие чего позднейший пласт, при анализе этого материала, очень легко отделим от основных более древних типов.

¹ Сравнить хотя бы реконструкцию проф. В. А. Городцовым старорязанского дома (А. Мансуров. Старая Рязань. Ряз. обл. госуд. музей. Рязань, 1927).

ОДЕЖДА БУХТАРМИНСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Н. П. Гринкова

При этнологическом изучении любой народности и любого района, весьма важную роль играют вопросы, связанные с изучением одежды данного населения. В области материальной культуры одежда, пожалуй, является одним из наиболее существенных этнических признаков, сохраняя в себе, с одной стороны, доисторическую этническую основу предков изучаемой группы, а с другой стороны, отражая те культурно-исторические взаимоотношения, которые данная группа претерпела на протяжении своего развития. Выяснение основных типов одежды изучаемого района, а также динамики в смене отдельных форм и элементов одежды, дает исследователю более или менее надежный критерий для определения тех культурных встреч и общений, которые имели место в ту или иную эпоху у данного населения. Для характеристики интересующего нас русского населения по реке Бухтарме в южном Алтае¹ вопросы изучения одежды являются весьма ценными, так как путем анализа бытующих в настоящее время форм и восстановления уже ушедших деталей, возможно распутать сложный вопрос о происхождении русских, „забравших“ сюда в „камни“ в начале XVIII столетия.

Помимо выяснения этнической принадлежности данного населения, наблюдения над одеждой бухтарминских кержаков представляют и общеетнографический интерес при изучении вообще русской одежды, так как бухтарминские поселенцы, оторванные от русских горными громадами, осевшие на самом юге алтайских гор, в 100 км от современной границы с Монголией, а в XVIII и в первой половине XIX века даже за пределами России, лучше и крепче сохранили ряд

¹ Семипалатинская губерния, Бухтарминский уезд, с 1928 г. Семипалатинский округ.

реликтовых форм одежды, уже давно исчезнувших на равнине, вследствие общения равнинного населения с соседними, более или менее отдаленными, районами и благодаря влиянию со стороны города, принимающему в последние десятилетия особенно интенсивный характер.

Последнее обстоятельство, сильно нивелирующее старый бытовой облик русской деревни, особенно в области одежды, здесь, на Бухтарме, не играло и почти не играет никакой роли и в настоящее время. Все, относящееся к одежде, идущее из города, рассматривается, как греховное новшество, как „дьявольское навождение“, благодаря религиозной обособленности местного населения. Уже в XVIII веке в старообрядческой среде такое отношение к новой, городской одежде находит письменное выражение, о чем может, например, свидетельствовать изданная М. И. Успенским рукопись „О древнем обряде“, взятая из „книги поморской“ и относящаяся к 1780 году.¹ Эта обособленность от всего „мирского“, идущего из города, заставляет и до сих пор особенно крепко держаться старых форм быта и, в частности, старых форм одежды, которые для этнографа являются весьма ценными пережитками.

Сохраняя во многих сторонах быта еще формы натурального хозяйства, бухтарминские кержаки в области одежды уже давно не удовлетворяются тем, что они могут получить от окружающей природы. Домотканная одежда из широкого употребления вышла уже около полустолетия тому назад и в настоящее время сохраняется в очень ограниченных случаях (рабочая и обрядовая одежда); только самая беднота в некоторой доле употребляет домотканину для изготовления обычной одежды, большая же часть коренного населения, являясь в недавнем прошлом весьма зажиточной, в своих сундуках еще хранит шелковые, бархатные и иногда парчевые одежды, сшитые лет 15—20 тому назад. Цвета преобладают наиболее яркие, и вся одежда по оттенкам и рисункам очень пестра и броска; недаром среди местного населения существует поговорка: „пьяница любит горька да салёна, а хресьянин красна да зелёна“. Употребление фабричных тканей — явление сравнительно новое для жителей долины Бухтармы;

¹ М. И. Успенский. Старообрядческое сочинение XVIII столетия об одежде. Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук, 1905, кн. 2.

только лет 50 тому назад получила широкое распространение мануфактура, а до тех пор господствовала „своедельщина“ и отчасти китайские бумажные (даба) и шелковые ткани. Широкое распространение среди бухтарминского населения китайских тканей отмечено уже первыми наблюдателями. Так, Ледебур (1826 г.) при своем путешествии по Бухтарме встретил мужчин и женщин, ехавших верхом на жатву, одетых в китайские шелковые ткани пестрых цветов¹. Эти ткани, по словам Ледебура и других путешественников, бухтарминские крестьяне получали путем обмена с пограничными китайскими пикетами, причем эта мена для „каменщиков“ была весьма выгодной. Так, Ледебур указывает, что за 24 кг муки, стоившей тогда 40—60 копеек, кержак от китайцев получал кусок дабы, длиной в 22 локтя и стоивший тогда 4—5 рублей.² Из китайских тканей уже давно получили распространение, главным образом, дешевые сорта шелка (фанза, канфа), а из бумажных даба и бязь. Вместе с тканями, от китайцев получали шелк мотками, который шел на вышивку и плетение поясов. Иное отношение наблюдается к русским фабричным тканям. Правда, уже в 1863 г. Принтц,³ при посещении бухтарминских кержаков, отмечает бытование у них покупного сукна, а также еще раньше и Ледебур,⁴ но, тем не менее, старики медленно и туго допускали в свой быт покупные русские фабричные ткани, так как считали это греховным ввиду того, что все покупное шло из нечистых, „мирских“ рук, выделялось нерелигиозными людьми, которые могли эти ткани сработать в неположенные для работы дни; в отношении же к китайским тканям такой резкой неприязни не было. Особенно долго держался запрет на обрядовую одежду из покупной ткани, да и сейчас „смертно платье“ шьют еще из холста; однако, „моленную“ одежду теперь изготавливают из фабричных тканей.

Свидетельства о подобном отношении к фабричным тканям мы имеем из различных мест. Например, по сведениям 1861 г.

¹ Carl Friedrich von Ledebour. Reise durch das Altai-Gebirge und die soongarische Kirgisen-Steppe, Berlin, 1829, S. 291.

² Ibidem, стр. 296.

³ Каменщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости. Записки Русск. Геогр. о-ва по общей географии, т. 1, 1867, стр. 572.

⁴ Ledebour. Op. cit., S. 303.

в Вятской губернии по Вятскому, Орловскому, Котельническому, Яранскому и Нолинскому уездам прошла молва, что в этих местах недород хлеба произошел из-за того, что начали в деревнях носить „французские“ ситцы фабричного изготовления, а красная краска, которой окрашены эти ситцы, приготовлена из собачьей крови, и потому в такой одежде нельзя ходить в церковь; по предложению стариков, многие крестьяне в этих местах изрубили красную ситцевую одежду и зарыли ее в землю.¹

Ввиду малого употребления домотканной одежды, домашнее изготовление тканей развито сравнительно слабо. Ткут почти исключительно гладкий холст, различного качества, в зависимости от тонкости волокна (изгребки, пачеси, волокно). Более тонкий холст идет на полотенца, изредка на подставы женских рубаш, пачесный и изгребный холст на портянки и рабочую одежду. Пестрых домашних тканей, за исключением скатертей, вовсе не ткут и не употребляют на одежду. Даже в таких деревнях, где в речках мутная вода и плохо стирается белая ткань (напр., Язовая), ткут все-таки, белый холст и после уже окрашивают его в однотонный светлосиний цвет. То же самое подтверждают и воспоминания старух о старинной одежде. В старину (лет 30—40 тому назад) еще до появления „пунцовья“, т. е. красных фабричных ситцев и цветистых шерстяных тканей, носили в будни „своедельщину“ из холста, который красили домашними способами покупной краской в синий цвет или же домашней растительной краской в красный цвет. Последнюю получали из растения, называемого здесь „кровянка“ (чистотел, *Chelidonium majus L.*), в соединении с березовой корой („дуб березовый“). Кору толкли, квасили в кадушках, туда прибавляли сок „кровянки“, и красили в этом составе холсты, которые, после развешивания на солнце, получали цвет кумача.

Кроме гладкого белого холста, ткут весьма разнообразные ткани для скатертей, весьма часто со сложным геометрическим узором, что достигается применением так называемых „дощечек“, хорошо известных в русской деревне, а также увеличением числа подножек и нитов у ткацкого стана. Скатерти чаще всего ткут из окрашенной пряжи; преобладают красные и синие оттенки. Скатерти ткут в 4, 8, 12, 16 нитченков. Ткут также в большом количестве половики или

¹ Н. Б л и н о в. Новое поверье. Вятские Губ. Ведомости, 1861, № 29.

из грубой пряжи в четыре цепа, или же употребляя для утка лоскутки.

Шерстяные ткани своего изготовления также не имеют широкого распространения. Из шерсти ткут и плетут пояса, а также ткань с льняной основой в четыре цепа для верхней рабочей одежды—шабуров и, реже, толстое сукно для верхней одежды. Шерсть для поясов красят, для ткани же употребляют шерсть от черных овец. Шерсть для изготовления поясов и ткани для шабуров употребляют свою или покупают у казаков (киргиз). Покупают шерсть совсем необработанную, еще не мытую. Для ее обработки нанимают киргизок, которые за очень дешевую плату натурой (хлеб, мука) бьют эту шерсть своим способом — палочками. Сами кержаки вовсе не занимались и не занимаются первоначальной обработкой шерсти, всегда это делали киргизы; в последние годы отдают шерсть в обработку приезжим, которые обрабатывают ее струной; шерсточесалок и других усовершенствований вовсе нет.

Вслед за переходом на фабричный материал, дающий возможность меньше быть занятыми выработкой тканей, кержаки перешли на более простой и быстрый способ шитья одежды, заменив швейной машиной шитье руками. Пожалуй, здесь в глухих долинах, между высокими белками, оторванные бесконечным числом сопок от городов, кержаки пользуются машинами больше, чем их европейские собратья, живущие ближе к городам и воспринявшие в большей степени городские вкусы и моды. В каждом доме, кроме самых бедняцких, имеется машина, чаще ручная, а у богачей и ножная. Каждая подрастающая девочка лет с двенадцати уже умеет шить и справляться с машиной. Почему-то машины кержаки не боятся, не считают ее „дьявольской“, в то время как всякого рода усовершенствования в других сторонах быта проводят с большой осторожностью и оглядкой.

В широкий обиход швейные машины вошли в последние годы перед войной 1914 г., появляясь же стали, по словам старух, в начале нашего столетия. На машине шьют всякую одежду и выстрачивают узоры. Только „смѣрно платье“ грех шить на машине, его обязательно шьют руками. При шитье руками и на машине употребляют, главным образом, два шва: „в тачку“, когда стачивают, сшивают два полотнища, по местному—„портѣща“—не загибая их, и „в рубчик“, т. е. в запо-

шивку. Когда сшивают два куска ткани так, что один собирают в сборку, то говорят „делать опушку“; если же, собирая в сборку, делают мелкие буфы, то говорят „шить куколками“, собирая мелкие сборки, говорят „шить клопиками“.

Для одежды всякого рода существует термин „лопоть“, „лопотина“, ¹ слово „одежда“ или „одежа“ не имеет широкого распространения. Для русских сибиряков термин „лопоть“ в данном значении весьма распространен.

Если в отношении материала сохранилось весьма мало старинного, то в отношении формы и покроя одежды здесь еще царят старые традиции, которые держатся очень крепко и устойчиво. Самые типичные деревни (Белая, Фыкалка, Язовая, Печи) до сих пор нерушимо хранят в основных элементах старинную женскую одежду, а также и мужскую, у старшего поколения; только мужская молодежь, прошедшая через военную службу, „измирщилась“ и понемногу отходит от „стариковского обряда“.

В основных своих формах одежда бухтарминских кержаков носит явно выраженный северно-великорусский характер, во многом сохраняя в живом быту отдельные формы и детали, уже давно исчезнувшие у русских северных губерний Европейской части Союза. Оторванные с момента поселения и до наших дней от общения с какой-либо иной культурой, как вследствие трудности путей сообщения и отдаленности, так и в силу религиозной нетерпимости, бухтарминские кержаки не имели возможности изменить в основном свою одежду. И только в 1878 г., когда первая партия кержацкой молодежи пошла в города на военную службу, в область мужской одежды понемногу начинают просачиваться новые, „дьявольские“, изменения и отступления от того, что требует „истинное благочестие“. Женская же одежда единственным источником, откуда могут итти новые формы, имеет переселенцев, селящихся среди кержаков. Но это весьма слабый фактор, не дающий пока в обследованном районе никаких осязательных результатов, вследствие разобщенности, а местами и открытой вражды между старожилками и новоселами в силу классовой и религиозной розни.

Городской тип одежды, называемый у кержаков „расейская“, „дьявольская лопоть“, почти не встречается среди кержачек

¹ Говорят: „мужеска лопоть“, „женска лопоть“, „нарядна лопоть“ и т. д.

обследованных сел. Из всех больших пяти селений только в деревне Коробихе встретилась одна молодая кержачка, еще до революции переставшая носить шашмуру и сарафан. Она носит короткую юбку, кофточки с рукавами до локтя и открытым воротом, ботинки и фабричные чулки; ходит с открытой головой („космачом“) не только дома, но и по деревне; причесывается, не заплетая традиционных двух кос. В начале ее новый костюм встречали насмешками и недоброжелательством, теперь только шуточно зовут „барыней“. Она и ее муж оставили стариковскую веру, перешли в австрийскую, так что в этом новом костюме она может ходить и в церковь. Но в своем „ящичке“¹ и эта отступница имеет несколько сарафанов и шашмуру, которые она надевает, когда едет к своим родным в деревню Белую; появиться там в „дьявольской лопоти“ она вовсе не может, так как родные могут ее в таком виде не принять.

В то время, как в обследованных пяти деревнях так нерушимо еще держится старинная женская одежда, и юбка с кофтой еще не нарушают традиций старого сарафана, в других местах, расположенных несколько ближе к тракту и к нарымской долине, даже среди старообрядческого населения, сарафан уже вытесняется юбкой и кофтой. Так, например, в деревне Черновой, расположенной сравнительно близко к волостному селу Катон-Карагай, сарафан и шашмуры носят только старухи и пожилые женщины, молодые и девушки носят юбки с кофтами. В случаях, если черновинские женщины попадают замуж в Белую, Фыкалку, Язовую, то они опять переходят на сарафаны, подчиняясь требованиям свекрови и местным правилам поведения. Еще дальше ушли селения, лежащие ближе к старой китайской дороге, к большому тракту, идущему от пристани Малая Красноярка на Иртыше, например: Максиха, Яры. Исключение представляет только деревня Бурановская, лежащая в двух километрах от г. Больше-Нарымска и, несмотря на это, очень стойко сохраняющая женскую одежду старого типа. Среди казачьих и казакских поселений в нарымской долине эта деревня является весьма любопытным оазисом, крепко сохраняющим старые устои и в значительной степени подходящим к самым крепким деревням района (Белая, Язовая, Фыкалка).

¹ Сундук с приданым.

При всей устойчивости старых форм одежды, даже в самых крепких деревнях, молодые женщины уже несколько опасаются за судьбу своих многочисленных сарафанов, которые они не успеют сносить, а их дочери, вероятно, перережут на кофты с юбками. Таким образом, и здесь, в глухом углу, далеко от городов, в последние годы появляются признаки тех явлений, которые в большей или меньшей степени имеют место в каждой русской деревне, и не так далеко время, когда быт бухтарминских кержаков во многом покроется налетом новой культуры.

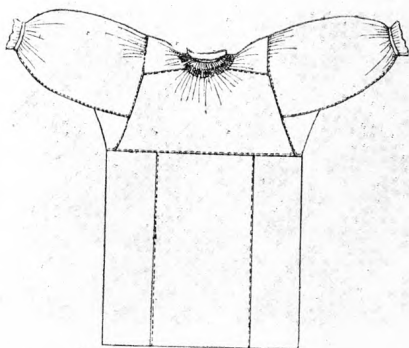
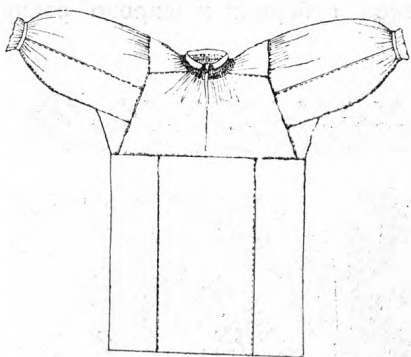
ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

Рубаха. Основные элементы женской и девичьей одежды— рубаха и сарафан. Рубаха типичная северно-великорусская, с прямыми поликами, т. е. вставками на плечах, называемыми здесь „ластовки“.¹ Рубаха всегда состоит из двух частей— „рукавов“, приходящихся выше сарафана, и „подставы“, приходящейся под сарафаном. Иногда для праздничного наряда шьются одни „рукава“, которые надеваются поверх „нижней“, будничной рубахи. „Рукава“ делают из более тонкой, яркой и нарядной ткани, подставу же из темного ситца, а в настоящее время иногда для будничной рубахи, из-за недостатка в лавках фабричных тканей, из белого холста. Очень часто для нарядной одежды „рукава“ шьют из материи, одинаковой с сарафаном, и тогда эти „рукава“ и сарафан вместе носят название „парочки“ (фиг. 16 и 17). Лет 50—60 тому назад в большом распространении были „рукава“ из белого холста. В настоящее же время не удалось найти ни одной такой рубахи для точного определения расположения швов и полотнищ в рубахе, хотя во время поездки на горные пашни однажды пришлось встретить женщину в такой рубахе с расширенными поликами. Только у нескольких старух сохранились заготовки белых холщевых поликов с типичной старинной вышивкой красной нитью по счету ниток, которая встречается в настоящее время весьма редко и только в очень глухих

¹ Термин „ластовка“ на Бухтарме употребляется для обозначения различных небольших вставок ткани в одежде, в то время как у русских это слово чаще всего применяется для обозначения вставки в пройму рубахи под рукавом; таким образом, на Бухтарме этот термин имеет более широкое значение и применение, чем в русских деревнях Европейской части СССР.

местах, но в старое время была широко распространена по всей Великороссии.

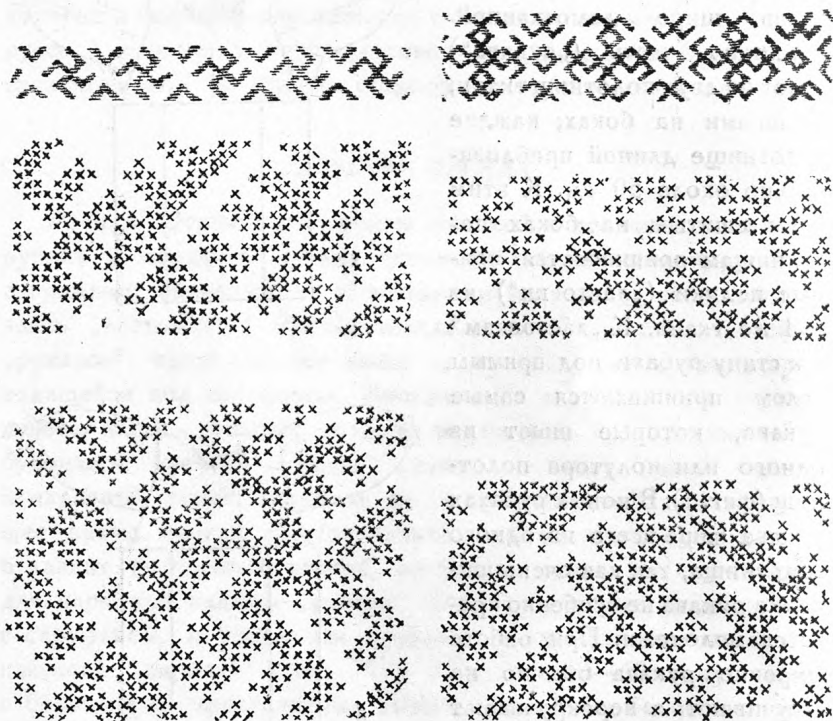
Современная рубаха из покупной ткани шьется из прямых полотнищ и, повидимому, от старинной холщевой отличается некоторыми деталями, вносимыми тем, что покупная ткань шире домотканной. Верхнюю часть („рукава“) шьют из двух полотнищ ткани, со швами на боках; каждое полотнище длиной приблизительно около 50 см. К этим двум сшитым на боках полотнищам пришиваются прямые полики („ластовки“) из той же ткани. К „ластовкам“ и к стану рубахи под прямым углом пришиваются самые рукава, которые шьют из одного или полутора полотнищ (фиг. 1). В новых рубахах рукава чаще всего из одного полотнища, так как очень широкие рукава не особенно нравятся молодежи. При работе широкие рукава обычно не засучивают, а перекручивают вокруг руки—деталь, известная в старое время довольно широко у русских. Внизу рукав собран в сборку и обшивается узкой обшивкой („запесье“). Рукава шьют длиной до кисти; коротких рукавов, известных во многих местах в северно-великорусских деревнях здесь вовсе не делают. Верх рубахи и ластовка, со стороны, прилегающей к шее, собираются в очень мелкие складки; „брать боры“ у воротника рубахи нужно иметь особое искусство. „Боры“ у ворота рубахи являются одной из отличительных черт женской кержацкой рубахи, и носить рубаху без боров старухи считают за грех. К вороту пришивается очень небольшой отлож-

Фиг. 1. Покрой современной женской рубахи; вверху — перед, внизу — зад.
Д. Печи.

бухтарминские старообрядцы.

ной воротник, так называемый „ошейник“, шириной в 4—5 см. Обычно „ошейник“ обметывают красной бумагой. Ворот застегивается на „схвѣтцы“—покупные металлические застежки, изготовлявшиеся в д. Духовке, Ялуторовского уезда, Тобольской губернии и широко распространившиеся среди русского

Фиг. 2. Гышивки на женских рубахах — верхний ряд. Вышивки на сарафанах — два нижних ряда.

населения Сибири. К нижнему шву рукава и к боковым швам самой рубахи, образующим пройму, пришивается еще квадратная лѣстовка (20 × 20 см), как у всех русских рубах.

Украшением крѣйжацкой женской рубахи служит вышивка цветной нитью, чаще всего красного цвета, а по красной ткани чаще зеленого цвета. Что касается характера вышивки, то она носит определенно геометрический характер и сходна с отдельными элементами вышивки на мужских рубахах¹ (фиг. 2, верх-

¹ См. статью „Искусство бухтарминских старобрядцев“.

ний ряд). Вышивка располагается на „ошейнике“, на „борах“, у ворота и на плече в верхней части рукава, около шва, соединяющего рукав с поликом; на цветных шелковых и шерстяных рукавах вышивка почти всегда отсутствует.

От воротника спереди на груди идет разрез в 30—35 см, называемый „ворот“. Подстава из домашнего холста шьется в четыре полотнища, причем швы не приходятся на боках, а полотнища располагаются так, что два шва приходятся спереди и два сзади.

Описанная рубаша в основных своих формах является типичной для северно-великорусских женских рубах, за что говорят прямые полики, длинные и широкие рукава. Отклонением от наиболее распространенной северно-великорусской рубахи является отложной воротник, крайне редко встречающийся у северно-великоруссов и чаще отмечаемый у южно-великоруссов; для бело-русской и украинской рубахи это весьма характерная черта.

Из расспросов о похоронной рубахе удалось установить, что она шьется из четырех полотнищ, причем швы располагаются двояким образом: 1) два спереди и два сзади, 2) один посредине на груди, один на спине и по одному на боках. Какой из этих способов шитья рубахи более старый—установить нам не удалось. Самые же рубахи старухи показать нам, „мирским“ и „поганым“, не могли, так как никакая стирка и никакие молитвы не могли бы очистить эту одежду, приготовленную для „того света“, где все должно быть чисто и свято. О такой же неудаче сообщает и Швецова, собиравшая материалы у „поляков“.¹

Обычные же современные рубахи, благодаря господству попушного материала, более широкого, чем холст, в значительной мере отступают от старого покроя. Рубахи с верхней частью из яркого шелка и с темной или пестрой нижней частью из старинного ситца, надетые сейчас на молодухах и девушках, в сильной степени напоминают коллекции Этнографического отдела Русского музея, поступившие в музей в начале этого столетия, главным образом, из северных губерний; особенно много аналогий по ткани и характеру подставы и рукавов можно найти в Русском музее в коллекции Шабельской,

¹ „Поляки Эмеиногорского округа“, Записки Зап.-Сиб. отдела Русск. Геогр. о-ва, кн. XXVI, Омск, 1899, стр. 31.

которая включает в себя материалы, более старые по времени сборов, чем основные собрания Этнографического отдела.

Сарафан. В качестве плечевой женской одежды, надеваемой поверх рубахи и являющейся необходимым элементом одежды бухтарминской кержачки, в обследованном районе известен сарафан.

Современный сарафан кержачек является типичным северно-великорусским сарафаном и на протяжении последних 20—30 лет пережил те же изменения, какие пережил вообще сарафан у северно-великорусского населения, пройдя путь от косоклинного сарафана, так называемого, „русского“ покроя, до прямого сарафана „московского“ покроя.¹ Эта общность формы и одинаковые ее изменения у русских Европейской части Союза и у заброшенных в глухой край Азии кержачков, представляют любопытное явление, указывающее скорее всего на то, что изменение старинного косоклинного сарафана до прямого шло естественным образом, путем постепенных изменений некоторых деталей в покрое этой одежды.

Материал, собранный на Бухтарме, дает целый ряд форм с последовательным изменением наиболее старого покроя. Этим он особенно ценен, так как в большинстве случаев на севере России промежуточные звенья потеряны, и мы имеем лишь разорванные факты, изредка дополняемые материалами из других районов. Кроме того, в основных северно-великорусских губерниях позднейшая московская культура (XVI—XVII в.в.) резко наложила свой отпечаток, стерев в значительной мере первоначальную основу, чего не наблюдается у бухтарминских кержачков, „забежавших в камень“, далекий от всякого культурного городского влияния. Это культурное влияние города, так наглядно и интенсивно сказывающееся в настоящий момент, имело место и в более отдаленные времена. Влияние Москвы, как культурного центра, безусловно, сказывалось и отражалось на деревенской культуре и в XVII веке; только темп городского влияния XVII и XX в.в. различны. Достижения городской культуры, которые сейчас, благодаря более совершенным путям сообщения и более тесному общению городского и сельского населения, проходят путь от города до де-

¹ По терминологии старых этнографических описаний, срав. Архив Геогр. о-ва, XXIII, № 90 и мн. др.

ревни в сравнительно короткий срок, в XVII веке, конечно, шли от города до деревни более медленным темпом. Ввиду этих соображений, можно предполагать, что предки современных бухтарминцев, уйдя из Европейской России в конце XVII или в начале XVIII века в глухой и неведомый край каменного Алтая, могли еще не столкнуться с московскими формами, получившими определенное завершение в течение XVII века и распространившимися по всему европейскому северу за XVIII и начало XIX века. Таким образом, учитывая указанные хронологические соотношения, можно ожидать на Бухтарме сохранения тех элементов, которые были свойственны великоруссам севера, и, в частности, быть может, Москве еще до XVII века. В данном отношении особый интерес представляют материалы, касающиеся форм кержацкого сарафана.

Большая часть форм сарафана на Бухтарме бытует до настоящего времени у лиц различного возраста и употребляется в определенных случаях. Можно наметить семь вариантов сарафана. Некоторые из выделенных в отдельные группы сарафанов генетически являются тождественными, но, ввиду их резкого внешнего различия и разграничивания самим населением, в описании даются отдельно друг от друга. Так, например, генетически объединяются: первый со вторым, третий с четвертым, пятый с шестым и седьмым. Таким образом, указанные семь разновидностей можно свести к трем типам: 1) сарафан без срединного переднего шва (1 и 2 варианты), 2) сарафан косой со срединным передним швом (3 и 4 варианты), 3) прямой сарафан (5, 6 и 7 варианты). Такая классификация сарафана несколько расходится с известными в этнографической литературе классификациями сарафана. Так, Д. К. Зеленин¹ делит сарафаны на три типа: 1) косоклинный, 2) прямой, 3) сарафан с лифом. Последняя разновидность неизвестна на Бухтарме, и я ее не ввожу при разборе данного материала. Тип сарафана без срединного шва Д. К. Зелениным не введен в его классификацию ввиду того, что эта форма для того времени, от которого мы имеем большое количество сведений по этнографии главных носителей сарафана—северных великоруссов, является не типичной и, как увидим ниже, крайне редкой для севера. Б. А. Куфтин² дает два типа сара-

¹ Russische (ostslavische) Volkskunde. Berlin—Leipzig, 1927, S. 213—215.

² Материальная культура русской мещеры, ч. I, М., 1926, стр. 106—7.

фана: 1) сарафан клинник (со срединным швом) и 2) прямой сарафан. Сарафан без срединного шва Б. А. К у ф т и н, называя „белым сарафаном с плечами“, ¹ рассматривает отдельно от собственно сарафана, пользуясь, главным образом, южно-великорусским материалом, где тесная связь и переплетение данной формы и собственно сарафана не чувствуется так ярко, как в северно-великорусской среде. Ввиду последнего обстоятельства, я решаюсь дать вышеприведенную классификацию бухтарминской женской плечевой одежды, сохраняя за ней общее название „сарафана“, в то же время признавая, что сарафан без срединного шва, с одной стороны, и два иных вида сарафана, с другой стороны, могли иметь разные исходные формы и лишь позднее, в северно-великорусской среде, вступившие в тесное общение и давшие контаминированные формы. Таким образом, в основу моего описания кладутся бытующие в настоящее время, а не гипотетические формы.

Первый тип—сарафан без срединного шва, имеет два варианта; один из них характеризуется отсутствием боковых косых небольших клиньев, помимо основных четырех полотнищ, а второй имеет еще дополнительные боковые клинья, называемые на Бухтарме „ластовками“. ²

Первый вариант по своему покрою является наиболее древней формой, второй же является как бы дальнейшим развитием этой одежды. Представителем первого варианта, как наиболее старой формы сарафана на Бухтарме, как и следовало ожидать, является сарафан, приготовляемый каждой старухой себе на смерть из домашнего белого холста, из четырех полотнищ, с двумя швами спереди и сзади, т. е. с целыми полотнищами на груди и на спине, и с очень небольшими вырезами для головы и рук. Таким образом, такой сарафан представляет неширокую одежду, такой же ширины, как и холщевая рубаха, с глухим воротом, без выреза, и с широкими плечами. Иногда в подобном сарафане боковые полотнища несколько скашиваются вверх, по направлению к проймам.

Одежда, близкая к этому типу бухтарминского сарафана (первый и второй варианты, см. ниже сарафан с „ластовкой“), известна кое-где в южно-великорусских губерниях, а в единич-

¹ Ор. cit., стр. 102.

² См. примечание на стр. 320

ных случаях и на северно-великорусской территории. Отличительной чертой этих сарафанов является наличие спереди одного цельного полотнища, а не двух, соединенных спереди швом, как в типичном северно-великорусском сарафане. Такая одежда, нередко, кроме цельных прямых, переднего и заднего, полотнищ, еще имеет по два боковых клина, которые выкраиваются для каждого бока из одной полосы холста, разрезаемой по диагонали; полученные клинья широким краем пришиваются вниз, узким—наверх, примыкая к пройме. Б. А. Куфтин для Рязанского края (юг Касимовского уезда) указывает на подобные сарафаны с одним боковым клином с каждой стороны, сшитые из белой шерстяной ткани.¹ Эти формы особенно близки к описываемому виду бухтарминского сарафана. Такой сарафан с одним передним полотнищем, состоящий из четырех полотнищ, иногда с добавочными боковыми клиньями, бытует в ряде южно-великорусских губерний под различными названиями: „сукня“ (Кирсановский у., Тамбовской губ.), „шушпан“ (Рязанская губ.), „бздун“ (Данковский у., Рязанской губ.), „навершник“ (Касимовский у., Рязанской губ.), „саян“ (Курский у.), „сарафан“ (Харьковская и Тульская губ.), „насов“ (Калужская губ.), „касталан“ (Смоленская губ.), „короткий сарафан“ (у рязанской мещеры)² и др. Особенно же близка к данному виду бухтарминского сарафана одежда, известная у донских казачек-старообрядок с р. Медведицы. Эта одежда в южно-великорусских губерниях чаще шьется из шерстяной тонкой домотканной материи, реже—из белого холста, в то время, как бухтарминцы эту одежду всегда шили и шьют из холста или бумажной синей дабы.

В северно-великорусских губерниях подобная форма встречается много реже, так как она вытеснена типичным сарафаном позднейшего, северно-великорусского происхождения. Так, сарафан с одним передним полотнищем и с широкими плечиками известен из Устюженского уезда Новгородской губ.;³ этот сарафан сшит из синего холста, имеет спереди и сзади одинаковые прямые полотнища, на боках пришито по целому прямому полотнищу и по одному клину, которые получены из одного полотнища холста, разрезанного по диагонали. Спереди, на

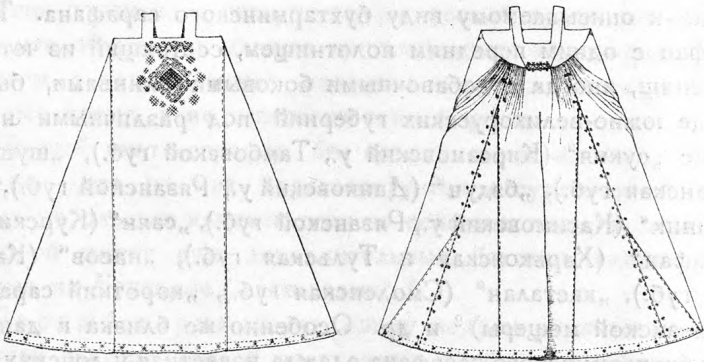
¹ Ор. cit., стр. 102.

² М. Малинина. Быт рязанской мещеры. Рязань, 1928, стр. 9.

³ Коллекция Этнографического отдела Русского музея, № 356, поступившая в 1903 г.

груди, сарафан имеет небольшой разрез (20 см) для надевания через голову, ввиду малого выреза ворота. Подобного же покроя сарафан известен и из Весьегонского у., Тверской губ.¹ В Ржевском у., Тверской губ., в недавнее время бытовали такие же „касталаны“ из белого холста с одним прямым передним полотнищем и двумя косыми боковыми с каждой стороны.² Наконец, близкая форма известна из Великолуцкого уезда Псковской губ., под названием „насов“ у колюбакского населения: летние „насовы“—из холста, зимние—из домашней шерстяной ткани.³

Может быть, автор описания быта жителей слободы Кукарки, Вятской губ., упоминая о „сарафанах с глухими воро-

Фиг. 3. Покрой старинного сарафана „дабинника“.

тами и с рукавами“, бытовавших там в 1849 г., имел в виду одежду описанного типа.⁴

Кроме указанных районов Европейской части СССР, подобная форма зарегистрирована и для русских, живущих в Сибири. В коллекциях Этнографического отдела Русского музея⁵ имеется сарафан из Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской губ. от великоруссов-„поляков“ (д. Бутачиха), сшитый из китайской дабы,⁶ что особенно характерно для данного и обследованного нами района (см. ниже). Этот сарафан имеет

¹ Коллекция Этногр. отдела Русского музея, № 3966.

² См. статью Н. П. Гринковой „Одежда тузовлян Ржевского уезда“. Этнография, 1926, 1—2.

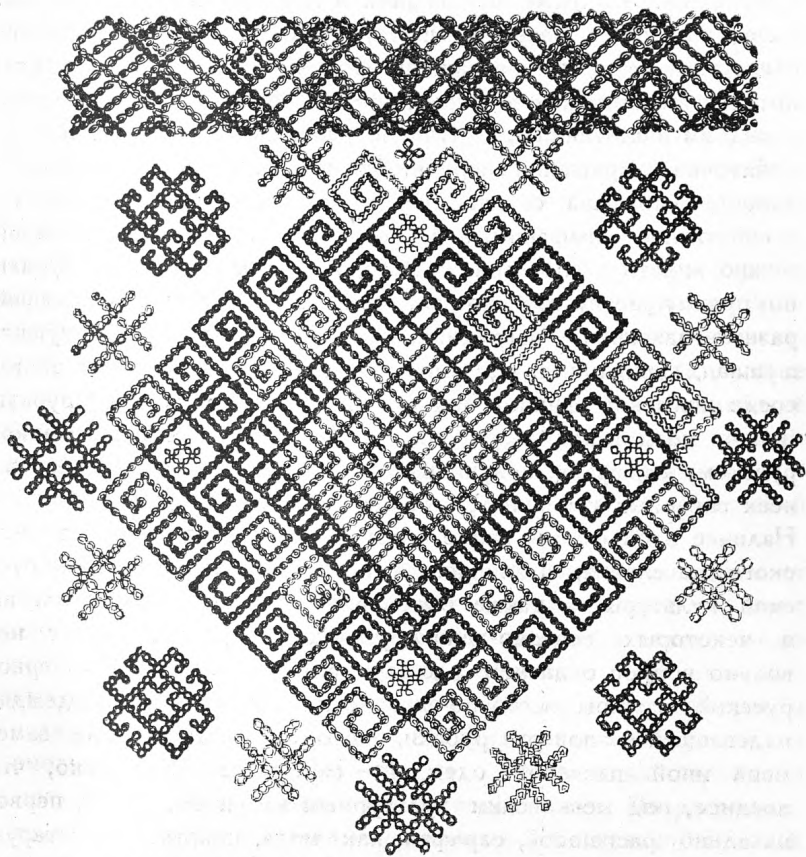
³ Ср. коллекция Этногр. отдела Русского музея, № 230.

⁴ Архив Геогр. о-ва, X, № 26.

⁵ Коллекция № 2699, поступившая в 1912 г. от А. В. Адрианова.

⁶ Бумажная ткань синего цвета.

по одному прямому полотнищу спереди и сзади, по полотнищу на боках, у которого сверху срезан небольшой клин, приставленный вниз, и по одному клину, пришитому к заднему полотнищу и не достигающему до верха (фиг. 3). Ворот и проймы имеют небольшой вырез. Грудь, покрыта типичной для алтай-

Фиг. 4. Нагрудная вышивка на старинном сарафане „дабиннике“.

ских великоруссов вышивкой геометрического характера, которая занимает сверху вниз до 30 см и имеет ширину 25 см (фиг. 4); вышивка выполнена разноцветной шерстью. Наличие этого сарафана, называемого „дабинник“, помогает восстановить старинную форму бухтарминской одежды, изготовлявшейся не только из белого холста, без украшений, как это имеет место в „смёртном“ сарафане.

Названные выше формы плечевой женской одежды из южно- и северно-великорусских губерний и первый тип (1 и 2 варианты) бухтарминского сарафана объединяет одна существенная деталь, отсутствующая в типичном великорусском сарафане, именно наличие спереди одного полотнища и отсутствие спереди шва с нашитыми по нему пуговицами и лентами или позументом. Передний шов с названными украшениями является прямым следствием когда-то распашной формы собственно сарафана; интересующая же нас в данный момент форма с цельным одним передним полотнищем, будучи не распашной, не имеет и этих добавочных украшений спереди. Эта важная особенность покроя данного сарафана ставит его в генетическую связь уже не с собственно сарафаном, а с иной одеждой, аналогию которой можно видеть в плечевой одежде, надеваемой поверх рубахи по преимуществу в южно-великорусских губерниях и носящей разные названия — нагрудник, насов, касталан, сукня, шушка, шушпан, сушпан и т. п.;¹ аналогичная одежда известна также среди волжских финнов под общим названием верхней рубахи (напр., мордовская руця, покай). Типичному северно-великорусскому сарафану, получившему широкое распространение во всех северных губерниях, эта особенность совершенно чужда. Наличие этой формы в виде архаической одежды у бухтарминского населения, являющегося носителем северно-великорусской культуры, а также бытование ее в прошлом столетии в некоторых северно-великорусских губерниях, ставит невольно вопрос о давнем „до-сарафанном“ наличии у севернорусской² группы восточно-славянских племен особой одежды, надевавшейся поверх рубахи, которая позднее была заменена иной плечевой одеждой — сарафаном. Возможно, что позднее, под московским культурным влиянием, косой, первоначально распашной, сарафан, как мода, покрыл эту старую одежду. Тем более, что и в самой Москве сарафан, повидимому, появился сравнительно поздно, и едва ли его можно считать основной и очень древней формой женской одежды.

¹ Ср. наличие „шушпана“ из толстого синего холста в Пермской губ. по материалам 1850 г. из Архива Геогр. о-ва, XXIX, № 31; к сожалению, не описан покрой; сушпаны — сарафаны синие гладкие, с клиньями, отмечены в Кадниковском уезде Вологодской губ. (Архив Геогр. о-ва, VII, № 27).

² По терминологии А. А. Шахматова. (Срав. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916).

Ряд новых этнографических наблюдений, а также соображения исторического порядка приводят к предположению, что доминировавший в недавнее время среди всех северно-великоруссов и сохраняющийся местами и до настоящего времени сарафан не есть исконная великорусская форма одежды. По мнению Д. К. Зеленина, высказанному им в его последнем труде „Russische (ostslavische) Volkskunde“,¹ время массового распространения среди северно-великоруссов самого сарафана следует относить к XV—XVI, а, может быть, и к началу XVII в.; уже к концу XVIII в. следы прежней одежды — летника и поневы — совсем были вытеснены сарафаном. К сожалению, немногие исторические документы по истории русской одежды не дают нам достаточных данных для суждения о форме этих летников, и только переживания в современном быту помогают строить догадки о возможной их форме. Весьма возможно, что у старообрядцев, уже в первой половине XVIII в. оказавшихся в глубине Азии, в тогдашних пределах Китая, унесших туда русские традиции, восходящие к XVI—XVII в.в., сохранились наиболее старые формы, в особенности в погребальной одежде, которая не воспринимает никаких нововведений. Эту догадку поддерживают и вышеописанные формы из Новгородской, Псковской и Тверской губерний.

Второй вариант бухтарминского сарафана сохраняет основную особенность первого типа — цельное прямое переднее полотнище — и от первого варианта отличается только наличием добавочных боковых клиньев к основным четырем полотнищам. Таким образом, по покрою он сходен с вышеописанным „поляцким дабинником“ (фиг. 3). Видеть такой сарафан из домотканины не пришлось, так как домотканых сарафанов давно уже не шьют, и они вовсе не сохранились. По рассказам, раньше их шили из холста, окрашенного растительной краской в красный цвет (об окраске см. выше), и они носили название „дубасики“, весьма распространенное в Архангельской и, особенно, в Пермской губерниях, где под этим термином подразумевается одежда „вроде сарафана“.²

В некоторых местах Сибири словом „дубас“ называют сарафан из синей дабы, имеющий спереди шов, т. е. обычный

¹ S. 215.

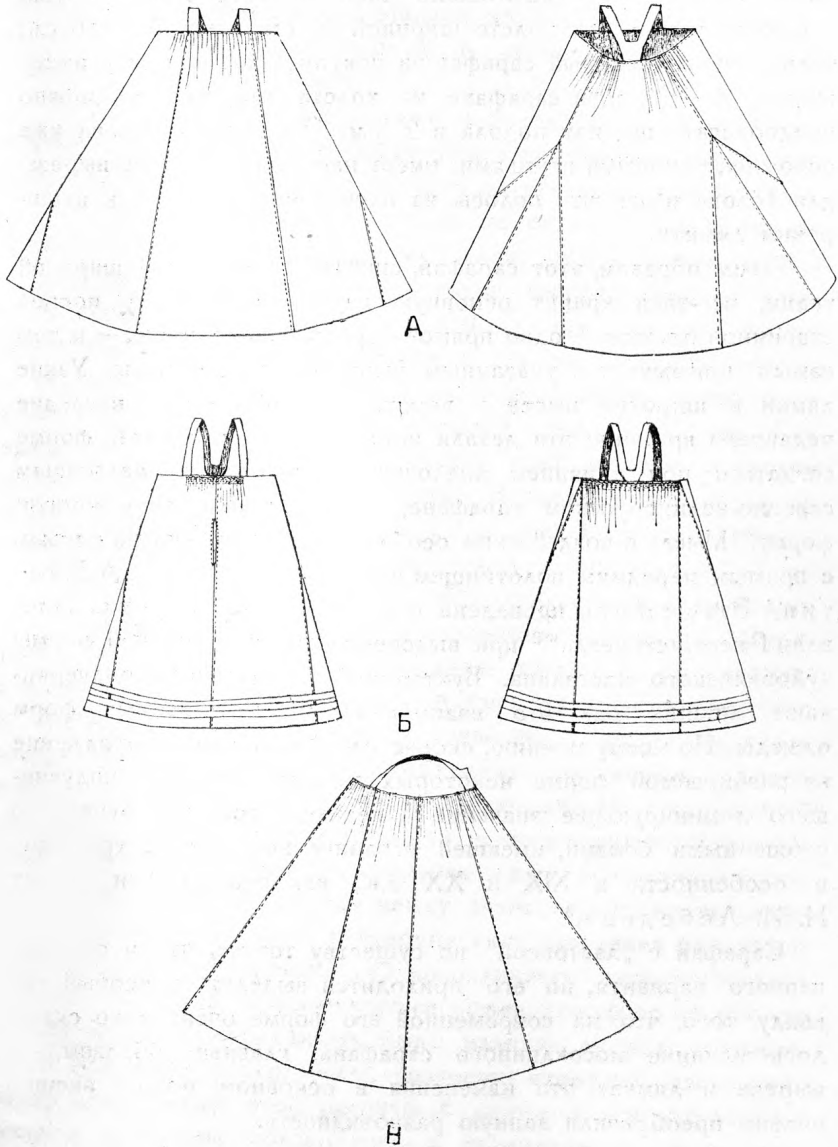
² Ср. Архив Геогр. о-ва, XXIX, №№ 15, 18, 27, 56, 75. Слово „дубас“ Даль отмечает как вологодское, пермское и сибирское.

косоклиный сарафан (ср. колл. Этногр. отд. Русского музея № 661 из Енисейской губ., от переселенцев из Тобольской губ.).

„Дубасики“ носили в будни; для праздников шили „дабиннички“, синего цвета из китайской дабы, широко известной среди народностей Азии. Дабу продавали китайские купцы отрезами. В настоящее время нет даже следов этих „дубасиков“ и „дабинничков“; их перестали носить уже лет 30—40 тому назад. Судя по описанию старух, эти „дабиннички“ и „дубасики“ были тождественны по покрою с поляцким „дабинником“ из Усть-Каменогорского уезда. Сарафаны же такого покроя сохраняются и до настоящего времени, сшитые из фабричной ткани.

Эти сарафаны в настоящее время носят название — сарафан „с ластовкой“, т. е. с клином.¹ Самое название („с ластовкой“) подчеркивает основное отличие этого варианта сарафана от первого варианта, не знающего никаких клиньев. Наличие добавочных клиньев — основное и старое отличие этого варианта от первого. На современном сарафане „с ластовкой“ мы имеем еще ряд отличий сравнительно позднего происхождения; эти поздние отличия на современной форме данного сарафана создались под воздействием новых, позднее появившихся типов сарафана и выражаются в увеличении вырезов для головы и рук и тем самым в уменьшении ширины плечей. Сарафан „с ластовкой“ (фиг. 5, А) из покупной ткани имеет покрой такого рода: одно прямое полотнище приходится спереди, другое сзади и два на боках, несколько скошенные. Между задним и боковыми полотнищами внизу вставлены клинья, называемые „ластовками“. Этим увеличивается ширина одежды. Вырезы для головы и рук делаются широкие, и от верхнего края заднего полотнища, посреди спины, идет кверху полоса, в ладонь шириной, так называемая „спинка“, которая вверху раздваивается и образует лямки; эти лямки спереди прикрепляются к переднему полотнищу. „Спинка“, выкроенная из одного же куска ткани вместе с задним полотнищем, напоминает о более старой форме, когда заднее полотнище целиком доходило до плечей и лишь позднее сузилось вследствие увеличения вырезов для головы и рук. Сзади, по сторонам около „спинки“ и на боках сарафан имеет несколько сборок. На

¹ Срав. выше значение термина „ластовка“, стр. 320, примеч.

Фиг. 5. Покрой сарафанов: А—I тип, 2 вариант, сарафан с „ластовкой“, спереди и сзади; Б—II тип, 4 вариант, полукруглый сарафан, спереди и сзади; В—III тип, 5 вариант, круглый сарафан, сбоку.

самой спинке сборок нет, это место называется „плешина“. Такой сарафан уже значительно шире первого вида, который в подоле имеет, при холсте шириной 40 см, всего 1 м 60 см; только что описанный сарафан из покупной ткани внизу имеет ширину 4—4¹/₂ м; в сарафане из холста теоретически можно предполагать ширину подола в 2¹/₂ м. Этот вид сарафана уже осложнен боковыми клиньями; имеет настолько большие вырезы для головы и рук, что полосы на плечах уже сводятся к нешироким лямкам.

Таким образом, этот сарафан, сшитый из покупной широкой ткани, все-таки хранит основную характерную черту покроя старинной одежды — одно прямое переднее полотнище, — и тем самым примыкает к указанным выше формам одежды. Узкие лямки и широкий вырез у ворота и пройм — это наследие недавнего времени; эти детали покроя могли в данной форме создаться под влиянием аналогичных деталей в настоящем северно-великорусском сарафане, и тем самым дать данную форму. Мысль о воздействии особенностей сарафана на одежду с прямым передним полотнищем высказывает также Б. А. Куфтин.¹ Эта же мысль проведена и в моей статье „Одежда тудовлян Ржевского уезда“² при выяснении генезиса поздней формы тудовлянского касталана. Бухтарминские материалы подчеркивают лишний раз это взаимоотношение указанных форм одежды. По моему мнению, скорее следует признать отражение на разбираемой форме некоторых деталей сарафана, получившего доминирующее значение у великоруссов, чем рубахи со скошенными боками, имевшей ограниченное распространение, в особенности в XIX и XX в.в., как это отчасти делает Н. И. Лебедева.³

Сарафан с „ластовкой“ по существу тот же, что и сарафан первого варианта, но его приходится выделять в особый тип ввиду того, что на современной его форме очень ярко сказалось влияние косоклинного сарафана, главным образом, на вырезе и лямках; эти изменения в основном покрое внешне сильно преобразили данную разновидность.

¹ Op. cit., стр. 113.

² Этнография, 1926, № 1.

³ Народный быт в верховьях Десны и в верховьях Оки, ч. I, М., 1927, стр. 58.

Вторым типом бухтарминского сарафана является сарафан с передним швом; этот тип имеет два варианта, отличающиеся друг от друга некоторыми деталями, но сохраняющие основную черту этого типа — шов спереди. К этому типу принадлежат третий и четвертый варианты.

Третий вариант сарафана на Бухтарме это косоклинный сарафан, отличающийся от предыдущего сарафана с „ластовкой“ тем, что шьется уже не из четырех полотнищ покупной ткани, а из трех: одно приходится сзади, на спине, а два проходят спереди, соединенные посредине швом. Этим самым данная форма порывает генетически с двумя вышеописанными формами первого типа (1 и 2 варианты). В этом сарафане сильно скашиваются передние полотнища, у них срез делается вверху с середины полотнища. К передним полотнищам пришито по косому клину, а к заднему с каждой стороны по два. Со-кращение числа основных полотнищ идет в этом сарафане за счет увеличения числа клиньев. Верхняя часть сарафана сшита так же, как в сарафане с ластовкой. Мелкие сборки наверху сарафана располагаются только около „спинки“.

Этот вид сарафана является наиболее сходным с косоклинным сарафаном всех северно-великорусских губерний. Отличается он от указанных сарафанов только в украшениях, а именно, он не знает нашивки пуговиц вдоль переднего шва и лент или позумента по обе стороны шва. Эта деталь, столь распространенная и ярко выраженная на севере, здесь, повидимому, вовсе неизвестна, и бухтарминский косоклинный сарафан не имеет крепких традиций, связывающих его с московской распашной одеждой, сохраняя лишь основную общую черту — наличие шва спереди между двумя передними полотнищами. Повидимому, среди бухтарминского населения был вовсе неизвестен более древний вид косоклинного северно-великорусского сарафана — распашного сарафана, для которого вполне естественным и необходимым было наличие спереди пуговиц и той или иной (шнур, лента, позумент) оторочки распахивавшихся пол. Следы этой распашной формы в северно-великорусских губерниях сохранились в переживаниях в виде шва, нашивных (часто не застегивающихся) пуговиц и оторочки. Ни пуговиц, ни оторочки на Бухтарме не встречается.

Важно отметить, что и на южно-великорусской территории косоклинный сарафан с двумя передними полотнищами, извест-

ный как девичья одежда, при женской поневе, часто, как и только что описанный бухтарминский, не имеет пуговиц и украшений вдоль переднего шва (ср., например, девичьи сарафаны из Воронежской губ. в колл. № 424 Этногр. отд. Русск. музея, или Тамбовской губ., колл. № 628, Рязанской губ., колл. № 1125 и др.). В некоторых северных губерниях (Архангельская, Вологодская) иногда встречается будничный синий, холщевый сарафан также без пуговиц и украшений по переднему шву.

Переход у бухтарминского населения от сарафана без срединного переднего шва к данному типу, предположительно, мог получиться следующим путем.

Уменьшение количества полотнищ и их несколько иное расположение возможно считать появившимся под влиянием, бóльшей ширины нового фабричного материала, который позволил четыре полотнища свести на три, тем более, что давно известная даба, имея небольшую ширину, поддерживала в кройке традиции холщевой одежды. Благодаря этому обстоятельству, бухтарминский сарафан, уже трансформированный, совпал с московской формой из трех основных полотнищ, в основе своей восходящей к распашной одежде. К тому же следует отметить, что, по словам старух, косоклинные сарафаны шились не из холста и дабы, а раньше всегда из шелка, а позднее из „пунцовья“.

Дальше косоклинный сарафан бухтарминцев и косоклинный сарафан всего севера, совпав формально, уже претерпевают один и тот же путь изменений и приходят к одному и тому же конечному результату.

Косоклинный сарафан и сарафан с „ластовкой“ обычно делаются „с подкладом“, т. е. на подкладке, чаще всего на коленкоре. Эта деталь известна в большинстве мест северных губерний при сарафанах такого же покроя. Иногда шьются на подкладке и „полукруглые“ сарафаны, описанные ниже.

Четвертый вариант. Дальнейшим видоизменением косоклинного сарафана является „полукруглый“. Шьется он из трех прямых полотнищ: одно сзади, два спереди, соединенные посредине швом. Между передними и задними полотнищами с боков вставлено с каждой стороны по одному большому клину, доходящему до верха. Клин этот внизу шириной в целое полотнище, сверху скашивается (фиг. 5, Б). От косоклинного этот сарафан отличается тем, что клинья, примыкающие к основ-

ным полотнищам, не так сильно скошены. Кроме того, сарафан собирается в сборки по всей спине, а не только около „спинки“, а также сборки располагаются и на груди; „спинка“ делается уже отрезная, чем порывается генетическая связь с сарафаном, имевшим небольшие вырезы для рук и головы.

Таким образом, „полукруглый“ сарафан, вместе с клиньями, как бы сшит из пяти полотнищ и является прямым переходом к „круглому“ сарафану (см. ниже).

Третий тип бухтарминского сарафана характеризуется наличием только прямых, нескошенных полотнищ и отсутствием клиньев; ляжки у такого сарафана еще более суживаются и окончательно в процессе кройки не связаны с основными полотнищами (фиг. 5, В). Этот тип так называемого прямого или круглого сарафана представлен на Бухтарме тремя вариантами (пятый, шестой и седьмой).

Пятый вариант. Сарафан пятого варианта носит название „круглый“ сарафан и шьется из прямых шести - семи - восьми

Фиг. 6. Кержачка в „круглом“ сарафане. Д. Печи.

полотнищ. Изредка эти полотнища немного скашиваются наверху. На груди весь сарафан кругом собирается в густые сборки, иногда наверху сарафана пришивается полоса ткани, шириной 10—15 см, так называемая „пиринка“, к которой и пришиваются эти сборки (фиг. 6). Возможно, что эта „пиринка“ является зародышем пришивного к сарафану лифа.

Шестой вариант. Как разновидность прямого сарафана, известен сарафан с отрезным косым воланом; шелковых сарафанов такого покроя встретить не пришлось; это, главным образом, сарафаны из ситца, недавнего изготовления.

Седьмой вариант. Вариантом круглого сарафана в последние годы является сарафан со скошенными задними полот-

нищами; в этом покрое два задних полотнища перекашиваются и дают, вместо двух, четыре полотнища; получается сарафан, достаточно широкий в подоле, но ткани идет меньше. Эта форма вызвана недостаточностью покупной ткани в последние годы.

Все описанные виды сарафана бытуют в настоящее время одновременно в любой из указанных деревень. Первый вид, как уже выше сказано, является частью „смёртной“ одежды. Второй и третий—„сарафан с ластовкой“ и косоклиный—изредка носят, как ежедневную одежду, старухи, но главное употребление этих сарафанов—это надевание их на моленья в „молебной“. Все старухи и пожилые женщины обязательно надевают эти сарафаны, причем сарафаны для моленья чаще всего шьются из черного сатина или саржи (фиг. 43); в обычное время такой черный сарафан вовсе не надевается.

„Полукруглый“ и „круглый“ сарафаны сейчас носят все, от старух до девочек. Это самая последняя форма. Многие старухи, правда, избегают шить себе круглые сарафаны, считая, что носить сарафан со сборами на груди—грех. „Грешить начали—сарафаны намарщивают“,—говорят старухи, подчеркивая особенность старинных сарафанов—отсутствие сборок на груди.

В некоторых этнографических материалах есть указания и из других мест на то, что носить круглые со сборками сарафаны считают грехом.¹

Что касается времени появления отдельных видов сарафана, то более или менее точно можно дать сведения относительно „круглого“ сарафана: он широко вошел в быт лет 20 тому назад, т. е. в начале XX столетия. До того времени изредка шили „полукруглые“ сарафаны, и самым обычным был косоклиный. В приданом 30—40-летних женщин² можно найти большое количество косоклиных шелковых сарафанов, сшитых для них, а не доставшихся по наследству от матерей. В приданое в каждой сколько-нибудь состоятельной семье заготавливается большое количество „парочек“ для девочек уже с 6—7 лет. В богатой семье в „ящик“ для невесты кладут до 30 разных „парочек“, 10—12 „нарукавников“ (передников с ру-

¹ Сведения 1849 г. из Оханского у., Пермской губ., в Архиве Геогр. о-ва, XXIX, № 24; мои материалы, собранные у старообрядцев Бирского у., б. Уфимской губ. (Бирск. кантон Башкирской АССР) в 1928 г.

² Замуж отдавали раньше и теперь отдают 14—15—16 лет; 18-летняя девушка считается уже перестарком.

кавами); самые бедные кладут около 10 сарафанов. В приданое стараются дать сарафаны различного назначения, из разной ткани, в зависимости от чего и сарафан носит разные названия: „атласник“, „шолковик“, „кашемирник“, „сатинетник“, „ситцевик“. Получив в приданое такое количество сарафанов, женщина едва успевает сносить их за свою жизнь, а наиболее дорогие в свежем виде переходят дочерям. Сарафаны шьют в приданое с запасом, на большой рост и довольно широкие, так что многим приходится подгибать и подшивать подол, ушивать в боках, укорачивать лямки.

Другой одежды, кроме описанных разновидностей сарафана, бухтарминские кержачки вовсе не знают и не вспоминают, чтобы когда-нибудь старухи рассказывали о ней. Таким образом, основным элементом одежды, надеваемой поверх рубахи, с очень давнего времени является сарафан. Следует считать, что старая форма, переживающая сейчас в „смертном“ сарафане и в сарафане с „ластовкой“, была принесена старообрядцами в Сибирь, и только под воздействием некоторых поздних московских влияний она превратилась в косоклинные сарафаны.

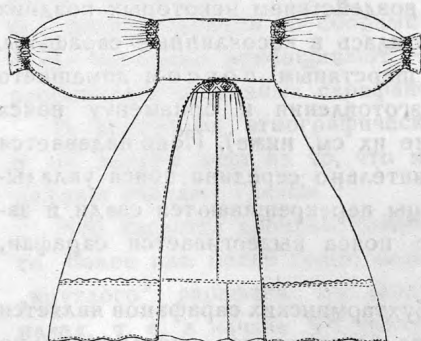
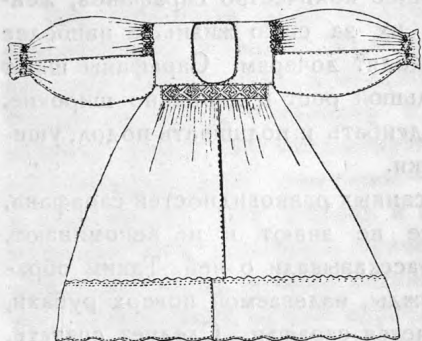
Сарафан всегда носится с шерстяным поясом домашнего изготовления. По способу изготовления и орнаменту пояса весьма разнообразны (описание их см. ниже). Пояс надевается следующим образом: приблизительно середина пояса укладывается спереди на талии, концы перекрещиваются сзади и завязываются на боку. Вокруг пояса выдергивается сарафан, образуя напук (фиг. 6).

Украшением современных бухтарминских сарафанов является вышивка цветной бумагой, реже шерстью; узор — исключительно геометрический (фиг. 2, два нижних ряда). Нашивки лент, шнурков и кружев встречаются крайне редко и не являются типичными.

Передник. Одежда, надеваемая поверх рубахи с сарафаном, в будни закрывающая рубаху и сарафан от грязи и пыли, в праздник украшающая, у бухтарминских кержачек известна в нескольких разновидностях, которые сводятся к двум основным типам: 1) „нарукавники“ и 2) собственно передники.

Наиболее распространенными являются „нарукавники“, которые представляют три разновидности. По покрою и назначению, бухтарминские нарукавники соответствуют одежде, весьма распространенной во всех южно-великорусских губерниях под различными названиями („занавёска“, „завёска“, „запон“). В се-

верных губерниях подобная одежда встречается сравнительно редко: отмечена в Вятской и Новгородской губерниях, а также во Владимирской и Московской губерниях; последние две лежат уже на границе с южно-великорусской территорией. У семейских

Фиг. 7. Покрой современных „нарукавников“. Д. Печи.

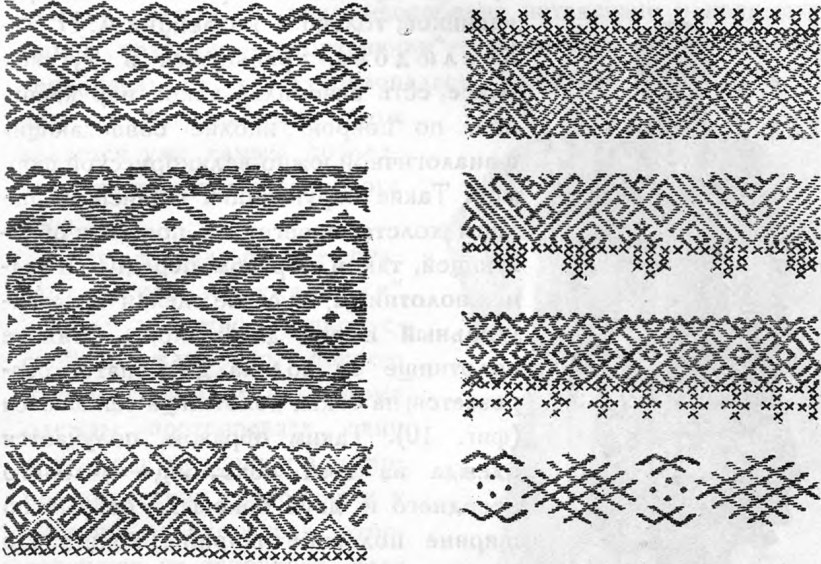
в Забайкальи имеется „запон“, близкий к этой форме одежды, но отличающийся тем, что не имеет рукавов и держится на шее при помощи шнура.¹ Кроме того, „запон“ одновременно с сарафаном известен в Тункинском крае.²

1. Наиболее распространенный вид кержацкого „нарукавника“ шьется из двух полотнищ, длиной около $\frac{3}{4}$ м, сшитых вместе вдоль и составляющих так называемую „становину“; иногда „становина“ делается несколько короче, и к ней внизу пришивается волан („уборка“). Наверху „становина“ густыми сборками пришивается к прямой кокетке, называемой „приставка“, в середине которой сделан довольно широкий вырез для головы — „ошейник“ (15×25 см). К „приставке“ под прямым углом пришиваются длинные широкие рукава, внизу собранные в сборку. В разрезе между рукавами и полотнищами, как и в рубаше, вставлены ластовки (фиг. 7).

¹ А. М. Селищев. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920, стр. 7.

² Н. Удимова. К изучению одежды русских тункинцев. Сиб. Жив. Стар., 1926, вып. II, стр. 208.

Цвет „нарукавников“ чаще яркий: красный, желтый, оранжевый, зеленый; особенно распространены „нарукавники“ из ткани с крупными цветами (фиг. 9 и 19). Иногда богачи делают „нарукавники“ из такой же ткани, как сарафан и рукава; в таких случаях весь полный костюм — сарафан, рукава и нарукавники называют „парочка“, перенося это название с более

Фиг. 8. Вышивки на современных „нарукавниках“.

распространенной комбинации сарафана и рукавов; на такую парочку идет $11\frac{1}{2}$ м ситца.

Главные украшения располагаются на груди на „приставке“ и на рукавах, в месте соединения с „приставкой“ (фиг. 8). Орнаментальные элементы те же, что на женских и мужских рубашках. Техника вышивки — „по мелкому“ и на позднейших экземплярах — крестом.¹ Волан внизу нарукавников иногда украшается машинным кружевом, называемым „купеческий галунец“. Таковы современные нарукавники, наиболее распространенные по всем деревням Ясака.²

¹ О вышивке см. статью „Искусство бухтарминских старообрядцев“.

² Ясаком называется район среднего и нижнего течения Бухтармы ввиду того, что население этого района с 1791 по 1878 г. находилось на положении ясачных инородцев, плативших государству не подать, а ясак.

2. Старухи вспоминают о более древней форме нарукавников, сшитых из белого холста из одной „становины“, без пришивной „приставки“. Естественно, что такие нарукавники на груди не имели никаких боров, подобно косоκлинному сарафану, и лет 50 тому назад считалось большим грехом надеть нарукавники с борами. В настоящее время ни в быту, ни в сундуках не пришлось встретить таких нарукавников; только в коллекции А. Н. Белослюдова, хранящейся в Русском музее, есть экземпляр таких нарукавников, по покрою вполне совпадающих с аналогичной южно-великорусской формой. Такие нарукавники шились из пелосы холста, перегнутой пополам, образующей, таким образом, переднее и заднее полотнища; на сгибе сделан четырехугольный вырез для головы. Заднее полотнище от подола до лопаток разрезается; на боках полотнища сшиваются (фиг. 10). Таким образом, получается одежда из трех полотнищ — цельного переднего и двух боковых, равных по ширине половине ширины холста. По характеру украшений, бухтарминские „нарукавники“ можно сблизить с очень типичными вологодскими передниками, частично встречаемыми также на территории б. Архангельской губернии. Особенно характерна широкая (до 35—40 см) полоса узорного тканья красной нитью

Фиг. 9. Девушка в праздничных „нарукавниках“. Д. Язвая.

по холсту, имеющая определенный геометрический орнамент, а также вышивка геометрического характера. Общий habitus украшений и отдельные элементы орнамента говорят за очень близкое родство указанных вологодских передников и бухтарминских „нарукавников“, несмотря на различие покроя тех и других. Иногда подол „нарукавников“ украшают вышивкой по выдерганному холсту. В коллекции Русского музея (№ 2699) из Риддерской вол., Усть-Каменогорского у., Семипалатинской губ., от великоруссов-„поляков“ имеются подобные „нарукавники“, с богатой вышивкой, подобной вышивке на

старинных мужских рубахах, и украшенные, кроме того, шитьем бисером.

3. Самой поздней формой нарукавников, появившейся лет 5—6 тому назад, являются нарукавники без рукавов—форма широко известная в южно-великорусских губерниях, параллельно с занавеской с рукавами. Такие нарукавники встречаются во всех ясачных деревнях в сравнительно незначительном количестве и пока неособенно интенсивно прививаются. Самое название—„нарукавники“—показывает, что эта одежда первоначально характеризовалась наличием рукавов, а появление безрукавных форм является уже самым последним изменением основного типа.

Как уже указывалось, бухтарминские „нарукавники“ сходны с южно-великорусской одеждой по крою и назначению, и эта форма одежды претерпевает одни и те же изменения и в южно-великорусских губерниях и у северно-великоруссов, оторвавшихся от основного ядра около 200 лет тому назад и занесенных судьбой за 3—4 тысячи километров от своих европейских родичей. Как и в южно-великорусских губерниях, так и на Бухтарме, на-

иболее старая форма — это одежда из двух прямых полотнищ, без сборок и кокетки; затем уже, как дальнейшее изменение, появляется форма со сборками и кокеткой. Таким образом, на данном примере можно наблюдать одни и те же пути развития и изменения отдельных элементов одежды в различных и удаленных друг от друга районах.

Наряду с „нарукавниками“, известен и второй вид передника, — передник, прикрепляемый к поясу, называемый здесь „фартук“ и „запон“. Различие между ними заключается в том, что „запон“ наверху собирается на вздержку,

Фиг. 10. Старинные „нарукавники“ из коллекции А. Н. Белослюдова.

при помощи которой и укрепляется на талии; к „фартуку“ же пришивается псясок, сшитый из той же ткани, и к нему прикрепляются завязки. Более старой формой является „запон“; об этом свидетельствуют воспоминания старух, а также большая простота его изготовления и, отчасти, древность самого термина.

„Фартук“ и „запон“ надевают чаще в будни, в праздничном же наряде они фигурируют много реже „нарукавников“.

Юбка и штаны. В последние 10—15 лет распространился обычай носить нижнюю юбку под сарафаном; женщины старше сорока лет редко надевают юбки, старухи же единогласно утверждают, что это явление новое, и носить юбку под сарафаном грех. Среди молодых женщин ношение юбки широко распространено ввиду того, что новые „круглые“ сарафаны, при их большой ширине, часто приходится подтыкать при полевой и домашней работе.

Старухи вспоминают, что раньше на полевую работу под сарафан надевали *чембары (штаны)* такого же покроя, как мужские холщевые. „Подчембаривались“ (т. е. надевали чембары) поверх рубахи, заправляя ее в штаны. Но уже давно этот обычай оставлен, и в настоящее время женщины вовсе не носят чембар. Необходимость надевать чембары при отсутствии нижней юбки при полевых работах вызывалась рядом чистоместных природных условий: пашни расположены на склонах гор, работать приходится сильно нагибаясь и подтыкая поэтому длинный сарафан, пашни сорные, с большим количеством не сжинаемой сорной травы, которая сквозь сарафан колет ноги; наконец, следует отметить необходимость ездить везде и всюду верхом. Необходимость носить штаны при верховой езде особенно чувствовалась при старинных холщевых дубасах и при дабинниках, сшитых из довольно узкой ткани и не имевших такой ширины, как сарафаны двух последних десятилетий — „полукруглые“ и „круглые“, имеющие ширину по всему стану 4—5 м. Придя в горы и будучи вынужденными постоянно быть в седле, кержачки могли перенять обыкновение носить штаны от местного населения, так как казакские женщины все носят штаны. При узком старинном сарафане введение в женский костюм штанов имело большое практическое значение, так как при верховой езде узкий сарафан поднимался и открывал рубашку до пояса.

На применение при верховой езде штанов с подобранным вокруг пояса сарафаном указывают некоторые наблюдатели для недавнего времени как у „каменщиков“,¹ так и у „пс-ляков“.²

При изменении покроя сарафана, исчезла настоящая необходимость в ношении штанов, так как современный широкий круглый сарафан при посадке женщины в седло ложится широкими, свободными складками,

не стесняя движений и не открывая рубахи (фиг. 11). Весьма вероятно, что это изменение покроя сарафана имело некоторое влияние на исчезновение из состава женской одежды штанов. С другой стороны, возможно также некоторое влияние костюма вновь прибывающих „расейских“ крестьян, у которых ношение женщинами штанов обычно вызывает насмешки и недоумение. Сами кержачки объясняют исчезновение из их костюма штанов следующим обстоятельством. В прежнее время приходилось больше работать

самим, и женщины ездили на дальние пашни, но лет 20—30 тому назад особенно широко стали пользоваться трудом казачков (киргиз) при сельско-хозяйственных работах; ввиду этого отпала необходимость женщинам ездить на поля, а в домашней работе можно было обходиться и без штанов. Возможно, конечно, что и эта причина экономического порядка отчасти оказала некоторое влияние на данное изменение женского костюма. В силу ряда приведенных обстоятельств, из быта кержачек в настоящее время совершенно исчезла эта форма одежды, до некоторой степени замененная нижней юбкой.

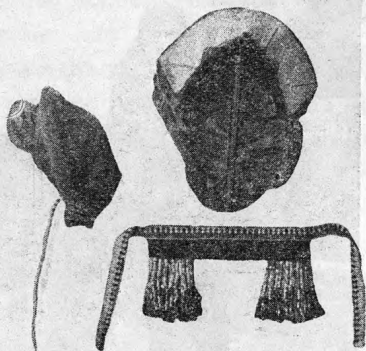
Фиг. 11. Кержачка в круглом сарафане верхом на лошади. Д. Печи.

¹ Ядринцев. *Op. cit.*, стр. 101.

² М. Шведова. *Op. cit.*, стр. 33 и Г. Д. Гребенщиков. Река Уба и убинские люди. Алтайский сборник, 1912, вып. V, стр. 72.

Головной убор. Женский головной убор представляет собой у русских большое разнообразие и не может быть сведен к ограниченному количеству основных типов, как, например, это можно сделать хотя бы со всеми разновидностями женской русской рубахи.¹ В головном уборе наслоения племенные, наслоения времени и мода больше накладывают свою печать, чем в каком-нибудь ином элементе одежды.

Бухтарминские головные уборы, по своему основному типу и терминологии, принадлежат к северно-великорусским. В северно-великорусских губерниях, как основная форма головного убора, известен кокошник во многих разновидностях, представляющий собой в основе твердую шапку. В настоящее время на Бухтарме кокошников нет, но старухи вспоминают, что их прабабки носили кокошники из позумента. Такой кокошник из д. Быковой имеется в коллекции Русского музея, приобретенный от А. Н. Белослюдова (фиг. 12, справа вверху). По покрою этот кокошник близок

Фиг. 12. Женские головные уборы: слева — шашмура, справа вверху — кокошник, внизу — позатыльник.

к бытующей еще сейчас на Бухтарме „шашмуре“; отличие составляет только отсутствие на кокошнике очелья или налобника, что вызвано тем, что кокошник носился с особой повязкой, закрывавшей лобную часть.

Несомненное указание на то, что кокошник бытовал у бухтарминских кержачек, дает нам „смёртная“ одежда, в составе которой, кроме белой холщевой шашмуры, имеется и холщевый кокошник.

По рассказам старух, кокошники носились ежедневно — надевались поверх шашмуры. Платок складывался в виде ленты, в $17\frac{1}{2}$ см шириной, и повязывался по очелью, закрывая неукрашенную часть кокошника; концы завязывались сзади. Иногда, вместо платка, повязывалась сложенная полоса ткани; эта повязка носила название „примизёнка“. Кокошники дела-

¹ Ср. Б. А. Куфтин. *Op. cit.*, стр. 19 — 46.

лись будничные „нанбуковые“, ¹ праздничные — плисовые, „вельметовые“ (вельветиновье).

По своему типу бухтарминский кокошник может быть сопоставлен с рядом головных уборов, известных из северных губерний Европейской части СССР (Архангельская, Вятская, Пермская). По способу ношения, этот кокошник не является типичным северно-великорусским, так как надевается на другой головной убор, надетый непосредственно на волосы. По этому принципу бухтарминский кокошник скорее сближается с головными уборами южно-великоруссов, где основной частью является того или иного вида твердая основа на лбу, соединенная или несоединенная с повойником, покрывающим волосы (кичка); поверх этой основы надевается тот или иной мягкий убор, более украшенный и парадный (сорока). В данном случае бухтарминский кокошник играет роль южно-великорусского верхнего чепца — сороки — и надевается на нижний головной убор, соответствующий южно-великорусской кичке, называемый здесь „шашмура“, которая в настоящее время является единственным и основным головным убором женщины. „Шашмура“ представляет собой в настоящее время чепец, сшитый из покупной ткани (ситец, сатин) и состоящий из трех частей: налобника, кишки и макушки (фиг. 12, слева). Налобник представляет полосу ткани, шириной до 10 см, которая располагается по лбу и соответствует очелью других головных уборов. Кишка представляет собой круглый жгут, толщиной в диаметре от 3 до 0,5 см; кишку шьют из ткани, закатывая туда шерсть или же простегивают в несколько слоев холст. ² Макушка представляет кусок ткани, овальной формы, который покрывает верх головы. Налобник и макушка сшиваются вместе, и в шов вшивается кишка. Сзади макушка вздергивается тесьмой, при помощи которой весь головной убор укрепляется на голове. Шашмура надевается непосредственно на волосы и является для замужней женщины обязательным убором, надеваемым после венчания при обряде повивания молодой. Снимается шашмура только ночью; спать „космачем“, т. е. с открытой головой, считается возможным. Молодые женщины, надев утром шашмуру, обязательно повязывают ее платком; ходить в одной шашмуре даже в доме или у себя в ограде разрешается только старухам.

¹ Бумажная ткань.

² Ср. у белоруссов название близкой детали головного убора — „кишечка“.

Под шашмуру женщина заплетает волосы в две косы, которые укладываются спереди, на макушке головы. Косы укладывают, не перекрещивая их сзади, как это известно во многих северно-великорусских и отчасти южно-великорусских районах. Перекрещивать косы сзади грех, так как, перекрещивая косы, женщина хочет как-бы соединить их в одну, что для замужней уже недопустимо, возможно только для девушки. Даже при расчесывании волос, замужняя должна каждую сторону расчесывать отдельно, не соединяя вместе всех волос. В этой детали сохраняется до сих пор древнее строгое деление по возрастным группам, и подчеркиваются внешние признаки отдельных групп.

Таким образом, бухтарминская шашмура в настоящее время по назначению и отчасти по форме совпадает, с одной стороны, с северно-великорусским повойником, а с другой стороны, с южно-великорусской кичкой, имеющей так называемую во многих местах „задушку“, т. е. чепец. У молодых женщин, которые шьют шашмуры уже по новому, с более низкой, едва выступающей под платком „кишкой“, этот головной убор особенно близок к северно-великорусскому повойнику с отрезным очельем (фиг. 14). У старух же „кишка“ делается в виде довольно толстого и высоко поднимающегося жгута, который производит впечатление высоко стоящего очелья (фиг. 40 и 43); у них при псвязке платка поверх шашмуры очень рельефно выступает самый жгут. В данном случае шашмура сильно приближается к круглым южно-великорусским кичкам, которые известны в разных губерниях.

На связь шашмуры с головным убором, по типу близким к южно-великорусским, указывает еще одна составная часть этого убора, употребляемая только в праздничных случаях, а именно — в праздники шашмура носится с позатыльником, имеющим господствующее распространение в южно-великорусской среде и кое-где бытующим и в северно- и средне-великорусской среде, напр., в б. Архангельской, Владимирской, Тверской и Московской губерниях.

Бухтарминский позатыльник представляет собой полосу холста, шириной около 7 см, длиной около 20 см; к верхнему краю прикреплены завязки, чаще всего из ссученных ниток, реже из тесьмы (фиг. 12, справа внизу). Самый позатыльник украшен иногда вышивкой, золотым шитьем и бисером. К ниж-

нему краю прикреплены на боках кисти из цветного бисера, середина же нижнего края позатыльника без бисера. Бухтарминские кержачки, надевая позатыльник с шашмурой, бисерные кисти направляют за ушами. Позатыльники в вышеуказанных северных губерниях редко имеют бисерные украшения. Кроме бухтарминцевисоседних „поляков“, среди сибирских великоруссов головной убор с привязным позатыльником известен еще у „семейских“.¹

Генетически шашмуру следует рассматривать, как головной убор, уже завершивший сложное развитие из первоначального, более примитивного головного убора. Можно предполагать путь развития этой формы из твердого обруча, располагавшегося на темени, и покрывала поверх этого обруча. Позднее, этот обруч слился с покрывалом и дал современную форму шашмуры; на старых формах следы от бывшего когда-то обруча чувствуются очень рельефно. М. Швецова указывает для „поляков“ „кичку“ — особое сооружение из проволочных обручей, обтянутых ситцем или холстом.² Женские головные уборы, в основе своей имеющие обруч с покрывалом, известны у некоторых народностей на севере, так, например, у карел, суоми, эстов и полуверцев Псковского округа.³ Аналогичного же происхождения и южно-великорусская кичка, которую Д. К. Зеленин ставит в непосредственное родство с украинской кибалкой и северно-великорусской шашмурой.⁴ Сходный по описанию головной убор известен был в 50-х годах прошлого столетия в Арзамасском уезде Нижегородской губ., где волосник имел рога из семи ясеневых прутьев, обтянутых холстом и выстеганных в семь рядов,⁵ а также в Сергачском уезде той же губернии — волосник, вырезанный из дерева или из прутьев и обтянутый холстиной.⁶ Аналогичное развитие голов-

¹ Ср. coll. Этногр. отдела Русского музея, № 1759 из д. Платовой, населенной „семейскими“, а также А. М. Селищев. Забайкальские старобрядцы. Семейские. Иркутск, 1920, стр. 7. У „поляков“ на бытзвание позатыльника указывает М. Швецова; он имеется также в коллекции А. Н. Белослюдова в Русском музее.

² Op. cit., стр. 32.

³ Изв. Археологич. комиссии, вып. 38, стр. 158, СПб., 1911 и собрания Этногр. отдела Русского музея.

⁴ Женские головные уборы восточных (русских) славян. „Slavia“, 1926, 2, стр. 326.

⁵ Архив Геогр. о-ва, XXIII, № 124.

⁶ Архив Геогр. о-ва, XXIII, № 123.

ного убора наблюдается также в некоторых местах Рязанской губернии, где современный повойник, являющийся заместителем более древней кички, имеет вшитый жгут на вершине.¹

На Ижме известен головной убор, имеющий „кишку“, т. е. холщевый валик, надеваемый под верхний чепец.²

На северно-великорусской территории современная бухтарминская шашмура имеет ближайшие сходные формы головного убора в виде кокошника с более или менее выступающей над очельем верхней частью (фиг. 13). По мнению Д. К. Зеленина, такого типа северно-великорусский головной убор развился из повойника с гребнем, на что указывает особенно ярко одна

Фиг. 13. Северно-великорусские женские головные уборы: слева — Новгородской губ., справа — Вологодской губ.

деталь такого убора — наличие сзади вздержки, что чуждо кокошнику и свойственно повойнику.³ Это соображение о развитии данной формы из повойника дает еще большие основания сближать бухтарминский головной убор с названным северно-великорусским убором. Этот убор известен по преимуществу в Вологодской губернии, а также в Архангельской, Вятской, Пермской и Новгородской губерниях. Д. К. Зеленин ставит границы его распространения в связь с новгородской колонизацией. В Вологодской и Архангельской губерниях выдающаяся над очельем часть убора особенно высока; в Новгородской, Вятской и Пермской губерниях она выступает сравнительно невысоко (фиг. 13). В указанных губерниях этот головной убор имеет близкие к бухтарминскому названия: моршень,⁴

¹ М. Малинина. Быт рязанской мещеры. Рязань, 1928, стр. 10.

² По сообщению А. С. Сидорова.

³ Женские головные уборы. „Slavia“, стр. 549.

⁴ Напр., Нолинск. у., Вятск. губ. (Архив Геогр. о-ва, X, № 13) и др.

шашмура, ¹ шамшура, ² самшура. ³ В некоторых из указанных губерний под этим названием известно твердое холщевое очелье под кокошник (колл. № 551 Этногр. отд. Русского музея из Шенкурского у., Арханг. губ.). Эта форма еще ближе к бухтарминской шашмуре. В Шенкурском уезде на Северной Двине, по описанию середины прошлого столетия, известен головной убор, еще более близкий к бухтарминскому. Состоит он из нескольких частей: „1) шамшура, сшитая из толстого холста, сложенного втрое наподобие подковы, с холщевыми шнурами по концам: волосы, в две косы сплетенные, подбирают и сжимают к верховищу головы; 2) подзатыльник — скосок суконный или кумачный, с острыми по двум краям конечностями, усаженный мелким бисером — белым и черным, или вышитый золотом и дорогой пряжей; им, посредством шнурков, в конечностях вшитых, забирают с тылу остаточные волосы и притягивают к шамшуре; 3) кокошник — отрезок кумача, длиной пять, шириной три и более вершка, вышитый золотом с шелком, с пришитым к тылу круглым верхом из какой-либо красной материи, им прикрывается шамшура и верх головы с волосами; 4) повязка или повязиха — отрезок дорогого ситца или штофа или красного сукна; 5) большой бумажный платок красного цвета или суконный полushалок. Им женщины прикрывают весь описанный головной убор“. ⁴ Таким образом, в этом уборе видим аналогию бухтарминской шашмуре, поверх которой, подобно только что описанному, надевался в прежнее время кокошник, игравший роль южно-великорусской сороки, а поверх всего платок.

Кроме русского населения, „шашмура“ или „шамшура“ известна также и среди финнов указанных выше губерний. Так, в пределах б. Архангельской губ. близкую форму женского головного убора под таким же названием знают лопари. В Вологодской и Вятской губерниях шамшура известна у зырян.

¹ Напр., Шенкурский у., Арханг. губ. (Архив Геогр. о-ва, I, № 54); Вельский у., Вологодск. губ. (Жив. Стар., 1895, вып. 3); Слободск. у., Вятск. губ. (Архив Геогр. о-ва, X, № 61); Шадринский у., Пермск. губ. (Архив Геогр. о-ва, XXIX, № 12) и др.

² Напр., Шенкурский у., Арханг. губ. (Архив Геогр. о-ва, I, № 48) и др.

³ Напр., Вельский, Никольский у.у. Вологодской губ. (Архив Геогр. о-ва, VII, № 29; 73); Онежский и Шенкурский у.у. Арханг. губ. (по коллекциям Русского музея).

⁴ Архив Геогр. о-ва, I, стр. 48.

и пермякск. Зырянский головной убор мало отличен от аналогичного русского; пермяцкий же несколько отличается более наклонным положением выступающей части и ее более угловатыми формами; в основе же и в современном пермяцком уборе та же форма, что и в русском.¹ У пермяков так же надевается внизу шашмура из бересты или прутьев и укрепляется завязками; верхний же головной убор („кокошник“), подобно старинному бухтарминскому кокошнику, не имеет завязок и налобника. Особенно близок к бухтарминскому кокошнику головной убор, изображенный на рис. 10 и 11 в статье А. Ф. Теплоухова.

Таким образом, форма шашмуры указывает на близость бухтарминских поселенцев с северно-великоруссами Вятского, Вологодского и, отчасти, Архангельского края. На связь с этими крайними северно-великорусскими губерниями указывает также способ покрытия шашмуры платком или шалью, которые у бухтарминских кержачек являются необходимой составной частью головного убора.

Платки встречаются чаще всего красного или темного цвета; наряду с ситцевыми платками в большом ходу шерстяные полушалки. В праздник же поверх шашмуры повязываются большие шали (размер: $1\frac{1}{2} \times 1\frac{1}{2}$ м), шерстяные и шелковые, ярких цветов (желтые, красные, яркозеленые, яркосиние), с крупными цветами и кистями. Шаль складывается углом; на сгибе ее несколько раз складывают в виде полос шириной в $17\frac{1}{2}$ см (фиг. 14). Эта полоса приходится на очельи шашмуры, а оставшийся несвернутым треугольник покрывает макушку. Концы шали завязываются по-разному. В самых торжественных случаях делается повязка „на два конца“, когда концы сзади перекрещиваются и укладываются спереди, причем кисти часто спускаются в виде бахромы от затылка до лба. Вся повязка имеет вид чалмы (фиг. 18). Особенно тщательно бахрому расправляют над ушами; при позатыльнике, кисти шали и бисер позатыльника перемешиваются, образуя около ушей густые украшения (фиг. 14 и 16). В менее торжественных случаях делают повязку „на один конец“, когда один конец после перекрещивания сзади спускают вниз, вдоль

¹ Срав. А. Ф. Теплоухов. „Женские головные уборы пермяков и их отношение к старинным уборам местного русского населения“. Ежегодник Пермского губернского земства, II, 1916.

Фиг. 14. Кержачка в шашмуре, повязанной шалью „по-просту“. Д. Печи.

Фиг. 15. То же, сзади; концы шали заткнуты за пояс. Д. Печи.

Фиг. 16. Костюмы кержачек; в середине молодуха, по бокам — девушки. Д. Печи.

Фиг. 17. То же, сзади. Д. Печи.

спины, а другой обматывают вокруг очелья шашмуры. В обычное воскресенье делается повязка „пó-просту“, когда оба конца шали завязываются сзади и спускаются по спине (фиг. 17) или затыкаются за пояс (фиг. 15). Во всех случаях расправляются кисти шали, приходящиеся около ушей.

Фот. А. Н. Белослюдова.
Фиг. 18. Девушка в головной повязке „на два конца“ Д. Быкова.

Повязку на оба конца всегда делают невесте во время обряда повивания, а также на другой день после свадьбы. Повидимому, это наиболее древний способ головной повязки, восходящий к повязке полотенца при головном уборе, высоко стоящем надо лбом; аналогии этому известны нам, главным образом, из южно-великорусских губерний (ср. коллекции Русского музея из Орловской и Тульской губерний). Такая повязка платка известна, также в Ирбитском уезде Пермской губ.,¹ в Кукарке—Вятской губ.² и в Архангельской губ.

Близки к описанным повязкам головные повязки семейских старообрядцев; отличаются они, повидимому, тем, что платок, сложенный треугольником, спереди не складывается в несколько рядов, а, покрывая всю голову, спускается треугольником на спину. Два другие конца, как и у бухтарминских кержачек, обматываются вокруг головы.³

У ближайших соседей бухтарминцев, у „поляков“ Усть-Каменогорского уезда, головная повязка несколько иная. Шаль, входящая в состав головного убора у „поляцких“ женщин, не покрывает всей головы, насколько об этом можно судить по фотографиям С. П. Швецова,⁴ а в виде толстого жгута обматы-

¹ Архив Геогр. о-ва, XXIX, № 18.

² Архив Геогр. о-ва, X, № 26.

³ А. М. Селищев. *Op. cit.*; фотографические снимки в приложении.

⁴ Колл. Этнографического отдела Русского музея, № 4096.

вается вокруг головы, проходя по очелью кокошника. И самый кокошник здесь несколько иного типа.

Девичий головной убор представляет собой повязку, состоящую из платка, сложенного в виде прямой полосы; концы завязываются сзади. Маленькие девочки, лет до 8, часто бегают вовсе без повязки. В последние годы появилась мода подвязывать девичий платок „под губу“, но старухами такая мода считается „дьявольской“. Этот способ повязки чаще отмечен в деревнях на Бухтарме (Коробиха, Печи), больше имеющих сношения с внешним миром; в самом же глухом Ясаке, вдали от всяких путей сообщения с внешним миром (Язовая, Белая, Фыкалка), эта мода вовсе не наблюдается. В будни завязывают в виде складки небольшой ситцевый или полушерстяной платок, в праздник—шерстяную или шелковую шаль, такую же, какая завязывается в праздник поверх шашмуры. Способы укладывания длинных концов шали те же, что и в повязке женщины: завязывают на два конца (фиг. 18), укладывая всю шаль вокруг головы в виде низкого и пышного тюрбана, или на один конец, обвертывая один конец вокруг головы, а другой спуская по спине, или, наконец, попросту, спуская по спине оба конца (фиг. 16, 17 и 19); в первых двух случаях кисти от шали, как и при женской повязке, спускают вниз около ушей. Иногда, в большие весенние праздники, за борт повязки затыкают, живые цветы (пионы, мальвы, бархатцы, „жарки“-купавки и др.). В сочетании с яркими красками цветистой шали и всей одежды, эти цветы придают еще больше роскоши и игры красок в наряде молодой кержачки и уводят нас очень далеко от традиционного представления о старообрядке, которое обычно ассоциируется с темным простым сарафаном без украшений, старинного покроя, с белым или темным платком на голове, закрывающим всю голову и часть лица. Повидимому, раннее знакомство с китайскими и другими восточными тканями, при состоятельности бухтарминского населения, натолкнуло кержаков на употребление в своей одежде всего яркого и цветистого, оставив темную одежду только для хождения в моленную. Богатая природа южного Алтая невольно подсказала применение в качестве украшений ярких цветов. Описанный девичий головной убор отличается от женского лишь тем, что внизу нет шашмуры, закрывающей голову, и платок или шаль покрывает только очелье, а не всю голову, как у женщин (срав. фиг.

16 и 17). Как указывалось выше, в старину и женщины повязывали платок в сложенном виде только по очелью; в то время разницы между женской и девичьей повязкой не существовало, только одни повязывали непосредственно по волосам, а другие поверх чепца, покрывающего волосы.

По рассказам старух (60—70 лет), во времена их детства, совсем маленьким девочкам не давали платков для повязки, а шили из ткани темного цвета неширокие полоски, которые,

Фиг. 19. Праздничное гулянье кержачкой молодежи в нарядных костюмах.
Д. Язовая.

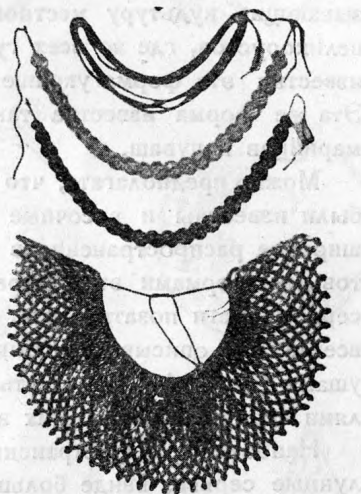
в виде обруча, повязывались вокруг головы. Несомненно, что это одна из наиболее старых форм девичьего убора, известного всем восточно-славянским племенам, и современная бухтарминская девичья повязка из платка или шали генетически связана с этой более древней формой.

Украшения. Украшения кержачек состоят из различных низок бус, серег и колец.

Наиболее распространенными являются крупные янтари, называемые „восковые бисера“; любопытно сохранение здесь этого старого названия, которое, называя смолу воском, подчеркивает самое происхождение янтара. Также весьма распро-

странены бесцветные граненые стеклянные бусы (фиг. 20). Кроме этих, самых нарядных, низок, надевается ряд различной величины и разного цвета бус; в последние годы распространяются дутые бусы.

Одной из старых форм нагрудных украшений кержачек является „ряска“ — украшение из бисера, сплетенное в виде сетки; разноцветный бисер образует в этой сетке геометрический узор (фиг. 20, внизу). Носится такая „ряска“ на груди, прикрепляясь тесемкой вокруг шеи. В обследованных селениях в настоящее время „рясок“ встретить в быту не пришлось, их помнят только пожилые женщины; в коллекции Семипалатинского музея, собранной в 1926 г. Д. Ф. Портнягиным, в коллекции Этнографического отдела Русского музея, собранной А. Н. Белослюдовым, имеются экземпляры подобных украшений. Они снизаны из крупного продолговатого стекла грубой выделки, имеют ширину до 20 см.; в узоре — традиционные ромбы. Форма

Фиг. 20. Шейные и нагрудные женские украшения; внизу — „ряска“.

эта является довольно старой формой украшений, известных особенно широко в южно-великорусской среде, а также у финнов Поволжья (ср. цифкс у мордвы-мокши и у чуваш сарла-газюга или шрзя-свога). В северно-великорусских губерниях подобное же нагрудное украшение отмечается крайне редко. В старину была известна еще одна интересная форма нагрудного украшения, это — „гайтán“, представляющий собой плетение из бисера в виде ленты и надеваемый на шею. Встретить эту форму в настоящее время в быту обследованных деревень не удалось; сохранились только смутные воспоминания у старух. Судя по коллекции Семипалатинского музея из данного района, бухтарминский гайтан представляет полосу, снзанную из продолговатого разноцветного стекла, шириной около 5 см, и надевается в виде цепи на шею, доходя спереди

почти до пояса. По указанию Б. Г. Герасимова, гайтан бытовал еще в 1910 г. в с. Сенном.¹ Ядринцев² указывает на бисерные цепочки, как на мужское украшение у „поляков“, а Н. Б. Новоселов отмечает, что в начале столетия гайтан являлся и у бухтарминских кержаков необходимым атрибутом праздничного костюма мужчины.³ Наличие данного нагрудного украшения опять-таки указывает на какие-то нити, связывающие культуру местного населения с культурой южно-великоруссов, где во всех губерниях, ими населенных, широко известна эта форма украшения под тем же названием—гайтан. Эта же форма известна также у мордвы (мокши и эрзи), у марийцев и чуваш.

Можно предполагать, что у предков бухтарминских кержачек были известны и височные украшения, до сих пор имеющие широкое распространение в южно-великорусской среде. Реликтовыми формами этих украшений на Бухтарме являются бисерные кисти позатыльника и кисти повязанной шали, которые всегда, как описывалось выше, старательно расправляются над ушами (фиг. 14 и 17). Быть может, они являются заместителями когда-то бытовавших здесь височных украшений.

Наиболее распространенным видом серег являются полулунные серьги, в виде большого кольца, с одной расширенной половиной, так называемые серьги „с гребнем“⁴ (фиг. 21, два верхних ряда). Эти серьги из серебра и золота изготавливают местные крестьяне. На серебряных делаются чеканные украшения; на наиболее старых экземплярах встречаются маленькие колечки, вставленные в дырочки гребня.

Другой вид серег—это „дутые“ серебряные, реже золотые, имеющие форму кольца, утончающегося к застежке. Кроме того, известны серьги в виде продолговатой лопасти из серебра, с подвесками и цветными стеклами (фиг. 21, нижний ряд). Первый вид серег („с гребнем“) весьма близок к серьгам донских казаков; в других же местах у русских, насколько я

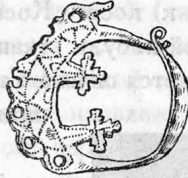
¹ В долине Бухтармы. Записки Семипалатинского подотдела Зап.-Сиб. отдела Русск. Геогр. о-ва, вып. V, стр. 22.

² *Op. cit.*, стр. 22.

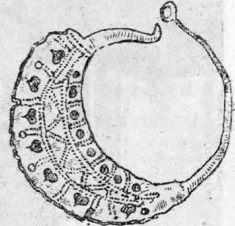
³ Записки Семипалатинского подотдела Зап.-Сиб. отдела Русск. Геогр. о-ва, 1915, вып. X, стр. 7.

⁴ Форма близка к известному по археологическим материалам типу серег-луниц.

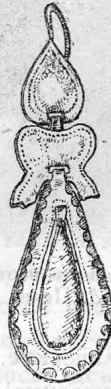
располагаю соответствующим материалом, они не отмечены. Подобной формы серьги довольно часто встречаются среди казакского населения и, в частности, среди коллекций Этнографического отдела Русского музея имеются экземпляры подобных серег.

Изредка встречаются серебряные серьги казакской работы, резные и чеканные, а также серебряные китайские серьги с подвесками. Повидимому, полулунные и овальные с под-

весками серьги имеют широкое распространение на Алтае. Подобные формы известны у „поляков“ Усть-Каменогорского у.,¹ а также среди казаков.

Серьги с лебяжьим или утиным пушком, отмеченные Ядрицевым² у „поляков“, на Бухтарме не пришлось встретить. Подобные украшения весьма характерны для южно-великоруссов.

Фиг. 21. Серьги кержачек; два верхних ряда — серьги „с гребнем“, нижний ряд — серьги с цветными стеклами.

Кольца носят преимущественно серебряные, гладкие, как обручальные; носят их женщины и девушки.

¹ См. фотографии С. П. Швецова в Этнографическом отделе Русского музея, coll. № 4096.

² Op. cit., 1880, стр. 99.

Как новое украшение, появляются французские булавки, называемые на Бухтарме „пáжики“.

Специально девичьим украшением являются „косник“ и „лénки“, привязываемые к косе. „Косником“ называют косоплетку из обрывка какой-нибудь ткани, которая вплетается в косу. „Лénками“ называется связка таких же обрывков ткани,

Фиг. 22. Кержачка в верхней одежде.
Д. Печи.

прикрепляемых к коснику. У взрослых девиц часто „лénки“ делают не из обрывков ткани, а действительно из лент. Для „поляков“ М. Шведова¹ указывает бисерные или вязаные шерстяные полоски с бахромой и пуговицами. Подобные украшения на Бухтарме не бытуют, но характерны для южно-великорусских районов.

Как женщины, так и девушки жирно смазывают волосы топленным маслом, чтобы они не трепались от горного ветра и чтобы голова была всегда гладкой.

Нательные кресты женщины и мужчины носят четырехконечные, деревянные, небольших размеров

или же металлические. Первые, по словам кержачков, привозились из Иерусалима торговцами (?), вторые же изготовляют в некоторых деревнях местные мастера. Для приготовления их, в избе устраивается небольшая печка с вытяжной трубой; при литье употребляются каменные формы, известные и в северной Великороссии (ср. coll. Этнографического отдела Русского музея, № 2287—1).

Кресты носят на „тарачках“—плетеных шнурках из льняной пряжи; для их изготовления употребляются особые дощечки с развилкой на конце, называемые „шарáшка“.

¹ Ор. cit., стр. 32.

Верхняя одежда. Верхняя женская одежда несложна. Основная форма — халат — одежда из трех прямых полотнищ, длинная, с круглым, довольно широким воротником (фиг. 22). Халат подпоясывается широкой опояской (см. ниже). Для холодного времени такой халат шьют на шерсти — овечьей или верблюжьей, покупаемой на китайской границе, чаще всего в Кош-Агаче. Такая одежда носит название „одежка“. Шьется она, как и халат, из покупной черной ткани: ластик, саржа, шерстяные ткани. В зимнее время носят шубы, крытые сукном, на меху, с меховым воротником. Ввиду того, что население занимается охотой, зимняя одежда часто отделяется мехом. В рабочее время надевают шабур (см. ниже — в описании мужской верхней одежды). В зимнее время очень часто раньше носили „ожерёлок“ из беличьих, лисьих и других хвостов; теперь это украшение носят значительно реже.¹ Подобная форма известна также в губерниях севера Европейской части СССР (б. Архангельская, Вологодская губернии).

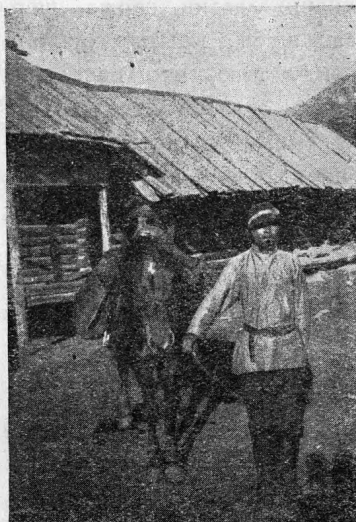
МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

При этнографическом изучении отдельных районов мужская одежда обычно является весьма неблагоприятным материалом ввиду того, что во многих местах мужчины уже давно, в силу бытовых и экономических условий (всеобщая воинская повинность, отхожие промыслы), соприкоснулись с городской культурой и восприняли ряд новых явлений, прочно вошедших в быт и заслонивших старые черты. В Бухтарминском же районе, мужская одежда дает несколько иную картину в силу того, что отхожие промыслы, сталкивающие мужское население с иной культурой, почти вовсе неизвестны местному населению, а воинская повинность, как указано выше,² коснулась только двух-трех поколений. Благодаря этим обстоятельствам, при поддержке общей консервативности и отчужденности от всего „мирского“ и „расейского“, наблюдаемых у кержаков и по сие время, мужская одежда в значительной мере сохраняет старинные черты. В ходе изменений мужской одежды можно наметить определенные этапы, подобно тому, как они намечались при обзоре женской одежды.

¹ „Сибирские Ведомости“, 1845, № 30.

² См. статью „Кто такие бухтарминские старообрядцы“.

Рубаха. В мужской одежде бухтарминских кержаков большой этнографический интерес представляет рубаха, которая, в основе своей являясь типичной русской рубахой, в некоторых деталях имеет ряд признаков, неизвестных ни северно-великорусскому, ни южно-великорусскому районам. Как типично русская, мужская бухтарминская рубаха, прежде всего,

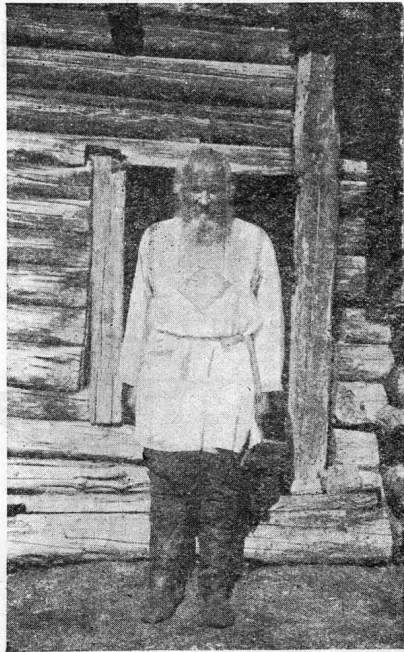
Фиг. 23. Молодой кержак, одетый по-новому. Д. Печи.

характеризуется косым разрезом ворота, который может быть и с правой, и с левой стороны груди. Старинная форма характеризуется отсутствием воротника („ошейника“) — ворот имеет только обшивочку. Это — рубаха „без ошейника“, распространенная в старое время во всех великорусских губерниях. Носится эта рубаха, как у всех русских, поверх штанов подпоясывается шерстяным, домашнего изготовления, поясом. Обычно у пояса висит нож в кожаных ножнах (фиг. 23).

В настоящее время старинная холщевая, особенно типичная, мужская рубаха почти не сохранилась у бухтарминских кержаков. В указанных селениях можно найти 1—2 таких рубахи, сохранившихся у стариков и лежащих в большинстве случаев без употребления. Только один старик в д. Белой носит такую рубаху в молельню, но на этой рубахе уже отпороты украшения подола и края рукавов (фиг. 24). В Этнографическом отделе Русского музея в собрании А. Н. Белослюдова имеется пять таких рубах, собранных до 1914 года, когда эти рубахи еще бытовали на Бухтарме.

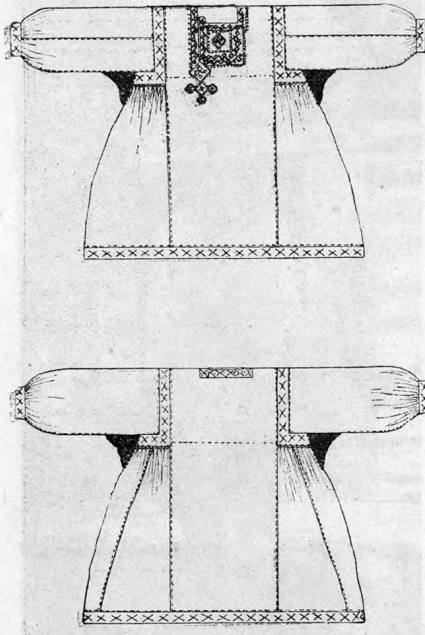
Старинная холщевая мужская рубаха шьется из полосы холста (35—40 см ширины), которая перегибается, образуя переднее и заднее полотнища; на перегибе в середине делается разрез для головы (15—16 см). Длина переднего и заднего полотнищ 90—100 см, так что рубаха доходит до колен, а иногда спускается и ниже. Длинная рубаха вообще характерна

для старого времени среди всего русского населения. К переднему полотнищу пришивается по одному боковому полотнищу, которые не доходят до перегиба на 25—30 см (фиг. 25). К заднему полотнищу пришивают клинья, по одному с каждой стороны, которые выкраиваются следующим образом. Полотнище холста, по длине короче переднего полотнища рубахи на 25—30 см, разрезается на 2 части по диагонали так, что на одном конце полотнища обрезается $\frac{1}{3}$ его ширины, а на другом $\frac{2}{3}$; получаются клинья, у которых одна сторона имеет ширину 23—24 см, а другая 12 см. Эти клинья широкой стороной пришиваются вниз, а узкой наверх. Клин и боковое полотнище стачиваются. Таким образом, на стан рубахи идет пять полотнищ. В прямоугольную пройму, образованную вертикальной линией переднего и заднего полотнищ и горизонтальной линией бокового полотнища и клина, вшивается рукав. Рукав шьется из полутора полотнищ холста, как рукав женской рубахи; полотнище — длиной 50—55 см; таким образом, на два рукава идет три полотнища холста. Швы на рукаве располагаются так, что один приходится внизу, а другой на передней части рукава. В боковых полотнищах рубахи, приблизительно по середине их, делается от проймы вниз разрез на 10—15 см. В угол, образованный этим разрезом, вшивается квадратная ластовица. Таковы основные приемы кройки и шитья старинной рубахи. В некоторых вариантах наблюдаются небольшие колебания в величине клиньев, пришиваемых к заднему полотнищу. В некоторых экземплярах эти клинья сильнее скашиваются, имея, например, сверху ширину в 9 см, а внизу

Фиг. 24. Кержак в старинной холщевой с вышивкой рубахе. Д. Белая.

в 26 см. В более старинных рубахах боковые полотнища спереди наверху пришиваются гладко к рукаву, сзади же клин и часть бокового полотнища, расположенная за ластовицей, укладываются в несколько складок. В более поздних рубахах боковое полотнище не только сзади, но и спереди, собирается в складки или густые сборки. У более старинных рубах рукава прямые, широкие, у более поздних—внизу скошены и собраны

Фиг. 25. Покрой старинной холщевой мужской рубахи; сверху — спереди, внизу — сзади.

у кисти в сборки, как на женских рубахах. Спереди от ворота идет разрез вниз на груди, справа или слева на 14—15 см. На груди и спине снизу подшивается подоплека.

Украшения рубахи располагаются следующим образом. Полоса вышивки вставляется на плечах в месте соединения рукава с длинными полотнищами, затем загибается к бокам и идет по месту соединения рукава с нижней частью проймы (фиг. 25). Вышивкой украшен и подол; часто подол бывает обшит кружевами. Низ рукава также украшается вышивкой; очень часто шов на рукаве сверху прошит красными нитками. На плечах, подоле и рукавах украшения бывают разного

¹ О технике и орнаменте вышивки см. статью „Искусство бухтарминских старообрядцев“.

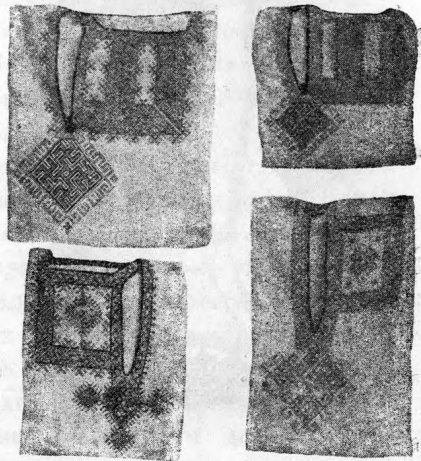
ный вид (фиг. 26 и 27). Основные элементы этой вышивки на груди ромбы и свастика. Вышивка того же типа обходит вокруг шеи, не спускаясь на спину.

На очень старых экземплярах вышивка сделана шелком или нитью, окрашенной мареной, на поздних—покупной бумагой. Шелк часто употреблялся черного цвета, бумага—красная и черная.

Описанные бухтарминские рубахи по общему облику весьма близки к рубахам алтайских „поляков“, живущих в Усть-

Фиг. 26. Старинная мужская рубаха „каменщиков“.

Фиг. 27. Нагрудные вышивки на мужских рубахах „каменщиков“.

Каменогорском уезде, по течению рр. Убы и Ульбы. „Поляцкая“ рубаха от бухтарминской отличается тем, что шьется в общем не из пяти полотнищ, а из четырех, так как здесь отсутствуют клинья. Сборки у проймы встречаются изредка только на груди. Отличия наблюдаются и в украшениях. На „поляцких“ рубахах прокладываются полосы простого или вышитого кумача спереди и сзади между всеми полотнищами, т. е. четыре полосы, чего нет вовсе в бухтарминской рубахе. Кроме того, вышивка на груди около разреза гораздо пышнее и богаче, доходя иногда длиной до 30—40 см, в то время, как на бухтарминской рубахе вышитый квадрат редко имеет стороны больше 20 см. От угла против разреза, так же, как на бухтарминской рубахе, и здесь спускается вниз узор, но редко чувствуется перво-

начальный крест, четко вырисовывающийся на бухтарминской рубахе. Вышивка, сходная с нагрудной, располагается и на спине, занимая почти все пространство, соответствующее подоплеке (фиг. 28 и 29). Кроме того, на „поляцких“ рубахах весьма часто вместо вышивки применяется кумач, не только на швах, как только что указано, но и на плечах, около рукавов.

Фиг. 28. Мужская рубаха „поляков“ спереди.

Фиг. 29. Мужская рубаха „поляков“ сзади.

По общему типу украшений чувствуется большая связь между бухтарминскими и „поляцкими“ рубахами, указывающая на близкие общения этих двух групп горных русских поселенцев. У других групп русского населения подобного рода украшения рубах не отмечены. Отдаленную близость к этому украшению на бухтарминской рубахе можно указать на русских рубахах из бывш. Коротоякского уезда, Воронежской губернии, где в углу, образованном треугольной подоплекой, на груди и на спине вышит красной бумагой небольшой крест, который на бухтарминских рубахах разрастается в очень сложный узор. Отличием коротоякской рубахи является расположение креста не сбоку под разрезом, а посередине груди, а также и спины. В Коротоякском уезде такая рубаха „с хрястом“ от-

мечена в селе Платаве, в сильной степени сохраняющем пережитки старого быта.¹ Возможно, что вышивка креста на мужской рубахе является одной из старинных форм украшения рубахи.

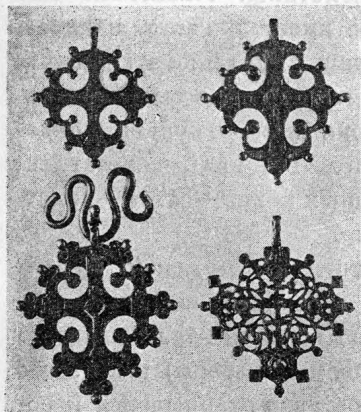
При сопоставлении описанной кержацкой мужской рубахи с типичными русскими рубахами, можно отметить одно существенное отличие их от последних. Это—наличие клиньев, помимо основных четырех прямых полотнищ. Насколько мне известно, обычно мужская рубаха не имеет никаких клиньев, и состоит из основных четырех полотнищ.² Введение этих дополнительных клиньев увеличивает ширину рубахи и вызывает потребность собрать ее наверху в сборки, чтобы рукава приходились на более удобном месте. Вследствие наличия вставленных двух бочков, в сумме составляющих новое—пятое—полотнище, изменился и общий вид рубахи.

Другой особенностью бухтарминской мужской рубахи является характер и расположение нагрудной вышивки. Как выше указывалось, эта вышивка располагается в виде квадрата посреди груди, причем в одном (правом или левом) углу этого квадрата вышивка переходит в декоративно разросшийся крест (фиг. 26 и 27). На более старых экземплярах первоначальная исходная форма креста здесь чувствуется очень отчетливо (фиг. 26 и 27, две нижних рубахи). На позднейших—отдельные дополнительные декоративные элементы и детали несколько ступшевывают первичный мотив, но память о первоначальном изображении на груди креста сохраняется в вышивке маленького крестика в самом низу сложной вышивки (фиг. 27, слева, сверху). Особенно это ярко сказывается на „поляцких“ рубахах, которые носят черты большего уклонения от старой формы, что выражается, между прочим, введением вставок из кумача и кумачных вшивок, вместо вышивки. Это несимметричное расположение вышивки на груди вызывает некоторое недо-

¹ Н. П. Гринкова. Однодворческая одежда Коротоякского уезда, Воронежской губернии. Известия Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. Лг., 1928, вып. I, стр. 150.

² Н. И. Лебедевой отмечена в Калужской губ. мужская рубаха со скошенными бочками, но состоящая только из четырех полотнищ; скашиваются основные боковые полотнища. *Op. cit.*, стр. 119. В каталоге Воскресенского историко-художественного краевого музея. (Воскресенск, 1928), указана мужская рубаха с клиньями (№ 42, стр. 67), но ввиду отсутствия иллюстраций, трудно судить об ее покрое.

умение своей необычностью в русской рубахе и заставляет так или иначе искать разрешения появления этой особенности. Ряд соображений приводит к такому предположительному объяснению этой несимметричности нагрудной вышивки. Весьма возможно, что для более древнего времени, чем дошли до нас источники и сведения о мужской одежде, был характерен для русских иной покрой мужской рубахи — не с косым разрезом на груди, а с прямым, подобно украинской и белорусской рубахе.¹

Фиг. 30. Старообрядческие нагрудные кресты, из коллекций Этнографического отдела Русского музея.

При такой рубахе с прямым разрезом первоначально мог постоянно носиться нательный крест на шнурке или цепочке на груди поверх рубахи, как это изредка встречается и в настоящее время на Бухтарме, и весьма часто имеет место среди многих старообрядцев Архангельской и Вологодской губерний и в Поволжье. Интересно, между прочим, отметить, что у старообрядцев Архангельской и Вологодской губерний нательный металлический крест, носимый поверх рубахи, достигает довольно крупных размеров (до 7—8 см) и имеет четыре почти равных конца. Эти концы осложнены орнаментальными мотивами настолько, что весь крест очень отдаленно напоминает нательный крест, о котором у нас имеется обычное представление² (фиг. 30). Тот же характер усложнения и затемнения первоначального креста наблюдается и в вышитом кресте бухтарминских кержаков.

С появлением обычая прятать крест под рубаху, место самого креста, украшавшего грудь, заняла вышивка в форме креста. Аналогию этому видим, например, в указанной выше рубахе из бывшего Коротоякского уезда, Воронежской губернии, с вышитым крестом посреди груди. Таким образом,

¹ Ср. старинную рубаху с прямым разрезом и без ошейника в Историческом музее в Москве на выставке тканей (1926 г.).

² Ср. коллекции Этногр. отдела Русского музея из Архангельской (№№ 506 и 1142), Вологодской (№ 2243) и Олонецкой (№№ 1613 и 820) губ.

предполагаемый, более древний, вариант рубахи предков современных бухтарминских кержаков мог иметь разрез посредине и вышивку, расположенную вдоль этого разреза, кончавшаяся крестом, который спускался немного ниже разреза, и уже в более позднее время трактовался, как орнаментальный мотив вышивки, расположенной вокруг разреза, а не как заместитель металлического креста. С появлением же формы рубахи с косым разрезом вышивавшийся ранее под разрезом крест—украшение, концовка разреза¹—переместился в ту сторону, куда перенесен был самый разрез. В сохранившихся экземплярах рубах мы всегда видим строгое соответствие места этой вышивки месту разреза: если разрез справа, то и эта часть вышивки справа, если разрез слева, то и эта часть вышивки слева. Для заполнения пустого пространства посредине груди, на месте бывшего разреза, могла развиваться дополнительная вышивка, образующая на груди как бы квадрат. Интересно отметить, что эта дополнительная вышивка не имеет самостоятельной композиции и стойко выдержанных орнаментальных мотивов, как это ярко выражено в форме креста под разрезом. Эта часть вышивки чаще всего представляет собой неширокую кайму, ограничивающую квадрат, который иногда в середине имеет гладкое незашитое поле, а иногда вписанный внутри ромб или свастику (фиг. 26 и 27). Таким путем могла получиться эта несимметричность вышивки на бухтарминской мужской рубахе, которая у алтайских „поляков“ пошла еще дальше, что выразилось в осложнении первоначальной формы креста и почти сплошной вышивке одного бока рубахи, а также в появлении аналогичной вышивки, правда, расположенной симметрично на спине в виде треугольника (фиг. 28 и 29). Часто эта вышивка на спине в вершине треугольника имеет вышитый небольшой крест, подобно тому, как это наблюдается на отмеченной выше мужской рубахе из Коротоякского уезда, Воронежской губернии.

Интересная аналогия этому явлению напрашивается при рассмотрении марийских мужской и женской рубах. Рубахи

¹ Такая усложненная концовка обшивки разреза известна весьма часто в русских женских рубахах; ср. коллекции Этногр. отд. Рус. музея из Олонецкой губ. (№ 641), из Рязанской (№ 1125), из Тамбовской (№ 342). Менее же сложная концовка у разреза представляет весьма обычное явление в русских и финских (из Поволжья) рубахах.

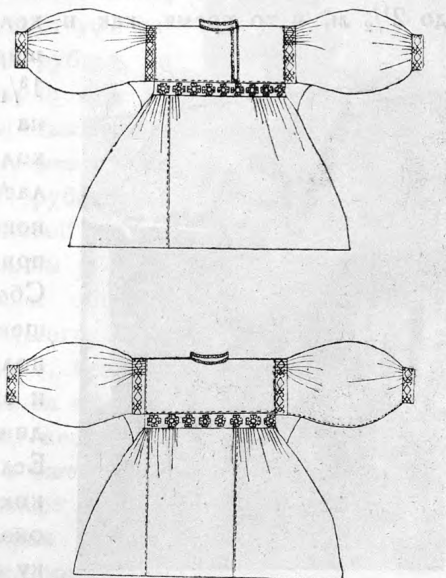
марийцев из некоторых мест б. Казанской губернии имеют прямой разрез, который окаймлен вышивкой до 6—7 см ширины; эта вышивка заканчивается внизу под разрезом треугольником. Часть же марийцев, живущая в Вятской, Пермской и в некоторых местах Казанской губернии, имеет рубахи с разрезом на боку; в данном случае вышивка, обрамляющая разрез, переходит на бок вслед за разрезом и получается несимметричное расположение вышивки. Повидимому, для этой группы марийцев, такое расположение вышивки и разреза чувствуется как что-то необычное, и с того бока, где расстояние между наплечной вышивкой и разрезом увеличилось вследствие перемещения разреза, на некоторых экземплярах появилась новая дополнительная деталь в виде розетки. На данном примере видим перемещение разреза с середины груди на бок и перенос вышивки вслед за разрезом, как и на бухтарминских русских рубахах.

Если признать намеченный путь развития несимметричной вышивки на алтайских мужских рубахах правильным, то встает интересный для истории мужской русской рубахи вопрос о том, когда и под каким воздействием прямой разрез мужской рубахи, первоначально характерный для всех восточных славян, был заменен у русских или их предков косым разрезом. Материалы по покрою рубахи ближайших соседей русских — финнов, с которыми русские имели давние и тесные культурные взаимоотношения, дают нам рубаху и с косым, и с прямыми разрезами. Более детальное изучение финской мужской одежды, особенно у мордвы и марийцев, в большей степени, чем русские Европейской части СССР сохранивших черты старого покрою и быта и сохраняющих еще многие формы без влияния городской культуры, быть может, прольет свет на этот существенный вопрос, встающий при изучении русской мужской одежды.

Таким образом и мужская одежда бухтарминских кержаков, подобно реликтовым формам женской одежды, сохраняет ряд деталей, ценных для освещения генезиса русской одежды, и позволяет наметить наличие у русских в более древнюю эпоху некоторых форм, которые почти бесследно исчезли из быта в других местах под влиянием иного культурного воздействия. Как указывалось выше, в настоящее время уже редко можно встретить в быту эти весьма ценные для этнографа ру-

бахи, и подробный анализ и изучение их возможны лишь благодаря наличию среди собраний Этнографического отдела Русского музея, неоднократно упоминаемой в настоящей статье коллекции А. Н. Белослюдова, сохранившей для изучения русской мужской одежды ценнейшие экземпляры.

Повидимому, подобные рубахи от „поляков“ имеются еще в Москве, в Центральном музее народоведения, насколько об этом можно судить на основании указаний Н. И. Лебедевой,¹ приводящей сведения о рубахах великоруссов („поляков“) с Алтая из Круто-Березовской волости; эти рубахи имеют вышивку рукава на плечах и вышивку угла по правую сторону от разреза ворота. Близкие формы отмечены ею около г. Трубчевска. Кроме того, коллекция подобных бухтарминских и „поляцких“ рубах хранится в Семипалатинском музее, а фотографии С. П. Швецова с „поляцких“ рубах—в фототеках Русского музея и Русского географического общества.

Фиг. 31. Покрой шерстяной мужской рубахи; сверху—спереди, внизу—сзади.

В большем количестве сохранились и еще до некоторой степени бытуют близкие по покрою рубахи, сшитые не из белого холста, а из покупной ткани, чаще всего очень ярких цветов: красного, малинового, „рудожелтого“² (оранжевого), желтого и т. п.; встречаются также и пунцовые рубахи, т. е. рубахи, сшитые из

¹ Ор. cit., стр. 119.

² Сравни старинное значение слова „рудой“ — яркокрасный, рыжий; рудожелтый = красножелтый; термин „рудожелтый“ известен в древне-русском языке, был весьма распространен до появления слова „оранжевый“, взятого из французского языка. В материалах XVIII века „рутожелтый“ имеет широкое распространение, см. Е. В. Матвеева. „Материалы к вопросу о вятских костюмах XVIII в.“. „Вятская Жизнь“, № 7, 1923.

„пунцовья“ — ситца красного цвета с очень крупным желто-черным узором (цветы) или же кашемировые красного или синего цвета с крупными желтыми, зелеными или синими цветами. Эта расцветка указывает, что еще недавно на мужские рубахи шел тот же материал, что и на женские сарафаны.

Мужская рубаха из покупной ткани имеет некоторые отступления в покрое от холщевых рубах. Шьется она из двух с половиной прямых полотнищ ткани, достигая в подоле ширины до $2\frac{1}{2}$ м, в то время, как в холщевой рубахе, при клиньях, ширина подола не превышает $1\frac{3}{4}$ м. Ввиду такой ширины стана рубахи, верхняя часть, приходящаяся на груди, часто делается отрезная, образуя как бы кокетку, к которой в сборку пришивается стан (фиг. 31 и 32). Сборки располагаются как в холщевой рубахе, так и в женском полукруглом сарафане спереди и сзади около пройм, но посредине груди и спины сборок нет. Если же не делается отрезная кокетка, то делают надрезы около пройм и собирают в сборку по этому надрезу стан рубахи (фиг. 33). По этому надрезу или по шву кокетки располагается вышивка, сходная с вышивкой на сарафанах и новых нарукавниках. Вышивают шелком и шерстью разного цвета; узор — те же ромбы и свастика. Вышивка располагается также и по пройме в вертикальном направлении. Иногда на таких рубахах появляются небольшие (см 2 — 3) „ошейники“ (фиг. 31).

Никаких следов несимметричной вышивки, столь характерной для холщевой рубахи, здесь уже нет, и около самого разреза вовсе ничего не вышивают. Вышивка располагается на груди вдоль кокетки в виде горизонтальной полосы, не спускаясь вниз (фиг. 31). Таким образом, и мужская рубаха, подобно женскому сарафану, с переходом на новый фабричный материал, не только в покрое, но и в характере, и в расположении укра-

Фиг. 32. Кержак в шерстяной вышитой рубахе. Д. Печи.

шений постепенно порывает со старыми традициями. Как серединная вышивка на „дабиннике“ (фиг. 4) заменяется горизонтальной полосой вышивки на позднейших сарафанах, так и вышивка в виде ромба или креста холщевой рубахи заменяется на позднейшей мужской рубахе горизонтальной полосой.

Такие рубахи имеются у всех пожилых мужчин, которые надевают их в большие праздники, по преимуществу в весенние; часто носить их пожилые считают уже неудобным; более пристали эти рубахи, по их мнению, молодежи, но парни еще до военной службы надевают изредка эти рубахи, придя же со службы, наотрез от них отказываются. Их заменяют рубахи из гладкой красной или малиновой ткани (сатин, кумач), или ситца с мелким узором, сшитые уже „форменно“, т. е. обычного русского покроя, характерного для последнего времени, без сборок, без вышивки на боках, без отделки на подоле, с прямыми узкими рукавами, несколько короче и, что самое главное, с ошейником (фиг. 23). Некоторые перешивают старые рубахи, укорачивая их, убирая сборки и пришивая ошейник. Самым старомодным в рубахе считается отсутствие ошейника и наличие сборок на боках. Маленьким мальчикам только в отдаленных деревнях, и то изредка, шьют новые рубахи по старинному крою; такую длинную, со сборками на груди рубаху на мальчишке легко принять за платье девочки.

В изменениях формы и вышивки мужской рубахи намечается тот же путь, что и в изменениях женского сарафана. По существу мужская старинная холщевая рубаха туникообразного покроя (по терминологии Б. А. Куфтина) из четырех прямых полотнищ с небольшими клиньями, пришитыми к боковым полотнищам, есть тот же старинный женский сарафан, как выше описанный „дабинник“. Отличием мужской одежды являются рукава, несколько меньший вырез для головы и несколько меньшая длина. Характер вышивки на холщевой рубахе и дабин-

Фиг. 33. Кержак в шерстяной цветной рубахе.
Д. Печи.

нике тот же самый (фиг. 4, 26 и 27), да и место на той и другой одежде вышивка занимает одинаковое. Это совпадение форм мужской и женской одежды является весьма любопытным фактом, который вызывает вопрос о характере древнейшей одежды. Эта общая форма в дальнейшем претерпевает совершенно одинаковые изменения, вплоть до изменений в ткани и в характере вышивки.

Как в сарафане, так и в рубаше, сначала появляются сборки только на спине в небольшом количестве, затем сборки появля-

Фиг. 34. Старинные мужские с вышивкой штаны, из коллекции А. Н. Белослюдова.

ются и на груди; с переходом на фабричный материал, количество сборок еще больше увеличивается, а косые боковые клинья исчезают, заменяясь прямыми, цельными полотнищами. Появляется однородная вышивка на груди как на рубашках, так и на сарафанах, исчезает старая традиционная вышивка, а новая располагается уже в виде горизонтальной полосы. К этому еще следует добавить однородность покупного материала и одинаковую цветистость как женского сарафана, так и мужской рубашки.

Здесь лишний раз подчеркивается общность путей изменения в мужской и женской одежде в той этнографической среде, которая, в большей или меньшей степени, живет без интенсивного внешнего внедрения иной культуры. В Европейской же части Союза в ходе изменений мужской и женской одежды получился значительный разрыв: мужская одежда, в силу интенсивного воздействия городских форм, сильно отошла от старых традиций и пошла по новому пути, в то время, как женская одежда еще в значительной мере держится старины. В силу этих условий, в любом месте этнографу мало дает изучение мужской одежды. Бухтарминский же материал лишний раз показывает возможные пути развития форм мужской одежды, в случае отсутствия интенсивного воздействия городской культуры.

Штаны. С белой холщевой рубахой лет 50 тому назад носили белые холщевые чембары¹ — штаны. Теперь их надевают только вниз, и давно уже стали шить штаны из покупной темной ткани, из полшерсти, шерсти, ластика — будничные, хорошие суконные и плисовые — праздничные. Иногда суконные праздничные штаны вышивались шерстью (фиг. 34). Эти штаны шились широкие, обычного старого русского покроя на вздержке. От этого обычного русского покроя,² бухтарминские чембары отличаются тем, что треть полотнище, образующее так называемую матню, и пришиваемое между штанинами, у кержаков делается много больше и вшивается в штанину почти на самом низу, отступя от нижнего края на 5 — 10 см, в то время, как обычно русские штаны знают эту вшивку много выше колена. Эта особенность покроя бухтарминских штанов является причиной того, что штанины расширяются уже снизу, и получаются широкие штаны. Пожилые мужчины еще носят такие широкие штаны, заправляя их вниз в русские сапоги (фиг. 33); молодежь же, побывавшая на военной службе, носит узкие штаны (фиг. 19). Для работы в поле, сверх ежедневных штанов, надевают специально сшитые из рядного холста чембары. Изредка встречаются замшевые и кожаные штаны из козьих шкур. В старину такие чембары были в ходу весьма часто.³

Фиг. 35. Кержак в „подоболочке“. Д. Фыкалка.

Верхняя одежда. Верхняя одежда — „подоболочка“, ⁴ кафтан сшитый из покупной ткани черного, реже синего цвета (сатин, ластик, плис, сукно). У стариков изредка встречается подоболочка более старого типа, с цельной спинкой и с тремя фалдами на боках; наиболее же распространена подоболочка

¹ Термин, распространенный по всей Сибири для обозначения широких штанов; употребляется также и в мещанских говорах сибирских городов.

² См. покроя в книге Н. И. Лебедевой. *Op. cit.*, стр. 121.

³ Сибирские Ведомости, 1895, № 30.

⁴ Даль отмечает это слово, как ярославское, вятское и сибирское для обозначения короткой верхней одежды.

с отрезной спинкой и густыми сборками на спине. В смене покроя этой одежды наблюдается обычное для всех русских районов явление — кафтан с фалдами сменяется кафтаном со сборками (фиг. 35). Такую „подоболочку“ имеет каждый мужчина, независимо от возраста, даже мальчики (фиг. 44); надевают ее, когда идут в молельню. В такой же „подоболочке“ ведет богослужение и „наставник“; только в д. Белой, где была попытка приблизить старообрядческое богослужение к православному, при некоторых службах „наставник“ надевает особый кафтан — „ризы“.

Фиг. 36. Старинная подоболочка из казакского вышитого ковра, из коллекции А. Н. Белослюдова.

В старину подобные подоболочки шились для праздников более нарядные — из шелка, парчи; в Семипалатинском музее имеется один экземпляр красной парчевой подоболочки. В Этнографическом отделе Русского музея в коллекции А. Н. Белослюдова имеется подоболочка, сшитая из вышитого ковра (фиг. 36), приобретенного от казаков (киргиз).

Среди фотографий А. Н. Белослюдова есть подоболочка из кокандского ковра.

Подболочка всегда опоясывается широким поясом, носящим название „опояска“ (см. ниже); в моленную же надевается без пояса.

Молодые мужчины уже не носят „подоболочку“, как ежедневную одежду, а шьют из сукна пиджаки, что стариками считается предосудительным и грехом. Как более новая одежда, известны сибирки — прямое длинное пальто, без фалд и сборок, на теплой подкладке (шерсть, куделя); кроме того, в последнее время появились пиджаки на теплой подкладке (фиг. 37). Для работы шьется шабур¹ из домашней ткани, имеющей часто льняную основу и шерстяной уток и вытканной рядами в четыре ниточки. Это одежда из трех полотнищ, с прямой спинкой

¹ Слово „шабур“ Даль отмечает, как вологодское, вятское, пермское и сибирское; ср. также „шобр“ у марийцев и чувашей.

и скошенными полами, имеющими небольшие клинья, с большим запахом (фиг. 38).

В зимнее время надевается шуба из овчины, такого же покроя, как и шабур, с большим меховым воротником. У богатых имеется „яга“ (доха) из шкуры дикого козла или марала. Эта одежда является весьма распространенной у всего русского сибирского населения; кроме того, яга из козлиной или кобылей шкуры известна в Шадринском у., Пермской губ.¹

Сейчас уже не встречаются, но в прошлое время часто, в качестве верхней мужской одежды, известны были восточные халаты. Их отмечает между прочим в 1863 г. Принтц,² и остатки этого обыкновения носить в переделанном или в нетронутном виде восточные халаты отмечены в 1914 г. А. Н. Белослюдовым (см. выше).

Фиг. 37. Верхняя одежда кержаков. Д. Фыкалка.

Головной убор. Головной убор мужчин — „пуховка“, валяная из шерсти шляпа, с большими полями (фиг. 33 и 35); поля часто загибаются кверху или кругом, или с одного бока, что придает крестьянину в такой шляпе совершенно не русский вид. В довоенное время эти шляпы привозились в лавки и на ярмарки, сейчас их нет, вместо них привозят матерчатые панамы, которые идут нарасхват, так как все-таки они близки по форме к старой пуховке, имеют поля, которые можно поднимать и опускать (фиг. 23). Фуражек вовсе нет, и если встретится крестьянин в фуражке в кержацкой деревне, то безошибочно можно сказать, что это не коренной кержак, а переселенец — „расейской“. Изредка встречаются соломенные шляпы с полями, занесенные из Барнаула.

¹ Архив Георг. о-ва, XXIX, № 12 и 27.

² А. Принтц. Ор. cit., стр. 580.

Катаные шляпы с полями отмечены Е. В. Матвеевой для Вятской губернии, где их носят только старики.¹ Кроме того, подобные шляпы распространены у многих финских народностей Союза.

В зимнее время во всех деревнях, кроме Печей и Коробихи, пожилые носят старинные шапки с четырьмя углами, когда-то известные во многих районах у русских, но очень давно вышедшие из употребления. В Печах и Коробихе уже на-

Фот. А. Н. Белослюдова.

Фиг. 38. Группа кержаков. Д. Быкова.

чинают посмеиваться над этими шапками, называя их „четыре евангелиста“, „четыре апостола“, „четыре беды“. Шьются шапки из сукна или плиса; по покрою верх представляет круг, который прикрепляется к „околу“, сделанному из мерлушки, а у богатых из бобра или другого меха. На углах заложено по две складки на каждом; внутрь, под подкладку, набивают перо или пух, поэтому верх шапки стоит высоко и не мнется (фиг. 38). На праздничных шапках вокруг окола затыкаются селезневые

¹ Из материалов этнографической экспедиции в Куменскую волость, Вятского уезда летом 1925 г., стр. 55.

перья. В прошлом столетии подобные шапки имели широкое распространение в северных губерниях (ср. материалы Этногр. отд. Русск. музея из Вологодской, Олонецкой, Тверской, Московской, Ярославской губ., а также указание в Архиве Географического о-ва из Слободского у., Вятской губ.¹). На Бухтарме они отмечены уже в середине прошлого столетия.² Известны были такие шапки до недавнего времени и у „поляков“.³

Мужчины носят довольно длинные волосы, подстригая их „в скобку“ и обильно смазывая маслом. Проброра не делают. Носить короткие волосы—грех. Точно также грех брить бороду, а тем более усы. Все старые и пожилые кержаки—бородачи. Правда, в последние годы молодые парни тайком от стариков некоторое время бреют бороду, но, если об этом узнают старики, то не пустят в молельню и наложат эпитимию.

ПОЯСА

Как в мужской, так и в женской одежде, необходимым дополнительным элементом являются различного рода пояса. По своему характеру мужские и женские пояса не различаются. Главным различием в поясах является способ их употребления, в зависимости от этого одни называются „опоясками“, а другие—просто поясами. Опояски надеваются поверх всякой верхней одежды, за исключением случая, когда надевается на моленье мужская „подоболочка“. Пояс повязывается мужчинами поверх рубахи, женщинами—поверх сарафана.

Как пояса, так и опояски—домашнего изготовления; фабричные кушаки и пояса, столь распространенные во многих районах Европейской части СССР, здесь вовсе неизвестны. Кержачки в изготовлении поясов и опоясок достигают большого мастерства. До 1915—16 года пояса и опояски изготовлялись из покупного гаруса, теперь же, за неимением его в продаже, делают из домашней окрашенной шерсти—„жишки“⁴—„жишель-

¹ Архив Геогр. об-ва, X, № 61.

² Описание Бухтарминского края. Томские Губ. Вед., 1858, № 23.

³ Ср. М. Швецов. *Op. cit.*, стр. 30. Ядринцев. Поездка по Западной Сибири и в горный Алтайский округ. Записки Зап.-Сиб. отдела Русск. Геогр. о-ва, II, 1880, стр. 99.

⁴ Термин жишка, жича, жида известен в северно-великорусских (Арх., Перм.) и южно-великорусских (Курск., Тульск.) говорах. По Д а л ю—это цветная шерстяная пряжа, гарус; в Тульской губ. жича—только пряжа из шерсти своей выработки.

ные“ пояса и опояски. По технике изготовления те и другие разделяются на тканые, вязаные и плетеные.

Тканые пояса изготавливаются на обычном ткацком стану („кроснах“). При их изготовлении можно наблюдать несколько способов.

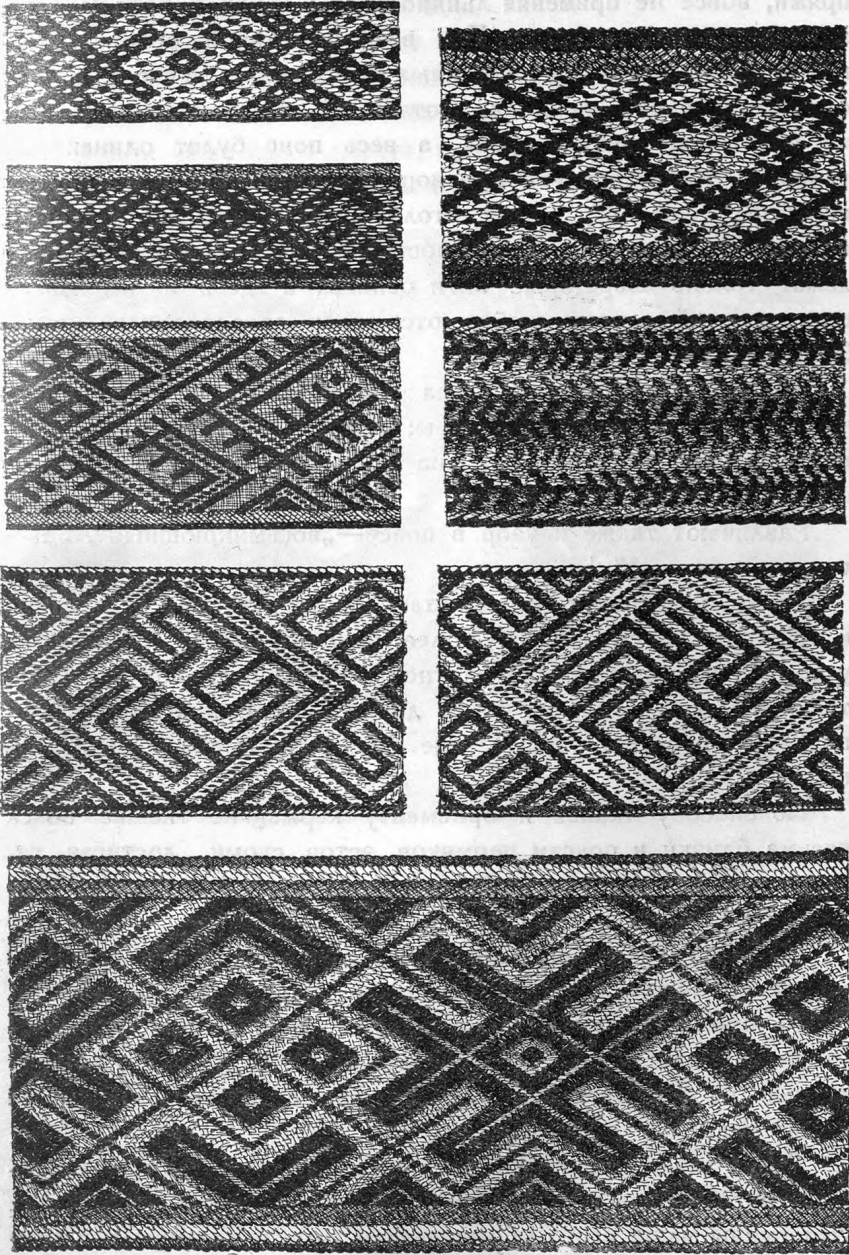
Ткут пояса, применяя на стану четыре нитченки — это так называемое тканье „в елки“, „в круги“ и т. д.¹ При тканье этих поясов, вдевают основу разных цветов в четыре нитченки и ткут, перебирая подножки слева направо и справа налево. Получается узор, оттеняемый разноцветными нитями утка (фиг. 39, правый столбец, второй ряд).

Ткут пояса так же, как всякое другое тканье, т. е. перебирая за нитом нити основы в определенном порядке и по определенному счету для каждого узора. Эти выбранные нити перекаладываются прутиком — „тавологой“ (т. е. прутиком из таволги). При тканье вместо набилки употребляют трепало, которое служит и бердом и переборной доской, и ставится то ребром, то плашмя². В этих переборных поясах различают два типа поясов — пояса „с простым утком“ и пояса „с потайным утком“. Процесс тканья тех и других один и тот же. Разница же заключается в сновании основы и в характере утка.

Пояса „с простым утком“ снуют, пропуская в основу попеременно пару льняных и пару шерстяных нитей; уток — льняной. Перебору подлежат шерстяные нити. При тканье получается двусторонний узор, причем одна сторона является как бы позитивом, другая — негативом; выпуклая часть, образуемая поднятыми шерстяными нитями основы, образует самый узор с одной стороны, ему соответствует плоский узор с другой стороны, и обратно (фиг. 39, второй ряд снизу, правый и левый образец). Узор чаще всего — ромбы и усложненная свастика. Рельефный узор, таким образом, на поясе, вытканном данным способом, будет шерстяной, а плоский фон образован одноцветными льняными нитями основы и утка. Для образования каемочек по краям пояса обычно пропускают при сновании по несколько пар ниток какого-нибудь иного цвета, чем льняные нити основы и утка.

¹ Обычное русское тканье с несколькими подножками.

² См. подробное описание подобного процесса у Н. И. Лебедевой. Ор. cit., стр. 20.

Фиг. 39. Образцы тканых поясов: два верхних слева и один справа — с „потайным утком“; второй сверху справа — ткань „в елки“, остальные — с „простым утком“; второй снизу — один и тот же пояс с правой и с левой стороны.

Пояса „с потайным утком“ снуют целиком из шерстяной пряжи, вовсе не применяя льняной. Уток льняной, хотя изредка применяют и шерстяной. При всей шерстяной основе, уток как бы тонет в толстых шерстяных нитях основы и его не видно, он действительно является „потайным“. В данном поясе уже не будет рельефного узора, а весь пояс будет одинаковой толщины. Узор образуется разноцветными нитями основы путем перебора (фиг. 39, левый столбец, два верхних и первый правый образец). В поясе „с простым утком“ перебиранию подлежат только шерстяные нити основы, а здесь из всех шерстяных нитей основы выбираются нити определенного цвета. Элементы узора здесь те же.

Кроме характера утка, пояса различают по их ширине, причем считают пары нитей основы; пояса бывают— „на 25 дружков“ или короче „на 20“, „на 50“, т. е. пояса при основе в 25, 20, 50 пар нитей и т. д.

Различают также и узор в поясе— „восьмикрюшный“, „двенадцатикрюшный“.¹

Узкие пояса ткут не на стану, а на швейке, прикрепляя к ней один конец основы. Более ценятся пояса „с потайным утком“ ввиду их большей плотности и материальной ценности, так как они вытканы из более дорогой шерстяной пряжи, чем пояса „с простым утком“, где больше применяется льняная пряжа.

По способу тканья и орнаменту кержацкие тканые пояса весьма близки к поясам пермяков, эстов, суоми, достигая такого же богатства вариаций геометрического орнамента и расцветки.

В старину ткали еще пояса, чередуя цвет утка отдельными участками; получались пояса, которые производят впечатление, будто они составлены из отдельных разноцветных отрезков узорного тканья. По технике эти пояса близки к узорному тканью на прутиках, где самый узор создается поперечной нитью утка.

Ткали также „именники“, т. е. пояса, в которых, путем перебора нитей основы, при тканье получались те или иные буквы. Эти буквы чаще всего образовывали имя владелицы или мастерицы, приготовившей данный пояс. Например, отмечена такая

¹ См. статью „Искусство бухтарминских старообрядцев“.

надпись: „Кому - пояс - ткан - кому - принадлеж - ит - марени - сте - пановни - корабеинико - вои“¹ и т. п.

Плетеные пояса бывают различной ширины в зависимости от числа пар нитей основы. Основа обычно двух или нескольких цветов. Плетут пояса различными способами. Неширокие пояса чаще всего плетут, прикрепляя один конец основы к швейке и перебирая в определенном направлении по две

Фиг. 40. Плетение пояса на швейке. Кержачки в типичных костюмах. Д. Белая.

нити основы, которые попеременно являются как бы утком (фиг. 40). Узор получается в диагональном направлении, благодаря разноцветности нитей. Более широкие пояса плетут, как здесь говорят, на 4—8—16 рук. В этой работе принимают участие несколько женщин (2—4—8, по числу пар рук). Обычно женщина, приготовившая пряжу для пояса, созывает своих приятельниц „на помочь“—плести пояс. Пришедших сначала угощают, затем все садятся на лавку у стены, а одна на стул против них. Один конец основы привязывается к поясу сидящей на стуле, а другой распределяется на пальцах рук женщин, сидящих на лавке. Сидящие на лавке перебирают петли.

¹ - обозначает перерыв слова узорным фоном пояса.

основы, передавая в определенной последовательности некоторое число парных нитей в зависимости от ширины предполагаемого пояса. Сидящая против них женщина прибавляет рукой перебранные нити.¹ По изготовлении пояса следует угощение.

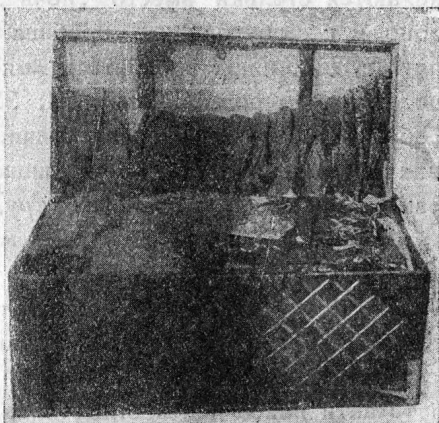
Вяжут пояса на спицах и крючком. Пояса, вязанные на спицах или иголках, так называемые „пояса толстовязью“, отличаются большей плотностью и меньшим разнообразием узора (фиг. 16). Пояса, вязанные крючком, всегда имеют геометрический узор, чаще кресты и ромбы. Узор образуется иным, чем основной фон, цветом нитей. Иногда вяжут пояса из разноцветной шерсти, чередуя один за другим прямоугольники различных цветов, без всякого узора. Иногда применяют косую вязку, когда связанные столбики идут не перпендикулярно длине пояса, а под углом. В данном случае границы цветных участков представляют ломаную линию, что придает несколько более красивый вид поясу, чем вышеописанные пояса из цветных прямоугольников. Вязанные пояса — явление сравнительно позднее, что, между прочим, хорошо сказывается в самой технике их изготовления, которая в некоторых случаях повторяет традиции более старого способа изготовления поясов — тканья. Наиболее старые экземпляры вязанных поясов, подобно тканым, сохраняют на всем протяжении одноцветный фон, подражая одноцветной основе тканых поясов, точно так же на этих экземплярах выдержана и одноцветность узора. В более поздних экземплярах уже порываются эти традиции, и свободная техника вязанья крючком, не связанная одноцветной основой, позволяет совершенно произвольно менять цветные участки фона и узора. В некоторых поясах это вырождается в чередование разноцветных участков без всякого узора. Вязанные пояса, в особенности только что упомянутые, много уступают по красоте рисунка вытканым поясам, но населением они ценятся, главным образом, потому, что они приготовлены из чистой шерсти, без всякой примеси льняной пряжи. Несколько лет тому назад среди бухтарминских кержаков известны были украшенные пояса с бисером. На это имеется указание у Б. Г. Герасимова² для с. Сенного.

¹ Аналогичный процесс описан Н. И. Лебедевой. *Op. cit.*, стр. 40; там же чертеж.

² В долине Бухтармы. Записки Семипалат. подотдела Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. о-ва, вып. V, 1911, стр. 22.

Опояска отличается от пояса своей бóльшей шириной и длиной. По ширине опояски достигают до 30—35 см; чем шире опояска, тем, значит, богаче хозяева. В приданое девушке всегда заготавливаются опояски и пояски в большом количестве: богатые дают до пяти хороших, первосортных опоясок и 10—15 попроще, а поясов еще больше. Все эти пояса и опояски привешиваются в виде мотков на веревочке на внутренней стороне крышки „ящика“, содержащего все добро молодухи (фиг. 41).

Открывая крышку этого ящика, молодуха хвастает своим богатством и мастерством. Пояса и опояски строго разграничивают, и если надеть пояс поверх верхней одежды в праздник или в гости, то все засмеют. Стоят опояски дорого, так как их, как особо нарядные, делают из гаруса, плетут очень плотно, так, например, на опояску шириной 30—35 см, а длиной $3\frac{1}{2}$ м идет до 4 кг (по словам кержачек) гаруса. Цена на опояски особенно

Фиг. 41. „Ящик“ — сундук с приданым.
Д. Печи.

поднялась в настоящее время ввиду полного отсутствия в этих местах привозного гаруса, который и в городах стоит дорого (больше 10 руб. за 400 г). Указывались примеры, когда за опояску давали лошадь или корову и т. п. Иметь хорошую опояску в „ящике“ невесте необходимо, так как молодуха обязательно должна нарядить своего мужа при поездке в гости. Праздничные гарусные пояса сейчас в цене: просят за них 18—20 руб.; за самый простой берут 8 кг меда (рублей пять). В последние годы, за отсутствием подвоза гаруса, приходится изготовлять пояса из шерсти своих овец, так называемой „жишки“. Эти „жишельные“ пояса носятся в будни и на работу, в качестве праздничных берегут старые гарусные.

В немногих домах сохраняются старинные шелковые тканые и плетеные пояса, вышедшие здесь из употребления лет 10

тому назад и в старину широко известные в северно-великорусской среде. Изготавливались эти пояса, главным образом, из китайского шелка.

ОБУВЬ

Мужская обувь в праздник—русские сапоги обычного покроя и „обутки“, „черки“¹ или „бутылы“—в будни и на работу. „Обутки“ отличаются от сапог тем, что подошвы („пõчвы“)² делаются мягкими и пришиваются внутренним швом; у сапог же делаются стельки вместо „почв“, и к ним прибиваются подошвы; у „обуток“ же прибиваются небольшие набойки на пятках. Голенища в „обутках“ мягкие, широкие, привязываются под коленом ремнем (фиг. 24, 35 и 42). В отличие от сапог, „обутки“ очень мягки и эластичны, отвечают как раз требованиям горной обуви (ср. обувь кавказских горцев). По указаниям самих крестьян, в сапогах трудно работать на косогорах и крутых склонах, в „обутках“ же мягко и удобно („ногу не вывёртывает“).

Зимой носят „пимы“—валенки; раньше их называли „катанки“, но в последние 10—15 лет особенно привился сибирский термин „пимы“.

Лапти вовсе неизвестны; их видят только тогда, когда в них заедут в деревню переселенцы. По словам старых кержаков, и в давние времена лаптей не носили, что, вероятно, объясняется особыми природными условиями края. В лаптях лазать по горам или целыми днями не вынимать ног из стремени, конечно, невозможно, и эта обувь здесь совсем не получила распространения.

Рукавицы носят вязаные узорные из цветной шерсти, а также кожаные, весьма часто из тонкой замши, выделанной из маральей шкуры.

Женская обувь, по существу мало чем отличается от мужской, кроме размеров. Женщины носят на работу и в будни,

¹ Термин „черки“ весьма распространен у русских сибиряков (Енисейская, Тобольская губ.). Даль указывает „чарки“ и „чары“, как обычную сибирскую обувь обоих полов; отмечает это слово также для Пермской и Вологодской губ. Ср. в материалах Архива Геогр. о-ва „черки“ из Оханского у. Пермской губ., XXIX, 24.

² Термин „почва“ для обозначения подошвы известен еще в Олонецкой губ., а также у чехов, где слово „ро̀ва“ обозначает подошву. Слово подошва мало употребительно у бухтарминцев, так как у них получился вариант „почва“ из древне-русского слова „подъшьва“. (Ср. этимологии П о т е б н и и П о г о д и н а).

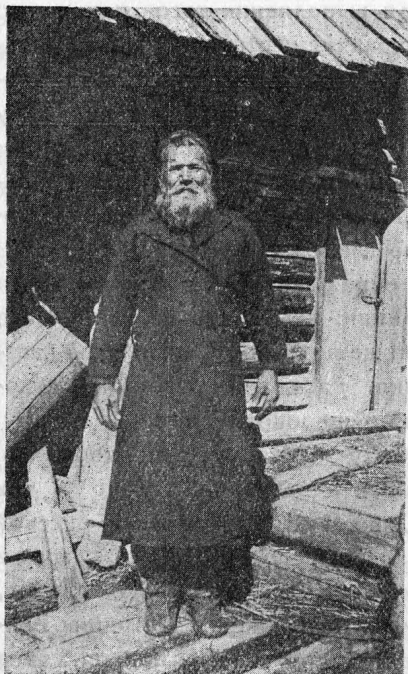
особенно при верховой езде, „обутки“, а в праздники — сапоги (фиг. 9 и 19). Изредка встречаются башмаки — род грубых туфель из кожи своей выработки. В последние годы начинают покупать в кооперативах ботинки. Носят обувь на босу ногу или с чулками, связанными из льняной пряжи. Зимой — те же пимы и шерстяные чулки.

ОБРЯДОВАЯ ОДЕЖДА

Одежда, предназначенная для выполнения того или иного ритуала, у всех народностей сохраняет черты наибольшей древности. Причиной этого является, с одной стороны, то символическое значение, которое вкладывалось первоначально в ту или иную форму или деталь одежды, а, с другой стороны, нерушимость традиции и неприкосновенность того, что совершалось в старину, так как в большинстве случаев и самый ритуал, первоначально имевший во всех деталях смысл и жизненное значение, постепенно внутренне меняясь, остается почти нерушимым во внешнем проявлении; и все, что связано с его внешним проявлением, живет той же нерушимой жизнью, в частности — и одежда. Эти замечания, касающиеся любого этнографического материала, особенно широко применимы к тому, что пришлось наблюдать в быту бухтарминских кержаков, которые хранят старые традиции в одежде не только в тех случаях, в каких мы это наблюдаем в других местах русской территории. Особая одежда, характеризующаяся более старыми чертами, бытует у них, как „моленная“ одежда, т. е. одежда, надеваемая при выходе из дому в молельню. Мужчины обязательно надевают верхнюю одежду местного покроя, типа кафтана, как это указывалось выше (фиг. 42). Яркая и цветистая опояска уже не может быть опоясана поверх этой одежды. Рубаху можно надеть любую, так как она скрыта под верхней одеждой. Среди беспоповцев появиться в молельне не в кафтане, а в пиджаке, невозможно; никто не пропустит дальше притвора, и пройти вперед, как это обычно принято, и принять активное участие в пении и молении мужчине так одетому совершенно невозможно. Изредка можно встретить в некоторых деревнях мальчишек без кафтанов, которые толпятся в самом заду молельни. В крепких семьях и для мальчиков шьют кафтаны (фиг. 44).

Женщины, для хождения в молельню, имеют особый сарафан, чаще всего черного цвета, покроя косоклинного или с ластовкой (фиг. 43). В круглом сарафане в последние годы в церкви появляются только девушки и молодухи, которые не рискуют проходить далеко вперед.

На голову женщины поверх шашмуры повязывают уже не платок или цветистую шаль, а так называемую „паушку“ — длинное покрывало типа полотенца из гладкой черной или

Фиг. 42. Кержак в „моленной“ одежде. Д. Белая. Фиг. 43. Кержачка в „моленной“ одежде. Д. Белая.

темнокрасной покупной ткани; очень часто на такую „паушку“ сейчас употребляют черные ситцевые фабричные головные платки, неразрезанные, в виде полотенца из трех платков. Эта „паушка“, подобно шали, складывается в несколько рядов на очельи, закрывает всю шашмуру и завязывается сзади узлом (как при повязке шали „попросту“); прямые равные концы спускают от узла по спине (фиг. 43). Пожилые женщины и старухи, сверх этой „паушки“, надевают еще „подвязальник“,

представляющий полотнище такого же типа, как и „паушка“, часто одинакового цвета и качества, но возможны и разные. После того, как надета „паушка“, на голову накладывают „подвязальник“ и завязывают его узлом под подбородком так, что длинные концы спускаются на грудь, симметрично концам „паушки“, лежащим по спине. Эта своеобразная головная повязка старообрядков, насколько мне известно, не отмечена где-либо в других местах. У старообрядцев в северных и средних губерниях чаще отмечается обрядовая повязка иного типа, из одного платка; например, у владимирских старообрядцев известна повязка „по-богородициному“¹ из четырехугольного темного платка, два смежных конца которого скреплены под подбородком; платок в развернутом виде покрывает голову и часть спины, два другие смежные угла приходятся на спине; эта повязка, действительно, напоминает женские покрывала, как они пишутся на старинных иконах. Такая же повязка известна и у нижегородских старообрядцев (ср. колл. Этногр. отд. Русск. музея).

Старообрядки Бирского у., б. Уфимской губ., на моленье носят специальные черные „покрывала“ с завязками, укрепляя их на лбу подобно косынкам сестер милосердия.²

Девушки также надевают „паушку“, но повязывают ее так, что макушка остается открытой. Обычно маленькой девочке заготавливают такую „паушку“, которую она надевает только на моленье; эта „паушка“ хранится у нее всю жизнь. Поэтому очень часто приходится наблюдать висящие почти до пят концы „паушки“ на маленькой девочке (фиг. 44).

Как дополнение к моленной одежде, следует указать лестовку и подручник.

„Моленную“ одежду, кроме посещения моленной, носят в течение великого поста, особенно старухи, а также надевают на похороны. Родственники умершего, в знак траура, также носят эту одежду каждый день в течение некоторого срока.

Свадебная одежда от обычной праздничной мало отличается. Сверх обычного, невеста покрывается покрывалом, чаще красного цвета, длиной до двух метров. По указанию Б. Г. Герасимова, нижние концы этого покрывала завязываются узлом,

¹ Ср. Труды Владимирского губернского статистического комитета, вып. VII, Владимир, 1868 и колл. Этногр. отд. Русского музея.

² Мои наблюдения в 1928 г. в д. Б. Ключи у беспоповцев.

а верхними покрывается голова невесты; сходный обычай покрытия невесты наблюдается у казаков (киргиз).¹

Похоронная женская одежда или „смёртно платье“ состоит, по словам кержачек, „из трех покровов“: на тело надевается рубаха, сарафан, сверху саван, на голову — шашмура, кокошник, подвязальник. Все это из белого холста. От обычной рубаха отличается тем, что не имеет боров на вороте и на рукавах; рукава шьют узкие, из одного полотнища холста. Похоронный сарафан описан выше, называется он дубасик. На ноги надевают чулки, сшитые из холста по форме ноги. Возможно, что такие чулки в старину употреблялись не только как погребальные, а ежедневно, и позднее заменились вязаными чулками. У енисейских русских такие чулки, скроенные из холста, употребляются во время летней страды.² Все это шьется руками, „смёртно“ платье шить на машине нельзя — „грех“; все, до мельчайших деталей, должно быть по-старинному.

Фиг. 44. Дети в „моленной“ одежде.
Д. Белая.

Саван делают из двух полос холста, которые сшивают сзади, немного скашивая в той части, которая приходится на голову; третий кусок холста вшивают спереди, так что он закрывает грудь и сложенные под мышки руки. Кроме всего этого, в гроб кладут подручник и новую лестовку, сделанные из белого холста. Мужчинам на смерть готовят холщевую белую рубаху без вышивки и холщевые штаны. „Смёртно“ платье старухи и старики часто заготавливают заранее. Редко, кто сам шьет себе „смёртно“ платье; обычно эта работа поручается „преблагословлённой бабе“, известной своим благочестием. Старые люди заранее заготавливают себе не только одежду, но и гробы. Гробы делают долбленые, из лиственницы или пихты.

¹ Записки Семипалат. подотдела Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. о-ва, вып. V, стр. 23.

² Коллекция Этн. отд. Русск. музея, № 456.

„Обделанный“ гроб обычно несколько уже у головы, расширяется к тому месту, где приходится сложенные на груди руки, и сужается к ногам, повторяя таким образом форму тела; по форме кержацкий гроб очень напоминает внутренний гроб мумии в древнем Египте.

Общий характер как мужской, так и женской одежды бухтарминских „каменщиков“ носит пережитки, сохранившиеся от старого времени. В мужской одежде бросается в глаза ее яркость, пестрота и богатство украшений, подобных женским украшениям. Это наблюдается в богатой и сложной вышивке и отделке рубахи (грудь, ворот, рукава, подол), в ярких и широких поясах, наконец, в сохранении нагрудного бисерного украшения у мужчин, заменившего какие то более древние украшения, подобные, быть может, гривне, известной не только как женское, но и как мужское украшение. Здесь, на окраине, в Алтайских горах, лучше сохранилась более древняя яркость и пестрота мужской одежды (сравнить хотя бы материалы по древнерусской одежде) так же, как эти черты хорошо сохранились и на другом конце восточно-славянского мира—на Карпатах у гуцулов, знающих яркие цвета, пеструю и богатую вышивку, наконец, бисерные украшения в мужской одежде.¹ Окраинное положение и оторванность от сношений с культурными центрами, благодаря горному ландшафту, очевидно, и на Алтае, и на Карпатах способствуют сохранению древнейших черт.² Эти древнейшие черты сказываются также и в форме некоторых элементов одежды. Выше уже указывалось, что у „каменщиков“ сохраняется наиболее старая разновидность женского сарафана с цельным передним полотнищем, а также следы наличия прямого разреза мужской рубахи. Параллельно и гуцулы в форме одежды сохраняют некоторые архаизмы, хотя бы, например, киптаре—предок позднейшей украинской

¹ Забелин. Домашний быт русских царей. Прохоров. Материалы по истории русских одежд. Ф. К. Волков. Этнография украинцев в сборнике: Украинский народ в прошлом и настоящем.

² Между прочим, для соседей бухтарминских кержаков, для „поляков“, Ядринец в отмечает наличие бисерных цепочек, как мужского украшения, наряду с сапогами с бахромой, что известно также и у гуцулов. Записки Зап.-Сиб. отдела Русск. Геогр. о-ва, т. II, 1880, стр. 99.

свиты.¹ Все эти соображения говорят за то, что в одежде бухтарминских кержаков можно ожидать сохранение древнейших особенностей того типа русской одежды, к которому она относится по своим составным элементам.

Как указывалось выше, основной комплекс одежды бухтарминских кержаков принадлежит к северно-великорусскому типу, за что определенно говорят основные формы покроя женской рубахи и наличие сарафана. Что же касается других элементов одежды, то они указывают на некоторые аналогии с южно-великорусским типом. За эту связь прежде всего говорит наличие головного убора с редуцированной южно-великорусской кичкой, т. е. шашмурой с выступающим валиком на очелье. Правда, в немногих пунктах среди северно-великорусского населения отмечены головные уборы с твердым остовом, напоминающим кичку (например, Олонецкая губ.), но для большинства северно-великорусского населения на протяжении прошлого столетия это — чуждая форма. Соединение этого головного убора с позатыльником, да еще бисерным, опять наталкивает на сопоставление с южно-великорусскими элементами. В массе для северно-великорусского кокошника позатыльник является неизвестной деталью: как указывалось выше, здесь в очень ограниченных районах известны позатыльники с кокошником (Олонецкая, Архангельская губ.), притом большею частью без бисерных низок. О позатыльниках средне-великорусского района (Тверская, Владимирская, Московская губ.) говорить здесь не приходится, так как они в этом районе сопровождают сороку южно-великорусского типа, а не кокошник.

„Нарукавники“ по своей форме опять-таки совпадают с южно-великорусским запоном, имеющим в этой этнической среде самое широкое распространение. Северу эта форма мало известна, встречаясь чаще наряду с сарафаном в районе, пограничном с южно-великорусской областью (Московская, Владимирская губернии).

Наконец, украшения — шейные и нагрудные и, отчасти, рудименты ушных украшений, — как по форме, так и по материалу, из которого они изготавливаются, ведут к тем же южно-великорусским элементам. Украшения из разноцветного бисера в самой широкой степени распространены среди южно-великорусского

¹ Волков. Этнографические особенности украинского народа. Пг., 1916.

населения. Губернии: Рязанская, Тульская, Орловская, Калужская, Тамбовская и, частью, Воронежская и Курская почти исключительно знают шейные и нагрудные женские украшения из бисера. Эти украшения из цветного бисера в указанных губерниях плетутся, давая сетку или сплошное плетение с геометрическим узором, образуемым бисером разного цвета. На Бухтарме известна и та, и другая форма; сплошное плетение из бисера встречаем на описанном выше гайтане, плетение сеткой—на ряске. Кроме того, отмечались разные низки из бисера и крупных бус. В северно-великорусской среде бисер не имеет такого широкого распространения, особенно плетение из него в виде сетки. В некоторой степени бисерные украшения известны в средне-великорусском районе (Московская, Тверская, Владимирская губернии), дающем уже некоторые отступления в отдельных элементах одежды от типичного северно-великорусского облика. Бисерные украшения на поясах также чужды северу, и весьма характерны для южно-великорусских губерний. И вполне прав В. В. Богданов, утверждая, что бисерные украшения, позатыльник, наушники и некоторые другие формы костюма свойственны культуре южно-великоруссов и отсутствуют у северно-великоруссов.¹

Все указанные детали говорят за то, что в ту или иную эпоху современное население долины Бухтармы, в основе своей принадлежа к той группе русских племен, которая легла в основу образования северно-великорусской этнической среды, сталкивалось с той культурой, которая в значительной степени оказала влияние на образование и состав южно-великорусской культуры, в некоторой части родня его с неславянским населением современного Поволжья. Может быть, некоторые южно-великорусские элементы могли здесь, на Бухтарме, развиваться в силу частых сношений с соседними „поляками“, которые, как кажется, в большей степени имеют южно-великорусские элементы культуры,² а из „поляцких“ селений весьма часто попадали на Бухтарму женщины.³

¹ Этнографическое Обозрение, 1914, 1—2, стр. 145.

² К сожалению, у нас нет опубликованных материалов, которые давали бы возможность вполне определенно судить об языковой принадлежности „поляков“ к северно- или южно-великоруссам.

³ См. статью „Кто такие бухтарминские старообрядцы“.

Ввиду этих аналогий с элементами южно-великорусской одежды, а также ввиду наличия в быту бухтарминцев таких форм одежды, которые не являются типичными для северно-великоруссов, как, например, сарафан без переднего шва и мужская рубаша с прямым разрезом ворота, встает один из кардинальных вопросов этнографии великоруссов. Это — вопрос о составных элементах культуры, присущей в древнейшую пору всем тем племенам, которые позднее вошли в состав великорусского племени,¹ и выяснение тех культурных наслоений, которые легли в течение ряда столетий на северной и на южной территории, занятой предками современных великоруссов.

Из рассмотрения описанного материала и сопоставления его с элементами южно-великорусской культуры напрашивается вывод, который пока еще возможно принять, как рабочую гипотезу, а именно: элементы, общие бухтарминским северно-великоруссам и южно-великоруссам, могли быть когда-то свойственными и всем северно-великоруссам, которые, в силу тех или иных культурных влияний, утеряли из своего быта эти особенности, сохранив их в весьма редких случаях, и притом в редуцированной форме. У бухтарминского населения, уже в XVII веке оторвавшегося от общения с главными очагами северно-великорусской культуры, могли дольше и ярче сохраниться эти черты, когда-то свойственные предкам северно-великоруссов. Принимая это предположение, мы легче можем объяснить спорадическое появление в отдельных пунктах северно-великорусской территории, зачастую далеко отстоящих от южно-великорусской границы, бисерных украшений, позатыльника, кичкообразного головного убора, височных украшений, и т. п. деталей одежды, которые в общей массе северно-великоруссов тонут и проходят почти незаметными при анализе элементов северно-великорусской культуры. Высказанное здесь предположение возможно будет вполне принять и обосновать лишь при направлении внимания при дальнейших работах на эту сторону северно-великорусской культуры и при отыскании в ней элементов, нетипичных для ее современного (XIX—XX ст.) состояния. В этом отношении материал, собранный на Бухтарме, пока еще не решает данного вопроса, а лишь ставит его в конкретной форме.

¹ Шахматов. Введение в курс истории русского языка.

При детальном обзоре материала по одежде бухтарминских великоруссов встает и другой вопрос—с какой частью северно-великорусской территории находится в большем родстве этот материал. В описании попутно давались сопоставления с элементами одежды из отдельных северно-великорусских губерний. Теперь, подводя итоги всему сказанному, а также учитывая общий *habitus* бухтарминской, как мужской, так и женской одежды, определенно можно назвать северо-восточный (Вятско-Пермский) край.

Женский головной убор близок к вятско-пермско-вологодским головным уборам; в частности, бухтарминский кокошник имеет полную аналогию с пермяцким головным убором; общий характер и техника вышивки, а также орнаментальные мотивы в значительной степени родственны вологодскому старинному шитью, пояса также имеют ближайшее сходство с пермяцкими поясами. Наконец, вся терминология, связанная с одеждой, в значительной мере совпадает с терминологией Вятско-Пермского края. В этом отношении дает поддержку и весь словарный запас бухтарминского населения, указывающий на общность очень многих терминов в разных областях быта с вятско-пермским словарем. Эти аналогии заставляют предполагать, что далекие предки современных бухтарминских кержаков, перед тем, как пройти всю равнину Западной Сибири и „забежать в камни“, довольно долгое время жили по эту сторону Урала в нынешней Вятской или Пермской губернии, унося отсюда ряд элементов, которые свойственны и до настоящего времени местному населению. Это соображение может навести на мысль, что элементы, общие современному населению Вятско-Пермского края и бухтарминским кержакам, являются уже довольно старыми, и их можно датировать, во всяком случае, концом XVII, началом XVIII века, а, может быть, даже и несколько более ранней эпохой, так как бухтарминские „каменщики“ те особенности, которые характеризуют Вятско-Пермский край, могли унести из-за Урала не позже начала XVIII века. Раз это так, то, значит, по эту сторону Урала к этому времени уже сложились черты, отмечаемые одновременно в Вятской и Пермской губерниях, с одной стороны, и на Алтае у „каменщиков“—с другой.

Этим самым бухтарминские материалы дают возможность датировать вятско-пермский материал, указывая срок (начало

XVIII века), позже которого некоторые особенности не могли развиваться, а были уже ранее известны.

Таким образом, бухтарминские материалы по одежде, сохраняя до настоящего времени ряд весьма ценных архаизмов, — выдвигают любопытнейшие вопросы в области изучения русской одежды, с одной стороны, ставя вопрос о древнейших составных элементах северно-великорусской культуры, а, с другой стороны, о хронологии тех или иных элементов северно-великорусской одежды.

В этой связи с древнейшими элементами культуры и заключается большая этнографическая ценность материалов, собираемых у окраинного населения, заброшенного в иную, чуждую, среду, где, в силу самосохранения, особенно интенсивно развивается стремление удержать в быту старые формы.

ИСКУССТВО БУХТАРМИНСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Е. Э. Бломквист

ВЫШИВКА

Народное искусство, являющееся одним из ярких этнологических признаков, у бухтарминцев проявляется весьма односторонне. Прежде всего, следует отметить, что здесь почти отсутствует художественная обработка дерева; особенно резко это бросается в глаза при сравнении бухтарминских изделий из дерева с северно-великорусскими. В то время, как у северно-великоруссов поражает богатство и разнообразие приемов художественной обработки дерева, у каменщиков мы лишь, как редкое исключение, можем встретить резьбу по дереву — резной стан, швейку;¹ то же самое приходится сказать и о других видах народного искусства: мы не встречаем художественных изделий ни из металла, ни из кости. Богатейшая роспись, покрывающая как стены бухтарминских жилищ, так и мебель и утварь, исполнялась вся заезжими мастерами.² Литые медные кресты и складни, стоящие на божничке, являются привозными из России (исключение составляют лишь серьги и нательные крестики, отливаемые местными мастерами в каменных формах).

Такое отсутствие искусства в тех областях, носителями которых являются мужчины, вполне объясняется формами хозяйства на Бухтарме. В прежнее время, скрываясь от властей, этот беглый и сборный люд — каменщики — вел полубродячий образ жизни, живя во временных избушках и землянках. Жили преимущественно охотой и, конечно, об украшении своей жизни художественной утварью им нечего было и думать. Позднее, когда после

¹ См. главу „Народная техника“ в статье „Хозяйственный быт бухтарминских старообрядцев“.

² См. статью „Постройки бухтарминских старообрядцев“.

прощения каменщиков Екатериной II, жизнь их в бухтарминской долине вошла в свою колею, условия этой жизни были таковы, что не располагали к занятию искусством; весной и в летнее время—полевые работы, работа на пасеке, охота за маралами, осенью и зимой—охота на пушного зверя, ранней весной—охота на копытного зверя по насту, кроме этого торговля с казаками и китайцами,—все это развивало предприимчивость и энергию, увеличивало благосостояние, но не способствовало занятиям искусством, так как отрывало от дома и не давало длительного досуга. Позднее, когда широко стали пользоваться казакским наемным трудом, когда охотничий промысел заметно сократился, а мараловодство стало давать крупный доход в хозяйстве—у бухтарминских кержаков появился немалый досуг; но за долгий промежуток—сначала полукочевой жизни с неуверенностью в завтрашнем дне, а позднее—жизни, связанной с постоянным отсутствием из дому,—должны были утеряться все традиции в области искусства; самый склад жизни, крупная организаторская деятельность владельца разностороннего хозяйства¹ совершенно не вяжется с кропотливой и усидчивой работой, к которой привык наш северный крестьянин.

Совершенно иное приходится сказать о женском искусстве, которое достигает на Бухтарме редкой красоты и разнообразия. До сих пор еще оно занимает видное место в быту, отнимая не мало времени у кержачек. До сих пор еще девочка с 8—9 лет садится за вышивание себе в приданое полотенец, сарафанов и пр., до сих пор еще здесь можно найти предметы редчайшего уже в Европейской части Союза, нетронутого городом, старого вкуса с традиционными древними узорами и техникой. В области вышивания, тканья, вязания и плетения бухтарминские женщины достигли очень высокого искусства, которое носит вполне четкий, определенный характер, позволяющий выделить предметы рукоделия этого района в особую группу, являющуюся ценным вкладом в общую сокровищницу русского народного искусства.

Та крупная роль, которую играют в быту женские рукоделия, объясняется складом жизни. В то время, как мужчины находятся большей частью в отъезде—на пасеке, мараль-

¹ См. статью „Хозяйственный быт бухтарминских старообрядцев“.

нике и т. п., женщины почти всегда сидят дома; на полевые работы до самого последнего времени они в большинстве хозяйств почти не ездили, так как на эти работы нанимали казаков; и если хозяйка была занята стряпней, хозяйством, детьми, то у девушек и молодых всегда было (да во многих домах есть еще и сейчас, чему мы сами были свидетелями) достаточно досуга, позволявшего им заниматься пополнением своего приданого. Даже сейчас, при заметном обеднении кержаков, проходя по бухтарминской деревне в самый разгар полевых работ, то в том, то в другом доме можно застать женскую молодежь за пяльцами, за швейной машиной и т. п.

На Бухтарме развиты следующие отрасли женского искусства: узорное и браное тканье, плетение, вязание и вышивка. Узорное тканье применяется при изготовлении поясов и так называемых „узоров“ для одежды, полотенец и скатертей;¹ браное тканье применяется при изготовлении концов полотенец и скатертей. Плетение употребляется при изготовлении поясов и узеньких проставок для полотенец. Вязание представляет собой явление последнего времени; вяжут „иглой“ (т. е. на спицах) и крючком пояса, кружева и прошивки.

Вышивка встречается на одежде, мужской и женской,² на полотенцах, называемых на Бухтарме „рукотёртами“,³ на „стеновых платках“—полотенцах, изготовляемых специально для украшения зеркала, на „околодочке“—оборке, завешивающей низ кровати.

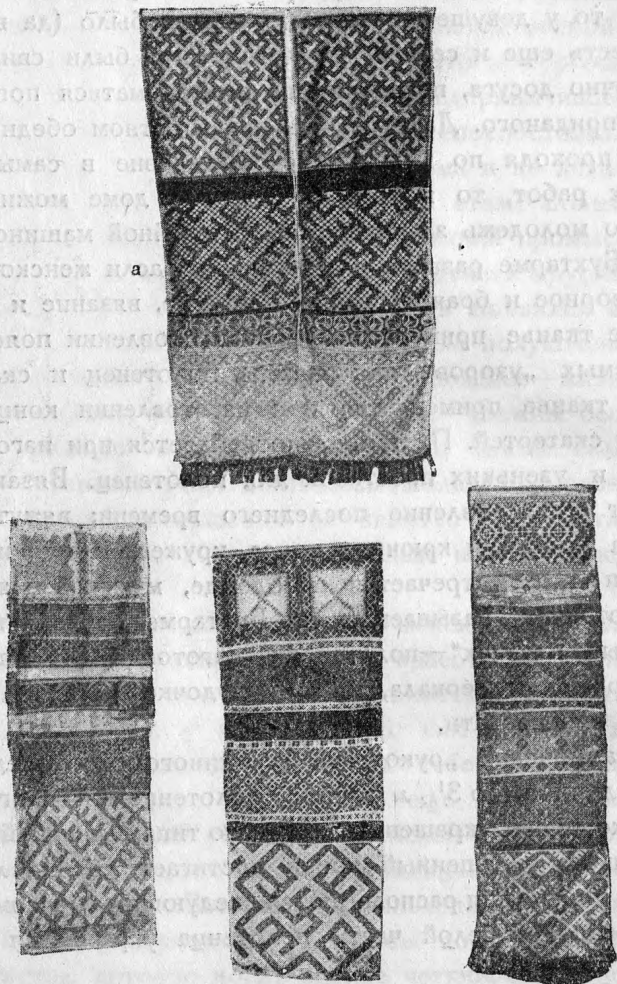
Бухтарминский „рукотёрт“ старинного типа представляет собой длинное (до $3\frac{1}{4}$ м длиной) полотенце из белого холста, концы которого украшены различного типа вышивкой, тканьем и вязаньем; украшенный конец достигает до $1\frac{1}{4}$ м длины. Обычно украшения располагаются следующим образом: каждый конец основной белой части полотенца украшается широкой

¹ Очень интересны старинные попоны из двух полотнищ, затканые изящным узором из одинаковых ромбиков красными и синими льняными нитями; такую попону ткала невеста в подарок жениху, она надевалась на круп женихова коня после зарученья. В настоящее время в бухтарминской деревне можно найти лишь обрывки этих прекрасных работ.

² Об вышивке на одежде (где и как она располагается, ее размеры и назначение) см. статью „Одежда бухтарминских старообрядцев“; об орнаменте ее—см. ниже главу об орнаменте.

³ Ср. „рукотёрт“ у „поляков“, живущих по р. Убе в Усть-Каменогорском и Семипалатинском уездах, „рукотёрник“ в Иркутской губ.

вышивкой красной бумагой по белому холсту; к подрубленному концу пришивается несколько проставок — большей частью это три полосы узорного тканья красной бумагой; к нижней

Фиг. 1. Рукотёрты, вышитые и затканые красной бумагой.

полосе пришивается „наконечник“, состоящий из шитья по выдерганному холсту красной и синей (или черной) бумагой или из особого браного тканья (см. ниже). Все эти отдельные части, подрубленные на концах, соединяют между собой различными способами: 1) просто сшивают через край; 2) связыв-

вают ажурной „связью“, сплетая ее из тонкой нитки при помощи обыкновенной иглы; 3) между двумя полосами вставляют узенькую „расшивочку“, ¹ вязаную или крючком или на коклюшках, большей частью из красного гаруса; если крючком, то это два-три ряда столбиков (или, точнее, полустолбиков). По боковым сторонам украшенная часть полотенца „оторачивается“ узкой полоской красного кумача; в прежнее время это делали на руках, теперь—на машине; фиг. 1b представляет собой пример полотенца сшитого, еще не „торбченого“.

Этот основной тип может варьировать до бесконечности. Прежде всего, средняя полоса узорного тканья, для разнообразия, заменяется полоской красного кумача с вышитым на нем белой и синей бумагой узором (фиг. 2) или полоской шитья по выдерганному холсту. Затем, расшивочки и связи между „узорами“ могут заменяться различными, также прозрачными, легкими проставочками, несколько облегчающими насыщенное узорностью полотенце; так, в качестве „связей“ вставляют между узорами машинную прошивку (фиг 1a), шитье по вырези (фиг. 1b) и вязаную крючком белую прошивку, наконец, красные вязаные крючком прошивки (фиг. 1c).

На более поздних холщевых полотенцах, почти всегда сохраняющих неизменно две главных части—верхнюю вышивку и наконечник, число вставных полос может варьировать: на менее богатых полотенцах оно может сокращаться до двух

Фиг. 2. Старинные холщевые рукотёрты: шитье по-выметке, вытканые красной бумагой узоры (средний заменен вышивкой) и наконечник „пьялы“.

¹ Ср. „росшивку“ в Калужской губ. (Н. И. Лебедева. Народный быт верховьях Десны и в верховьях Оки. М., 1927, стр. 22).

и менее, причем в качестве проставок появляются полоски, вышитые крестом (фиг. 1а),—простым или двойным, называемым „в звёздку“. Более нарядные поздние полотенца шьются уже из красного кумача или сатина и верхним узором является большей частью не „старопрэжня“ вышивка, а „советский узор“; число проставок увеличивается до пяти (фиг. 3б), причем большей частью это узорное тканье яркими шелками

а

б

Фиг. 3. а — старинный холщевый рукотёрт: шитье по-выметке, вытканное бумагой „узоры“ соединенные „связями“ и „расшивочками“ и наконечник „пялы“. Д. Печи.

б — современный кумачный рукотёрт: шитье „рассейской гладью“, вытканное шелком узоры и вязаный крючком галунец. Д. Фькалка.

и гарусом; соответственно красному полотенцу и фон для этих узорных тканых полосок берется большей частью не белый, а цветной—красный, зеленый, даже черный. Роль связей и расшивочек играют уже не белые вязаные крючком прошивки, а яркие, вязаные из одного цвета или участками из 6—7 квадратиков различного цвета, повторяющих раппорт узора; вместо наконечника мы имеем уже вязаные крючком кружева, так называемый

„галунец“ (фиг. 3б), или бахрому; красный фон полотенца и яркое тканье уже не могут уравниваться легкими светлыми наконечниками, шитыми по выдерганному холсту, здесь требуется более густая и тяжелая концовка, которой и является вязаное из цветной бумаги кружево.

Среди полотенцев население выделяет так называемые „стенные платки“ (фиг. 4), отличающиеся от „рукотёртов“ тем, что они шьются всегда из красного сатина или кумача и скреплены внизу кромками вышитых концов, причем типичные „стенные платки“ часто не только сшиты внизу, но имеют даже общую неразрезанную вышивку, бахрому, кружево и т. п.

Иногда даже этот общий конец не пришивается, а пристегивается к полотенцу, на котором нашит ряд пуговиц; петлями служит „расшивочка“, в три ряда столбиков связанная крючком из красного гаруса (фиг. 4b); делается это для того, чтобы можно было отдельно стирать полотенце, отстегивая нестирающиеся концы, затканые шелком и шерстью. „Кумашное“ полотенце оторачивается черной саржей, ластиком. По словам населения, моду на „стеновые платки“ привезли с Уймона (т. е. от каменщиков долины р. Катуня); своими исконными

Фиг. 4. „Стеновые платки“ из кумака; б — на пуговках. Д. Печи.

население считает вышеописанные „рукотёрты“. По общему виду также сразу можно видеть, что типичный „платок“ — совершенно иной по общей конструкции, чем традиционный „рукотёрт“.

„Стеновые платки“ вешают исключительно на зеркала (обычай, также пришедший с Уймона), в то время как „рукотёрты“ развешивают вообще по стенам (фиг. 73 в статье „Постройки бухтарминских старообрядцев“), на гвозди или вбитые в стену деревянные спицы. Кроме того, „рукотёрты“ играют, как и вообще полотенца у великоруссов, большую роль в свадьбе.

Материалом для старой традиционной вышивки служила и служит преимущественно красная бумага, по всей вероятности, сменившая окрашенную льняную нитку, как то мы имеем и у „поляков“ и у северных великоруссов. Для оживления

узора употребляется синяя и черная бумага; синей обводятся контуры узора, ею шьются иногда центральные заполнения в ромбах и ею же, как и черной, расцвечивают узор—ставят „ягодки“ или „глазки“; позднее стали применять белую и синюю бумагу для вышивок на проставках из красного кумача. В прежних вышивках бумага других цветов не употреблялась.

При новой вышивке крестом или расseyской гладью (см. ниже) на полотенцах употребляется, главным образом, красная и черная бумага по белому холсту и миткалю, а по красному кумачу— бумага разных цветов, преимущественно желтая, зеленая, синяя и оранжевая.

При новой вышивке крестом на ярких мужских рубашках, сарафанах и нарукавниках применяется бумага всех цветов, в таких, например, сочетаниях: 1) на краснозеленом канаусовом сарафане: синяя, желтая, лиловая, оранжевая и коричневая бумага на основном узоре, на подзорах же—черная; 2) на красном кумачевом сарафане: зеленая, оранжевая, желтая и черная бумага; 3) на оранжевой („рудожёлтой“) кашемировой мужской рубашке: зеленая, синяя и темнокрасная бумага; 4) на красной кашемировой мужской рубашке: зеленая, желтая и лиловая бумага (вышивка спереди), зеленая, желтая и голубая бумага (вышивка на спине) и т. п.

Несравненно меньше употребляются (вернее, употреблялись до войны, пока был привоз) шелк и шерсть. Шелк в мотках, уже с начала поселения здесь получавшийся из Китая, прочно вошел в обиход здешнего населения, но широкого распространения получить не мог, вследствие своей линючести. Разноцветный шелк шел преимущественно на плетение и тканье узорных праздничных поясов, на вышиванье же употреблялся лишь красный и черный шелк на холщевые мужские рубашки (в коллекциях Этногр. отд. Русск. музея можно видеть эти рубашки с вышивками шелком бледнорозового и желтоватобурого (вместо черного) цветов (фиг. 27 в статье „Одежда бухтарминских старообрядцев“).

Лишь позднее, при широком распространении ярких, преимущественно красных и оранжевых покупных тканей (кумач, кашемир и др.), стали вышивать на нестирающейся праздничной одежде и яркими шелками; чаще других употребляются холодные цвета—зеленый и синий, резко выделяющиеся на теплом красном фоне.

Еще меньше, чем шелк, распространена в вышивке шерсть, так как своя „жишка“ (овечья шерсть) краске почти не поддается, а гарус из России—так называемый „шалон“—стал привозиться сравнительно не так давно, с германской же войны привоз его совсем прекратился; шьют им поэтому мало.

Техника. Целый ряд видов старой традиционной вышивки до сих пор еще бытует на Бухтарме, хотя многие из них являются уже отживающими и выходящими из моды.

Прежде всего, следует отметить изящнейшую, почти совершенно исчезнувшую к нашему времени в европейской великорусской деревне, вышивку „па-мёлкаму“ (фиг. 2, верхний ряд—в статье „Одежда бухтарминских старообрядцев“)—шитье набором, являющееся крайне древним по происхождению и общим для всех восточных славян. Прием шитья следующий: иглой с ниткой идут все время вдоль вышивки, во всю ее длину, как бы перебирая холст, но так, что прямые, параллельные длине вышивки, стежки рядами своими образуют исключительно косые линии, под углом 45° к длине вышивки, дающие четкие мелкие линии геометрического узора. Белые промежутки между стежками, дающие с правой стороны белый фон, на изнанке дадут красный узор, так как покрыты оказавшимися внизу участками нити.

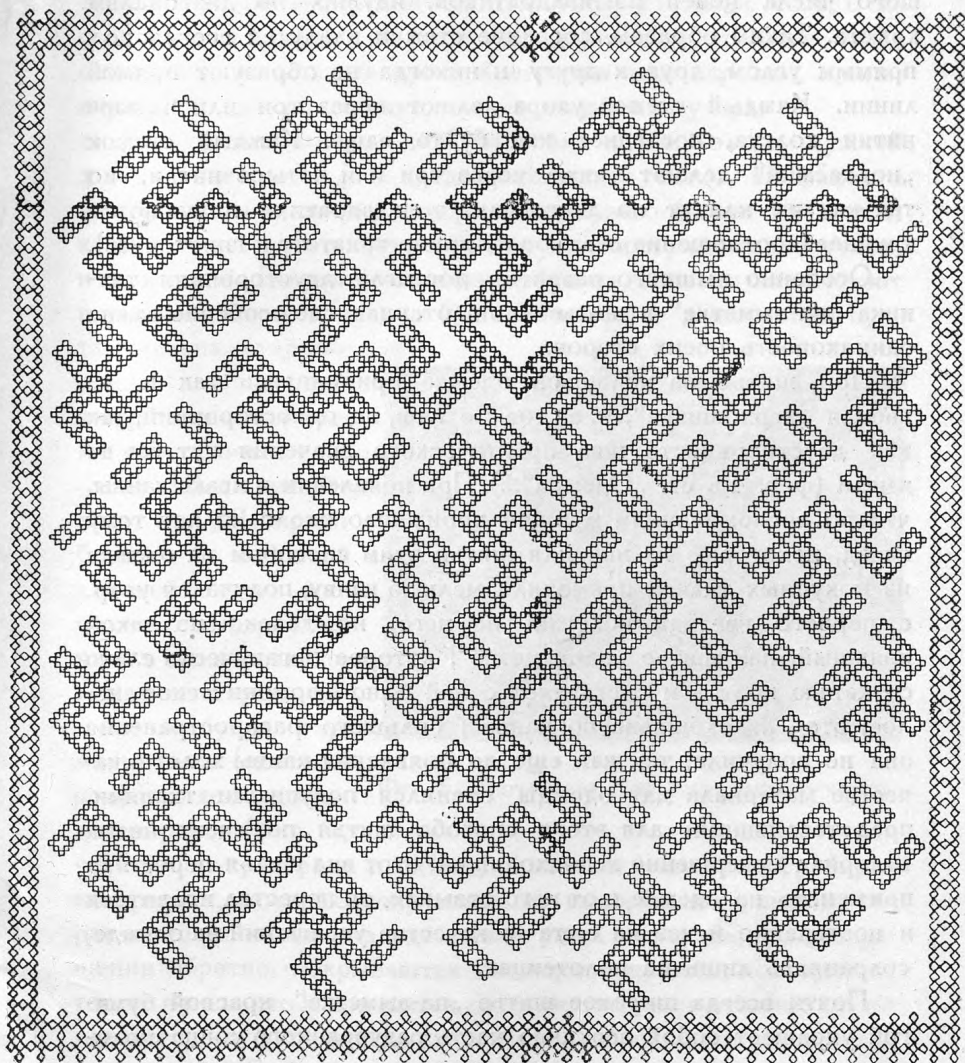
Вышивка „па-мёлкаму“ на Бухтарме претерпела некоторую эволюцию: прежде она вышивалась красной бумагой или черным шелком по белому холсту на одежде, главным образом, служила для окаймления отверстий: так, ею шили у общагов женских рубах, вокруг ворота нарукавников и мужских рубах; „па-мёлкаму“ же расшивали мужские рубахи спереди (фиг. 27 в статье „Одежда бухтарминских старообрядцев“). На полотенцах так не вышивали, для них эта вышивка была слишком мелка—полотенце, висящее на стене избы, требует более крупного и броского узора. В настоящее время, когда холщевая одежда совершенно вышла из употребления, красной бумагой эта вышивка и не шьется; лишь в „ящиках“ старого поколения можно изредка встретить заброшенные холщевые нарукавники, да неиспользованную заготовку с такой вышивкой для женской рубахи. Теперь же, при распространении одежды из покупной ткани, эта вышивка употребляется для украшения на „борах“, т. е. сборках или складках мужских рубах, нарукавников и круглых сарафанов, причем вполне, в смысле техники, раз-

мера и орнамента, эта вышивка „па-мёлкаму“ сохраняется преимущественно при шитье шелком, например, зеленым шелком по красному кумачу на борах мужской рубашки спереди, тот же узор там же сзади лиловым шелком, узенький узор на той же рубашке на „борах“, на плечах и т. п. (фиг. 8 в статье „Одежда бухтарминских старообрядцев“). Конечно, такой узор в силу самой техники всегда одноцветен. Реже встречается эта же техника и также мелко бумагой по покупной ткани, например, черной бумагой на рукавах нарукавника и груди. Можно встретить также изредка шитье „па-мёлкаму“ рядом с новым узором, шитым крестом (например, шитье зеленой или желтой бумагой на красном кумачевом сарафане).

Но гораздо чаще, чем это настоящее шитье „па-мёлкаму“, применяется на „борах“ крупная вышивка той же техники, что „па-мёлкаму“ (перебирая холст вперед иголку), тех же узоров, но значительно крупнее и грубее; таковы например, вышивки на груди нарукавников: черной и оранжевой бумагой—центральная часть вышивки и розовой—подзоры (фиг. 8, слева средняя—в ст. „Одежда“...) и другие. Увеличение узора понятно—с одной стороны вышивка шьется теперь по „борам“, по которым мелко шить трудно (в старину же „боров“ не было, носить их считали грехом, и вся вышивка делалась по гладкому холсту), а с другой стороны—на более темных красных, бордовых, оранжевых рубашках, сарафанах и прочем узкая мелкая вышивка, выработавшаяся для белой холщевой одежды, была бы мало заметна. Эти же увеличенные узоры старинного шитья „па-мёлкаму“, с сохранением прежней техники, вышивают иногда яркими шелками и шерстями на цветных проставках кумачных „платков“ и полотенец, подражая прежним „узорам“ красной бумагой; таким образом, они заменяют собой узорное тканье и нередко являются трудно от него отличимыми.

Вторым, крайне распространенным приемом старой вышивки, который применялся и на одежде и крайне распространен был (и сейчас еще кое-кто так вышивает) на полотенцах,—это шитье „па-выметке“—типичное русское двустороннее шитье прямыми равными по длине стежками, по счету ниток на холсте; при этом в обследованном районе главный узор шьют исключительно по основе и утку, не употребляя при этом стежков по диагонали. Лишь для узеньких подзоров, составляющих как бы рамку главного узора, так назы-

ваемый „подкаёмка“, употребляются диагональные стежки (фиг. 5). При этом шитье идет иглой все время вперед по

Фиг. 5. Шитье „по-выметке“ на основной части рукотёрта.

ломаной линии, причем делают один стежок на правой стороне холста, другой на левой, пропуская по одному стежку на правой стороне и на изнанке; когда сделана часть узора—идут обратно, покрывая пропущенные раньше стежки, так что лицо и изнанка получаются совершенно одинаковые; рядом

с одной ломаной линией всегда располагают и другую, так что весь узор при этом приеме кажется состоящим из большого числа цепей из квадратиков, идущих по диагоналям холста. Таким образом, соседние стежки кладутся всегда под прямым углом друг к другу и никогда не образуют прямой линии. Каждый стежок узора делают через три или четыре нитки холста, последнее как будто чаще. Каждый стежок „подкаёмки“ делают также через три или четыре нитки, но так как их кладут по диагонали, то квадратики получаются крупнее (соотношение стежков по длине = катету и гипотенузе).

Особенно пышного развития достигла двусторонняя техника „па-выметке“ в шитье на полотенцах, где особенно важна одинаковость обеих сторон.

При шитье на холщевой одежде применялась так называемая „верхошивка“, т. е. тот же шов, но односторонний, так как двусторонность шва практического значения тут бы не имела (фиг. 4 в ст. „Одежда“...). При появлении в ясаке канвы, что по воспоминаниям женщин произошло около 25 лет тому назад, некоторые из них для шитья этим способом на одежде из покупных тканей применяли мелкую канву; получался узор, с первого взгляда похожий на него, но далеко не такой изящный, как шитье „па-выметке“, которое органически слито с тканью холста и составляет с ней одно гармоническое целое; это—„верхошивка по канве“; большого распространения она не получила, так как еще до появления канвы холст в качестве материала для одежды сменился покупными тканями, представлявшими для этого способа шитья по счету ниток материал совершенно неподходящий; этот вид шитья перестали применять на одежде и от него отвыкли, он перестал нравиться и постепенно исчез из быта в качестве украшений на одежде, сохраняясь лишь на полотенцах.

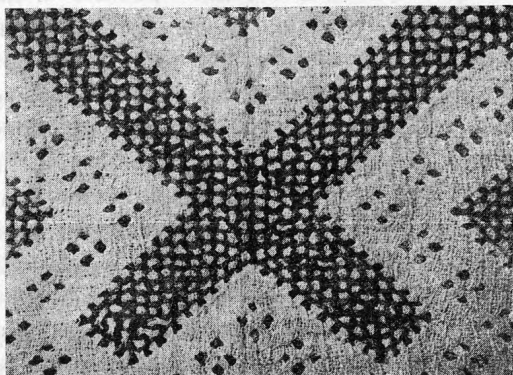
Почти всегда широкое шитье „па-выметке“ красной бумагой украшает собой верхнюю часть разубранного конца полотенца и шьется всегда на основном холсте; только на редких экземплярах приходилось видеть шитье „па-выметке“ белой и синей бумагой на нешироких пришитых полосках красного кумача. Как исключение, можно встретить кумачный „стеновой платок“, расшитый „па-выметке“ разноцветными шелками.

Третий прием старой вышивки, почти всегда представляющий собой „наконечник“, т. е. заканчивающий полотенце и не-

редко оканчивающийся зубцами, — это „пялы“, т. е. шитье в пяльцах по выдерганному холсту. Из многочисленных приемов шитья по выдерганному, известных у великоруссов, в обследованном районе в настоящее время встречается лишь один, если не считать простой строчки или мережки, применяющейся для разделения тканых подзора и узора.

Для приготовления „пял“ отрезают кусок холста, нужной для наконечника (по предварительному счету выбранного узора) длины и, затем, выдергивают из него (через три нитки) каждые четвертую и пятую нитки; так поступают и с утком, и с основой. Выдерганное, таким образом, полотно натягивают в четырехугольные пяльцы (фиг. 73 в статье „Постройки бухтарминских старообрядцев“). Этот отрезок расшивается тремя способами.

1) „Шьют по белому“ или „выбирают белым“, т. е. белой льняной нитью восполняют выдернутые нити в тех местах, которые останутся белыми и будут служить фоном (или узором). Это делается таким образом (фиг. 6),

Фиг. 6. Шитье „пялы“ по выдерганному холсту.

что идут от края фона в одном прямом направлении, перебирая квадратики, которые получились от выдергивания, потом обратно — при этом места, где стежок ушел под ткань, при возвращении обратно, покрываются нитью; в сущности, повторяется тот же прием, что и при шитье „па-выметке“, но в отличие от последнего, идущего всегда по ломаной линии, здесь идут всегда по прямой. „Выбирают белым“ на одном и том же конце во всех четырех направлениях — слева направо и справа налево, сверху вниз и снизу вверх, начиная в любом направлении, в зависимости от удобства шитья и расположения узора.

2) „Сажают ягодки“, т. е. черной или синей бумагой „светят“ или наносят самый стержень красной полосы узора (или фона), состоящий из „ягодок“; „ягодки“ шьются тем же швом,

как белый фон; для каждой „ягодки“ выбирается четыре квадратика и от середины каждой пары отходит по одному стежку—получается квадрат, пересеченный двумя поперечинами.

3) Узор „повивают“ красной бумагой тем же приемом, что „па-выметке“, идя сначала в одном направлении по диагонали ломаной линией, потом в обратном; иногда, когда этого требует поворот линии, приходится по одному месту проводить стежок два раза; некоторые мастерицы, для большей четкости узора, нарочно применяют этот прием на определенных промежутках, например, через стежок. Так как на уголках каждого квадратика нити идут в четыре разные стороны (на границах фона и узора — две белые и две красные, в середине узора — четыре красные или две красные и две синие), то каждый квадратик несколько стягивается и на уголках его получаются дырочки; таким образом, узор весь окаймлен дырочками а внутри также имеет вдоль края два ряда дырочек. Белый фон, выбранный белой нитью, реже делается сплошным, это большей частью в тех случаях, когда полосы фона узки (фиг. 1d). Чаще, по средней линии белых полос делают дырочки—по одной (фиг. 1b и 3a) или по четыре расположенных крест-накрест (фиг. 1c и 2ab).¹ Для получения дырочек, идущих в ряд по одной, идут с нитью не во всю ширину белой полосы, а до ее половины (так, при ширине = 8 квадратикам, идут лишь на 4), затем возвращаются назад; при шитье перпендикулярного направления поступают также; в результате, в середине оттягивается дырочка; так как каждую белую нить доводят лишь до середины, то на каждой ступеньке в середине получается дырочка—в результате образуется ряд их. Для получения линии, состоящей из крестиков, из 4 дырочек каждый,—принцип тот же, но расчет несколько сложнее (фиг. 6); так, при ширине белой полосы в 10 квадратиков (что чаще всего встречается), если начать хотя бы с вершины белой полосы, обращенной вниз (центр фиг. 6)—сначала идут вверх на 4 квадратика и возвращаются назад, следующий шов—опять на 4 квадратика, следующий на 6 квадратиков (соответствует промежутку между крестами из дырочек), дальше опять два по четыре, затем опять один на 6 и т. д.; при огибании белой полосы с противоположной стороны в этом самом месте

¹ Рекомендуется для уяснения техники рассматривать помещенные фотографии в лупу.

шьют один ряд на 4, один на 6, два ряда на 4 и т. д. Остающиеся в середине между дырочками 4 квадратика—перетягивают крест-накрест белой нитью (фиг. 6). Этот прием распространен чаще всего; таким образом, все шитье пронизано двумя системами сквозных отверстий—одни в середине белых полос фона, другие — на концах стежков красного узора.

На старых полотенцах, до распространения бахромы и кружев, обычно „наконечник“ заканчивался зубцами, более крупными (фиг. 2а), или более мелкими (фиг. 2б), сделанными той же техникой, с дырочками, белыми или расцвеченными синей или красной бумагой; на фигуре 1б, представляющей незаконченное еще полотенце, мы видим эти зубцы заготовленными, но не обрезанными.

„Пяла“ идут, главным образом, для холщевых „рукотёртов“; если же их работают для кумачных платков, то употребляют холст, окрашенный в красный цвет.

Техника „пял“ особенно интересна тем, что по всем своим приемам повторяет в сущности вышивание „па-выметке“ по целому холсту; таким образом, здесь мы не имеем разрыва между собственно вышивкой и шитьем по выдерганному холсту, разрыва, который обычно наблюдается, когда вышивка и строчка шьются совершенно различными швами, абсолютно между собой не связанными. Возможно, что эта однородность швов указывает на древность и известную примитивность бухтарминского приема шитья по выдерганному.

Четвертый прием старой вышивки, также всегда представляющий собой „наконечники“,—это „передбёрдни“ или, как их часто называют здесь, „митюковски передбердни“ (фиг. 1а). Их изготовление заключается в том, что определенный узор уже заранее вытыкается во время тканья холста и никакой другой узор уже не может быть вышит; собственно, вытыкаются лишь „ягодки“, причем вытыкаются две системы их: одна—составляющая скелет для узора, другая—для фона (вместо крестиков из дырочек).

Техника тканья их: перевертывают нити основы на определенных расстояниях друг от друга и набирают их узенькой деревянной иглой—„набиралкой“, после чего пробрасывают уток, закрепляющий нити основы в перевернутом положении; название „передбёрдни“ (звучащее чаще передбёрники) и

объясняется тем, что эта манипуляция производится на заправленном ткацком стану перед бердом.

Вытканные „передбёрдни“ „вперёд голыны белы“, т. е. совершенно белые. Для четкого выявления узора „светят“ черной или синей бумагой „ягодки“, которые потом уже обшивают красным. Ягодки на белом фоне также обшивают синей бумагой. Общее впечатление от шитого так узора почти то же, что от „пял“, и неопытный человек далеко не сразу научается отличать их друг от друга. Помимо белых „передбёрдников“, вытыкают иногда для ярких платков очень нарядные „передбёрдни“, беря для них основу и уток разных цветов—например, белую или кремовую основу и бордовый уток; иногда вытыкают их из шелка, получая шелковую браную ткань с отливом.

Что касается названия „передбёрдников“ митюковскими, то, несмотря на расспросы, выяснить происхождение его не удалось.¹

Характерно, что при самом разнообразном орнаменте, в шитье „пялы“ и „передбёрдни“ всегда сохраняется постоянная для данного экземпляра вышивки ширина полос белого узора и красного фона (или, наоборот, красного узора и белого фона). Это постоянство ширины мы находим на многих геометрических вышивках великоруссов (см. ниже об орнаменте). Интересно отметить, что эти традиционные способы шитья, столь пышно развившиеся в вышивке холщевой одежды и „рукотёртов“, совершенно не встречаются на той оборке, которая закрывает низ деревянной кровати—околодке; здесь мы чаще всего встретим городские узоры, шитые крестом, затем кружева машинные или домашние вязаные, наконец, даже набойку по кружевам. Это станет вполне понятным, если принять во внимание то обстоятельство, что сама эта оборка не является традиционной вещью, так как кровать, стоящая в горнице, несомненно появилась сравнительно поздно, как и сама горница, так как до распространения пятистенков и крестовиков, связи с горницами были лишь у более состоятельных кержаков.²

¹ Может быть разгадкой может служить имеющееся в Соликамском у., Пермской губ. селение Митюкова (атлас Э. Петри)?

² В противоположность этому, в северно-великорусских губерниях наблюдается истари широкое развитие вышивания „закрайка“ к свадебным и

Старая техника шитья, сохранившаяся на Бухтарме, ограничивается рассмотренными четырьмя способами, идущими из глубокой древности. Наряду с ними, в Бухтарминском крае появился целый ряд новых швов, заимствованных от казаков и переселенцев. Эти швы недавно еще вошли в быт и пока еще являются рабскими подражаниями, не давшими ничего своего в смысле создания новых форм. Таким швом является шитье в тамбур, встречающееся на кумачных и сатиновых „стеновых платках“, вообще далеко ушедших от традиционного „рукотёрта“. Шитье в тамбур является на Бухтарме случайным и сравнительно поздним явлением (хотя появившимся задолго до войны); фиг. 4а дает пример такого позднего орнамента, являющегося типично городским, распространившимся за последнее время и ведущим свое происхождение от узоров, составляемых для швейных машин (вышивание бесконечной линией—строчкой); в центральной части Союза, находящейся под наиболее сильным воздействием города, такие узоры в XX столетии, особенно после войны, когда в некоторых местах исчезла канва, вытесняют все остальные, например, в применении к вышивке мужских рубаш (Материалы Академии ист. мат. культуры). Узор чертится карандашом на бумаге и переводится на ткань, затем, различные участки бесконечной извитой линии вышиваются различного цвета бумагой или гарусом. Шьют простой иглой, без употребления тамбурного крючка.

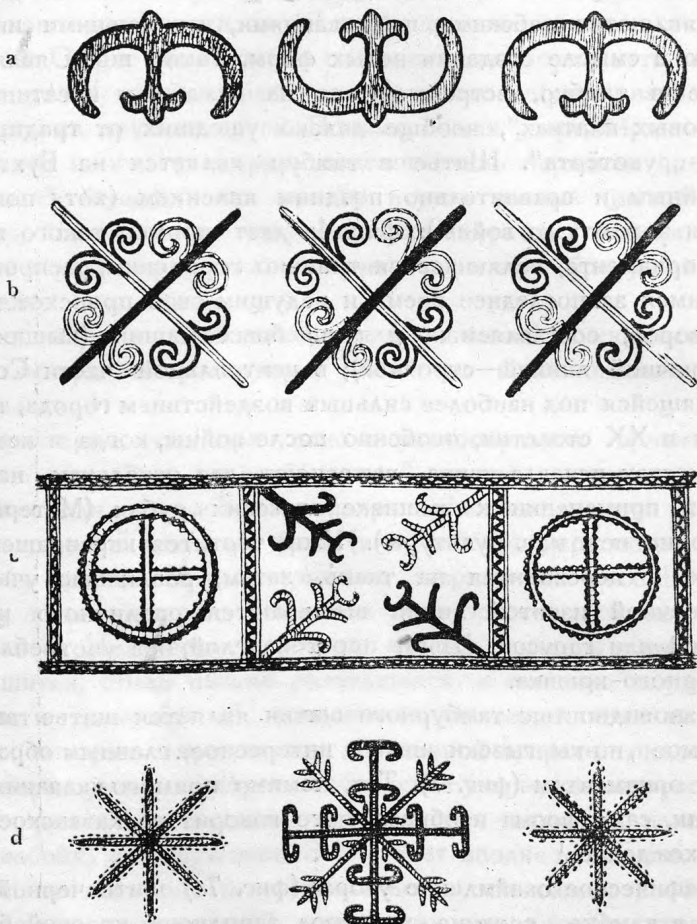
Разновидностью тамбурного шитья является шитье так называемое „по-кыргызски шито“, интересное, главным образом, своим орнаментом (фиг. 7). Тут, помимо прямого указания населения, сама форма изображаемого говорит за казакское его происхождение.¹

Графическое окаймление узора (фиг. 7а) шито черной бумагой в тамбур, середина же узора заполнена красной бумагой—примитивная гладь (повидимому подражание казакской аппликации); узор этот вышивается на полотенцах не очень

праздничным простыням, что объясняется наличием клетки в типичной старинной северно-великорусской постройке, где всегда помещается деревянная койка, играющая большую роль в свадебном обряде; в бухтарминской же постройке клетки не имелось и не имеется.

¹ Ср. Е. Р. Шнейдер. Казакская орнаментика („Кзаки“. Мат. ОКИСАР. Изд. Академии Наук, 1927), стр. 169, фиг. 55, 61, 70 и др.

нарядных, которые действительно являются „рукотёртами“; украшение такого полотенца состоит из двух частей — вышивки „по-кыргызски“ и неширокого наконечника, шитого одним из старых приемов. Появление на Бухтарме шитья „по-

Фиг. 7. Шитье „по-кыргызски“ — тамбуром:
а — шитье черной и красной бумагой по белому холсту;
bcd — шитье синей и белой бумагой по красному кумачу.

кыргызски“ могло притти в подражание тем узорным войлочным коврам казакской работы, которые так вошли в быт бухтарминцев. Эта же вышивка „по-кыргызски“, т. е. в тамбур, распространена и среди соседних „поляков“. Здесь, среди других швов, при вышивке рубашек, фартуков, полотенец и

сарафанов применяют и шов „по-кыргызски“,¹ причем здесь он, насколько можно судить по имеющимся в нашем распоряжении, крайне скудным, материалам, подражает не аппликации, а графическому орнаменту казаков (фиг. 7bcd). Приведенные фигуры почти совпадают с соответствующими элементами казакской орнаментики;² шиты они белой и синей бумагой по красному кумачу. По указанию М. Швецовой,³ у поляков халаты всегда вышивают „по кыргызски“. Аналогичного явления на Бухтарме нам не пришлось встретить; правда, изредка у населения встречаются густо зашитые тамбуром халаты (фиг. 36 в статье „Одежда бухтарминских старообрядцев“), но это всегда вещи привозные, кокандской работы, типичной узбекской техники и орнаментики, ничем по технике не связанные с работой кержачек, и поэтому о них приходится только упомянуть.

Но что останавливает на себе внимание — это шитые разноцветным гарусом штаны из синего покупного сукна, приобретенные А. Н. Белослюдовым в д. Быковой (фиг. 34 в статье „Одежда бухтарминских старообрядцев“). На каждой штанине вышита довольно сложная композиция смешанного северно-великорусского и казакского типа: мы видим внизу дерево и по бокам его две лошади, над этими же сценами видим розетки и круги того же типа, что и вышеописанное шитье „по-кыргызски“.

Кроме того, распространено шитье крестиком. Шитье простым крестом по счету ниток холста на Бухтарме известно было давно и, в комбинации с шитьем „по-мёлкаму“, употреблялось при расшивке груди мужских рубаш; в этих вышивках главный узор шился большей частью „по-мёлкаму“, а шитье крестом нередко играло подчиненную роль, своими прозрачными очертаниями давая некоторую легкость несколько слеповатому шитью „па-мёлкаму“. На старых полотенцах шитье крестом не применялось. Широкое развитие и самодовлеющее значение получила вышивка крестом с проникновением на Бухтарму канвы, т. е. около 25 лет назад. Первое время она

¹ М. Швецова. „Поляки“ Змеиногорского округа. Записки Зап.-Сиб. отд. Руск. Геогр. о-ва, кн. XXVI, Омск, 1899, стр. 75.

² Е. Р. Шнейдер. *Op. cit.*, стр. 165 — фиг. 24, стр. 169 — фиг. 76 и другие.

³ *Op. cit.*, стр. 75.

применялась лишь для расшивки одежды, повторяя старые традиционные узоры, создавшиеся для шитья „па-выметке“; с проникновением на Бухтарму туалетных мыл Брокара и Ралле, с сыгравшими такую печальную роль в гибели старинной вышивки в России узорами на обертках, начали здесь спорадически появляться и городские узоры; особенно быстрым темпом пошло заимствование городских узоров в послереволюционные годы, когда бухтарминская деревня столкнулась с большим количеством „рассейских“, т. е. переселенцев; узоры

эти перенимают от переселенцев, друг от друга, за отсутствием канвы, шьют их на полотенцах—по счету ниток холста; население зовет эти узоры „советскими“.¹

До распространения „советских“ узоров крестом шили мало, теперь же он вытесняет все остальные способы шитья—им вышивают руковерты, цветные мужские рубахи, нарукавники, околодки.

Фиг. 8. а — старинный холщевый руковерт,
б — современный холщевый руковерт.

„Советские“ узоры шьют еще двумя способами: 1) двойным крестом или в „звездку“ (фиг. 8б) — очень любимый теперь способ шитья, им иногда шьют и старинные узоры (фиг. 1а, средний узор) и 2) „рассейской гладью“, т. е. гладью по счету ниток (фиг. 3б, верхний узор на красном фоне), по узорам для шитья крестом, так что гладь образует квадраты, соответствующие крестикам узора; все стежки параллельны друг другу и равны по длине, причем нитки кладут обычно вдоль основы. В настоящее время на полотенцах стремятся шить одним из этих трех способов, заменяя старое шитье

¹ Все городское, проникшее в ясак после революции, носит в обследованном районе название „советский“.

„па-выметке“ новым узором с новой техникой; проставки на полотенцах тоже иногда расшивают новыми узорами. На новых полотенцах уже не пришивают вниз „пяла“ или „передбёрники“ с зубцами, а украшают их иначе: к самому низу пришивают кружево или бахрому, причем у кержачек распространены различные типы этих украшений.

Из них одними из любимых являются „галунцы“ (единственное число „галунец“) — кружева, вязанные крючком из цветной бумаги или шерсти, большей частью в несколько цветов, плотным вязанием ровными рядами полустолбиков (фиг. 3б).¹ Существует несколько приемов расцветки „галунцов“: наиболее изящный — все вязание одинаково плотно, меняются лишь цвета таким образом, что вывязывается традиционно-геометрический узор, например, черный узор на красном фоне с желтыми ягодками, сделанными уже иглой, или красный узор на черном фоне с зелеными ягодками. Более простые и менее изящные приемы, уже не подражающие старой вышивке, а являющиеся всецело городскими с вывязыванием столбиками и дырочками (с помощью воздушных петель) городского узора крестом, например, столь распространенной 8-лучевой звезды, плотной, на фоне из дырочек; если кружево или прошивка узкие и узор мелкий, то вяжут его, повторяя отдельными квадратиками разного цвета (например, ряд семи квадратиков из розовой, голубой, оранжевой и лиловой бумаги). Иногда такой „галунец“ вставляют наравне с вышитыми полосами. Менее красивым вязанием является вязанье ровными рядами столбиков, большей частью 6 столбиков чередуются с 3 дырочками (фиг. 4), причем 5 — 10 рядов вяжутся одного цвета, затем другого, третьего — получаются вязаные полосы разных цветов; иногда расцветка вяжется в шашку. Реже встречается кружево, вязаное крючком же, но образующее ряд из нескольких, чаще трех розеток, образующих собою три крупных фестона; это то, что у кержачков носит название собственно „кружева“, потому что при этом вязании ряды столбиков и дырочек идут по концентрическим кругам. Еще реже вяжут „галунцы“ иглой, т. е. на спицах.

¹ Ср. название „галун“ для нижнего украшения полотенца, бытующее в Заонежье (Е. Э. Кнатиц. Вышивки Заонежья. Сборник „Крестьянское искусство СССР“, Л., 1927.

Кроме галунцов и кружев, украшают низ полотенца и самодельной бахромой обычного типа с решетчатым верхом большей или меньшей ширины, часто делая ее участками разных цветов. Иногда бахрома превращается в самодовлеющее украшение, заменяющее и „галунец“ и бахрому, это так называемые „сыгáнски пялы“, делаемые большей частью из разноцветной бумаги или гаруса. Для изготовления их служат „сыгáнски пяльцы“, т. е. цыганские пяльцы, представляющие собой деревянную четырехугольную рамку, на всех четырех сторонах которой набиты в один ряд кусочки проволоки на расстоянии одного сантиметра друг от друга, откусанные клещами („храпкáми отдернуто“), высотой около 1,5 см. Изготавливают „цыгáнски пялы“ следующим образом: сначала снуют бумагу с одного шпенька пялец на противоположный, помещая каждую следующую нить рядом с предыдущей, причем делают это по четырем направлениям: вдоль, поперек и по обеим диагоналям („накось“); делают так до пяти раз; гарус снуют несколько иначе, а именно — кладут его только в двух косых направлениях; после снования скрепляют наснованные нити в местах перекрещивания их при помощи иглы, причем делают или простой иглой или для скорости и удобства употребляют согнутую дугообразно на огне. Бумагу скрепляют идя горизонтальными прямыми линиями, гарус же скрепляют по горизонтальной, но ломаной линии. Чтобы получить „сыгáнски пялы“ с бахромой, скрепляют перекресты нитей не на всей основе; так, если скрепить их на $\frac{2}{3}$ высоты, то при снятии этого рукоделия с пялец нескрепленная треть, если ее разрезать у шпеньков, будет висеть в виде бахромы. Снуют часто с таким расчетом, чтобы диагональные нити разных цветов при перекрещивании дали ряд ромбов. „Цыгáнски пялы“ появились на Бухтарме сравнительно недавно, лет 25 тому назад, раньше здесь их не знали.

Бахрома, типа цыганских пял, sporadически встречается на поздних полотенцах во многих местах Союза, — так, мы находим ее в Иркутской губернии, Тверской¹ и др.

Помимо самодельных способов, украшают самый низ полотенца и покупными машинными кружевами — белыми, красными (малиновыми), желтыми, называя их в отличие от своих „ку-

¹ Коллекции 421 и 500 Этногр. отдела Русского музея.

пёчески галунцы“, т. е. покупные галунцы; покупают и фабричную бахрому.

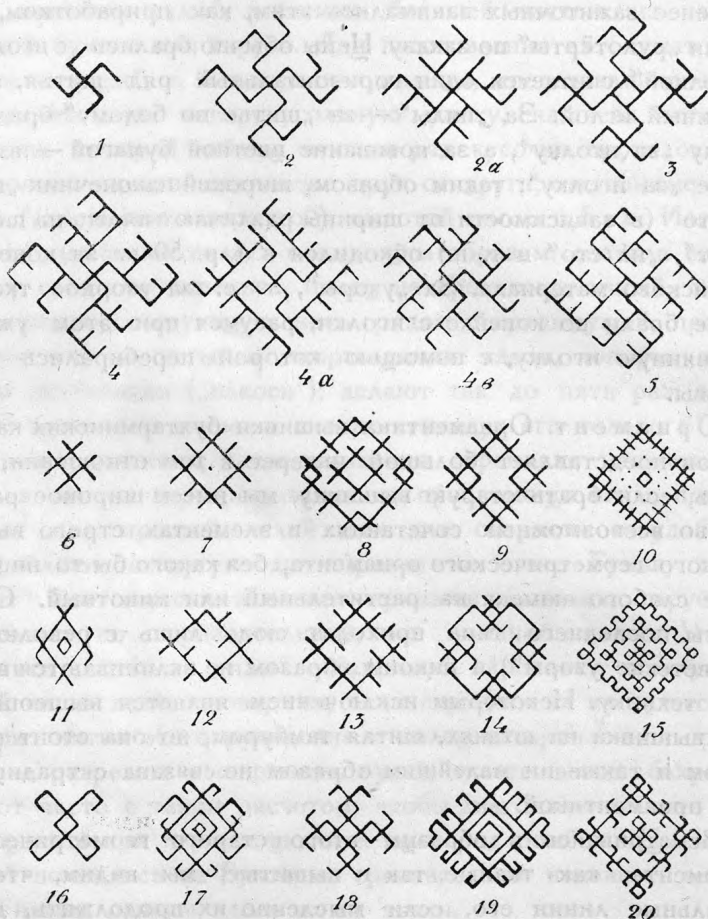
Все вышеописанные способы шитья известны каждой женщине с раннего детства, но тем не менее, и сейчас и прежде одни вышивали лучше, другие хуже. Искусные вышивальщицы из менее зажиточных занимались этим, как приработком, вышивая „рукотёрты“ по заказу. Цены обычно брались „с иголки“. „Иголкой“ считается один горизонтальный ряд шитья, проделанный иглой. За „пялы“ — за „шитье по белому“ брали по грошу „за иголку“, а за повивание цветной бумагой — по копейке „за иголку“; таким образом, широкий наконечник „пялы на сто“ (в зависимости от ширины различают пялы „на шестьдесят“, „на сто“ и т. п.) обходился в 1 р. 50 к. за конец из хозяйского материала. За „узоры“, т. е. за узорное тканье, также брали по копейке с иголки, разумея при этом уже ту деревянную иголку, с помощью которой перебирались нити основы.

Орнамент. Орнамента вышивки бухтарминских каменщиков представляет большой интерес в том отношении, что здесь, если брать старую вышивку, мы имеем широкое развитие во всевозможных сочетаниях и элементах строго выдержанного геометрического орнамента, без какого бы то ни было даже слабого намека на растительный или животный. Орнаменты последнего типа приходят сюда лишь с революцией („советские узоры“) и никоим образом не вклиниваются в старую технику. Некоторым исключением является вышеописанная вышивка на штанах, шитая тамбуром, но она стоит особняком и также ни малейшим образом не связана с традиционной орнаментикой.

Всматриваясь в образцы этого старого геометрического орнамента, как тканые, так и вышитые, мы видим, что все отдельные линии его, если мысленно их продолжить, дадут правильную решетку, что ярче всего видно на фигурах 1а, 5 и др. Это является лишним доказательством правильности теории П. П. Ефименко о первичной решетке, лежащей в основе геометрического орнамента подобного типа, теории, неоднократно высказываемой им устно в различного рода беседах, но пока еще не опубликованной.

При изучении бухтарминского орнамента, его легко удастся разбить на несколько основных элементов. При первом взгляде

поражает присутствие почти во всех композициях, за крайне редкими исключениями, фигуры свастики, простой и усложненной, исполненной всеми видами старой техники, описанными выше. Мало того, и в новых работах—в вышивке крестом на мужской рубаше (фиг. 2 в статье „Одежда бухтарминских ста-

Фиг. 9. Элементы орнамента бухтарминских вышивок:

1 — четырехкрюшный; 2, 2а — восьмикрюшный; 3 — двенадцатикрюшный; 4, 4а, 4б — шестнадцатикрюшный; 5 — двадцатичетырехкрюшный; 6-20 — репы.

рообразцев“), на полотенце в вязаном крючком „галунце“ и прочем мы видим ту же свастику. Сами кержачки называют различным образом варианты такого узора, в зависимости от числа „крюков“ (загнутых концов): „четырекрюшный,

восьмикрюшный, двенадцатикрюшный, шестнадцатикрюшный и двадцатичетырехкрюшный“ (фиг. 9, 1-5).

Из приведенных основных форм каждая может быть скомпонована в нескольких вариантах, как о том можно судить по восьмикрючному и шестнадцатикрючному узорам, представленным в двух-трех вариантах. Таким образом, „крюк“ является основным элементом этого узора, и кержачка представляет свою вышивку не иначе, как состоящую из определенного числа „крюков“. „Сколько-крюшный у тебя галунец-то?“

Фигура свастики, усложняясь прибавлением все большего и большего числа „крюков“, обычно не бывает более двадцатичетырехкрючной. Более сложные фигуры, которые мы видим на фиг. 1а и 5, представляют, собственно, не одну развитую фигуру свастики, а сложную комбинацию нескольких более простых фигур: так, фиг. 1а (верхний узор) представляет собой двенадцатикрючную свастику, заключенную в квадрат из 12 четырехкрючных свастик, соединенных своими крюками; фиг. 5 представляет собой комбинацию 9 восьмикрючных свастик, из которых одна помещается в центре, остальные образуют вокруг нее квадрат, слившись своими соседними „крюками“.

Вторым элементом геометрического орнамента на Бухтарме является так называемый „репёй“ или „репёчек“, представляющий в основе две пары перекрещивающихся линий, дающих ромб с отходящими от него линиями. Мы видим его в различных вариантах на фиг. 9, 6-20: наиболее простые „репьи“ состоят лишь из двух пар пересекающихся линий (фиг. 9, 6), у более сложных число пар увеличивается до восьми (фиг. 9, 10), до 12 (фиг. 9, 15) и т. д.; помимо числа пар пересекающихся линий, усложнение идет таким образом, что изображают линии эти не целиком, а их части, например, изображают лишь внутренние (в пределах ромба) или лишь внешние отрезки, или изображают их через один и т. д.; иногда концы „репья“ украшаются крюками и т. д.; очень сложные „репьи“, варьируемые самым разнообразным способом, встречаются главным образом в узорном тканье; в шитье этот мотив встречается реже—там безраздельно царствует свастика. В то время как в свастике видят сочетание того или иного числа „крюков“, „репёй“ также представляется состоящим из ряда отдельных элементов: самая фигура ромба (фиг. 9, 11) носит название „кружочек“, вписанный в нее меньший ромб — „го-

ловка“, верхние отходящие линии — „рожки“, нижние — „пальчики“, боковые — „крючки“ (при крупном рисунке — те же термины, но не в уменьшительной форме).

Особенно разнообразно украшение ромба „крюками“, располагающимися самыми различными способами (фиг. 9, 16—20); характерны наиболее часто встречающиеся комбинации: 1) „крюки“, являющиеся продолжением пересекающихся линий, обращены у каждой пары линий друг к другу (фиг. 1с—наконечник и 8а)—получается фигура, очень близкая к целому вариационному ряду фигур как великорусской, так и казакской и, отчасти, таджикской орнаментики,¹ или 2) „крюки“ обращены все в одну сторону (фиг. 8b—наконечник), получается любопытная комбинация свастики и „репья“. Встречаются нередко и смешанные фигуры первой и второй комбинации (фиг. 9, 19, 20). Следует отметить, что эти фигуры и чистой и смешанной орнаментики крайне типичны для великорусского и финского орнамента. Очень интересный вариант первой комбинации представляет фигура шитья „па-выметке“ на фиг. 1b: здесь концы крюков закручены спиралью в три оборота каждый; кроме того, середина ромба заполнена четырьмя подобными же спиральями; этот тонкий, изящный узор сейчас уже редко встречается и больше его не вышивают; у „поляков“ его можно встретить в различных видах и в половину ширины холста, как на приведенном полотенце, и во весь холст. Особенно хорош этот узор на старинных нарукавниках,² передняя часть которых, в сущности, по всему *habitus*’у, представляет два сшитых конца полотенца; здесь данный мотив трактован в высшей степени сложно, давая два ряда спиралей по каждой стороне ромба—по три пары обращенных друг к другу на наружной стороне, и по четыре штуки внутри, итого 24 наружных и 16 внутренних спиралей. Эта пышная фигура, заключающая еще внутри ряд концентрических ромбов, не находит себе точных аналогий среди общевеликорусского соответствующего материала, но некоторое сходство можно усмотреть между нею и одним из типов орнаментации вышивок южно-великоруссов Орловской губ.³ Интересно, что

¹ Е. Р. Шнейдер. *Op. cit.*, стр. 165—фиг. 18 и 19; стр. 167—фиг. 28, 41, 49 и др.

² Этногр. отдел Русского музея—коллекция 2699 из д. Бутачики.

³ Коллекции Этногр. отдела Русского музея.

некоторое сходство наблюдается и между нею и теми узорами спирального и меандрового типа, которые простегивают казаки на своих кошемных футлярах для сундуков.¹

Кроме этих двух основных элементов орнамента—свастики и ромба, все остальные линии, углы—„дужки“² и другие являются, лишь за крайне редкими исключениями, пассивными обрамлениями или заполнениями между активными элементами и получаются в результате соединений и комбинаций этих активных элементов.

Свастика и „репёй“ постоянно комбинируются вместе различными способами, причем большей частью в крупный „репёй“ вписывается свастика того или иного вида. Композиции этих элементов в вышивке и тканье совершенно различны; в вышивке предпочитают одну центральную фигуру с группирующимися вокруг нее дополнениями и „подкаёмками“, занимающую собой квадрат со стороной, равной ширине холста. Эта сложная композиция геометрических элементов, главным образом свастики и „репья“, в виде крупного квадрата, представляющая собой законченное, разработанное целое, является излюбленной на Бухтарме; мы видим ее в шитье „па-выметке“ на основной части холщового полотенца, она всегда воспроизводится на наконечниках полотенца (шитье—„пялы“ и „передбёрники“ и вязанье—„галунёц“), она же украшает собой грудь мужской рубахи (о возможном происхождении ее в этом последнем случае см. статью „Одежда бухтарминских старообрядцев“) и старинного сарафана. Наряду с этой формой, при вышивке основной части полотенца пользуются и другим приемом, а именно—поле, предназначенное для вышивки, разбивают на меньшие четыре поля—четыре квадрата (фиг. 2а) или четыре треугольника (фиг. 3а); каждый из них расшивается отдельно, причем треугольники вышиваются всегда одинаково, а квадраты обычно разбиваются на два яруса и в каждом ярусе вышиваются различно. Обычно, квадраты верхнего яруса вышиваются более легким и прозрачным узором, чем нижние, повторяющим композицию большого квадратного узора неразделенного поля. На более поздних полотенцах можно видеть

¹ Е. Р. Шнейдер. *Op. cit.*, табл. XVIII.

² В орнаменте бухтарминской вышивки и тканье, как и вообще у великоруссов, ромб и квадрат трактуются как „круг“, угол ромба или квадрата как „дуга“.

уже известную редукцию общей структуры вышивки — от нее остается лишь нижний ярус из двух квадратов (сравнить 2b и 1bc). Нижнюю часть полотенца, „наконечник“, никогда не дробят на отдельные участки, а всегда зашивают одной неразделенной квадратной композицией.

Реже, чем широкая квадратная вышивка, представляющая одну композицию, встречается на полотенце узкая вышивка „па-выметке“, дающая ряды одинаковых несложных фигур (фиг. 8a).

В узорном тканье никогда не применяют квадратной композиции, а всегда берут ряды отдельных элементов, большей частью ромбов самого разнообразного вида, вписанных один в другой, со свастиками и без них, идущих в ряд; в наиболее широких „узорах“ раппорт орнамента повторяется не менее двух раз, чаще же всего он повторяется три раза; длина „узора“ по крайней мере вдвое больше его ширины.

После ознакомления с бухтарминской вышивкой, ее техникой, орнаментом и бытованием, встает вопрос о том, какое же место она занимает среди великорусской вышивки вообще? Где мы находим ей аналогии и где ближайшие ее родственники? В ответ на эти вопросы следует сказать, что полных аналогий бухтарминским вышивкам среди известного по литературе и музейным собраниям материала мы не имеем. Наиболее близко к ним стоят поляцкие вышивки, имеющие много сходства с бухтарминскими, как по отдельным деталям, технике, орнаменту, так и по способам расположения узоров на рубахах, полотенцах и пр. По первому взгляду сразу можно сказать, что это вещи одного культурного очага, но есть и некоторые различия в деталях: приглядевшись к вещам, всегда отличишь — полотенце каменщицкой или поляцкой работы, не говоря уже об одежде, например, о расшитых мужских рубахах, о различии которых говорилось уже выше.¹ Основное, что бросается в глаза в поляцких вышивках, при сравнении их с бухтарминскими, это: а) большая пышность, сложность и богатство вышивки; вышивка на бухтарминских рубахах отличается некоторой скупостью, строгостью, спартанской простотой по сравнению с расшитыми поляцкими рубахами; б) широкое применение старого шитья крестом и ком-

¹ См. статью „Одежда бухтарминских старообрядцев“.

бинирование его с шитьем „па-выметке“, что резко отличает эту вышивку от бухтарминской, где на старых полотенцах шитье крестом вовсе не встречается, а употребляется лишь на старинных мужских рубахах; с) употребление цветного бисера в вышивке (бисер вшивается в центре ромбиков, составляющих ряды окаймляющих узких, играющих подсобную роль, вышивок, бисер нашивается на „боры“ и т. п.); d) более свободное пользование шитьем по-киргизски; правда, оно не входит в композицию вышивок, но поляцкие женщины его любят использовать на кумачных проставках в полотенцах, нарукавниках и рубахах; здесь эти проставки прочно вошли в общую конструкцию вещи и составляют неразрывное целое с остальными вышитыми частями; на Бухтарме же в старых вещах шитья по-киргизски нет совершенно, оно встречается лишь на более поздних ненарядных полотенцах.

По целому ряду деталей бухтарминская старинная, т. е. относящаяся к концу XIX в., вышивка древнее по своему типу соответствующей вышивки поляцкой: отсутствие шитья по-киргизски, преобладание шитья „па-выметке“, двусторонность шитья (в то время как у поляков давно уже появилось шитье одностороннее),¹ более позднее появление кружев, вязаных крючком из бумаги, и т. п. Несмотря на все это, вышивку каменщиков и вышивку поляков следует признать однотипной, имеющей близкую технику, однородные основные элементы и сходные приемы композиции узора. Эта значительная близость поляцкой и каменщицкой вышивки может быть объяснена не только соседством и общностью культурных и религиозных интересов той и другой старообрядческой группы но до некоторой степени и обстоятельствами исторического характера. Как указывалось выше,² в первое время каменщики испытывали недостаток в женщинах и им приходилось тем или иным способом доставать себе женщин у соседей, в том числе и у поляков. Поляцкие женщины, безусловно, могли многое привнести в среду каменщиков, могли значительно повлиять и на характер женского искусства на Бухтарме. Можно думать, что целиком они не создавали здесь ничего, а нашли лишь себе благоприятную среду, где предметы женского искусства играли

¹ См. коллекцию А. Н. Белослюдова в Этногр. отделе Русского музея.

² См. статью „Кто такие бухтарминские старообрядцы“.

большую роль и где было место и время развернуться их творчеству.

Если выйти за пределы Алтая, то, насколько мне известно по литературе и собраниям Этнографического отдела Русского музея, близких аналогий как в пределах Западной, так и Восточной Сибири указать нельзя, в особенности при бедности собраний наших центральных музеев по Сибири. Невольно приходится искать аналогий для алтайской вышивки в пределах Европейской части Союза. Здесь, при сопоставлении отдельных видов вышивки и узорного тканья, можно обнаружить значительное сходство между алтайским и европейским материалом. Так, шитье „па-выметке“ является в прошлом общим почти для всех великоруссов, к настоящему времени в значительной доле почти утративших эту технику.

Богатейшие коллекции Этнографического отдела Русского музея дают ряд параллелей в сходстве отдельных приемов шитья „па-выметке“, хотя нигде пожалуй, за исключением разве Рязанской губернии (шитье „па-выметке“ на старинных шушпанях), не приходилось видеть такого выдержанного и единообразного расположения стежков по ломаной линии, образующих квадратики, идущие по диагонали и никогда не соприкасающиеся своими сторонами, а лишь углами, какое мы имеем в шитье каменщиков. Все другие районы дают на одной и той же вышивке различное расположение стежков „па-выметке“, часто комбинируя это шитье с другими способами шитья. Шитье „па-мёлкому“ как украшение одежды распространено, кроме всех великоруссов, и среди белоруссов — так называемое шитье „протягам“, т. е. протягиванием, и среди украинцев — так называемое шитье „нызью“, т. е. нанизыванием; оба термина очень точно определяют эту технику. На Бухтарме, как повидимому и вообще у великоруссов, шитье „па-мёлкому“ является продольным, идущим вдоль длины вышивки, в то время как у белоруссов и украинцев распространено и продольное и поперечное расположение вышивающей нити. Это шитье, которое иногда трудно бывает отличить от узорного тканья, является повидимому древнейшим из тех способов украшения одежды, которые известны в настоящее время у восточных славян, хранящим и древнейшие же, возможно, наиболее типичные для восточных славян, элементы и композиции геометрической орнаментики.

Шитье по выдерганному холсту — алтайские „пялы“ — в принципе является характерным для всех великоруссов, но по деталям — как по технике, так и по приемам расположения фона и узора — не находит себе четких аналогий среди многочисленных великорусских способов шитья по выдерганному. Прежде всего, первый из приемов, употребляющихся при шитье „пялы“, а именно — восполнение недостающих ниток фона льняной нитью — широко распространен как на севере, так и на юге на вышивках по выдерганному. Шитье же красной нитью — повивание — резко отличается и от северной строчки, и от южной перевити и является много примитивнее, чем значительно более совершенные и разнообразные приемы шитья по выдерганному, распространенные на европейской территории. Подобная техника встречается спорадически (например, Иркутская, Новгородская, Костромская, Орловская, Пензенская и др. губернии).¹ Затем, столь характерное для бухтарминских пял постоянство ширины полос фона и узора, дающее возможность говорить о первичной решетке (см. выше), наблюдается во многих великорусских районах (хотя бы, например, вологодская белая строчка на ширинках, строчки Костромской и Орловской губ.); но в то время, как везде фон является однородной решеткой, пассивно заполняющей промежутки между линиями узора, на Бухтарме фон является самодовлеющей частью, расцвеченной „ягодками“; такого типа фон среди музейных коллекций аналогий почти не имеет. Самый принцип расцветки: белым — одна техника, красным с синей оживкой — другая, — такой в точности тип среди музейных коллекций обнаружен не был; северным великоруссам такое шитье не свойственно. Близким по общему впечатлению является шитье по выдерганному Орловской и Тульской губ., что как будто говорит об южно-великорусском происхождении этого приема, т. е., иначе говоря, об заимствовании его от поляков (хотя этот прием встречается и в Костромской губ.). Следует только отметить, что у южно-великоруссов этот способ шьется по способу перевити, т. е. по несколько раз обвивая невыдернутые нити, у бухтарминцев же этого нет, что дает здесь более ослабленный эффект и большую легкость шитья. У „поляков“ „пялы“ также шьются иначе — по принципу

¹ Коллекции Этнографического отдела Русского музея.

строчки, так что правая сторона резко отличается от левой, в то время как у бухтарминцев обе стороны одинаковы.

Что касается „передбёрдников“, то обыкновение делать на ткацком стану, способом бранья, предварительную заготовку, где уже намечен будущий узор, отмечается во многих местах Великороссии, в некоторых из них в прежнее время он был широко распространен (например, в Воронежской губ.); в упрощенном виде (браные в шашку квадраты) встречается во многих местах и у великоруссов и у белоруссов. „Передбёрдники“ же совершенно того же типа, что на Бухтарме, но не обшитые цветной бумагой, встречаются в Иркутской губ.¹ Узорное тканье этой техники является общим для всех восточных славян.

Таким образом по основным приемам техники бухтарминская вышивка является типично великорусской.

Что касается самого орнамента вышивки, то и здесь имеются значительные аналогии среди великорусского материала. Упомянутые выше основные геометрические элементы бухтарминской вышивки — свастика и „репёй“ — являются характерными как для северной, так и для южно-великорусской вышивки. Не только отдельные элементы, но и способы сочетания их, отдельные приемы композиции являются общими и в этом отношении бухтарминская вышивка не стоит особняком. Тем не менее, бухтарминская вышивка целиком не совпадает ни с северной, ни с южной, так как на Бухтарме не встречается, кроме свастики и „репья“, других элементов южно-великорусского геометрического орнамента и абсолютно неизвестен весьма типичный для севера фигурный орнамент. Таким образом, немногие основные элементы орнамента, достигшие на Бухтарме большого развития и не заслоненные какими-либо другими элементами, являются общими для всех великоруссов. Это обстоятельство может говорить за очень давнее появление у предков современных великоруссов вышеуказанного типа орнамента, который довольно рано мог быть вынесен предками бухтарминцев из-за Урала и стойко сохранен на окраине русского государства.

Этой ранней оторванностью от основного великорусского ядра и основной великорусской культуры быть может и объ-

¹ Коллекция 421 Этнографического отдела Русского музея.

ясняется бедность в разнообразии узоров и стойкость определенных мотивов, в то время как у европейских великорусов на эти общие северно- и южно-великорусские элементы наслои́лся целый ряд новых мотивов. К такому выводу приводят общие сопоставления с геометрической вышивкой из северно- и южно-великорусских губерний. Если же поставить вопрос о том, к какой группе великоруссов наиболее близкими являются бухтарминцы по вышивке, то здесь, при ближайшем анализе самой вышивки и при разборе исторических данных о заселении края можно предполагать, что бухтарминская вышивка в основе своей является северно-великорусской и лишь совпадает по типу с поляцкой, частично находясь под влиянием последней. Но возможна и совершенно иная точка зрения, говорящая о полном заимствовании от „поляков“ искусства вышивания, с последующим развитием и изменением на месте заимствованного извне материала. К сожалению, небольшое количество поляцкого материала, имеющееся в Этнографическом отделе Русского музея, не дает возможности ни оспаривать, ни отстаивать такое предположение. Точно так же ни в литературе, ни в музейных собраниях не имеется соответствующего материала ни от стародубских и ветковских старообрядцев, под воздействием которых в свое время (до 1764 г.)¹ могла складываться поляцкая вышивка, ни из Вятско-Пермского края, с культурой которого бухтарминцы имеют много общего,² так как предки современных бухтарминцев должны были так или иначе коснуться культуры Приуралья; если же мы, как сравнительный материал, возьмем вышивку и ткань ближайших соседей Вятско-Пермского края — вологжан и пермяков, то увидим поразительное сходство, особенно в ткани,³ — его характере, орнаменте и роли, которую оно играет. Сравнить хотя бы известные вологодские передники с широкими затканными красной бумагой полосами, где во всевозможных вариациях тракуются те же свастика и „репёй“; пермяцкая одежда по украшающему ее тканью также очень близка бухтарминской. Не менее резко это сходство проявляется в тканых узорных поясах, которыми славятся пермяки. Если исходить из этого сходства и если вспомнить, что красное, узорное тканье с двой-

¹ См. статью „Кто такие бухтарминские старообрядцы“.

² См. материалы по одежде и языку.

³ Коллекции Этнографического отдела Русского музея.

ным уткóм (красным и белым) является крайне типичным для всех вообще великоруссов (как и белоруссов), и что северно-великорусский орнамент идет по двум линиям, между собой, за крайне редкими исключениями, почти не сливающимся — группа геометрическая и группа животно-растительная на различных стадиях эволюции и геометризации, то можно сказать следующее: у бухтарминцев в их тканье и вышивке мы имеем одну из крайних степеней развития в чистом своем виде группы геометрического орнамента (свастика и репéй), все элементы которого имеются и в северно-великорусской вышивке, но часто остаются в ней незаметными, заслоненными более заметным и бросающимся в глаза фигурным шитьем. Если же вспомним, что предки бухтарминцев ушли из пределов Европейской России не позднее конца XVII века, а может быть и гораздо раньше, как об этом говорилось в предыдущих статьях, то можно считать, что они вынесли с своей родины тип шитья, который в то время там был распространен, т. е., очевидно, группу геометрического орнамента, без какой бы то ни было примеси шитья фигурного. Если это так, то и здесь, как и в статьях „Постройки...“ и „Одежда бухтарминских старообрядцев“, можно говорить о домосковской культуре, о домосковском орнаменте (ср. соответствующие места в вышеупомянутых статьях), являющихся в значительной мере общими для северно- и южно-великоруссов. Так как этот геометрический орнамент является общим для всех великоруссов, белоруссов и ряда финских племен (суоми, карелы, пермяки, мордва и др.), то можно утверждать, что он является более древним, чем группа орнамента фигурного, пришедшая с востока; и если не стоять на точке зрения В. А. Городцова о крайне раннем происхождении фигурного орнамента (или, по крайней мере, отдельных его видов) в русской народной вышивке, относящего его выделение из дакийского орнамента ко II в. нашей эры, то бухтарминская вышивка является одним из доказательств живучести древней геометрической группы орнамента, присущего и тканью и вышивке. По сравнению с этой древней геометрической стихией, более поздними и заносными кажутся влияния востока, давшие фигурный орнамент

¹ В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Труды Исторического музея. Вып. I. Разряд археологический. М., 1926.

и, в области орнамента же, сильнее всего сказавшиеся у тех групп, которые находились или под прямым влиянием востока (народности Поволжья), или косвенным путем испытывали его воздействие через Москву (северные великоруссы и находившиеся под сильным их влиянием карелы и вепсы). Правда, этому отсутствию фигурного орнамента может быть дано и такое объяснение: уйдя за тысячу верст от своей родины, порвав со всем старым и не имея перед глазами никаких образцов для воспроизведения, женщина, хотя и знавшая у себя на родине фигурный орнамент, сохранила в памяти лишь более легкие и естественно воспроизводимые без подлинника геометрические узоры, отдельные элементы которых были всегда в памяти в связи с техникой. Пронеся это через Сибирь и попав в привольные условия жизни на Алтае, женщины собрали осколки уцелевшего в памяти геометрического орнамента и на месте уже, при большом досуге их, развились те комбинации, некоторым из которых точных аналогий в европейских материалах мы не находим. Но это объяснение едва ли действительно, так как в старинной бухтарминской вышивке не обнаруживается ни малейшего намека на знакомство с фигурным орнаментом северно-великорусского типа.¹

Бухтарминцы, живя на окраине государства, окруженные казакским населением, с которым они имели по преимуществу экономические сношения, должны были воспринять некоторые элементы казакского искусства. Выше уже отмечались некоторые стороны влияния со стороны казаков, как на технику шитья, так и на орнамент („по-кыргызски шито“). Влияние казаков сильнее сказывается на предметах поляцкого искусства, нежели на предметах искусства бухтарминского. Возможно, что большее усвоение киргизского шитья у поляков объясняется большей склонностью их, как южно-великоруссов, к яркому, чем у каменщиков, в основе северно-велико-

¹ Возможно, что это полное незнание с фигурным орнаментом в вышивке повлияло и на характер росписи. Приезжавшие тюменские мастера, расписывавшие жилище и утварь бухтарминцев, внося свое мастерство, должны были, отчасти, руководиться вкусом хозяев. Не этим ли объясняется полное отсутствие на Бухтарме росписи с бытовыми сюжетами, столь распространенными в Западной Сибири, где они изображаются теми же тюменскими мастерами (а за знакомство последних с бытовой росписью говорит и близость тюменской школы к нижегородской, для которой бытовые мотивы являются типичными)?

руссов, привыкших к одноцветной красной или белой вышивке (или строчке); кумачные же полосы с крупным белым и синим киргизским орнаментом, столь любимые поляками, являлись слишком яркими и броскими для каменщиков, в прошлом знавших лишь одноцветную вышивку по белому холсту и только позднее начавших украшать кумачные и сатиновые полотенца яркими и пестрыми шерстями и шелками.

Таким образом, сторонние влияния сказались весьма слабо на „старопрежней“ бухтарминской вышивке, вследствие чего она сохраняет много старинных черт и представляет строго выдержанную орнаментальную систему, состоящую из ограниченного числа очень древних мотивов, представленных в богатейшем разнообразии вариантов и в самых разнообразных технических приемах. В этом-то и заключается большой этнографический интерес бухтарминских материалов, так как здесь мы встречаемся с определенной богато развитой и стойко выдержанной орнаментальной системой, не нарушенной какими-либо привходящими мотивами. Такая стройность орнаментальной системы весьма редко встречается даже в районах очень богатых вышивкой, так как обычно в отдельных пунктах при наличии тех или иных доминирующих мотивов наблюдается разнობой, вследствие проникновения в ту же старую вышивку элементов орнамента иного типа.

ГОВОР БУХТАРМИНСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ

Н. П. Гринкова

Русские говоры Сибири, занимающие огромную территорию, являются наименее изученными в сравнении с говорами Европейской части Союза. В конце прошлого столетия А. И. Соболевский в своем „Очерке русской диалектологии“,¹ представляющем сводку всех напечатанных до 1892 г. материалов по русской диалектологии, дает весьма краткие сведения о сибирских говорах, по-преимуществу — восточных, о говорах же Западной Сибири в его распоряжении не было никаких материалов. С тех пор положение изучения народных говоров в Сибири мало улучшилось. В то время, как к 1914 г. Московской диалектологической комиссией была составлена „Диалектологическая карта русского языка в Европе“,² сибирские говоры оставались в стороне и не могли быть нанесены на карту за отсутствием соответствующих материалов. Лишь в 1921 г. в Иркутске вышла первая работа, представляющая собой сводку всех материалов по сибирским говорам — „Диалектологический очерк Сибири“ проф. А. М. Селищева. В указанной работе дается общая характеристика сибирских русских говоров, и намечаются те или иные лингвистические черты, характеризующие отдельные районы огромной сибирской территории.

Тем не менее, за отсутствием значительного материала многие районы Сибири и до настоящего времени остаются неосвещенными. В частности, весьма скудные данные имеются о русских говорах Алтая, особенно южного, где живет довольно

¹ Живая Старина, 1892, вып. 2.

² Труды Московской диалектологической комиссии, вып. V.

давнее население по течением рр. Убы, Ульбы, Катуня и Бухтармы. В бассейнах первых двух рек — Убы и Ульбы — живут великоруссы-старообрядцы, известные под названием „поляков“,¹ поселенные здесь в 1765 г. и этнографически и диалектологически близкие живущим в Забайкалье старообрядцам, известным под названием „семейских“. Говор „семейских“, обследованный и описанный А. М. Селищевым в работе „Семейские“, является южно-великорусским говором. Говор алтайских „поляков“ А. М. Селищев,² на основании некоторых, весьма отрывочных сведений, относит также к южно-великорусским говорам. Южно-великорусское происхождение „поляков“ говоров также подтверждают некоторые данные, полученные мною от А. Н. Белослюдова в Семипалатинске.

Говоры великоруссов-старообрядцев, живущих на Катуня и Бухтарме, так называемых „каменщиков“,³ вовсе не обследованы, и в литературе не имеется о них никаких сведений. Летом 1927 г. мною собраны среди бухтарминских „каменщиков“ в среднем течении реки Бухтармы материалы, позволяющие судить о принадлежности говоров этих старообрядцев к северно-великорусской диалектической группе, в противоположность выше названным старообрядцам — „полякам“ и „семейским“.

Принадлежность бухтарминских старообрядческих говоров к северно-великорусским подтверждает указание А. М. Селищева, что „говоры «старожилого» русского населения Сибири принадлежат к тому же типу, что и говоры на северо-востоке Европейской России. Это — говоры — северно-великорусские. Оказавшись в Сибири, носители северно-великорусских говоров сохранили тот звуковой состав, тот формальный и синтаксический строй, тот лексический запас, который вынесен был с севера и северо-востока Европейской России“.⁴

Расхождение в диалектологическом отношении говоров алтайских старообрядцев „каменщиков“ и алтайских „поляков“, живущих в довольно близком соседстве и связанных общностью

¹ О происхождении „поляков“ см. выше статью „Кто такие бухтарминские старообрядцы“.

² *Op. cit.*, стр. 10.

³ О происхождении названия „каменщики“ см. выше статью „Кто такие бухтарминские старообрядцы“.

⁴ *Op. cit.*, стр. 142.

религиозных убеждений, заставляющих как тех, так и других отгораживаться от всего постороннего, „мирского“, а также связанных общностью бытовых, экономических и географических условий жизни в Алтайских горах, — вполне объяснимо историей поселения как тех, так и других.

Бухтарминские „каменщики“ являются старым коренным, „старожилом“, населением Сибири, пришедшим в Западную Сибирь, за Урал, не позднее конца XVII в.,¹ из основных районов Европейской России, являвшихся источниками переселенческих волн в Сибирь, т. е. из пределов современных северных и северо-восточных районов Европейской части СССР. Вполне естественно ожидать в говоре их, как основной субстрат, вынесенный из их европейской родины, — северно-великорусскую стихию. „Поляки“, поселенные по правительственному указу на Алтае в конце XVIII в., являются выходцами из пределов современного Гомельского округа БССР, куда они еще раньше переселились из Черниговского Стародубья. Самое географическое положение первоначальных поселений „поляков“ у себя на родине подтверждает мысль, что говоры их должны быть южно-великорусского или белорусского происхождения.

Говоры бухтарминских старообрядцев представляют интерес для русской диалектологии, так как их приходится рассматривать как говоры, оторвавшиеся от западно-сибирской диалектической массы в конце XVII в., самое позднее в начале XVIII в., и сохранившие в значительной мере старое наследие. Здесь, на Бухтарме, эти говоры могли долгое время существовать, не испытывая никакого влияния со стороны других говоров, так как при первоначальных поселениях „каменщиков“, район Бухтармы был совсем еще не заселен русскими, и вследствие этого никакие другие русские говоры не могли дать толчка к развитию тех или других явлений. Ближайшие соседи „каменщиков“ — казаки (киргизы) — на их говор не оказали значительного влияния, несмотря на то, что почти все мужское население, и отчасти многие старухи говорят „по-кыргызски“. Это двуязычие мужского населения не кладет заметного отпечатка на местный русский говор, если не считать заимствованных названий для различных предметов, покупаемых у казаков или

¹ Историю заселения бухтарминской долины см. в статье „Кто такие бухтарминские старообрядцы“.

изготавливаемых ими по заказу кержаков (см. выше указания в отдельных статьях).

С конца XVIII в., как указывалось выше, по соседству с каменщиками поселились „поляки“ — носители южно-великорусского говора. Религиозная близость и непосредственное соседство рано заставили сблизиться эти две старообрядческие группы и, как следствие такого культурного и экономического сближения, должны были явиться те или другие языковые явления. Ниже, при описании бухтарминских говоров, будут отмечены наиболее существенные отклонения от типичного западно-сибирского говора, создавшиеся, повидимому, под воздействием южно-великорусской „поляцкой“ среды. Влияние этих говоров на бухтарминские следует считать весьма сильным и существенным.

Влияние других русских соседей, в значительной мере носителей южно-великорусского говора, именно поздних переселенцев, так называемых среди старожильского населения „расейских“ — менее значительно. Переселенческая волна из центральных (акающих) губерний хлынула на Алтай довольно поздно, именно в конце XIX в. В самых же дальних деревнях бухтарминского района, наиболее удаленных от Иртыша и колесного тракта (т. е. в Белой, Язовой и Фыкалке), переселенцы появились только в 10-х годах XX столетия. Такое недавнее соседство с переселенцами не могло оказать существенного влияния на бухтарминские говоры. Кроме такого краткого срока, слабость влияния переселенческих говоров обусловлена также и тем, что в одном и том же селении старообрядцы-старожилы и переселенцы, „расейские“, не составляют одного целого, а являются как бы двумя обособленными мирками, стремящимися, по возможности, реже вступать в какие-либо близкие отношения; в частности, на Бухтарме почти совсем не наблюдается случаев браков между старожилами и новоселами. Таким образом, этот фактор не является сильным на Бухтарме, и влияние новых говоров пока еще неощутительно.

В бухтарминских говорах не наблюдается того расслоения говоров по возрасту, полу и социальным группировкам, как это имеет место в большинстве русских говоров Европейской части Союза. Это расслоение в рядовой русской деревне в значительной мере обусловлено культурными и экономическими факторами, влияющими на быт той или иной деревни. Издавна сол-

датчина и всеобщая воинская повинность с 60-х годов постоянно отрывали определенный процент мужского населения любой деревни и тем самым являлись проводниками новых языковых элементов, нарушавших строй старого типа говора, и создававших в деревне дифференциацию говора по линии принадлежности к женскому говору, старинному, не испытывавшему новых влияний, или к мужскому, вобравшему в себя элементы инородной, в значительной мере городской речи. На Бухтарме влияние этого фактора ничтожно, так как „каменщики“, с 1791 г. приписанные к ясачным инородцам, не несли никаких повинностей, в том числе и воинской (см. статью „Кто такие бухтарминские старообрядцы“), до 1878 г., когда впервые небольшая часть бухтарминского старообрядческого мужского населения частично вышла за пределы Алтая и столкнулась с городским говором. До настоящего времени прошло через военную службу уже три поколения, но тем не менее этот срок не является достаточным, чтобы влияние городского говора сказалось настолько сильно, чтобы можно было определенно выделять мужскую речь из общей массы того или другого говора. Кроме военной службы, значительным фактором, действующим нивелирующим образом на говор, являются отхожие промыслы, отвлекающие во многих местах, особенно в Северной и Центрально-промышленной областях Европейской части Союза, значительную часть мужского, и в некоторых случаях и женское население на сторону, преимущественно в большие промышленные центры. Бухтарминское старообрядческое население вовсе не знает отхода на сторону, особенно в города. Единственный промысел, до некоторой степени временно отрывающий население из родных мест в город — это сплав леса в Усть-Каменогорск и Семипалатинск. Но роль этого отхода так незначительна, что при анализе особенностей говора этот фактор вовсе не приходится учитывать. Население, в значительной мере живущее продуктами своего хозяйства, при богатстве края не нуждается в отхожих промыслах и живет вдалеке от городского влияния.

О непосредственном влиянии городского говора при анализе бухтарминской речи говорить вовсе не приходится, так как Бухтарминский край далек от городов, от ближайшего (250 км) города — Усть-Каменогорска — отделен высоким хребтом Холзуном, препятствующим прямому сообщению с городом (см. ст. „Хозяйственный быт...“ гл. „Пути сообщения и средства пере-

движения“). До более крупного города — Семипалатинска — еще дальше (по Иртышу 500 км). Таким образом, прямое проникновение городского говора в обследованные селения является почти что совсем невозможным.

Что же касается влияния говора местной интеллигенции, то о нем также говорить не приходится, так как число представителей литературной речи в бухтарминских деревнях ничтожно (учитель, секретарь сельского совета, счетовод кооператива).¹

Влияние школы и грамотности также не ощущается на местном говоре, так как кержаки крайне неохотно посылают детей в школу, в которой не учат церковной грамоте и пению, и предпочитают обучать мальчиков у своих начетчиков.

В силу указанных причин, в говоре бухтарминского населения нет разницы между мужским и женским говором, как это отмечается исследователями в разных местах (ср., например, материалы Васнецова по Вятской губ. и др.). Точно также нет такого резкого различия между говором стариков и старух с одной стороны и говором молодежи, особенно мужской, — с другой стороны. Поэтому, в бухтарминских деревнях речь может идти об одном общем типе говора, и любой кержак, независимо от пола и возраста, может служить объектом для наблюдения над местной типичной речью. Социальная же дифференциация в среде каменщиков ничтожна (см. табл. 1 в ст. „Хозяйственный быт...“).

Ввиду давности старообрядческих поселений на Бухтарме и ввиду того, что они мало подверглись влиянию со стороны городского говора, стирающего индивидуальные местные черты, говор бухтарминского населения должен сохранить ряд ярких и довольно древних северно-великорусских диалектических черт. Эта старая и типичная северно-великорусская основа четко чувствуется во всем облике обследованных говоров. Тем не менее, при более детальном знакомстве с бухтарминскими говорами, можно обнаружить, что они не являются говорами, в полной чистоте сохранившими северно-великорусский облик. Эти говоры в области форм, синтаксиса и лексики сохраняют северно-великорусские диалектические черты, вынесенные ими с их европейской родины и переживающие в значительной мере в говорах, как запада, так и востока Сибири. В области же

¹ См. статью „Кто такие бухтарминские старообрядцы“.

фонетики в бухтарминских говорах наблюдается ряд отклонений от основного северно-великорусского типа, сказывающихся по преимуществу в области вокализма.

ФОНЕТИКА

Гласные звуки. Говоры бухтарминских старообрядцев, принадлежа в основе своей к северно-великорусским говорам, не сохраняют одной из характерных северно-великорусских черт — *оканья*. Отчетливое произношение *о* наблюдается в этих говорах по преимуществу в ударном слоге.

На Бухтарме вовсе отсутствует произношение неударенного *о*, как *у*, отмеченное в некоторых алтайских говорах.¹ Такое произношение *о* в бухтарминских говорах невозможно, ввиду того, что в них в неударенных слогах наблюдается *аканье*. А. М. Селищевым указываются акающие не южно-великорусские говоры, между прочим, в Змеиногорске, и в „каких-то других местностях Томской губ.“²

Ввиду того, что Бухтарма раньше входила в состав Змеиногорского уезда Томской губ., возможно предполагать, что указание „в каких-то других местностях Томской губ.“ может относиться и к современному Бухтарминскому району.

Характер отражения *аканья* в первом предударном слоге в бухтарминских говорах говорит об элементах сильного *аканья*, проникших в эту северно-великорусскую языковую массу. Так, после непалатализованных согласных этимологическое *а* сохраняется как *а*: *трава́*, *сама́* и т. п. Этимологическое *о* звучит в первом предударном слоге, как *а*: *вада́*, *пашла́*, *прамо́шит*, *палат'ёнса*, *кан'а́*, *ваз'му́*, *памно́гу*, *пал'эхше*, *дваро́ф*, *паја́т*, *ган'а́ют*, *жан'йл'а*, *на шарст'и́*, *каво́*, *вадв'йса* и т. п.

После палатализованных согласных в первом предударном слоге на месте этимологических *а*, *о* встречается обычно один рефлекс — *а* именно звук *а* — как перед твердыми, так и перед мягкими согласными, независимо от характера ударенного гласного: *тра'ас'о́цца*, *пра'амо́ј*, *ша'асы́* и т. п.

На месте *е* (из *е*, *ѣ*, *ь*) в первом предударном слоге слышатся звуки *а* и *е*; причем *а* отмечено по преимуществу в случаях перед следующими лабиализованными согласными, реже

¹ Селищев. *Op. cit.*, стр. 8.

² *Op. cit.*, стр. 10, со ссылкой на Русск. филол. вест., 1914, № 1.

перед палатализованными, *e* (еканье) отмечено исключительно перед палатализованными согласными и притом весьма редко.

Отражение *e* перед лабиализованными согласными: р'акá, на м'ахáх, б'ис'арá, б'адá, пр'ин'аслá, пл'алá, ст'аклá, т'аплó, с'алó, с'арпóm, за с'аннóј, в'аснóј, с'алó, б'арут, в'арнóлса, в л'асу́, ув'азу́, па сн'агу́, с'арпы́, р'ашы́м, тр'ашшы́т и т. п.

Отражение *e*, как *a* перед палатализованными согласными: на с'ер'ад'йн'е, п'ар'ину, пр'ив'ад'й, л'ат'йт, д'ар'эвн'а, на ст'ап'е, б'ар'óm, пл'ат'óш, р'ав'óш, пат'ар'áла и т. п.

Случаи еканья перед палатализованными согласными: пшен'й-са, д'ев'йса, в'ел'йка, згр'еб'й, св'ет'йл'ну, даш'ер'ám, п'екч'й, н'е б'ер'ót.

Таким образом, в обследованном районе известно не только аканье, но яканье и частично еканье. В этом отношении бухтарминские говоры представляют любопытное явление среди сибирских говоров, так как по свидетельству А. М. Селищева,¹ якающие говоры в Сибири весьма редки среди типичных северно-великорусских говоров. Н. К. Рамзевич² приводит некоторые данные по аканью северно-великорусских говоров из Змеиногорского уезда, не указывая точно места; может быть, эти данные относятся и к Бухтарме.

Второй и третий предударные слоги также подвергаются действию закона аканья, так, например, зарегистрированы следующие случаи произношения *a* на месте *o*: пат'ар'áла, саб'ар'óш, палат'эенса, в лапат'е́, палав'иш'к'й, патств'áт, даш'ер'ám, с малан'jáм'и; но рядом возможно произношение *e*, как *e*, по преимуществу перед палатализованными согласными: вр'ем'анá, на с'ер'ад'йн'е, н'е б'ар'ót и т. п. и в единичных случаях перед твердыми: н'е магу́.

В заударных слогах также наблюдается отражение аканья на месте *o* (старого и нового), как например: кáртач'к'у, шап'ш'óнаш'к'а, пó ваду, стóраны. На месте же *e* в заударных слогах отмечено сохранение этимологических гласных: дóш'ен'к'а, платóш'иш'ек и т. п. Редуцированные же гласные, обычно наблюдаемые в говорах, знающих в той или иной мере аканье, в бухтарминских говорах отсутствуют.

Таким образом, бухтарминские говоры, при наличии в них элементов аканья в соединении с рядом северно-великорусских

¹ Оп. cit., стр. 13.

² Русск. филол. вест., 1914, № 1—2, стр. 32—34.

черт, можно рассматривать как говоры средне-великорусские, т. е. говоры северно-великорусские по своей основе, но воспринявшие от соседних южно-великорусских говоров аканье.

Источником, откуда могло бы просачиваться на Бухтарму аканье, являются говоры соседних ульбинских и убинских „поляков“, с которыми „каменщики“ должны были вступить в языковое общение уже с конца XVIII столетия. Вследствие непосредственного соседства и ряда весьма многих общих интересов как духовного (религия), так и материального порядка, за период несколько бóльший, чем 150 лет (1765—1927 гг.), южно-великорусские акающие говоры „поляков“ передали отдельные элементы этого явления северно-великорусским говорам „каменщиков“. Другого источника, оказавшего влияние на развитие аканья у бухтарминцев, указать нельзя, так как, как отмечалось уже выше, влияние говоров поздних переселенцев началось совсем недавно (15—20 лет тому назад).

Если признать говор „поляков“ за источник аканья для бухтарминских говоров, то можно установить любопытное языковое явление, имеющее методологическое значение при изучении любых смешанных и переходных говоров. Данное явление может служить иллюстрацией к процессу проникновения аканья в северно-великорусскую среду из акающих говоров на протяжении 150 лет при почти полном отсутствии влияния города, школы, отхожих промыслов и военной службы — факторов, являющихся проводниками элементов аканья. Таким образом, в данных условиях период в 150 лет оказывается до некоторой степени достаточным для усвоения аканья. При этом следует отметить, что отношения между представителями акающей и акающей языковой среды не были особенно интенсивны, так как и та, и другая среда не приходила в постоянный и тесный контакт ввиду географических условий края. На этом материале лишний раз можно проследить последовательность проникновения особенностей южно-великорусских говоров в северно-великорусские, именно, первым проникает аканье.

Кроме указанных элементов аканья, в бухтарминских говорах не наблюдается других более или менее ярких диалектизмов, проникших из южно-великорусской среды. Остальные особенности вокализма в говоре „каменщиков“, не являясь ярко выраженными северными, в то же время не идут в разрез с северно-великорусским вокализмом. Так, звук *a* между палатализованными

согласными под ударением частично переходит в *e* (зап'ѣс'је), но чаще *a* сохраняется в данном положении: ап'ат', д'ад'а, гр'ас' и т. п.

Звук *e* перед твердыми согласными переходит в *o*, как обычно в говорах, знающих аканье, только в ударенном положении.

Типичного для большей части северно-великорусских говоров перехода *e* из древнего *ѣ* в звук *и* в бухтарминских говорах не наблюдается. Что же касается произношения глагола „ѣсть“ и различных его форм, то его на Бухтарме весьма часто можно встретить в виде: јис'т'. Это явление отмечено в ряде говоров, в настоящее время вовсе незнающих перехода *e* в *и*. То же отмечается и для сибирских говоров А. М. Селищевым: „в передаче «ѣсти» все великорусские говоры Сибири, с запада до далеких окраин на северо-востоке, имеют и: јисти или јис'“.¹

Согласные. В области согласных звуков бухтарминские говоры в значительной мере сохраняют те северно-великорусские черты, которые характеризуют типично северные говоры.

Прежде всего, следует отметить постоянное и строго проведенное произношение звука *ɤ*, как звука взрывного, в глухом положении дающего звук *к*. Длительное (фрикативное) *ɤ* — на Бухтарме крайняя редкость; даже в тех случаях, где такое *ɤ* возможно в северно-великорусских говорах, т. е. в словах церковного происхождения, в кержацких говорах его не имеется. В противоположность бухтарминским говорам, говоры старообрядцев „поляков“ на Ульбе и Убе, знают *ɤ* фрикативное.²

Звук *в* произносится как лабио-дентальный, в глухом положении дающий звук *ф*: двароф, сталоф, кароф, лафка, нафстр'ѣч'у и т. п.

Как в большинстве сибирских говоров, в говоре бухтарминских старообрядцев не наблюдается одной из важных черт северно-великорусского консонантизма — цоканья.³ Мена *ц* и *ч* вовсе неизвестна на Бухтарме. Лишь в одном слове *цало*, *цолашка* (= устье печи), отмечено произношение *ц* вместо этимологического *ч*. Подобное произношение данного слова в говорах, незнающих цоканья, отмечает и А. М. Селищев, указывающий, что такая форма распространена повсеместно в Сибири, и на

¹ Op. cit., стр. 22.

² Селищев. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920, стр. 32 и материалы А. Н. Белослюдова.

³ Ср. Селищев. Op. cit., стр. 50.

западе и на востоке, и свойственна также всему северу России, включая и некогдашние северно-великорусские говоры.¹

Тем не менее, несмотря на отсутствие мены звуков *ц* и *ч*, на Бухтарме известно другое изменение этих звуков, довольно широко распространенное среди некогдашних говоров северо-востока Европейской части Союза и во многих местах Сибири. На Бухтарме звук *ц* звучит как *с*, т. е. аффриката *ц* теряет свой взрывной компонент. Обычны такие случаи: *кúр'иса*, *д'ев'йса*, *вдав'йса*, *маст'ар'йса*, *сёркв'и*, *руб'ёс*, на *у́л'ису*, *ма́сл'исам* и т. п. Слово *челó*, имея обычную форму *с ц*, изредка произносится с начальным *с* вместо *ц* (*салó*), что указывает на довольно древнюю форму *цалó*, сложившуюся ранее перехода *ц* в *с*.

В говорах Сибири, по указанию А. М. Селищева,² сильно распространено *с* вместо *ц*; между прочим, это явление отмечено в Кокчетавском уезде, в Томской (Змеиногорский, Каинский и Томский уезды), Енисейской и Иркутской губерниях.

Звук *ч*, не изменяясь в *ц*, также редко сохраняется без изменения. В большинстве случаев аффриката *ч* произносится без начального взрывного компонента и звучит, как палатализованное *ш*: *кл'уш'й*, *д'ев'иш'иј*, *палав'иш'к'й*, *ш'орна*, *ш'ужóва*, *игóлаш'ку*, *кр'уш'ош'к'и*, *пáл'ш'ик'и*, *ш'áј*, *двóр'ш'ик*, *кусóш'ик*, *јáйш'к'и*, *дóш'ен'к'а*, *платóш'иш'ек*, *шапш'óнаш'к'а*. В единичных случаях *ш* звучит и на месте этимологического *с*, под влиянием ассимиляции с соседним слогом: *с'иш'áш*.

Наряду с изменением *ч* в *ш*, отмечены случаи и сохранения этимологического *ч*. Установить какую-либо закономерность в чередовании *ч* : *ш* не удалось и со стороны фонетической, и со стороны бытования того или иного произношения, так как рядом произносят *ч* и *ш* одни и те же лица, независимо от пола и возраста, и в одних и тех же словах может быть *ч* и может быть *ш*.

По сообщению А. М. Селищева, *ш* вместо *ч* известно также в русском говоре „ясачных“ с. Баяндай, Верхоленского уезда: *шашка* (чашка), *шетыре*.³ „Сюсюканье“, по замечанию П. К. Рамзевича, сразу бросается в глаза в Змеиногорском уезде Томской губернии.⁴ Для русских говоров северо-востока Европейской части Союза это явление известно довольно широко,

¹ Op. cit., стр. 54.

² Op. cit., стр. 50.

³ Op. cit., стр. 49.

⁴ Русск. филол. вест., 1914, № 1—2, стр. 33.

например, в Камышловском уезде Пермской губернии, Яранском уезде Вятской губернии и др. Произношение $ч = ш$ обычно наблюдается, как явление, сопутствующее произношению $ц$, как $с$.

Звук $щ$ произносится как долгое твердое $ш$: *ја́шшык, та́шшыт* и т. п. Остальные шипящие, $ж$ и $ш$ (восходящее к общеславянскому $ш$, а не поздний рефлекс $ч$) в бухтарминских говорах отвердели, подобно звуку $щ$. Таким образом, из шипящих мягко произносится $ч$, если оно сохраняется, и $ш$, получившееся в результате ослабления взрывной части звука $ч$. Повидимому, звук $ч$ обладал и обладает в бухтарминских говорах сильной палатализованностью, так как в тех случаях, где его можно обнаружить в прошлом, там наблюдается палатализация. Только что указано палатализованное $ш$ из $ч$, в то время, как обычно $ш$ произносится твердо. Кроме того, отмечено произношение звука $щ$, как долгое палатализованное $ш$ в слове *в'аш'ш'а*, являющимся стяженной сравнительной степенью с типичным северным окончанием *ае* от прилагательного „вёский“; здесь из формы **в'есч'аје* (по типу *б'ел'аје*) путем перехода $ч$ в $ш$ и затем через дальнейшую ассимиляцию $с$ и $ш$ получилась современная бухтарминская форма *в'аш'ш'а*.

Звук $ц$, как указывалось выше, почти всегда звучит как непалатализованное. Точно также звук $ц$ в тех редких случаях, когда он не переходит в $с$, звучит твердо, подобно $с$. Палатализованное $ц$ отмечено только в очень ограниченной категории явлений, а именно — в тех случаях, когда он получился путем поздней контаминации рядом стоящих $т + с$, т. е. в формах неопределенного склонения в возвратной форме с окончанием *с'а*. В данном случае, путем контаминации двух палатализованных звуков получается палатализованная же аффриката, например: *мал'иц'ц'а, пад'н'ац'ц'а, купац'ц'а* и т. п.

Заднеязычные звуки в положении после $ј$ и палатализованных согласных подвергаются непереходному смягчению; так отмечено: *ма́л'ен'к'еј, то́л'к'а, пё́ш'к'а, ка́ртач'к'у, па́рач'к'у, ба́жн'и́ч'к'а, иго́лаш'к'у, мужен'к'а, св'ёжен'к'ева, па ден'г'ам* и т. п. Таким образом, в бухтарминских говорах отражение этого явления имеет широкое распространение, охватывая даже такие случаи, как *ка́ртач'к'у, п'ё́ш'к'а*, где палатализованные $ш$ и $ч$ оказывают смягчающее влияние.

Это явление, судя по сообщению А. Н. Белослюдова, вовсе неизвестно соседним алтайским „полякам“, которые даже сме-

ются над „расейскими“, слыша у них произношение с палатализованным *к*. В данном случае говоры „поляков“ примыкают вообще к сибирским говорам. По утверждению Д. К. Зеленина, посвятившего этому языковому явлению диссертацию, „Сибирь с Приуральем этой черты не знают, исключая небольших отрывков, куда мягкое *к* занесено переселенцами“.¹

Что касается происхождения данной черты в бухтарминских говорах, то едва ли следует считать мягкое *к* занесенным сюда переселенцами. Выше указывалось, что переселенческая волна в среднем и верхнем течениях Бухтармы заметно увеличивается только в 10-х годах XX столетия. Это срок довольно короткий для того, чтобы данное явление могло широко развиваться в бухтарминских говорах, притом сохраняя некоторые старые черты данного явления, как например, палатализацию *к* после *ч*. Д. К. Зеленин считает, что в поздних случаях занесения мягкого *к* смягчение после *ч* обычно отсутствует. Из говоров же „поляков“, наиболее влиявших в старое время на бухтарминские говоры, мягкое *к* проникнуть не могло, так как оно там отсутствует. Следовательно, не исключена возможность давнего появления этой палатализации у предков бухтарминского населения, когда они находились еще за Уралом, в пределах тогдашней Московской Руси, может быть где-нибудь в Приуральи, в Пермской, Вятской или Вологодской губерниях. Говоры этих мест и в настоящее время знают палатализацию *к*. Таким образом, мягкое *к* в бухтарминских говорах возможно считать довольно старой чертой их консонантизма, вынесенной из их европейской родины.

В бухтарминском говоре отмечен ряд великорусских ассимиляций. Сочетания *б + м = мм*: амман, аммо́у и др. Сочетания *ч + н = шн*: зашнút, пр'ивышны, м'эс'ашна и др. Типичная северно-великорусская ассимиляция *д + н = нн* встречается крайне редко: с'эво́н'н'и. Также возможно сохранение звука *в* в группе *б + в*, например: ав'еш'ш'алс'а пр'и́јехат'.

Произношение группы *сн* вместо этимологических *чн* наблюдается обычно в слове *молосный*, что весьма характерно для многих сибирских говоров.²

¹ Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных. СПб. 1913, стр. 360.

² Селищев. Op. cit., стр. 55.

Спорадически отмечена палатализация *л* перед следующим палатализованным согласным: мал'ш'й (постоянно) — Белая, Коробиха, мал'ш'ком — Коробиха, патсól'н'й'к'и (= подсолнухи, постоянно) — Коробиха, м'ел'ешн'йк (= мелочник, мелочной торговец, разносчик) — Белая. Эта мелкая черта свойственна многим сибирским говорам. Между прочим, А. М. Селищев указывает, что „в большинстве (если не во всех) великорусских говорах старожилого населения Сибири находится *л'* в словах мол'чет' (мол'чат'), мол'чи... Известны, по всей вероятности, и некоторые другие сочетания с *л'*“.¹ Обычно, для смягчения *л* в материалах по северно-великорусским говорам отмечаются только различные формы слова молчать; в наших материалах эти примеры несколько расширяются случаями патсól'н'й'к'и и м'ел'ешн'йк. Смягчение *л* в данных говорах могло возникнуть под влиянием следующего палатализованного согласного.

МОРФОЛОГИЯ

Склонение. Формальный строй бухтарминского говора в основных чертах является северно-великорусским, хотя имеет некоторые отступления от северно-великорусского типа. В частности, склонение имен существительных не имеет распространенного во многих северных говорах смешения родительного и дательного (=местного) падежей единственного числа в основах женского рода на *а*. Обычно, родительный падеж имеет окончания *-ы*, *-и*, дательный (=местный) — *е*. Это же окончание в дательном и местном падежах наблюдается и в основах на *й* женского рода, вместо древнего *и*, например: г дач'ар'е, на памач'е, ф п'еч'ал'е, на лашад'е и т. п.

В именах мужского рода в местном падеже единственного числа наблюдается окончание *у* несколько чаще, чем в литературном языке, так, например, употребительны такие формы: ф т'ем даму, высóкава рóсту и др.

В родительном падеже множественного числа доминирующей флексией является *-ов* не только в существительных мужского рода с древними основами на *о* и *и*, но и в основах мужского рода на *й* и *йо* (например: грузд'óф, кан'óф), в основах женского рода на *а* и *ја* (йзбаф, клун'аф), в основах среднего рода

¹ Op. cit., стр. 48.

на *о* (облакаф, при именительном падеже единственного числа — облака).

Дательный и творительный падежи множественного числа смешиваются, но непостоянно, отмечены только единичные случаи этого смешения.

Слова с окончанием на *-ко* склоняются по основам на *о* среднего рода, как почти везде в северно-великорусских говорах (например, с парн'йшком и т. п.).

Собирательные формы, весьма типичные для северно-великорусских говоров, в бухтарминских говорах весьма часты: туй'яс'ја, паг'од'ја (погода), сус'ед'ја и т. п.

Употребление и образование членных имен прилагательных имеет определенные северно-великорусские черты. Именительный падеж единственного числа мужского рода обычно имеет окончание *ој*, иногда *ај* в силу аканья: д'обрај, кр'эпкај. Родительный падеж единственного числа мужского и среднего рода имеет окончание *-ово* (= *ова*). Весьма часты стяженные формы прилагательных: б'элы марк'и шыпка, ја друг'у пад'ам, т'оплы с'ен'и, ч'ајна пас'уда, халш'ова л'адна шыт', т'есава кр'ыша, ја стар'инна наш'у и др.

Сравнительная степень прилагательных имеет типичные северные окончания *-аја*, или в стяженной форме *-а*: паскар'а, паб'ед'н'а, лафч'аја и др. Кроме того, отмечена форма от нового слова: ја мас'т'ер'эј т'еб'а (= лучшая мастерица, чем ты). Превосходная степень, кроме обычных окончаний, известных и в литературной речи, имеет форму на *ущий*, например: высак'ушша и др.

В области местоимений, как на одну из наиболее ярких и характерных особенностей говора, следует указать употребление в творительном падеже множественного числа формы с окончанием *-мя*: им'а, т'ем'а, фс'ем'а и т. п.

Подобное окончание (имя), по указанию А. М. Селищева, известно повсюду в Сибири.¹

Местоимение *что* обычно имеет форму *чо*: кад'а ч'о м'ојут; адур'эл'и, в'идна, ч'о л'и? ты ч'о, д'эфка? ч'о в д'ом'е б'ыла и т. п. Это местоимение употребляется сравнительно редко, чаще оно заменяется формой *кто*, особенно в косвенных падежах, например: а с'ев'од'н'и ана кав'о д'элат? кав'о ш'још? (ответ: рубаху);

¹ Op. cit., стр. 98.

никаво н'е кладут на бажнич'ку; с кем ј'ес'т'-та, с маслам ч'о-ли? ты каво робиш? эта каво с'тир'ат'; ф кем мукú ун'есу; эта крук (гончарный), на кем гаршкú д'елаш; н'е знају кем нал'ит' квасу; у т'еб'а хто бал'ит'-та и т. п.

Как указывает А. М. Селищев, формы хто, каво — употребляются во многих говорах Сибири и в значении „что“, „чего“. То же известно и в говоре „семейских“.¹ Наши материалы, кроме указанных форм, дают также форму кем, вместо чем.

В склонении числительных можно указать употребление множественного числа вместо единственного в творительном падеже, в числительных, склоняющихся по основам на *i*, например: д'ес'ат'м'и гадám'и; ана стар'еј јејé шес'т'им'и гадám'и и т. п.

Числительное порядковое *один* в соединении с десятками весьма часто заменяется прилагательным — лишний, например: на вопрос „сколько лет тебе?“ — могут ответить: „дваццат' л'ишнај ид'от“ (= 21-ый).

Спряжение. Глагольные формы имеют многие типичные северно-великорусские черты. Так, третье лицо единственного и множественного числа в настоящем времени постоянно имеет окончание *т*: ид'от, б'уд'ет, р'ав'от, б'аг'ут, б'ар'ут и т. п.

Формы настоящего времени глаголов III спряжения, имеющие суффикс — *а* — обычно знают стяжение: знám, сн'имáш, зајигám, назывáща, пазвал'ат, знат, бывáт, патств'а́т, хватáт и т. п.

Неопределенное наклонение в глаголах с основой на заднеязычный согласный имеет типичные северно-великорусские формы: исп'екч'и, абалакч'и и т. п.

Многие причастия настоящего времени сохраняют древнерусские формы, например: карóва пахад'ач'аја (= много ходящая), т'ебá хто тут н'е в'идывал стáт'чи (= стоящую) и т. п.

Из отдельных глагольных образований обращают внимание формы: сял, сясти, которые, по утверждению А. М. Селищева, встречаются повсюду в Сибири.²

СИНТАКСИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Как на одну из наиболее характерных синтаксических черт бухтарминского говора следует указать на широкое распространение безличных оборотов, например: ано хто эта у т'еб'а с'е-

¹ Op. cit., стр. 102.

² Op. cit., стр. 112.

во́н'н'и (спрашивают про больную руку); а́нó уже фс'ó в д'ер'эвн'е изв'эсна; окна-та по́лы, а́нó студ'а́нó и т. п.

Подобно северно-великорусским говорам, бухтарминские знают довольно широкое употребление постпозитивного члена, но в противоположность многим архаическим говорам, сохраняющим несколько падежных форм этого члена, бухтарминские говоры употребляют его лишь в именительном и винительном (=именит.) падежах: гд'е у м'ен'а́ пр'ут-ат, во́ск-ат, двóр-ат, м'ешóк-ат, к'уст-ат, ф-праз'н'ик-ат, пажáр-ад был, ба́ба-та и т. п. Эта черта, повидимому, является характерной для Сибири, так как, по указанию А. М. Селищева, „во всех великорусских говорах Сибири в большей или меньшей степени употребительны членные формы“.¹

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор особенностей бухтарминских говоров показывает, что они являются по своему происхождению северно-великорусскими, и далекие предки современных носителей этого говора должны были принадлежать к северно-русской группе восточных славян. Все типичные северно-великорусские языковые черты, как восходящие к глубокой старине, так несколько более поздние, имеют место в бухтарминских говорах. К таким обще-северно-великорусским чертам, наблюдаемым и на Бухтарме, следует отнести хотя бы такие явления, как лежащее в основе вокализма оканье, лишь позднее частично нарушенное, звук *z* взрывной, *v* лабио-дентальное, нарушение чистого произношения звуков *ч* и *ц*, *т* без палатализации в глагольных окончаниях.

На этом обще-северно-великорусском фоне намечаются специфические местные сибирские явления. Несомненным следует считать, что эти говоры в прошлом были в значительной мере близки по общему типу к говорам Западной Сибири. Попутно, выше, при описании и анализе отдельных языковых явлений, указывались некоторые аналогии с сибирскими северно-великорусскими говорами. Такими чертами, общими с другими сибирскими говорами на Бухтарме, являются — произношение звука *ц* как *с*, местоименные формы *имя*, местоимение *кто* в значении *что* и ряд некоторых, еще более мелких, черт. Если эти

¹ Ор. cit., стр. 104.

типично-сибирские черты, имеющие значительную территорию распространения, сопоставить с говорами основной древней русской территории, то там для этих говоров можно найти некоторые аналогии. При ближайшем анализе северно-великорусских говоров и сопоставлении их с сибирскими русскими говорами, можно отметить, что наиболее близкими к сибирским по общему строю и наиболее ярким чертам являются говоры востока и северо-востока Европейской части Союза, т. е. говоры Приуралья, Вятской и Пермской губерний. Несколько дальше стоят уже говоры Вологодской губернии, и еще дальше северо-западные говоры, имеющие общее с сибирскими лишь то, что вообще характеризует северно-великорусскую основу.

Особенно много общего с сибирскими говорами обнаруживают Пермские. Так, во многих уездах (Шадринский, Соликамский, Ирбитский, Красноуфимский, Верхотурский, б. Екатеринбургский, Пермский)¹ звук *ц* произносится как *с*, при отсутствии мены *ц* и *ч*. Также часто произношение *ч*, как *ти* или *ш* (Соликамский, б. Екатеринбургский).²

По мнению академика А. И. Соболевского, говоры Пермской губернии весьма близки к вятским и вологодским говорам.³

Академик А. И. Соболевский при анализе пермских говоров выделяет целую группу нецокающих говоров, знающих взамен цоканья произношение *ц* = *с*, причем эту не цоккающую, а скорее „сокающую“ группу он считает наиболее древней из русских говоров на Пермской территории.⁴ Если принять в соображение указанное мнение А. И. Соболевского, то можно считать, что современные сибирские говоры и, в частности, интересующие нас бухтарминские, носят в себе черты, наиболее характерные для древнейших русских говоров Приуралья, и являются как бы потомками первых поселенцев Урала, которые, придя в предгорья Урала, частью осели в этом районе, частью перешли за Урал и двинулись по необъятным просторам Западной Сибири, докатившись в конце XVII или в самом начале XVIII века, между прочим, и в алтайские пред-

¹ А. И. Соболевский. Заметки в области русской диалектологии. Русск. филол. вест., 1906, № 3—4, стр. 218—234.

² Соболевский. *Op. cit.*, стр. 218—234.

³ *Op. cit.*, стр. 218—234.

⁴ *Op. cit.*, стр. 226.

горья, на самую джунгарскую границу. Эти выходы из европейского Приуралья унесли главнейшие языковые черты со своей родины в слабо населенную Сибирь, где в первое время поселения не приходилось общаться с представителями иных восточно-славянских говоров (южно-великорусских, белорусских, украинских), и в значительной мере сохранили диалектизмы своего последнего европейского места пребывания, причем эти диалектизмы должны восходить к довольно раннему времени. По мнению А. М. Селищева „русские говоры Сибири, оторвавшись от ближайших говоров Европейской России, начали свою жизнь с тем запасом звуков, форм и лексики, какой был свойственен говорам их метрополии в XVI и XVII вв.“¹

Таким образом, возникновение некоторых языковых явлений, общих пермским и сибирским говорам, может дать некоторые критерии для установления древности некоторых из этих черт, и детальное, а также „сравнительное изучение говоров Сибири и Европейской России прольет свет на состояние тех или иных русских диалектов в XVI и XVII вв. С другой стороны, такое изучение укажет, какие языковые процессы были пережиты русскими поселенцами в Сибири в течение последних 200—300 лет“.²

Бухтарминские говоры, оказавшись на окраине русской территории в силу ряда выше указанных условий, могли хорошо сохранить языковое наследие, вынесенное ими из-за Урала, но вместе с тем они развили некоторые новые черты уже на новом месте. К этим новым чертам следует отнести аканье со всеми его следствиями. Аканье в общей массе не является типичным для сибирских говоров и наблюдается в Сибири на северновеликорусской почве лишь изредка. Эту черту северновеликорусские говоры не могли вынести со своей европейской родины и, по мнению А. М. Селищева, они „развили аканье только здесь, в Сибири, под влиянием соседних акающих говоров“.³ Как указывалось выше, аканье в бухтарминских говорах могло развиваться под влиянием говоров „поляков“, с которыми „каменщики“ были в довольно близких взаимоотношениях. Повидому, элементы аканья на Бухтарму могли, между прочим,

¹ *Op. cit.*, стр. 5.

² А. М. Селищев. *Op. cit.*, стр. 5.

³ *Op. cit.*, стр. 10.

занести женщины, которых брали замуж из „поляцких“ селений, так как у „каменщиков“, сложившихся из беглого люда, вообще было мало женщин, и скорее всего женщины могли попадать на Бухтарму от родственников по религии „поляков“.

Таким образом, говоры бухтарминских „каменщиков“, в основе своей являются северно-великорусскими с рядом черт, характерных для северо-восточных говоров Европейской части Союза (главным образом б. Пермской губернии). На южном Алтае эти говоры, хорошо сохраняя свою северо-восточную основу, восприняли несколько новых черт под влиянием ближайших южно-великорусских говоров.

Это предположение о северо-восточном (вятско-пермском) происхождении значительной части предков современных бухтарминских „каменщиков“ подтверждается не только языковым материалом, но и рядом фактов из области материальной культуры, о чем неоднократно указывалось попутно в предыдущих статьях настоящего сборника.

ОБРАЗЦЫ БУХТАРМИНСКОГО ГОВОРА

Д. БЕЛАЯ

Разговор со старухой, родом из д. Белой

Л'уд'и в'ет' скáзывајут, ты вот экава там жыв'ош. Н'ан'к'а, дај мн'е мáс'л'иш'к'а. Хтó жевó знат. С'јез'д'ил'и нá памач', анó уже фс'ó в д'ер'евн'е изв'есна, нам и гр'епт'ит. С с'емнáцат'и гадóч'каф эк-та на см'еху; јесл'и бы ат'ес павóл'к'и н'е дал, ана бы н'е б'егала взат' фп'ер'óт. См'еху-та скóл'к'а была. Пр'и мáт'ер'и нáч'ал'и вóл'ку вы'бирáт', дажив'ут да сáмава н'эл'з'а. Ф свајасы атп'рáвилас. Он с нáм'и свајицá. Ат'ес јејó матáт, каг бы пастрáшшáл, анá н'е аб'есст'ужылас бы; жыла бы па пут'е, так абалакáл'и бы. Ат'ес миравóлит, јему н'е ст'ыдна, а нáм-та д'ад'јáм да т'óткам. — У р'еб'óнка аднá галавá балтáцца, н'ету т'ушы-та, нáда бы ап'инацá нá наг'и. — Д'уху н'икавó н'е паса-бл'áт, жыг' так нáда рабóтат' ч'о-н'ибут'. Кавó срóб'ила, д'ен'-ат зд'ес' жыв'óт, нóч'ју тудá ујд'óт.

Д. ПЕЧИ

Разговор с девушкой из д. Печи

На ав'эш'ках жыв'óт шерс', вот и тк'ош из јејé. Пастóј-ка, скал'к'и-кр'ушнај узóр? Ф сэнтр нáшу апајáску ув'азут. Галавá

тр'ашшы́т. Я н'икал'и н'е сымывалас'. В ла́фку на́да ит'и́т', каво куп'и́т' там. Густо́је жив'о́т малако́ у каро́ф. За́фтра т'ал'е́га буд'ет пра́ста. Н'икаво́ же́нск'их до́ма н'ету́-ка; же́нск'и-та в ба́н'е, а муск'и́ в ызб'е́. Никаво́ н'е магла́ адго́ит'. Э́тат страшно́ј, ја т'еб'е́ баско́ј пакажу́, то́т пабасч'е́је бу́д'ет. Ча́йна пасу́да с ру́ш'еш'кам'и. У нас ш'ашку́ набл'уда́јут. У нас шес' быко́ф то́л'к'а, фс'ем даш'ер'а́м о́ддал'и па быку́ ф пр'и́данаја. Када чо́ мо́јут, на р'еш'к'у пр'ино́с'ат, про́луб'и гд'е на с'ер'ад'и́н'е, ру́б'ат гд'е-каво́. Ту́ч'и паста́јанна марач'а́т, а дажжа́ н'е быва́т. Ат р'ак'и́ туман. — Рашшыта́цца на́да с ым'а́. Ру́скаја п'еш'к'а из гл'и́ны зб'и́та. У нас баско́ крыл'со́.

Д. ЯЗОВАЯ

Разговор со старухой, родом из д. Язовой

Вы каво́ д'эла́јет'е ф падва́л'е. Да каво́ игра́т' ф падва́л'е-та, на што? Ја т'е да́м чо́! пашо́л-т'е ис падва́ла. — Талсты́ да бал'шы́ иго́лк'и, халшо́ва ла́дна шы́т', ушк'и́ бал'шы́. — Т'еп'е́р' ав'еш'ак-та д'ес'атак, адна́ка, је́ст'. — Каро́вы заб'ежа́ли за па-ското́ину, пабал'и́ стага́, мы и н'е ра́ды. Сухо́ј наго́ј тута-ка да́јдо́т'е. Э́х, пр'ежде́ јагадак-та бы́ла, прије́деш к кусту́ к'и́слицы, он как м'едв'едо́к стаи́т чо́рнај, у нас в'е́т к'и́слица чо́рнаја, н'е кра́снаја. Саб'ира́ли и ва́ривал'и с мо́дам. Сва́р'иш в'ед'орка тр'и и ку́шаш. Так'и́ пасу́дины изла́жены; к'и́слицу сушат, з'имо́ј в гаршо́к наклад'о́ш, распáриш — ф ша́н'ешк'и. Ко́рач'к'у растр'ап'и́ш, да палóжыш, так и п'иражо́к. Ран'ша́ ду́ха н'е паха́ли, н'е с'е́јал'и на касаго́рах.

Д. ФЫКАЛКА

Разговор со старухой, родом из д. Фыкалки

Э́тат зд'эла́лса па́р'ен' камун'и́стам, а д'е́т уб'ежы́т ф па́секу нач'ива́т', так мы са страху́ сто́ја спа́ли. Та́мака с'ен'ни́ч'ок был, э́та с'ена вал'и́ли пад н'ис, штоба сн'ега́м н'е вал'и́ла. З'д'ес' клу́н'аф так'и́х н'ету́, вон э́нта клу́н'а, тут хл'е́п то́пч'ут, па с'у сто́рану заплóт. Там ко́н'ич'ја пав'е́т'. Хл'еб-ат во́лглај, гд'еш́ јево́ в р'и́гу сад'и́т', он за́пр'е́т, јево́ јис'т' та как? Ф ст'ужу́ малóт'им, вы́тр'асáт луш'ш'е, в малат'а́гах л'екше малат'и́т'. З'има́ дасп'е́цца, сн'ек пад'о́т, ра́н'е шы́пка дажжы́ бы́ли, а сн'ег-ат 12 ш'ат'в'ер'т'е́ј был, а вот нон' ма́л'ен'кај был сн'ек, ны́н'ш'е с'уха, хл'еб-ат харо́шај па ја́саку, а на трахту́ зга́р'ел. З'д'ес'а

абоща н'е рад'ицца, вым'ерзат, з за́гавн'а пашо́л ин'еј, спасы́ фс'е с ин'ејам'и. Мала-ма́лишка са́дим. Патруд'и́т'ес', пагл'а-д'и́т'е, адна́ка, јес'т' за́пан; над'ет' јево́ н'еб'еш'ш'осна. Лу́к-ат аскр'абáла. Гр'епт'и́цца, груз'д'о́ф хо́цца пајис'т'. — Пат'ар'áла кабы́ла жыр'еб'онка ф табун'е́, там јес'т' јешшо́ ланша́к, р'ешат кыргызы и э́тава, нада бы патрач'ка́. Муш дв'е б'ил'иза́цыји адбывáл. Не ат нас э́тат бу́з нач'áлс'а.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ

Словарь бухтарминских старообрядцев в значительной степени близок к общесибирскому словарю, а также к словарю вятско-пермского края. В приводимый ниже словарь включены слова, наиболее характерные для всех деревень обследованного района. Специальные термины по отдельным элементам культуры не приводятся в систематическом порядке, так как они помещены в соответствующих главах выше.

Адамова голова — растение из семейства сложноцветных.

Арышом — много, гурьбой: а́ргышом, черно́ валит их (пчел); (из казакского языка).

Байдаки́ — нетели.

Ба́ло, -а — орудие для гнутья полозьев и дуг.

Баской, -а́я, -о́е — хороший, красивый.

Бериáл, -а — горнозаводский рабочий.

Бериáльство, -а — горнозаводская работа.

Бе́режь, -и — осторожность.

Бестолку́ша, -и — бестолковый.

Бра́тишний, -ая, -ое — кержацкий, старообрядческий.

Брoвь, -и — карниз над окном.

Бро́шенка, -и — разведенная жена.

Буз, а — восстание, гражданская война.

Бу́згать, -аю — мешать, размешивать (масло).

Буру́ха, -и — кличка бурой лошади или коровы.

Бусéна, -ы — серая корова.

Бу́сый, -ая, -ое — серый.

Бурча́ть, -чу — вялить (мясо).

Вадня́, -и — уход за ребенком: какая у нас (в деревне) вадня.

Вдру́горядь — в другой раз.

Верхошй́вка, -и — вышивание по канве.

Верхо́вка, -и — дорога для езды верхом.

Ве́ршня, -и — верховая езда: на вершнях = верхом.

Ве́рька, -и — веревка.

Ве́шнин, -а, -о — весенний: ве́шнина маро́за не баи́цца лук.

Ве́яльник, -а — место, где веют хлеб.

Вея́нка, -и — веялка.

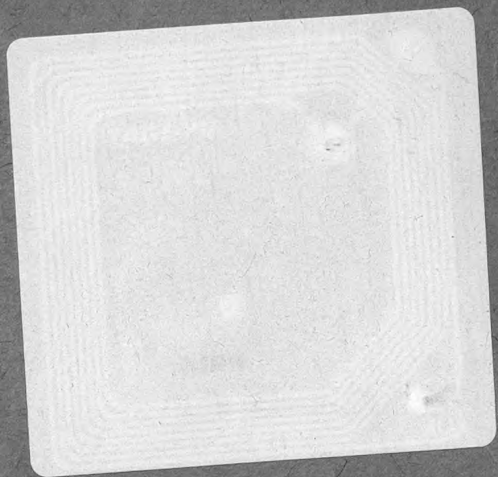
- Взды́няться* — подниматься.
Взрве́ть — вскричать: взревел в акно́.
Вилю́чий, -ая, -ее — вертлявый (о ребенке).
Вме́стный, -ая, -ое — общий: вместеные дети (в противоположность сводным).
Водово́дик, -а — проводник.
Во́лный, -ая, -ое — влажный: хлеб-от волглай, где ж ево в ригу садить, он запрет, ево исть-та как.
Волоки́, -ов — примитивный экипаж для перевозки.
Воротня́ — инструмент железный, конец желобиной, для долбления бадей.
Вра́ниса, -ы — сплетни: враниса пошла.
Галуне́ц, -ица́ — кружева.
Глубе́ника, -и — клубника.
Глу́здать, -даю — бродить.
Гне́дха, -и — кличка гнедой лошади или коровы.
Гнуси́на, -ы — мыши.
Годови́шный, -ая, -ое — годовалый.
Горбчик, -а — узкий, длинный ящик около печки.
Голы́мый, -ая, -ое — настоящий: галимы кержа́ки; галимый дух киргизский.
Го́льный, -ая, -ое — чистый: го́льный мед, а не пиво.
Го́рничный, -ая, -ое — находящийся в горнице: горничная кровать.
Городьба́, -ь — прясло, изгородь.
Гра́бельки, -ек — крюк, приспособление у косы для косьбы хлеба.
Гребёлка, -и — гребенка.
Гре́дь, -и — сгребание (сена): гредь там есть (сено убирать).
Дивно́ — много: дивно время = давно.
Долже́я, -и́ — отверстие в улье.
Дома́шность, -и — дом: живут на заимке, а домашность есть здесь.
Дружки́, -о́в — пара ниток в основе: пояс на 25 дружков (пар).
Дужный, -ая, -ое — пригодный для дуг: дужный сад.
Дурме́нь, -я — осот.
Дурь, -и — гной.
Дух, -а — обычно с отрицанием = нисколько: взат', фп'ер'от паром, духу не стаит; духу ни пасаблят.
Душной, -а́я, -о́е — сильно пахнувший: он (лук) душно́й, а мы ево трэскам.
Езда́к, а́ — ездок.
Е́женка, -и — езда: только всего и еженки вашей.
Ема́н, -а — козел: польско́й ема́н = дикий козел.
Ерыха́ть, -ха́ю — качаться: стол-от ерыхат.
Ёслиф — если.
Жарки́ — цветы купавки.
Жёнски — женщины.
Живо́й, -ая, -ое — целый: у тебя бисер ещо живо́й? У нас стекло (= в окне) живое живёт.
Жить, -у — быть, существовать: на Белой ненастье мене живёт; на овечках шерсть живёт; густое живёт молоко у коров; где же Марья живёт у нас; река (Белая) больша́я живёт; снег - от живёт у вас?
Жи́шка, -и — грубая овечья шерсть.
Жу́лькнуть, -у — ушибить, стукнуть (ребенка).

- Забóка*, -и — лес на болотистом берегу реки.
Завождéнье, -я — заведение (про хозяйство): заимка, завождéнье большо.
Завóзня, -и — помещение для экипажей.
За́городь, -и — изгородь.
За́дори, -и — пространство на печи по обе стороны от чувала.
Зала́вочник, -а — полавочник.
Зало́м, -а — внутренний запор.
Замóчик, -а — узел: завязала в замóчик (= узлом).
Запа́с, -а — провиант, который берут на работу в поле.
Запашíстый, -ая, -ое — сильно пахну́щий.
Запрéк, -а — запрет.
Запротéить, -ею — изобрести.
Зимóвка, -и — охотничья избушка в лесу или на пашне.
Зíмусь — зимой.
Зачекова́ть, -кюю — вставить чеку.
Индия́, индéй, индию́хи, индия́та — индюшки.
Каёмушек, -а — кайма.
Калава́нка, -и — глиняная низкая посуда, расширяющаяся кверху.
Калава́ночка, -и — маленькая калаванка.
Кáлега, -и — грязь: едакая калега под ногам-то.
Камóд, -а — шкаф для посуды.
Камя́ннóй, -ая, -ое — каменистый (камянное место).
Канапéль, -и — деревянный диван.
Кара́гуш, -а — хищная птица, из вида беркутов.
Кара́лечка, -и — печенье из теста.
Кедра́ч, -а́ — кедровый лес.
Киво́тка, -и — божница.
Кидь, -и — количество снега, выпавшее за сутки.
Кло́пик, -а — сборка: кло́пиками шьешь.
Клу́ня, -и — помещение для молотьбы.
Клюка́, -и — кочерга.
Коза́, -ы — железная решетка, употребляемая при лучении рыбы.
Коми́ться — делаться комом: бьешь, а тут ком масла ками́цца.
Копоть, -и — пыль.
Кормову́шка, -и — кормушка для пчел.
Коры́чико, -а — корытце.
Косма́ч, -а́ — с открытой головой: космачом спиш, снимаеш шашмуру; надень платок, чо космачом ходишь.
Кошо́вка, -и — плетеный кузов.
Кре́сла, ел — приспособление для перевозки снопов на дровнях.
Крѳь льца́ — плечи: крыльца устали ве́дры носить.
Ку́колка, -и — шов с буфами.
Куня́н, -а — высокий, узкий глиняный сосуд.
Кури́лка, -и — дымарь.
Курча́та, -т — куры.
Ла́ун, лау́нчик, лау́нище — большая бондарная посуда для пива.
Ланско́й — прошлогодний: там есть ланской кани́шка; энта ланской петух; ланской год.

- Лістовка*, -и — клин в одежде.
Липу́чки, ек — репейник.
Листва́я, -а́ — лиственничный лес.
Лови́ться — причаливать плот.
Лы́ва, -ы — лужа.
Матерёшка, -и — мать.
Ма́тка, -и — матица.
Медведкі́, -о́в — двухколесный экипаж для возки леса.
Моги́льник, -а — кладбище.
Могу́та, -ы́ — сила: сила, могута у нево есть, а по́спеху нет.
Моги́тный, -ая, ое — сильный: две лошади могутных.
Мокру́ха, -и — мокрая погода.
Мо́рдочка, -и — плетеный кружок, надеваемый на морду лошадям.
Мо́рок, -а — облако: белок за теми мараками.
Морочи́ть — тучи постоянны марачат, а дожда не бывает.
Мулькі́, -ов — рыбёшка.
Му́торно — тошно.
Мяку́шка, -и — хлеб из пшеничной муки.
Навали́ться — умереть: Пашка навалища хочет.
Нада́в, -а — давление.
Назви́ще, -а — название.
Назём, -а — навоз.
Назовь, -и — название: назови никакой нету.
Нарука́вники, -ов — передник с рукавами.
Нато́порень, -ня — кожаный футляр для топора.
Натыка́ть, аю — наталкивать, направлять: кто вас к нам натыкал? он натыкал ее в Катон ехать.
Неви́шный, -ая, -ое — слепой.
Недо́тка, -и — сеть.
Несла́вный, -ая, -ое — плохой: куда нас таких неславных сылать.
Ну́жный, -ая, -ое — больной, слабый зверь (т. е. марал).
Обзада́титься — дать задаток жениху: абзадатися, што жить с им век.
Одново́лоска, -и — сетка из конского волоса, вытканная в один волос.
Оплáвина, -ы — лавина.
Опу́шка, -и — оборка (у полога).
Ортик, -а — поперечина, к которой прикрепляются постромки для пристяжной.
Осотли́вый, -ая, -ое — заросший осотом (осотливая земля).
Осто́жье, -я — место для складыванья кладей хлеба.
Отломі́ть — открыть запор.
Отрѣ́в, -а — утес.
Отхо́дка, -и — жена, ушедшая от мужа.
Охлы́нуть — остыть.
Ошейник, -а — воротник у одежды.
Па́далик, -а — пшеница, выросшая из палого зерна.
Па́жик, -а — английская булавка.
Па́йба, -ы — берестяной ящик.
Палени́на, -ы — паленая курица, свинья: палянины сердце не переносит (катарр желудка).

- Пáрный, -ая, -ое* — одинаковый (узор, ткань).
Пелёговать — немного соображать, читать.
Переться — ехать: перся ва весь мах; вас хто припер.
Пирóвка, -и — пирушка.
Пихтáч, -á — пихтовый лес.
Пихтóнный, -а — пихтовый лес.
Плаук, -á — сплавщик плотов.
Плúца, -ы — ковш для муки.
Погребúшка, -и — погреб.
Подлúзок, -а — жердь, соединяющая переднюю и заднюю подушки телеги.
Подполóзок, -а — железная полоса, набитая на деревянный полоз.
Подúшка, -и — обрубок дерева, соединяющий оглобли волоков.
Подъя́мник, -а — сруб для погребá.
Покáт (воды), -а — течение.
Покóн, -а — заведение: пакону этава не была.
Полусáнки — сани с кузовом из жести.
Полусóток, -а — полсотни: к полусотку подвигается.
Польскóй, -áя, óе — дикий, лесной (польскóй еман).
Поматрусúть — поморосить: дождь поматрусил.
Порождéнка, -и — уроженка.
Портíще, -а — полотнище.
Послухмáнный, -ая, -ое — послушный.
Потайнóй уток — при тканье, когда невидно утка.
Пóчва, -ы — подошва обуви.
Пóшеври — сани с деревянным кузовом.
Пратíтельно — противно.
Прíпоромок, -а — сходни к парому.
Прíставка, -и — кокетка у одежды.
Пристéн, -а — часть постройки, строения.
Пристúп, -а — ремень, к которому прикреплены стремена.
Притóр, -а — крутяк, скалистый обрыв над рекой.
Прихрýпать, -паю — сломать (прихрýпать телегу).
Простóй, -ая, -ое — пустой: лошадь праста ушла; телега завтра будет праста.
Пря́нишник, -а — мальва.
Пунцовóе — яркокрасный ситец или шерстяная ткань.
Пяло, -а — распялка для шкур.
Пятры — чердак.
Разволóчься — раздеться.
Расквелítь — рассердить, раздражить ребенка.
Расколáчиваться — разбиваться: расколáчивается новый поселок.
Рассéйка, -и — женщина из среды переселенцев.
Ревéть — кричать: каво ревьшь.
Репеёчек, -а — узор в виде пересекающихся ромбов.
Репéй, -я — лопух.
Решётня, -и — сетка для решета.
Рудожёлтый, -ая, -ое — оранжевый.
Рукомóйка, -и — рукомойник.
Рукотёрт, -а — полотенце.

- Ручья*, -и — маленькая шайка.
Рыжанка, -и — кличка рыжей лошади.
Саврасуха, -и — кличка саврасой лошади.
Сад, -а — 1) горшок с цветами; 2) маральник.
Салок, -а — маленький плот; (из казакского языка).
Самоуком — самоучкой.
Сбёчка, -и — кадка для сбивания масла.
Свар, -а — мазь из дегтя, прикладываемая к нарывам.
Сведенник, -а — сводный брат.
Свойтсья — родниться: ани и не сваяцца, што бабушка радна; он с нами
сваяцца.
Сгйбом — согнувшись: ходил сгибом до 12 лет.
Сёленка, -и — сеяльница, употребляемая при просеивании муки.
Сёнки — сени.
Серникі, -ов — спички.
Сернїлка, -и — чернильница, пузырек с чернилами.
Серяночка, -и — спичка.
Скать — раскатывать тесто.
Сплóток, -а — часть плота.
Стать — течь, кровь ссит из пенька (рогов марала).
Становїна, -ы — нижняя часть женской рубахи.
Старопрэжний, -яя, -ее — старинный.
Створный, -ая, -ое — створчатый: створные двери.
Стенó, -а — бедро.
Стїночка, -и — тень: сiju под стиночкой.
Стамичёк, -а — печной столб.
Створы — медные литые иконы.
Стўпью — шагом.
Стя, -а — жердь, палка.
Сўдинка, -и — большая шайка.
Сумїна, -ы — кожаная переметная сума.
Сутўнок, -а — бревно.
Схвátцы — металлическая застежка у ворота рубахи.
Сьёмщик, -а — фотограф.
Сырчик, -а — мороженый творог со сметаной.
Табáчник, -а — курящий.
Тáмо-ка — там.
Тарачок, -а — плетеный или вязанный шнурок.
Тáски — приспособление из жердей для перевозки тяжестей.
Толковяный, -ая, -ое — толковый.
Тончáвый, -ая, -ое — тощий: тончавые овсы.
Тóпь, -и — количество глины, истоптанное для горшков: одну топь изладила
на 2 корчаги.
Трастїть — скучать: дакуль ты будешь пра ево трастїть.
Тўяс, -а — 1) высокий долбленный сосуд с ушками; 2) высокая берестяная
посуда без ушков, с крышкой, имеющей дужку.
Увóлка, -и — отпуск.
Угóить — испачкать: ели мяса, скатерть угоили.

Цена 10 руб.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КНИГОХРАНИЛИЩЕ АКАДЕМИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ
Ленинград, 34, В. О., Таможенный пер., 2. Тел. 555-78